

Е. А. Мельникова

Древняя Русь и Скандинавия

Избранные труды

Университет Дмитрия Пожарского

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Е. А. Мельникова

**Древняя Русь
и Скандинавия**
Избранные труды

Под редакцией Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон

Университет Дмитрия Пожарского
Москва 2011

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of World History

DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

Elena A. Melnikova

**Old Rus’
and Scandinavia
Selected Papers**

Edited by Galina V. Glazyrina and Tatjana N. Jackson

Dmitriy Pozharskiy University
Moscow 2011

Е. А. Мельникова
Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4
М48

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Издание подготовлено в рамках работы над проектом «Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза (Компаративное исследование)» программы секции истории ОИФН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» и проектом «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Е. А. Мельникова. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под
М48 ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — 476 с.

ISBN 978-5-91244-073-1

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к юбилею доктора исторических наук, заведующего центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН Елены Александровны Мельниковой. В сборник вошли статьи, написанные Е.А. Мельниковой индивидуально и в соавторстве с В.Я. Петрухиным и Т.А. Пушкиной. Статьи организованы в четыре тематических раздела, освещающих процессы образования ранних государств в Северной и Северо-Восточной Европе и роль скандинавов в образовании Древнерусского государства; происхождение названия «русь» и формирование династии Рюриковичей; роль скандинавов в жизни Древнерусского государства; место Древней Руси на международных путях.

Для историков, филологов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, для исследователей истории Древней Руси.

© Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., составление, 2011

© Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, текст, 2011

© Институт всеобщей истории РАН, 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

© Иванов Е.Г., дизайн макета, верстка, 2011

ISBN 978-5-91244-073-1

В оформлении обложки использован инициал Евангелия апракос (РГАДА. Ф. 381 (Син. тип.) № 7. Л. 162, XIII в., Новгород)

От редакторов

Тридцать три года разделяют выход в свет двух очень важных для отечественной исторической науки книг, имеющих одинаковое название: «Древняя Русь и Скандинавия». Более ранняя представляет собой издание архивных материалов погибшей во время Ленинградской блокады первой советской скандинавистки, Елены Александровны Рыдзевской¹. Этой публикацией фактически открывался ежегодник «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» — детище нашего учителя Владимира Терентьевича Пашуто. С самого основания созданного им в Институте истории СССР АН СССР Сектора научным сотрудником, бессменным помощником В. Т. Пашуто, а ныне и руководителем Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН — восприемника сектора В. Т. Пашуто — была и остается филолог и историк, англо-саксонист, скандинавист и русист Елена Александровна Мельникова, в чью честь подготовлен настоящий сборник.

В нарушение канонов такого жанра юбилейных сборников, как «Избранные труды» («Kleine Schriften», «Collected papers»), данное собрание статей осуществлено не самим автором, а ее коллегами и друзьями, осознающими «наступающее на статьи забвение»², непреходящую значимость произведений «малого жанра», созданных Е. А. Мельниковой на протяжении ее научной карьеры, и, наконец, целостность этого материала, содержащего глубокое изучение процессов становления государства на Руси и той роли, которую — «в качестве наемников-князей, воинов, купцов, дипломатов» — сыграли скандинавы «в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства»³.

Мы включили в сборник не только моно-статьи, но и работы, написанные Е. А. Мельниковой в соавторстве с В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной. Статьи организованы в четыре тематических раздела, освещающих процессы образования ранних государств в Северной и Северо-Восточной Европе и роль скандинавов в образовании Древнерусского государства; происхождение названия «русь» и формирование династии Рюриковичей; роль скандинавов в жизни Древнерусского государства; место Древней Руси на международных путях.

Хотим поблагодарить оказавших нам большую помощь в подготовке сборника к печати Т. В. Гимона, А. В. Подосинова и А. С. Щавелева.

Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Материалы и исследования // ДГ. 1978 год. М., 1978.

² Это меткое выражение использует А. Я. Гуревич в предисловии к своим избранным статьям: Гуревич А. Я. История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 5.

³ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Сканд. конф. М., 1968. Ч. I. С. 176–177.

Древняя Русь и Скандинавия в трудах Е. А. Мельниковой

Е. А. Мельникова — ведущий в отечественной науке и признанный мировым ученым сообществом исследователь русско-скандинавских отношений в раннесредневековый период. Путь к этой проблематике, включавшей вечный и «проклятый» вопрос российской истории — «варяжский вопрос», не был простым для начинающего ученого, увлеченного совсем иными и не менее замечательными темами. Как филолог Е. А. Мельникова занималась англо-саксонским эпосом — поражающим воображение творением раннесредневековой культуры; любимой темы она не оставила, ей была посвящена популярная книга «Меч и лира» (М., 1987). Выбор магистрального для научной жизни Е. А. Мельниковой направления был связан с актуальными потребностями отечественной исторической — и, шире, гуманитарной — науки, сформулированными в начале 1970-х гг. В. Т. Пашуто: для понимания русской истории нужно было знать «внешние» источники, специфику их языка — нужны были специалисты-филологи, которых стал приглашать В. Т. Пашуто для создания Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР».

Е. А. Мельниковой как скандинависту пришлось тогда заняться практически неведомой для отечественной историографии категорией памятников — руническими надписями. При обсуждении первых итогов исследования в нашем ученом мире не обошлось без недоумений. Лапидарные надписи меморативного или «бытового» характера не имели прямого отношения к кардинальным вопросам российской историографии и хронологически отстояли более чем на столетие от эпохи «призвания варягов». После издания книги «Скандинавские рунические надписи» — первого выпуска Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (М., 1977) — стало ясно, сколько новой информации содержит руническая эпиграфика: в надписях содержались уникальные данные по исторической ономастике, сведения о трансконтинентальных контактах, известия, характеризующие как макро-, так и микроисторию. Столь же очевидной стала необходимость комплексного — междисциплинарного — подхода к источникам: эпиграфика, данные саг, летописей и археологии оказывались часто в «дополнительном распределении» в отношении проблем, интересующих историка. Особую роль здесь играла археология, дающая все новые и обширные материалы, в том числе по рунической эпиграфике. Естественным стало тесное сотрудничество Е. А. Мельниковой с сообществом археологов — как с авторами новых находок рунических надписей, так и с коллективами, занимающимися проблематикой «норманнских» древностей: в первую очередь с участниками археологических семинаров Ленинградского университета (Г. С. Лебедев, И. В. Дубов и др.) и МГУ (Д. А. Авдусин, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина и др.).

Не менее значимым стало содружество со скандинавскими коллегами, как рунологам, так и археологам и историками, особенно когда отпали официозные препоны для совместной работы и возникли совместные проекты — инициатором многих из них стал шведский археолог Ингмар Янссон. В 1980 г. Е. А. Мельникову избрали членом Шведской академии.

Изучение древностей Восточной и Северной Европы в широком контексте привело Е. А. Мельникову и ее коллег к пониманию того, что традиционное отношение к русско-скандинавским связям как к одностороннему воздействию выходцев из Скандинавии на развитие Руси нуждается в пересмотре. Восточная и Северная Европа в раннем средневековье была единым этнокультурным регионом — массовый материал и лексические заимствования свидетельствуют об интенсивном взаимодействии «Востока» и «Севера». В 1980-е гг. появилась серия статей Е. А. Мельниковой (в том числе с соавторами), посвященных «восточным» влияниям в культуре раннесредневековой Скандинавии.

В последний период советской историографии (1980-е гг.) мыслящие историки интенсивно искали возможности новых подходов для решения «традиционных» проблем. Когда В. Т. Пашуто предложил издать перевод книги польского академика Х. Ловмянского «Русь и норманны» (польское издание вышло в 1959 г.), это было воспринято Е. А. Мельниковой с энтузиазмом, ибо издание предполагало комментарии и, стало быть, давало возможность продемонстрировать новые подходы и новые материалы по «старым» проблемам. Комментарии, отражавшие состояние норманнской проблемы на середину 1980-х гг., составили едва ли не половину русского издания книги Ловмянского: в них был затронут и запретный для официозной советской историографии вопрос о происхождении имени «русь». Тогда давние филологические реконструкции, возводящие это имя к обозначению «гребцов» — дружины, идущей в поход на гребных судах, обрели исторический контекст: археологический материал свидетельствовал, что лодки скандинавы использовали не только в прикладных целях — без них не обходился и погребальный обряд. Дружинное значение имени «русь» позволило правильно понять и ранние летописные тексты — с варяжскими князьями был призван не неизвестный скандинавский народ, а дружина. Жупел «реакционной норманнской теории» оставался, однако, самодовлеющим в официозной историографии: статья о названии «русь» несколько лет лежала в портфеле «Вопросов истории» и вышла лишь в 1989 г. Столь же сложной оказалась и судьба статьи о названии «варяг», отклоненной журналом «История СССР»: мне запомнилось заключение рецензента, обвинявшего авторов в том, что они доверились «топорной работе летописца». Статья увидела свет уже в постсоветский период в журнале «Славяноведение» (1994 г.).

Тем временем Е. А. Мельникова продолжала работу над «Сводом», которую ей пришлось возглавить после смерти В. Т. Пашуто: в 1986 г. вышел ее очередной авторский выпуск, посвященный древнескандинавским географи-

ческим сочинениям. Интерес Е. А. Мельниковой к исторической географии не был и не мог быть сугубо прикладным — информация об окраине мира, содержащаяся в ранних географических сочинениях, предполагала не просто соотнесение с современными картами: необходимо было учитывать «образ мира», ту сложившуюся в ментальности людей средневековья модель, которая оказалась в центре внимания «новой» исторической науки второй половины XX в. В 1990 г. Е. А. Мельникова защитила докторскую диссертацию «Представления о Земле в общественной мысли Западной и Восточной Европы в средние века», а в 1998 г. опубликовала книгу «Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века».

Так формировалось перспективное направление в источниковедении, рассматривающее источники сквозь призму «общественной мысли» средневековья; это относилось и к проблемам начальной русской истории, в том числе к феномену «призвания варягов». В работах 1990-х – 2000-х гг. развиваются и обосновываются на сравнительном европейском материале идеи о договорных отношениях — «ряде» между племенными образованиями севера Восточной Европы и дружинами скандинавской «руси», который отразился в летописной легенде о призвании варягов. Место этих «дружинных» структур и отношений в типологии раннесредневековых государств — еще одна важная тема, разрабатываемая Е. А. Мельниковой.

Развитие направления, порывающего с антинорманистскими стереотипами номенклатурной науки и опирающегося на междисциплинарное исследование и углубленное понимание источников, не могло не вызвать раздражения пребывающих у власти адептов этих стереотипов. В этой среде были сделаны попытки реанимации донаучных стереотипов в духе средневекового «Сказания о князьях Владимирских», возводящих Рюрика к родичу самого Августа Прусу, кабинетных этимологий М. В. Ломоносова и С. А. Геденова, соотносящих Пруссию и Русь, вагров и варягов и т. п.: в основе «методики» этих опусов, естественно, оказывается не «образ мира», а «образ врага». Попытка возрождения застарелых историографических схем встретила достойную отповедь Е. А. Мельниковой и ее коллег. Полемика новых «антинорманистов» с оппонентами сводилась к попыткам ошельмовать их и к использованию традиционных номенклатурных методов — Сектор истории древнейших государств вынужден был под давлением А. Н. Сахарова покинуть Институт российской истории. Новый выпуск «Свода», посвященный корпусу рунических надписей, Е. А. Мельникова издала в 2001 г. уже под грифом не только Института российской истории, но и под грифом приютившего сектор Института всеобщей истории, возглавляемого А. О. Чубарьяном, где традиции комплексного источниковедения были продолжены, где ежегодно проводятся Чтения памяти В. Т. Пашуто («Восточная Европа в древности и средневековье»). Под редакцией Е. А. Мельниковой продолжается и издание ежегодников «Древнейшие

государства Восточной Европы», без которых немислимо развитие отечественной медиевистики.

Новый этап развития судьбоносной для Е. А. Мельниковой темы «Древняя Русь и Скандинавия» требует новых усилий по расширению источниковой базы: многое было сделано в книге «Скандинавские рунические надписи — новые находки и интерпретации», включающей анализ граффити на монетах и предметах из раскопок. Но вещи с граффити — лишь малая часть огромного корпуса находок предметов скандинавского происхождения, обнаруженных от Прибалтики до Западной Сибири. Е. А. Мельникова стала инициатором подготовки свода скандинавских древностей в Восточной Европе. Это колоссальное предприятие требует немалых средств и усилий большого числа специалистов, авторов раскопок, музейных работников, разобщенных в пределах новых политических образований, однако авторитет и энергия Елены Александровны позволяют надеяться на успех и дальнейшие научные свершения.

В. Я. Петрухин

Часть I

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Е. А. Мельникова

К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)

Проблемы перехода от родового к классовому обществу, от племенной организации к государственной приобрели в мировой науке новое освещение в 1960–1970-е гг., когда они стали одним из основных предметов социальной антропологии¹. Исследования обществ, переживавших переход к классовому строю, европейских (средиземноморских в гомеровский период и германских в первые века н. э.) и неевропейских (африканских, индейских, полинезийских в XIX–XX вв.) позволили выделить некоторые универсалии, определить последовательные этапы процесса и создать типологию социальных и политических структур переходного периода.

Не прошли эти вопросы мимо внимания и отечественных исследователей. Острые дискуссии 1960-х гг. о путях возникновения государства и его характере на ранних этапах² заложили основы для дальнейшего и более систематического изучения пред- и раннегосударственных образований отечественными историками, политологами, философами. Особенно большой вклад был внесен этнологами, широко опиравшимися на международную историографию и существенно продвинувшими общетеоретическую разработку проблемы³.

Однако в конкретно-исторических исследованиях, прежде всего в области изучения Древнерусского государства, продолжает довлеть схема, выработанная в 1930–1950-е гг. на основе ленинской интерпретации марксистской теории классов и государства. Жесткая формационная схема и понимание государства как репрессивной в первую очередь структуры привели к невозможности адекватно охарактеризовать социально-политический строй доклассовых обществ в Восточной и Северной Европе, типологическое сходство развития которых

¹ См.: Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М., 1979; Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroll and R. Cohen. L.; N.Y., 1973; Handbook of Social and Cultural Anthropology / J. Honigmann. Chicago, 1973; Encyclopedia of Anthropology / D.E. Hunter and Ph. Whitten. N.Y.; L., 1976.

² Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974; и др.

³ См.: От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.

неоднократно отмечалось в отечественной литературе⁴. Отсюда в значительной степени проистекает чрезвычайно широкий временной диапазон (от VIII до XIII в.), к которому различные исследователи относят образование Древнерусского и древнескандинавских государств. Если исходить из бытующего в отечественной историографии определения государства как аппарата для подавления большинства в интересах меньшинства, то, действительно, более обоснованными выглядят «поздние» датировки, которые учитывают наличие оформившихся классов и крупного частного землевладения — одного из основных показателей феодализма. Вместе с тем у большинства исследователей не вызывает сомнения существование в этих регионах по меньшей мере в X–XI вв. государственных образований, относимых ими к «раннеклассовым», «раннефеодальным», «варварским».

Другим результатом последовательного применения сложившейся в советской историографии концепции было установление прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство. В рамках этой концепции государство может возникнуть лишь тогда, когда сложилось или по меньшей мере формируется классовое общество; оно не может существовать вне рабовладельческой или феодальной, т.е. первой классовой, формации. Поскольку государства последующего времени в восточнославянском, германском, скандинавском регионах являются феодальными, то элементы феодализма, по мнению большинства исследователей, должны проявляться с момента зарождения государственности. Сам же период, предшествовавший образованию феодального государства, обозначается как «варварский», «дофеодальный», «предфеодальный», «полупатриархально-полуфеодальный» — терминами, которые, как справедливо отметил Л. В. Черепнин, не несут позитивного содержания и не дают сущностной характеристики периода⁵.

Даже выделение особого «переходного» периода между первобытнообщинным и феодальным строем у славян вызывало возражения, поскольку это означало бы признание существования межформационных периодов⁶. Переходные стадии, согласно Л. В. Черепнину, «не меняют единства процесса общественного развития и не должны нарушать формационного принципа его

⁴ См., в частности: *Шаскольский И. П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 95–99; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Там же. С. 99–108.

⁵ *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А. П., Пащито В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 145.

⁶ См. историографию вопроса и обоснование существования такого периода: *Горский А. А.* О переходном периоде от доклассового общества к феодализму у восточных славян // СА. 1988. № 2. С. 116–131.

членения»⁷. Поэтому ради сохранения «чистоты» схемы переходные периоды должны включаться в какую-либо из формаций — в случае с Древнерусским государством в феодальную; ведь как бы ни определять государство, очевидно, что на Руси оно существует в конце IX, не говоря уже о X в. Более того, в конце X в. это единое, охватывающее огромную территорию государство — «империя Рюриковичей», которое не могло возникнуть в одночасье. И поэтому усилия многих историков 1960–1980-х гг. (Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто) были направлены на поиски следов феодальных отношений в X, IX вв. и даже ранее, чтобы обосновать феодальную сущность складывающегося государства.

Тем не менее убедительные результаты достигнуты не были. Признание определяющим признаком феодализма существование государственной или частновотчинной собственности на землю, ставящей непосредственного производителя в зависимость от собственника земли и позволяющей отчуждать прибавочный продукт методами внеэкономического принуждения, ставило непреодолимые препятствия. Л. В. Черепнин не мог не признать, что княжеское индивидуальное землевладение возникает во второй половине XI в., вотчина же — в XII в.⁸ (Этим же примерно временем, концом XI в., датирует появление княжеского домена в Новгородской земле В. Л. Янин⁹). Однако верховная государственная собственность на землю, по мнению Л. В. Черепнина, формируется гораздо раньше. Ее существование он прослеживает в X в., а А. А. Горский — уже с начала X в. в формах окняжения территорий племен, с которых в виде даней и собирается «феодальная рента»¹⁰.

Однако источники не дают никаких оснований говорить о том, что отчуждение прибавочного продукта в это время основывается на верховной собственности на землю. Ведь и в племенном обществе вождь, жрец и другие держатели определенных социальных статусов, в функции которых входило поддержание жизнедеятельности общества, имеют право на некую долю прибавочного продукта, сбор которого осуществляется принудительно и подчас в сходных формах, в том числе в форме полюбья.

Свидетельством того, что частная собственность на землю в X в. и в начале XI в. еще не сложилась, является, на мой взгляд, отсутствие земельных пожалований церкви, которая повсеместно была едва ли не первым получателем земельных дарений. Вероятно, неотчуждаемостью общинных земель (а не только византийскими традициями) можно объяснить, что до середины XI в. церковь существует лишь на десятину¹¹.

⁷ Черепнин Л. В. Спорные вопросы. С. 145.

⁸ Там же. С. 155, 157–159.

⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 241–249.

¹⁰ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 31–32.

¹¹ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 76–90.

«Окняжение» земель, т. е. присоединение к ядру Древнерусского государства новых территорий и распространение на них верховной власти киевского великого князя, отнюдь не означает одновременного и автоматического перехода к князю верховной собственности на землю, которая еще долгое время может оставаться собственностью племени. Один из начальных этапов этого длительного процесса, кажется, можно усмотреть в рассказе «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) под 975 г. об убийстве Люта Свенельдича¹².

Не несет в себе элементов ни феодализма, ни рабовладения и отчуждение прибавочного продукта как таковое, даже в относительно развитых и упорядоченных формах полюдья. Оно возникает при первобытнообщинном строе в связи с функциональной дифференциацией (выделение вождей, жрецов и др.) и укрепляется с возникновением социальной дифференциации общества. И потому сам факт его существования не может служить доказательством развития феодальных отношений.

Все это, как кажется, дает однозначный ответ и на вопрос о возникновении общественных классов. До сложения государственной собственности на землю (предполагая вслед за Л. В. Черепниным, что она формируется ранее индивидуальной), реализуемой — на ранних этапах — как коллективная собственность социальных верхов, социальные группы (страты, сословия) различаются по их отношению к продукту производства, но не к средству производства (к земле при феодализме), и в этом их принципиальное отличие от классов. Верховная власть уже при племенном строе обретает преимущественное право на перераспределение прибавочного продукта и его присвоение, отчуждая все большую его часть для собственного потребления. В современной терминологии это стратифицированное, но отнюдь не классовое общество. Лишь по мере становления частной собственности на землю социальная стратификация перерастает в классовую. Как показывают исследования, на Руси это происходит после середины XI в., в Дании — в XII в., в Швеции — в XII–XIII вв.

Не случайно именно середина XI – начало XII в. рассматриваются большинством историков как рубеж, после которого только и можно говорить о сколько-нибудь оформившихся феодальных отношениях на Руси. Предшествующее, с IX в., время Л. В. Черепнин выделяет как период «генезиса феодализма», но первые зародыши феодальных отношений реально прослеживаются им лишь с последних десятилетий X в.¹³ Единственным исключением, повторяю, является существование государства, что, собственно, и заставляет проецировать позднейшие явления на IX–X вв.

Но так ли необходимо обязательное отнесение ранних форм государства к определенной социально-экономической формации? Исходя из общеприня-

¹² Котляр Н. Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 147–154.

¹³ Черепнин Л. В. Спорные вопросы. С. 165.

того в отечественной историографии определения государства, о котором говорилось выше, безусловно да. Однако в современной международной науке понимание государства и его функций существенно иное. В отличие от В. И. Ленина, К. Маркс выдвигал на первый план не репрессивную функцию государства, вытекающую из его классового характера, а «выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества»¹⁴. Именно эта, организующая функция государства легла в основу его определения в социальной антропологии: государство рассматривается как система, обеспечивающая жизнедеятельность общества как единого политического организма. Отсюда основными признаками государства считаются: наличие отчужденной от народа власти, функции которой выполняются особой системой органов и учреждений; наличие права, закрепляющего систему норм, которые обеспечивают функционирование общества; наличие территории, на которую распространяется государственная власть. Государство, таким образом, понимается в первую очередь как институционально оформленная социально-политическая система, обеспечивающая функционирование общества¹⁵. К этим признакам подчас добавляется наличие постоянно функционирующей системы налогообложения¹⁶, что, впрочем, естественно вытекает из необходимости содержания институтов власти. Разумеется, указанные признаки отмечают уже сложившееся государство. В процессе его формирования они не обязательно развиваются синхронно и могут в различных исторических условиях изменять свое значение.

Изучение путей и предпосылок возникновения государства позволило выявить наиболее важные факторы, стимулировавшие этот процесс. Для «вторичных»¹⁷ государственных образований, к которым принадлежат и Древнерусское, и древнескандинавские, возникавшие в условиях контактов с более ранними и уже сложившимися государствами, их выделяется несколько. С одной стороны, это внутренние предпосылки, создаваемые производим хозяйством и ведущие в первую очередь к стратификации общества; с другой — внешние факторы, среди которых важнейшая роль отводится военной деятельности и торговле¹⁸. Как правило, признается необходимым сочетание внутренних и внешних условий, дополняющих друг друга. Было показано, что попытки объяснить развитие государственности в том или ином обществе лишь

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

¹⁵ Service E. R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N.Y., 1975. P. XII–XIII; см. также: Cohen R. Introduction // *Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution* / R. Cohen and E. R. Service. Philadelphia, 1978. P. 1–21.

¹⁶ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // *История первобытного общества*. С. 245–246.

¹⁷ Rice B. J. *Secondary State Formation: An Explanatory Model* // *Origins of the State*. P. 161–186.

¹⁸ Service E. R. *Classical and Modern Theories of the Origins of Government* // *Origins of the State*. P. 21–34.

каким-то одним фактором ведут к одностороннему преувеличению его роли и опровергаются сравнительным материалом, а также более глубоким изучением данного общества. Так, выдвижение внутреннего экономического развития как номинирующего условия для возникновения процессов образования государства входит в противоречие с существованием ряда обществ, где возможности увеличения прибавочного продукта не только не привели к становлению развитого стратифицированного общества и государства, но не использовались вообще, и общество ограничивалось простым воспроизводством. Повышенная военная активность — повсеместный спутник процессов образования государства — также не ведет автоматически к его возникновению¹⁹. Лишь совокупность различных факторов, как внутренних, так и внешних, создает необходимые условия для формирования государственных структур.

Процесс их становления, изученный этнологами и социоантропологами на материале большого числа древних и современных обществ, охватывает несколько этапов социально-политического развития от эгалитарного (первобытнообщинного) и ранжированного к стратифицированному и, наконец, классовому общественному устройству, каждому из которых соответствует определенная потестарно-политическая структура²⁰ от главы рода (общины) до государства.

Основным показателем социального развития общества служит степень функциональной дифференциации, возникающей значительно раньше социальной и имущественной²¹. Ее формирование определяет становление «ранжированного», по М. Фриду, или «племенного», по Э. Сервису, общества, которое характеризуется тем, что «число статусов повышенной ценности ограничено так, что далеко не все, обладающие способностью занимать данный статус, имеют его»²². Именно в рамках ранжированного общества зарождаются первые потестарные и потестарно-политические структуры.

Они основаны на двух организационных принципах: ранжировании индивидуальных статусов внутри местной общины и на регионально централизованной организации местных общин, ранее, в эгалитарном обществе — доминирующей социальной единицы. Внутриобщинная дифференциация, возникающая еще в эгалитарном обществе, в результате которой выделяется вождь, уступает место соподчиненности территориальных образований различного уровня:

¹⁹ *Carneiro R. L.* A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. CLXIX. N 3947. P. 733–738.

²⁰ *Fried M.* The Evolution of Political Society. N.Y., 1967; *Idem.* On the Evolution of Social Stratification and the State // *Culture in History. Essays in honour of P. Radin*. N.Y., 1960. P. 713–731; *Service E. R.* Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N.Y., 1971; *The Evolution of Social Systems / J. Friedman, M. J. Rowlands*. L., 1978.

²¹ *Черных Е. Н.* От доклассовых обществ к раннеклассовым // *От доклассовых обществ к раннеклассовым*. С. 250.

²² *Fried M.* The Evolution. P. 109.

местных, областных, региональных, которой соответствует иерархия вождей, местных, областных и т. д., которые каждый на своем уровне выполняют общие социальные, политические, экономические и религиозные функции, обеспечивающие жизнь общества. Права и обязанности вождей одного уровня идентичны, но расширяются в масштабах при переходе на следующий уровень — в отличие от государственной организации, где властные функции правителей различных уровней отличаются не столько количественно, сколько качественно²³. Общим для потестарно-политических структур ранжированного общества является то, что они возникают в процессе разложения эгалитарного строя на основе производящего хозяйства (земледелия и/или скотоводства). Они имеют своим назначением перераспределение избыточного продукта, поддержание экономических и социальных структур, сложившихся в обществе, организацию общественного труда (строительство укреплений, погребальных монументов, трудоемкие виды хозяйственной деятельности). Причем первому отводится основополагающая роль: доступ к перераспределению общественного продукта обеспечивает выделение и укрепление института вождей и формирование племенной аристократии, а создание системы перераспределения является основой для будущего формирования аппарата государственного управления. Поэтому формирование потестарно-политических структур находится в тесной связи с системой распределения и перераспределения общественного продукта²⁴. В ранжированном обществе политическое устройство отличается выделением центральной власти, обособленным от массы населения, стоящей над внутриобщинным управлением и сосредоточивающей выполнение перечисленных функций, в первую очередь контроль над распределением избыточного продукта.

Эти еще догосударственные потестарно-политические структуры получили в социальной антропологии наименование *chiefdom* «вожество»²⁵ в соответствии с их политическим устройством, в котором главную роль играет институт вождя. По определению Э. Сервиса, это «промежуточная форма, вырастающая из эгалитарного общества и предшествующая всем известным примитивным государствам». Она отличается централизованным управлением и наследственным иерархическим статусом. Политическая организация повсеместно представляет собой теократию, а форма подчинения власти приобретает вид религиозного подчинения жрецу-вождю²⁶. Такой политический строй, как показали исследования различных обществ, является универсальным, переживаемым

²³ Earle T. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom. Ann Arbor, 1978. P. 3.

²⁴ Service E. R. Origins. P. 74–75; Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies. Boston, 1968.

²⁵ Впервые термин был предложен К. Обергом (*Oberg K. Indian Tribes of Northern Matto Grosso*. Washington, 1953).

²⁶ Service E. R. Origins. P. 15–16.

всеми народами в период разложения родоплеменного строя, в том числе теми, которые впоследствии не создали государства. Он стадийно предшествует как рабовладельческим, так и феодальным государствам²⁷.

В рамках вождеств получение избыточного продукта достигалось тремя основными путями: увеличением производительности труда (наиболее трудоемкий и малоэффективный в ближайшей перспективе), участием в обмене и торговле, военной деятельностью. Очевидные преимущества последней, позволявшей — в случае удачи — максимально быстро и безболезненно с точки зрения общества-завоевателя наращивать прибавочный продукт, обусловили повсеместное возрастание военной активности при переходе от вождеств к государствам²⁸. Ведущее место войны дало основание Л. Моргану назвать ряд последовательных этапов, включая ранние государственные образования, эпохой военной демократии — термином, широко принятым в отечественной историографии, но неточным и ограниченным²⁹, что давно уже заставило отказаться от него как зарубежных исследователей, так и отечественных этнологов. Образовавшиеся уже в вождествах потестарные структуры носили по преимуществу военный характер: по функциональным истокам статус вождя предполагал в первую очередь руководство военной деятельностью — при существовании других элитарных статусов, старейшин, жрецов и др. Концентрация власти в руках вождей вела к еще большей «военизации» политических институтов, поскольку общество было ориентировано на военный способ добывания прибавочного продукта.

Формируясь в рамках единого этносоциального организма — племени, вождество имело тенденции к распространению и включению в свой состав других племен на основе конфедерации, завоевания или подчинения в форме обложения данью, что в любом случае сопровождалось значительным увеличением прибавочного продукта. В этих условиях неравенство социальных статусов в доступе к использованию и присвоению избыточного продукта вызывало нарастание социальной и имущественной (в дополнение к функциональной) дифференциации, закрепление которой в иерархии статусов характеризует следующий этап общественного развития — стратифицированное общество³⁰. Его важнейшими отличиями от предшествующего этапа были сложение дифференцированного контроля над экономикой и соответствующая дифференциро-

²⁷ Ibid.; см. также: *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology* / T. Earle. Cambridge, 1991.

²⁸ *Carneiro R. L. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion* // *Origins of the State*. P. 205–224; *Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности*. С. 212–216; *Turney-High H. Primitive War. Its Practice and Concepts*. Columbia Univ., 1971; *The Anthropology of War* / J. Haas. Cambridge, 1990.

²⁹ См.: *Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классового образования* // ВИ. 1968. № 12. С. 87–97.

³⁰ *Fried M. The Evolution*. P. 185–186.

ванность власти. В стратифицированном обществе происходит усложнение потестарных структур и их иерархизация, расширение и концентрация функций центральной власти. Все эти процессы в конечном результате приводят к формированию государства как социально-политической системы, регулирующей жизнедеятельность общества³¹. По словам М. Фрида, «раз существует стратификация, то предпосылки государственности уже созданы и действительное формирование государства уже началось»³².

При переходе к государственной организации общества резко возрастает роль центральной власти. Она сохраняет все основные функции предшествующего времени, но упорядочивает и дифференцирует их. Наряду с перераспределением возникает организованный сбор прибавочного продукта (в форме фиксированных даней). Важной функцией государства становится охрана складывающейся территории, на которую распространяется его власть.

Важнейшим явлением социального устройства общества становится выделение и обособление профессионального военного слоя, не связанного не только с общинной, но и с этнополитической (племенной) организацией. Расслоение внутри него ведет к образованию военной аристократии, частично сливающейся, частично теснящей родоплеменную знать, которая в силу ее связей с отдельными группировками внутри общества и вытекающих отсюда центробежных тенденций противостоит центральной власти³³.

Основной особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что его функции выполняются главным образом военной организацией — дружиной. Она образует органы управления центральной власти, еще примитивные и слабо расчлененные: осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение, частично через контроль над внешней торговлей; управление; выполняет чисто военные функции: подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану территории, на которую распространяется центральная власть, а также организацию походов, носящих как завоевательный, так и грабительский характер. Именно основополагающая роль дружины (или аналогичной ей военной организации) определяет особенности политического строя и потестарных структур, а также весь облик зарождающегося государства. Это дало основание ряду англо-американских социологов назвать такой тип государства «военным» (*military*), но представляется, что более уместным является его определение как «дружинного» государства.

³¹ Хазанов А. М. «Военная демократия».

³² Fried M. The Evolution. P. 185; см. также: *Idem*. The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First? // *Origins of the State*. P. 49–68.

³³ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности. С. 231–235; *Он же*. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982. С. 124–146.

Выраженная социальная стратификация общества, однако, не носит еще классового характера, она основывается по-прежнему на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства. В то же время способ производства включает различные уклады: патриархальный с родовыми и территориальными общинами, рабовладельческий (патриархальное рабство), зародыши феодального. Нерасчлененность различных укладов, представляющая многообразие возможностей дальнейшего развития, определяет отмеченный этнологами универсализм этой, древнейшей, формы государства, которую в разное время переживали все народы, образовавшие позднее как рабовладельческие, так и феодальные государства.

Таким образом, переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе — с государственным политическим устройством — является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы. Вместе с тем конкретные формы, в которых протекал этот переход в различных регионах мира, существенно разнились в первую очередь в зависимости от соотношения основных факторов, стимулировавших развитие общества: природных условий, определявших возможности интенсификации хозяйственной деятельности; воздействия более развитых обществ; перспективности внешней экспансии и вообще военной активности; условий для широкого обмена, а затем и крупномасштабной торговли.

В формировании ранних («варварских») германских государств, наряду с ростом производящего хозяйства, особая роль принадлежала войне. В ходе военных завоеваний в Галлии и Британии разрушались внутриобщинные связи, резко усиливалась имущественная и социальная дифференциация, усложнялись и крепили потестарные структуры, роль которых неуклонно возрастала³⁴. Немалое значение для германского общества имели и его непосредственные контакты с Римской империей: значительная часть территории, на которой в V–VII вв. возникали первые германские государственные образования, или входила в состав Римской империи (Северная Италия), или была романизирована.

Среди других германских народов, прежде всего северных, как принято считать ныне, война не играла столь значительной роли (хотя археологические материалы, например клады оружия, и указывают на высокую военную активность скандинавских племен). Практически отсутствует и влияние средиземноморской цивилизации к северу от римского лимеса³⁵. Однако уже с середины I тысячелетия до н. э. Ютландия вовлекается в постепенно нарастающий

³⁴ *Неусыхин А. И.* Военные союзы германских племен около начала н. э. // Уч. зап. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 1. С. 390–412.

³⁵ *Hedeager L.* A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the Limes (0–400 A.D.) and the Question of Roman-Germanic Exchange // *Studies in Scandinavian Prehistory and Early History*. Aarhus, 1978. Vol. I. P. 191–216.

по объему обмен с Центральной Европой, который длительное время носит престижный характер: в обмен на янтарь местная знать получает предметы роскоши — изделия из бронзы и, реже, золота, стекло и т. п. Усиление обмена и сложение более или менее устойчивых путей, по которым он осуществлялся, ведут к концентрации знати в узловых пунктах важнейших линий коммуникаций — области Гудме на о. Фюн, Стивнс на о. Зеландия, на юго-западном побережье Ютландии — и образованию в них специфических торгово-ремесленных поселений уже в IV–VI вв.: Луннеборг в Гудме, Данкирке и позднее Рибе в Юго-Западной Ютландии³⁶.

Показательно, что во всех случаях первоначально возникает не изолированное, не связанное с округой поселение с особыми функциями (торговой, ремесленной), являющееся резиденцией знати, а небольшая область, в которой характер деятельности населения отличен от окружающих территорий, в которой отмечается скопление знати (археологически выражающееся в наличии здесь элитных некрополей, кладов и т. п.) и в которой вырастает ряд взаимосвязанных поселений — одно из них впоследствии занимает в области ведущее место и становится протогородом. Находки в этих областях свидетельствуют, что в конце первой половины — середине I тысячелетия н. э. здесь сосредоточивается балтийская и североморская торговля с Центральной и Западной Европой. Они являются конечными пунктами и важнейшими местами перераспределения ценностей крупных торговых путей. И именно с исключительно интенсивной торговой деятельностью исследователи связывают быстрое становление древнедатского государства: предполагают, что уже в середине I тысячелетия н. э. на территории будущей Дании существует ряд мелких предгосударственных объединений³⁷.

Позднее, в VI в., в Восточной Балтике (на восточном побережье Швеции) образуется второй центр балтийской торговли, являвшийся новым завершением центрально- и западноевропейских магистралей, ранее оканчивавшихся на датских островах. Сложение этого отрезка пути знаменуется появлением поселения в Экеторпе на о. Эланд в V–VII вв., а затем становлением и расцветом торгово-ремесленных центров на оз. Меларен — Хельгё и Бирки³⁸. Одновременно здесь начинают и более активные процессы социально-политического развития.

Уже в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.) в Средней Швеции, Свеаланде, отмечается глубокая стратификация общества: выделение не только наследственного нобилитета, но и военного («дружинного») слоя, а также формирование

³⁶ Hedeager L. Fra stamme til stat — samfundsorganisation og förändring i Danmarks jernalder. København, 1988; Gudmeproblemer / H. Thrane. Odense, 1987.

³⁷ Fra stamme til stat. Høvdingesamfund og kongemagt. Højbjerg, 1991. B. 2; Jensen J. The Prehistory of Denmark. L., 1982; Hedeager L. Danernes Land: fra ca. år 200 f. Kr. — ca. 700 e. Kr. Copenhagen, 1988.

³⁸ Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985.

территориально-политических образований³⁹. Узловой регион в сети дальней торговли, Свеаланд, где практически отсутствуют следы средиземноморских влияний⁴⁰, а военная активность имеет ограниченный характер, претерпевает ускорение в своем социально-политическом развитии, приводящее к возникновению предгосударственных образований⁴¹.

Важно отметить, что возможности производящего хозяйства в Свеаланде, более высокие, нежели в других областях Швеции (Сконе в это время входит в сферу датского влияния), были тем не менее недостаточно велики, чтобы обеспечить интенсивное развитие региона⁴². Сельскохозяйственное производство предоставляло средства лишь для поддержания жизни местного населения. Однако природные ресурсы давали Свеаланду возможность участвовать в международной торговле. Главным предметом, позволившим местной знати включиться в систему балтийского и европейского обмена и торговли и, более того, притянуть к региону сеть коммуникаций, было железо. Большие запасы и высокое качество руды на севере Упланда делали Свеаланд основным поставщиком этого важнейшего сырья по меньшей мере для балтийского региона. «Железный путь» связывал север Свеаланда с оз. Меларен и служил основой для внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу⁴³.

Третьим регионом севера Европы, где процессы образования государства происходили во второй половине I тысячелетия н. э., был Северо-Запад Восточной Европы, примыкавший к Восточной Балтике. Согласно существующей историографической традиции, основанной по преимуществу на летописном описании ситуации в Северо-Западной Руси в середине — второй половине IX в. в так называемой легенде (а точнее — сказании) о призвании варягов, здесь в середине IX в. имеется межплеменное объединение, включающее словен, кривичей, чудь, мерю и, возможно, весь. Это объединение получило условное наименование «северной конфедерации племен» или «северного союза племен»⁴⁴. В. Т. Пашуто и И. П. Шаскольский характеризовали его как территориально-политическое предгосударственное образование («союз племен» или «союз племенных княжений»), возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен; оно возникло в борьбе с «северной опасностью» — набегами скандинавских викингов.

³⁹ *Lindkvist Th.* Plundering, skatter och den feodala statens framväxt. Uppsala, 1988.

⁴⁰ *Lund Hansen V.* Römischer Import im Norden. København, 1987.

⁴¹ *Arwidsson G.* Viking Society in Central Sweden. Traditions, Organization and Economy // *The Vikings. Proceedings of the Symposium.* Uppsala, 1978. P. 25–34.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Iron and Man in Prehistoric Sweden / H. Clarke.* Stockholm, 1979.

⁴⁴ *Пашуто В. Т.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // *Летописи и хроники.* 1973 г. М., 1974. С. 103–114; *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // *Становление раннефеодальных славянских государств.* Киев, 1972. С. 55–67.

Крайне скудные и в значительной степени спорные сведения, содержащиеся в ранних редакциях сказания, не дают возможности подробно охарактеризовать социальный строй, политическое устройство, экономические предпосылки возникновения этого образования, и оно и поныне остается в значительной степени загадочным. Особенно темны причины и пути его зарождения.

Хотя в отечественной исторической науке первостепенное (если не единственно важное) место в процессах образования государства отводилось внутреннему развитию общества — интенсивному производящему хозяйству, в данном случае ни один из исследователей «северной конфедерации» не пытался обосновать возникновение здесь очага государственности успехами экономического развития региона. И это вполне понятно. Местное финское население не знало ни скотоводства, ни земледелия, и производящее хозяйство было принесено сюда лишь в ходе славянской колонизации, незадолго до отмечаемого летописями существования «конфедерации». Природные особенности региона, климат, сильная лесистость, незначительное количество плодородных почв⁴⁵ отнюдь не способствовали интенсивному росту земледелия. И в более позднее время, в XII–XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока. Приток новопоселенцев, очевидно, указывает на то, что хозяйственные возможности региона были достаточны для поддержания их жизни, но быстрое социальное развитие общества требовало совершенно иного объема прибавочного продукта, причем получаемого регулярно и длительное время. Недостаток природных возможностей для значительного увеличения производства продуктов потребления обусловил низкую плотность населения не только в период славянской колонизации региона, но и много позднее⁴⁶. Лишь на некоторых участках концентрация населения была существенно выше средней, но причины этого явления, видимо, лежали не только и не столько в более благоприятных для земледелия условиях, хотя и они, бесспорно, играли определенную роль.

В свете новейших археологических материалов трудно согласиться и с тем, что основной причиной формирования «северной конфедерации» могла быть угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих вглубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить. Археологические

⁴⁵ Конецкий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. 1989. Вып. 3. С. 3–19; Кирьянов А. В. История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. М., 1959. № 65. С. 306–362.

⁴⁶ Жекулин В. С. Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. Всесоюз. географич. о-ва. 1972. № 1. С. 21–29.

данные скорее рисуют картину мирного сосуществования всех трех этнических групп⁴⁷.

Тем не менее, невзирая на скудность природных ресурсов, северо-западный регион действительно переживает быстрое развитие начиная с середины – конца VIII в. Важнейшей его приметой является возникновение с середины VIII в. ряда предгородских поселений торгово-ремесленного характера, причем таких крупных, как Старая Ладога. Более того, согласно общему мнению, здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию, населенную рядом этнически разнородных племен. Единственным крупномасштабным явлением в регионе, синхронным этим процессам, является формирование торгового пути, соединившего Балтику со странами Поволжья, Булгарией и Хазарией и Арабским халифатом через Неву, Ладогу и Волгу.

Роль Балтийско-Волжского пути как трансъевропейской магистрали и его значение для экономического развития Восточной Европы и Скандинавии, прежде всего в связи с распространением арабского серебра, отмечались и исследовались неоднократно⁴⁸. В теории В.О. Ключевского торговля в целом (в том числе и по Волжскому пути) рассматривалась как основополагающий фактор в развитии городов и «городовых областей» и тем самым как существенная предпосылка зарождения государственности на Руси⁴⁹. Однако советская историография отказалась от теории Ключевского, хотя констатация значения торговли для экономического развития общества является общим местом. Но конкретные механизмы этого влияния — особенно в период становления государственности — остаются малоизученными. Более того, традиционное и справедливое для более позднего времени отнесение торговли лишь к сфере экономики не позволяет выяснить в полном объеме ее место в жизни племенного и постплеменного общества, в том числе в социально-политических процессах на Северо-Западе Восточной Европы. Между тем очевидно, что проблема заслуживает значительно большего внимания как в конкретно-историческом, так и в более общем теоретическом плане.

Исследования К. Поляного и других представителей экономической антропологии существенно изменили и расширили представления о месте торговли в экономическом и социальном развитии ранних обществ и особенно

⁴⁷ *Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // JBS. 1982. Vol. XIII, N 3. P. 267–295.*

⁴⁸ *Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983; Виллинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 126–135; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Леонтьев А. Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 3–9.*

⁴⁹ *Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 143–150.*

обществ, переживающих переход от первобытнообщинного строя к государственному⁵⁰. Среди выводов, наиболее важных для рассматриваемых регионов, надо отметить следующие. Во-первых, имеются принципиальные различия в воздействии на общество разных форм обмена и торговли: внутренних, совершаемых в пределах замкнутой социальной системы, и внешних, между различными общественными коллективами (родами, племенами и племенными объединениями, ранними государствами). Наиболее интенсивное и разноплановое воздействие на развитие общества оказывают внешние обмен и торговля. При этом степень их влияния увеличивается при вовлечении большего числа обществ, особенно стоящих на разных ступенях развития. Во-вторых, в отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают лишь небольшую часть общества — формирующуюся знать — и практически не затрагивают более широкие слои населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулируют их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяют концентрировать богатства в руках тех его представителей, которые осуществляют контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества.

Однако далеко не во всех регионах мира и не во всех обществах торговля может рассматриваться как один из важных факторов социального и политического развития. Хотя обмен и торговля являются одним из повсеместно распространенных видов деятельности, лишь в отдельных регионах создавались условия для становления крупномасштабной дальней торговли, вовлекающей в сферу ее действия ряд обществ. Выше уже указывалось на первостепенную роль войны в становлении ранних германских государств Западной Европы и Англии, хотя все германские племена этого региона в той или иной степени были вовлечены в торговлю с Римской империей и между собой. Но эта форма деятельности не имела кардинального значения для их развития: крупные торговые магистрали (по Рейну, Роне и др.) складываются (или, существуя с римского времени, восстанавливаются) уже после формирования ранних германских государств. Принципиально иную роль обмен и торговля играли в становлении датского общества, включившегося в систему торговых связей Центральной Европы с бронзового века. Таким образом, этот вид деятельности

⁵⁰ Polanyi K. *Primitive, Archaic, and Modern Economies* / G. Dalton. Boston, 1968; *Trade and Market in the Early Empires* / K. Polanyi. Glencoe, 1957; Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 14–28.

мог служить предпосылкой для ускорения социально-политического развития лишь там, где в силу природных условий или иных причин устанавливались протяженные линии торговых коммуникаций и где, соответственно, в сфере торговли участвовал ряд политически невзаимосвязанных обществ.

Значение протяженных торговых путей далеко выходило за область торговли. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, сухопутную или водную, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т. д.⁵¹. Путь обрастал сложной системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени взаимодействующей с торговым путем, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в самой торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекая округу в сферу своего функционирования, т. е. играл консолидирующую роль. Путь дальней торговли, таким образом, представлял собой более или менее широкую зону, тяготеющую к нему.

В этой зоне протекание ряда экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и самого нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой — вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых ею поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах крупных торговых путей создавались благодаря этому предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связи с торговой магистралью.

Балтийско-Волжский путь возник не как самостоятельная магистраль, но как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. Пути из Центральной Европы и с побережья Северного моря сходились в Южной Ютландии и на датских островах, откуда начинался балтийский участок пути, достигший к VI–VII вв. Свеаланда. Существовавшие в предшествующую эпоху эпизодические контакты между

⁵¹ *Polanyi K. Ports of Trade in Early Societies // JEH. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; Idem. Trade, Market and Money in the European Early Middle Ages // NAR. 1978. Vol. II. P. 92–117.*

Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья⁵² создавали естественную почву для дальнейшего продвижения торгового пути в этом направлении. Становление Старой Ладogi исследователи справедливо связывают с ростом балтийской торговли, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные связи с Южной Ютландией, а через нее и с Фризией⁵³. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладogi — единственного предгородского центра на Северо-Западе Восточной Европы VIII – первой половины IX в. — говорит о том, что в это время Ладога была не просто одним из центров балтийской торговли, но узловым пунктом, завершавшим начинавшийся в Южной Ютландии балтийский отрезок крупнейшей торговой магистрали.

На протяжении IX в. освоение восточноевропейского отрезка пути с выходом на Волгу фиксируется возникновением торгово-ремесленных поселений и военных стоянок, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент⁵⁴. Практически все известные ныне поселения Северо-Запада IX в. располагаются на реках и озерах, образующих магистраль, или на ее ответвлениях; таковы Ладога, «Рюриково» Городище, Крутик у Белоозера, Сарское городище, позднее — древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское, Тимерево и др.

Чрезвычайно разветвленная речная сеть, допускавшая множество маршрутов на отдельных участках пути, способствовала формированию вокруг него особенно обширной зоны, захватывавшей земли вдоль Мсты и Мологи, Свири и Паши с выходами непосредственно на Верхнюю Волгу или на Белое озеро. Также разнообразны были и пути к западу от Ильменя: по Шелони, Великой, Чудскому озеру и др. Топография отдельных находок скандинавских древностей и изолированных комплексов на Северо-Западе согласуется с общим очертанием этой зоны.

Ее важной особенностью было то, что она включала территории ряда племен разной этнической принадлежности: финских (чуди, мери, веси) и славянских (кривичи, словене). Древнейшие торгово-ремесленные поселения вдоль этого пути располагаются на земле каждого из племен: Старая Ладога — в земле чуди, Псков — кривичей, «Рюриково» Городище — словен, Крутик — веси, Сарское городище — мери — и несут неоспоримые следы присутствия местного, финского или славянского, наряду со скандинавским, населения. Отмечая

⁵² *Ambrosiani B.* Das Mälargebiet und Baltikum während der Spätbronzezeit und der älteren Eisenzeit // *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum.* Stockholm, 1985. S. 61–66.

⁵³ Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 24–25; *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // *АСГЭ.* 1968. Вып. 10. С. 59–60.

⁵⁴ *Седов В. В.* Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // *ХП Сканд. конф.* М., 1993. Ч. 1. С. 104–106.

соотнесенность поселений с племенными территориями, исследователи в то же время не склонны считать их племенными центрами: на них отсутствуют признаки, характерные для последних, в частности, культовые комплексы, связанные с сакральными функциями племенных центров⁵⁵.

Эти особенности ранних поселений на Балтийско-Волжском пути — их расположение, указывающее на связь как с самим путем, так и с племенными территориями; полиэтничность; специфический характер, — как представляется, отражают отмеченные выше процессы, связанные с функционированием Балтийско-Волжского пути. Они возникают как стоянки для купцов и места торговли и обмена, которые притягивали к себе местную знать, заставляя ее сосредоточиваться в этих пунктах. Тем более что природные условия региона — наличие пушного зверя и ценных продуктов лесных промыслов, меда и воска — предоставляли племенному нобилитету реальную возможность участвовать в торговле.

Даже достаточно скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Реконструируемые социально-политические процессы происходили в дописьменную эпоху, для которой основным источником являются археологические данные, в целом малоинформативные в этом аспекте. Однако предположение о кардинальной роли для общественного развития племен, населявших зону крупномасштабной дальней торговли на восточноевропейском отрезке, как представляется, находит подтверждение в двух группах письменных источников. Во-первых, в скудных сообщениях древнерусских летописей, касающихся событий второй половины IX в. (в основном в сказании о призвании варягов). Во-вторых, в более подробных известиях в восходящих к источникам IX в. рассказах арабских писателей X в., в первую очередь в повествовании об «острове» (стране) русов у Ибн Русте (первая половина X в.) и дополненном по другим источникам переложении того же рассказа в «Худуд ал-Алам» (ок. 982 г.). Большинство исследователей традиционно считают, что «остров» (страну) русов следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень⁵⁶.

⁵⁵ Там же. С. 104, 105.

⁵⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и русах // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 402–403.

Как Ибн Русте и автор «Худуд ал-Алам», так и другие арабские авторы X в., повествующие о русах (в сообщении о трех видах русов — ал-Истахри и Ибн Хаукаль; о купцах-русах — ал-Факих и др.), обращают основное внимание на торговую деятельность населения этого региона.

Разумеется, именно она представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные общей повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями. «И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям», — пишет Ибн Русте⁵⁷. Основными предметами торговли называются пушнина и рабы.

Торговую деятельность русов арабские авторы ставят в прямую связь с эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов (Ибн Русте и др.): «Они (русы) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают»⁵⁸. Это насильственное изъятие продуктов потребления: «Всегда 100–200 из них русов ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание» (Гардизи, ок. 920 г.)⁵⁹. Наконец, это более упорядоченный сбор дани в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории, что прямо сопоставляется с полудьем⁶⁰. Отголоски сбора дани в северо-западном регионе присутствуют также в сказании о призвании варягов. Взимание дани с местного населения приписывается в нем скандинавам-варягам. Однако изображение даннических отношений, вероятно, является попыткой осмыслить связи между «находниками»-варягами и местным населением как отношения господства-подчинения и описать их в категориях, близких летописцу: внешней формой проявления зависимости была выплата дани, о чем неоднократно писал составитель ПВЛ. В действительности же, сколько-нибудь регулярный сбор дани варягами представляется совершенно невозможным: он требовал бы существования достаточно разветвленного аппарата управления. И в более освоенных скандинавами районах Восточной Балтики «дани» представляли собой нерегулярные откупы от грабежей, а не постоянную подать. Несравненно более вероятно, что сбор дани осуществлялся местной племенной знатью внутри каждого из племен, часть же этой дани поступала в торговлю

⁵⁷ Там же. С. 397.

⁵⁸ Там же. То же у Гардизи (Там же. С. 399).

⁵⁹ Там же. С. 405.

⁶⁰ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полудье) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 22–26.

по Балтийско-Волжскому пути, осуществляемую в значительной степени скандинавами.

Наряду с общей констатацией значения торговли для Северо-Запада Восточной Европы, арабские авторы уделяют значительное внимание ее организации, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей⁶¹. Более того, Ибн Русте и автор «Худуд ал-Алам» отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью: это и выплата правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли (ср., однако, рассказы Ибн Хордабеха о десятине, выплачиваемой купцами русов царю Рума — Византии и правителю хазар), и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества⁶². Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова» русов и отражают действительное положение дел, то это — важное свидетельство развитых торговых отношений, в которых активное участие принимает центральная власть и которые уже оформлены правовыми нормами. Однако косвенным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в сказании о призвании условия ряда⁶³ указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывающей различные сферы жизни.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает предгосударственное образование.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33)

⁶¹ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 387, 397.

⁶² Там же. С. 399.

⁶³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

Е. А. Мельникова

Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект)

Возникновение Древнерусского государства подавляющее большинство современных историков связывает с объединением двух ранне- (или пред-) государственных образований: северного с центром в Ладоге и южного с центром в Киеве, скандинавским вождем Олегом (< *Helgi*), родичем или «воеводой» Рюрика, захватившим Киев в 882 г.¹, что положило начало «собиранию» восточнославянских земель вокруг Киева². Этому событию предшествовало более или менее длительное существование нескольких предгосударственных объединений восточных славян, называемых «союзами племен», «племенными княжениями»³, «славиниями» — термин Константина Багрянородного⁴, среди которых выделяются Ладожско-Ильменский, Среднеднепровский, возможно, Поволжско-Ростовский, Полоцкий регионы. В каждом из них на важнейших водных путях появляются «погосты» — торгово-ремесленные центры с административными функциями⁵, на которых отмечается концентрация скандинавских древностей⁶ и смешение северных и местных культурных традиций. Не случайно поэтому в исторической науке господствует представление о значительной роли скандинавов в процессах образования Древнерусского государства, хотя степень и формы их участия — предмет серьезных обсуждений. Представляется, что рассмотрение этой проблемы в общеевропейском контексте — в связи с возникновением скандинавских «государств» в Англии и Франции — может пролить дополнительный свет на процессы интеграции скандинавов в восточнославянское общество.

¹ Эти даты, как и вся хронология «Повести временных лет», для IX–X вв. условны.

² Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; Новосельцев А. П. Древняя Русь // История России. М., 1998. Т. 1. С. 56–94.

³ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1968. С. 11–127; Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103–114; Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

⁴ См.: Горский А. А. Русь. С. 20–35.

⁵ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

⁶ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

Коротко остановлюсь сначала на предыстории и исходных условиях, в которых начались викингские походы на Западе и на Востоке.

Первые вторжения скандинавских народов как в Британию, так и в Восточную Европу (Прибалтику) начинаются в V в., хотя спорадические контакты существовали в обоих регионах и ранее. В первой половине V в. англ и юты — племена, населявшие юг Ютландского п-ова, вместе с континентальными саксами переселяются на Британские острова⁷. В это же время появляются первые колонии скандинавов на территории современных Калининградской обл. РФ (Вишнево), Латвии (Гробине), Эстонии (Прооза в черте Таллинна)⁸. Нападения викингов на восточное побережье Англии с конца VIII в.⁹, равно как и набеги на северное побережье Франкской империи¹⁰, явились новой волной скандинавской экспансии, никоим образом не связанной с событиями V в. Продвижение же скандинавов на восток, начавшись в V в., не останавливалось, постепенно расширяясь в масштабах и охватывая новые территории. Скандинавы стали проникать вглубь Восточной Европы существенно раньше эпохи викингов и еще до начала славянской колонизации Северо-Запада. Следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв. обнаружены на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риеккала у северного побережья Ладожского озера¹¹, одновременные поселения открыты на о. Сааремаа¹². Стоянки, как полагают, принадлежали охотникам на пушного зверя или скупщикам пушнины, которая, как представляется, была главным стимулом для продвижения скандинавов на восток в это время. Таким образом, предыстория начавшихся в конце VIII в. викингских походов в Западной и Восточной Европе была различна.

Различны были и географические условия в том и другом регионах. Побережье Англии было открыто для неожиданных, молниеносных нападений с моря, и богатые поселения и монастыри представляли легкую и практически безопасную добычу для викингов. Берега Восточной Балтики также могли быть и, безусловно, бывали объектом нападений, однако скандинавские поселения, пусть и расположенные на некотором отдалении от моря, препятствовали широкомасштабным грабёжам. В глубине же территории отрядам викингов приходилось преодолевать речные мели и пороги, что исключало внезапность нападения. Поэтому сами географические условия диктовали различные стратегии в каждом из регионов.

⁷ *Higham N. J.* Rome, Britain, and the Anglo-Saxons. L., 1992; *Sawyer P. H.* From Roman Britain to Norman England. L., 1978.

⁸ *Седов В. В.* Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 15, 17, 402, 408–409.

⁹ Общий обзор см.: *Loyn H. R.* The Vikings in Britain. N.Y., 1977.

¹⁰ Общий обзор см.: *Wallace-Hadrill J. M.* The Vikings in Francia. Reading, 1975; *Renaud J.* Les Vikings en France. Rennes, 2000.

¹¹ *Kivikoski E.* Svenskar i österled under 500-talet // Finskt Museum. Helsingfors, 1939. S. 15.

¹² *Седов В. В.* Финно-угры и балты. С. 15–16.

Последним, но едва ли не самым главным различием, влиявшим на деятельность викингов в Западной и Восточной Европе, было развитие местного общества. Раздел Франкской империи Карла Великого по Верденскому миру 843 г. существенно ослабил военную мощь выделившегося Западнофранкского королевства, политическое единство которого вскоре также оказалось под угрозой из-за борьбы за главенство сыновей Карла Лысого и их потомков. Тем не менее Западная Франция представляла собой сложившееся государство с развитой вассальной системой, прочной церковной организацией, высокой культурой, хотя эпоха Каролингского Возрождения уже завершалась. На рубеже VIII–IX вв. в Британии существовало несколько королевств: Уэссекс, Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия, которые ожесточенно боролись между собой, пытаясь подчинить себе другие королевства. Это были раннесредневековые государства с четко определившейся социальной иерархией, поддерживаемой законодательством, с эффективным аппаратом управления различных уровней. Христианство уже давно стало официальной религией, а церковная организация имела более или менее устоявшуюся структуру. Англо-саксонская культура, соединившая латинскую ученость с германскими традициями, процветала, равно как и литература на древнеанглийском языке.

Принципиально иными были общества, с которыми столкнулись викинги в Восточной Европе. Земли Северо-Запада Восточной Европы населяли финские племена с примитивным непроизводящим хозяйством, крайне слабой социальной дифференциацией и немногочисленными постоянными поселениями. Уровень социальной дифференциации продвинувшихся в этот регион словен — земледельцев и скотоводов — также был еще довольно низким: погребальные памятники не обнаруживают сколько-нибудь отчетливых следов выделения и обособления знати.

Таковы предпосылки, определившие формы деятельности викингов в каждом из регионов, равно как и результаты их взаимодействия с местными обществами.

Первый этап скандинавской экспансии на Запад до 870-х гг.¹³ характеризовался грабительскими набегами, усилившимися по частоте, территориальному размаху, количеству участников. Каролингская империя впервые испытала разбойничьи набеги данов уже в 770–780-х гг. Первые столкновения англо-саксов с викингами засвидетельствованы в 787 (под 789) и 793 гг. Последнее — разгром монастыря Св. Кутберта на о. Линдисфарн у побережья Нортумбрии — долгое время служило датой начала эпохи викингов. Отдельные, не связанные между собой нападения быстро переросли в крупные, хо-

¹³ Я следую здесь принятой периодизации эпохи викингов, предложенной Т. Кендриком (*Kendrick T. D. A History of the Vikings*. Methuen, 1930.). Ей близко соответствует периодизация, основанная на археологических материалах (*Graham-Campbell J. Viking Artifacts*. L., 1980).

рошо организованные экспедиции, действовавшие как на континенте, так и на Британских островах, а также в Ирландии. Главной целью викингов — данов или норвежцев — была военная добыча, и на протяжении первой половины IX в. они опустошили большинство городов, расположенных на берегах Северного моря и Ла-Манша. Некоторые из отрядов начали оставаться на зимовки на островах, чаще всего в устьях крупных рек (первая такая зимовка засвидетельствована на о. Танет в 850 г.). Период изолированных набегов закончился в Англии в 865 г., когда на восточном побережье высадилось «большое войско язычников» и после нескольких лет грабежей в Восточной Англии, Нортумбрии и Мерсии начало оседать на завоеванных землях, открыв новый этап в истории эпохи викингов — этап завоеваний новых земель и их колонизации.

В Восточной Европе ранний этап проникновения скандинавов вглубь территории связан не с пиратскими нападениями, но с освоением Балтийско-Волжского пути. О присутствии скандинавов на Северо-Западе Восточной Европы свидетельствует основание Ладоги (*Aldeigjuborg* исландских саг) уже в 730-е гг. В Ладоге и ладожской округе найдены клады восточных дирхемов, датируемые 780-ми гг. На монетах Петергофского клада (начало IX в.) процарапаны скандинавские руны — слова и отдельные знаки¹⁴, что указывает на активное участие скандинавов в поступлении арабского серебра на европейский север и распространение их деятельности в это время не только на ладожский регион, но и на значительно более обширные территории, вероятно, вплоть до Волжской Булгарии.

На протяжении VIII – первой половины IX в. скандинавы осваивают транс-континентальный Балтийско-Волжский путь. Он возникает как продолжение системы балтийских коммуникаций на восток¹⁵ и проходит по Финскому заливу через Неву и Ладожское озеро, разветвляясь далее на юг (по Волхову, Ильмению, Мсте) и восток (по Сяси, Ояти и др.) и достигая верховьев Волги. Благодаря чрезвычайно разветвленной речной системе, допускавшей множество маршрутов на Волгу, Балтийско-Волжский путь на его северо-западном отрезке охватывал огромную территорию, населенную различными финскими племенами и продвигавшимися сюда славянами. Главной вехой формирования пути было основание вдоль него торгово-ремесленных поселений — таких, как Ладога в нескольких километрах вверх по Волхову, Городище под Новгородом (Рюриково), которое возникло в середине IX в. как военный опорный пункт и контролировало вторую по значению развилку путей от оз. Ильмень. Последующие этапы освоения пути связаны с основанием Сарского городища и Тимерёвского поселения. Наиболее

¹⁴ Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 115–119.

¹⁵ Мельникова Е. А. Западная Балтика в формировании системы коммуникаций Балтийского региона к эпохе викингов // Великий Волжский путь. Казань, 2004. Ч. II. С. 18–29; Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

отдаленный от Балтики регион — вятский (у поворота Волги на юг) — отмечен концентрацией кладов арабского серебра IX в.

Образование трансконтинентального торгового пути имело, по меньшей мере, два серьезных последствия для местных племенных обществ. С одной стороны, путь, точнее, богатства, проходившие по нему, вовлекали племенную верхушку в торговлю и в ее обеспечение. Некрополи у торгово-ремесленных поселений свидетельствуют о концентрации здесь знати местных племен. Существует лишь один собственно «скандинавский» могильник в Восточной Европе — в урочище Плакун напротив Ладоги. Все остальные обнаруживают смешение северных и местных погребальных традиций.

С другой стороны, доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен (или части племен), которые жили в зоне торгового пути: он интенсифицировал имущественное расслоение общества, выделение и обособление знати, наконец, обеспечивал близость ее интересов к интересам скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов. Более того, именно местная знать имела наиболее естественный и легкий доступ к этим ресурсам.

Обеспечение безопасности плаваний по рекам, особенно в местах, сложных для навигации (пороги, отмели и т.п.), или волоков и торговой деятельности, равно как создание инфраструктуры пути, в первую очередь стоянок для ремонта судов, пополнения припасов и, по возможности, получения новых товаров, являлось первоочередной задачей, без решения которой нормальное функционирование пути было бы невозможно. Уже на начальном этапе освоения Балтийско-Волжского пути основание поселений в узловых пунктах северо-западного, ближайшего к Балтике, отрезка — в Ладоге и на «Рюриковом» Городище — позволяло скандинавам установить контроль над движением по важнейшей магистрали, ведущей на Волгу, — Волхову с его многочисленными порогами. К 860-м гг. были установлены и более или менее устойчивые связи с местными элитами этого региона: отголоском этих связей является сообщение «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) о дани, которую взимали с местных племен «варяги-находники»¹⁶. Как участие в торговле и ее обеспечении, так и даннические (?) отношения со скандинавами консолидировали местную знать. Тем самым к 860-м гг. в Поволховье и Приильменьи формируется особый регион вдоль Балтийско-Волжского пути, экономически ориентированный на дальнюю торговлю.

Второй этап экспансии викингов характеризуется массовой миграцией скандинавов и колонизацией новых земель (в том числе островов Атлантичес-

¹⁶ ПВЛ-1996. С. 12.

кого океана). Сначала в Англии после 865 г., а через несколько десятилетий и во Франции скандинавские грабители начинают селиться по преимуществу среди местного населения, поскольку возможности внутренней колонизации были, в основном, исчерпаны¹⁷. На протяжении последующего полустолетия беспощадные морские разбойники постепенно превращаются в мирных земледельцев. В Восточной Европе, напротив, следов массовой земледельческой колонизации скандинавов практически нет. Немногочисленные, рассеянные на больших расстояниях отдельные находки скандинавских предметов, как правило, неподалеку от водных путей, могут быть и результатом торговли, и временного, случайного и недолгого пребывания какого-нибудь торговца «в глубинке». Могли быть, разумеется, и отдельные скандинавы, решившие поселиться на новом месте: одним из этих немногих был, вероятно, Азгут, живший в третьей четверти XI в. неподалеку от оз. Селигер¹⁸. По самому характеру своей деятельности скандинавы в Восточной Европе тяготели к торгово-ремесленным центрам, а позднее — к городам. Именно в них, в IX в. — в первых, а в X в. — во вторых, концентрируются скандинавские древности.

Но сколь бы ни были различны модели расселения скандинавов, и на Западе, и на Востоке вставал вопрос о формах взаимодействия пришельцев с местным населением и их регламентации. Путь решения этого вопроса оказался общим для обоих регионов — это был путь установления договорных отношений между предводителями викингских отрядов и местными правителями. Попытки «цивилизовать» северных варваров с помощью специальных соглашений восходят ко временам Карла Великого. Он был первым известным нам европейским правителем, попытавшимся на рубеже VIII и IX вв. заключить мирный договор с Готфредом, конунгом Хедебю на юге Ютландского п-ова, дабы обеспечить безопасность союзных ему славянских племен. Такой мир был заключен уже с преемником Готфреда в 811 г.¹⁹, но желаемых Карлом результатов он не принес. Ни этот, ни последующие договоры, ни наделение датских нобилей ленами не помешали бурному нарастанию викингских набегов, которые достигли своего пика на континенте в середине IX в., когда даны разорили Гамбург (845 г.), Дорестад (864 г.), несколько раз осаждали Париж (845, 856–857 гг. и др.).

Лишь ближе к концу IX в. заключение соглашений с расселяющимися викингами становится более или менее эффективной мерой мирного урегулирования отношений с ними. Известны четыре таких договора. Древнейший из них, если принимать условную дату ПВЛ, послужил ядром сказания о призвании

¹⁷ Cultures in Contact. Scandinavian Settlement in England in the 9th and 10th Centuries / L.M. Hardley & J.D. Richards. Turnout, 2000.

¹⁸ Берестяная грамота № 526 (НГБ. VII. С. 124–127; Мельникова Е. А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15).

¹⁹ Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // Historia animata. Памяти О. И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

варяжских князей, возникшего, вероятно, вскоре после самих событий и включенного в текст летописи (Начальный свод) не позднее 1090-х гг.²⁰. Два договора уэссекского короля Альфреда Великого с предводителем датского войска в Англии Гутрумом были заключены: первый — в Ведморе в 878 г., непосредственно после разгрома датчан при Эдингтоне, второй — между 878 и 890 гг. Первый упоминается Ассером в «Жизнеописании Альфреда Великого», текст второго сохранился полностью на древнеанглийском и латинском языках²¹. Четвертый договор был заключен Карлом Простоватым в 911 г. в Сен-Клерсюр-Эпт с Роллоном (Хрольвом), вождем отряда викингов, обосновавшихся в нижнем течении Сены; договор упомянут в грамоте Карла от 14 марта 918 г., жалующей Роллону земли в долине Сены «за защиту государства» (*pro tutela regni*)²², а также рядом норманнских хронистов, в первую очередь Дудоном Сен-Кантенским²³. Хотя эти договоры были заключены при разных обстоятельствах, они содержат сходные условия.

Во-первых, все они легитимизируют уже произошедшее расселение викингов на определенной, как правило оговоренной в договоре, территории. Летописец перечисляет города (в ту пору еще не существовавшие, но знаменующие для него соответствующие племенные территории), где Рюрик посадил своих мужей. Второй договор Альфреда с Гутрумом в первом же пункте четко определяет границы расселения данов: «Первое — относительно наших границ: вверх по Темзе и затем вверх по Ли и вдоль Ли к ее истокам...»²⁴. По Сен-Клерскому договору Роллон получил в лен Руан и его окрестности, но последующие грамоты и договоры (924 г. и др.) существенно расширили земельные владения его потомков, включив в них Котантен и Авранш. В результате этих договоров возникли новые территориально-политические образования: на Руси — раннегосударственное объединение племен в западной части Балтийско-Волжского пути (в Ладожско-Ильменском регионе) с центром в Ладоге, в Англии — Область датского права (Денло)²⁵, во Франции — герцогство Нормандия²⁶.

²⁰ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

²¹ Asser. Vita Ælfredi regis Angul Saxonum. Cap. 56 (Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources / S. Keynes, M. Lapidge. L., 1983). Древнеанглийский текст договора Альфреда и Гутрума см.: Liebermann F. Die Gesetze der Angel-Saxen. Halle a. Saale, 1898. Bd. I. S. 128–135. См. о договорах: Kershaw P. The Alfred-Guthrum Treaty // Cultures in Contact.

²² Recueil des actes de Charles III le Simple, Roi de France / Ph. Lauer. 1940. T. I. P. 211.

²³ Dudon de Saint-Quentin. Historia Normannorum / J. Lair. Caen, 1865.

²⁴ Davis R. H. C. Alfred and Guthrum's Frontier // EHR. 1982. Vol. 97. No. 385. P. 803–810.

²⁵ Hart C. The Danelaw. L., 1992.

²⁶ Bates D. Normandy before 1066. L., 1982; Musset L. Naissance de la Normandie. Toulouse, 1970.

Во-вторых, во всех договорах, хотя и в разной форме, проявляется стремление местной власти инкорпорировать скандинавов в свое общество. Главным условием соглашения в Ведморе, как рассказывает Ассер, было принятие Гутрумом и его приближенными христианства, причем крестным отцом Гутрума должен был стать сам Альфред. Через несколько недель Гутрум был крещен. По сообщению Дудона, одним из главных условий французского договора было крещение Роллона и его дружинников и принесение им присяги верности Карлу, т.е. включение осевших скандинавов в систему вассалитета. Ряд с Рюриком — в условиях язычества обеих сторон — предусматривал соблюдение варяжским правителем местных обычаев и норм права.

В-третьих, договоры регулировали отношения новопоселенцев с местным населением. В древнерусском ряде варягов обязывали придерживаться местных обычаев. В договоре Альфреда и Гутрума не только устанавливаются равные вергельды за убийство англо-сакса и дана, но и специальный раздел (ст. 5) определяет правила, которых должны придерживаться англо-саксы и даны при общении между собой.

В-четвертых, предполагалось, даже если это не оговаривалось специально (как в древнерусском ряде и в договоре Альфреда и Гутрума), что расселившиеся по договору скандинавы будут в дальнейшем противостоять набегам новых скандинавских отрядов²⁷.

В целом результаты этих соглашений были примерно одинаковы: скандинавы постепенно интегрировались в местные общества, хотя процессы интеграции протекали по-разному и с разной скоростью. Условия договора Карла с Роллоном автоматически включали норманнов в социально-политическую структуру французского общества и устраняли культурные (в первую очередь, конфессиональные) различия. Нормандское герцогство изначально являлось частью Франкской империи, на которую формально распространялись (другой вопрос, как они выполнялись) все имперские порядки.

Никаких уступок скандинавам ни в социальной, ни в политической, ни в культурной сферах не предусматривалось ни этим договором, ни последующими жалованными грамотами французских королей герцогам нормандским. Следствием «официальной» интеграции скандинавов явилась их полная ассимиляция на протяжении менее полутора столетий: норманны Вильгельма Завоевателя, потомка Роллона, высадившиеся в Англии в 1066 г., не имели ничего общего со своими скандинавскими предками, но

²⁷ Это условие далеко не всегда соблюдалось: так, Роллон действительно больше не опустошал владений Карла Простоватого, но активно участвовал в набегах на земли вассалов Карла, находившихся с ним во враждебных отношениях. Даны, расселившиеся в Восточной Англии и Нортумбрии, оказывали посильную помощь своим соотечественникам, нападавшим на Англию после 890 г.

являлись носителями французской социально-политической системы, французской культуры и даже французского языка. Расселение скандинавов оставило мало следов в местной культуре, как материальных (известно крайне небольшое число скандинавских погребений), так и языковых (количество скандинавских по происхождению лексем исчисляется единицами, а важнейший из «скандинавских» топонимов — название самой области расселения, «Нормандия»)²⁸. Интеграция скандинавов во Франции была, таким образом, однонаправленным и стремительным процессом, не оставившим следов в местной культуре.

Несмотря на близость положений договора Альфреда с Гутрумом и Сен-Клерского договора, между ними было принципиальное различие: Карл рассматривал норманнов исключительно как своих вассалов и регулировал отношения между центральной властью и служилыми наемниками; английский же договор — это договор между партнерами, призванный установить мир и регламентировать взаимоотношения между местным населением и завоевателями (хотя и потерпевшими поражение в борьбе с Альфредом). Результатом этого договора стало возникновение самостоятельного, независимого от Уэссекса государственного образования — Области датского права (Денло), которое просуществовало всего около 50 лет, но специфика которого признавалась всеми последующими английскими королями вплоть до Кнута Великого и Вильгельма Завоевателя²⁹.

Верховная власть в Денло, а затем в Нортумбрии до конца X в. принадлежала скандинавским (датским, с середины X в. — норвежским) правителям. В Денло было введено отличное от англо-саксонского административное деление: по образцу древнескандинавских округов, имевших свой тинг (общее собрание свободных для решения законодательных, судебных и иных общезначимых вопросов, включая утверждение нового конунга), были созданы административные округа, получившие наименование *wapentak* (др.-исл. *vapnatak*), букв. «взятие оружия», с судом низшей инстанции. Как и в Скандинавии, где существовала иерархия тингов (окружной, областной и общеземельный тинги), устанавливается трехступенчатая система судебных органов. Другой, также древнескандинавский принцип административного деления — на трети — лег в основу формирования административных округов в Йоркшире и Линкольншире. Почти без изменений в Денло была принята не только скандинавская система судопроизводства, но и скандинавское право, непосредственным субъектом которого было все свободное население (англо-саксы вошли в сферу

²⁸ *Fellows Jensen G.* Scandinavian Names and Viking Settlement in Normandy // *Namn och Bygd*. 1988. Årg. 76. P. 113–138.

²⁹ *Stenton F. M.* The Danes in England. Oxford, 1969; *Richards J. D.* Viking Age England. Charleston, 2000; *Sawyer P.* Scandinavians and the English in the Viking Age. Cambridge, 1995; *Vikings and Danelaw / J. Graham-Campbell et al.* Oxford, 2001.

действия этого права)³⁰. Вместе с тем норманны быстро усвоили многие элементы организации древнеанглийского общества, в первую очередь связанные с функционированием государства: налоговую систему, административные институты и пр. Тем самым, Денло как государственное образование носило ярко выраженный синтезный характер, унаследовав значительную часть структурирующих государство институтов от англо-саксов, но внося в них многочисленные изменения и дополнив или заменив некоторые из них скандинавскими. Эти особенности социально-политической организации Денло оставались нетронутыми вплоть до конца XI в.

Наиболее ярким свидетельством культурного взаимодействия англо-саксов и норманнов является английский язык, в котором около 10% словарного состава представляют скандинавские заимствования эпохи викингов. Среди заимствованных лексем — правовые и социальные термины, хозяйственные и бытовые обозначения, топографические термины и т. п.³¹. Велико было влияние и англо-саксонской культуры на культуру Скандинавии, в том числе и на ее христианизацию.

Таким образом, взаимодействие между скандинавами и англо-саксами привело к синтезу обоих сообществ при доминировании английской культуры и последующей ассимиляции скандинавов.

Договор с Рюриком институционализировал контроль скандинавов над Балтийско-Волжским путем и заложил основы для возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти, ведущую роль в осуществлении которой играли скандинавы. Однако и местная знать, очевидно, обладала властными функциями: этому способствовала общность ее интересов и интересов скандинавов. При этом фактически скандинавской по происхождению была лишь относительно немногочисленная военная элита.

Почти полное отсутствие синхронных письменных источников (древнерусские летописи отражают переосмысленную летописцем конца XI – начала XII в. устную историческую традицию) не позволяет детально восстановить политическую структуру и характер этого образования. Лишь сохранившиеся в восточных источниках X в. описания, восходящие ко второй половине IX в., содержат некоторые далеко не полные и, видимо, односторонние (в силу интересов и культурных традиций восточных писателей) указания на его политический строй. В них представлено общество, разделенное на две страты, которые арабские писатели обозначают отэтнонимическими названиями: «ар-рус» и «ас-сакалиба». Первые — это военная элита, которая собирает дань с ас-са-

³⁰ *Fenger O.* The Danelaw and the Danish Law: Anglo-Saxon Legal Relations during the Viking Period // *Scandinavian Studies in Law*. 1972. Vol. 16. P. 83–96; *Kristensen A. K. G.* Danelaw Institutions and Danish Society in the Viking Age // *MS*. 1975. Vol. 8. P. 27–85.

³¹ *Geipel J.* The Viking Legacy. The Scandinavian Influence on the English and Gaelic Languages. Newton Abbot, 1971; *Kisbye N.* Vikingerne i England. Sprogliche spor. Aarhus, 1982.

калиба и реализует полученные ценности в торговле с арабами. Вторые — мирные земледельцы. Восточные писатели подчеркивают «военизированность» общественного строя ар-рус, во главе которых находится по существу военный вождь, осуществляющий также судопроизводство и другие функции центральной власти, и его подчиненность целям дальней торговли (сбор даней, захват пленных для последующей продажи). Важной особенностью этого «государства» является отсутствие какой-либо связи ар-рус с земельными владениями: арабские писатели обращают специальное внимание на то, что движимость является единственным имуществом даже знатных членов общества.

В этих «сторонних» и кратких описаниях отчетливо видны принципиальные отличия политического образования на Северо-Западе Восточной Европы как от скандинавских «государств» Западной Европы, где основой их формирования была земледельческая колонизация, так и от ранних государств в самой Скандинавии, в которых необходимым условием социального полноправия человека было владение наследственным участком земли (одалем), а торговля составляла одно из важных, но далеко не основных занятий населения. Пожалуй, единственным действительно сходным было лишь положение главы раннегосударственных образований в Восточно-Европейском и Западно-Европейском регионах: правителя с доминирующей военной функцией (военные успехи конунга были неперменным условием сохранения им своего статуса), но выполняющего и все остальные функции государственного управления с помощью личной дружины.

Поэтому, хотя возникновение государственного образования вдоль Балтийско-Волжского пути стимулировалось торговой деятельностью скандинавов, оно не воспроизводило сложившихся в скандинавских странах структур: его появление, равно как и социально-политическое устройство, диктовалось, прежде всего, его экономической основой — дальней торговлей. Особенности данного государственного образования определялись предпосылками его возникновения и задачами, которые оно должно было решать. И те и другие не имели прямых аналогий ни в скандинавском, ни в финском, ни в славянском обществах, и потому формирование в нем государственных институтов шло особым, иным, нежели в Англии, путем.

Если во Франции герцогство Нормандия было первым и последним политическим образованием скандинавов, то в Англии и на Руси процесс государственной консолидации следующих волн скандинавов продолжился и в X в. С самого начала этого столетия начинается завоевание норвежцами северо-западной Англии и юго-западной Шотландии, которое завершается в 919 г. захватом Йорка и образованием в Нортумбрии норвежского королевства³². Оно

³² The Archaeology of York / P.V. Addyman. York, 1976; Viking Age York and the North / R. A. Hall. L., 1978.

просуществовало до 954 г., когда английский король Эадред изгнал из Йорка Эйрика Кровавая Секира и восстановил английский контроль над этой областью. Таким образом, и Денло, и норвежское королевство просуществовали недолго и были, каждое в свою очередь, поглощены английским государством. Однако они оставили глубокий след в политическом и социальном устройстве англо-саксонской Англии и в ее культуре.

Аналогичным образом Рюрик был не единственным вождем викингских отрядов, обосновавшимся в Восточной Европе. ПВЛ коротко упоминает о некоем Туры (< *Pórir*), основателе города Турова, и рассказывает о расправе Владимира с полоцким князем «и-заморья» Рогволодом (< *Rögnvaldr*) и его семьей. Но наиболее важным для формирования Древнерусского государства стало вокняжение в 882 г. (дата условна) в Киеве еще одного выходца с Севера, которого летописцы связывают с Рюриком родством или службой, — Олега. Пришедший, по преданию, из Ладожско-Ильменского региона вместе с сыном Рюрика Игорем, Олег объединил северный и средnedнепровский центры государственности и тем самым заложил основы Древнерусского государства. Хотя в Среднем Поднепровье господствовало производящее хозяйство и раннегосударственное образование возникло здесь, по крайней мере, за несколько десятилетий до появления Олега³³, мотивация перемещения на юг и образ действий военной элиты скандинавского происхождения мало отличались от Ладожско-Ильменского региона. Главным стимулом освоения Днепровского пути была возможность сбыта полученных с подчиненных славянских племен даней в Византии, что стало особенно актуальным в конце IX — X в., когда Хазария сильно осложнила торговлю по Балтийско-Волжскому пути. Деятельность же киевской военной верхушки — росов — и в середине X в., судя по ее описанию византийским императором Константином Багрянородным, чрезвычайно напоминала изображенный восточными писателями образ действий ар-рус в IX в. И те и другие не имеют земельной собственности, представляют собой военизированное сообщество, управляемое вождями (по Константину, «архонтами»), среди которых выделяется «великий князь» (в качестве такового Константин упоминает Игоря), собирают дань со славянских племен, характеризующихся Константином как «пактиоты», т. е. союзники росов, и реализуют ее в системе международной торговли в Константинополе³⁴. Обеспечению регулярной торговли служили и заключаемые росами договоры с Византией (911 и 944 гг.). Как кажется, на юг, в Среднее Поднепровье, были первоначально перенесены те принципы политической и социальной организации общества, которые родились и оформились в Ладожско-Ильменском регионе.

³³ Горский А. А. Русь. С. 54–64.

³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989.

Однако политическая ситуация в Среднем Поднепровье принципиально отличалась от Ладожской. С одной стороны, здесь существовал ряд крупных, соперничавших за господство политических образований — древлян, северян и др. Подчинение их Киеву было важной задачей центральной власти, решение которой заняло более половины столетия и осуществлялось, в том числе, и насильственными методами. С другой стороны, существовала постоянная угроза со стороны степных кочевников. И то и другое требовало сохранения военной организации, более того, ее реорганизации на постоянной основе и выделения отдельных отрядов для осуществления контроля на подчиняемых землях. Такая реорганизация не могла происходить лишь за счет вновь прибывавших с севера скандинавов. К середине X в. уже очевидно включение славян и финнов в состав военной верхушки киевского общества. В договоре Игоря 944 г. в числе «послов» князей «земли русской» и «купцов» названы лица, носившие прибалтийско-финские и славянские имена. О включении славян в высшую элиту свидетельствует имя одного из воевод Святослава — Претича, организовавшего в 968 г. оборону Киева от печенегов. Более того, и сам правящий в Киеве род понемногу воспринимает славянские имена, т.е. обнаруживает явную тенденцию к культурной интеграции в славянское общество. К концу X в. скандинавы, осевшие в Восточной Европе в IX – начале X в. и образовавшие новую военную элиту Древнерусского государства, и вновь прибывающие скандинавы — наемники и купцы — составляли уже две различные культурные группы, носившие разные наименования. Первые называются летописцем «русью» и воспринимаются им как «свои». Вторые — «варягами», которые изображаются летописцами конца XI – начала XII в. как враждебные и опасные иноземцы, которых можно использовать как наемников, но которым нельзя доверять³⁵.

В противоположность крестьянской колонизации Англии, которая оставила множество следов в социальных и политических структурах английского государства, равно как и в культуре англо-саксов, скандинавы в Восточной Европе, участвуя в процессах образования Древнерусского государства — в разной форме на разных этапах, — не оказали существенного влияния на его дальнейшее развитие. Первоначальные формы ранней государственности не были привнесены в Восточную Европу извне, они формировались под влиянием местных условий. Образовав новую военную элиту, которая концентрировала военные и административные функции, скандинавы с самого начала вынуждены были взаимодействовать с местной племенной знатью и включаться в новую инокультурную среду. Ярчайшим свидетельством этого является отмечаемый Константином Багрянородным билингвизм росов и незначительное количество скандинавских лексических заимствований в древнерусском языке, сопостави-

³⁵ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

мое с числом слов, пришедших в древнескандинавские языки из Восточной Европы³⁶. Инкорпорирование скандинавской по происхождению элиты в славянское общество осуществлялось в процессе постоянных и тесных контактов со славянской знатю и завершилось ассимиляцией скандинавов, осевших в древнерусских городах и воспринявших местную культуру.

(Впервые опубликовано: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже (труды Государственного Эрмитажа. XLIX). СПб., 2009. С. 89–100)

³⁶ Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 62–75.

Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства

В название статьи вынесен едва ли не самый дискуссионный вопрос истории Древней Руси, отягощенный не только и не столько скудостью и отрывочностью информации письменных источников, сложностью сопряжения лингвистических данных с историческими, сколько идеологическими, политическими и эмоциональными соображениями¹. Не вдаваясь в перипетии более чем двухвековых споров — их истории посвящена обширная литература², — надо отметить его актуальность и в настоящее время.

С одной стороны, в последние десятилетия XX в. был накоплен огромный новый археологический материал: открыты неизвестные ранее памятники³, обстоятельно исследованы комплексы, известные, но мало до того изученные⁴; введен в науку огромный корпус нумизматических материалов⁵; критически изданы многочисленные известия зарубежных письменных источников по истории Руси, информация которых подвергнута обстоятельному анализу с применением современных методов источниковедения⁶. Наконец, начат пересмотр устоявшихся в советское время представлений о развитии восточнославянс-

¹ *Шаскольский И. П.* Антиномизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 35–51; *Авдусин Д. А.* Современный антиномизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.

² *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985; *Хлезов А. А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

³ Например, городище в Супрутах в Тульской обл., Любшанское городище около Старой Ладogi, поселения Поволховья и Поозерья, многие «малые» города Древней Руси и мн. др.

⁴ В том числе такие знаменитые в контексте «норманнского вопроса» памятники, как Гнёздово (Д. А. Авдусин, Т. А. Пушкина), Новгородское (Рюриково) городище (Е. Н. Носов), Тимерево (И. В. Дубов, В. Н. Седых), Шестовица (В. П. Коваленко) и др.

⁵ *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982; *Noonan Th.* Ninth century Dirhem Hoards from North West Russia and the Southeastern Baltic // JBS. 1982. Vol. XIII. № 3. P. 220–244; *Idem.* Dirhems from Early Medieval Russia // JRNS. 1984/1985. No. 17. P. 8–12.

⁶ Издания свода «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы» (до 1993 г. — «Древнейшие источники по истории народов СССР») и хрестоматия «Древняя Русь в свете зарубежных источников» / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2009–2010. Т. I–V. Библиографию свода см. в последнем изданном томе: *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006 [На сегодня последний том — *Подосинов А. В., Скржинская М. В.* Римские географы: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. — *Прим. ред.*]. Общий обзор информации зарубежных источников о Восточной Европе см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников* / Е. А. Мельникова. М., 1999.

кого общества, путях образования и характере Древнерусского государства⁷. Надо подчеркнуть, что все эти новейшие материалы — и в этом их особая ценность — не втиснуты в прокрустово ложе «норманнского вопроса», а демонстрируют широкую картину взаимодействия разноэтничных народов на пространствах Восточной Европы времени зарождения и становления Древней Руси.

С другой стороны, в ХХI в. был реанимирован «антинорманизм» образца середины XIX в. — в той его форме, которая была выдвинута М. В. Ломоносовым и развита С. А. Гедеоновым⁸, немедленно подверглась резкой критике его современников как не соответствующая научному уровню того времени⁹, находилась в забвении на протяжении почти ста лет, возрождена А. Г. Кузьминым в 1970-е¹⁰ и ныне поднята на щит его учениками и последователями¹¹. Подмена скандинавов прибалтийскими славянами — на основании, прежде всего, так наз. народных этимологий (типа *варяги* = *вагры*), западнославянских влияний на язык и материальную культуру северо-западных областей Древней Руси (при этом западные славяне смешиваются с поморскими) и крайне немногочисленных следов поморских славян в археологическом материале — наивная (в рамках научного дискурса) попытка «славянизировать» отечественную историю. Она, как и антинорманизм прошлого, сужает исследовательское пространство, сводя его все к тем же «этимологическим» и «этническим» вопросам¹².

⁷ См.: ВЕДС. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992; ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995; *Он же.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 13–412; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998; *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; и др.

⁸ *Гедеонов С. А.* Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. I–II (переиздание с предисл. и коммент. В. В. Фомина. М., 2004).

⁹ См. рецензии на труды С. А. Гедеонова: *Погодин М.* Гедеонов и его система о происхождении варягов и Руси // Записки АН. 1864. Т. 6. № 2. Приложение; *Первольф О. О.* Варяги, Русь и Балтийские Славяне // ЖМНП. 1877. Ч. 192. В рецензиях одновременно отмечалась продуктивность критики норманизма у С. А. Гедеонова; и действительно, она вызвала оживление исследований русско-скандинавских отношений «норманистами» (см.: *Мошин В. А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Roč. X. S. 363–367).

¹⁰ *Кузьмин А. Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55. Впрочем, несколькими годами позже А. Г. Кузьмин счел, что «варяги» были кельтами (*Он же.* Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83), и лишь затем окончательно утвердился в поморско-славянском происхождении варягов.

¹¹ Сборник Русского исторического общества. «Антинорманизм» / Редколлегия: В. В. Дегоев, В. А. Захаров, А. Т. Кузьмин, И. А. Настенко, О. М. Рапов, В. В. Фомин, Ю. В. Яшнев. М., 2003 (См. рец.: *Котляр Н. Ф.* В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. М., 2007. Вып. 7); *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. О методах работы современных антинорманистов см.: *Мельникова Е. А.* Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. 2009. № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57.

¹² Наиболее тревожащий современных «антинорманистов» вопрос — славянское vs. скан-

Между тем, в последние десятилетия XX в. произошло существенное расширение контекста, в котором рассматривались ранние русско-скандинавские отношения. С одной стороны, начали учитываться взаимодействия как славян, так и скандинавов с прибалтийско-финскими и финскими племенами Верхнего Поволжья и междуречья Оки и Волги¹³. С другой стороны, была предложена концепция циркумбалтийской цивилизации¹⁴, в рамках которой русско-скандинавские контакты перестали рассматриваться как двусторонне замкнутые: они предстали в перекрестных связях с другими народами Балтийского региона¹⁵, в том числе с поморскими славянами¹⁶. Новые перспективы открывает и западноевропейский контекст — сопоставление деятельности скандинавов на Руси и в странах Западной Европы: в Англии, Ирландии, Франции¹⁷.

Таким образом, и накопление нового материала, и состояние новейшей историографии диктует необходимость возвращения к вопросам, связанным с местом скандинавов в истории образования и становления Древнерусского государства.

* * *

Спорадические контакты Скандинавии и Восточной Прибалтики (и далее на восток вплоть до Камы) существовали уже в неолите. Однако перманентные

динавское происхождение слова «варяг». О крайней ограниченности исследовательской проблематики в области русско-скандинавских связей, навязанной антинорманизмом, см.: Мельникова Е. А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17–20.

¹³ См. работы В. А. Назаренко, О. И. Богуславского о Западном и Южном Приладожье и карелах, И. В. Дубова о Ярославском Поволжье, С. И. Кочуркиной о Юго-Восточном Приладожье и карелах, А. Е. Леонтьева о Сарском городище и мери, Е. А. Рябикина о мери и мн. др.

¹⁴ Идея тесной связи всех народов, населявших берега Балтийского моря, лежала в основе коллективного труда, авторами которого были немецкие, польские, русские, финские и скандинавские археологи: Wikinger und Slawen / J. Hertmann. В., 1982 (пер. на рус. яз.: Славяне и скандинавы / Пер. Г. С. Лебедева под общ. ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986). Позднее Г. С. Лебедев подробно сформулировал и разработал ее: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985 (переиздание: СПб., 2005).

¹⁵ См.: Славяне и скандинавы; Müller-Wille M. Die Ostseegebiete während des frühen Mittelalters. Kiel, 1989; Duczko W. Wiking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.

¹⁶ Именно эта почти не исследованная проблема, а не попытки доказать, что варяги есть славяне, является одной из важных и новых исследовательских задач отечественной науки. Относительно изучены археологические следы связей поморских славян с Данией и Южной Швецией (трудами польских, немецких, скандинавских археологов), матримониальные связи датской и упсальской династий правителей с правящими родами вендов и ободритов (см.: Успенский Ф. Б. Скандинавы — Варяги — Русь. М., 2002).

¹⁷ Лебедев Г. С. Эпоха викингов; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; Мельникова Е. А. Скандинавы в Англии и Восточной Европе: формы интеграции // Россия и Британия на путях к взаимопониманию. Сб. докладов англо-российского симпозиума. М., 2010. С. 403–416.

связи этих регионов устанавливаются в середине I тыс. н. э., когда в результате миграций из перенаселенных областей Восточной Скандинавии¹⁸ появляются первые колонии скандинавов на территории современных Литвы (Кауп), Латвии (Гробине), Эстонии (Прооза в черте Таллинна, на о. Сааремаа)¹⁹. Немаловажное значение играла и торговля с местным населением, о чем свидетельствуют материалы Каупа (Вишнева), само название которого происходит от др.-сканд. *kaup* «покупать; торг»²⁰. Материалы исследованных памятников указывают на доминирование мирных взаимоотношений новопоселенцев с местным населением.

Важным этапом в продвижении скандинавов в Восточную Прибалтику и далее вглубь Восточной Европы стало освоение свеями Аландских о-вов — мостика из Средней Швеции к берегам Финского залива²¹. После заселения Аландов корабли могли не выходить в открытое море, а плыть вдоль шхер Шведского Архипелага, Аландских островов и берегов Финского залива. Это существенно облегчило связи в северо-восточной части Балтики, сделав Невско-Ладожский маршрут наиболее удобным для плаваний в Восточную Европу.

Начавшееся в VI в. — задолго до начала эпохи викингов и до славянской колонизации Северо-Запада — продвижение скандинавов на восток уже не прекращалось, постепенно расширяясь и охватывая все новые территории. Следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв. обнаружены на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риеккала у северного побережья Ладожского озера²², одновременные поселения открыты на о. Сааремаа. Стоянки, как полагают, принадлежали охотникам на пушного зверя или скупщикам пушнины, которая

¹⁸ Одним из таких исчерпавших ресурсы внутренней колонизации регионов был Готланд — память об этой ситуации сохранила «Сага о гутах», написанная в XIV в. В ней воспроизводится предание о нескольких волнах выселения с Готланда в Восточную и Южную Прибалтику, одна из которых предположительно датируется именно этим временем. См.: Сага о гутах / Пер. с древнегютского и коммент. С. Д. Ковалевского // СВ. 1975. Вып. 38. С. 307–311. О хронологии «Саги о гутах» см.: *Nerman B. Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit.* Stockholm, 1929.

¹⁹ Кулаков В. И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989; Он же. История Пруссии до 1283 года. М., 2003; *Nermann B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde.* Stockholm, 1958; *Дезмант К.* Предметы скандинавского происхождения среди вещевого материала каменного могильника Прооза среднего железного века (V–VI вв.) // IX Сканд. конф. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 178–179; *Седов В. В.* Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 15, 17.

²⁰ Предметами обмена служили железные изделия, оружие, украшения (со стороны скандинавов) и продукты сельского хозяйства, кожи и т. п. (со стороны местного населения).

²¹ *Кальмер Ю.* Археологические древности Руси // *Stratum plus.* 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 153–157.

²² *Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands.* Helsinki, 1981. S. 19–20; *Седов В. В.* Финно-угры и балты. С. 45.

была главным стимулом для продвижения скандинавов на восток²³. Однако добыча мехов в это время, видимо, удовлетворяла по преимуществу потребности внутрискандинавского рынка: система коммуникаций Балтийского региона была еще мало связана с Североморской торговой сетью²⁴.

Именно в этот период на территории прибалтийско-финских племен возникает сохранившееся до сих пор как обозначение Швеции именование скандинавов словом *Ruotsi / Rootsi*, производным от др.-сканд. **Rōþs(-menn, -karlar)* — композита, употреблявшегося по отношению к гребцам и воинам, участникам походов на гребных судах²⁵. Профессиональное наименование было переосмыслено как этноним, чему способствовала относительная этническая однородность пришельцев: подавляющее их большинство было выходцами из Свеаланда.

* * *

Эпоха викингов²⁶ внесла принципиальные изменения в масштабы и характер деятельности скандинавов в Восточной Европе. Берега Восточной Балтики стали объектом нападений викингских отрядов²⁷. Началось продвижение норманнов на восток, цели и характер которого диктовались местными условиями. Во-первых, географические особенности Северо-Запада — плавание по рекам с мелями и порогами — не способствовали викингским набегам, успешность которых в значительной степени зависела от их внезапности. Да и возможная добыча была несопоставима с той, на которую викинги могли рассчитывать в Западной Европе. Поэтому грабеж местного населения не являлся, как на Западе, стимулом для экспансии. Во-вторых, северо-западные земли не были привлекательны и с точки зрения сельскохозяйственной колонизации, которая

²³ Ср.: *Callmer J. Verbindungen zwischen Ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // JfGO. 1986. Bd. 34. S. 357–369.*

²⁴ *Мельникова Е. А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 год. М., 2010. Так, крупный торговый центр на юго-западе Ютландского п-ова Риббе имел в VI–VII вв. тесные связи с Фризией и через нее с Англией, но материалы раскопок говорят о его слабых контактах с Балтикой: Bencard M. Excavations 1970–1976. Esbjerg, 1990.*

²⁵ См. подробнее: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Эволюция названия русь в процессе становления Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38. Отмечу, что изобретение паруса скандинавами датируется V–VI вв., но каботажные плавания и плавания по рекам осуществлялись и позже на гребных судах. См.: *Nylén E. Technologie des Schiffsbaus und Veränderung der Hafenanlagen // Przegląd Archeologiczny. 1987. T. 34. S. 283–288.**

²⁶ По новейшим данным, ее начало датируется 730-ми гг.

²⁷ В королевских сагах упоминаются летние набеги на земли Восточной Прибалтики (чаще всего на Эстланд и Курланд) почти всех конунгов Свеаланда и Вика (Южная Норвегия) вплоть до первых десятилетий XI в., а также данничество эстов, ливов и куршей, которое, однако, вряд ли можно рассматривать как сколько-нибудь устойчивое подчинение восточно-балтийских племен; скорее это были разовые поборы: неслучайно «подчиняют себе и облагают данью» то или иное племя многие конунги Упсалы — каждый раз как бы заново. См.: *Джаксон Т. Н. ИКС-1993.*

началась на Западе Европы со второй половины IX в.: бедные, малоплодородные почвы даже в поймах рек, заболоченность, густые лесные массивы оставляли мало возможностей для земледелия²⁸.

Единственным действительно привлекательным предметом на востоке была пушнина, добыча которой — охотой или обменом с местным населением — была уже давно налажена. Установление регулярных контактов со странами Западной Европы²⁹ и выход к крупнейшим торговым магистралям и портам североморского региона и Ла-Манша требовали существенного расширения объема поставок ценных мехов³⁰. Пушнина и рабы пользовались неограниченным спросом в Западной Европе и ценились весьма высоко. Рабы добывались во время грабительских набегов на прибрежные города и поселения самой Западной Европы — в них обращались захваченные жители этих

²⁸ Кирьянов А. В. История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 306–362; Жекулин В. С. Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. ВГО. 1972. № 1. С. 21–29; Конецкий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 3–19. И в более позднее время, в XII–XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока.

В последнее время земледельческую колонизацию предполагает И. Янссон (*Jansson I. Warfare, Trade or Colonisations? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro. 1997. P. 9–64*). Думается, что даже присутствие скандинавских имен в берестяных грамотах, присланных в Новгород из сельской местности в XI–XIV вв. (*Мельникова Е. А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15*), свидетельствует лишь о том, что в соответствующих деревнях — располагавшихся по преимуществу на водных путях — размещались новгородские сборщики даней или воины, контролировавшие пути, а не колонисты-земледельцы. Именно поэтому скандинавские имена в берестяных грамотах единичны и, как правило, вкраплены в списки славянских имен (единственное исключение составляет грамота № 2, где присутствует несколько скандинавских личных имен, одно из которых входит в состав топонима).

²⁹ Традиционно считается, что эпоха викингов, в особенности ее начальная фаза, выражалась исключительно в форме грабительских набегов скандинавов. Действительно, осады Парижа и Лондона, разграбление Гамбурга и Дорестада — яркие и наиболее запомнившиеся современникам эпизоды этой эпохи. Но не менее, а может быть, и более важным было включение скандинавов в существовавшую к тому времени систему международной торговли: не случайно, значительное количество походов викингов было направлено на обеспечение своего участия в мировой торговле: см., например, о деятельности конунга Хедебу Готфрида в конце VIII – начале IX в.: *Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // Historia animata. Памяти О. И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38. О том же говорит и поступление сердоликовых бус в Скандинавию из Каролингской Франции (Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 AD. Lund, 1977).*

³⁰ Главными предметами импорта из Скандинавии до того времени — почти исключительно в рамках внутрибалтийской торговли — были железо, поставляемое из Средней Швеции, и жировик, вывозимый из Норвегии (в небольших количествах жернова из жировика поступали на Рейн). Дания поставляла на балтийский рынок центральноевропейские импорты (в значительной степени — предметы роскоши), поступающие с юга.

селений³¹. Пушниной же изобиловал север Восточной Европы. И именно сюда двинулись многочисленные отряды искателей богатства и славы.

Главной формой взаимодействия между скандинавами и финскими племенами была меновая торговля³², память о которой сохранилась в некоторых повествованиях саг³³. Вероятно, уже в это время образуется сеть пунктов, где происходили сезонные встречи скандинавских торговцев, при случае всегда готовых применить силу, и местного населения: возможно, именно этой цели служили возникавшие финские городища — около их укреплений мог происходить торг. Одним из таких торжищ первоначально могла быть и Старая Ладога. Усвоение скандинавами финского наименования речки, при впадении которой в Волхов и возникло это поселение, в качестве названия самого поселения — фин. *Alode-jogi* > др.-сканд. *Aldeigja* (в скальдических стихах; позднее — *Aldeigjuborg*)³⁴, говорит как о первичности финно-скандинавских контактов в этом регионе, так и о значительной роли финского населения в реализации этих контактов.

Другой сферой взаимодействия скандинавов и финнов было участие последних — в качестве проводников по труднопроходимой местности — в освоении скандинавами сильно разветвленной сети рек, озер и речушек к востоку и югу от Ладожского озера и в открытии системы водных путей, ведущих на Волгу. Отголоски такого «сотрудничества», возможно, сохранились в рассказах саг о древних временах, действие которых происходит на Северо-Западе Восточной Европы и в которых настойчиво повторяются «финские» мотивы, причем в них финны не всегда выступают в качестве злых колдунов³⁵, но оказываются и помощниками, излечивающими героя-скандинава от ран, и проводниками в незнакомой местности³⁶.

Важнейшей вехой в процессе формирования Балтийско-Волжского пути было основание Ладоги — скандинавского форпоста в месте перехо-

³¹ Многие западноевропейские источники отмечают продажу скандинавами христиан. См., например, «Житие св. Ангария» Римберта (*Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti / G. Waitz // MGH SRG. 1884*) и др.

³² Сведений о продаже скандинавами финнов в качестве рабов на европейских или восточных рынках не имеется, что, впрочем, не исключает такой возможности.

³³ Описание процедуры меновой торговли скандинавов и жителей Восточной Европы, правда, осложненное фольклорными мотивами, содержится в «Саге об Ингваре»: Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 235–236 (текст), 265–266 (перевод).

³⁴ Mikkola J. J. Ladoga, Laatokka // *Journal de la Société Finno-ougrienne*. 1906. Т. XXIII, 23. Р. 1–12; Джаксон Т. Н. Альдейгьюборг: археология и топонимика // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб., 1994. С. 77–79.

³⁵ Таков стереотипный образ финна в королевских сагах. См.: Джаксон Т. Н. «Финны» в «Саге об Инглингах» // ДГ. 1982 год. М, 1984. С. 56–61.

³⁶ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

да от морской системы коммуникаций к речной³⁷. По новейшим данным, древнейшие постройки Ладоги относятся к 750-м гг.³⁸, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные контакты с Южной Ютландией, а через нее — с Фризией³⁹. В ранних слоях Ладоги присутствуют следы и финского населения⁴⁰. Очевидно, однако, что само ее возникновение является результатом того, что скандинавы регулярно и в немалом количестве оказывались в этом стратегически важном пункте, и свидетельством того, что в первой трети VIII в. участок пути от Финского залива до, как минимум, Ладоги был освоен. Вероятно, известен был в это время и следующий — Волховский — отрезок пути вплоть до Ильменя. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладоги — единственного вплоть до середины IX в. протогородского центра на Северо-Западе Восточной Европы — говорит, во-первых, о том, что пути далее на юг использовались еще не столь интенсивно, и, во-вторых, что ее основание не было результатом местного развития: она возникла как узловой пункт, завершавший на востоке балтийский отрезок трансевропейской торговой магистрали, начинавшейся в Южной Ютландии, но сам путь еще не стал действовать на всем его протяжении.

Вторая половина VIII в. — время выхода скандинавов на Верхнюю Волгу, что фиксируется выпадением первых кладов восточного серебра на Северо-Западе Восточной Европы. В Ладоге и ладожской округе найдено несколько кладов дирхемов, датируемых по младшей монете 780-ми гг.⁴¹. Эти клады невелики по размерам, но само их появление, а также наличие скандинавских граффити (слов и отдельных знаков) на монетах Петергофского клада (первые годы

³⁷ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля в VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 38–79. Нева еще долгое время спустя воспринималась не как река, а как часть Финского залива, соединяющая его с Ладожским озером.

³⁸ Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории // Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 63.

³⁹ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / В. В. Седов. Л., 1985. С. 24–25; Он же. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 28–53; Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX века // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99–105.

⁴⁰ Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории. С. 54.

⁴¹ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII – X вв. // ВИД. 1976. Вып. VIII. С. 95–110; Noonan T. S. Ninth-century dirham hoards from European Russia: a preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / M. A. S. Blackburn, D. N. Metcalf. 1981. P. I. P. 47–174; Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории. С. 58–59; Фомин А. В. Староладожские клады восточных монет конца VIII–IX вв. // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. сообщ. СПб., 2007. С. 66–67.

IX в.)⁴² указывает на активную роль скандинавов в их поступлении на Север. Однако восточное серебро приходит на Север еще не по Волжскому пути, а по Дону⁴³. Это означает, что Волжский путь еще не начал активно функционировать на всем его протяжении и Волжская Булгария еще не стала главным местом встречи скандинавов и арабов⁴⁴.

К середине VIII в., видимо, относится славянская земледельческая колонизация Приильменя и Поволховья⁴⁵. Цепочка поселений вырастает в Поозерье, а затем далее вдоль берегов Волхова, и в третьей четверти VIII в. в Ладоге появляются славянские древности⁴⁶. Однако уровень социальной дифференциации продвинувшихся в этот регион словен, земледельцев и скотоводов, был еще довольно низким: относимые словенам погребальные памятники — сопки — являются родовыми усыпальницами, и их инвентарь не обнаруживает сколько-нибудь отчетливых следов социальной дифференциации. Вместе с тем, уже само сооружение огромных, до 10–12 м высотой, насыпей свидетельствует о выделении знати⁴⁷.

Балтийско-Волжский путь возникает не как самостоятельный внутренний восточноевропейский маршрут, но, в первую очередь, как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. Роль Балтики неизмеримо возросла после того, как арабские завоевания в восточной части Средиземноморья перекрыли традиционные еще со времен античности пути в Переднюю Азию и далее на восток. На Северное и Балтийское моря перемещается основной торговый поток между Западом и Востоком,

⁴² Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 26–47; Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 115–120.

⁴³ Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами; Нахпетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 139–152.

⁴⁴ См.: Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.

⁴⁵ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XII вв. М., 1982. С. 64–66; Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11); Он же. Раннегородские центры Поволховья: проблемы возникновения и соотношения // XIII Сканд. конф. М.; Петрозаводск, 1997. С. 163–166.

⁴⁶ Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1989. С. 29–30; Кузьмин С. Л. Первые десятилетия истории ладожского поселения // Петербургский археологический вестник. Европейская Сарматия. Сб. ст. к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб.; Кишинев, 1997.

⁴⁷ Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тыс. н. э. // НИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 3–26; Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

который ранее проходил по Средиземному морю⁴⁸. Новая геополитическая конъюнктура оказалась необычайно выгодной сначала для фризов, а затем и для скандинавов, которые практически монополизировали балтийскую и восточную торговлю⁴⁹.

На протяжении IX в. формируются две основные ветви Балтийско-Волжского пути, ведущие на Волгу: северная — к востоку от Ладожского озера по рекам Сясь, Паша, Оять, Олонка к Белому озеру и далее по Шексне, и южная — по Волхову, Ильменю, Мсте, Кунье или Ловати⁵⁰. Они маркируются скандинавскими древностями⁵¹, в том числе погребальными памятниками, а также торгово-ремесленными поселениями, значительную часть населения которых составляли скандинавы⁵². Таковы — на северном ответвлении — городища на р. Сясь и Олонка, Крутик около Белого оз. На южном — на развилке речных магистралей от оз. Ильмень в середине IX в. возникает Городище под Новгородом (Рюриково), которое являлось военным опорным пунктом и контролировало вход из Волхова в оз. Ильмень⁵³. В Верхнем Поволжье появляются торгово-ремесленные центры у впадения

⁴⁸ *Bolin S.* Mohammed, Charlemagne and Rurik // SEHR. 1952. Vol. 1; *Hodges R.* Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983.

⁴⁹ Мы почти не знаем случаев появления на Балтике купцов из Западной Европы (кроме фризов) или арабского мира. Уникальным является сообщение о посольстве Абд ар-Рахмана II (эмира Кордовы) вскоре после нападения норманнов на Севилью (884 г.) к королю и королеве народа ал-маджус во главе с Иахйя ибн ал-Хакамом ал-Бакри по прозвищу ал-Газаль (770–864 гг.): предполагается, что он посетил Хедебю (рассказ о посольстве сохранился в сочинении андалусского историка начала XIII в. Ибн Дихий; см.: *Allen W. E. D.* The Poet and the Spae-Wife: an Attempt to Reconstruct al-Gazal's Embassy to the Vikings. Dublin; L., 1960. См. также: *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 133–134). Не случайно, именно на IX–X вв. приходится расцвет эмпориев как на Балтике (Рибе, Хедебю, Каупанг, Бирка), в том числе и в землях поморских славян (Рерик, разрушенный конунгом Хедебю Готфридом в 808 г.; Ольденбург, Волин), так и на Северном море и в Ла Манше (Дорестад, Квентовик, Лондон). Они богатеют и развиваются на перепродаже товаров, перевозимых с востока на запад и обратно. В начале XI в. в Сигтуне существует «фризская гильдия» — объединение фризских (или скандинавских, торговавших с Фризией) купцов (*Wessén E.* Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1949. B. VII: Upplands runinskrifter. Del 2. N 1. S. 138–149, 161–165. No. 379, 391.), видимо, осуществлявшая транзит товаров, привезенных с востока в Бирку и их перемещение далее на запад.

⁵⁰ От Ильменя начинались и пути на запад: по Шелони, Великой, Чудскому озеру и др.

⁵¹ *Stalsberg A.* Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // JBS. 1982. Vol. XIII. No. 3. P. 267–295; *Седов В. В.* Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Сканд. конф. М., 1993. Ч. 1. С. 104–106.

⁵² *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

⁵³ *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. Новые материалы и исследования. СПб., 2005.

в Волгу р. Которосль (Тимерево)⁵⁴, которая вела в Волго-Окское междуречье, и у оз. Неро (Сарское городище поблизости от Ростова)⁵⁵, где начинался путь на Оку.

Интенсивность, а вероятно, и характер использования северной и южной ветвей северо-западного отрезка Балтийско-Волжского пути были неодинаковы. Памятники, содержащие скандинавские древности, равно как и торгово-ремесленные центры на северной ветви пути концентрируются (не только в IX, но и в X в.) в его начале — к востоку от Ладожского озера, и в центральной части — у Белого озера. На остальной территории они немногочисленны и рассредоточены, а торгово-ремесленные центры (некрупные даже на Сяси-Ояти-Олонке) не выявлены. Иначе выглядит картина освоения южной ветви пути. И Поволховье, и Приильмень, и Верхнее Поволжье уже в IX в. довольно густо заселены, вдоль рек лежат славянские сельские поселения. Размеры торгово-ремесленных центров здесь велики, и их деятельность чрезвычайно интенсивна. Скопления скандинавских древностей отмечаются не только в торгово-ремесленных центрах, но и в других местах (например, в Петровском и Михайловском), нередко на ответвлениях от основного маршрута⁵⁶.

Различия в распределении скандинавских древностей вдоль северного и южного участков Балтийского-Волжского пути позволяют предположить, что в Ладожско-Ильменском регионе и Ярославском Поволжье протекала оживленная торговая деятельность, тогда как на севере, скорее, действовали по-прежнему скупщики пушнины, лишь изредка селившиеся на длительный срок. Они передвигались небольшими группами, используя разнообразные маршруты, останавливались, как правило, в поселениях местных жителей, меняли пушнину на предметы по большей части скандинавского производства, а не привозные восточные предметы роскоши: не случайно, среди скандинавских древностей здесь преобладают такие предметы обихода, как ножи.

Ключевое звено общеевропейской системы коммуникаций, Балтийско-Волжский путь, благодаря чрезвычайно разветвленной системе речных маршрутов, консолидировал огромную территорию на Северо-Западе Восточной

⁵⁴ *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963; *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.

⁵⁵ *Леонтьев А. Е.* Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975; *Он же.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

⁵⁶ Так, концентрация кладов арабского серебра IX в. наблюдается в вятском регионе — у поворота Волги на юг (поселений торгово-ремесленного типа здесь не выявлено): *Мельникова Е. А.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы на Русском Севере. Киров, 1997. С. 132–139.

Европы, представляя собой широкую зону⁵⁷. В ней создавалась сложная инфраструктура: возникали торговые центры, куда поступали из «глубинки» продукты питания для обеспечения как населения самих поселений, так и проплывавших через них купцов; свозились потенциальные товары (пушнина, мед, воск и мн. др.), а также предметы и материалы, необходимые для починки судов и для деятельности купцов; доставлялось сырье для ремесленного производства. Эти центры привлекали как скандинавских, так и местных ремесленников, спрос на изделия которых был неизменно высок. Необходимость обеспечивать безопасность и самого пути, и торгово-ремесленных центров заставляла размещать здесь военные отряды⁵⁸. Наконец, часть населения была непосредственно вовлечена в навигацию: проведение судов через пороги и мели (по Волхову, Западной Двине и др.), волочение судов в местах перехода из одной речной системы в другую. Тем самым население обширного региона на Северо-Западе Восточной Европы со второй половины VIII в. оказалось втянутым в интенсивную и разнообразную деятельность, вызванную функционированием Балтийско-Волжского пути.

Наиболее активно эксплуатировалась северо-западная часть пути — прежде всего, Поволховье: в Ладогe, видимо, завершалось плавание значительной части скандинавских купцов. Здесь они могли приобрести все основные товары как местного происхождения, так и восточные предметы роскоши, а также продать товары, привезенные с Запада. Показательно, хотя эти сведения и относятся уже к XI в., что подавляющее число торговых поездок скандинавов на Русь имеет целью Новгород⁵⁹.

Создание зоны Балтийско-Волжского пути имело кардинальные последствия для развития местных племенных обществ⁶⁰. Доступ к дальней торговле

⁵⁷ Ареал этой зоны, как уже указывалось, маркируют скандинавские древности.

⁵⁸ Не случайно, некрополи возле таких центров обнаруживают высокую концентрацию «дружинных», воинских захоронений.

⁵⁹ Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // СС. 1988. Вып. XXXII. С. 117–128; Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.

⁶⁰ О не только экономической, но и социально-политической роли дальних торговых путей в развитии позднеплеменных обществ, особенно при их переходе к раннегосударственной организации см. исследования К. Поляни и др. (*Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies* / G. Dalton. Boston, 1968; *Trade and Market in the Early Empires* / K. Polanyi. Glencoe, 1957; *Polanyi K. Ports of Tread in Early Societies* // JEH. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; *Idem. Trade, Market and Money in the European Early middle Age* // NAR. 1978. Vol. II. P. 92–117; Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 14–28; Массон В. М. Обмен и торговля в доклассовом обществе // ВИ. 1973. № 3). В отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают

стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен, которые жили в зоне торгового пути: он интенсифицировал имущественное расслоение общества, выделение и обособление знати⁶¹, привлекал племенную верхушку в крупные центры торговли⁶², сближал ее интересы с интересами скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов, к которым племенная знать имела наиболее естественный и легкий доступ. Даже скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего обособления. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней и требовала увеличения ее размеров, что влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и, соответственно, усиление центральной власти.

Благодаря этому, к 860-м гг. в Поволхове и Приильмене формируются особый регион, экономически ориентированный на дальнюю торговлю, в котором возникают предпосылки для образования государства⁶³. Сказание о при-

лишь небольшую часть общества — формирующуюся знать и практически не затрагивают более широких слоев населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах стимулируют в первую очередь их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяют концентрировать богатства в руках тех, кто осуществляет контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества. В. О. Ключевский считал торговлю (в том числе и по Волжскому пути) основополагающим фактором в развитии городов и «городовых областей» и тем самым существенной предпосылкой зарождения государственности на Руси (Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 143–150). Однако советская историография отказалась от «торговой» теории В. О. Ключевского, хотя констатация значения торговли для экономического развития общества является общим местом. См. также: Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32; Носов Е. Н. Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Stratum plus. 1999. № 5. С. 112–118.

⁶¹ MacCormack C. P. Exchange and Hierarchy // *Economic Archaeology*. 1981. P. 159–166. (BAR. 96). Ср.: Hodges R. State Formation and the Role of Trade in Middle Saxon England // *Social Organization and Settlement*. 1978. P. 439–453 (BAR. 47–II).

⁶² О концентрации знати местных племен свидетельствуют некрополи у торгово-ремесленных поселений. Существует лишь один собственно скандинавский могильник в Восточной Европе — в урочище Плакун напротив Ладоги. Все остальные обнаруживают смешение северных и местных, финских и славянских, погребальных традиций (Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. // *Археологические вести*. 1994. № 3. С. 192–200).

⁶³ Мельникова Е. А. К типологии; Масон В. М. Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // *Современность и археология*. СПб., 1997. С. 34–37. О торговле как основе политогенеза в Ладожско-Ильменском регионе см. также: Mühle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

звании Рюрика и его братьев, восходящее к устной исторической традиции этого региона⁶⁴, очевидно, отражает не только (а может быть, и не столько) конкретный факт установления власти предводителя одного из скандинавских отрядов, сколько сложившуюся к этому времени ситуацию: консолидацию племенных элит, тяготевших к крупным центрам на Балтийско-Волжском пути, и контроль скандинавов над торговлей и над самим путем.

Во второй половине IX в. Северо-Запад Восточной Европы, поставщик ценных товаров, привлекает внимание арабов, что находит отражение во включении сведений о нем в труды восточных писателей. К несохранившимся сочинениям IX в. восходит комплекс сведений об «острове (стране)» народа ар-рус у Ибн Русте (начало X в.), в «Худуд ал-'алам» (ок. 982 г.), у Гардизи (середина XI в.)⁶⁵, а к первой половине X в. — о трех видах («джинс») русов, населяющих Восточную Европу («Славия», «Куявия» и «Артания / Арса») у ал-Истахри (930–950 гг.) и Ибн Хаукала (950–960 гг.)⁶⁶. Содержащиеся в них описания русов позволяют в определенной степени реконструировать социально-политическую организацию и экономические основы раннегосударственного образования, сложившегося в Поволховье.

Народ ар-рус традиционно отождествляется со скандинавами, ас-сакалиба — со славянами, наименования «видов русов» — с политическими (?) образованиями, сложившимися в Ладожско-Ильменском регионе («Славия», сопоставляется с этнонимом «словене»), Среднем Поднепровье («Куявия» от ойконима «Киев») и, вероятно, Волго-Окском междуречье («Арса», если принимать отождествление этого топонима с позднейшим названием города Ростов)⁶⁷. Суммируя информацию об «острове русов» и «Славии», можно говорить о том, что экономической основой протогосударства в Поволховье была торговля, в которой доминирующую роль играли скандинавы⁶⁸. Торговая де-

⁶⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

⁶⁵ Большинство исследователей традиционно считают, что «остров русов» следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень. См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 308–309; Коновалова И. Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 208–213.

⁶⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 264–323; Коновалова И. Г. Восточные источники. С. 216–220.

⁶⁷ Согласно «Повести временных лет», Киевскому государству предшествовали два независимых политических образования (в современной отечественной терминологии — «союзы племен», «племенные княжения», «славинии»): в Ладожско-Ильменском регионе и в Среднем Поднепровье. Возникновение первого летописец связывает с местными славянскими и финскими племенами и деятельностью варягов (Сказание о призвании варягов), второго — со среднеднепровскими славянами, прежде всего полянами (Легенда о Кие).

⁶⁸ «И нет у них (ар-рус. — Е. М.) недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают поку-

тельность русов обеспечивается эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов⁶⁹. Это изъятие продуктов для непосредственного потребления⁷⁰. Наконец, это более или менее упорядоченный сбор дани в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории⁷¹. Отголоски даннических отношений славянского и финского населения Северо-Запада и скандинавов нашли отражение также в упоминании «варяжской дани» в сказании о призвании варягов, где сборщиками дани, как и у Гардизи, названы сами варяги. Впрочем, не исключено, что сбор дани осуществлялся и местной племенной знатью внутри каждого из племен.

Констатируя значение торговли для русов, арабские авторы обращают внимание на ее организацию, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей. Ибн Русте и автор «Худуд ал-'алам» отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью — выплату правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова русов», то они — важное свидетельство развитых и упорядоченных торговых отношений, которые уже оформлены правовыми нормами⁷² и в которых активное участие принимает центральная власть. Именно наличие в обществе русов потестарных институтов (по меньшей мере, аппарата для сбора пошлин и наказания нарушителей

пателям», — пишет Ибн Русте (*Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303*). Разумеется, торговля представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями народа ар-рус. См.: *Vitestam G. The people of ar-Rūs as Merchants According to Arabic Sources // KVHAA. Filologisk-filosofisk serien. 1975. B. 15.*

⁶⁹ «Они (русы. — *Е. М.*) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают» (Ибн Русте: *Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303*).

⁷⁰ «Всегда 100–200 из них (русь. — *Е. М.*) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание» (Гардизи: *Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 305*).

⁷¹ *Новосельцев А. П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. О «кружении» как главным источнике доходов «росов», часть которого вывозится ими на рынок Константинополя, писал в середине X в. Константин VII Багрянородный: *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 50–51, коммент. — С. 330.*

⁷² Косвенным, но чрезвычайно важным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение местной знатью ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в Сказании о призвании варягов условия ряда указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывавшей различные сферы жизни (см.: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов.*)

установленных правил торговли) и центральной власти, сосредоточенной в руках «царя» («малика» или «хакана», по Ибн Русте) русов (наряду с ролью «малика» отмечается важная роль жрецов)⁷³, позволяет говорить о возникновении здесь протогосударства.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль, возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры, и к середине IX в. возникает предгосударственное образование. Не являясь «носителями основ государственности»⁷⁴, скандинавы, тем не менее, сыграли существенную роль в экономическом и социально-политическом развитии севера Восточной Европы, поскольку именно их деятельность привела к формированию Балтийско-Волжского пути, установлению торговых контактов с арабским миром, притоку огромных ценностей, в первую очередь, арабского серебра, на север Восточной Европы. Участие в международной торговле определило общность интересов северных купцов и местной племенной знати и требовало более или менее мирного сосуществования всех трех этнических общностей⁷⁵ при контроле скандинавов над торговлей. Поэтому не случайно, что оформление государственных начал в этом регионе летописец связал именно с варягами, используя в качестве этиологического предания о происхождении древнерусской правящей династии сказание о призвании варягов. «Вокняжение» Рюрика, предводителя одного из викингских отрядов, стало (в результате соглашения с местной знатью или путем захвата власти) лишь завершением по меньшей мере столетнего доминирования скандинавов в транзитной торговле между Востоком и Западом и знаменовало возникновение раннегосударственного образования в Ладожско-Ильменском регионе.

⁷³ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303, 311–312.

⁷⁴ В IX в. процесс становления государств и в самих Скандинавских странах был еще далек от завершения.

⁷⁵ О славяно-скандинавском «симбиозе» писал В. Т. Пашуто: *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. XV. С. 51–62; *Он же.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 год. М., 1974. С. 103–114. В свете новейших археологических материалов, однако, трудно согласиться с тем, что основной причиной формирования «северной конфедерации» была угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих вглубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя отдельные столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить (*Stalsberg A.* Scandinavian Relations with Northwestern Russia. P. 267–295).

Рассказ «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) под 882 г. о захвате Киева князем Олегом (< *Helgi*) рассматривался древнерусскими летописцами (равно как — с определенными оговорками — и современными историками) как поворотный момент в истории восточного славянства — объединение Северной и Южной Руси и возникновение единого Древнерусского государства. Именно с этого момента подвластные Олегу «варязи и словены и прочи прозваша русью», а Киев был провозглашен Олегом «матерью городов русских»⁷⁶.

К этому времени Среднее Поднепровье было регионом с развитым производящим хозяйством, высокой плотностью земледельческого населения и густой сетью поселений, которые образовывали своего рода гнезда вокруг укрепленных городищ, где сосредоточивалась ремесленная деятельность⁷⁷. Между крупными племенными объединениями полян и древлян⁷⁸ шла борьба за главенство в регионе, который входил в сферу влияния Хазарского каганата, и племена левобережья Днепра выплачивали «хазарскую дань»⁷⁹.

Практически полное отсутствие скандинавских древностей к югу от водораздела Западной Двины — Днепра — Верхней Волги до рубежа IX–X вв.⁸⁰ могло бы рассматриваться как доказательство незнакомства скандинавов с Днепровским путем и Южной Русью, по крайней мере, в первой половине IX в., если бы не упоминания византийских источников о нападениях отрядов народа рос на города, расположенные в юго-западной части Черного моря, которые относятся уже к началу IX в.⁸¹. Эти походы были, вероятно, первыми «прорывами» скандинавов на юг по еще мало известным пространствам Восточной Европы и новооткрытым путям переходов, связывавших реки бассейнов Балтийского и Черного морей. В первой половине IX в. в византийском антропонимиконе появляются скандинавские имена⁸². Возникшее тогда же наименование Ῥῶς,

⁷⁶ ПВЛ-1996. С. 14.

⁷⁷ Смиленко А. Т., Юренко С. П., Сухобоков О. В., Пархоменко О. В. Культуры восточных славян и их соседей в предгосударственный период // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 106–140.

⁷⁸ Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990; *Он же*. Поляни-русь та інші літописні племена півдня Східної Європи // А се его сребро: збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 16–24; Горский А. А. Русь.

⁷⁹ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Петрухин В. Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 69–100; Калинина Т. М. Ал-хазар и ас-сакалиба // Там же. С. 101–110.

⁸⁰ Археологические исследования последних двух десятилетий показали, что скандинавские древности появляются в Подесенье уже в конце IX в. См.: Андросчук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.

⁸¹ Древнейшее упоминание о нападении на Амастриду содержится в Житии Георгия Амастридского: Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3.

⁸² Ок. 825 г. некий Ингор (*Ἰγγερ* < *Ingvarr*) становится митрополитом Никеи, а жену византийского императора Василия I Евдокию (род. ок. 837 г.) называют по имени отца Ингериной,

первоначально обозначавшее скандинавов, является, видимо, рефлексом самоназвания их отрядов — *rōþs(menn)*⁸³. К раннему комплексу известий о росах принадлежит сообщение Бертинских анналов (839 г.) о появлении в Ингельгейме у Людовика Благочестивого послов от некоего «кагана» к византийскому императору Феофилу, которые назвались росами, а на деле оказались свеонами (шведами)⁸⁴. Наконец, о том же времени как начале более или менее регулярных контактов европейского севера и Византии говорят появление византийских импортов в Скандинавии (в IX в. еще очень малочисленных), включение византийских милиарисиев в состав кладов арабских монет⁸⁵, а также греческое граффито *Zaxarias* на арабской монете из Петергофского клада⁸⁶.

Однако ни один из упомянутых зарубежных источников не содержит прямых свидетельств использования росами Днепровского пути в начале IX в. Напротив, некоторые из них указывают скорее на то, что скандинавы достигали Черного моря по Волге (с волоком Волга–Дон?) или Дону. О том же говорят и маршруты поступления арабского серебра на север Европы: преимущественно по Дону, а не по Днепру⁸⁷. Упоминание «кагана» росов в Бертинских анналах, которое породило историографический штамп о существовании в 830-е гг. в Среднем Поднепровье восточнославянского государства, чей правитель носил титул «каган» (в последние годы распространилась локализация «русского каганата» в Ладожско-Ильменском регионе), наиболее естественно соотнести с главой хазарского государства⁸⁸, а росов-свеонов рассматривать как членов хазарского посольства в Византию⁸⁹. Вероятно, магистралью, ведущей в Византию, мог на раннем этапе служить не только Днепровский, но и Волжский путь.

т. е. ее отца звали *Ingvarr* или *Ingvar* < *Ingvarr* (ср.: *Игорь*). См.: Бибиков М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. 1986. Вып. XXX. С. 97–105.

⁸³ Бибиков М. В., Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59. С. 35–39.

⁸⁴ MGH SS. 1885. Т. 1. Р. 434. Перевод на русский язык и комментарии см.: Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 7–15; Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 288–290.

⁸⁵ Duczko W. Bysantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and Their Interpretations // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts. Stuttgart, 1997. S. 291–311.

⁸⁶ Мельникова Е. А. СРН РРИ. С. 115–119.

⁸⁷ См. выше примеч. 43.

⁸⁸ Альтернативной является точка зрения о том, что «каганат росов» находился в Поволжье.

⁸⁹ См.: Laehr G. Die Anfänge des Russisches Reiches. B., 1930. S. 16, 122; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 63; Авдусин Д. А. Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159–169. В 830-е гг. между Византией и Хазарией происходит интенсивный дипломатический обмен, завершившийся тем, что император Феофил направил инженера Петрону Каматира для строительства крепости Саркел на Дону. См.: Науменко В. Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары. С. 231–244.

Однако, как в Поднепровье, так и в Среднем и Нижнем Поволжье скандинавских древностей IX в. практически не обнаруживается, нет здесь и поселений, основание которых можно было бы связать с пребыванием скандинавов⁹⁰.

До середины – второй половины IX в. Среднее Поднепровье представляется транзитной зоной, через которую проходили редкие отряды наиболее предприимчивых и удачливых «морских конунгов», наслышанных о богатствах Востока и Византии. Их целью было быстрое обогащение с помощью грабежа, что соответствует целям викингов в других областях Европы. Они нападают на города Западного Причерноморья и Константинополь, но не задерживаются на своем пути и, соответственно, почти не оставляют следов в материальной культуре. Лишь временами они вступают в контакты с местными правителями, подчас оказываются у них на службе, но не оседают у них надолго.

Только в середине IX в., видимо, Среднее Поднепровье как таковое оказывается в сфере интересов скандинавских отрядов: возрастание значения Днепровского пути обуславливалось тем, что Хазарский каганат чем далее, тем более препятствовал проникновению отрядов викингов на свою территорию, и они редко спускаются по Волге ниже Булгара⁹¹. Именно тогда возникает потребность в организации контрольных пунктов на Днепре для обеспечения нормального функционирования магистрали и установления отношений с местным населением. Этот этап продвижения скандинавов на юг, вероятно, отразился в рассказе о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира⁹². Изображение их в ПВЛ как соправителей подвергается обоснованным сомнениям⁹³: не исключено, что в Киеве в середине IX в. сменилось несколько скандинавских отрядов со своими предводителями, но целью их, насколько можно судить по летописи, был не сам Киев, а богатые города Византии. Поэтому единственным деянием Аскольда и Дира, о котором рассказывает составитель ПВЛ (кроме их вокняжения в Киеве), был поход на Царьград⁹⁴, отождествляемый с нападением росов на Константинополь в 860 г., о котором пишет очевидец и участник события патриарх Фотий⁹⁵. На основании этого предания более или менее уверен-

⁹⁰ Измайлов И. Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999. С. 94–100.

⁹¹ Noonan Th. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic // Hikuin. 1985. No. 11. P. 41–50; Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 111–120.

⁹² ПВЛ-1996. С. 13; НПЛ. С. 106.

⁹³ См. обсуждение этого вопроса: Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 51–54.

⁹⁴ ПВЛ-1996. С. 13.

⁹⁵ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 47–82; Кузенков П. В. Известия о первом походе руси на Константинополь в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 год. М., 2002. С. 3–172.

но можно говорить лишь о закреплении скандинавов в середине IX в. в Киеве и использовании его в качестве базы для походов на Константинополь⁹⁶.

Утверждение скандинавских правителей в Киеве — бесспорное свидетельство возросшей роли Днепровского пути. Но повествования об Аскольде и Дире показывают также, что, во-первых, скандинавы не основывают в Поднепровье новые поселения (таковым станет Гнёздово несколько позже), а пытаются внедриться в уже существующие славянские центры и, во-вторых, контингент оседающих в Киеве скандинавов еще крайне малочислен и неустойчив: он не может противостоять войску Олега. В отличие от Северо-Запада, скандинавские отряды на юге еще и в середине IX в. являются внешней, чуждой славянскому обществу силой, и их интересы не пересекаются с интересами местной знати. Изолированным эпизодом оказалось и крещение вождей росов, осуществивших набег 860 г., о котором составитель ПВЛ, весьма чуткий к вопросам христианства на Руси, видимо, даже не знал⁹⁷.

Вокняжение Олега в Киеве положило начало новому этапу деятельности скандинавов в Южной Руси⁹⁸. Вместе с Олегом появился постоянный и значительный контингент скандинавов: по выражению летописца, пришедшие с Олегом «варязи и словени и прочи прозвашася русью»⁹⁹. Именно с этого момента, вероятно впервые, скандинавские по происхождению правители и их окружение заняли в Киеве господствующее положение.

Поход Олега на Константинополь принципиально отличен от нападений росов первой половины — середины IX в.: он завершается не только приобретением военной добычи¹⁰⁰, но и — главное — установлением прочных политических и торговых связей, регламентированных договором 911 г., обеспечивающим интересы военной элиты и регулирующим ее торговые и политические связи с Византией¹⁰¹. Известия о подчинении Олегом древлян, северян, радимичей, очевидно, отражают начало сложного и длительного процесса «собира- ния» восточнославянских земель, консолидации племенных территорий в еди-

⁹⁶ Ср. аналогичные базы викингов IX в. в Западной Европе: на островах в устьях Темзы, Рейна, Сены и др.

⁹⁷ Ник. дополняет сообщение о походе упоминанием о крещении Аскольда и Дира после нападения на Константинополь (под 6384/876 г.) (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX: Патриаршая или Никоновская летопись. С. 13). См. также: *Melnikova E. Varangians and the Advance of Cristianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries // Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / H. Janson. Malmö, 2005. P. 97–138.*

⁹⁸ Ср. около 100 лет, прошедших от первых следов проникновения скандинавов в Поволхове до возникновения Ладоги.

⁹⁹ ПВЛ-1996. С. 14.

¹⁰⁰ Хотя ей придавалось столь большое значение, что даже в кратком пересказе предания о походе летописцы уделяют этому мотиву большое место.

¹⁰¹ Предположение о том, что после набега на Константинополь 860 г. был заключен первый договор Византии с росами (*Сахаров А. Н. Дипломатия. С. 59–82*), не имеет опоры ни в русских, ни в византийских источниках, поэтому вопрос о нем остается открытым.

ное государство. Упоминания об установлении «даней» свидетельствуют об упорядочении обложения включаемых в состав Русского государства племен. Таким образом, Олегу за время его правления удалось сосредоточить в своих руках военную, политическую, административную и фискальную верховную власть¹⁰², что коренным образом отличает его деятельность как от походов викингов на Западе, так и от активности норманнов на Северо-Западе Восточной Европы: это более или менее последовательная (хотя, вероятно, не всегда осознанная) политика, преследующая цели укрепления «Русской земли».

Описание «образа жизни росов» в трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного (ок. 950 г.) являет картину широкой деятельности военной, скандинавской по происхождению, элиты формирующегося Древнерусского государства¹⁰³. Ее власть распространяется на огромную территорию и реализуется разными способами в различных регионах. Южная, непосредственно подвластная Киеву область охвачена полюдьем («кружение», «полюдия» у Константина) как формой прямого обложения подвластных киевскому князю племен: фискальные функции выполняют сами князья («архонты») и дружинники киевского «великого» князя. Это традиционный для скандинавов (ср. вейцла) способ сбора натуральных податей, который отмечался и восточными писателями в характеристике русов. Другой формой отношений со «славиниями-пактиотами» (т.е. данниками в соответствии с договором-пактом) была поставка ими в Киев моноксил (которые, впрочем, покупались, а не присваивались росами): как из не охваченного полюдьем Северо-Западного региона («Немогарда» Константина Багрянородного), так и из центров на территории племен, посещаемых во время полюдья, — кривичей Верхнего Поднепровья («Милински»), северян Подесенья («Чернигоги» и «Телиуцы» — Чернигова и Любеча). Гигантские размеры территории требовали уже в середине X в. введения наместничества (известного скандинавам и дома): Константин упоминает о том, что в Новгороде «сидел» Святослав, сын «архонта Росии» Игоря. Полученные во время полюдья дани, видимо в значительной части состоящие из пушнины, меда, воска и т.п., а также рабы¹⁰⁴ перевозятся теми же росами в Константинополь и там поступают на рынок. В представлениях информаторов Константина¹⁰⁵, росы полностью обособлены

¹⁰² Именно в цикле сказаний об Олеге впервые появляется сюжет о покорении соседних восточнославянских племен и обложении их данью. См.: Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 год. М, 2003. С. 48–92.

¹⁰³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–51.

¹⁰⁴ Их источник не называется Константином, в отличие от восточных авторов, которые отмечают, что русы захватывают жителей-славян и продают их. См. выше примеч. 69.

¹⁰⁵ Наиболее вероятно, что, по меньшей мере, одним из информантов был знатный рос, совершавший плаванья в Константинополь. См. подробнее: Мельникова Е. А. [Вводные замечания к гл. 9] // Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 291–293.

от местного населения и представляют собой изолированную элитную группу, однако их деятельность предполагает взаимодействие с местным населением. И такое взаимодействие аттестуют появляющиеся в русско-византийском договоре 944 г. славянские имена как представителей княжеского рода, так и «купцов», свидетельствующих договор¹⁰⁶.

Характер скандинавских древностей в Южной Руси, становящихся все более многочисленными в середине – второй половине X в., обнаруживает прямую связь оседающих здесь скандинавов с великокняжеской властью. Богатые скандинавские комплексы концентрируются в самом Киеве¹⁰⁷, в Чернигове¹⁰⁸ и в тяготевших к ним погостах — местах стоянки дружин (Вышгород и Китаев под Киевом¹⁰⁹; Шестовица, Седнев, Табаевка под Черниговом¹¹⁰), куда, очевидно, свозилась дань и откуда осуществлялся контроль над торговыми путями и племенными территориями¹¹¹. Здесь же, в округе Киева и Чернигова найдено пять из девяти обнаруженных на территории Древней Руси и паспортизованных арабских монет с прорезанным двузубцем — знаком Рюриковичей¹¹². Поселения, где стояли дружины великого киевского князя, имеются и в Верхнем Поднепровье (Гнёздово под Смоленском), и в Верхнем Поволжье (Тимерево под Ярославлем), и в Суздальском ополье (так называемые Владимирские курганы) и др., т. е. в стратегически важных пунктах, по преимуществу на окраинах формирующегося Древнерусского государства. Показательно, однако, что в Южной Руси, при богатстве погребений в некрополях Киева и Чернигова, очень мало единичных находок скандинавских предметов или комплексов. Отсутствует и собственная скандинавская топонимия для населенных пунктов: все известные скандинавским источникам южнорусские топонимы — передача местных наименований: Киев > *Kænugarðr*¹¹³, Витичев > *Vitahólmr*¹¹⁴.

¹⁰⁶ О скандинавских и других именах в русско-византийских договорах см.: *Melnikova E. The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century* // SAS. 2004. В. 22. Р. 5–27.

¹⁰⁷ *Зоценко В.* Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // *Ruthenica*. Киев, 2003. Т. II. С. 26–52.

¹⁰⁸ *Андросчук Ф. О.* Нормани і слов'яни. С. 76–84.

¹⁰⁹ *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958–1961. Т. 1–2; *Моця О. П.* Поховання скандинавів на Півдні Київської Русі // *Археологія*. 1990. № 3. С. 90–97.

¹¹⁰ *Бліфельд В. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; *Андросчук Ф. О.* Нормани і слов'яни.

¹¹¹ *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // *ИСССР*. 1979. № 4. С. 100–112.

¹¹² *Мельникова Е. А.* «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // *Історія Русі — України (історико-археологічний збірник)*. Київ, 1998. С. 172–181.

¹¹³ Древнерусские города в древнескандинавской письменности / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 32–34; *Джаксон Т. Н., Молчанов А. А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // *ВИД*. 1990. Вып. XXI. С. 226–238.

¹¹⁴ *Мельникова Е. А.* СРН НИИ. С. 282–283.

Таким образом, оседание скандинавов в Южной Руси с самого начала было связано с установлением их власти в Киеве, формированием системы управления (на базе княжеской дружины) и подчинено задачам становления и консолидации Древнерусского государства.

Завершение процессов образования Древнерусского государства в последней четверти X в. ставит приходящих на Русь скандинавов в новые отношения с центральной властью. Во-первых, окрепший род киевских князей вступает в борьбу не только со знатью покоряемых им племен, физически истребляя непокорных (ср. повествование о местах Ольги древлянам), но и с «князьями»-скандинавами в независимых от Киева центрах — так Владимир Святославич расправляется с полоцким правителем Роговолодом (< *Rögnvaldr*) и его наследниками; сходная судьба, возможно, постигла упомянутого летописцем основателя Турова — Туры (< *Bórir*). Во-вторых, дружинники Олега и Игоря, осевшие на Руси, и их потомки, как и сам род Рюриковичей, уже вряд ли могут рассматриваться иначе, нежели как представители древнерусской военной знати: показательно, что и летописец конца XI – начала XII в. никогда не применяет к ним этнического определения «варяг», т. е. скандинав. Они — русь, законные правители «Русской земли». «Варягами» же называются скандинавы, оказывающиеся на Руси в качестве воинов-наемников и торговцев, как правило, на короткое время¹¹⁵. Лишь незначительная часть их остается здесь навсегда¹¹⁶, поскольку необходимость в использовании новых выходцев из Скандинавии в аппарате государственного управления уже отпала: существует достаточно широкий слой местной знати. Основной формой деятельности новопривывающих скандинавов, собственно «варягов», становится военная служба: их отряды нанимаются на более или менее длительный срок за определенную плату, после чего распускаются и отправляются домой на север или далее на юг — в Византию. Они находятся под строгим контролем центральной власти, и в конфликтных ситуациях древнерусские князья защищают интересы местного населения, а не пришлых наемников¹¹⁷. На протяжении первой половины XI в. роль варягов продолжает уменьшаться, становясь чисто вспомогательной, и постепенно сходит на нет.

¹¹⁵ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

¹¹⁶ См., например, историю варяга Шимона, упомянутого в Киево-Печерском патерике, и его потомков: Молчанов А. А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI–XIV вв.) // ВЕДС: Проблемы источниковедения. 1990. С. 79–83.

¹¹⁷ Это ярко проявилось в конфликте варяжской дружины Ярослава с новгородцами, описанном под 1016 г. (НПЛ. С. 174–175).

* * *

Участие скандинавов в процессах возникновения и становления Древнерусского государства, таким образом, было многообразным и существенно менялось в разные периоды времени и на разных территориях. Однако во всех случаях формы деятельности скандинавов определялись местными условиями, она же сама завершалась их интеграцией в восточнославянское общество.

На Северо-Западе Восточной Европы возникновение протогосударства было непосредственным результатом формирования Балтийско-Волжского пути в VII–IX вв., освоение и эксплуатация которого находились по преимуществу в руках скандинавов. Общность их интересов с интересами местной племенной знати, славянской и финской, создала предпосылки для тесного этнокультурного взаимодействия, однако доминирующая роль скандинавов в торговле сопровождалась сосредоточением в их руках властных функций. Тем не менее, местная элита не утратила своего привилегированного положения, о чем свидетельствует могущество новгородского боярства в XII–XIII вв. и новгородские традиции договоров с приглашаемыми и смещаемыми князьями¹¹⁸.

В Среднем Поднепровье скандинавы длительное время не пытаются укорениться в восточнославянском обществе, переживавшем в это время процессы государствообразования. Лишь с конца IX в. они активно включаются в эти процессы и становятся ведущей силой в консолидации племенных территорий и осуществлении верховной власти. Они образуют новую, военную элиту со своей, «дружинной», культурой, вытесняя, а частично и истребляя, племенную знать. Вместе с тем, глубокая интегрированность скандинавской элиты в восточнославянское общество уже на ранних этапах вызывает ассимиляционные процессы, которые, однако, завершаются уже во второй половине XI в.¹¹⁹.

(Впервые опубликовано: Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 217–241)

¹¹⁸ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62.

¹¹⁹ См. подробнее: Melnikova E. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of Language and Literacy // *Runica – Germanica – Medievalia*. B.; N.Y., 2003. P. 454–465.

Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии)

В последние десятилетия пристальное внимание привлечено к раннему периоду существования города¹. Для Руси и Скандинавии, где влияние античной культуры отсутствовало или было незначительным, вопрос о причинах появления раннегородских центров, их характере и эволюции приобрел особую значимость². В советской славистике важнейшим показателем городского — в отличие от сельского — поселения считается наличие ремесленного производства и рынка, а также приобретение им административной функции³, что позволяет говорить о полифункциональности феодального города. С точки зрения политической экономии, указанные функции возникающего города по своей сути связаны с концентрацией и перераспределением прибавочного продукта⁴, что во многом определяет взаимосвязь процессов образования города и государства, которая традиционно отмечается в отечественной литературе⁵.

В новейшей зарубежной скандинавистике проблема возникновения городов также занимает существенное место, и их возникновение все чаще связывается с процессами становления государственности в Скандинавских странах⁶.

¹ Историографию см.: *Ястребицкая А. Л.* Предгородские и раннегородские поселения в средневековой Европе (Обзор) // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма. М., 1979. Ч. 1. С. 271–302; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса) // Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976. С. 32–69; *Куза А. В.* О происхождении древнерусских городов (История изучения) // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 9–15.

² *Die Zeit der Stadtgründung im Ostseeraum* / M. Stenberger. Visby, 1965; *Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter* / H. Jankuhn. Göttingen, 1973–1974. Bd. 1, 2.

³ *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42; *Карлов В. В.* О факторах. С. 41–44; *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 8–9.

⁴ *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3 и след.; *Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 3–11.

⁵ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 32, 64; *Паушто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93; *Карлов В. В.* О факторах. С. 37; и др.

⁶ *Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker*. B., 1982. S. 110–153. И в более ранних работах не только ставился, но и был подробно рассмотрен вопрос о роли королевской власти в становлении торгово-ремесленных центров (*Fritz B.* Stadshistoria och arkeologi // (S)HT. 1965. N 4. S. 472–498; *Cohen S.* The Earliest Scandinavian Towns // The Medieval City. New Haven;

Однако конкретные проявления взаимодействия этих процессов и на Руси, и в Скандинавии исследованы недостаточно. Собственно, сама проблема была специально поставлена в 1980-е гг.⁷, и лишь в работах А. А. Сванидзе последовательно сопоставлены этапы становления шведского государства и развития протогородских центров и городов с V по начало XIII в.⁸

Учитывая типологическую близость раннегородских центров на Руси и в Скандинавии и широкие культурно-исторические связи обоих регионов, представляется целесообразным сопоставить процессы возникновения поселений с городскими функциями (и сети таких поселений) в двух регионах и их эволюцию на путях формирования феодального города в связи со становлением раннефеодальных государств⁹.

В последней четверти I тысячелетия н. э. в Скандинавских странах и Восточной Европе формируется несколько типов поселений: сельские, представленные в Скандинавии по преимуществу хуторами (в Дании также и деревнями), объединенными в «гнезда» поселений вокруг центральных усадеб, выполнявших примитивные административные, культовые и — позднее — фискальные функции¹⁰, а в Восточной Европе — деревнями; городища, служившие, вероятно, убежищами для окрестного населения; предполагаемые центры территориально-административных округов; торгово-ремесленные поселения¹¹.

В средневековой Скандинавии (в первую очередь на материале Свеаланда в Швеции) выявлена сеть центров основных административно-территориальных округов — сотен (в других областях Швеции, в Дании и Норвегии — херадов)¹². Большинство из них в Свеаланде носят название Туна, к которому нередко присоединяется имя языческого бога (*Pórs-tuna*, *Ull-tuna* и др.)¹³. Рядом с тунами обнаружены могильники вендельского времени (VII–VIII вв.) с погребениями родо-племенной знати (Туны в Альсике, в Баделунде и др.). Судя

L., 1978. P. 313–325; *Skovgaard-Petersen I.* The Coming of the Urban Culture to Northern Europe: Vikings, Merchants and Kings // *SJH*. 1978. Vol. 3. N 1. P. 15–17).

⁷ Город и государство в древних обществах. Л., 1982.

⁸ Сванидзе А. А. О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции // *Город и государство*. С. 149–161; *Она же*. К вопросу об этапах возникновения шведского государства // *Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе*. М., 1983. С. 29–65.

⁹ При подобном сравнительно-типологическом сопоставлении индивидуальные особенности развития поселений учтены быть не могут.

¹⁰ *Ambrosiani B.* Fornlämningar och bebyggelse. Uppsala, 1964. S. 202–208; *Hyenstrand Å.* The Mälaren Area. Stockholm, 1981. P. 21; *Idem.* Centralbygd–Randbygd. Stockholm, 1974.

¹¹ Выделение одной доминирующей функции в определенной степени условно.

¹² Система сотен и херадов, как считается, возникла в рамках позднплеменного строя и стала основой административно-территориального деления земель в период становления феодальных отношений (*Hafström G.* Hundare // *KLNM*). 1962. B. VII. Sp. 74–78; *Rasmussen P.* Herad // *Ibid.* 1961. B. VI. Sp. 488–491; *Hyenstrand Å.* Centralbygd. S. 50–86).

¹³ *Holmberg K. A.* De svenska Tuna-namnen. Uppsala, 1969.

по руническим надписям, туны являлись также местами тингов — народных собраний¹⁴, т.е. административными, а также культовыми центрами¹⁵. Таким образом, туны совмещают ряд функций, выполняя роль, характерную для племенных центров, и тесно связаны с позднеплеменной организацией.

Для Руси подобная Свеаланду система сотен реконструируется Б.А. Рыбаковым¹⁶, который отметил, что городища располагались гнездами, в каждом из которых насчитывалось приблизительно 10 укрепленных поселений, и предположил, что такое гнездо соответствует в традиционном административном делении «тысяче» или «племени»; селища, расположенные вокруг каждого городища, входили в «сотню». Вероятно, функции городищ могли быть близки тунам. Позднее в таких гнездах поселений нередко возникал древнерусский город¹⁷.

В период разложения родо-племенного строя формируются крупные межплеменные конфедерации — союзы племен (земли или княжения), которым, в реконструкции Б.А. Рыбакова, соответствуют «тысячи» — позднейшие «тмы» в фискальной системе татарского времени: Киевская, Смоленская и т.д. Центрами союзов племен (словен, кривичей, полян) и их земель считаются древнейшие племенные «города», упомянутые в недатированной части летописи: Новгород, Смоленск, Полоцк, Киев, имеющие соответствие, видимо, в Старой Упсале — племенном центре свеев (Свеаланд). Они исполняли сходные функции: общественно-административную (тинг в Упсале и вече в древнерусских городах); культовую (языческие капища в Упсале, Киеве, Новгороде). Центры племенных союзов вырастали в зонах особой концентрации населения¹⁸ и, сохраняя древние традиции, возглавили более широкие «предгосударственные» объединения.

* * *

С VII в. в Скандинавии, наряду с тунами — племенными центрами, появляется новый тип поселений, носивший название *husaby*¹⁹. Он рассматривается

¹⁴ Jansson S. B. F. The Runes of Sweden. Stockholm, 1962. P. 103–112.

¹⁵ В интерпретации Снорри, культовые центры округов в Свеаланде были основаны Одином и названы им Сигтунами (Snorri Sturluson. Ynglinga saga. Kap. 5).

¹⁶ Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси (Тез. докл.) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 25–28.

¹⁷ Ср. гнездо поселений у с. Черновка (Русанова И. П., Тимощук Б. А. Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19–25), большое Горнальское городище в гнезде из 20 роменских селищ (Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6–39).

¹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 58 и след.

¹⁹ Steinnes A. Husabyar. Oslo, 1955; Rosén J. Husaby // KLNМ. 1962. B. VII. Sp. 94–96; Andræ C. G. Kungsgeråd (Sverige) // Ibid. 1964. B. IX. Sp. 513–515; Rasmussen P. Kungsgeråd (Denmark) // Ibid. Sp. 516; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 119, 128; Hyenstrand Å. The Mälaren Area. Fig. 16; Сванидзе А. А. К вопросу об этапах. С. 41.

как королевские усадьбы, управлявшиеся слугами конунга — *bryti* и предназначенные для сбора дани с местного населения, в первую очередь в продуктовой форме, отчего именно хусабу являлись местом остановки конунгов и их дружин во время постоянных переездов по подвластной территории. Формирование системы хусабу в Свеаланде «Сага об Инглингах» прямо связывает со становлением Упсальского удела (*Uppsala öd*) — королевского домена²⁰.

В силу сложившегося типа расселения королевские усадьбы являлись хуторами, представление о которых дают раскопки одной из них, на о. Адельсё (оз. Меларен). Поблизости от усадьбы находился могильник, три больших «королевских» кургана и «курган тинга»²¹.

Наибольшая концентрация топонимов *Hus(a)by* отмечается на территории Упсальского удела. На остальной территории Свеаланда хусабу имеются в каждой из сотен, наряду с тунами. Нередко они расположены поблизости от границ сотен (херадов), т.е. возникали на ранее неосвоенных землях²². Каждый административно-территориальный округ, таким образом, приобретает два центра, очевидно, представляющих две различные системы власти: формирующуюся королевскую с зачатками государственного управления (хусабу) и местную, восходящую к племенному строю (туны). Происходит как бы наложение двух сетей административных центров, соответствующих двум противостоящим системам власти: центральной и местной. Формирование сети хусабу как опорных пунктов королевской власти свидетельствует о ее укреплении и стремлении закрепить за собой глубинные районы подчиненной территории, о возникновении ее прямого противостояния племенным формам общественной организации, что отмечает важный шаг в сложении государственности.

В эпоху становления государства на Руси великокняжеская власть также стремилась закрепить за собой подвластные племенные территории при посредстве системы погостов — пунктов для сбора дани, полюдь²³, в этом отношении сопоставимых с хусабу. В «Повести временных лет» возникновение системы погостов непосредственно связывается с обложением подвластных территорий данью при Олеге (882 г.): «Нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери»²⁴ и «реформами» княгини Ольги (947 г.)²⁵. Однако в отличие от хусабу древнерусские поселения, которые можно отождествить с погостами на

²⁰ Schück H. Uppsala öd // UUA. 1914; Snorri Sturluson. Ynglinga saga. Kap. 10.

²¹ Rydh H. Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936; Thordeman B. Alsnö hus. Stockholm, 1920.

²² Ambrosiani B. Fornlämningar och bebyggelse. S. 215–218.

²³ Рыбаков В. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 366.

²⁴ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. — Прим. ред.].

²⁵ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149.

основании обнаруженных там дружинных древностей, наделялись более широким набором функций, прежде всего ремесленной и торговой.

* * *

Вместе с тем уже в VI–VII вв. в Скандинавских странах и Восточной Европе появляются поселения, которые исследователи отличают от сельских на основании относительно развитой торгово-ремесленной деятельности и определяют как протогородские (или предгородские) центры. В литературе они обычно называются *виками*²⁶. В Дании уже до 800 г. существуют Хедебю и Риббе, в эпоху викингов возникают Орхус, Виборг, Роскильде; в Швеции до VIII в. функционируют Экеторп и Хельгё, с VIII в. — Бирка (на о. Бьёркё), позднее вырастают Лунд, Сёдертэлье и др., в Норвегии — Скирингссаль. В крупнейших из этих поселений (Хедебю и Бирке) с IX в. производится чеканка монет, что являлось королевской регалией²⁷. Из «Жития св. Ансгария» явствует, что конунг Упланда имел своих представителей в Бирке, собиравших там торговые пошлины, но его основной резиденцией была расположенная неподалеку, на о. Адельсё, усадьба. Хусабу известны также и вблизи Хедебю и Скирингссалья. Вместе с тем и в Бирке, и в Хедебю, судя по наличию погребений дружинников, стояла дружина конунга, что свидетельствует о том, что вики, будучи непосредственно связаны с королевской властью и дружиной, были включены как в военно-стратегическую, так и общую систему кормлений, сбора дани и ее реализации на международных рынках. На эти функции во многом ориентировано и их ремесло.

В Восточной Европе ранние ремесленные поселения — Пастырское городище, возможно, Зимновское городище, позднее Хотомель и др.²⁸. Однако эти единичные поселения еще не были связаны между собой и были, видимо, центрами местной округи. Они сопоставимы с ранними скандинавскими центрами типа Экеторпа и Хельгё.

В VIII в. возникают полиэтничные торгово-ремесленные поселения на севере Восточной Европы — прежде всего в Ладоге, однотипной Хедебю²⁹ и другим протогородам Балтийского региона. Им близки и торгово-ремесленные поселения при дружинных погостах. Характер их ремесла и торговли был во многом ориентирован на нужды великокняжеской дружины, постоянно

²⁶ Vogel W. Wik-orte und Wikinger // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1969. Bd. 1. S. 196–238; Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. P. 313–325; Skovgaard-Petersen I. The Coming of Urban Culture. P. 5–7.

²⁷ Сванидзе А. А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 3–29.

²⁸ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 242–243.

²⁹ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979. С. 99–100.

пребывавшей на погостах, судя по дружинным курганам в составе некрополей возле поселений в Гнездове, Шестовице, Тимереве. Типологически и, видимо, генетически близки перечисленным памятникам Городище под Новгородом, Сарское городище под Ростовом. По уровню развития ремесла и торговли (прежде всего внешней), по связи с дружиной древнерусские погосты близки Бирке и другим викам³⁰.

Но в отличие от ранних торгово-ремесленных поселений они представляют собой уже отчетливую раннегородскую сеть, расположенную на основных речных магистралях и связанную как со столичным Киевом³¹, так и с сетью балтийских протогородов, прежде всего через Ладогу, включенную в систему великокняжеских центров.

Показательно, что крупнейшие погосты располагались, как правило, вблизи древнейших племенных центров: Гнездово — под Смоленском, Шестовица — под Черниговом, Городище — под Новгородом³². Возможно, сходную роль играло Сарское городище под Ростовом. Расположение княжеских погостов на водных магистралях вблизи древнейших городов, вероятно, указывает на то, что их социальные силы — дружина — были призваны не только взимать дань, но и противостоять центробежным устремлениям боярской верхушки древнерусских городов — старых племенных центров. Очевидно, что, помимо внутривластной (военно-административной) функции, погосты наделялись и фискальной функцией: сбора, а затем и сбыта дани на международных рынках, т.е. функцией перераспределения прибавочного продукта. Об этом могут свидетельствовать клады серебряных монет и вещей, призванных украсить быт дружинной верхушки и подчеркнуть ее высокий социальный статус. Вероятна дифференциация функций погостов как центров формирующегося государства и «племенных» городов как центров местной округи³³.

В истории формирования Древнерусского государства и его городской сети особое значение имеют Киев и его округа, получившие позднее название

³⁰ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.

³¹ См. сообщение Константина об одновременном прибытии однодеревки в Киев: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272 [*Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий* / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–47. — *Прим. ред.*].

³² Янин В. Л., Колчин Б. А. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1980. С. 110; Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (К вопросу о возникновении Новгорода) // ИИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38.

³³ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 110–112.

«Русская земля» (в узком смысле) и представлявшие княжеский домен³⁴, типологически близкий Упсальскому лену в Свеаланде. Киев, племенной центр полян, ставший столицей огромного государства, в летописи, начиная с договора 907 г., постоянно связывается с двумя городами: Черниговом и Переяславлем, которые входят в великокняжеский домен. Однако и вокруг самого Киева образуется сеть поселений, обеспечивавших деятельность князя и его дружины: Любеч, Вышгород, Витичев, «киевская крепость» Самбатас³⁵, упомянутые Константином Багрянородным, а также летописный княжеский теремный дворец X в. «вне града», на функции экстерриториальной резиденции которого указал М. К. Каргер³⁶. В целом сеть контролируемых великокняжеской властью поселений в пределах домена напоминает сходную систему хусабю в Упсальском лене. Дифференцированными представляются и функции перечисленных пунктов: от старого племенного центра Киева (со святилищем и т.п.), ставшего столицей государства, до княжеского «града» (Вышгород) и экстерриториальной резиденции князя («теремный двор»).

Таким образом, вырисовывается картина сосуществования нескольких различных по характеру, но взаимосвязанных и функционально дополняющих друг друга поселений, образующих структуру, связанную с административно-территориальным делением земель и разностадийными системами управления. Это старые племенные центры (на Руси и туны в Скандинавии), выполнявшие культовые и административные функции; опорные пункты центральной (государственной) власти: хусабю в Скандинавии (на территории королевского домена и в каждой из сотен) и погосты на Руси, куда свозится дань с округи и где находится резиденция представителя верховной власти; наконец, торгово-ремесленные центры (собственно протогорода), концентрирующие функции ремесла, торговли и перераспределения прибавочного продукта (на Руси совпадающие с погостами). Такое сочетание функционально различных поселений на уровне «земли» (ланда) наиболее ярко проявляется в «Русской земле» (в узком смысле) и Свеаланде; в последнем сосуществуют и взаимно дополняют друг друга Старая Упсала (культовый и племенной центр), Бирка и королевская усадьба на Адельсё. Аналогичная картина наблюдается в Дании, где сосуществуют Хедебю и, видимо, королевская усадьба (Хусбю) в 5 км от него³⁷; в Норвегии, где рядом с торгово-ремесленным центром конца VIII – конца IX в. Скирингссалем (Каупанг) находится хутор, носящий название Хусебю,

³⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–46.

³⁵ См. карту в кн.: *Pannonopft П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961, № 105. С. 172–173.

³⁶ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 267.

³⁷ *Gregersen H. V.* Slesvig og Holsten før 1830. Copenhagen, 1981. S. 75.

и языческое капище³⁸. Наконец, рядом с большинством протогородов (но за пределами укрепленной части) расположены крепости, где, видимо, находился «гарнизон» конунга (в Хедебю, Бирке, Павикене и др.). Это взаимодействие основных типов поселений с городскими функциями продолжается на протяжении всего периода складывания государства, укрепления королевской власти, формирования аппарата управления.

* * *

В конце X – первой половине XI в. в этой картине происходят существенные перемены: в первую очередь и в Скандинавии, и на Руси исчезают или приходят в упадок многие из наиболее крупных торгово-ремесленных центров: Бирка, Хедебю, Гнездово, Тимерево. Одновременно происходит функциональная переориентация хусабо. Их административно-фискальные функции сокращаются, и из поселений типа погостов они превращаются в усадьбы, из которых осуществляется контроль над королевскими земельными владениями (например, на о. Адельсё в XII в. строится королевский замок). После введения христианства падает роль и культовых центров, таких, как Старая Упсала. Становление церкви под прямым покровительством королевской власти обуславливает тесную взаимосвязь и взаимозависимость обоих институтов и размещение церковной администрации в центрах, находящихся под контролем королевской власти.

Таким образом, разнофункциональные поселения VIII–X вв. по мере усиления королевской власти, формирования центрального управления, становления податной системы оказываются неспособными удовлетворить широкий спектр новых общественных потребностей. В этих условиях поселения с дифференцированными функциями подчиняются общей тенденции к синтезу разных функций в формирующихся городах феодальной эпохи. Наиболее наглядно этот процесс протекает в Свеаланде. Старая Упсала — Бирка — усадьба на Адельсё, три основных центра Свеаланда, выполнявшие различные функции (культовую, ремесленно-торговую, административную), в конце X – XI в. уступают место Сигтуне, также расположенной на оз. Меларен³⁹. Она выступает как важнейший центр ремесла, торговли, королевской власти, церковной организации. В конце X – начале XI в. здесь начинается чеканка монет, находится резиденция конунга Швеции (к этому времени включившей Ётланд и другие

³⁸ *Blindheim Ch.* Kaupang by the Viks Fjord in Vestfold: Excavations and Research // *Herteig A., Liden H.-E., Blindheim Ch.* Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo. 1975. P. 136.

³⁹ *Douglas M.* Sigtuna. Stockholm, 1978. П. Сойер предполагает, что торговля и ремесла были преднамеренно перенесены конунгом Свеаланда из Бирки в Сигтуну (*Sawyer P.* Kings and Vikings. L. 1982. P. 130; см. также: *Ambrosiani B.* Birka — Sigtuna — Stockholm: Ett diskussionsinlägg // Tor. 1957. B. III. S. 148–158).

области). В 1060-х гг. Сигтуна становится центром вновь образованной епископии, и в ней сосредотачиваются все основные городские функции, ранее до известной степени расчлененные между тремя поселениями.

В процессе становления Древнерусского государства также наиболее прогрессивными образованиями были города, синтезировавшие функции торгово-ремесленных и княжеских административных центров. В великокняжеском домене к таковым относились в первую очередь сам Киев (быстро поглотивший поселения типа Самбатаса), а также Переяславль, Чернигов, ставшие центрами самостоятельных княжеств при Ярославичах. В X в. гибнут многие племенные центры⁴⁰, прекращают существование «дружинные лагеря» типа Шестовицы. Функции погостов с упрочением феодализма отходили к ближайшим городам — центрам местной округи (волости)⁴¹ и феодальной администрации, в некоторых случаях — к экстерриториальным княжеским резиденциям. Наименование «погост» (как и «хусабя» в Скандинавии) закрепилось за центрами сельской округи. На месте Гнездовского и Сарского городищ возникли феодальные усадьбы, центрами княжеств стали Смоленск и Ростов. На Городище под Новгородом торгово-ремесленное поселение также прекратило свое существование в X в., однако в XII в. там была основана княжеская резиденция.

Таким образом, процессы становления государств в древнерусском и скандинавском регионах обусловили типологическую близость форм и путей зарождения и формирования городов. Наряду с племенными центрами возникали опорные пункты государственной власти, торгово-ремесленные поселения с существенной ориентацией ремесла на обслуживание дружины, а торговли — на реализацию дани (прибавочного продукта). Постепенный синтез функций намечается уже в торгово-ремесленных центрах, где отмечается присутствие как дружины, так и специальных представителей королевской власти. С консолидацией государства консолидируются и их центры. Происходит синтез всех городских функций, что ведет, с одной стороны, к упадку тех протогородских образований, которые по тем или иным причинам не в состоянии удовлетворить новые общественные потребности, с другой — к формированию полифункциональных городов феодальной эпохи.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 99–108).

⁴⁰ Например, Искоростень, поселение на Ревнянском городище и др.

⁴¹ Куза А. В. Города в социально-экономической системе. С. 3–11.

Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)

История возникновения и ранних стадий существования города в средневековой Европе — одна из центральных проблем медиэвистики в последние десятилетия. Экономические и социальные предпосылки появления феодального города, его функции и взаимодействие с округой, его топографические и демографические особенности исследуются историками, экономистами, археологами¹. Особое внимание ученых привлекают процессы градообразования в регионах, где влияние античной культуры либо отсутствовало почти полностью (как на Руси)², либо было незначительным (как в Скандинавских странах)³. Именно в бессинтезных районах Европы, где традиции городской жизни начали формироваться во второй половине I тыс. н. э., возможно выявить и исследовать начальные этапы градообразования, характер раннегородских поселений и их эволюцию, а также становление системы поселений. Более отчетливо, чем в синтезной зоне Европы, обнаруживаются здесь взаимосвязь и взаимовлияние синхронных процессов возникновения и укрепления города и государства. Поэтому, учитывая типологическую близость исторического развития древнерусского и древнескандинавского регионов⁴ и сходство раннегородских центров на Руси и в Скандинавии⁵, целесообразно сравнительно-исто-

¹ *Ястребицкая А.Л.* Предгородские и раннегородские поселения в средневековой Европе (обзор) // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма. Реф. сб. М., 1979. Ч. 1. С. 271–302; *Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter* / H. Jankuhn, W. Schlesinger, H. Steuer. Göttingen, 1973; *Epperlein S.* Zur Stellung der mittelalterlichen Stadt in der Feudalgesellschaft. Forschungsergebnisse und Probleme zur Geschichte der russischen Stadt vom 10. bis 15. Jahrhundert // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1977. Bd. 4. S. 209–299; *The Medieval City*. New Haven; L., 1978; *Ennen E.* The Medieval Town. Amsterdam, 1979.

² *Карлов В.В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // *Русский город (историко-методологический сборник)*. М., 1976. С. 32–69; *Куза А.В.* О происхождении древнерусских городов (история изучения) // *КСИА*. 1982. Вып. 171. С. 9–15.

³ *Die Zeit der Stadtgründung im Ostseeraum* / M. Stenberger. Visby, 1965; *Fritz B.* Stadshistoria och arkeologi // (S)JNT. 1965. No. 4. S. 472–498; *Cohen S.* The Earliest Scandinavian Towns // *The Medieval City*. P. 313–325; *Skovgaard-Petersen I.* The Coming of Urban Culture to Northern Europe. Vikings, Merchants and Kings // *SJH*. 1978. Vol. 3. No. 1. P. 15–17.

⁴ *Шаскольский И.П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // *ДГ*. 1985 год. М., 1986. С. 95–99.

⁵ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Там же. С. 99–108.

рическое исследование⁶ сети поселений с городскими функциями и их эволюции в обоих регионах, что позволяет более детально выявить связь этих процессов со становлением раннефеодальных государств⁷.

Отсутствие письменных источников и сложность интерпретации данных материальной культуры обуславливают дискуссионность этих вопросов начиная с определения понятия «город». В советской историографии важнейшим показателем городского — в отличие от сельского — поселения считаются наличие ремесленного производства⁸ и рынка, а также прослеживаемая уже на раннем этапе его развития административная функция⁹. Поэтому полифункциональность городов, учитывая также их культовое и культурное значение, рассматривается как важнейший признак развитого феодального города¹⁰. Эти же признаки установлены и для городских центров Скандинавии¹¹.

С точки зрения политической экономии, торгово-ремесленные и административные функции возникающего города обусловлены концентрацией и перераспределением прибавочного продукта¹², что определяет тесную и закономерную взаимосвязь процессов образования города и государства, на которую указывал Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹³. Эта связь традиционно отмечается в отечественной литературе, посвященной древнерусскому городу¹⁴. Неоднократно и под-

⁶ См.: Черепнин Л. В. К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии // СВ. 1969. Вып. 32. С. 262–270.

⁷ Материал Скандинавских стран предоставляет широкие возможности для изучения процессов образования сети раннегородских центров и их эволюции благодаря устойчивости традиционного территориально-административного деления и связанной с ним системы поселений. См.: Urbaniserings processen i Norden. Det XVII nordiske historikermøte. Oslo, 1977. B. 1. Middelalderstæder.

⁸ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42.

⁹ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 8–9.

¹⁰ Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития. С. 41–44; Куза А. В. Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР). С. 45.

¹¹ Andersson H. Zentralorte, Ortschaften und Städte in Scandinavien. Einige methodische Probleme // Frühe Städte im westlichen Ostseeraum / H. Hinz. Neumünster, 1972; Idem. Stadsarkeologi och stadshistoria // Från medeltid till välfärdssamhälle. Stockholm, 1976. S. 471–480.

¹² Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3 и сл.; Куза А. В. Города в социально-экономической системе Древнерусского феодального государства X–XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 3–11.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 165–169.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 32, 64; Паушто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93;

робно рассматривалась в зарубежной историографии роль королевской власти (формирующегося государства) в становлении торгово-ремесленных центров и в Скандинавских странах¹⁵. Однако коренные проявления взаимодействия процессов градо- и государствообразования и на Руси и в Скандинавии исследованы недостаточно. Собственно, сама эта проблема была специально поставлена лишь в 1980 г.¹⁶. Наиболее последовательно на конкретном материале становления шведского государства и развития протогородских центров и городов с V по начало XIII в. она рассмотрена А. А. Сванидзе¹⁷.

Вместе с тем историко-археологические и экономико-географические исследования показывают, что реальные городские признаки — это набор функций, который свойствен не столько каждому отдельному раннегородскому поселению, сколько в целом городской сети, т.е. системе взаимосвязанных и иерархически соподчиненных поселений, которая формируется параллельно со становлением государства¹⁸.

Исследования скандинавского материала в последние десятилетия позволяют создать модель формирования сети поселений, которая при всей условности, свойственной подобным моделям, тем не менее вскрывает ряд существенных особенностей, проявляющихся, хотя и в менее очевидной форме, в древнерусском регионе.

В последней четверти I тыс. в Скандинавских странах и на Руси формируется несколько типов поселений¹⁹. Во-первых, это сельские, главным образом хуторские поселения в Скандинавии (в Дании также и деревенского типа), объ-

Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития. С. 37 и др.; *Куза А. В.* Древнерусские поселения. С. 53–58.

¹⁵ *Fritz B.* Stadshistoria och arkeologi; *Cohen S.* The Earliest Scandinavian Towns. В более широком контексте формирования раннефеодальных государств в Балтийском регионе проблема возникновения раннегородских центров была рассмотрена в книге: *Wikingen und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker.* В., 1982. С. 96–112, 153–160 (перевод Г. С. Лебедева см.: *Славяне и скандинавы.* М., 1986).

¹⁶ *Город и государство в древних обществах.* Л., 1982.

¹⁷ *Сванидзе А. А.* О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции // *Город и государство.* С. 149–161; *Она же.* К вопросу об этапах возникновения шведского государства // *Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе.* М., 1983. С. 29–65.

¹⁸ См.: *Сванидзе А. А.* К вопросу об этапах; *Петрухин В. Я.* О функциях раннегородской сети в процессе становления Древнерусского государства // *Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии.* М., 1985. С. 66–67.

¹⁹ Ближние аналогии обнаруживает и развитие поселений с городскими функциями у западных славян. См.: *Бялекова Д.* Развитие форм поселений в Великой Моравии // *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение.* М., 1985. С. 108–125; *Херрман Й.* Раннегородские центры и международная торговля в Восточной и Северо-Западной Европе // *Славяне и скандинавы.* М., 1986. С. 57–89.

единенные в «гнезда» вокруг центральных усадеб, выполнявших примитивные культовые и — позднее — фискальные функции²⁰, а на Руси — сельские, по преимуществу, деревенского типа; во-вторых, городища, служившие, вероятно, убежищами для окрестного населения; в-третьих, центры территориально-административных округов, святилища; в-четвертых, торгово-ремесленные поселения²¹. Поскольку поселения первых двух типов за редким исключением не развились в феодальную эпоху в города, мы рассматриваем в данной работе центры двух последних типов, дальнейшая эволюция которых обнаруживает их протогородской характер.

Формирование сети административных поселений непосредственно связано со становлением административно-территориальных округов на основе племенных территорий, преобразовывавшихся под влиянием вызревающей системы фискального, судебного, административного управления. Иерархическая соподчиненность округов обусловила возникновение сходных по функциям, но различных по масштабам их реализации центров.

Восходящая, по мнению большинства исследователей²², к позднплеменному строю система сотен (*hundari* — на племенной территории свеев), херадов (*herað* — в остальной части Швеции, Норвегии и на Датских островах) и сюсл (*sysse*l — в Ютландии) послужила основой административно-территориального деления земель в период становления феодальных отношений, а в XIII–XIV вв. — административного, судебного и фискального управления. Несколько сотен (херадов, сюсл) входили в состав более крупной единицы — области: ланда, фюлька или группы фюльков (в Норвегии), первоначально, видимо, территории расселения племени, точнее, союза племен (Свеаланд, Ётланд в Швеции, Рогаланд и др. в Норвегии и т. д.). В наиболее обследованной области — Свеаланде — выявляется относительно упорядоченная сеть административных центров: всего ланда — в Старой Упсале и в каждой из сотен.

²⁰ Ambrosiani B. Fornlämningar och bebyggelse. Uppsala, 1964. S. 202–208; Hyenstrand Å. The Mälaren Area. Stockholm, 1981. P. 21; *Idem*. Centralbygd — Randbygd. Stockholm, 1974; Larson T., Lundmark H. Bebyggelsemönster — er utgångspunkt vid studier av förhistoriska samhällen // Fornvännen. 1982. Årg. 77. S. 161–169.

²¹ Выделение какой-либо одной функции поселения в определенной степени условно, поскольку, как справедливо отмечалось в литературе (см.: Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития. С. 41–44), большинство из них обладает несколькими функциями даже на самом раннем этапе их развития. Однако отчетливое доминирование одной-двух функций в каждом случае позволяет классифицировать поселения по социально-экономическим признакам.

²² Tunberg S. Studier rörande Skandinaviens äldsta politiska indelning. Uppsala, 1911; Hafström G. Hundare // KLMN. 1962. B. VII. Sp. 74–78; Rasmussen P. Herad // KLMN. 1961. B. VI. Sp. 488–491; Sporrang U. Kolonisation, bebyggelseutveckling och administration. Lund, 1971; Ekblom C. A. Viennetionde och hundaresindelning. Studier rörande Sveriges äldsta politiska indelning. Lund, 1974; Hyenstrand Å. Centralbygd — randbygd. S. 50–86; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 99–100.

Так же и в Дании X в. наряду с Еллингем — административным и культурным центром Ютландии — функционируют центры округов: Алаборг, Рибе и др.²³.

Архаичное происхождение центров сотен (херадов) устанавливается как на основе археологического материала, так и данных топонимики: большинство из них носит в Свеаланде название Туна, к которому нередко присоединяется в качестве первого элемента имя одного из языческих богов (*Pórs-tuna*, *Ull-tuna* и др.)²⁴. Рядом с тунами обнаружены могильники VII–VIII вв. (вендельского времени) с погребениями родоплеменной знати (Туны в Альсике, в Баделунде и др.). Судя по руническим надписям, туны являлись также местами тингов — народных собраний²⁵, т. е. административными, а также культовыми центрами²⁶. Таким образом, туны в Свеаланде совмещают ряд функций, выполняя роль, характерную для племенных центров, и тесно связаны с позднеплеменной организацией. Сходную картину выявил А. Я. Гуревич в области Трёнделага (Норвегия) для X – начала XI в., где наряду с центральным для всей области культовым центром в Мэрин, в каждом из фюльков, входивших в состав области Трёнделага, имелся свой культовый (видимо, одновременно и административный) центр, представленный усадьбой правившего в фюльке хёвдинга²⁷. Такие крупнейшие центры областей, как Упсала, Еллинг и др., отличает и их характерная топография: наличие места для тинга, «королевские курганы» и пр., сложившаяся в Упсале в VI в., в Еллинге — в X в.

Для Руси подобную Свеаланду систему сотен реконструировал Б. А. Рыбаков. Он отметил, что городища располагались гнездами, в каждом из которых насчитывалось приблизительно 10 укрепленных поселений, и предположил, что такое гнездо соответствует в традиционном административном делении «тысяче» или «племеню»; селища, расположенные вокруг каждого городища, входили в «сотню»²⁸. Вероятно, функции городищ могли быть близки тунам.

²³ *Randsborg K.* The Viking Age in Denmark. The Formation of a State. L., 1980. P. 71–80, fig. 20.

²⁴ *Holmberg K. A.* De svenska Tuna-namnen. Uppsala, 1969; *Olsson I.* Tuna-namnen i Sverige. Forskningsläget // *Fornvännen*. 1976. Årg. 71. S. 71–81. И. Ольссон усматривает взаимосвязь между названиями тун и сотен, например: *Sollentuna* и *Solaenda hundare*, *Vallentuna* (название и сотни, и ее центра).

²⁵ *Jansson S. B. F.* The Runes of Sweden. Stockholm, 1962. P. 103–112.

²⁶ В поздней (первой половины XIII в.) интерпретации исландского писателя Снорри Стурлусона («Сага об Инглингах», гл. 5) культовые центры округов в Свеаланде были основаны Одином и названы им Сигтунами по аналогии с главным капищем в Старых Сигтунах (*Snorri Sturluson*. *Heimskringla 1* / Bjarni Aðalbjarnarson // ÍF. 1941. В. XXVI. Bls. 16; КЗ. С. 13).

²⁷ *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 217–225.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси (тезисы доклада) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 25–28; Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 850 и сл.

Позднее в гнездах поселений нередко возникал русский город²⁹. Предполагается, что Киев и Новгород, Чернигов и Новгород Северский также возникли путем объединения нескольких поселков³⁰.

В период разложения родоплеменного строя формируются крупные межплеменные конфедерации — союзы племен (земли или княжения), которым в реконструкции Б. А. Рыбакова соответствуют «тысячи» — позднейшие «тмы» в фискальной системе ордынского времени: Киевская, Смоленская и т. д. Центрами союзов племен (словен, кривичей, полян) и их земель считаются древнейшие племенные «города»³¹, упомянутые в недатированной части «Повести временных лет» (далее — ПВЛ): Новгород, Смоленск, Полоцк, возможно, Изборск (у псковских кривичей); в X в. летопись говорит как о племенных центрах об Искоростене (у древлян), вероятно, Турове (у дреговичей), Перемышле (у хорватов), Пересечене (у уличей), Волыни (у волян) и др.³² Эти центры соответствуют, видимо, таковым в Старой Упсале — племенном центре свеев (Свеаланда), Еллинг — административном и культовом центре Ютландии и др. Они исполняли сходные функции: общественно-административную (скандинавские тинги и вече в древнерусских городах); культовую (языческие капища); были средоточием центральной власти.

Древнерусское вече, упоминаемое летописями в Новгороде, Киеве, Смоленске и других городах³³, очевидно, восходит к родоплеменным традициям

²⁹ Такое гнездо было детально исследовано у с. Черновка: на его месте в XI в. возникло крупное поселение, в XII в. — феодальная усадьба (*Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19–25). Большое Горнальское городище возникло в гнезде 20 роменских селищ (правда, это торговоремесленное поселение погибло в 20-х гг. X в.) (*Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6–39). То же наблюдается на Северной Буковине (*Тимощук Б. А.* Древнерусские города Северной Буковины // Там же. С. 122–124; *Леонтьев А. Е.* Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 26). Ср., впрочем, исследования Е. А. Горюнова в Подесенье, где селища, входившие в «гнездо» поселений, оказались разновременными (*Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 12).

³⁰ *Толочко П. П.* О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева. 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 5–18; *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода. К постановке проблемы // ИСССР. 1971. № 2. С. 41–56; *Куза А. В.* Древнерусские поселения. С. 67, 71, 73.

³¹ Видимо, их А. В. Куза называет «межплеменными центрами» (*Куза А. В.* Древнерусские поселения. С. 55). Разумеется, термин «города» для начального — догосударственного — периода формирования племенных центров употребляется в древнерусском летописном, а не современном социально-экономическом смысле; собственно города появляются, как уже говорилось, в период разложения племенного строя.

³² *Седов В. В.* Начало городов на Руси // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. С. 7; *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси. IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 21–22.

³³ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 217–225.

народного собрания, как и скандинавский тинг. Неясно, где собиралось вече в древнейшем Новгороде, но в Изборске, одном из древнейших русских городов (ранние слои относятся к VIII в.), который исследователями считается племенным центром псковских кривичей, открыта центральная, видимо, вечевая площадь³⁴. Что касается культовых функций, то и пантеон храма в Упсале, где отправлялся культ общескандинавских богов (Тора, Одина, Фрейра), и святилище в Перыни под Новгородом, где сам топоним напоминает об общеславянском божестве Перуне, свидетельствуют о перерастании племенных культов в межплеменные и затем — в государственные: таков пантеон, учрежденный в 980 г. князем Владимиром в Киеве. Для процесса централизации власти показательно, что три «королевских» кургана в Упсале, приписываемые скандинавской традицией трем конунгам легендарной династии Инглингов, возводимой к богу Ингви-Фрейру, сопоставимы с киевскими урочищами — легендарными городками трех братьев — основателей Киева и «княженья» полян; при этом эпоним города — Кий — восходит к образу мифологического славянского культурного героя³⁵. Централизация власти, таким образом, сопровождается идеологическим обоснованием божественного происхождения династий, утвердившихся в реальных племенных центрах.

Центральная власть в Новгороде, по реконструкции, предлагаемой на основе изучения боярских патронимий трех новгородских концов В. Л. Яниным, начиная с возникновения города (IX в.?) распространялась на всю новгородскую племенную конфедерацию и осуществлялась представителями племенных верхов — формирующейся боярской аристократией³⁶. Центры племенных союзов вырастали в зонах особой концентрации населения³⁷ и, сохраняя древние традиции, возглавили более широкие «предгосударственные» объединения.

С VII в. в Скандинавии наряду с тунами — племенными центрами — возникает новый тип поселения, носивший название *hus(a)by*³⁸. В настоящее время

³⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 56–57, 243.

³⁵ Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 120–123.

³⁶ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11). С. 87–91.

³⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 58 и сл.; Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (К вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38; Шмидт Е. А. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967. С. 59.

³⁸ Steinnes A. Husabyar. Oslo, 1955; Rosén J. Husaby // KLNМ. 1962. B. VII. Sp. 94–96; Andræ C. G. Kungsgård (Sverige) // KLNМ. 1964. B. IX. Sp. 513–515; Rasmussen P. Kungsgård (Denmark) // Ibid. Sp. 516; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.,

известно около 70 раннесредневековых хусабу в Швеции (преимущественно в Свеаланде), 46 — в Норвегии, 9 — в Дании. Они рассматриваются как королевские усадьбы, управлявшиеся слугами конунга (*bryti*) и предназначенные для сбора дани с местного населения, в первую очередь в продуктовой форме, отчего именно хусабу были местом остановки конунгов и их дружин во время постоянных переездов по подвластной территории. Сведения о королевских усадьбах, относимые уже к VII в., нередки в сагах. Формирование системы хусабу в Свеаланде «Сага об Инглингах» (гл. 10) прямо связывает со становлением Упсальского удела (*Uppsala öd*) — королевского домена³⁹.

В силу сложившегося типа расселения королевские усадьбы являлись поселениями хуторского типа, представление о которых дают раскопки одной из них на о. Адельсё (оз. Меларен), позднее превратившейся в королевский замок *Alsnö hus* и состоявшей в X в. из ряда жилых и хозяйственных построек. Поблизости от усадьбы находился могильник, три больших «королевских» кургана и «курган тинга» — топография, весьма близкая топографии Старой Упсалы⁴⁰.

Наибольшая концентрация топонимов хусабу отмечается на территории Упсальского удела. На остальной территории Свеаланда хусабу имеются в каждой из сотен, наряду с тунами⁴¹. Нередко они расположены поблизости от границ сотен (херадов), т.е. возникли на ранее не освоенных землях⁴². Каждый административно-территориальный округ, таким образом, имеет два центра, очевидно представлявших две различные системы власти: формирующуюся королевскую с зачатками государственного управления (хусабу) и местную, восходящую к племенному строю (туны). Происходит как бы наложение двух сетей административных центров, соответствующих двум противостоящим системам власти: центральной и местной. Формирование сети хусабу как опорных пунктов королевской власти свидетельствует об усилении последней и ее стремлении закрепить за собой глубинные районы подчиненной территории, о ее противодействии племенным формам общественной организации, что означает важный шаг в сложении государственности.

1967. С. 118, 128; *Hyenstrand Å.* The Mälaren Area. Fig. 16; *Сванидзе А. А.* К вопросу об этапах возникновения шведского города. С. 41.

³⁹ *Schück H.* Uppsala öd // *Uppsala universitets årsskrift*. 1914; *Snorri Sturluson.* Heimskringla 1. Bls. 23–24; КЗ. С. 15–16.

⁴⁰ *Ryd H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936; *Thordeman B.* Alsnö hus. Stockholm, 1920; *Nerman B.* Kungshögarna på Adelsö och Sveriges kungalängder // *Fornvännen*. 1918. Årg. 13. S. 25–46. Здесь в 60-х гг. XI в. был установлен рунический камень Ториром, брютти конунга Хакона (Hovgården, Up).

⁴¹ Усадьбы с аналогичным названием возникают в это время и в других Скандинавских странах, причем их местоположение, как правило, связано со старыми племенными центрами. Например, такая усадьба известна поблизости от святилища Мэрин в Норвегии. Сходная со Свеаландом концентрация топонимов наблюдается на Ютландии на территории между Еллинге и Хедебю (*Randsborg K.* The Viking Age in Denmark. P. 80).

⁴² *Ambrosiani B.* Fornlämningar och bebyggelse. P. 215–218.

В эпоху становления государства на Руси великокняжеская власть закрепляла за собой подвластные племенные территории, стремясь упрочиться в племенных центрах и при посредстве системы погостов — пунктов для сбора дани, полюдьа⁴³, в этом отношении сопоставимых с хусаю. Согласно первым легендарным известиям ПВЛ, призванные князья-варяги обосновались в Ладогe (Ипатьевская летопись), затем в Новгороде, Изборске, Белоозере. Перечисленные города в IX–X вв. были форпостами славянской колонизации финских племенных территорий. Интересы славянской знати и пришлых групп скандинавов совпадали — они заключались в эксплуатации вновь освоенных земель, в контроле над международной торговлей и т. п. Естественно, что главной базой славяно-скандинавского синтеза и формирующейся государственности были возникающие здесь города. Недаром, согласно летописи, по смерти братьев Рюрик раздает «мужем своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро»⁴⁴.

В той же ПВЛ появление сети городов и погостов непосредственно связывается с обложением подвластных территорий данью при Олеге (882 г.), который «нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери»⁴⁵ и «реформами» княгини Ольги (947 г.)⁴⁶.

Во второй половине I тыс. н. э. в Скандинавских странах появляются поселения, которые исследователи отличают от сельских на основании относительно развитой торгово-ремесленной деятельности и определяют как собственно протогородские (или предгородские) центры, которые обычно называются виками⁴⁷. В Дании уже до 800 г. существуют Хедебю и Риббе, в эпоху викингов возникают Орхус, Оденсе, Выборг, Роскильде; в Швеции до VIII в. функционируют Экеторп и Хельгё, с VIII в. — Бирка (на о. Бьёркё в оз. Меларен), позднее вырастают Лунд, Сёдертэлье, в Норвегии — Скирингсаль. Вики VIII–X вв. играют большую роль в международной торговле, связывая арабский Восток и Западную Европу. Не меньше оснований считать их и крупными ремесленными центрами, однако ремесленное производство в них было ориентировано в большей степени на обслуживание населения вика и торговли, нежели приле-

⁴³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 366. См. также о погостах: Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

⁴⁴ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — Прим. ред.].

⁴⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. — Прим. ред.].

⁴⁶ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149.

⁴⁷ Vogel W. Wik-Orte und Wikinger // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1969. Bd. 1. S. 196–238; Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. P. 313–325; Skovgaard-Petersen I. The Coming of Urban Culture. P. 5–7.

гающей к вику округа. Концентрация в них населения⁴⁸, скопление значительных материальных ценностей — все это способствовало быстрому росту самих поселений и увеличению их роли в экономическом развитии Скандинавских стран.

Именно экономическое значение виков определяет, практически со времени возникновения, установление контроля со стороны королевской власти над их деятельностью и вовлечение виков во внутривикинскую структуру нарождавшегося государства⁴⁹. В важнейших виках короли имеют своих представителей, собиравших, видимо, торговые пошлины⁵⁰; с IX в. в Хедебю и Бирке производится чеканка монеты, что было королевской регалией⁵¹. В X в. большинство виков обносится укреплениями, в непосредственной близости от них располагаются небольшие по размерам, но имеющие мощные укрепления «борги», в которых размещался «гарнизон» — часть дружины конунга, оставившей богатые дружинные могильники. Тем не менее полного подчинения виков королевской власти не происходит: по сообщениям Римберта (третья четверть IX в.), подтверждаемым Адамом Бременским (XI в.), важную роль в вопросах внутренней жизни Бирки играли ее жители и «совет знатных» (*principes*)⁵²; резиденция конунга находилась вне территории вика (на о. Адельсё у Бирки). Хотя письменные источники по социально-политическому устройству других виков скудны, но сходство топографической структуры поселений — наличие усадеб-хусабу около Хедебю и Скирингсала — позволяет предполагать также их сходство и в других отношениях. Таким образом, хотя и сохранявшие определенную самостоятельность вики тем не менее были включены как в военную-стратегическую, так и экономическую систему (сбор дани и ее реализация на международных рынках). Это определяет основное отличие виков от тун и хусабу — их полифункциональность, хотя и при очевидном доминировании в них торговли и ремесла.

На Руси ранние ремесленные поселения представлены Пастырским городищем, возможно, Зимновским, позднее городищами Ревно, Хотомель и др.⁵³.

⁴⁸ По подсчетам А.-С. Грэслунд, постоянное население Бирки составляло 500–600 человек (Gräslund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Björkö. Birka IV. Stockholm, 1980. P. 82–83).

⁴⁹ Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. P. 313; Sawyer P. H. Wics, Kings and Vikings // The Vikings. Symposia Universitates Upsaliensis. Uppsala, 1978. P. 23–31; Skovgaard-Petersen I. The Coming of Urban Culture. P. 15–17.

⁵⁰ Adam. I, 15; I, 26.

⁵¹ Сванидзе А. А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 3–29.

⁵² Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti / G. Waitz. Hannover, 1884 (MGH SRG). Unveränderter Nachdruck, 1988. X (11); XXVI (27); Adam. IV. 21, 22.

⁵³ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 242–243; Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. М, 1976. С. 51–52.

Однако эти единичные поселения еще не образовали сети и являлись, видимо, центрами местной округи. Они сопоставимы с ранними скандинавскими центрами, такими, как шведские Экеторп и Хёльге.

С VIII в. возникают полиэтнические торгово-ремесленные поселения на севере Руси — прежде всего в Ладоге, однотипной с Хедебю⁵⁴ и другими протогородами балтийского региона. Им близки и торгово-ремесленные поселения, формирующиеся к X в. на дружинных погостах. В наиболее древнем значении, каким оно вырисовывается в ПВЛ (947 г.) и по данным лингвистики, погост выступает как «стан для князей и княжеской дружины, наезжавшей для собирания дани»⁵⁵, — полюдьа (позднее, в эпоху развитого феодализма, погосты — центры сельских общин и административно-податных округов⁵⁶), т. е. выполняет административную функцию, аналогичную хусабю. Однако по сравнению с хусабю древнерусские поселения, которые можно отождествить с погостами на основании обнаруженных там дружинных древностей, имели более широкий набор функций, прежде всего ремесленную и торговую. Характер ремесла был во многом ориентирован на нужды великокняжеской дружины, постоянно пребывавшей на погостах, судя по дружинным курганам в составе некрополей возле поселений в Гнёздове, Шестовице, Тимереве. Типологически и, видимо, генетически (о чем говорит единство материальной культуры, характеризующей быт дружины) близки перечисленным памятникам Городище под Новгородом, в меньшей мере — Сарское городище под Ростовом.

По уровню развития ремесла и торговли (прежде всего внешней), характеру деятельности дружины главные древнерусские погосты смыкаются с Биркой и другими виками⁵⁷. Однако древнерусские погосты наделены были более широким набором функций, чем вики: они — центры сбора дани и, видимо, административного управления, а потому схожи как с виками, так и с хусабю.

Расширение сети погостов, как уже говорилось, летопись связывает с деятельностью Ольги, которая в 947 г. идет из Киева к Новгороду и Пскову и «устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ...»⁵⁸. Раскопки выявляют возрастающее число торгово-ремесленных по-

⁵⁴ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // *Славяне и Русь* (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979. С. 99–100; *Он же*. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога*. Л., 1985. С. 3–26.

⁵⁵ Иванов В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов*. М., 1975. С. 71–72.

⁵⁶ Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 101.

⁵⁷ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974. С. 11–17.

⁵⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 43 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 29. — *Прим. ред.*].

селений, которые можно сопоставить по характеру ремесленной деятельности с погостами типа Гнёздова и Тимерева, расцвет которых приходится как раз на середину X в.: в этот период рядом с Гнёздовом возникает новое поселение и курганная группа на Ольшанке, наряду с Тимеревым в Верхнем Поволжье развиваются сходные поселения в Михайловском и Петровском. Маршрут Ольги, возможно, проходил через Городок на Верхней Луге, Городок на Ловати⁵⁹, поселения на Десне, главное из которых — Шестовица⁶⁰, и др. Время их существования — преимущественно X век, причем Городок на Луге возникает в середине этого столетия, и его основание исследователи приписывают Ольге⁶¹.

В отличие от ранних торгово-ремесленных поселений погосты образуют уже отчетливую раннегородскую сеть, расположенную на основных речных магистралях и связанную не только со столичным Киевом, но и с балтийскими протогородами прежде всего через Ладогу, включенную в систему великокняжеских центров и представлявшую собой «торжище, погост и пункт привоза дани» уже с первой половины IX в.⁶²

Взаимосвязи между древнерусскими погостами обнаруживаются не только в их общих внешних контактах и единстве их материальной культуры, но и в общих тенденциях развития ремесленной технологии⁶³, а также социальной структуры. О последнем можно судить прежде всего по распространению ко второй половине X в. специфического дружинного погребального обряда — ингумаций в камере, обнаруженных как в Киеве, так и в подвластных ему городах (Ладога, Псков) и на погостах — в Гнёздове, Тимереве, Шестовице. Камерные гробницы принадлежали представителям высшей дружинной знати,

⁵⁹ Горюнова В. М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 140–148. В верховьях Западной Двины на р. Торопе возле Торопца также обнаружены дружинные древности IX–X вв., клад дирхемов (IX в.?) и городище, укрепления которого были возведены во второй половине X в. См.: Корзухина Г. Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. 1964. Вып. VIII. С. 297–313; Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 245.

⁶⁰ Шинаков Е. А. К вопросу о происхождении раннесредневековых городов Брянского Подесенья // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. С. 75.

⁶¹ Заклевская Н. И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 53. См. также: Платонова Н. И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 174, 178–179.

⁶² Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. С. 24.

⁶³ См., например, о технологии производства вещей из цветных металлов Городка на р. Ловати, Гнёздова, Киева и др.: Горюнова В. М. Цветной металл Городка на Ловати (X–XII вв.). Спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 56–61; Килиевич С. Р., Орлов Р. С. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. // Археологические исследования Киева. С. 61–76.

вероятно, непосредственно связанной с Киевом. Типологически и, видимо, генетически этот обряд восходит к ингумациям в камерах, известным в скандинавских виках, особенно в Бирке и Хедебю⁶⁴.

Показательно, что крупнейшие погосты располагались, как правило, вблизи древнейших племенных центров: Гнёздово — под Смоленском, Шестовица — под Черниговом, Городище⁶⁵ — под Новгородом (последнее, видимо, с конца IX в. выполняло функции экстерриториальной княжеской резиденции). Дискутируется роль Сарского городища под Ростовом⁶⁶: погост мог возникнуть на старом мерянском поселении (VIII в.) (ср. возникновение Гнёздовского городища на месте балтского поселения). Расположение главных княжеских погостов на водных магистралях вблизи древнейших городов, вероятно, указывает на то, что их дружины призваны были не только взимать дань, но и противостоять центробежным устремлениям боярской «верхушки» древнерусских городов — старых племенных центров. Очевидно, что помимо внутривнутриполитической (военно-административной) функции погосты обладали и фискальной — сбора, а затем и сбыта дани на международных рынках. Погосты были, собственно, местом перераспределения прибавочного продукта: об этом могут свидетельствовать клады серебряных монет и вещей, призванных украсить быт дружинной «верхушки» и подчеркнуть ее высокий социальный статус. Таким образом, вероятно противостояние на Руси погостов (центры формирующегося государства) и «племенных городов» (центры местной округи)⁶⁷.

К середине X в. древнейшие городские центры включаются в общерусскую городскую сеть: судя по сообщению Константина Багрянородного, не только Киев, где правил «архонт росов» Игорь, и Новгород, где сидел его сын Свя-

⁶⁴ Лебедев Г. С. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // СС. 1977. Вып. XXII. С. 147–151; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // ИСССР. 1984. № 3. С. 58.

⁶⁵ Янин В. Л., Колчин Б. А. Археологии Новгорода — 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1980. С. 110; Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. С. 3–38.

⁶⁶ Исследование соотношения племенных центров и погостов осложнено слабой изученностью ранних слоев древнейших русских городов. Ранние маломощные слои разрушались наиболее интенсивно, и во многих городах, о существовании которых в IX–X вв. известно из сообщений летописи, слои этого времени пока не прослежены. Это дало повод для создания теории «переноса городов» в Древней Руси. В частности, считалось, что первоначальный Ростов — это Сарское городище; на своем месте Ростов возник благодаря «переносу» (Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 78–37). Современными исследованиями в Ростове открыты слои X в. и доказано, что Ростов сосуществовал с Сарским городищем в эпоху расцвета последнего (Леонтьев Е. А. Ростов (предпосылки образования древнерусского города) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. С. 61–62).

⁶⁷ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города. С. 110–112. Ср. также: Шинаков Е. А. К вопросу о происхождении.

тослав, но и Чернигов, и Смоленск, наряду с Витичевым, Вышгородом и Любечем (если под хоронимом Телюца понимать Любеч, а не Полоцк), участвуют в сборе лодок-однодеревок. Показательно, что славяне продают однодеревки росам⁶⁸ (под последними Константин Багрянородный понимает великокняжескую дружину), а не поставляют их как подать. С другой стороны, уже в договоре русских с греками, помещенном в ПВЛ под 907 г., «заповѣда Олег... даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа города; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще»⁶⁹.

В истории формирования Древнерусского государства и его городской сети особое значение имеет Киев и его округа, получившие позднее — в XII в. — название «Русская земля» (в узком смысле) и представлявшие княжеский домен⁷⁰, типологически близкий Упсальскому лену в Свеаланде. Киев, племенной центр полян, ставший столицей огромного государства, в летописи начиная с договора 907 г. постоянно связывается с двумя городами: Черниговом и Переяславлем, которые входят в великокняжеский домен. Курганы Чернигова — свидетельство присутствия в городе великокняжеской дружины, по крайней мере с середины X в. Более того, дружинные курганы известны по всей Черниговщине, а главные погосты были расположены в Шестовице и, видимо, в Седневе (древнерусский Сновск)⁷¹. Однако и вокруг самого Киева образуется сеть поселений, обеспечивавших деятельность князя и его дружины: Любеч (?), Вышгород, Витичев, «киевская крепость» Самбатас (если это не иноязычное название самого Киева)⁷², упомянутые Константином Багрянородным, а также княжеский теремный дворец X в. «вне града», на функции экстерриториальной резиденции которого указал М.К. Каргер⁷³. Структура поселений, принадлежавших непосредственно великому князю, оформляется, согласно ПВЛ, ко времени правления Ольги: в Киев идут две трети дани с древлян, треть — в «Вользин град» Вышгород; среди мест, погостов, перевесищ, основанных Ольгой, упомянуто ее село Ольжичи⁷⁴. Эта

⁶⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей, гл. 9 // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272. [*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 46 (текст), 47 (перевод). — *Прим. ред.*].

⁶⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 24 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 17. — *Прим. ред.*].

⁷⁰ Ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–46; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 68.

⁷¹ Ср.: *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 66; см. также: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 12.

⁷² См. карту древнерусских городищ вокруг Киева: *Раннопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105. С. 172–173.

⁷³ *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 267.

⁷⁴ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 43 [= ПВЛ-1996. С. 29. — *Прим. ред.*].

структура в общем сохраняется и при Владимире, который держит наложниц в Вышгороде, Белгороде и селе Берестове⁷⁵. В целом сеть контролируемых великокняжеской властью поселений в пределах домена напоминает сходную систему хусабу в Упсальском уделе. Дифференцированными оказываются и функции перечисленных пунктов: от старого племенного центра Киева (со святилищем и т. п.), ставшего столицей государства, до княжеского «града» (Вышгород), возможно, восходящего к княжескому двору-замку⁷⁶, села и экстерриториальной резиденции князя («теремный двор»). Как уже упоминалось, древлянская дань распределялась между Киевом и Вышгородом как «Ольгиным градом». Отношения подчинения Киеву охватывали города всей Русской земли (в широком смысле): те центры, которые, согласно Константину Багрянородному, летом поставляли в Киев однодеревки, зимой, по убедительному предположению Б.А. Рыбакова, участвовали в кормлении дружины росов, собиравшей полюдь⁷⁷. Четко прослеживается присутствие великокняжеской дружины в Чернигове, Пскове, Ладоге. Среди племен, входивших в зону полюдья, не названы словене новгородские, зато Новгород, где сидел в X в. старший сын киевского князя, платил в Киев дань (урок)⁷⁸. Эта взаимосвязь административных и фискальных функций, роль разных городов как подателей и получателей даней свидетельствуют о сложной и иерархизированной древнерусской городской сети в X в. и ее развитии по мере становления государственности.

Таким образом, вырисовывается картина сосуществования нескольких различных по характеру, но взаимосвязанных и функционально дополняющих друг друга поселений. Они образуют сеть, основанную на административно-территориальном делении земель и отражавшую разнотипные системы управления. Это старые племенные центры (на Руси) и туны (в Скандинавии), выполнявшие культовые и административные функции; опорные пункты центральной (государственной) власти: хусабу в Скандинавии (на территории королевского домена и в каждой из сотен) и погосты на Руси, куда свозилась дань с округи и где находилась резиденция представителя верховной власти; наконец, торгово-ремесленные центры (собственно протогорода), концентрирующие ремесла, торговлю и перераспределение прибавочного продукта (на Руси частью совпадают с погостами, в Скандинавии — вики). Такое сочетание функционально различных поселений на уровне «земли» (ланда) наиболее ярко проявляется в «Русской земле» (в узком смысле) и в Свеаланде; в последнем сосуществуют и взаимно дополняют друг друга Старая Упсала (культовый и племенной центр), Бирка и королевская усадьба на Адельсё. Аналогичная картина наблюдается в Дании, где сосуществуют Хедебю и, видимо,

⁷⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 57 [= ПВЛ-1996. С. 37. — *Прим. ред.*].

⁷⁶ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества. С. 68.

⁷⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 322–323.

⁷⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 88–89 [= ПВЛ-1996. С. 58. — *Прим. ред.*].

королевская усадьба (Хусбю) в 5 км от него⁷⁹; в Норвегии, где рядом с торгово-ремесленным центром конца VIII — начала IX в. Скирингссалем (Каупанг) находится хутор, носящий название Хусебю, и языческое капище⁸⁰. Рядом с большинством протогородов (но за пределами укрепленной части) расположены крепости, где, видимо, находился «гарнизон» конунга (в Хедебю, Бирке, Павикене и др.). Наконец, в более развитой в социально-экономическом отношении Дании возникают «укрепленные лагеря» типа Треллеборга, рассматриваемые как опорные пункты королевской власти⁸¹ и сопоставимые с такими древнерусскими центрами, как Гнёздово, расположенное на пути между главными центрами Руси — Киевом и Новгородом, и Шестовица на территории северян, подчиненной Киеву.

* * *

В конце X — первой половине XI в. в этой картине происходят существенные перемены: в первую очередь и в Скандинавии и на Руси исчезают или приходят в упадок многие из наиболее крупных торгово-ремесленных центров: Бирка, Хедебю, Гнёздово, Тимерево. В тех скандинавских городах, которые, как считается, продолжили свое существование в средние века, наблюдаются в это время топографические изменения. Так, в Рибе поселение эпохи викингов на северном берегу р. Рибе исчезает в XI в., а вместо него возникает город на южном берегу реки⁸²; перемещается центр поселения в Роскильде; вместо сожженного в середине XI в. Хедебю на противоположном берегу р. Шлее вырастет Шлезвиг⁸³. На Руси сходные процессы отмечаются в Полоцке, где к началу XI в. забрасывается старое укрепленное поселение и с ростом города возникает новый детинец (Верхний Замок)⁸⁴, а по последним предположениям, также и в Новгороде, где жизнь на Городище временно затухает в XI в., княжеская резиденция переносится на Ярославово Дворище⁸⁵. Эти топографические изменения, видимо, связаны с формированием структуры, ставшей традиционной для средневековых городов.

⁷⁹ *Gregersen H. V. Slesvig og Holsten før 1830. Copenhagen, 1981. S. 75.*

⁸⁰ *Blindheim Ch. Kaupang by the Viks Fjord in Vestfold. Excavations and Research // Herteig A. E., Lidén H.-E., Blindheim Ch. Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo, 1975. P. 136.*

⁸¹ *Randsborg K. The Viking Age in Denmark. P. 99–101.*

⁸² *Bencard M. Introduction // Ribe Excavations, 1970–1976. Esbjerg, 1981. Vol. 1. P. 10–11. Map: p. 6–7.*

⁸³ *Olsen O. The Medieval Town. A Historical-Archeological Project Initiated by the Danish Research Council for the Humanities // Danish Medieval History. New Currents. Copenhagen, 1981. P. 137–152. Закрепление названий «Хедебю» за поселением эпохи викингов и «Шлезвиг» — за средневековым городом принадлежит современной литературе. В средневековых источниках они употребляются альтернативно.*

⁸⁴ *Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 31–33.*

⁸⁵ *Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. С. 34. Автор справедливо отмечает, что такие топографические сдвиги не имеют отношения к «переносу городов».*

Одновременно происходит и функциональная переориентация хусабю. Их административно-фискальные функции сокращаются, и из поселений, близких ранним погостам, они превращаются в усадьбы, которые контролируют королевские земельные владения (например, на о. Адельсё в XII в. строится королевский замок).

После введения христианства падает роль культовых центров, таких, как Старая Упсала. Становление церкви под прямым покровительством королевской власти обуславливает размещение церковной администрации в поселениях, находящихся под контролем королевской власти.

Таким образом, монофункциональные поселения VIII–X вв. по мере усиления королевской власти, формирования центрального управления, становления податной системы оказываются неспособными удовлетворить широкий спектр новых общественных потребностей. В этих условиях развитие поселений с дифференцированными функциями подчиняется общей тенденции к синтезу разных функций в формирующихся городах феодальной эпохи⁸⁶. Наиболее наглядно этот процесс протекает в Свеаланде. Старая Упсала — Бирка — усадьба на Адельсё, три центра Свеаланда (культовый, торговый, административный) в конце X — начале XI в. уступают место Сигтуне, также расположенной на оз. Меларен⁸⁷. Она становится важнейшим центром ремесла, торговли, королевской власти, церкви. В ней начинается чеканка монет, находится резиденция конунга Швеции (к этому времени включившей Ётланд и другие области). О процветании в Сигтуне торговли и ремесел говорят рунические надписи, упоминающие «фризскую гильдию», и найденные при раскопках остатки мастерских: ювелирных, косторезных и др. В 60-х гг. XI в. Сигтуна становится центром вновь образованной епископии, в ней строятся каменные церкви св. Петра, св. Олава, св. Ларса. Во второй половине XI в. в ней сосредоточиваются все основные городские функции, ранее до известной степени расчлененные между тремя поселениями.

В процессе становления Древнерусского государства также наиболее прогрессивными образованиями были поселения, синтезировавшие функции торгово-ремесленных и княжеских административных центров и центров местной (в прошлом — племенной) округи. Очевидно, что интенсивный рост древнерусских городов во второй половине X — XI в. (Киев, Новгород, Псков, Рос-

⁸⁶ Очевидно, что эта дифференциация и синтез функций проявились только в процессе развития сети поселений. Как считает Б. А. Тимошук, «древнерусские города впервые появились тогда, когда ремесленные поселения, военно-феодальные центры и окружавшие их селища слились в одно взаимозависимое целое» (*Тимошук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины. С. 119–120*).

⁸⁷ Douglas M. Sigtuna. Stockholm, 1978. П. Сойер предполагает даже, что торговля и ремесла были преднамеренно перенесены конунгом Свеаланда из Бирки в Сигтуну (*Sawyer P. H. Kings and Vikings. Scandinavia and Europe, AD 700–1100. L., 1982. P. 130*). См.: *Ambrosiani B. Birka — Sigtuna — Stockholm. Ett diskussionsinlägg // Tor. 1957. B. 3. S. 148–158*.

тов, Смоленск, Полоцк и др.)⁸⁸ делал малоэффективной систему полюдья, что ослабило роль погостов. Естественно стремление русских князей, особенно начиная с Владимира, закрепить за собой города, посадив туда своих сыновей. Согласно ПВЛ, после 988 г. Владимир «посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотыскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовм, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани»⁸⁹. А. А. Шахматов считал летописную статью о распределении волостей между сыновьями Владимира искусственной. Неясно, писал он, почему не указано, кто сидел в Смоленске, Чернигове, Переяславле, названных в летописи среди древнейших городов. Но, как уже указывалось, Чернигов и Переяславль входили в великокняжеский домен в X в. и лишь после смерти Ярослава (1054 г.) стали столицами самостоятельных княжеств. Что же касается Смоленска, то сам Шахматов отмечал, что в поздних летописных сводах, сведения которых, видимо, подтверждаются византийским хронографом (Скилица—Кедрин), к списку волостей, полученных сыновьями Владимира, добавлен и Смоленск, где был посажен Станислав, и Псков, куда Владимир посадил Судислава⁹⁰.

В Новгороде появление князя отмечается переносом княжеской резиденции с Городища на Ярославово Дворище в сам город: жизнь на Городище временно затухает. Но так же затухает жизнь и в Гнёздове под Смоленском — не с вокняжением ли Станислава в городе связано это событие? Вероятно, с утверждением Ярослава на ростовском столе можно увязать и упадок поселения на Сарском городище, а с основанием им княжеской крепости, Ярославля, — исчезновение Тимерева и других погостов в Верхнем Поволжье.

Следует отметить, что помимо главных погостов и дружинных лагерей типа Шестовицы к началу XI в. прекращают существование или приходят в упадок многие племенные и ранние протогородские центры (Искоростень, поселение на Ревнянском городище, на Титчихе, Хотомель и др.)⁹¹, в процессе христианизации уничтожаются культовые центры (Перынь) и т. п. Функции погостов по мере феодализации отходили к ближайшим городам — центрам местной округи (волости)⁹² и княжеской администрации, в некоторых случаях — экстерриториальным княжеским резиденциям. Наименование «погосты» (как и «хусабы» в Скандинавии) закрепилось за центрами сельской округи. На

⁸⁸ Ср.: Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 50, 53.

⁸⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 83 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 54. — *Прим. ред.*].

⁹⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 88–89.

⁹¹ Ср.: Тимощук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины; Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 42, 50.

⁹² Куза А. В. Города в социально-экономической системе. С. 3–11.

месте Гнёздовского и Сарского городищ возникли феодальные усадьбы, а центрами княжеств стали Смоленск и Ростов.

Опыт историко-типологического исследования позволяет выявить некоторые закономерности в возникновении и развитии раннегородских центров, которые в процессе становления государства образуют сеть взаимосвязанных поселений с различными функциями. Наряду с традиционной системой «племенных» административных, культовых центров формируется и накладывается на нее система опорных пунктов государственной власти. В иерархизирующуюся с укреплением государства сеть раннегородских поселений входят также торгово-ремесленные «протогорода», контролируемые центральной властью. Завершение процесса сложения феодальных государств сопровождается отмиранием некоторых звеньев этой сети: в первую очередь, тех протогородских образований, которые по тем или иным причинам не были в состоянии синтезировать основные городские функции, и развитием полифункциональных городов феодальной эпохи.

(Впервые опубликовано: ИСССР. 1986. № 5. С. 64–78)

Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен»

1. Сообщения ПВЛ и НПЛ об этнополитической ситуации на Северо-Западе Восточной Европы к моменту «призвания варягов» позволили предположить, что в середине IX в. здесь существовало межплеменное объединение, получившее условное наименование «северной конфедерации племен». Оно характеризовалось как территориально-политическое образование, возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен и возникшее в ходе борьбы с «северной опасностью» (В. Т. Пашуто и др.). Однако, поскольку малоблагоприятные природные условия для производящего хозяйства вряд ли могли обеспечить интенсивное социально-политическое развитие региона, остаются неясными экономические предпосылки и общественный строй этого объединения.

2. Легенда о призвании и другие известия ПВЛ и НПЛ, сообщения восточных источников, восходящие к IX в., а также археологические материалы дают основания для уточнения этих вопросов. Территория «конфедерации» складывалась вокруг северной части Балтийско-Волжского пути. Она объединяла племена, земли которых располагались на его отдельных участках от Финского залива (чудь) до Волжской Болгарии (меря). Крупный торговый путь консолидировал округу, создавая вокруг него обширную (благодаря разветвленной речной сети) зону, в которой доминировали тенденции к политической интеграции. На земле каждого из входивших в нее племен в VIII–IX вв. возникают торгово-ремесленные и военно-стратегические центры: Ладога в земле чуди, Изборск и Псков — у кривичей, Городище и позднее Новгород — у словен, Сарское и Тимерево — у мери. В них происходило перераспределение движущихся по торговому пути ценностей. Контроль над ними обеспечивал концентрацию богатств и укрепление центральной власти. Ядром этого образования являлся Волхов-Ильменский участок пути. В рассказе об «острове русов» (Ибн Русте, Гардизи), локализуемом на этой территории, объединение названо «страной русов» (ар-Русийя). Видимо, оно же обозначается как ас-Славийя (второй вид русов) в несколько более поздней арабской традиции (ал-Истахри, Ибн Хаукаль).

3. Центральная власть, глава которой обозначается восточными авторами как «хакан» (Ибн Русте и др.) — титул правителя наивысшего ранга, — опирается на иноэтничную, т. е. не связанную с узко племенными интересами военную силу, и осуществляет над нею контроль («призвание» совершается согласно «ряду»-договору). Уровень социальной стратификации отражается не только в выделении «знатных русов», погребаемых по особому обряду (Ибн

Русте), но и в обособлении военного слоя. Представители центральной власти («мужи» Рюрика) вместе с дружинами размещаются в основных центрах на территориях отдельных племен — согласно легенде, для кормления, но, вероятно, в первую очередь, для контроля над ними.

4. Экономическую основу власти создают торговля по Балтийско-Волжскому пути (особое внимание на нее, в силу преимущественно торговых контактов, обращают восточные источники) и дани с местного населения (легенда, Гардизи). Торговля пушниной и рабами составляет, по мнению восточных писателей, основное занятие верхушки общества; десятина от нее поступает правителю (Худуд ал-Алам, Гардизи). Важной предпосылкой участия местной знати в торговле по Балтийско-Волжскому пути было наличие в регионе пушного зверя, одного из главных предметов торговли. Получаемые в виде дани меха, а также другие предметы промыслов, поступали в торговлю, обогащая племенную верхушку, что укрепляло ее социальное положение. Очевидно, существуют определенные правовые нормы, ограждающие торговлю (по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) отдается половина имущества оскорбителя). Дани собираются в натуральной форме путем полюбья (Ибн Русте, Гардизи и др.). Можно предполагать наличие некоего аппарата для взимания дани: и после ухода Олега в Киев дань от Новгорода продолжает поступать к нему.

5. Правовая регламентация общественной жизни касается, видимо, не только обеспечения торговой деятельности, но и функционирования властных структур. Наличие правовых норм в этой сфере частично отражено в статьях «ряда» с варягами, а также в самом факте его заключения.

6. Неполные и отрывочные, эти данные, тем не менее, указывают на то, что уже в середине IX в. на Северо-Западе Восточной Европы сложилось территориально-политическое образование более высокого, нежели союз племен, уровня. В его возникновении решающую роль сыграла торговля по Балтийско-Волжскому пути. Само же оно может быть охарактеризовано как раннее государство дружинного типа.

(Впервые опубликовано: ВЕДС. V: Спорные проблемы истории. 1993. С. 53–55)

Формирование территории Древнерусского государства в конце IX – начале X в.

История единого Древнерусского государства, по общему мнению, начинается с прихода с севера (из Ладogi?) в Киев скандинавского хёвдинга Хельги-Олега. Русские летописцы практически ничего не знают о докиевском периоде жизни Олега, домысливая его отношения к Рюрику и Игорю (родственные или вассальные), условно восстанавливая дату его прихода в Киев — 882 г., и реконструируют его деятельность в качестве киевского князя на основании ряда преданий о нем дружинного происхождения. Единственным документальным свидетельством, на которое мог опираться летописец, являются тексты двух договоров с Византией, заключенных в 907 и 911 гг. Договоры свидетельствуют о самостоятельном (без участия Игоря) правлении Олега в Киеве в начале X в. в качестве верховного правителя Руси, о территории и социально-политической структуре Древнерусского государства к концу правления Олега. Они показывают, сколь радикальные изменения произошли на землях восточнославянских племен в конце IX – начале X в.

По свидетельствам восточных писателей X в., использовавших не дошедшие до нас источники второй половины IX в., на землях восточных славян существовало по меньшей мере два предгосударственных образования, различавшихся экономической основой и социально-политической структурой. Одно из них, располагавшееся на севере (вероятно, с центром в Ладогe), получило в арабской литературе наименование «Славия». В нем выделялись две категории населения: военизированные русы, составлявшие верхушку общества, и сакалиба-славяне, выплачивавшие русам дань натурой. В экономике Славии ведущую роль играли осуществляемые русами торговля и военная деятельность. Эти сведения хорошо согласуются с летописными сообщениями о Приладожско-Ильменском регионе второй половины IX в.: появлении там варягов-скандинавов, обложении данями местных племен, установлении господства одного из скандинавских предводителей (Рюрика-Хрёрика). Другое объединение, названное арабскими писателями «Куявией», находилось на юге территории восточных славян, было земледельческим и скотоводческим по своей экономике. Оно связывается с неоднократно упоминаемым летописцами племенным княжением полян, обитавших в Среднем Поднепровье и имевших своим центром Киев.

Отдельные упоминания составителя «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) позволяют в общих чертах представить себе картину жизни славян Поднепровья. Они жили «каждый своим родом» и имели собственные правящие

династии. Политическая независимость полян, древлян, северян и других племен подразумевается также в рассказах об их подчинении Олегом и его преемниками. Летописец отмечает и то, что поляне в какое-то время «быша обидимы древляны и инѣми околними», т.е. между славянскими племенами Поднепровья существовали сложные и подчас враждебные отношения.

Важнейшим политическим фактором в развитии среднеднепровских племен было доминирование Хазарского каганата в южной части Восточной Европы, установившееся с конца VIII в. Стремясь к прочному контролю над восточноевропейскими торговыми путями, Хазария подчиняет себе Волжскую Булгарию, а позднее данниками каганата становятся поляне, северяне, радимичи и вятичи, т.е. славянские племена левобережья Днепра.

Появление в Среднем Поднепровье новой силы, претендующей на власть, столкнулось с разнонаправленными интересами как восточнославянских племен, так и Хазарского каганата. Не случайно, даже согласно ПВЛ, отразившей, естественно, лишь незначительную часть событий, вокняжение Олега в Киеве было далеко не первой попыткой скандинавов закрепиться в Среднем Поднепровье — достаточно вспомнить Аскольда и Дира, объединенных летописцем в качестве соправителей.

Что же влекло в Среднее Поднепровье скандинавов, закрепившихся во второй половине VIII в. в Ладоге, а в IX в. в других центрах на Волхове, Ильмене, Волге, контролировавших торговлю по Балтийско-Волжскому пути и возглавивших «Славию» во второй половине IX в.? Вероятно, это было то же стремление обеспечить себе доступ к богатым рынкам сбыта своих товаров, которое полутора столетиями ранее привело к открытию Балтийско-Волжского пути. Однако Хазария, которая контролировала торговлю с халифатом, была не склонна допускать прямые контакты северных купцов с арабским миром и пропускать их по Волге на Ближний Восток. Подавляющее большинство купцов-русов вынуждено было торговать мехами и рабами в Булгаре на Средней Волге, откуда эти ценные товары — уже при посредстве булгарских (подчиненных хазарам) и хазарских купцов переправлялись в халифат. Хотя известно, что отряды русов неоднократно прорывались на Каспийское море (иногда с согласия Хазарии для борьбы с ее собственными врагами) и даже доходили до Багдада, это были отдельные походы, нередко заканчивавшиеся гибелью их участников.

О существовании другого крупнейшего потребителя мехов и рабов — Византии — скандинавы узнают к концу VIII в.: известны одиночные походы викингов вокруг Европы в Средиземное море, к началу IX в. относятся первые упоминания о нападениях росов на византийские земли, а в 839 г. к германскому императору Людовику Благочестивому приходят росы (как оказалось, свеоны) — послы некоего (хазарского?) кагана к византийскому императору Феофилу. Именно с этого времени начинается постепенное освоение скан-

динавами Днепровского пути. Важным показателем начала его регулярного функционирования является появление Гнёздова, важнейшего контрольного пункта на переходе из Балтийско-Волжского в Днепровский путь. Время его возникновения спорно, но единодушно признано, что на рубеже IX–X вв. он становится одним из крупнейших центров Восточной Европы.

Первоначально подвластные Олегу территории представляли собой две разделенные восьмисоткилометровым речным путем области: регион вокруг Балтийско-Волжского пути, от южного побережья Ладожского озера до Ярославского Поволжья, и округа Киева, населенная полянами. Ни Олег, ни его преемники, обосновавшись в Киеве, не намеревались отказываться от своих северных владений: по сообщениям ПВЛ, Олег устанавливает ежегодную «дань» от Новгорода; в его войске, равно как и в войске Игоря, участвуют представители племен, входивших в «Славию» (кривичи, словене, меря и чудь); Константин Багрянородный упоминает, что в Новгороде сидит сын Игоря Святослав. Поэтому обеспечение устойчивой связи между двумя частями территории было жизненно необходимо.

Согласно ПВЛ, захватив Киев, Олег совершает ряд походов против славянских племен (племенных княжений): древлян, северян и радимичей. Древляне, не зависимые ни от полян, ни от Хазарии, обитали на западном берегу Днепра к северу от полян по рекам Уж и Тетерев до Припяти. Их подчинение описано в ПВЛ как завоевание военной силой: «Поча Олег воевати древляны, и примучив я, имаше на них дань по черной куне». Позднее древляне названы в числе племен, составлявших войско Олега в походе на Константинополь. Таким образом, главными проявлениями подчинения древлян стали выплата ими дани и участие в военных предприятиях киевского князя. Однако их включение в Киевское государство не было прочным. После смерти Олега они «затворившася от Игоря», который предпринимает новый военный поход и приводит их под свою власть. Четвертью столетия позже, в 945 г., древляне снова восстают против власти киевского князя, убивают Игоря, но вновь оказываются разгромлены — на этот раз окончательно — его вдовой Ольгой.

Племенной союз северян занимал обширную территорию на восточном берегу Днепра по Десне. Их покорение не только позволяло Олегу установить контроль над значительной частью Днепровского пути к северу от Киева, но и открывало пути в Хазарский каганат по Дону и в Волжскую Булгарию на Среднюю Волгу, а также в Волго-Окское междуречье с дальнейшим выходом в верховья Волги. Включение северян в молодое государство происходило, судя по рассказу ПВЛ, иным, нежели покорение древлян, мирным путем. В первую очередь, это объяснялось тем, что северяне на протяжении нескольких десятилетий находились в зависимости от Хазарского каганата и, видимо, союз с киевскими правителями выглядел для них предпочтительнее. К концу правления Олега их племенной центр Чернигов приобретает такое значение

в государстве, что получает часть византийской «дани» по условиям договора 911 г. Их переход под власть киевского князя, очевидно, не сопровождался военными действиями и оказался устойчивым. Формы зависимости также заключались в выплате дани и участии в войске киевского князя.

Радимичи обитали на восточном берегу Днепра к северу от северян и вплоть до территории смоленских кривичей, которые были подчинены Олегом на его пути из Ладоги в Киев. Покорение радимичей позволяло сомкнуть северные и южные владения Олега, окружить Днепровский путь подчиненными Киеву землями и тем самым закрепить власть над Днепровским путем. Их присоединение происходило тем же способом, что и северян, и также, очевидно, оказалось бесконфликтным.

Таким образом, согласно рассказам ПВЛ, территория Древнерусского государства к 10-м гг. X в. включала земли племен, обитавших вдоль двух главных путей Восточной Европы: Балтийско-Волжского и Днепровского. Ту же территорию очерчивает и состав войска Олега в 907 г. (словене, чудь, кривичи, меря и древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы и тиверцы), и резюме летописца, подведшего итоги деятельности Олега («и бѣ Олег обладая поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тиверци имѣаше рать»).

Интеграция восточнославянских земель в государство, формирующееся вокруг Киева, была не подчинением ранее независимых племен или племенных объединений, как в случае с древлянами (чем, возможно, и объясняется длительность и трудность их покорения), а борьбой за влияние над ними с могущественнейшим государством Восточной Европы того времени — Хазарским каганатом, хотя и пережившим уже пору своего расцвета. Эта борьба завершилась лишь после победоносных походов Святослава в 965 и 968–969 гг. захватом и разрушением хазарской крепости на Дону Саркела, столицы каганата Итиль в дельте Волги и торгового города Семендер.

Подчинение восточнославянских племен сопровождалось регламентацией отношений между ними и центральной (киевской) властью. В середине X в. в трактате «Об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный характеризует славян как «пактиотов» росов, т. е. данников, отношения с которыми определены договорами (соглашениями) и которые выступают в качестве союзников. Регламентации в первую очередь подлежала выплата даней. Упоминание летописцем «варяжской» и «хазарской» даней в преамбуле к сказанию о призвании варягов включает немаловажную деталь: «хазарская дань» фиксирована — это серебряная монета (щеляг-дирхем) и белка от хозяйства («дыма»), размер же «варяжской» дани не определен, что естественно, поскольку Хазария имела развитую фискальную систему. «Перенимая» «хазарскую дань», Олег, очевидно, сохранил как сам принцип регламентации даней, так и ее размер. Древлянам же, которые дани

хазарам не платили и были завоеваны силой, устанавливается фиксированная дань — по черной кунице (также от хозяйства?), видимо, по хазарскому образцу. Наличие установленного размера дани, взимаемой Киевом с древлян, подтверждается и рассказом об убийстве Игоря. Таким образом, в противоположность мнению о том, что фиксированные дани (подати) были введены Ольгой в середине X в., представляется, что они появились уже в конце IX в. как наследие хазарского каганата при отвоевании находившихся под его властью племен. Однако размер даней мог различаться в разных регионах восточнославянского мира и определялся индивидуально для каждого племени или племенного объединения.

Сбор даней-податей был прерогативой киевских князей. Процедура сбора даней получила название «полюдье» и подробно описана Константином Багрянородным. По осени киевский князь со своей дружиной («всеми росами») выезжают из Киева, посещают подвластные им «славинии» (перечень «славиний» близок составу подчиненных Олегом племен), где собирают дань. Реконструкция маршрута полюдья согласуется с названными Константином «славиниями», а также с археологически исследованными крупными дружинными стоянками («погостами») типа Гнёздова, Тимерева, Шестовиц и др.: начинаясь в Киеве, он шел вдоль западного берега Днепра через Искоростень, племенной центр древлян, и Любеч вплоть до Смоленска (Гнёздова), где поворачивал назад и продолжался по восточному берегу Днепра через земли радимичей и северян. Примечателен тот факт, что полюдье охватывает лишь те территории, которые были присоединены Олегом после его вокняжения в Киеве: земли же племен, входивших в «Славию», исключены из системы полюдья, и дани там, очевидно, собираются иным способом.

В социально-политической структуре формирующегося Русского государства доминировала *русь* — новая военная аристократия, по преимуществу скандинавского происхождения, во главе с великим «руским» князем. Она осуществляла верховную власть над славянским населением, которое образовывало «славинии» (племена, племенные союзы) и рассматривалось как «пактиоты» (зависимые союзники, данники) руси. Однако русь быстро интегрировалась в восточнославянское общество. Уже отмечалось, что внешняя и внутренняя политика Олега, первого «руского» князя, была — вне зависимости от субъективных намерений самого Олега — общегосударственной, направленной на консолидацию и укрепление подвластных ему земель, а не преследовала, как характерно для викингских походов, целей личного обогащения. Еще показательнее быстрое усвоение скандинавами восточнославянского языка. Не позднее середины X в. (а вероятно, и значительно раньше, уже в конце IX в.) русь становится двуязычной: приводимые Константином Багрянородным названия Днепровских порогов на двух языках, «по-росски» (на древнескандинавском языке с древнешведскими элементами) и «по-славянски», сообщены ему ин-

форматором, принадлежавшим, очевидно, к числу тех самых росов, которые плавали в Византию и заключали договор 944 г.

Для новой военной аристократии была характерна смешанная, впитавшая разноэтничные признаки культура, получившая наименование дружинной. Наиболее ярко выраженным компонентом этой полиэтничной культуры является скандинавский, представленный погребальным обрядом, оружием, украшениями. Но наиболее важной ее характеристикой является не этническая принадлежность, а социальная маркированность. Разнообразное оружие, богатые украшения, останки коней, пышность ритуала, зачастую связанного с культом Тора, указывает на ее принадлежность новой военной аристократии Древнерусского государства. Дружинная культура выделяла на первый план социальный статус погребенного. В рамках дружинных погребений выделяются особо богатые захоронения и захоронения относительно бедные, свидетельствующие об иерархизации военной верхушки. Включение большого числа разноэтничных элементов подчеркивало ее несвязанность с племенными традициями, противопоставленность им. Дружинная культура ставила ее носителей вне и над племенной организацией, изолировала военную аристократию от общества и подчеркивала ее принципиальное отличие от старой племенной знати. Одновременно она знаменовала зарождение нового типа самосознания, надплеменного и более открытого для культурных и религиозных влияний.

(Впервые опубликовано: Четвертый міжнародний конгрес українців. Одеса, 26–29 серпня 1999 р. Доповіді та повідомлення. Історія. Одеса; Київ; Львів, 1999. Ч. I: Від давніх часів до початку XX ст. / Я. Ісаєвич. С. 13–20)

Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати

Первые памятники национальных историографических традиций ранне-го средневековья, так называемые варварские истории¹, посвящены судьбам народов, недавно приобщившихся к христианству и еще только вступающих в «цивилизованный» мир. Это первые попытки осмыслить историю своего народа: готов, франков, скандинавов, англо-саксов, русских и др., и представить ее в развернутой и связной последовательности от истоков до времени хрониста.

Получив в наследство вместе с христианской идеологией «всемирную» (т. е. библейскую) историю, каждое «новое» общество стремилось, во-первых, включить себя в единую семью христианских народов, связав свою историю с библейской; во-вторых, определить свое место во всемирно-историческом ряду.

Первая задача достигалась несколькими путями, среди которых важнейшее место занимали возведение крещения страны или, по меньшей мере, первой проповеди христианства к апостольским временам (см. например, легенду об Апостоле Андрее на Руси), а также включение своего народа (или территории) в этногеографическое описание ойкумены. Одним из наиболее распространенных типов такого описания была переработка библейской этногенетической легенды о происхождении всех обитателей ойкумены от одного из потомков Сима, Хама и Иафета, сыновей Ноя. Пополняемая списками «новых» народов, она позволяла установить их генетическое родство с другими народами христианского мира и определяла их положение в мировом пространстве².

Большую сложность представляла вторая, собственно историографическая задача, поскольку для ее решения не существовало прямых, освященных авторитетом Библии образцов. Авторы «варварских историй» были в большинстве случаев основоположниками национальных историографических традиций или стояли близко к их истокам, как Снорри Стурлусон, составители «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), Беда Достопочтенный. В своем распоряжении они имели два принципиально различных вида источников. Одним из них была Библия, содержащая «историю мира» от его сотворения до апостольских времен и распространения христианства, а также основанные на ней и продолженные далее ранние всемирные истории, среди которых для Западной Европы особую

¹ Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A. D. 550–800). Princeton, 1988.

² Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 130–138.

роль играл труд Павла Орозия, для Восточной Европы — сочинения Евсевия Кесарийского и Георгия Амартола. Но эти произведения предлагали историографам варварских народов лишь общую канву повествования и изложение предстории человечества, лишь изредка и крайне скупое затрагивая судьбы интересующего хрониста народа — франков, англов, скандинавов, славян. Собственная же историческая память варварских народов воплощалась в совершенно иных формах: она была облечена в мифы, легенды, эпические сказания. Эти исторические предания, передававшиеся по преимуществу в устном виде, составляли вторую и основную группу источников, к которой и приходилось в первую очередь обращаться ранним хронистам и из которой только они и могли черпать необходимую им информацию о ранней истории своего народа.

Начальную точку «исторического существования» хронисты усматривают в появлении народа на занимаемой им во времена хрониста территории — во «взятии земли» (*landnám*, по определению древнескандинавских историографов). Вторым кардинальным моментом было возникновение правящей в период работы хрониста династии. Именно первым ее представителям («основателям») принадлежало установление («создание») той общественной системы, «порядка», которые продолжали существовать и при хронисте. Поскольку этой общественной системой было нарождающееся государство, то его образование осмыслялось как происхождение династии, а его история как смена династов того же рода.

Сюжет о происхождении правящей династии занимает важное место в подавляющем большинстве «варварских историй». Он представлен в «Истории франков» Григория Турского (кон. VI в.), в «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного (нач. VIII в.), в «Истории бриттов» Ненния (IX в.) и Гальфрида Монмутского (1130-е гг.), в «Истории данов» Саксона Грамматика (нач. XIII в.) и «Круге земном» Снорри Стурлусона (нач. XIII в.), в хрониках Галла Анонима и Козьмы Пражского, в ПВЛ и многих других. Однако при всем разнообразии исторических судеб этих народов и несходстве их описаний сам сюжет обнаруживает единую основу.

Структура сюжета отражает лежащий в его основании тип этиологического мифа: ее важнейшими элементами являются описание ситуации, связанной с отсутствием некоей культурной ценности (в данном случае правителя, создателя и гаранта общественного порядка, а соответственно, и «порядка» как такового); перипетии добывания этой ценности (нахождения, завоевания, изготовления) культурным героем (в данном случае «народом» или его представителями); изображение обретенного в результате получения этой культурной ценности благоденствия (изобилия, «порядка» и т. п.).

Этиологическое сказание об обретении династии (государственности) представлено в европейских памятниках двумя, подчас сочетающимися в одном тексте, вариантами, которые можно условно обозначить как переселение и призвание.

«Переселенческий» вариант сюжета³ получил яркое воплощение у Снорри, подробно рассказывающего о переселении из Азии в Скандинавию асов под предводительством Одина, ставшего основателем — на новом месте — династии шведских и норвежских конунгов, и о мифопоэтических деяниях его потомков Инглингов. Представлен он также у Гальфрида и его предшественника Ненния, выводящих бриттов и их вождей (будущих правителей кельтской Британии) от потомков Брута, переселившихся на остров из Италии.

Сюжет, как правило, состоит из трех основных элементов, последовательно отражающих структуру этиологического мифа:

— описание ситуации, потребовавшей переселения (угроза истребления на старом месте, перенаселение и грозящий голод и т. д.);

— ход переселения (подчас лишь коротко отмечаемый хронистом) и «взятие земли»;

— деяния главы переселенцев, становящегося основателем династии, по устройению общественного порядка на новом месте.

У Ненния, Гальфрида, Снорри повествование обнаруживает контаминацию архаической сюжетики с реминисценциями ученой литературы, результатом чего является книжная, достаточно искусственная легенда. Но этот же вариант сюжета существует и без «книжных» напластований, в частности в германских переселенческих сказаниях, одно из которых представлено в «Саге о гутах». Среди других особенностей этого варианта следует отметить, что он предполагает изначальную этническую однородность «народа» и его первого правителя, который возглавляет переселение на новые земли и тем самым обретает право на осуществление верховной власти, которая переходит к его потомкам.

Вариант «призвания правителя» предполагает более сложную структуру повествования, распространенную другими мотивами. В различных модификациях он получил развитие во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западославянской (приглашение на престол Пшемисла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух братьев-саксов Хенгиста и Хорсы), древнерусской (сказание о призвании варяжских князей) и др. На фабульном уровне он образуется следующими элементами:

— описание неустойчивости, неупорядоченности или просто отсутствия власти, что обосновывает необходимость обретения правителя;

— обращение к иноплеменникам или поиски правителя представителями местной власти или «народом». Личность будущего правителя в любом случае неизвестна заранее;

— приход приглашенного правителя (правителей) или нахождение будущего правителя (как правило, ребенка) по знамениям или другим приметам. Вари-

³ Тиандер К. Германские переселенческие сказания // Тиандер К. Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. 3; Howe N. Migration and Mythmaking in Anglo-Saxon England. L., 1989.

ант «приглашения» представлен в древнерусском и англо-саксонском текстах, где на приглашение откликается не один человек, а родственная группа: три или два брата, первоначально правящие вместе. Второй — «нахождение» — в римском тексте, а также, например, в «Sage о Скъльдунгах», где будущий основатель династии датских конунгов Скъльд в период междоусобицы и раздоров приплывает ребенком к сакральному центру датчан в Лейре;

— заключение договора местной знатью (пригласившей правителя) с пришельцами, обуславливающее передачу власти; этот раздел отсутствует в сюжете нахождения правителя ребенком;

— реализация условий договора или события, связанные с осуществлением власти новым правителем, своего рода *gesta* этого правителя. Эта часть сюжета наиболее подтверждена модификациями и дополнениями. Так, в англо-саксонской традиции развернута широкая картина сражений Хенгиста и Хорсы, а Гальфрид вводит в нее авантурный любовный сюжет, типичный для куртуазной литературы;

— сосредоточение власти в руках одного из призванных правителей в результате смерти другого (или других) и установление преемственности правления, т.е. собственно основание династии. Эта часть сюжета также имеется только в варианте «призвания».

Как мы видим, этот вариант сюжета существует в двух основных модификациях: как «нахождение» и как «призвание» правителя. Последняя является наиболее усложненной и историзированной. Именно в ней обнаруживается сложное сочетание мифопоэтических, квазиисторических и исторических элементов, типичное для «эпической истории» периода перехода от племенного строя к государственному. Вместе с тем, ни в одном случае истинность сюжета (т.е. сам факт призвания) не поддается верификации, хотя историческое правдоподобие сюжета, как и достоверность отдельных реалий, вряд ли могут вызывать сомнение.

Так, описание условий, создавших необходимость призвания, и в ПВЛ, и в англо-саксонской традиции, в целом согласуется с данными других письменных источников и археологии. Римско-кельтское население в первой половине V в. после ухода из Британии римских легионов и нового наступления пиктов и скоттов действительно оказалось в сложном положении, усугубленном межплеменными распрями. В это же время начинается инфильтрация германцев. Привлечение германских дружин тем или иным кельтским правителем вполне вероятно, так же как и оседание германцев на юго-востоке Англии: увеличение германских древностей совпадает со временем призвания Хенгиста и Хорсы. Имя Вортигерна упомянуто на одном из бриттских мемориальных камней. Вместе с тем, к бесспорно мифологическим элементам англо-саксонской легенды — наследию германского близнецового мифа — следует отнести имена приглашенных братьев: «жеребец» (Хенгист) и «конь» (Хорса)⁴.

⁴ Schreiner K. Die Sage von Hengest und Horsa. Entwicklung und Nachleben bei den Dichtern

Столь же исторически правдоподобна и представленная в ПВЛ ситуация на Северо-Западе Восточной Европы в середине IX в.: межплеменные конфликты в ходе славянской колонизации финских территорий, проникновение скандинавских отрядов вглубь Восточной Европы через Неву и Ладожское озеро на Волгу, утверждение на Северо-Западе скандинавской по происхождению — судя в том числе и по личным именам первых русских князей — династии. «Историческим ядром» сказания о призвании варяжских князей, вокруг которого формировалось повествование, был, очевидно, «ряд», соглашение между племенной знатью северо-западных племен и предводителем одного из скандинавских отрядов, осевших на этой территории⁵.

Более того, в условиях формирования ранних государств установление власти иноэтничных правителей и сложение знати на полиэтничной основе было скорее правилом, нежели исключением⁶. Но это создавало ряд проблем, решить которые помогало сказание о призвании. Среди других, его важнейшей задачей было обоснование прав династии на власть. Приглашение или избрание ее основателя «народом» утверждало законность правления представителей этой династии. Не случайно, более поздние переработки сказаний о призвании вносят дополнительные мотивы, чтобы подкрепить именно легитимность власти основателя династии. Гальфрид повествует о женитьбе Хенгиста на дочери Вортигерна. В. Н. Татищев, ссылаясь на имевшуюся у него Иоакимовскую летопись и, вероятно, действительно используя какие-то несохранившиеся источники, хотя, возможно, и далеко не столь ранние, рассказывает о женитьбе Рюрика на Ефанде, дочери новгородского посадника Гостомысла, инициатора приглашения Рюрика. Брак с наследницей престола создавал — в более поздней исторической практике — законное основание для наследования власти и успешно дополнял «народное волеизъявление».

Таким образом, сказания о призвании правителя в раннесредневековой историографической традиции, восходящие к мифоэпической этиологической легенде, историзировались, отражая реальные межэтнические контакты периода образования «варварских» государств. Одной из важнейших их функций была легитимизация иноэтничных правящих династий, обоснование их права на власть.

(Впервые опубликовано: Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 39–44)

und Geschichtschreibern England // Germanische Studien. B., 1921. H. 12.

⁵ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; *Они же*. Сказание о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ (в печати) [Статья опубликована: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57. — *Прим. ред.*].

⁶ The Medieval Nobility. Studies in the Ruling Classes of France and Germany from the 6th to the 12th Centuries. Amsterdam, 1979.

«Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси

Изучение древнерусской социально-политической терминологии IX–XI вв., в том числе титулатуры, чрезвычайно осложнено состоянием источников, а именно отсутствием одновременных древнерусских текстов и спецификой «инокультурности» зарубежных памятников. Неизбежное обращение к данным летописей — основному и почти единственному комплексу нарративных документов — далеко не всегда сопровождается учетом двух важнейших обстоятельств, сильно влияющих на достоверность этих данных.

Во-первых, даже если согласиться с наиболее ранними датами начала русского летописания — 1030-е гг. (А. А. Шахматов) или конец X в. (Л. В. Черепнин, А. А. Гиппиус), то все равно древнейший дошедший до нас летописный текст, «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), был написан в начале XII в., и можно предполагать, что он скорее отражает актуальную терминологию этого времени, нежели сохраняет словоупотребление X и тем более IX в.

Подтверждением этого предположения служат данные ономастики: скандинавские по происхождению имена первых русских князей передаются на протяжении всей ПВЛ в форме, сложившейся, видимо, к середине XI в. Так, в середине X в. Константин Багрянородный в трактате «О церемониях» приводит имя княгини Ольги в форме Ὑλγα с придыханием перед начальным гласным и передним *e*, что полностью соответствует др.-сканд. *Helga*, но не др.-русск. *Олга*¹. В конце X в. Лев Диакон передает имя *Игорь* < *Yngvarr* как Ὑγγορ, сохраняя первую основу *Yng-* и фиксируя стяжение второй основы *-varr*². Очевидно, что в текстах договоров X в. летописец заменяет современными ему формами имена русских князей *Олегъ* и *Игорь*, которые в середине, и тем более в начале X в., еще сохраняли исходное скандинавское произношение *Helgi* и *Yngvarr* или были достаточно близки к нему. В то же время многочисленные скандинавские имена в договорах не несут следов славянизации. Более того, летописец оказывается не в состоянии «опознать» скандинавское имя, лежащее в основе древнерусского, если оно претерпело существенные изменения: он, например, не заменяет в договоре 944 г. имя *Guðleifr* именем *Глѣбъ*, сохраняя более близкую к оригиналу форму *Вузльвъ*³. Формы личных имен, таким

¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Io. Iac. Reiski. Bonnae, 1829. Vol. 1: Text. P. 694.

² Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X / C.B. Nasii. Bonnae, 1828. P. 106.5, 144.6.

³ См. подробнее: Мельникова Е. А. Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1. Ч. 1. С. 82–92.

образом, указывают на тенденцию к «актуализации», свойственную летописцам конца XI – начала XII в.

Во-вторых, сохранившиеся рукописи ПВЛ датируются временем на два-три столетия более поздним, чем ее составление. За отсутствием сопоставительного материала нет возможности установить, какие изменения, в том числе в области словоупотребления, были внесены переписчиками (и авторами) таких компиляций, как Лавр., Ипат. и другие летописи.

Все сказанное заставляет с крайней осторожностью относиться к политической терминологии, отраженной в ПВЛ для IX–X вв., в том числе к титулатуре верховных правителей Древней Руси, и отдавать предпочтение пусть и немногочисленным, но аутентичным источникам соответствующего времени: древнерусским эпиграфическим текстам, а также иноязычным сочинениям.

Единственным титулом правителя в Древней Руси, засвидетельствованным ПВЛ, является термин «князь», применяемый к правителям разного ранга, статуса и происхождения. «Князьями» называются верховные правители Руси — великие князья киевские (затем владимиристо-суздальские, тверские и т. д.) вплоть до XVI в. Тем же термином обозначаются главы отдельных территориально-политических образований, входивших в состав Древнерусского государства (княжеств), фактические вассалы великого князя киевского. Наконец, он применяется для обозначения глав племенных объединений (древлян и др.), подчиненных на протяжении X–XI вв. власти Киева, а также печенежских и половецких ханов, литовских вождей и пр. Иерархия властных статусов тем самым в терминологии ПВЛ не получила отражения⁴.

Недифференцированность обозначения представителей верховной власти в ПВЛ находит определенное соответствие в византийских источниках, но лишь применительно к X в. В труде «Об управлении империей» Константин VII Багрянородный обозначает одним и тем же термином *ζάχανος* как киевского «великого» князя Игоря («архонта России»), так и других представителей власти, которые «вместе со всеми росами» отправляются по осени в полюдье из Киева⁵. Определить статус «архонтов» не представляется возможным: это могут быть и главы (или их представители) подвластных Игорю племен, к которым направляется полюдье, и военные предводители отдельных отрядов росов, и, наконец, члены великокняжеской семьи.

⁴ Попытки увидеть различия в обозначении правителей разного ранга в терминологии договоров руси с греками X в. представляются малоубедительными: если согласиться, что тексты договоров были переведены на русский язык лишь в конце XI в. — что считается ныне доказанным, — то они никоим образом не могут включать термины, бытовавшие в IX или X в. (см. подробнее: *Платонова Н. И.* Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. IX: Международная договорная практика Древней Руси. 1997. С. 70–73).

⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–45, 50–51.

Вместе с тем в IX–XI вв. использовалось и другое обозначение древнерусских правителей — «каганъ»⁶. Древнейший случай его употребления засвидетельствован в Бертинских анналах под 839 г. Он относится к правителю росов, направивших посольство в Константинополь к императору Феофилу, которое затем прибыло в Ингельгейм к Людовику Благочестивому. Недвусмысленное отождествление Пруденцием росов со «свеонами», явившееся результатом произведенного при дворе императора расследования, не оставляет места для сомнения в том, что посольство состояло из скандинавов (свеев), которые «называли себя, то есть свой народ, рос» («qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant»), а своего правителя («rex») — каганом («rex illorum chascanus vocabulo»)⁷. Появление этого термина в Бертинских анналах не было случайностью: в IX в. он являлся принятым в византийской имперской канцелярии титулом скандинавских правителей в Восточной Европе, что вызвало недоумение императора Людовика II Немецкого, писавшего византийскому императору в 870-х гг., что термином «каган» в его делопроизводстве называется «государь авар, а не хазар или норманнов»⁸.

Термин «каган» остается официальным титулом великого князя вплоть до последней четверти XI в., когда на фреску с изображением патронального святого киевского князя Святослава Ярославича (1073–1076) наносится граффито с молитвой о спасении его души: «Съпаси Г[оспод]и каг[а]на нашего»⁹. В этой надписи Святослав именуется каганом.

Особенно показательно титулование «каганом» Владимира Святославича и Ярослава Мудрого митрополитом Иларионом в середине XI в. в произведениях, содержание которых предполагает использование максимально престижных и максимально официальных титулов¹⁰.

Однако в тех же граффити уже во второй половине XI в. отмечается обозначение киевских князей и другими титулами: так, Ярослав Мудрый в сообщ-

⁶ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИСССР. 1982. № 4. С. 150–159 (репр.: ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 367–379); Коновалова И. Г. Древнейший титул русских князей «каган» // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 226–237.

⁷ Annales Bertiniani / G. Waitz // MGH SRG. 1883. Т. 4, s. a. 839.

⁸ Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е. А. Мельникова. М., 1999. С. 290–292.

⁹ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 49–52, № 13.

¹⁰ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Пер. диакона А. Юрченко; подгот. текста А. М. Молдован // БЛДР. 1997. Т. 1: XI–XII века. Заголовок: «О законѣ... и похвала кагану нашему Влодимеру» (С. 26–27); «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыими похвалами велика кагана земли Володимера, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...» (С. 42–43); «Сии славнии от славниихъ рождѣся, благородень от благородныхъ, каганъ нашъ Влодимеръ...» (С. 44–45); «Паче же помолися о сынѣ твоємъ, благовѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Георгии...» (С. 52–53).

щении о его смерти поименован «царем» (от лат. *Caesar*)¹¹. В текстах конца XI в. и далее термин «каган» больше не встречается, и устойчивым обозначением древнерусских правителей становится кѣназь. Так, на раке Всеволода (в крещении Андрея) Ярославича, захоронение которого состоялось 14 апреля 1093 г., читается: «В великий четверг рака положена была <...> Андрея русьского князя благого, а Дмитр писал, отрочька его, месяца апреля в 14»¹². Одновременно надписи на раке граффито в Антониево-Феодосиевском приделе Софии Киевской: «Приде князь Стопѣлкѣ» («Пришел князь Святополк»), причем между третьей и четвертой строками этого граффито читается слово «князь» от другой надписи¹³.

Употребление титула «князь» верховными правителями Руси засвидетельствовано впервые на печати Ярослава Мудрого, найденной в Новгороде и датируемой в широких рамках правления Ярослава: «о ІАросла[в] к.н.а. роус.с» («Ярослав — князь русский»)¹⁴. В надписи из Софии Киевской, относящейся к Святославу Ярославичу, который в граффито № 13 был назван «каганом», и датируемой 1078 г., употреблен глагол, производный от слова «князь»: «Четыре лета княжил Святослав...»¹⁵. Наконец, в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (вторая половина XI в.) Владимир Святославич регулярно называется уже не «каганом», а «князем»: «Тако же и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ от многихъ о благовѣрнемъ князѣ Володимери всея Руския земля...», «како просвѣти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву...» и др.¹⁶.

В XII в. термин «каганъ» не был полностью предан забвению. В ПВЛ он встречается в рассказе о походе Святослава на хазар под 6473 (965) г. Однако здесь каганом называется не Святослав, а хазарский правитель: «Иде Святославъ на козари; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ»¹⁷. Наименование «каганъ» употребляется здесь как равнозначное титулу «князь». Это упоминание особенно важно как свидетельство известности в Древней Руси, что каганом назывался именно хазарский правитель, и воспо-

¹¹ «В [лето] 6562 месяца февраля 20 кончина царя нашего...» (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи. С. 39–41. № 8).

¹² Там же. С. 34–37. № 6.

¹³ Граффито датируется временем вокняжения Святополка Изяславича в Киеве в 1093 г. (Там же. С. 18–24. № 4).

¹⁴ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 113. № 2а.

¹⁵ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи. С. 41–45.

¹⁶ Память и похвала князю русскому Владимиру / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. И. Милютенко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 316, 317. Не исключено, однако, что в дошедшем до нас тексте в рукописях XV в. и позже княжеский титул был подвергнут правке.

¹⁷ ПСРЛ. 1997. Т. 1. Стб. 65; 1998. Т. 2. Стб. 53. О предпочтительности истолкования слова «каган» как титула, а не имени собственного, в данном контексте см.: Коновалова И. Г. Древнейший титул. С. 227–228.

минание о происхождении слова сохранялось вплоть до XII в., т. е. через 150 лет после падения Хазарского каганата. Однако нормальным для лексикона летописца было слово «князь», которое он и прилагает к правителю хазар в переложении сказания о хазарской дани: «Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшимъ, и рѣша имъ: “Се, налѣзохомъ дань нову”. Они же рѣша имъ: “Откуда?”. Они же рѣша: “Въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою”. Они же рѣша: “Что суть въдали?”. Они же показаша мечь. И рѣша старци козарьстии: “Не добра дань, княже!”»¹⁸.

Последним древнерусским текстом, в котором использован термин «каганъ», было «Слово о полку Игореве», где встречается прилагательное «коганя»: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти»¹⁹. Выражение «Ольгова коганя хоти» дискуссионно²⁰, однако при любой его интерпретации не подвергается сомнению употребление термина «каганъ» применительно к Олегу Святославичу (ум. 1115 г.), который был в конце XI в. не только князем Тмуторокани, но и крымских хазар, что и может объяснять его титулование каганом.

Приведенные случаи употребления терминов «князь» и «каганъ» в XI–XII вв. дают основания полагать, что, по крайней мере, до последней четверти XI в. официальным титулом великих киевских князей был термин «каганъ», который на протяжении XI в. начал заменяться, а к концу столетия был окончательно вытеснен титулом «князь». Вместе с тем и в XII в. сохранялось представление если не о хазарском происхождении титула, то, по меньшей мере, о его связи с Хазарией и хазарскими правителями. При этом значение его не вызывает у летописцев и авторов граффити ни малейших сомнений: термин никогда не поясняется²¹.

Неслучайно поэтому некоторые лингвисты пришли к выводу, что в Древней Руси титулы «каганъ» и «князь» употреблялись последовательно: сначала использовался термин «каганъ», и только затем появляется термин «князь», усвоенный восточными славянами в конце XI в.²². Однако этому предположению категорически противоречит как происхождение слова «князь», так и его фиксация в иноязычных источниках. Общепризнанным является возведение др.-русск. *князь* к прагерм. (или готск.) *kuningaz*, которое было заимствовано еще в праславянскую эпоху: оно нашло отражение в большинстве славянских

¹⁸ ПСРЛ. 1997. Т. 1. Стб. 17; 1998. Т. 2. Стб. 12.

¹⁹ Слово о полку Игореве / В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники). С. 30.

²⁰ Каган М. Д. Каган // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т. СПб., 1995. Т. 3: К–О. С. 3–4.

²¹ На это обстоятельство указала И. Г. Коновалова (Коновалова И. Г. Древнейший титул. С. 228).

²² Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 198–200; см. также: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 269.

языков²³. Нет никаких оснований полагать (и такие основания приведены не были), что первоначально слово *kuningaz* попало в западно- или южнославянские языки и только несколькими столетиями позже было заимствовано восточными славянами из других славянских языков. Более того, его использование славянами отмечает Ибн Хордадбех, писавший в 30-х гг. IX в.²⁴. В перечислении титулов «владык Земли» он указывает, что «владыка («малик») ас-Сакалиба» именуется «кназ»²⁵. Так же называет правителя славян и ал-Бируни²⁶. В тексте Ибн Хордадбега термин искажен — *к.нан*, *к.бад*, но еще издателем сочинения Ибн Хордадбега М. де Гве была предложена конъектура «к.наз», принятая современными исследователями²⁷. В тексте же ал-Бируни чтение «кназ» не вызывает сомнений. Однако ни Ибн Хордадбех, ни ал-Бируни не указали, правитель какого славянского народа обозначается этим термином. Тем не менее их сообщения, безусловно, указывают на использование термина «князь», и именно в славянском произношении, в славянской среде задолго до XI в.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью полагать, что титулы «князь» и «каганъ» сосуществовали в IX – первой половине XI в. Хотя и немногочисленные, но засвидетельствовавшие их употребление источники указывают, как представляется, и на их распределение. Титул «каганъ», начиная с Бертинских анналов, соотносится с русами-скандинавами (свеонами, норманнами), тогда как «князь» определяется восточными источниками исключительно как правитель славян.

Заимствованный в праславянскую эпоху для обозначения правителя (племенного или военного вождя, главы группы или союза племен) термин «князь» — поскольку он появляется в XI в. — вряд ли мог быть утрачен на несколько столетий, а затем возникнуть снова²⁸. Значительно вероятнее, что он продолжал существовать в славянских племенных объединениях как традиционное обозначение статуса верховного правителя, превратившись со временем в титул. Этим термином в X в. могли называться правитель древлян Мал,

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1967. Т. 2. С. 266.

²⁴ Коновалова И. Г. К вопросу о датировке сообщения Ибн Хордадбега о путях купцов-русов // ВЕДС. Х. 1998. С. 52–57.

²⁵ BGA. *Lugduni Batavorum*, 1889. Vol. 6. P. 17; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 61. Прочтение *к.нан*, *к.бад* как *konungr* «конунг», предлагавшееся некоторыми исследователями, крайне маловероятно.

²⁶ Аль-Бируни, *Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад*. Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. 1: Памятники минувших поколений. С. 153.

²⁷ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 159; см. подробнее: Калинина Т. М. Восточноевропейские правители по данным арабо-персидских географов X в. // Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире в средние века: К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008 (Славяне и их соседи. Вып. 12). С. 76–89.

²⁸ Ср.: «Титул “князь” мог быть усвоен восточными славянами не в конце XI в., а значительно ранее» (Коновалова И. Г. Древнейший титул. С. 229–230).

вожди северян, вятичей и других племенных союзов до, а возможно, и после их подчинения Киеву. Когда возникает практика назначения киевским князем своих сыновей в качестве посадников в крупные города (бывшие племенные центры), то они принимают местный титул правителя — «князь».

Усвоение хазарского (тюркского по происхождению) титула «каган» скандинавскими вождями, обосновавшимися в Восточной Европе в IX в., ныне не вызывает сомнений у подавляющего большинства исследователей. По словам А. П. Новосельцева, «правитель русов принял титул хакан довольно рано, скорее всего, в первой половине или, точнее, в первой трети IX в. <...> Принятие русским князем титула хакан явно символизировало его претензии, во-первых, на независимость от Хазарии, а во-вторых, отражало реальное положение русского князя, под властью которого уже должны были находиться другие правители. После объединения южнорусских и севернорусских земель в конце IX в. титул хакан остался за князьями Киева»²⁹. Внешнеполитическое значение принятия титула «каган» русами бесспорно. Однако думается, что не только, а на первых порах, может быть, и не столько оно определило обращение русов к хазарскому титулу. Их утверждение в Восточной Европе не могло не сопровождаться противостоянием с местной, племенной знатью (ср. летописный рассказ о покорении Ольгой древлян). Необходимость маркировать свой особый статус, отличный от славянской племенной знати, требовала принятия ими инокультурного по отношению к славянам титула. При этом, несомненно, предпочтителен был титул, с одной стороны, возможно более высокого ранга, с другой стороны, известный славянам. Этими качествами звание «конунг» не обладало, поскольку, во-первых, оно применялось в Скандинавии IX в. к правителям разного уровня, т.е. его статус колебался, а во-вторых, оно вряд ли могло быть знакомо восточным славянам до появления скандинавов. Напротив, титул «каган» соединял все необходимые условия: его, несомненно, хорошо знали славянские племена, платившие дань Хазарскому каганату; он обозначал правителя самого высокого ранга в Восточноевропейском регионе; наконец, он пользовался известностью в Византии, контакты с которой скандинавы установили уже в начале IX в. Все это делало хазарский титул максимально привлекательным для новой военной знати и правителей скандинавского происхождения, которые должны были познакомиться с ним уже при первых кон-

²⁹ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. С. 159. Ср.: «Претензии первых князей на престижный титул “каган” были связаны, прежде всего, с их политическими амбициями, направленными “вовне” и демонстрируемыми при дворах византийского и франкского императоров» (Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ. 1999 год. М., 2001; *Он же*. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Khazars / В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапиро. Иерусалим; М., 2005 (Jews and Slavs. V. 16 / Евреи и славяне. Т. 16). С. 75–76).

тактах с арабским миром — не позднее конца VIII в., когда восточное серебро начинает поступать в Восточную и Северную Европу³⁰. Принятие этого титула как специализированного обозначения верховного правителя имело не только социально-политическое, но и символично-идеологическое, а может быть, и сакральное значение.

Ориентированность русов IX в. на символы власти Хазарского каганата, как представляется, проявилась не только в заимствовании титула верховного правителя. К концу IX – началу X в. (времени правления Олега) относится появление древнейшего типа знаков Рюриковичей — двузубца с немного отогнутыми зубцами и треугольным отростком внизу. Его изображения встречены в виде граффити на арабских монетах из кладов в Чиннер (Готланд, 880–885 гг.) и Погорельщине (младшая монета 902/903 г.). Наиболее близкие аналогии этому знаку обнаруживаются среди граффити на территории Хазарского каганата, что заставляет предполагать его хазарское происхождение³¹. Вероятно, наряду с принятием хазарского титула была усвоена и хазарская символика высшей власти: предметы и/или изображения, использование которых являлось прерогативой верховного правителя.

Таким образом, представляется, что титулы «князь» и «каган» на протяжении IX–XI вв. сосуществовали, но в разных этнокультурных средах: первое являлось обозначением вождей восточнославянских племен и союзов племен, второе использовалось скандинавскими правителями сначала Волховско-Ильменского региона, а после установления власти над Средним Поднепровьем — Киева и возникающего Древнерусского государства. В конце X – первой половине XI в. «каган» был официальным титулом верховного главы Руси, в отличие от подчиненных ему региональных правителей, носивших титул «князь». Славянизация скандинавской верхушки, которая завершается, по языковым данным, лишь во второй половине, если не в конце XI в.³², с одной стороны, и утрата хазарским термином актуальности из-за исчезновения самого каганата, с другой, привели к замене хазарского титула славянским в конце XI в.

³⁰ Noonan Th. Why Dirhams First Reached Russia: the Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Noonan Th. S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence. Aldershot, 1998 (Variorum Collected Studies Series, 595).

³¹ Ср.: Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001. С. 53–64; см. подробнее: Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 47–75.

³² См.: Мельникова Е. А. Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство восточных славян. С. 135–143; Melnikova E. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // Runica–Germanica–Medievalia. B.; N.Y., 2003. Bd. 37. P. 454–465.

С этого времени титул «князь» стал единственным обозначением государей Древней Руси, происходивших из рода Рюрика.

(Впервые опубликовано: Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010. С. 142–147)

Е. А. Мельникова

Образование Древнерусского государства: состояние проблемы

В 1992 г. на очередных Чтениях памяти В.Т. Пашуто, посвященных спорным проблемам образования Древнерусского государства, в ряде докладов (Н.Ф. Котляра, Е.А. Мельниковой, М.Б. Свердлова) была поставлена под сомнение сложившаяся в 1930–1950-е гг. и продолжавшая доминировать в отечественной исторической науке модель образования раннесредневековых европейских государств, прежде всего, Руси (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, В.Д. Королюк, Б.Н. Флоря, и др.; критику этой концепции еще до придания ей «официального» статуса см.: С.В. Юшков, С.В. Бахрушин). В соответствии с этой моделью, Древнерусское государство возникает в IX в. как изначально классовое и феодальное по своей природе, исключительно (или почти исключительно) на основе внутренних экономических предпосылок. Однако даже сторонники этой модели находили затруднительным аргументировать наличие на Руси X и даже XI в. таких основополагающих признаков классовых (в первую очередь феодальной) формаций как феодальный способ производства, основанный на частной (или государственной) земельной собственности, внеэкономическое принуждение, оформившиеся классы и др. (что явилось отправным пунктом для концепции И.Я. Фроянова), и вынуждены были экстраполировать явления, фиксируемые для конца XI – XII в. на предшествующее время. Даже введение понятия «переходный период» (от племенного строя к государственному), принятого в западноевропейской медиевистике (период «варварских королевств», по А.И. Неусыхину), применительно к Древнерусскому государству встретило возражения как нарушающее «чистоту» формационной схемы (Л.В. Черепнин).

Эта модель образования Древнерусского государства теперь уже эксплицитно не высказывается в современных трудах по отечественной истории, но она и не подверглась систематическому пересмотру и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями) возникновения и формирования Древнерусского, равно как и других европейских средневековых государств.

Ныне не подлежит сомнению, что политики, к которым принадлежит Древняя Русь (по крайней мере, до конца XI в.), не могут быть охарактеризованы в рамках какой-либо формации. В то же время они обнаруживают черты, свойственные государству (если понимать его не как, прежде всего, репрессивный аппарат, а более широко — как институционально оформленную политическую систему, обеспечивающую функционирование общества): сильную

центральную власть, осуществляющую военные, административные, фискальные и другие функции, фиксированную территорию и пр. Обращение к моделям государствообразования, предложенным в политической и исторической антропологии — введение понятия «вождество» и представлений об эволюции вождеств от простых к суперсложным, — было, безусловно, продуктивным (Н. Ф. Котляр, Е. А. Мельникова, Е. А. Шинаков и др.), однако предпринимаемые на этой основе реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам, поскольку, в первую очередь, столкнулись с острым недостатком источников, которые позволили бы аргументированно восстановить социальную и политическую структуру восточнославянских общностей и их эволюцию до XI в., особенно в VIII–IX вв. — определяющем периоде в переходе восточных славян к государственному устройству.

Проблема источников в последнее десятилетие встала особенно остро. С одной стороны, резко увеличился объем археологических материалов, существенно пополнивших источниковую базу исследований восточнославянского общества в VIII–XI вв. Принципиально важную роль для освещения генезиса Древнерусского государства имеют региональные исследования, круг которых сильно расширился. Наряду с всегда имевшими большое значение раскопками городов: Киева (М. А. Сагайдак, Г. Ю. Ивакин, В. Н. Зоценко; новые данные, полученные при раскопках 2000-х гг., как кажется, радикально меняют наши представления о процессах, протекавших в Среднем Поднепровье и тесно связанных с образованием Древнерусского государства), Городища и Новгорода, Ладоги, Пскова, Гнёздова и Смоленска, Суздаля, Чернигова и мн. др., возникновение и ранние этапы истории которых тесно связаны с формированием государства, ныне внимание археологов в большей мере сосредоточилось на широкой округе городских центров: Поволховье и Приильмень (Е. Н. Носов, В. Я. Конецкий), Черниговщина (В. П. Коваленко, А. П. Моця), Посеймье (В. В. Енуков) и др., и племенных территориях: древлян (Б. А. Звиздецкий), северян (А. В. Григорьев, И. Г. Сарачев), радимичей (А. С. Щавелёв, А. А. Фетисов) и др. Эти материалы формируют принципиально новую картину славянского расселения в Восточной Европе (по письменным источникам исследовано А. А. Горским), возникновения и характера социально-политических общностей (А. А. Горский, В. Я. Конецкий, А. П. Моця, Е. А. Шинаков).

Однако археологические материалы еще далеки от сколько-нибудь систематического осмысления и обобщения, что делает крайне затруднительным их использование в исторических исследованиях, которые, как мне представляется, не могут ныне опираться только на письменные источники.

Это тем более справедливо, что, с другой стороны, традиционные письменные источники находятся сейчас в процессе серьезного пересмотра. Реконструкция ранней, IX–X вв., истории Руси основывается по преимущест-

ву на сообщениях одного единственного источника — «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), место которой в истории летописания определялось до последнего времени в соответствии со схемой А. А. Шахматова (1908 г.), ныне претерпевающей, во-первых, существенные изменения в отношении и датировок отдельных сводов, и — что особенно важно — их соотношения и отнесения к ним тех или иных частей ПВЛ (О. В. Творогов, А. А. Гиппиус, Т. В. Гимон, А. Тимберлейк). Во-вторых, общая констатация того, что в основе сообщений ПВЛ лежат устные предания, сменилась систематическим изучением устной традиции, использованной летописцами при создании «начал Руси» (Е. А. Мельникова, А. С. Щавелёв). Казавшиеся ранее достоверными известия, используемые как основа для исторической реконструкции последовательных этапов образования Древнерусского государства, оказываются результатом осмысления летописцем XI в. устного предания, сложившегося столетием раньше, подвергнувшегося трансформации в процессе устного бытования и адаптированного летописцем в соответствии с его историософскими представлениями. В-третьих, требует дополнительного источниковедческого и — особенно — лингвистического исследования другой важнейший источник по ранней истории Руси: договоры с Византией первой половины X в. Признание того, что сохранившиеся тексты являются переводами конца XI в. с греческого языка (Я. Малингуди, С. М. Каштанов), лишает статуса аутентичности, прежде всего, их терминологию, но также выдвигает необходимость в более критическом подходе и к текстам в целом. Наконец, далеко не полностью использованы еще возможности, открываемые зарубежными источниками, среди которых особую ценность в контексте проблем образования Древнерусского государства представляют восточные и византийские источники IX–X вв., отразившие процессы эволюции социально-политического строя восточнославянских народов.

Таким образом, в изучении процессов образования Древнерусского государства современное состояние дел обнаруживает парадоксальную ситуацию: существенные достижения медиевистики и, особенно, политической и исторической антропологии в осмыслении процессов политогенеза, которые способны составить теоретическую основу для исследования перехода восточнославянских обществ к государству, не могут быть пока полноценно использованы в силу недостаточной изученности самих этих обществ, проистекающей — во всяком случае частично — из проблем, объективных и субъективных, источниковой базы.

Тем не менее, новые археологические материалы и многочисленные конкретные исследования отдельных аспектов истории восточнославянских обществ выдвинули целый ряд актуальных проблем, которые непосредственно связаны с процессами политогенеза.

Принципиально важное значение имеет отмеченная в работах Е. А. Шинакова разноуровневость развития отдельных восточнославянских общностей —

базовая концепция для всей совокупности проблем перехода от племенного строя к государственному. Как правило, восточнославянское пространство рассматривается как некое единство, в котором процессы государствообразования протекают синхронно или почти синхронно от Ладоги до Переяславля Южного. Между тем, имеющиеся источники в своей совокупности с отчетливостью указывают на существеннейшие различия в развитии отдельных восточнославянских общностей, причем не только стадийном (как, например, поляне и вятичи), но и в предпосылках и механизмах государствообразования (в частности, у полян и у новгородских словен).

С этим частично связан и следующий вопрос, почему восточнославянская материальная культура практически не отражает стратификации общества: среди массовых малоинвентарных погребений нет захоронений, резко выделяющихся погребальным обрядом или инвентарем, что является первым признаком стратификации общества, нарастающим по мере ее углубления. Явные признаки стратификации (так называемые дружинные курганы, знаменующие выделение профессионального военного слоя) появляются только после появления скандинавов. Является ли эгалитарность погребального обряда отражением общественного строя или какой-то — нетипичной — особенностью восточнославянской культуры? Высказанное Е. Н. Носовым предположение, что крупная насыпь (курган, сопка) сама по себе маркирует элитное погребение, пока еще не получило развития.

Установление разностадийности развития восточнославянских общностей дает прочную основу для обсуждения вопроса о центрах возникновения государственности у восточных славян. Среднеднепровский (Полянский) моноцентризм, восходивший еще к представлениям летописцев XI–XII вв., сменился в последние десятилетия бицентризмом: к Среднеднепровскому региону добавилось Поволховье, которое ныне в части российской историографии представлено едва ли не как главный регион зарождения государственности у восточных славян. Можно предполагать, что таких центров в восточнославянском мире было не два, а больше: так, например, до сих пор не до конца ясно, что представляла собой полития древлян, конкурировавшая с полянской в Среднем Поднепровье; какой уровень развития полоцких кривичей отражает отмеченная недавно на их землях иерархия поселений; и т. д. Решение этих вопросов в значительной степени зависит от продолжения и углубления исследований «племенных» территорий.

Следующий круг актуальных проблем связан с историческим и геополитическим контекстом образования Древнерусского государства. Постепенно преодолевается «русскоцентричный» взгляд на прошлое Восточной Европы, когда главным, если не единственным (за редкими исключениями: см., в частности, работы Е. А. Рябина, А. Е. Леонтьева) объектом исследования была Древняя Русь. Однако как ее возникновение, так и дальнейшая эволюция проходили

не в изолированном пространстве. Восточнославянский мир теснейшим образом взаимодействовал с другими народами, населявшими Восточную Европу: финнами и балтами на севере и западе, кочевниками на юге, и уже сложившимися государствами Восточной Европы, прежде всего, с Хазарским каганатом и Волжской Булгарией. Изучение этих государств, практически прекратившееся во второй половине XX в. (исключение составлял труд М. И. Артамонова), стоит сейчас в центре внимания историков и археологов Москвы, Харькова, Казани и существенно продвинулось. Однако сколько-нибудь полной картины этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний в Восточной Европе периода образования Древней Руси пока еще нет, хотя не вызывает сомнений, что изначально Древнерусское государство, как и древнерусская элитная культура, формируется на полиэтничной основе.

Одним из важнейших, но также недостаточно изученных факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования у восточных славян, признается их геополитическое положение. Густая речная сеть с единым водоразделом трех крупнейших рек — Волги, Днепра и Западной Двины, — соединявших Балтийское, Черное и Каспийское моря, позволила Восточной Европе занять исключительное положение в средневековом мире после того, как средиземноморская торговля с Востоком была прервана арабскими завоеваниями в VII–VIII вв. и основной трансконтинентальный путь переместился на Балтийское море и реки Восточной Европы. В результате изменения геополитической обстановки на Восточноевропейской равнине создаются экономические и интенсифицируются социально-политические предпосылки возникновения политики в Волховско-Ильменском регионе. Не случайно, на территории славянского расселения в IX–X вв. области, в которых идет бурный процесс зарождения предгосударственных образований, связаны с узловыми участками трансконтинентальных торговых путей, Балтийско-Волжского и Днепровского. Эта интерпретационная модель восточнославянского политогенеза, по крайней мере для Волховско-Ильменского региона, получила распространение.

Публикация большого числа зарубежных источников по истории Древней Руси, а также масштабные археологические работы дали прочную основу для разносторонних исследований взаимодействия восточнославянского мира с другими регионами Европы — скандинавским, западнославянским, восточным — как в период образования государства, так и на всем протяжении его развития. Изначальное участие народов Восточной Европы в трансконтинентальной торговле, главной движущей силой которой были скандинавы, вылилось в интенсивный культурный взаимообмен, способствовавший ускорению процессов восточнославянского политогенеза и заложивший прочные основы интегрированности Древнерусского государства в европейский средневековый мир.

Наконец, важное значение для изучения проблем восточнославянского политогенеза имеют сравнительно-типологические исследования, поскольку, с одной стороны, они до определенной степени могут компенсировать недостаток источников, с другой — разрушают популярный историографический миф об «особом пути» развития восточнославянской, а затем русской государственности.

Главным критерием сравнительного анализа, как представляется, должна быть схожесть исторических условий, в которых происходят процессы государствообразования. Для европейских народов важнейшим фактором, определившим начальные этапы возникновения и особенности структуры ранних государств, было наличие или отсутствие синтеза с позднеантичной цивилизацией. Поэтому наиболее продуктивным представляется сопоставление процессов становления государственности у восточных славян и тех народов, которые не испытали на себе или испытали в слабой степени социальные, политические, культурные влияния Рима (континентальные германцы) и Византии (южные славяне). Это, прежде всего, западные славяне, скандинавы, до определенной степени англо-саксы. Выделение «северного», от Британских островов до Восточноевропейской равнины, региона (ср. концепцию циркум-балтийской цивилизации Г. С. Лебедева) основывается не только на его «бессинтезности», но и на его объединении с VIII в. трансевропейским путем, связывавшим Западную Европу с Арабским Халифатом и эксплуатируемым в значительной степени скандинавами. Благодаря скандинавской экспансии на западе и на востоке как материальные, так и культурные импульсы распространялись по всему этому огромному региону.

Вместе с тем, развитие каждой из входящих в этот регион областей в значительной степени обуславливалось особенностями их заселения. Завоевательный характер переселения англо-саксов на Британские острова в V–VI вв. вызвал распад кровнородственных общностей, глубокую стратификацию общества, резкое обособление военного слоя во главе с вождем, формирование обширного фонда «королевских земель» и образование ряда политий («королевств») уже к концу VI в. Восточнославянская земледельческая колонизация, напротив, носила мирный характер, не вызвала военизации общества (с вытекающими из нее последствиями) и, вероятно, ослабляя кровнородственные связи (А. А. Горский полагает их распад), не разрушала их полностью. В то же время взаимодействие с аборигенным населением усилило племенную дифференциацию: так, в роменской (северянской) культуре присутствует значительный салтовский (хазарский) элемент, тогда как в культуре кривичей прослеживаются балтские влияния. Северогерманские же племена не меняли основной территории своего обитания, ограниченная колонизация (островов Северной Атлантики, областей в Англии и Франции) не оказала существенного влияния на их социально-политическое развитие, отличавшееся консервацией родовых

отношений. Экспансия викингов, однако, резко усилила роль профессионального военного слоя, выделившегося уже в первые века н. э., и углубила имущественную стратификацию.

Сопоставление отдельных явлений и процессов в разных частях региона представляется весьма продуктивным, причем принципиально важное значение имеют не только выявляемые схождения (на них обычно и концентрируется внимание), но и различия, интерпретация которых подчеркивает специфику каждой из областей. Приведу несколько примеров.

В условиях военного завоевания формирование частной собственности на землю проходит в Англии весьма интенсивно, в первую очередь, выделяются земли, собственником которых является король. Уже в VIII в. фиксируются королевские земельные пожалования церкви и частным лицам. Иная картина характерна при мирной колонизации или стабильном расселении. В Скандинавии в период политогенеза целиком и полностью господствует общинная и семейно-родовая (одадь) собственность на землю; конунг не имеет права на какие-либо земельные владения, кроме собственных усадеб, и вплоть до XIII в. не претендует на распоряжение землей. Для Руси поземельные отношения до конца XI в. совершенно неясны из-за отсутствия источников. Однако обеспечение церкви только десятиной после принятия христианства Владимиром и длительное отсутствие земельных пожалований в ее пользу говорит, вероятно, о том, что земля вплоть до конца XI в. (по В. Л. Янину) находилась в общинной собственности, и князь не имел права отчуждать ее.

Королевская власть в Англии является развитием власти военного вождя, и уже в первых судебныхниках (конец VI в.) король — судя по вергельдам — получает особый статус, который неуклонно повышается. Скандинавские конунги — представители родовой знати, и их статус продолжает определяться обычаями, не закрепляясь законодательно вплоть до XII или XIII в. Древнерусские князья IX–X вв., скандинавы по происхождению, вероятно, сохраняют то же положение: так, князь не является субъектом права ни в Правде Ярослава, ни в последующих судебныхниках.

Основные функции верховной власти — военная, административная, фискальная и др. — в англо-саксонских полициях очень рано начинают дифференцироваться: первая выполняется дружиной и ополчением, остальные — королевскими чиновниками. В Скандинавии и на Руси, по крайней мере до начала-середины XI в., все эти функции осуществляет дружина верховного правителя, что приводит к корпоративности военной элиты (А. А. Горский).

На Руси, как кажется, значительно позже складывается система территориально-фискальных округов, нежели в Англии и Скандинавии, где она формировалась прежде всего для нужд военной организации общества.

Наконец, многочисленные сходства/различия обнаруживаются и в конкретных проявлениях исторических процессов: механизме сбора податей (по-

людь/вейцла на Руси и в Скандинавии; в Англии — регулярное налогообложение), установлении верховной власти (избрание конунга/«ряд» с Рюриком и дальнейшее приглашение князей Новгородом; отсутствует в Англии), харизматичности (сакральности) «королевского» рода (повсеместно) и его легитимизации с помощью династических легенд (ср. легенды о призвании основателя династии на Руси и в Англии) и мн. др.

Подавляющее большинство названных явлений никогда не исследовалось в сопоставительном плане, хотя отмеченные, равно как и многие другие сходства и различия в социальном строе, политической организации, административном управлении, наконец, в культуре Руси, англо-саксонской Англии и Скандинавских стран способны пролить новый свет на белые пятна ранней истории Руси и значительно углубить в целом наше понимание процессов европейского политогенеза.

(Впервые опубликовано: ВЕДС. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. 2011. С. 188–197)

Часть II

**СКАНДИНАВЫ В ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.)

Предысторию Руси и Русской земли «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) начинает с Великого переселения народов: расселения славян с Дуная и освоения ими Восточноевропейской равнины. К этой эпохе восходит историческая память всех народов, принявших участие в Великом переселении, здесь «точка отсчета» авторов раннеисторических описаний. С переселения на Британские острова (середина – конец V в.) начинается историю англов хронист Беда Достопочтенный; переселением из Азии в Скандинавию открывается история скандинавских народов в «ученой легенде» исландского автора XIII в. Снорри Стурлусона; и др.

Особой источниковедческой проблемой стала проблема этнонимии. Традиционное использование в древней и средневековой историографии этнонимов типа *скифы*, *гунны*, *франки* и др. по отношению к самым различным, часто неродственным народам, возникновение новых названий, их распространение, изменение изначального содержания, превращение в топонимы, хоронимы и политонимы — все это есть отражение в исторической этно- и топонимике комплекса противоречивых этнокультурных процессов, которые сопутствовали формированию классового общества, государства и раннесредневековых народностей¹.

В полной мере это относится и к эволюции слова «русь». Острота споров вокруг этимологии названия восточнославянского государства, возникших во второй половине XVIII в. в полемике М.В. Ломоносова с немецкими учеными в Российской академии и имевших в то время отчетливо выраженный политический характер, сохранялась до последних десятилетий. И норманисты, и антинорманисты в XVIII – первых десятилетиях XX в. стояли на единых методологических позициях: идеалистическом представлении о возможности создания государства одним лицом или группой лиц. Это обусловило подмену проблемы происхождения государства вопросом о происхождении его названия. Именно поэтому в домарксистской науке признание скандинавской этимологии названия Древнерусского государства неизбежно вело к утверждению приоритета скандинавов в самом его формировании².

В советской историографии показано, что возникновение Древнерусского государства стало возможным лишь в результате экономического и социально-

¹ См.: Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

² Впрочем, уже В. О. Ключевский отмечал нетождественность этих вопросов (Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 114).

го развития, внутренних процессов; что внешние влияния могли несколько ускорить или замедлить, но отнюдь не заменить их. Не без воздействия этой концепции в 1950–1960-е гг. в зарубежной историографии наметился пересмотр взглядов на образование Древнерусского государства и изменилась оценка роли скандинавов в этом процессе, а обсуждение славяно-скандинавских связей стало более объективным. Было обращено особое внимание и на принципиальное различие и независимость вопросов этимологии названия (проблемы преимущественно лингвистической) и образования государства (проблемы глубоко исторической), которые не могут и не должны подменять друг друга.

Однако еще в конце 1950-х гг. польский историк Х. Ловмянский, различая эти два вопроса, отмечал, что, хотя скандинавская этимология слова «русь» «не свидетельствует как таковая о решающей роли норманнов» в процессе возникновения Древнерусского государства и, более того, убедительно обоснована лингвистически³, тем не менее местное происхождение названия заслуживает предпочтения и потому следует попытаться установить именно местную, исконно славянскую этимологию названия «русь»⁴. И до сих пор, хотя языковеды считают доказанной его скандинавскую этимологию⁵, время от времени проявляется стремление обосновать любое — кроме скандинавского — происхождение этого слова: готское, прибалтийско-славянское, иранское, кельтское или иное⁶.

И. П. Шаскольский показал, что «антинорманизм» подобного рода использует устаревшую аргументацию, игнорирует достижения современной науки, а Д. А. Авдусин отметил связь его распространения в 1940–1950-е гг. с общественно-политической ситуацией в СССР, борьбой против «космополитизма»⁷. Продуктивность и научное значение антинорманизма заключаются не в оспаривании скандинавского происхождения русских князей, скандинавской этимологии слова «русь», не в отрицании присутствия скандинавов в Восточной Европе, а в освещении тех процессов развития восточнославянского общества, которые привели к формированию государства, в выявлении взаимных влияний древнерусского и древнескандинавского миров.

В последние десятилетия в мировой науке конкурируют две трактовки слова «русь». Многие советские и зарубежные лингвисты, историки и архео-

³ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 163–165.

⁴ Там же. С. 163–203.

⁵ Попов А. И. Названия народов СССР. М., 1973. С. 47; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 216.

⁶ Как правило, эти попытки предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки (см. например: Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11).

⁷ Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983; Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.

логи придерживаются скандинавской этимологии названия и постепенно по-полняют ее аргументацию (лингвистическую — А. И. Попов, Г. А. Хабургаев, Г. Шрам, археологическую — Г. С. Лебедев). Ряд советских историков вслед за М. Н. Тихомировым⁸ настаивает на автохтонном (среднеднепровском) происхождении этого названия, однако доказательства в их трудах либо отсутствуют, либо сводятся к общим соображениям о существовании в Среднем Поднепровье Русского государства на рубеже VIII–IX вв. (или раньше) при отсутствии здесь скандинавских древностей.

В отечественной и зарубежной этнографии, лингвистике и археологии накоплено много новых данных, прямо или косвенно проливающих свет на спорный вопрос. Важны, в частности, общетеоретические исследования, раскрывающие механизм взаимодействия этносов в эпоху образования раннегосударственных структур. При этом отмечается полиэтничность господствующего слоя нарождающегося государства. Культура этого слоя в отличие от массовой, крестьянской, этнические характеристики в которой более устойчивы, по своему существу призвана отмечать социальный статус ее носителя, а не его этническую принадлежность. Наконец, применительно к собственно русско-скандинавским связям поставлен вопрос о синтезе обоих — наряду с другими — этносов в процессе формирования Древнерусского государства⁹. Необходимо отметить углубление комплексности исследования проблемы — широкого использования и взаимопроверки данных языка, письменных источников и археологических материалов.

В опосредованной форме эволюция содержания термина «русь» отразила важнейшие этносоциальные сдвиги в восточнославянском обществе, причем настолько последовательно, что представляется возможным сопоставить основные этапы этой эволюции с этапами русско-скандинавских связей раннего средневековья. Наиболее существенные преобразования в семантике, употреблении и форме названия «русь» в целом завершаются с консолидацией государства, т. е. к концу X в., и, таким образом, приходится на первые три этапа восточнославяно-скандинавских отношений: до середины IX в., вторая половина IX — первая половина X в., вторая половина X в. Истоки же названия «русь» восходят ко времени, предшествовавшему славянскому проникновению на северо-запад Восточной Европы, населенный западнофинскими племенами.

Контакты населения Скандинавии, Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики прослеживаются археологами уже с бронзового и раннего железного века. Более интенсивными становятся они с середины I тыс., в эпоху Великого переселения народов, продолжают в вендельский период (VI–

⁸ Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. № 6–7; Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 31–33.

⁹ Пащенко В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. XV. С. 51–61.

VIII вв.) и в эпоху викингов. При этом скандинавы, судя по погребальным памятникам, с середины I тыс. проникают в соседнюю западную Финляндию (здесь найдены типично вендельские погребения в ладье), на Аландские острова, где складывается своеобразная метисная финно-скандинавская культура, а также на восточнобалтийское побережье, где имеются погребальные комплексы, близкие скандинавским. Они свидетельствуют о постоянных контактах скандинавских и прибалтийско-финских племен уже в довикингское время и в эпоху викингов.

Культурное взаимодействие и взаимообмен проявились в различных формах: в погребальном обряде, в языках взаимодействовавших этнических групп¹⁰. В этом культурно-историческом контексте в финской среде появляется специальное обозначение приходивших на финские территории скандинавов; финск. *ruotsi*, эст. *roots*, водск. *rōtsi*, ливск. *rūt'sš*, карельск. *rōtši*, сохранившееся в финских языках до настоящего времени со значением «Швеция», и производным финск. *ruotsalainen*, эст. *rootslane* — «швед», «шведский». Топонимы с корнем *ruoči* распространены в Латвийской ССР¹¹ и в других восточноприбалтийских землях.

Ареал слова — пространство от Кольского полуострова до Урала, причем, как показал К.-О. Фальк, по мере продвижения на восток его употребление сокращается, а значение видоизменяется: уже в ряде саамских и карельских диалектов этноним используется для обозначения как шведов, так и русских¹², т. е. иноэтнического населения вообще, пришлых иноплеменников, собиравших дань. Функциональное сходство затушевывало для местного населения этнические различия¹³. Далее на восток корень *roč-* в языке коми (из общепермского **roč*, заимствованного из прибалтийско-финских языков¹⁴), а также ненецк. *луца* (< **luotså*), эвенк., *лўча*, *нўча* и др. имеют единственное значение «русский», поскольку население этих областей сталкивалось только с русским колонизационным потоком.

Наличие корня *ruots-* во всех западнофинских языках свидетельствует о появлении слова в период языковой общности, распад которой относят ныне

¹⁰ *Setälä E. N.* Beiträge zu den germanischen Wörtern im finnischen und ostseefinnischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1913. Bd. 13. S. 316–377; *Oehmann E.* Die ältesten germanischen Lehnwörter im Finnischen // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse*. 1954. Bd. 1.

¹¹ *Jansons A.* Toponimi «zviēdri», «ruoči», «normaņi» Latvijas PSR // *Изв. Акад. наук Латвийской ССР*. 1963. № 11.

¹² *Falk K.-O.* Einige Bemerkungen zum Namen Rus' // *Les pays du Nord et Byzance*. Uppsala, 1981. S. 147–159.

¹³ *Попов А. И.* Названия народов СССР. С. 47–50; ср. также: др.-русск. *немцы*, обозначавшее этнически различные народы Западной Европы; саамск. *Tara, Tarra* — «Норвегия» и «Русь».

¹⁴ *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 243.

к VI–VIII вв.¹⁵. Отсутствие же производных от него, узость семантики и изолированность указывают на то, что корень этот не является исконно финским.

Источником заимствования финск. *ruotsi* традиционно считается производное от древнескандинавского глагола «гребти» (др.-исл. *róa*). Отнесение заимствования *ruotsi* ко времени ранних (до эпохи викингов) скандинаво-финских контактов не вызывает сомнений¹⁶. Однако поиски однозначной исходной словоформы для *ruotsi* затруднительны из-за отсутствия письменных источников (лексикон современных заимствованиям старшерунических надписей насчитывает менее 500 слов), да и вряд ли необходимы. Существование глагола *róa* и его производных, в том числе *rōþer* («гребец») и **rōþs(-maðr, -karl)* и др., отразившихся во всех германских языках¹⁷, бесспорно. Фонетически закономерен и переход древнесеверогерманского *rōþs-* (первый элемент композита) > финск. *ruots-*¹⁸.

Комплекс значений слова *rōþ(e)r* — «гребец; гребля; весло; плавание на гребных судах» — устойчив во всех германских языках: др.-исл. *rōðr*, др.-в.-нем. *ruodar*, др.-англ. *rōðor* и др. В рунической надписи первой половины XI в. засвидетельствовано значение «морской поход»: **han . uas . buta . bastr . i ruði** (др.-исл. *í róði*) . **hakunar** («Он был лучшим из бондов в походе Хакона»)¹⁹. Обозначение морского похода и его участников однокоренными словами традиционно для Скандинавии. Таковы существительное ж. р. *víking*, употреблявшееся для называния похода викингов (*vara í víkingi* — «находиться в викинге», т. е. в морском походе), и существительное м. р. *víkingr* для обозначения его участников (*víkingr* = «викинг, воин»). На территории между Рослагеном и Онежским озером (как предположил на основании ареала заимствований в прибалтийско-финских языках Е. А. Хелимский) собирательное самоназвание «профессиональных» групп пришельцев, более или менее однородных этнически, было наиболее подходящим для усвоения местным населением.

Таким образом, в эпоху, предшествовавшую восточнославянско-скандинавским контактам, в финской среде возникает этносоциальный термин *ruotsi*, позднее, при изменении форм деятельности скандинавов, удержавший только этническое значение и превратившийся затем в хороним *Ruotsi*.

Судя по топографии погребений в ладье, скандинавская племенная знать, особенно в Средней Швеции, уже в вендельскую эпоху отличалась значитель-

¹⁵ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 80.

¹⁶ На вероятность раннего заимствования *ruotsi* указывали еще В. Томсен и А. Л. Погодин (Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 84; Погодин А. Л. Вопрос о происхождении имени Русь // Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 272).

¹⁷ de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977. S. 450.

¹⁸ Ср. др.-швед. *botsmaen* > финск. *puosi*, др.-швед. *hofmaen* > финск. *huovi*.

¹⁹ Nibble, Up, 16 (Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1940. B. 6: Upplands runinskrifter, H. 1. S. 24–26); см. также: Hovgården, Up, 11 (Ibid. S. 11–20), около 1080 г.

ной активностью и подвижностью как в процессах внутренней колонизации, так и в связях с континентом. В это время скандинавские погребения в ладье появляются на территории Финляндии и на Аландских островах²⁰. В IX в. возникает некрополь с трупосожжениями, в том числе в ладьях, под Ладогой в урочище Плакун. Сожжения производились по типично скандинавскому ритуалу, помещались под низкими насыпями и содержали не только мужские, но и женские захоронения²¹. В культуре приладожских сопок выделяется пласт норманнских древностей, а на сложение этой культуры повлияли, видимо, четыре этнических компонента: финский, балтский, славянский и скандинавский²².

Появление скандинавов на территориях, удаленных от побережья Балтийского моря, среди финских племен, в первую очередь в Приладожье, было близко по времени к началу славянской колонизации этого региона. Контакты всех трех этнических групп на первом этапе восточнославянско-скандинавских связей — до середины IX в. — прослеживаются в Старой Ладоге (древнейший открытый скандинавский комплекс датируется серединой VIII в.), на Сарском городище под Ростовом (IX в.), на Рюриковом городище под Новгородом (IX в.)²³. Эпизодические, нерегулярные связи местного (финского) населения со скандинавами при торговых и грабительских походах норманнских дружин «на восток» дополнились с середины VIII в. более устойчивыми контактами со скандинавами, оседавшими в Старой Ладоге, где показателен смешанный характер расселения скандинавов, финнов, балтов и славян.

К VIII–IX вв. относятся и древнейшие западнофинско-славянские языковые связи: в западнофинских и эстонском языках имеются заимствования, сохранившие неполногласие, что могло быть лишь до IX в.²⁴. Очевидно, именно в это время на основе устоявшегося финского возникает и восточнославянское обозначение скандинавских купцов и воинов²⁵. Переход финск. *ruotsi* > др.-русс. *русь* фонетически убедительно обоснован. Зап.-финск. *uo/oo* закономерно отражалось в др.-русс. *ŭ*, что подтверждается рядом аналогий (например, финск. *suomi* > др.-русс. *сумь*) и общим соответствием др.-русс. *ŭ* /

²⁰ Anderson G. Boatgraves in Finland // Suomen museo. 1963. Vol. 70. P. 5–23.

²¹ Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.

²² Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe // Там же; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 68–69.

²³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // ИСССР. 1984. № 3. С. 54–55; Носов Е. Н. Новые скандинавские находки с Рюрикова городища под Новгородом // X Сканд. конф. 1986. Ч. 1.

²⁴ Mikkola J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938; Kalima J. Die slawischen Lehnwörter im Ostseefinnisch. B., 1955; Кунарский В. О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica. 1958. Т. 4.

²⁵ Аналогично, хотя и в более позднее время, возникает название *варяг*, также использовавшееся как этносоциальный термин и, вероятно, заменившее название *русь* после того, как последнее было перенесено на древнерусскую народность.

финск. *uo/oo*. Возможность перехода финск. *ts* > др.-русск. *с* имеет несколько наиболее вероятных объяснений: во-первых, заимствование могло иметь место до образования *ц* в древнерусском языке, во-вторых, если заимствование и проходило позже, то *с* в слове *русь* могло возникнуть как упрощение консонантной группы *ts* (ср.: *vepsä* > *весь*)²⁶.

Неоднозначности финск. *ruotsi* (соединению в нем этнического и социального значений) соответствует исходная полисемия др.-русск. *русь*. Письменные источники, в первую очередь ПВЛ, не содержат однозначного понимания этого слова. Поэтому выборочное привлечение источников позволяет достаточно убедительно, на первый взгляд, интерпретировать название и как социальный термин, и как этноним, и как хороним. До середины IX в. актуальны, хотя в разной степени, и, как правило, во взаимосвязи, первые два значения. Важнейшим подтверждением доминирующего этнического содержания слова является его морфологическая структура, недвусмысленно связывающая его с древнерусским этнонимическим рядом для обозначения народов северо-запада Европейской части СССР, по преимуществу финских и балтских²⁷.

Эта этнонимическая модель основана на фонетической (более или менее точной) передаче самоназвания и морфологически оформлена как собирательное существительное женского рода на *-ь* (< *-i): *кърсь* (> *корсь*) < балтийских языков, латв. *kuŗsa*, лит. *kuŗsas*; *чудь* (< гот. *diuđa*?) < саам. норв. *čutte*, *сидде*, саам. швед. *čute*, *čude* — «преследователь, враг», саам. кольск. *čutte*, *čut*; *сумь* < финск. *Suomi*, эст. *Soome Maa*, лив. *Sūm*; *ямь*, *емь* < финск. *Häme* (название области); *весь* < финск. **vepsi*, *vepsä*; *водь* < водск. *vad'd'a*, финск. *vaaja*; *лонь* < финск. *lappi*; *либь* < латв. *libis*, *libiētis* и др.

Наконец, на неславянскую этническую принадлежность первоначальной «руси» указывает и то, что этническая группа «русь» не включена летописцем ни в один из перечней славянских «племен» (полян, древлян и др.), расселившихся по Восточноевропейской равнине²⁸.

Этническое значение слова «русь» устанавливается, таким образом, этимологически, по морфологической структуре слова, по его включению в соответствующий контекст в ПВЛ. Для летописца XII в. его этническое содержание не вызывало сомнений: он ставит русь в один ряд с другими скандинавскими на-

²⁶ Schramm G. Die Herkunft des Namens Rus' // FzOG. 1982. Bd. 30. S. 19.

²⁷ См.: Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». С. 167–168. Собственно, славянские этнонимы образованы по двум основным словообразовательным моделям. Первая имела аппелятивную основу + суффикс *-an/-ян* или *-en* (из общеслав. **-janin*, **-ĕnin*); ср.: *древляне*, *северяне*, *бужане*. Вторая — топографическую или псевдопатронимическую основу + патронимический суффикс *-ич* (из общеслав. **-itjo*): *кривичи*, *радимичи*, *вятичи*. Обе модели восходят к общеславянскому времени (Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich // RS. 1966. T. 26; 1968. T. 29; Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Киев, 1980).

²⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 11, 13, 15 [= ПВЛ-1996. С. 8, 10–11. — Прим. ред.].

родами: «Сие бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зьвутся свие, друзии же урмане»²⁹. Однако в легенде о призвании варягов, как полагает большинство исследователей, частично отражающей реальность середины IX в., наиболее отчетливо проявляется и его социальное значение. Сопоставление двух вариантов легенды, сохранившихся в ПВЛ и в Новгородской I летописи (далее — НПЛ), недвусмысленно показывает отождествление понятий «русь» и «дружина». Текст ПВЛ: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша»³⁰. В НПЛ текст звучит так: «Избращася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, в придоша к Новугороду»³¹.

Взаимозаменяемость выражений «дружина многа» и «вся русь» (ср. ниже выражение «все росы» как обозначение великокняжеской дружины у Константина Багрянородного) указывает на социально-терминологическое значение слова «русь» в летописной традиции XII в.³². Этническое значение его в этом контексте отступает на второй план и нуждается в специальном комментарии летописца — отождествлении «руси» с варягами.

Во второй половине IX — первой половине X в., на протяжении второго этапа восточнославянско-скандинавских связей, оба значения слова сохраняются, но социальное начинает выступать на первый план, оттесняя этническое. В этом контексте вызвавшая много толкований фраза ПВЛ (и соответствующий пассаж НПЛ) о мужах, варягах, словенах и прочих, которые в Киеве «прозвашася русью»³³, может быть истолкована как указание на то, что именно

²⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — *Прим. ред.*]. Мы не касаемся здесь вопроса о времени включения в ПВЛ этого и других пассажей, содержащих отождествление варягов и руси, которые А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Разыскания о Древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 298–340) считал вставками составителя ПВЛ. Для нас существенно не это отождествление (которое, кстати, вряд ли могло произойти в раннее время, как полагал и А. А. Шахматов), а включение названия «русь» в контекст, недвусмысленно обнаруживающий этническое его содержание.

³⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — *Прим. ред.*].

³¹ НПЛ. С. 106.

³² *Falk K.-O.* Einige Bemerkungen. S. 149. А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Разыскания*. С. 340) считал очевидной искусственность конструкции «вся русь» (как и легенды о призвании варягов в целом), по его мнению, летописец стремился объяснить таким образом отсутствие руси собственно в Скандинавии — «всю русь» якобы переселил с собой Рюрик. Однако, помимо приведенных данных Константина Багрянородного, для средневековых источников вообще и для древнерусских в частности (ср. «Русь вся» в договоре Святослава) характерно обозначение дружины как «всех чехов», «всех данов» и т. д.

³³ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [= ПВЛ-1996. С. 14. — *Прим. ред.*]. А. А. Шахматов считал, что в Древнейшем своде «русью» именовались лишь варяги Олега (словене и прочие — позднейшая вставка), восприняв это название в Киеве, где оно якобы было исконным. Эта гипотеза о южном происхождении названия «русь» основана, однако, на недоказанном предположении самого А. А. Шахматова о существовании государства скандинавов-росов Бертинских анналов в Среднем Поднепровье до 840 г. (*Шахматов А. А. Разыскания*. С. 542; *Он же*. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 53 сл.).

в Киеве полиэтническое войско Олега (или его часть) приобрело статус великокняжеской дружины. В. Л. Янин склонен видеть в этой «руси» дружину, представлявшую прежде всего административный аппарат великого (киевского) князя. По его мнению, как и по мнению Д. С. Лихачева³⁴, противопоставление княжеской дружины (руси) рядовому войску (словенам) отражено и в рассказе о походе на Царьград 907 г.³⁵, хотя Д. С. Лихачев и понимает термин «дружина» шире, чем В. Л. Янин. Но при любой трактовке — наиболее существенно то, что исходное этносоциальное значение термина «русь» стало «размываться» как в этническом плане (включает «мужей» славянского происхождения), так, видимо, и в социальном (в описании похода 907 г. о руси говорится как о войске вообще, а не только как о великокняжеской дружине).

Наконец, в тексте договора 911 г.³⁶ появляется хороним (политоним?) «Русская земля». Показательно, что Аскольд и Дир, согласно ПВЛ, владели не Русской землей, а «польской» (т. е. полянской): название «русь» в территориальном значении начинает распространяться в Поднепровье с утверждением в Киеве именно великокняжеской дружины Олега, назвавшего Киев метрополией — «матерью городов русских»³⁷. Вместе с тем в упомянутых текстах наряду с расширительным значением названия «русь» присутствуют отзвуки и самого раннего значения: Олег требует дань «на корабль» и «на ключ» (уключину), что подчеркивает особый статус именно гребцов в походе на судах.

Таким образом, в летописных текстах, повествующих о событиях конца IX — начала X в., можно увидеть весь спектр значений названия «русь» с тенденцией к его расширению и переносом названия со скандинавских реалий на восточнославянские. Эта тенденция упрочивается к середине X в., судя по описанию похода и договору Игоря (944 г.), где его войско, состоящее из варягов, руси, полян, словен, кривичей и тиверцев, корсунцы и болгары называют общим именем — «идуть Русь»³⁸, отличая от «руси» только наемников-печенегов. Эта «расширительная» трактовка «извне» подкрепляется «изнутри» словами договора, заключенного «от Игоря, великого князя рускаго, и от всякая княжья и от всѣхъ людей Руския земля»³⁹. При этом послы со скандинавскими именами выступают доверителями правителей, часть которых носит славянские имена (в их числе — Святослав, сын великого князя). Договор скрепляет-

³⁴ ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 253 [= ПВЛ-1996. С. 419. — *Прим. ред.*].

³⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 24 [= ПВЛ-1996. С. 17. — *Прим. ред.*].

³⁶ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 27 [= ПВЛ-1996. С. 19. — *Прим. ред.*].

³⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [= ПВЛ-1996. С. 14. — *Прим. ред.*].

³⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 33 [= ПВЛ-1996. С. 23. — *Прим. ред.*]; ср. комментарий: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 288 [= ПВЛ-1996. С. 430–431. — *Прим. ред.*].

³⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 35; ср.: С. 38–39 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23; ср.: С. 26. — *Прим. ред.*].

ся клятвой Перуном, что свидетельствует об отправлении русскими князьями и дружиной славянских култов. Все это наряду с данными археологии и лингвистики говорит о далеко зашедших процессах ассимиляции, изначально сопровождавших распространение названия «русь».

По мере того как название «русь» становится известным соседним с восточными славянами народам, оно появляется во все большем количестве разноязычных источников, причем большинство из них фиксирует уже отмеченную двойственность значения слова.

Этносоциальное содержание названия «ар-рус» в арабских источниках, в отличие от расширительного этнического «ас сакалиба» (под которым подразумевались не только восточные и западные славяне, но часто и другие народы Европы — болгары и даже германцы⁴⁰), отмечалось неоднократно, причем этническое значение — под народом ар-рус понимаются скандинавы⁴¹, — как правило, не выражено эксплицитно и устанавливается путем этнографических, исторических и прочих сопоставлений. Доминирование социального значения названия «ар-рус» исторически обусловлено самим характером контактов: знакомством арабов с теми самыми отрядами, которые называли себя *rōps(menn)* и которых западные финны называли *ruotsi*. Один из таких отрядов в 921/922 г. видел в Булгаре Ибн Фадлан, составивший «этнографическое» описание похорон его «предводителя».

Показательно, что сами ар-рус (русийа) характеризовали свой обряд погребения исключительно как сожжение в ладье⁴², хотя ни в Скандинавии, ни в Восточной Европе этот обряд не был господствующим: видимо, связь «руси» с кораблем как символом социальной группы была еще актуальной. Участвовавшие в похоронах были, вероятно, сородичами и домочадцами умершего предводителя. «Царь русов», в описании того же Ибн Фадлана, постоянно окружен «четырьмястами мужами из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него». И название группы, совершавшей похороны руса в ладье, и название окружения царя русов имеют эквивалент в древнерусском языке — «дружина»⁴³.

⁴⁰ Минорский В. Р. Куда ездили древние русы? // Восточные источники в истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 22–23.

⁴¹ Vitestam G. The People of ar-Rūs as Merchants According to Arabic Sources // KVHAA. Filologisk-filosofisk serien. 1975. B. 15. Единственным в восточных источниках текстом, отождествляющим народы ар-рус и ас-сакалиба, является вставка неясного происхождения в сочинение Ибн Хордадбега (*Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 38 сл.; см. также: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 382–385).

⁴² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 143, 146.

⁴³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 363.

Исключительно как воинов и купцов, живущих на острове, изображают ар-рус источники, восходящие к IX в. Ибн Русте пишет: «У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян (ас-сакалиба), подъезжают к ним на кораблях... Они не имеют пашен и питаются лишь тем, что привозят из страны славян... Все свои набеги и походы совершают на кораблях»⁴⁴. Вероятно, Ибн Русте описывает здесь полюдые — сбор дани княжеской дружиной; близкие сведения об «острове русов» и кормлении отрядов ар-рус (100–200 человек) в земле славян есть у Гардизи⁴⁵. Описание восточными источниками «профессионального» быта ар-рус как воинов и купцов, для которых характерны походы на кораблях, сбор дани, кормление в стране ас-сакалиба, подтверждает актуальность этносоциального термина «русь», отраженного восточной традицией.

Той же двойственностью значения можно объяснить кажущуюся противоречивость сообщения Бертинских анналов (839 г.)⁴⁶ о людях, назвавших себя, т. е. род свой, «росами» («se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant»), а в действительности оказавшихся свеонами («eos gentis esse Sveonum»). Употребление оборота *accusativus cum infinitivo* позволяет понимать слово «рос» как самоназвание группы (*gens*) свеонов⁴⁷. При этом основным определяющим данную группу признаком является не их этническая принадлежность (иначе достаточно было бы определения «свеоны»), но их деятельность: выполнение некоего поручения правителя-хакана к императору Византии Феофилу. Как известно, такого рода поручения — дипломатического или иного характера — возлагались в тот и в более поздний период на членов княжеской дружины⁴⁸, в значительной степени заменявшей аппарат государственного управления. Название «рос», таким образом соотносимое, но в то же время и противопоставленное этнониму «свеоны», обозначает членов дружины правителя, носившего титул «хакан» и поддерживавшего связи с Византией.

В отношении интересующего нас названия аналогия сообщению Бертинских анналов представляет упоминание ал-Йакуби о практически одновременном известии анналов нападении на Севилью в 844 г. «кораблей [народа] ал-Маджус, который называется ар-Рус»⁴⁹. Термином «ал-Маджус» (буквально «огнепоклонники») восточные авторы обозначали языческие народы Европы,

⁴⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 397–400.

⁴⁵ Там же. С. 399.

⁴⁶ MGH. SS. 1885. Т. 1. Р. 434.

⁴⁷ Слово *gens* «род» в средневековых источниках имеет весьма широкое и расплывчатое значение, обозначая не только кровнородственные, но и иные группы. Вопрос об этнической и государственной принадлежности «хакана росов» не может быть рассмотрен в рамках этой статьи, тем более что сам текст не содержит данных для его решения.

⁴⁸ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 36 сл.

⁴⁹ Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956. Т. 1. S. 128, 251, 270–271.

сжигавшие своих мертвых. Показательно выделение (само)названия «ар-Рус» из собирательного иноназвания ряда народов.

К первой трети IX в. сообщения о нападениях росов на византийские владения появляются в византийских источниках (жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского)⁵⁰, к середине IX в. — в проповедях патриарха Фотия 860 г. и его же Окружном послании 867 г.⁵¹, наконец, в середине X в. составлено ценнейшее описание «росов» в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного⁵². Если первые три источника содержат лишь характерные для учительной литературы стереотипные описания нападений «росов» на Сурож, Амастриду и Константинополь, то Константин пространно излагает полученные им сведения о росах: их местах обитания, образе жизни и т. д. Показательно, однако, что ни разу он не оговаривает принадлежность росов к какой-либо крупной этнической группе, как он делает, например, по отношению к племенам друговитов, кривитеинов и др., относя их к славянским народам. Лишь на основании анализа «росских» названий днепровских порогов, бесспорно скандинавских, можно полагать, что «росы» Константина являются скандинавами.

Социальный момент в характеристике «росов» у Константина выражен значительно более четко. «Росы» управляют славянскими племенами, им поставляют однодеревки славянские города Немогардас, Милиниски и др., они совершают набеги на Византию, Хазарию и другие сопредельные страны, плавают в Византию с торговыми целями. Особенно показательно, что «их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия» по землям основных славянских племен. Употребление выражения «со всеми росами», идентичного выражению «вся Русь» в ПВЛ в подобном контексте, противоречит исключительно этническому пониманию слова⁵³. В полюдье принимал участие великий (киевский) князь со своей дружиной, состоявшей в середине X в., однако, не из одних скандинавов. Полиэтнический состав и культура великокняжеских дружин и знати в Древней Руси X в. устанавливаются по договорам с греками, по неоднократным упоминаниям ПВЛ о дружинниках-чужинах и представителях других западнофинских племен, а также кочевых народов Северного Причерноморья, и по археологическим памятникам — в первую очередь дружинным некрополям, инвентарь и обряд погребения в которых обнаруживают контаминацию разноэтнических элементов.

⁵⁰ Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3.

⁵¹ Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия росов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Сент.—окт.

⁵² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–51; см. также комментарий к гл. 9.

⁵³ Там же. С. 270; ср.: Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Sankt-Petersburg, 1844. S. 104–107; Falk K.-O. Einige Bemerkungen. S. 149.

Таким образом, в сочинении Константина отмечается важная ступень в развитии названия⁵⁴: с одной стороны, в этническом плане под словом «рос» подразумеваются скандинавы, с другой — его содержание оказывается значительно шире этнического определения и включает разноэтничный контингент, составляющий великокняжескую дружину. Слово «рос» у Константина, таким образом, обнаруживает исходную многозначность, но с преобладанием социального, а не этнического значения. Эта многозначность, очевидно, является не плодом размышлений Константина, а отражением сведений, поступавших к нему в середине X в. в качестве донесений о Киеве, а также уже сложившегося в Византии комплекса информации о народе «рос». Вероятно, к последнему комплексу относится и сама форма названия — *ῥῶς* с корневым *-ō-*, а не *-ŷ-*, поскольку именно она встречается во всех предшествующих Константину источниках. Лишь во второй половине X в. появляется форма с корневым *-ŷ-* — *ρους-*, которая, однако, так и не стала господствующей.

Традиционный взгляд сторонников южнорусской этимологии названия «Русь»⁵⁵ (начиная с М. В. Ломоносова) в значительной степени основывается на форме *ῥῶς*, которая истолковывается как отражение исконно славянского этнонима *русы* (*росы*). При этом априорно принимается тождественность корней *рус-* и *рос-*, второй из которых встречается в гидронимах⁵⁶ и этнонимах⁵⁷, из чего делается вывод, что в середине I тысячелетия Поросье было заселено неким славянским племенем, носившим название «русь» (*-«рос(ь)», «рьсь»?*).

Однако засвидетельствованное в ПВЛ древнерусское название реки отнюдь не *Рось*, а *Ръсь*, где *ъ* прояснилось в *о* (будучи в сильной позиции) лишь в XII в. (ср.: *търгъ* > *торгъ*, *вълкъ* > *волкъ* и др.), т. е. до XII в. существовала гидронимическая основа не *рос-*, а *ръс-*. Этимологически же общеслав. *ъ* восходит к и.-е. *и*, тогда как *ŷ* (также и в слове *русь*) могло развиваться только из и.-е. дифтонгов **ai* или **oi*⁵⁸. Таким образом, корни *ръс-* (> *рос-*) и *рус-* неза-

⁵⁴ Видимо, эту же ступень отражает летописец, рассказывая о дружине Олега.

⁵⁵ Тихомиров М. Н. Происхождение названий; Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. 1953. Т. 17; Мавродин В. В. Происхождение названия «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958; и др.

⁵⁶ Рось — правый приток Днепра; Роська, Россава — притоки Роси (см.: Словник гідронімів України. Київ, 1979. С. 351). Производные топонимы: Поросье, г. Родня. Исходный гидроним — *Ръсь* — имеет неясную этимологию (Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 237, 262) и засвидетельствован в ПВЛ (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 55, 101, 161 и др. [ПВЛ-1996. С. 36, 65, 104 и др. — Прим. ред.]; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 65, 137, 219, 426).

⁵⁷ Этнонимическая основа *рос-* (также *рокс-*, *рас-*, *ракс-*, *раки-*, *роки-* и префиксированные *аорс-*, *аракс-*, *арси-*) имеет иранское происхождение. Ее ареал от V в. до н. э. до V–VI вв. н. э. охватывает Среднюю Азию, Северный Кавказ, Северное Причерноморье.

⁵⁸ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 253–261; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951 (автор специально оговаривает невозможность развития и.-е. *и* в др.-русс. *ъ*; ср.: Соловьев А. В. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. 12. С. 135). Следует указать и на то, что против древности слова «русь» в древнерусском языке говорит сохранение

висимы один от другого и не являются этимологическими дублетами, что неоднократно уже подчеркивалось лингвистами, но продолжает игнорироваться историками.

Вместе с тем остается открытым вопрос о происхождении ранней византийской формы $\rho\acute{o}\varsigma$, а также формы *Rhos* Бертинских анналов, отражающей, как принято считать, византийскую традицию. Предлагавшиеся объяснения византийской формы (из названия «русь» через тюркское или хазарское посредство) не были признаны убедительными⁵⁹. Надо, видимо, обратить особое внимание на исторические условия, при которых появились первые упоминания этого названия в византийских и других источниках. Если у византийских авторов конца IX – X в. слово «рос» встречается в самых различных контекстах, то в источниках первой половины – середины IX в. оно появляется в рассказах о нападениях росов на Амастриду, Сурож и Константинополь, т. е. в результате непосредственных контактов с его носителями. В Бертинских анналах оно не только прямо почерпнуто от пришедших в Ингельгейм «росов», но и, вероятно, отражает самоназвание этой группы свеонов. Поэтому нет необходимости во всех этих случаях искать посредников передачи византийским авторам или составителям Бертинских анналов названия «рос». Оно могло быть заимствовано прямо у пришельцев и отражать самоназвание дружин, которые в значительной части состояли из выходцев из Скандинавии и сохраняли то же название с основой *rōps-*, которое ранее усвоили финны в форме *ruotsi*.

Это заимствование в византийской литературе могло поддерживаться ассоциациями с наименованием мифического народа Рос, появление которого в сирийско-византийской исторической традиции связано с неточным переводом фразы из ветхозаветной книги Иезекииля (Иез. 38.2; 38.3; 39.1), содержащей титул «князь-глава» (др.-евр. *rosh*), как «князь Рос»⁶⁰. Представление о варварском северном народе рос, широко распространившееся в контексте эсхатологической легенды о Гоге и Магоге⁶¹, было непосредственно

звука [с] после гласного *y* (Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // ВЯ. 1980. № 5. С. 46–47).

⁵⁹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperii.* Washington, 1967. Vol. 2. P. 20–21.

⁶⁰ Это обстоятельство отмечал В. Н. Татищев (*Татищев В. Н. История Российская.* М., 1962. Т. 1. С. 288). К этой же библейской традиции восходит упоминание в перечне диких народов народа *Hros* в компилятивной «Церковной истории» Псевдо-Захария (середины VI в.). Поэтому необоснованны попытки его отождествления с «руссами» — славянами, восточной группой антов и т. п. (Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1934; № 4; Пигулевская Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; Vernadsky G. *Ancient Russia.* New Haven, 1943. Vol. 1. P. 258–259; ср.: Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова $\rho\acute{o}\varsigma$, $\rho\acute{o}\sigma\acute{\iota}\alpha$, Россия // ВДИ. 1940. № 2. С. 121–123).

⁶¹ Флоровский А. В. «Князь Рош» у пророка Иезекииля // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. С. 505–520; Thulin A. *The Southern Origin of the Name Rus'* // *Les pays du Nord et Byzance.* P. 175–183.

использовано патриархом Фотием в связи с осадой Константинополя росами в 860 г.: «Народ вышел из страны северной, устремляясь как бы на другой Иерусалим»⁶².

Таким образом, проникновение названия ῥῶς в византийские источники IX в. и в Бертинские анналы могло быть обусловлено непосредственными контактами с приходившими из Восточной Европы отрядами⁶³. Лишь позднее, по мере расширения связей, установления торговых и дипломатических отношений крепнущего Древнерусского государства с Византией, ее осведомленность о росах увеличивается; под влиянием др.-русск. «русь» в середине X в. появляется форма с корневым -ṛ-, которая, однако, оказывается не в состоянии конкурировать с привычной формой. Одновременно слово ῥῶς усваивается греческим языком, вовлекается в греческую парадигматику (появляется склоняемая форма) и образует ряд производных: прилагательное ῥωσικός, хороним Ῥωσία и др.

Последний комплекс ранних, IX в., источников — это немецкие памятники: Баварский географ (датировка его варьирует от времени до 821 г. до 880-х гг.) и дарственная грамота Людовика Немецкого Алтайхскому монастырю (883 г.)⁶⁴. Засвидетельствованные в них этноним *ruzzi* и хороним *Ruzaramarcha* отличаются от византийских форм фоно-морфологическим обликом и, очевидно, восходят к иной традиции. Использование в них корневого -и- дает основание связать их с др.-русск. «русь». Но локализация *ruzzi* Баварского географа, которых обычно помещают в Среднем Поднепровье⁶⁵, неясна: данный источник состоит из перечня «народов» (племен), и единственным подтверждением этой локализации является упоминание рядом с ними хазар (*caziri*). Более того, неясно (как бы ни интерпретировать эту часть перечня), почему хазары названы в нем перед, а не после *ruzzi*, если последние находятся в Поднепровье — ведь точкой отсчета в любом случае является Бавария? Существуют и другие локализации этого наименования, в частности севернее, между весью и славянскими племенами Поднепровья, что основывается на интерпретации следующих за *ruzzi* названий и скорее соответствует этногеографическому контексту ранних финно-славянско-скандинавских контактов. Также неясен и источник образования хоронима *Ruzaramarcha*. Поэтому вопрос о происхождении этих наименований и их

⁶² Две беседы святейшего патриарха. С. 421. Ту же параллель проводит во второй половине X в. Лев Диакон в связи с походом Святослава: «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос”» (Лев Диакон. История. М., 1988. С. 79; см. также комментарий на с. 211–212).

⁶³ Ср.: Kunik E. Die Berufung. Bd. 2. S. 108.

⁶⁴ Назаренко А. В. Об имени «Русь». С. 46–57.

⁶⁵ Там же; Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 193, примеч. 1.

связи с др.-русск. *русь* из-за недостаточной пока изученности этих источников остается открытым⁶⁶.

Итак, обзор основных групп источников, содержащих в той или иной форме названия «русь» и «рос», довольно отчетливо указывает на его происхождение и основные тенденции развития на протяжении VIII – первой половины X в. Спорадические набеги скандинавских отрядов сначала на прибрежные области Восточной Балтики, позднее — вверх по рекам Балтийского бассейна еще в довикингскую эпоху, дополнявшиеся со временем оседанием части скандинавов в таких центрах, как Старая Ладога, Рюриково городище и др., создали устойчивую основу для этноязыковых контактов. Особенности проникновения скандинавов в финские земли — в результате походов на суда, участники которых, гребцы и воины, носили название, производное от *rōþs*-, — обусловили превращение профессионального самоназвания в экзоним (иноназвание) в финской среде. Заимствованное слово изначально получило семантическую двойственность, отражая специфику условий, в которых проходили скандинаво-западнофинские контакты середины I тысячелетия. В северо-западной области контактов всех трех этнических групп оно попадает в древнерусский язык. Вместе с отрядами, проникавшими вплоть до Болгарии на востоке и Северного Причерноморья на юге, скандинавское название *rōþs(menn)* разносится по Восточной Европе и запечатлевается в упомянутых выше византийских источниках и в Бертинских анналах в формах *ʀōṣ* и *Rhos*, сохраняя значение профессионального самоназвания, т. е. исконное значение слова.

На первом этапе взаимодействия скандинавского и восточнославянского миров (до середины IX в.) в обстановке формирования классового общества и зарождения государственности в форме надплеменных территориально-политических структур («племенных княжений») происходит заимствование названия «русь» как этносоциального термина с доминирующим этническим значением. Проникновение скандинавов к югу от Приладожья до второй половины IX в. было эпизодическим и связанным с выходом отдельных экспедиций к Черному морю. Их продвижение по рекам Восточно-Европейской равнины еще не было, видимо, связано с оседанием в славянских поселениях, что обусловило почти полное отсутствие археологических находок скандинавского происхождения, датируемых IX в., вне зоны первоначальных славяно-финно-скандинавских контактов.

На втором этапе, во второй половине IX – первой половине X в., когда формируется Древнерусское раннефеодальное государство, главной его консолидирующей силой становится великокняжеская дружина, куда входили

⁶⁶ Недавно О. Прицак, основываясь на цитированной статье А.В. Назаренко, предложил возводить немецкие формы типа *ruzzī* к корню *rut*- в этнониме *rut(h)eni* — рутены, кельтское племя в Аквитании, известное по римским источникам с I в. до н. э. (см.: *Pritsak O. The Origin of the Name Rus' // Turko-Tatar Past. Soviet Present. N.Y., 1986*).

и скандинавы. Успешность их деятельности всецело зависела от соответствия внутренним социально-экономическим процессам государствообразования в славянском обществе. Находники-варяги, собиравшие дань с племен новгородской конфедерации, были изгнаны, скандинавский «князь» был призван «со всей русью», т. е. дружиной, по «ряду», что стало традиционным обычаем новгородцев. Очевидно, что «славяно-варяжский синтез»⁶⁷ основывался на общности интересов князя, его норманнской дружины и местной новгородской знати: варяжские дружины на севере Восточной Европы были не только конкурентами местной знати в эксплуатации местного населения (борьба с этой конкуренцией и вызвала необходимость в «изгнании» находников), но и ее естественными союзниками, представлявшими готовую и не связанную с местными племенами вооруженную силу. Именно такую надплеменную нейтральную силу в противоречивых социальных, политических и этнических условиях и представляли призванные князь и дружина.

Нейтральным, не связанным с племенными традициями, было и самоназвание скандинавов, отраженное словом «русь»⁶⁸. Видимо, внутреннее тяготение к сплочению, равно как и стремление к внешним захватам, способствовали успеху политики Олега, объединившего Новгородскую и Киевскую земли. Дружина и войско Олега были уже разнородными, а в том факте, что Олег легко овладел Киевом (как представитель «законного князя»), Х. Ловмянский усматривал заинтересованность местной знати в сильной княжеской власти⁶⁹ (немаловажно, что летописец изображает Олега освободителем восточнославянских племен от хазарской дани). Дружина Олега прозвалась русью уже будучи полиэтничной. Видимо, этот этап в развитии названия «русь» засвидетельствован и Константином Багрянородным, у которого социальное значение названия доминирует над этническим⁷⁰.

Распространение названия «русь» на полиэтничные дружины вело к быстрому размыванию первоначальной этнической приуроченности его к скан-

⁶⁷ Пащенко В. Т. Русско-скандинавские отношения. С. 55.

⁶⁸ Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». С. 218–219.

⁶⁹ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 140–143, 238–239; ср.: Пащенко В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство. С. 86–97. Предположение о договорных отношениях древнейшей руси — дружин Рюрика, Аскольда и Дира — со славянами делались еще М. П. Погодиным и А. А. Куником. Константин Багрянородный называет славян «пактиотами» росов; термин «пактиот» имеет ряд значений: от «данника» до «союзника», чему соответствует и характер взаимоотношений росов и славян в середине X в. (славяне поставляют и продают росам однодеревки, росы собирают полюдье и кормятся у славян).

⁷⁰ При этом, впрочем, следует учитывать и особенности византийской, да и средневековой вообще этнонимии, где «этнические термины не являются этниконами в узком и в строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик» (Бибииков М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. 1986. Вып. 30. С. 101).

динавам. К середине X в. по всей территории расселения восточных славян от Киева до Ладоги распространяются дружинные древности, складывается «дружинная культура», впитывающая и сплавливающая в единое целое элементы разноэтничного происхождения. Ее носителями являются прежде всего великокняжеские дружины, присутствие которых отмечается по археологическим данным на важнейших водных путях, на погостах и в городах Древнерусского государства: в Верхнем Поволжье и Поднепровье, в Поволховье, а также на территории формирующейся «русской земли» в узком смысле — собственно в Киеве и в Черниговской земле. Включение этих земель в сферу действия великокняжеских дружин свидетельствует об их консолидации и формировании территории государства, подвластного «великому князю русскому», как он именуется в договорах руси и греков⁷¹.

Отсутствие четкой этнической атрибуции прилагательного «русский» в договорах подчеркивается тем, что имена доверителей, заключавших договор «от рода русского», имеют не только скандинавское, но и славянское, балтское, финское происхождение; при этом славянскими оказываются и имена некоторых представителей собственно княжеского «русского рода». Таким образом, названия «русь», «русский» здесь не связываются со скандинавами, а все территории, подчиненные великому князю, хотя и заселенные разноэтничными народами, называются «Русской землей» («от всякая княжья и от всѣхъ людей Руския земля»)⁷². Так в процессе консолидации разноэтничных территорий под эгидой великокняжеской власти возникает расширительное географо-политическое понятие «Русь» и «Русская земля»⁷³.

Наконец, с середины X в., когда в ходе укрепления древнерусской государственности складывается древнерусская раннесредневековая народность, «дружинные» некрополи X в. не столько являют собой картину значительного этнического смешения, сколько обнаруживают тенденцию к унификации культуры в отношении как социальной стратификации (выделение дружинных и рядовых погребений), так и обрядности (повсюду распространяется обряд сожжения, полусферический курган). Формирующийся общий древнерусский погребальный обряд отражал процесс этнической консолидации древнерусской народности. Условия такого этнического смешения в главных центрах Руси, где ведущую роль играла дружина, были благоприятны для распространения

⁷¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 25, 34–35 [= ПВЛ-1996. С. 18, 23. — *Прим. ред.*].

⁷² Там же.

⁷³ О неправомерности выделения первоначального узкого значения хоронима «Русская земля», «Русь», когда «наиболее древним, основным значением» его считается «значение общее, обращенное ко всем русским землям», см.: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 240–241 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 402. — *Прим. ред.*]; Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 354–356; см. подробнее в комментариях в кн.: *Ловмянский Х. Русь и норманны*.

названия «русь»⁷⁴ и в этническом, и в территориальном плане на огромную подвластную Киеву территорию от Среднего Поднепровья до Верхнего Поволжья, Белозерья и Приладожья, по мере интеграции первоначальных носителей этого названия в состав восточнославянского общества. Этнически нейтральное, не связанное ни с одним из племенных этнонимов, что было особенно важно в эпоху борьбы с племенным сепаратизмом, название «Русь» оказалось наиболее приемлемым для новой восточнославянской этнокультурной общности.

Подобная эволюция названия «русь» не представляет ничего исключительного. Так, И. М. Дьяконов показал, что название «киммерийцы» восходит не к этнониму, а к обозначению конных отрядов иранцев, вторгшихся из Северного Причерноморья в Переднюю Азию в VII–VI вв. до н. э.⁷⁵ Отсюда происходит сложность выделения археологической культуры и поисков особого народа, хотя к названию «киммерийцы» восходят известные античные топонимы Северного Причерноморья.

Такая эволюция названий, этнонима и хоронимов, особенно характерна для эпохи становления государств и сложения новых этнических общностей (народностей). Классические примеры были приведены еще В. Томсеном: Болгария, славянское государство, воспринявшее название от тюркской группы болгар, и романоязычная (по основному населению) Франция, название которой восходит к германскому племенному объединению франков. История последнего хоронима заслуживает внимания в связи с историей названия «русь». Очевидно, что и название «франки» не имело первоначально значения племенного этнонима: оно обозначало конгломерат германских племен⁷⁶. Этимология его неясна, обычно его сравнивают с лат. *franca* «копье»⁷⁷. С формированием Франкского государства название «франки» распространяется на все население Галлии (с VII в.), а сама Галлия в источниках VII–VIII вв. начинает называться «Regnum francorum»⁷⁸. Наконец, со времен Капетингов название «Иль-де-Франс» («Остров Франции») закрепилось за королевским доменом — историческая параллель «Русской земле» в узком смысле.

⁷⁴ Близкая точка зрения была высказана С. М. Соловьевым (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1. С. 119), а затем на основании тщательного анализа летописей А. А. Шахматовым, который отмечал, что еще в XI–XII вв. живо было представление «о том, что имя Руси — это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов» (*Шахматов А. А.* Разыскания. С. 324). «На юге Поляне получают имя Руси, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник» (Там же. С. 327).

⁷⁵ Дьяконов И. М. К методике исследований.

⁷⁶ Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 132 сл.; Левандовский А. П. К вопросу о возникновении и распаде средневековых народностей // ВИ. 1968. № 11.

⁷⁷ de Vries J. Kleine Schriften. B., 1965. S. 216–217.

⁷⁸ История Франции. М., 1972. Т. 1. С. 48.

Итак, как это ни парадоксально, на всем протяжении своей истории скандинавское по происхождению слово имеет сколько-нибудь прямое отношение к скандинавам лишь в догосударственный период развития восточнославянского общества, а его эволюция отражает этнокультурные и социально-политические процессы становления восточнославянской государственности⁷⁹.

(Впервые опубликовано: ВИ. 1989. № 8. С. 24–38)

⁷⁹ Когда предлагаемая статья находилась в печати, появилась работа А. Карпозилоса о росах-дромитах (см.: *Καρποζιλος Α.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. 1988. Т. 49). Контекст сообщений Псевдо-Симеона и продолжателя Феофана о росах-дромитах хорошо согласуется с предположением авторов о непосредственном восприятии термина ῥῶς в ранних византийских источниках (ср. у продолжателя Феофана: οἱ Ῥῶς...οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται, и славянский перевод: «Роусь... иже скеди глаголем, от рода варяжска соушим» — *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 567). В переводе наименование «дромиты» явно связывается с весельными судами — скедиями, или дромонами византийских источников, что соответствует раннему значению слова «русь» (ср.: *Попов А. И.* Названия народов СССР. С. 57).

Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг»

Трансформация содержания названия «русь» началась еще в конце IX в., и для летописцев второй половины XI – начала XII в. оно полностью утратило первоначальный смысл, как этнический, так и профессиональный¹. Это наименование выступает в летописях в этносоциальном и социальном значениях по преимуществу в пассажах, где излагаются «предания», передается архаичная традиция (историко-эпические повествования: сказание о призвании варяжских князей, рассказ о походе Олега на Царьград и т.п.). Его актуальное содержание определялось реальностью второй половины X – XI в.: возникновением и укреплением восточнославянского государства, включившего многочисленные славянские и неславянские народы. Название «русь» использовалось как политоним, а производное прилагательное «русский» — как обозначение новой этнической общности, включавшей славянские племена, жившие на территории Древнерусского государства. В этом качестве оно противостояло как племенным наименованиям, так и названиям неславянских народов, также вошедших в состав государства.

В то же время контакты восточных славян со скандинавами не прерывались, более того, наиболее интенсивными они стали в X в., продолжались они, приобретая в значительной степени характер межгосударственных отношений, и в XI в. Это требовало появления нового наименования для них, отличного от слова «русь». Таковым, как явствует из летописного словоупотребления, стало слово «варяг».

В рамках «норманнского» вопроса происхождение и значение слова «варяг» вызвали значительно менее острые споры, нежели слово «русь» — в первую очередь в связи с очевидностью его скандинавской этимологии и недвусмысленностью отнесения летописцем именно к скандинавам, «норманнам» западных источников. Отдельные, довольно редкие попытки связать «варягов» с прибалтийскими славянами или субстратным населением Южной Балтики² остались изолированными историографическими казусами³. Вместе с тем эта же очевидность определила кажущуюся ненужность специального исследе-

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

² Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55; Он же. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83.

³ Критический обзор см.: Schramm G. Die Waräger: osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slaven. 1983. Bd. 28. S. 38–43.

дования функционирования слова «варяг» в древнейших летописных сводах и уточнения его содержания: обычная его интерпретация как «скандинав на Руси» казалась вполне достаточной. При этом обсуждались лишь форма и значение исходного для него слова: *væringi* или *várangr* «группа людей, объединенных взаимными обетами верности»; «военный отряд»; «торговая организация» и др.⁴. Вызывало также недоумение то обстоятельство, что это слово не употребляется в скандинавских письменных источниках для обозначения скандинавов, находящихся или побывавших на Руси. Последнее А. Стендер-Петерсен объяснял случайностью дошедших до нас известий⁵, что, однако, малоубедительно, поскольку корпус древнескандинавских письменных источников огромен и достаточно представительен.

Все это дает основания еще раз обратиться к критическому рассмотрению происхождения, развития, содержания и функционирования слова «варяг» и родственных ему слов в византийских, скандинавских и в первую очередь древнерусских источниках.

«Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) не содержит другого обозначения скандинавов, кроме слова «варяг», хотя летописец, составивший космографическое введение к ней (Нестор?), знает и современные ему обозначения скандинавских народов: «урмане» (норвежцы), «свеи» (шведы), «готе» (готландцы). Именно эти наименования он и приводит, раскрывая свое понимание слова «варяг»: по Варяжскому морю «сѣдять варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и Волоськи. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волѣхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ»⁶. Это вызвавшее множество толкований описание, согласно которому народы, живущие по берегам Варяжского (Балтийского) моря, достигают на востоке предела Симова (Ближний Восток), а на западе — Хамова (Северная Африка), соответствует в целом описанию в ПВЛ международных путей: пути «из варяг в греки» и из грек по Днепровскому пути и Балтийскому морю до Рима, а оттуда в Царьград, и в еще большей мере описанию Волжского пути в «море Хвалысьское» (Каспий), далее на восток в «жребий Симов» и назад через Двину, Балтийское море до Рима и «племени Хамова»⁷. Это описание соответствует и представлениям восточных географов о том, что Балтийское и Средиземное моря — проливы Океана, а Балтийское море соединяется с Черным.

Это маршрутное описание сочетается в списке народов с этнографическим, которое композиционно состоит из нескольких групп наименований народов

⁴ Подробнее см.: Ibid. S. 38–67.

⁵ Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.

⁶ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 10 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 8. — Прим. ред.].

⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 11–12 [= ПВЛ-1996. С. 8–9. — Прим. ред.].

(«языщев»), объединенных по единому принципу — перечисление начинается собирательным этнонимом (например, «чюдь и вси языци»)⁸. Список иафетидов разделяется на две части: «варяги», к которым отнесены свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане⁹, и «волхва» — римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и пр., т. е. народы «римской империи» Каролингов (а затем германской), которые названы традиционным собирательным именем «волохи»¹⁰.

Б. А. Рыбаков, считавший исследуемый фрагмент космографического введения «механической» вставкой, полагал, что ее автор очень точно знал расположение норманнских владений в Европе, установившееся после битвы при Гастингсе и завоевания Амальфи и Апулии; варяги-норманны «сидят к западу до Английской земли и до Итальянской». Следовательно, — заключал Б. А. Рыбаков, — это описание составлено не ранее 1066–1077 гг.¹¹. Однако «механически внедренной» в текст летописи вставкой этот пассаж считать невозможно, так как, во-первых, он, вопреки мнению Б. А. Рыбакова, имеет прямое отношение к судьбам славянства: далее в ПВЛ говорится о волохах, притеснявших славян на Дунае; во-вторых, он непосредственно связан с вопросом о происхождении руси, включением ее в число варяжских народов.

В сказании о призвании варягов информация космографического введения повторяется как комментарий летописца об этнической принадлежности руси: «ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии зъвутся свеи, друзии же урмане, ангыляне, друзии гъте, тако и си»¹². Из контекста летописи следует, что чюдь, словене и прочие обратились к тем варягам, которые звали себя русью, но не к тем, которые собирали ранее дань (в Новгородской первой летописи [далее — НПЛ], где слово «русь» опущено, это противопоставление исчезает). Таким образом, наряду с отождествлением руси и варягов в этническом смысле, при котором русь понимается как один из варяжских народов, ПВЛ тут же противопоставляет русь как род и дружину князей, призванных по «ряду», прочим варягам. Слово «варяги» в этом контексте выступает как собирательное обозначение скандинавов.

Наметившееся в легенде противопоставление руси и варягов, а позднее местного населения и варягов постепенно усиливается в летописных расска-

⁸ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Русь и чюдь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. // Балто-славянские языки и проблемы урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 28–34.

⁹ Учитывая это, более убедительной представляется интерпретация «галичан» как жителей Уэльса — гэлов-валлийцев (ср.: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 212 [= ПВЛ-1996. С. 384. — Прим. ред.]; см. также: Королюк В. Д. Славяне и восточные романсы в эпоху средневековья. М., 1985. С. 170).

¹⁰ Ср.: Королюк В. Д. Славяне и восточные романсы. С. 168–171.

¹¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 122.

¹² ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — Прим. ред.].

зах о событиях IX–XI вв.¹³ Войско Аскольда и Дира, которые «многи варяги съвокуписта», еще называется русью¹⁴, как и войско Олега, но последний, согласно летописцу, ведет на Царьград уже не только варягов: «Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны», и т. д.¹⁵. В НПЛ тот же список выглядит усеченным, так как в нем нет мери и чуди: «Игорь и Олег пристроиста воя многы, и Варягы, и Полянѣ и Словенѣ и Кривичи»¹⁶. Знаменательно, что в обоих списках не упомянута русь, в то время как при описании самого похода и в той, и в другой летописях русь противопоставляется словенам: от имени «всей руси» заключен и договор 911 г. Кого же называли русью? Судя по летописным текстам, варягов и словен новгородских, осевших в Киеве: «бѣша у него (Игоря. — *Авт.*) Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ [прочии] прозвашася Русью»¹⁷; «и бѣша у него (Олега. — *Авт.*) варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью»¹⁸. «Прочи» (ПВЛ), по А. А. Шахматову, — позднейшая вставка. Видимо, эта русь и противопоставлена прочим словенам (неслучайно в списке Олегова войска в ПВЛ словене упомянуты дважды), как княжеская дружина — рядовым «воям». Вероятно, это объединение варягов и новгородских словен побудило летописцев отметить, что «суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска»¹⁹ («преже бо бѣша словѣни», — добавлено в ПВЛ²⁰. Соединение варягов и словен проходит во всех списках ПВЛ, но составитель НПЛ, видимо, разделил их упоминанием полян, что больше соответствовало его представлениям о размещении руси на юге, в Среднем Поднепровье²¹.

¹³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990.

¹⁴ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — *Прим. ред.*].

¹⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 23 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 16. — *Прим. ред.*]. Словене здесь названы дважды: так читается в Лавр., Радз. и Моск.-Академ.; в Ипат. и Троицк. они упомянуты один раз, вслед за варягами. См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 16.

¹⁶ НПЛ. С. 108.

¹⁷ Там же. С. 107.

¹⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. — *Прим. ред.*]. При анализе этих текстов со времен А. А. Шахматова почему-то считается, вопреки обеим летописным версиям, что имя «русь» варяги и словене получили с тех пор («оттоле»), как они обосновались в Киеве. Между тем, аналогичный пассаж ПВЛ об уграх проясняет смысл этой фразы: угры «прогнаша вольхи, и наслѣдиша землю ту... и оттоле (курсив наш. — *Авт.*) прозвася земля Угорьска» (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 21 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 15. — *Прим. ред.*].) — завоеватели дают свое имя земле.

¹⁹ НПЛ. С. 106.

²⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — *Прим. ред.*].

²¹ Это представление, свойственное эпохе раздробленности, стало формироваться ранее, с утверждением руси в Киеве, о чем свидетельствует и ПВЛ в описании последующих походов на греков.

После неудачного похода руси в 941 г. Игорь «нача совкупляти воѣ многи, и посла по варяги многи за море, вабя е на греки»²². Здесь впервые после призвания князей говорится об обращении за море к варягам — видимо, скандинавские дружины Аскольда и Дира, равно как и Олега, считаются летописцем русью, осевшей в Восточной Европе.

Противопоставление «заморских» варягов «местной» руси впервые со всей очевидностью явствует из описанного в ПВЛ состава Игорева войска в 944 г.: «Игорь же совкупивъ вои многи, варяги, Русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги наа... поиде на Греки»²³. М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что и здесь русь выступает отдельно от варягов, вместе с полянами, в отличие от словен и кривичей, но далее спутал списки, стремясь обнаружить полян в войске Олега, идущем из Новгорода в Киев, и, естественно, не обнаружив их там, отождествил полян с русью²⁴. Между тем, это первое реально засвидетельствованное противопоставление местной руси пришлым варягам не носит еще абсолютного характера, ибо далее, согласно ПВЛ, все войско Игоря называется русью — от нее отличаются лишь печенеги: «Идутъ русь, и наяли суть к собѣ печенѣги»²⁵. Договор 944 г. заключается от имени «всех людей Русской земли» послами, носящими, в основном, скандинавские имена, а «росский язык» у Константина Багрянородного сохраняет скандинавскую лексику. Однако разделение варягов и руси уже произошло, и заморские варяги все более определенно воспринимаются в источниках как чужеземцы.

В 977 г., после того, как Ярополк, унаследовавший престол князя Святослава, убил своего брата Олега, Владимир бежит из Новгорода за море, а в 980 г. возвращается с варягами и идет сначала на Полоцк, где при помощи одних варягов расправляется с другими — Рогволодом, княжившим в городе, и его родом²⁶. Состав войска Владимира традиционен: «варяги и словѣни, чюдь и кривичи»²⁷. Однако, захватив Киев, варяги на этот раз не обретают название «русь». Напротив, назревает конфликт между ними и князем. Варяги называют Киев «своим городом» и требуют откупа. Владимир обещает собрать деньги, но сам обманывает варягов. Части «добрых и смысленых» скандинавов он раздает «грады»; другую часть отправляет в Византию с сопроводительным посланием, в котором советует императору также не держать варягов вместе, а разослать по разным городам²⁸. Этот эпизод содержит, по крайней мере, два

²² ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 33 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23. — *Прим. ред.*].

²³ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 33–34 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23. — *Прим. ред.*].

²⁴ Тихомиров М. Н. Происхождение названия «Русь» // СЭ. 1947. Вып. 6/7. С. 70.

²⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 34 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23. — *Прим. ред.*].

²⁶ Использование норманнских наемников против викингов и других отрядов норманнов характерно и для правителей в Западной Европе.

²⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 54 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 36. — *Прим. ред.*].

²⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 56 [= ПВЛ-1996. С. 37. — *Прим. ред.*].

новых момента: во-первых, здесь отчетливо проявляется отношение к заморским наемникам как враждебным чужакам, которых можно «кормить» в русских городах, но держать вместе не следует, во-вторых, также впервые говорится о поступлении варягов на службу в Византии.

В начале XI в. происходит наиболее известный конфликт между варягами и местными жителями. Княжащий в Новгороде Ярослав в 1015 г. отказывается платить дань отцу и приводит из-за моря варягов. Новгородцы, возмущенные «насилиями» варягов, «собрашася в ночь, и сѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ»²⁹. Из рассказа об этом событии явствует, что, во-первых, новгородцы в начале XI в. никак не могут считаться людьми «от рода варяжьска», во-вторых, варяги в критический момент оказываются для князя чужими: собираясь в поход на Киев, «любимой дружиной» он называет новгородцев, на их поддержку рассчитывает в первую очередь.

В связи с событиями 1018 г. впервые сообщаются подробности найма варягов: «Начаша скоть (деньги. — *Авт.*) събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен. И приведоша варягы, и вдаша имь скоть, и совокупи Ярославъ воя многы»³⁰.

Последующие вплоть до 1043 г. упоминания варягов в летописях сохраняют те же особенности: приглашенный Ярославом в 1025 г. варяг Якун занимает место воеводы (ср. роль Свенельда при Игоре и Святославе), но и его варяги остаются обособленным и чужеродным контингентом в русском войске.

Последнее упоминание участия варягов в русском войске относится к 1043 г., когда «посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вои многы, а воеводство поручи Вышатѣ»³¹. Д. С. Лихачев обратил внимание (вслед за А. А. Шахматовым) на то, что в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 1430-х гг. (СІЛ и др.) и, видимо, сохранивших фрагмент Начального свода, имеются весьма существенные дополнения к описанию этого последнего похода руси на Царьград³². В них «вои многы», данные Владимиру, — это «варяги, русь» (понятие «русь» охватывает здесь, очевидно, киевлян и новгородцев, которые не различаются

²⁹ НПЛ. С. 174; ср.: ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 97 [= ПВЛ-1996. С. 62. — *Прим. ред.*]. «Поромонѣ двор» — от др.-исл. *farmaðr*, мн. ч. *farmenn* «путешественник; купец, ведущий заморскую торговлю». Исследователи сходятся в интерпретации названия «Поромонѣ двор» как обозначения двора, усадьбы, где останавливались приезжие купцы и где находился контингент скандинавских наемников Ярослава (*Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Новгород, 1984. С. 130*).

³⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 97 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 63. — *Прим. ред.*]. Ср. договоры Ярослава с Эймундом по «Саге об Эймунде» (*Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295*).

³¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 103 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 67. — *Прим. ред.*].

³² ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 378–379 [= ПВЛ-1996. С. 483–484. — *Прим. ред.*].

вне пределов Русской земли, в противопоставлении грекам)³³. Перед нами, таким образом, описание последнего совместного военного предприятия руси и варягов в русских летописях, и оно разительно отличается от предыдущих, где варяги входили в состав руси-войска. Достигнув Дуная, русь предлагает князю: «“Станемъ зде на поле”»; а варязи ркоша: “Поидемъ подь городъ”»³⁴. Суть разногласия становится очевидной при сравнении с описанием похода Игоря 944 г.: тогда русь тоже останавливается на Дунае и, приняв от греков дары и заверения о выгодном договоре, возвращается к Киеву. В 971 г. Святослав также обосновывается в Переяславце на Дунае, и греки обещают ему дань, чтобы князь не ходил на Царьград. Очевидно, те же цели преследовала русь, остановившись на Дунае в 1043 г.: руси нужны были дань и новый договор, варягам — возможность грабежа³⁵.

Эволюция отношений руси и варягов в летописях, начавшаяся с их отождествления, прошла «фазу» их различения, затем сближения руси с «полянами» при обособлении варягов (944 г.) и, наконец, завершилась прямым противопоставлением. Поскольку это противопоставление, видимо, имевшееся и в описании похода 1043 г. в Начальном своде, противоречило общей концепции составителя ПВЛ, он изъяс упоминание варягов из описания событий 1043 г., в результате чего стала непонятной причина останковки руси на Дунае³⁶.

Во всех рассмотренных контекстах наименование «варяги» недвусмысленно применяется к скандинавам; но означает ли оно исключительно (или по преимуществу) скандинавских наемников, скандинавские дружины, приходившие на Русь после вокняжения скандинавских по происхождению князей? В рассказе об убийстве двумя варягами князя Ярополка из-за предательства его воеводы Блуда (имя его, очевидно, является скандинавским) фигурирует дружинник, предупредивший князя об опасности. Его имя — *Варяжско* (или *Варяшко*), производное от «варяг» по славянской словообразовательной модели. Имя *Варяжско* свидетельствует о давней укорененности слова «варяг» на Руси, а сам дружинник, судя по летописному рассказу, не только выступает против варягов Владимира, но и бежит от них не на север, а в степи к печенегам.

В 983 г. Владимир должен был принести жертвы языческим богам после удачного похода на ятвягов. Жребий пал на сына варяга-христианина, который пришел «из грек», но имел двор в Киеве. Варяг отказался выдать сына на

³³ Наличие воинов, «живущих на северных островах Океана», т. е. скандинавов, в войске росов отметил Скилица (Cedrenus, II. P. 551. 11–13; см.: *Литаврин Г. Г.* Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славян и балканских народов. М., 1972. С. 184–187).

³⁴ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 128. ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 178.

³⁵ *Литаврин Г. Г.* Война Руси против Византии. С. 209, 221.

³⁶ ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 379 [= ПВЛ-1996. С. 483–484. — *Прим. ред.*].

заклание, и ворвавшаяся в его двор толпа «подсекла сени» под варягами и убила их³⁷. Христианская община существовала в Киеве еще при Игоре, «христианская русь» приносила клятву в церкви св. Ильи, «мнози бо бѣша варязи хрестеяни»³⁸, и первыми мучениками, по летописи, стали варяги, пришедшие из Византии.

Рассмотренные летописные тексты, где упоминаются варяги, разрушают сложившийся в историографии стереотип варяга как исключительно воина-наемника или купца. Разумеется, название нередко выступает как субститут понятия «скандинавская дружина», «часть войска, состоящая из скандинавов», однако в нем всегда превалирует этническое значение. Кроме того, для летописи вообще характерно подобное словоупотребление: этнонимом регулярно обозначается военный отряд, войско: «а не води ляховъ Киеву» (т. е. польское войско)³⁹, «приде Романъ с половци къ Воину» (т. е. с половецким отрядом)⁴⁰. Это отнюдь не предполагает, что этнонимы «ляхи» или «половцы» являются одновременно и социальными (военными) терминами. Не более «терминологично» и употребление названия «варяги» в аналогичных контекстах. Значительное количество случаев подобного словоупотребления, встречаемых на страницах летописей, объясняется отнюдь не этносоциальным содержанием слова, а той исторической реальностью, которая стоит за ним: в подавляющем большинстве своем скандинавы, воины-профессионалы, становились на Руси X – первой половины XI в. дружинниками князей, образовывали отдельные формирования — по этническому признаку — в составе древнерусского войска, которые и обозначались соответствующим этнонимом.

Спектр деятельности варягов включал все возможные аспекты: от наемных убийц (два варяга, по летописи, убили смертельно раненного князя Глеба, первого русского святого; ср. рассказ о службе варягов Эймунда у Ярослава) до христианских мучеников. Начиная со второй половины X в. тексты, описывающие события этого времени, определенно подчеркивают иноэтничность варягов, их чужеродность славянскому и — шире — русскому населению. Ни киевские князья, ни их бояре, воеводы и кормильцы, носящие скандинавские имена, не именуются варягами.

После смерти Ярослава нет упоминаний об использовании скандинавских военных отрядов в русском войске. Военно-политические взаимосвязи и, возможно, взаимная помощь сменяются сначала затишьем, а затем переходят в конфронтацию и прямые столкновения в начале XIII в. Одновременно с середины XI в. усиливаются и укрепляются торговые связи, но не столько с Южной и Северо-Восточной Русью, сколько с Новгородом, Смоленском, Полоц-

³⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 58–59 [= ПВЛ-1996. С. 38–39. — *Прим. ред.*].

³⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 39 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 26. — *Прим. ред.*].

³⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 116 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 75. — *Прим. ред.*].

⁴⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 135 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 87. — *Прим. ред.*].

ком, Псковом. Видимо, именно этими особенностями русско-скандинавских связей следует объяснить то обстоятельство, что как в южнорусском (Ипат.), так и в северо-восточном (Лавр.) летописании слово «варяг» выходит из употребления после описания событий середины XI в.; нет там и упоминаний отдельных скандинавских народов. Единственный случай, когда слово встречается в текстах, — это статья 1148 г., в которой, видимо, отражена традиционная формула: смоленский князь Ростислав дает дары Изяславу Киевскому от «верхних земель и от варяг»⁴¹.

Иная картина предстает в новгородском летописании. В НПЛ с 1130 г. появляются названия «Донь» (Дания) и «донь» (датчане), «гъте» (готландцы), с 1142 г. — «свеи». Эти названия становятся все более и более употребительными. Однако НПЛ продолжает использовать и название «варяги» параллельно с конкретными этнонимами и политонимами как собирательное, общее обозначение скандинавов или в тех случаях, когда более точное обозначение не требуется, или когда оно, возможно, неизвестно летописцу: например, в 1201 г. новгородцы «Варягы пустиша без мира за море... А на осьнь придоша Варязи горою на мирь, и даша имь мирь на всѣи воли своеи»⁴². А. А. Шахматов считал, что это — последнее упоминание варягов в НПЛ⁴³, однако они упомянуты и под 1204 г., но уже в связи со взятием Константинополя крестоносцами: греки и варяги обороняли город от фрягов⁴⁴. Один из крестоносцев — хронист Робер де Клари — упоминает среди защитников города англичан и данов⁴⁵. Так что последнее упоминание варягов в НПЛ также соответствует собирательному значению названия «варяг» в ПВЛ.

Сохранение названия «варяг» в Новгороде поддерживалось не только постоянными торговыми и военными контактами, но и наличием в самом Новгороде и его округе (в том числе Ладоге) «варяжской» микротопонимии: Варяжская улица, Варяжская божница и др.⁴⁶. Наконец, это словоупотребление было актуальным и в связи с религиозными контактами: именно скандинавы в это время становятся проповедниками католичества в Северо-Западной Руси, отчего оно получает наименование «варяжской веры».

Летописное понимание слова «варяг» как собирательного обозначения скандинавов согласуется с его употреблением в правовых текстах, в первую очередь в «Русской Правде». В древнейшей (краткой) редакции «Русской

⁴¹ ПСРЛ. СПб., 1908. М., 1998. Т. 2. Стб. 369.

⁴² НПЛ. С. 45; ср. с. 240.

⁴³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 325, примеч. 1.

⁴⁴ НПЛ. С. 244.

⁴⁵ Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 54.

⁴⁶ Молчанов А. А. О некоторых древнескандинавских и древнерусских топонимах «новгородского круга» // XI Сканд. конф. М., 1989. Ч. 1. С. 106–108.

Правды» варяги⁴⁷, наравне с колбягами⁴⁸, не только не имеют отношения к руси (руси́нам) и княжеской администрации⁴⁹, но и получают формализованный статус иностранца, чужака.

В краткой редакции «Русской Правды» варяги (вместе с колбягами) упоминаются в двух статьях, одна из которых определяет их особое положение в суде — вместо показаний свидетелей они могут принести присягу (ст. 10), вторая рассматривает случаи сокрытия раба варягом или колбягом (ст. 11)⁵⁰. В пространной редакции (ст. 31) повторяется ст. 10 краткой редакции⁵¹, а также оговаривается право варягов ограничиться двумя свидетелями для установления их алиби в случае убийства (ст. 18)⁵². За исключением ст. 11 краткой редакции все остальные случаи упоминания варягов сводятся к упрощению для них процессуальных норм: ограничение количества свидетелей (два вместо семи, которые нужны другим обвиняемым), принесение присяги вместо представления свидетелей. А. А. Зимин усматривал в этих нормах «высокий уровень международно-правовых воззрений в Древней Руси, охраняющих интересы чужеземцев, прибывающих на Русь», и интерпретировал название «варяг» как обозначение чужеземца, иностранца⁵³.

Исходя из летописного словоупотребления, можно было бы уточнить, что этим чужеземцем является скандинав, как наиболее частый иноземец на Руси, представляющий иноземцев вообще. Сходная ситуация описана в договорной грамоте 1189–1199 гг. Новгорода с немецкими городами и Готским берегом: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы, идеть роте, възметь свое»⁵⁴. Однако «варягом» здесь именуется

⁴⁷ Распространенное мнение о том, что «Русская Правда» Ярослава «ставит своей задачей тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников» (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 245) явно преувеличено. Прав Б. А. Рыбаков в том, что не было «ряда между новгородским обществом и корпорацией варягов» в 1016 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 203), и «Русская Правда» не содержит никаких элементов договора.

⁴⁸ Мы не рассматриваем специально название «колбяги» (др.-исл. *kylfingar*, греч. κοῦλφιγγοί от др.-исл. *kylfr* «дубинка» или *kólfr/kúlfr* «язык колокола, палка, стержень»), поскольку считаем, что известные случаи его употребления не дают контекста, позволяющего с уверенностью интерпретировать его значение. Среди существующих точек зрения (обзор, см.: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 209–210) наиболее вероятным представляется понимание колбягов как некой профессиональной группы (скандинавов?), воинов и/или купцов, находившихся на Руси.

⁴⁹ Она сохраняет социальную терминологию и скандинавского происхождения: тиун, ябетник.

⁵⁰ ПРП-1. С. 78.

⁵¹ Там же. С. 111.

⁵² Там же. С. 110.

⁵³ Там же. С. 146.

⁵⁴ ГВНП. С. 56.

ганзейский купец⁵⁵. Вместе с тем ни один из этих случаев не содержит каких-либо определенных указаний на характер деятельности варягов на Руси. Лишь на основании ст. 11 краткой редакции «Русской Правды» о сокрытии челядина можно предположить, как это и сделал А. А. Зимин⁵⁶, что сманивание и укрывание рабов производилось с целью их перепродажи на рынках, и сделать из этого вывод о торговой деятельности варягов и колбягов⁵⁷. Однако и в этом случае нет оснований предполагать, что содержание слова «варяг» терминологично (т. е. = купец-скандинав), тем более, что военные и торговые функции еще и в XI в. сочетались.

Таким образом, в русских летописях и памятниках права слово «варяги» даже в тех случаях, когда оно не включено собственно в этнонимические ряды — списки народов, состав войска, — выступает как единственное собирательное обозначение скандинавских народов. При этом не делается различия между варягами за морем и скандинавами на Руси, т. е. слово «варяг» является исключительно этнонимом. Контексты ПВЛ и НПЛ не дают оснований предполагать какое-либо изменение или развитие в значении слова на протяжении X–XII вв., что свидетельствует о его устойчивости и исконной однозначности его содержания. В то же время значительное количество производных, в том числе антропонимов, топонимов и микропонимов⁵⁸, указывает на длительность его существования и высокую степень адаптации в древнерусском языке и позднейших диалектах⁵⁹.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о происхождении слова «варяг». Его очевидным древнескандинавским соответствием является слово *væringi*, многократно встречающееся в сагах, скальдических стихах, хрониках⁶⁰. Однако за двумя ис-

⁵⁵ Ср.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Т. 1. С. 245.

⁵⁶ ПРП-1. С. 90.

⁵⁷ Не менее интересным представляется мнение Б. А. Романова о том, что челядь бежала к варягам и колбягам потому, что их двор (Поромонь двор?) пользовался правом экстерриториальности: в течение двух дней, по ст. 11, следовало ожидать выдачи беглого челядина и лишь затем можно было изымать его и штрафовать укрывателя (Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1965. С. 41–42).

⁵⁸ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Изв. Акад. наук СССР. Сер. общественные науки. 1934. № 7/8.

⁵⁹ В архангельском говоре *варяжа* — «заморский житель; заморье», диал. *варяг* «розничный торговец, коробейник» (Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М., 1958. Т. 1. С. 166). Последнее повлияло на представления исследователей о преимущественно торговых функциях варягов, но оно не противоречит значению «чужой, чужеземец», отраженному в правовых памятниках. В позднейших летописных сводах наименование «варяги» могло заменяться словом «немцы» как обозначение иностранца вообще, ср. в сказании о призвании варягов: «И избраша от немец 3 браты...» (СЛ — ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 11 ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 14).

⁶⁰ Metzenthin E. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 121–122.

ключениями (см. о них ниже) *вэрингами* названы отнюдь не те воины, купцы, просто искатели славы и богатства, которые бывали на Руси, как можно было бы ожидать исходя из значения слова «варяг» в древнерусских источниках, а люди, находящиеся на службе в Византии. Первым из них исландская традиция считает исландца Болли: «Мы не слышали рассказов, чтобы какой-нибудь норманн (т. е. скандинав. — *Авт.*) пошел на службу конунга Гарда (византийского императора. — *Авт.*) раньше, чем Болли, сын Болли» («*Höfum vér ekki heyrt frásagnir, at neinn Norðmaðr hafi fyrr gengit á mála með Garðskonungi, en Bolli Bollason*»)⁶¹. Возвращение Болли из Византии после многих лет пребывания там условно датируется временем около 1030 г.⁶²

Но хронологически это далеко не первое упоминание о поездках скандинавов в Константинополь и их службе в византийском войске. Действительно, первые среди многих последующих содержатся в «Саге о Хравнкеле годи Фрейра»: в ней рассказывается, во-первых, о поездке в Константинополь Торкеля Светлая Прядь, сына Тьоста, который в течение семи лет «ходил под рукой конунга Гарда» («*em handgenginn Garðskonunginum*»)⁶³, и, во-вторых, о пребывании в Миклагарде мореплавателя (*farmaðr*) Эйвинда Бьярнарсона, который «снискал там большое расположение греческого конунга и был там некоторое время» («*fekk þar góðar virðingar af Grikkia konungi ok var þar um hríð*»)⁶⁴. Поездка Торкеля датируется 937–944 гг., Эйвинда — временем до 950 г.⁶⁵

До Болли в Константинополе побывали и другие исландцы: Финнбоги Сильный, ставший дружинником (*hirðsmaðr*) императора Йона (*Jón*) — Иоанна I Цимисхия (969–976)⁶⁶; Грис Сэмингссон (около 970–980 гг.)⁶⁷, который «снискал большой почет»⁶⁸; Колльскегг (вскоре после 989 г.)⁶⁹; Гест Торхалльссон и Торстейн Стюрссон (около 1011 г.)⁷⁰; Барди (между 1022 и 1025 гг.)⁷¹. Вско-

⁶¹ Laxdoela saga / K. Kålund. København, 1889–1891. S. 270. Kap. 73.

⁶² Guðbrandur Vigfússon. Um tímatal í Íslendinga sögum í fornöld. Reykjavík, 1856.

⁶³ Hrafnkels saga Freysgoða // Austfirðinga sögur. København, 1902–1903. Kap. 9.

⁶⁴ Ibid. Kap. 3.

⁶⁵ *Sigfús Blöndal*. Væringjasaga. Saga norræna, rússneskra ok enskra hersveita í þjónusta Miklagarðskeisara á miðöldum. Reykjavík, 1954. Bls. 310.

⁶⁶ Finnboga saga ramma / Jóhannes Halldórson // ÍF. 1959. B. XIV. Bls. 14.

⁶⁷ *Sigfús Blöndal*. Væringjasaga. Bls. 310–312; Бибииков М. В. К варяжской просопографии Византии // Scando-Slavica. 1990. Т. 36. P. 162.

⁶⁸ Hallfredar saga / Einar Ól. Sveinsson // ÍF. 1939. B. VIII. Bls. 144. Kap. 3.

⁶⁹ Njáls saga / Einar Ól. Sveinsson // ÍF. 1954. B. XII. Bls. 197. Kap. 81.

⁷⁰ Heiðarvíga saga / Sigurður Nordal // ÍF. 1938. B. III. Bls. 243.

⁷¹ Ibid. Bls. 325. Дабы согласовать хронологию поездок Геста, Барди и Колльскегга с сообщением «Саги о людях из Лаксдаля» о Болли как первом дружиннике в Константинополе, В. Г. Васильевский предложил передатировать их 1020-ми гг. (*Васильевский В. Г. Труды*. СПб., 1908. С. 181–191). Однако контекст этих известий и хронология соответствующих саг не дают для этого оснований. См.: *Guðbrandur Vigfússon*. Um tímatal í Íslendinga sögum í fornöld; *Sigfús Blöndal*. Væringjasaga. Bls. 312, 315, 317; а также предисловия к изданиям соответствующих саг.

ре после 1016 г. побывал в Константинополе датчанин Эйлив Торгильссон, брат ярла Ульва⁷². Начиная с этого времени сообщения о службе скандинавов в Византии насчитываются десятками, только в рунических надписях (XI в.) их около тридцати⁷³.

Таким образом, сообщение автора «Саги о людях из Лаксдаля» ошибочно и, видимо, связано с общим «романическим» и чрезвычайно тенденциозным характером этой саги⁷⁴.

Деятельность скандинавов в Византии до поездки Кольскегга (т. е., условно говоря, до 980-х гг.) определяется в сагах разнообразными терминами, связанными с военной службой и вассальным подчинением, но только не словом «вэринги». Торкель, дословно, «ходит под рукой» византийского императора, Эйвинд служит «в дружине» и т. п. Кольскегг был первым, кто не только «пошел на службу», но и стал «предводителем войска вэрингов» («*var hofðingi fyrir Væringjalið*»), открывая череду прославившихся выдающимся положением в Византии скандинавов, среди которых затем были Эйлив Торгильссон, Харальд Суровый, Рагнвальд из рунической надписи и др. «Служат в числе вэрингов» («*ganga á mála með Væringjum*») Гест и следующие за ним десятки скандинавов. Начиная с этого времени название *væringi* и производное от него *væringjalið* «войско вэрингов» будут постоянно встречаться в рассказах о поездках норманнов в Византию.

Вместе с тем название «вэринги» приложимо далеко не ко всем, кто побывал в Византии: общее обозначение для купцов, паломников, а также воинов — *Grikklandsfari* «ездивший в Грецию», и даже не ко всем служившим в византийском войске. Называя кого-либо «вэрингом», авторы саг нередко специально оговаривают, что этот человек либо служил в «войске вэрингов», либо был дружинником (*hirðsmaðr*), охранником (*varðamaðr*), либо просто «мужем» (*maðr*) византийского императора, как Эйвинд, Финнбоги и затем многие другие.

Одновременно составители саг противопоставляют «вэрингов» и «норманнов» (обычно собирательное обозначение скандинавов). Так, уже в истории Геста и Торстейна говорится: «И таков был обычай вэрингов и норманнов, чтобы днем быть на состязаниях и заниматься борьбой» («*En þat var siðr Væringja ok Norðmanna, at vera at leikum á daga ok gangask at fangbrögðum*»)⁷⁵. Термины *вэринги* и *норманны* соотносятся как частное и общее (*вэринги* как

⁷² *Sigfús Blöndal*. *Væringjasaga*. Bls. 319–320.

⁷³ Мельникова Е. А. СРН. С. 203. В двух рунических надписях из Эстерьётланда имеется имя собственное *uiríkr* (Ög. 111, Landeryds kyrka) / *uerekr* (Ög. 68, Ekeby), возможно, относящееся к одному и тому же человеку. Оно может быть интерпретировано как имя (прозвище?) *Væringr*. Более вероятно, однако, что здесь представлено известное личное имя *Véríkr* (ср.: *Vémundr*, *Eiríkr* и др.).

⁷⁴ *Björn Sigfússon*. *Laxdæla saga* // KLNМ. 1965. В. X. Sp. 368–370; *Heller R.* *Literarisches Schaffen in der Laxdæla saga*. Halle, 1960.

⁷⁵ *Heiðarvíga saga*. Bls. 243.

обозначение определенной группы, выделенной среди *норманнов*-скандинавов), например, в «Саге о битве на Пустоши»: Барди «был там среди вэрингов, и все норманны ценили его». В то же время, в истории Геста и Торстейна (а также в ряде других) и вэринги, и норманны бесспорно служат в византийском войске и совместно участвуют в некоторых церемониях, но они различаются и подчас противопоставляются и ими самими, и — на основе информации полученной от них — авторами саг.

Сходная дифференциация содержится и в византийских источниках. С одной стороны, параллельное византийское название βαράγγοι относится к не очень многочисленному и привилегированному контингенту скандинавов на византийской службе — отряду телохранителей императора, императорской гвардии. С другой — в византийском войске служили и другие, более многочисленные (насчитывавшие подчас тысячи человек) отряды скандинавов, которые также именовались «варангами». Это положение нашло отражение в противопоставлении «дворцовых» и «внешних» варангов (οἱ ἐν τῇ πόλει βαράγγοι и οἱ ἔξω τῆς πόλεως βαράγγοι), участвовавших в восстании в царствование Никиты Вотаниата⁷⁶. Различает два контингента варангов и Пселл: первый он определяет, как «ту часть наемническую, которая обыкновенно принимает участие в царских выходах», второй — как союзнический корпус⁷⁷.

Можно предполагать, что противопоставление вэрингов норманнам в сагах зиждется на той же основе: вэринги — это соответствующая «дворцовым» варангам Скилицы особая, пользующаяся привилегиями и находящаяся в особой близости к императору часть скандинавских наемников. Неслучайно так часты упоминания византийских василевсов, называемых в общей форме или поименно, в связи с вэрингами. Норманны же — это «внешние» варанги, союзнические отряды в составе византийского войска.

Строгая отнесенность термина «вэринги» в скандинавских источниках к отряду императорских телохранителей («дворцовым» варангам) объясняет, почему скандинавы, служившие в византийском войске и принимавшие участие в различных военных действиях Византии до конца X в., не называются этим термином — лишь после создания «варяжского корпуса» как императорской лейб-гвардии, заменившего армянских телохранителей, видимо, где-то около 980 г. (что перекликается с отправлением отряда варягов к византийскому императору Владимиром), появляется специальное обозначение этой части скандинавов, которое проникает затем в Скандинавию вместе с возвращающимися вэрингами.

Два известных нам случая упоминания вэрингов на Руси не могут поставить под сомнение однозначность понимания этого слова в Скандинавии, тем

⁷⁶ *Sigfús Blöndal. Væringjasaga. Bls. 92.*

⁷⁷ *Васильевский В. Г. Труды. С. 217; Byzantinische Zeitschrift. 1902. Bd. IX (работа Ю. А. Кулаковского).*

более, что одно из них допускает и предложенное толкование термина из-за неясности контекста. В «Саге о битве на Пустоши» в рассказе о Барди говорится, что он поступил на службу, будучи на Руси, и был в ней «вместе с вэрингами» (*med væringjum*). Примечательно, однако, что далее автор говорит: «И все норманны (*nordmenn*) ценили его»⁷⁸, традиционно разделяя и противопоставляя тех и других. Если бы слово «вэринги» обозначало всех скандинавов на русской службе, то основы для такого противопоставления не существовало бы. Приезд Барди на Русь датируется в целом 1020-ми гг., т. е. тем временем, когда «варяжская гвардия» уже была создана. Основным путем в Византию для скандинавов была Восточная Европа, путь «из варяг в греки», причем по сообщениям многих саг (например, «Саги о Харальде Суровом Правителе», «Саги об Ингваре Путешественнике» и др.) мы знаем, что нередко на пути в Византию или обратно скандинавы задерживались на Руси и проводили некоторое время на службе у русских великих князей. Не этих ли скандинавов, уже побывавших в Константинополе и послуживших в гвардии императора, называет здесь сага «вэрингами» — в полном соответствии с традицией в противоположность всем остальным «норманнам», находившимся в тот момент на русской службе? Возможно, что привилегированное положение вэрингов в Византии отражалось и на их статусе на Руси, более высоком, нежели статус остальных скандинавских наемников, не имевших подобного опыта.

Контекст упоминания «некоего вэринга на Руси» («*varingus quidam in Ruscia*») в одном из чудес св. Олава⁷⁹, действие которого локализовано на Руси, в Новгороде, не оставляет сомнения в том, что это скандинав-ремесленник (отнюдь не воин), находившийся на Руси и не бывавший в Византии. Однако есть достаточно оснований полагать, что эта новелла сложилась в Новгороде в среде прихожан и клира церкви св. Олава и испытала влияние местного, новгородского словоупотребления⁸⁰. Поэтому слово *varingus*, отражающее скорее древнерусскую форму «варяг», нежели древнескандинавскую *væringi*, использовано здесь в том значении, которое оно имело на русской почве. Возможно, что несоответствие значений слова в древнерусском и древнескандинавских языках и заставило автора новеллы специально оговорить, что действие происходит «на Руси», что с точки зрения древнерусского словоупотребления является тавтологией.

Таким образом, представляется, что в скандинавской письменности термин *væringjar* однозначно приложим только к скандинавским наемникам, слу-

⁷⁸ *Heiðarvíga saga*. Bls. 324–325.

⁷⁹ МНН. S. 143; *Olafs saga hins helga*. Efter pergamenthaandskrift i Uppsala Universitetsbibliotek, Delagardieske samling nr. 8^{II} / O. A. Johnsen. Kristiania, 1922. Bls. 107.

⁸⁰ Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ (в печати) [Статья опубликована: Мельникова Е. А. Культ Св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 92–106. — Прим. ред.].

жившим в «варяжском корпусе» в Византии — привилегированном отряде телохранителей императора, и первоначально не распространялся на другие группы скандинавов в византийском войске или на Руси. Узкая специализация термина и его однозначность позволяют предполагать, что он вошел в употребление в Скандинавии лишь после создания «варяжского корпуса» и одновременно с появлением византийского названия того же института — βαράγγοι. Инородность и позднее происхождение древнескандинавского названия нашли отражение в одной из редакций «Саги о Харальде Суровом Правителе» (по рукописи «*Flateyjarbók*»), где говорится о положении в Константинополе перед приездом Харальда: «И было там уже множество норманнов, которых они (византийцы. — *Авт.*) называют вэрингами» («*En mikill mennfjöldi var þar áðr fyrir norðmanna, er þeir kalla Væringja*»)⁸¹. Подобное противопоставление двух наименований: одного — исконно скандинавского, другого — заимствованного, широко распространено в древнескандинавской литературе, особенно ученой, авторы которой стремятся к упорядочению и объяснению тех или иных явлений (в том числе и названий). Так, например, Снорри Стурлусон в «ученой легенде» о происхождении скандинавских народов выстраивает ряд таких парных наименований для установления соответствия между местной скандинавской и латинской ученой картинами мира: «У них был сын по имени Трор, мы зовем его Тором... он завладел их государством Фракией. Мы зовем его Трудхейм»⁸².

К концу X – началу XI в. на Руси уже существовала давняя и прочно укоренившаяся традиция этнонимического, а не терминологического употребления слова «варяг». Согласно последнему обстоятельному исследованию Г. Шрамма, исходным для него послужило слово *væringi*, мн. ч. *væringjar* (< **wāringjan*-), производное от *várar* «верность, обет, клятва»⁸³. Эта этимология содержит ряд сложностей фонетического порядка: во-первых, палатальная перегласовка корневого гласного (*ā* > *æ*), которая не отразилась в древнерусском слове; во-вторых, отражение гласного суффикса *-ing* > *-я-*; в-третьих, сохранение качества конечного согласного [g]. Первое объясняется Г. Шраммом как свидетельство чрезвычайно раннего, до наступления палатальных перегласовок в древнескандинавском, заимствования слова. Следуя хронологии развития древнескандинавских языков, разработанной А. Коком⁸⁴, который считал, что процесс перегласовок завершился к 850 г., он полагает, что заимствование произошло до этого времени или около него. Второе Г. Шрамм рассматривает как рефлекс развития сочетания *i* + носовой согласный. Поскольку в имени Игорь (< **Ing(h)arir*) сохранение носового согласного засвидетельствовано

⁸¹ *Flateyjarbók* / Sigurður Nordal et al. Akranes, 1945. B. IV. Bls. 60.

⁸² Младшая Эдда. М.; Л., 1970. С. 10–11.

⁸³ *Schramm G. Die Waräger.*

⁸⁴ *Kock A. Umlautung und Brechung im Altschwedischen. Eine Übersicht. Lund, 1911–1919.*

еще в середине X в. передачей его у Константина Багрянородного как Ἰγγύρο и у Льва Диакона как *Inger*, то Г. Шрамм считает это также показателем архаичности заимствования. Наконец, отсутствие закономерного перехода *-g > -z* рассматривается им как свидетельство того, что слово было заимствовано до наступления третьей палатализации в древнерусском. Таким образом, устраняя отмеченные фонетические сложности, Г. Шрамм обосновывает чрезвычайно раннюю — практически до середины IX в. — дату заимствования.

Однако эта дата, как и некоторые объяснения Г. Шрамма, вызывает сомнения. Дело в том, что, как считается ныне, процесс палатальной перегласовки корневых гласных проходил в VI–VIII вв., причем уже в надписях первой половины VII в. переход *ā > æ* представлен достаточно регулярно (рунические надписи из Стентофтена, Бьёрксторпа в Блекинге, Швеция)⁸⁵. Поэтому если исходить из отражения в древнерусском еще не подвергшейся перегласовке формы, то время заимствования придется отодвинуть еще по крайней мере на 100 лет, что по историческим причинам неприемлемо.

Вряд ли можно с уверенностью говорить и о времени третьей палатализации: по наблюдениям А. А. Зализняка, ее протекание было чрезвычайно неравномерным в разных регионах, а хронология просто подлежит пересмотру⁸⁶.

Думается поэтому, что наиболее распространенная этимология *варяг* < *væringi* сомнительна и по меньшей мере не может рассматриваться как очевидная или наиболее убедительная. Значительно более аргументированной и соответствующей как данным разноязычных источников, так и исторической ситуации является этимология, предложенная Г. Якобссоном, согласно которой исходной формой для заимствования было производное от того же корня, но с суффиксом *-ang*:- **wārangr*⁸⁷. Именно в этой форме оно отразилось в арабских источниках — *warank* и в названии *Варангерфьорд*. Суффиксальное *-я* в древнерусском Г. Якобссон объясняет стяжением группы *a* + носовой согласный по аналогии с др.-русс. *стяг* < др.-швед. *stang*.

Этимология Г. Якобссона, хотя она и не дает оснований для лингвистической датировки заимствования, представляется предпочтительной своей простотой и отсутствием внутренних противоречий. Более того, она предпочтительна и с точки зрения исторических обстоятельств возникновения слова и хорошо согласуется с условиями его бытования на Руси, в Скандинавии и в Византии.

Из рассмотренных выше источников следует, что термин «варяг» — «варанг» — «вэринг» возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси, причем в скандинавской среде. Обстоятельства (но не время) его возникнове-

⁸⁵ Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. Л., 1953. С. 107–117.

⁸⁶ Зализняк А. А. Берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // НГБ. VIII. С. 118–119.

⁸⁷ Jacobsson G. La forme originelle du nom des varègues // Scando-Slavica. 1954. T. I. P. 36–43.

ния восстанавливаются на основе рассказа летописи: князь Игорь, не рассчитывая на силы только что разгромленной греками руси, призывает в 944 г. из-за моря других скандинавов, наемников (возможно, такие отряды привлекались древнерусскими князьями и ранее, что, однако, не нашло отражения в летописи). Заключение с Игорем договора, определявшего условия службы наемников, вызвало к жизни их самоназвание — **várangar* от *várar* «верность, обет, клятва».

В собственно русской средневековой традиции этот термин закрепился как обозначение скандинавов, отличных от руси — княжеской дружины, призванной по «ряду»⁸⁸: это различие руси и варягов прослеживается уже в описании призвания князей в ПВЛ. В отличие от «ряда», который был заключен между русью и славянами при Рюрике и закреплён в Киеве «уставом» Олега, договорные (клятвенные) отношения руси и варягов не были столь актуальны для славянского окружения: варяги остаются чужаками, выходцами из-за моря, идущими по пути «из варяг в греки» и частью оседающими на Руси. Поэтому термин «варяг», воспринятый славянами от скандинавов, лишился в славянской традиции социального смысла и стал обозначать просто выходцев из Скандинавских стран, приобрел значение собирательного этнонима, которое и донесли до нас древнерусские источники.

В древнескандинавских языках, напротив, специальное обозначение скандинавов, служивших на Руси в соответствии с договором, не закрепилось и поэтому не нашло отражения в письменных источниках. Положение **várangar* было актуальным лишь во время их пребывания на Руси, но, поскольку эта многочисленная группа не обладала какими-либо специальными отличиями или привилегиями, принадлежность к ней никоим образом не влияла на социальный или престижный статус возвращавшегося из Руси скандинава. Рунические надписи и саги отмечают такие элементы, связанные с пребыванием на Руси (как и в других землях), как высокий социальный статус в войске, приобретенное богатство, особые почести, оказываемые при дворе князя. Различение тех, кто заслужил эти преимущества, состоя на службе по договору, и тех, кто действовал на свой страх и риск, было для скандинавского общества несущественным. Поэтому специальный и узколокальный термин, если и достиг Скандинавии, не вошел в лексический фонд.

Иным оказалось положение той части скандинавов, которая составила императорскую гвардию в Византии. Служба в ней сама по себе являлась высоко престижной, позволяла накопить большое богатство, т.е. существенным образом влияла на социальный статус возвратившегося с этой службы викинга. В этих условиях название **várangr* «варяг» воспринимается византийцами

⁸⁸ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

в форме βαράγγοι как обозначение скандинавов — телохранителей императора — и затем распространяется на «внешних» варангов, скандинавов в составе византийского войска. Оно актуализируется и в самом скандинавском обществе благодаря социальной значимости информации, приносимой возвращающимися из Византии варягами, и получает отражение в письменных источниках.

При этом древнескандинавская форма слова трансформируется: архаичный и мало употребительный суффикс *-ang* заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом *-ing*, что закономерно вызывает палатальную перегласовку корневого гласного и приводит к возникновению засвидетельствованной сагами и другими письменными источниками формы *væringi*.

Таким образом, предложенная реконструкция истории слова **várangr* — *варяг* — βαράγγοι — *væringi* объясняет существующие несоответствия в его употреблении в различных историко-культурных традициях: древнерусской, византийской, древнескандинавской. Более того, на Руси, в Византии и в Скандинавии этот, казалось бы один, термин имеет разные значения, отражая различные явления и изменения социально-исторических условий деятельности скандинавов в Восточной и Юго-Восточной Европе.

(Впервые опубликовано: Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68)

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии

Согласно средневековой традиции, призвание варяжских князей положило начало Русскому государству и его истории. Еще Н. М. Карамзин, разделяя прямолинейную историзирующую трактовку летописного повествования, видел в нем «удивительный и едва ли не беспримерный... случай: Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных и хитрость честолюбивых вводили Самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан»¹.

Сравнительное изучение письменных источников и развитие историософской мысли поколебали это представление уже в середине XIX в.: мотив призвания правителей оказался свойственным многим историографическим традициям древности и средневековья, а гиперкритицизм в противопоставлении «истории» и «саги», факта и вымысла вытеснил «призвание варягов» в сферу легендарного.

Со времени А. А. Шахматова легенда считается «книжной конструкцией», плодом «тенденциозного сочинительства» одного из составителей или редакторов «Повести временных лет» (далее — ПВЛ)². Это мнение в принципе верно: любая письменная фиксация текста есть книжная конструкция, результат осмысления автором исходного материала в соответствии с некоторыми принципами (тенденциями). Поэтому дошедший до нас текст легенды подлежит рассмотрению с учетом книжного, «ученого» характера ПВЛ как цельного произведения начала XII в. Вопрос, однако, в другом — что представляет собой сама легенда и что лежит в ее основе?

Общепризнано, что одним из важнейших источников раннего русского летописания были так называемые устные предания. К ним возводятся и легенда о призвании. Но — в отличие от других повествований ПВЛ — целостный анализ фольклорных основ легенды отсутствует. А. А. Шахматов писал о «местных преданиях» (ладожских, изборских и др.), облеченных в форму

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 93.

² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 477. О политической тенденциозности составителя легенды см.: Lichačev D. S. The legend of the calling-in of the Varangians, and political purposes in Russian chronicle-writing from the second half of the 11th to the beginning of the 12th century // Scando-Slavica. Supplementum 1: Varangian Problems. Copenhagen, 1970. P. 170–185. Обзор историографии см.: Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 3–8.

исторических песен³. Е. А. Рыдзевская, согласившись с Шахматовым в том, что существовало предание об изгнании варягов, взимавших дань, высказала убеждение в «искусственном происхождении» легенды о призвании как единого целого⁴. Не основано на конкретном анализе и определение Д. С. Лихачевым ее источников как «местных легенд, связанных с урочищами, могильниками, селами и городами всей русской равнины»⁵. Единственная аргументированная попытка определить тип исходного сказания принадлежит К. Ф. Тиандеру, который отнес его к так называемым германским переселенческим сказаниям⁶.

Между тем легенда отвечала на начальный вопрос ПВЛ — «Откуда есть пошла русская земля» — и тем самым претендовала на историческую достоверность (разумеется, как понимал ее летописец). Это одно уже не позволяет рассматривать летописный текст как «досужий домysel»⁷: по меньшей мере он — плод ученых разысканий составителя ПВЛ или предшествовавшего ему свода. Способность к таким разысканиям летописец демонстрирует не раз — достаточно вспомнить его рассуждения о князе Кие, отвечающие на второй вопрос ПВЛ, — «кто в Киеве нача первое княжити»⁸.

Отказ от признания историчности варяжской легенды был, видимо, обусловлен двумя причинами. С одной стороны, конъюнктурой — борьбой с норманизмом, направленной и против средневековых книжников — первых «норманистов». С другой — господством в изучении легенды конкретно-текстологического анализа, а точнее — заключений и оценок А. А. Шахматова⁹, исследование которого определялось его взглядами на варяжскую проблему в целом и его убежденностью в принципиальном расхождении интересов киевских и новгородских летописцев, отразившихся в тексте ПВЛ. Исходя из своих представлений об этих интересах, Шахматов восстанавливал первоначальный текст легенды (и летописи в целом). Обоснованно усматривая в приглашении князей новгородский вечевогой обычай, он полагал, что сведения об этом событии могли содержаться только в Новгородском своде: «Невероятно, чтобы киевский летописец мог с такой определенностью воссоздать хотя бы и фан-

³ Шахматов А. А. Разыскания. С. 295; *Он же*. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 50–53, 65–69.

⁴ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978. С. 162–172.

⁵ Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975. С. 27–28, 83–84.

⁶ Тиандер К. Ф. Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. 3. Ср.: Stender-Petersen A. Die Warägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.

⁷ Шахматов А. А. Разыскания. С. 290.

⁸ Эти разыскания, несмотря на то, что А. А. Шахматов настаивал на книжном (и позднем) происхождении и киевской легенды (Там же. С. 477), послужили основой для празднования 1500-летия Киева в 1982 г.

⁹ Построениям А. А. Шахматова в целом следуют авторы современных текстологических исследований легенды. См.: Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; Гринев Н. Н. Легенда о призвании варяжских князей // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 37–38.

тастический рассказ о событиях, представляющих для него лишь попутный интерес»¹⁰. Между тем, этот рассказ был призван дать ответ на основной, а вовсе не «попутный» вопрос начальной летописи и имел принципиальное значение для летописца.

На концепцию А. А. Шахматова сильно повлияла также его теория двух волн скандинавской колонизации Поднепровья: «В VIII–IX веках среди Поднепровских славян появляются полчища Скандинавов, садятся на укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена: их называют Русью»¹¹. Второй поток явился результатом призвания, причем новые мигранты, получившие название «варяги» (в отличие от более ранней «руси»), осели на новгородском севере. Лишь когда Игорь (или Олег) захватывает Киев, его варяги принимают название «русь», укоренившееся в Поднепровье с первой волной скандинавов¹².

Вместе с тем исследование процессов формирования в IX–X вв. так называемой северной конфедерации племен и русско-скандинавских отношений позволило ряду историков (В. Т. Пашуто, В. Л. Янин и др.) предположить существование исторического ядра легенды и признать достоверным приглашение князей и скандинавское происхождение династии Рюриковичей. На основе археологических материалов А. Н. Кирпичников пришел к убеждению об истинности ладожского варианта легенды (Ипат.)¹³.

Таким образом, текстологический анализ легенды и историко-археологическое изучение эпохи, к которой она отнесена, привели исследователей к противоположным результатам. Но остаются неиспользованными те возможности, которые связаны с изучением структуры легенды, ее содержания, типа и т. п., а также ее места в контексте ПВЛ.

Древнейшие сохранившиеся тексты легенды состоят из нескольких содержательных отрезков, за которыми просматривается структура повествования. Приведем эти тексты по трем летописям, выделив важнейшие структурные элементы (курсивом даны вероятные правовые термины):

¹⁰ Шахматов А. А. Разыскания. С. 296.

¹¹ Там же. С. 326. Полагая, что слово «русь» могло проникнуть к славянам из Скандинавии лишь при финском посредстве, т. е. на севере Восточной Европы, А. А. Шахматов сразу же переносит название на юг.

¹² Стронники южнорусского (от гидронима *Рьсь*) происхождения слова *русь* ссылаются на мнение А. А. Шахматова о «южных» истоках этого наименования (см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 298–299 и др.), игнорируя то, что, согласно А. А. Шахматову, на юге было заимствовано скандинавское название, принесенное ранее.

¹³ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 86; Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103–110; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 112; Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога // Средневековая Ладога. М., 1985. С. 23.

		Лавр.	Ипат.	НПЛ
I.	1.	В лето 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнхъ, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ вѣверицѣ от дыма. В лето 6368. В лето 6369.	В лѣто 6367. имаху дань Варязи. приходаше изъ заморья. на Чюди. и на Словѣнхъ. и на М(е)рахъ. и на всѣхъ Кривичахъ. а Козаре имахуть на Поланехъ. и на Сѣверехъ. и на Ватичихъ. имаху по бѣлѣ. и вѣверици. тако ѿт дыма.	Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своимъ родомъ владяше; а Чюдѣ своимъ родомъ; и дань даяху
				Варягомъ от мужа по бѣлѣ вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насиле дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди.
II.	2.	В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани,	В лѣто 6370. И изгнаша Варягы за море. и не даша имъ дани.	И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдѣ на Варягы, и изгнаша я за море;
	3.	и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ <i>правды</i> ,	и почаша сами в собѣ володѣти. и не бѣ в нихъ <i>правды</i> .	и начаша владѣти сами собѣ и города ставити.
	4.	и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.	и вѣста родъ на родъ. и быша оусобицѣ в нихъ. и воевати сами на ся почаша.	И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ <i>правды</i> .
III.	5.	И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы <i>володѣлъ</i> нами и <i>судилъ по праву</i> ».	и ркоша поищемъ сами в собѣ кнѧзѧ. иже бы <i>володѣлъ</i> нами и <i>радилъ по раду по праву</i> .	И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы <i>владѣлъ</i> нами и <i>рядилъ ны по праву</i> ».
	6.	И идоша за море к варягомъ, к руси...	идоша за море к Варягомъ. к Руси...	Идоша за море к Варягомъ
	7.	Рѣша русь, чюдѣ, словѣни, и кривичи и вси:	ркоша. Русь. Чюдѣ. Словенѣ. Кривичи. и всѧ	и ркоша:
	8.	«Земля наша велика и обилна, а <i>наряда</i> въ ней нѣтъ. Да поидѣте <i>княжитъ</i> и <i>володѣти</i> нами».	земля наша велика. и обилна. а <i>наряда</i> въ ней нѣтъ. да поидете <i>княжит</i> и <i>володѣтъ</i> нами.	«земля наша велика и обилна, а <i>наряда</i> у нас нѣту, да поидѣте к намъ <i>княжитъ</i> и <i>владѣтъ</i> нами».

		Лавр.	Ипат.	НПЛ
	9.	И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша;	и избрашася. триє брата. с роды своими. и пояша по собѣ всю Русь.	Избрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду.
	10.	старѣйший, Рюрикъ, [сѣде Новѣгородѣ]*, а другой, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье новугородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни.	и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе. и срубиша город Ладогу. и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ. а други Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ. а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ. и ѿ тѣхъ Варягъ. прозвася Руская земля.	И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другой сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ, а третей в Изборьскѣ, имя ему Труворъ**.
	11.	По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ. И приа власть Рюрикъ,	по двою же лѣту умре Синеоусъ. и братъ его Труворъ. и приа Рюрикъ власть всю ѿдин. и пришедъ къ Ильмерю. и сруби город надъ Волховом. и прозваша и Новѣгород.	По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ.
IV.	12.	и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозѣро.	и сѣде ту княжа. и раздая мужемъ своимъ волости. и города рубити; ѿвому Полтескъ. ѿвому Ростовъ. другому Бѣлоѿзеро.	
	13.	И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ- озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрик***.	и по тѣмъ городомъ суть находницѣ. Варязи. пѣрвii наслѣдници в Новѣгородѣ Словенѣ. и в Полотьскѣ Кривичи. Ростовѣ Меране. Бѣлѣозерѣ Весь. Муромѣ Мурома. и тѣми всѣми ѿбладаше Рюрик****.	

* Чтение в Троицк.

** НПЛ. С. 106–107.

*** ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 12–13. — *Прим. ред.*].

**** ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 13–15.

Далее начинается рассказ об Аскольде и Дире.

Композиционно текст легенды членится на четыре эпизода, внутреннее единство каждого из которых — в противопоставлении другим — подчеркивается вариативностью их в разных списках. Первый эпизод (п. 1) дает описание ситуации, введение к сюжету в целом, наиболее развернутое в НПЛ. Во втором эпизоде (пп. 2–4) обрисован конфликт, который требует разрешения, т.е. восстановления нормы. Разрешение конфликта — путем приглашения варягов из-за моря и их вокняжения — описано в третьем эпизоде (пп. 5–11). Заключительный эпизод (пп. 12–13) возвращает изложение к описанию общей ситуации, но уже в новых условиях, и создает кольцевую структуру текста. Эпизоды II и III по способу изложения и по объему материала одинаковы во всех редакциях, что указывает на их конституирующее текст значение. Эпизоды же I и IV факультативны: в НПЛ эпизод IV отсутствует, а эпизод I много пространнее, нежели в других летописях. Таким образом, в основе легенды лежит типичная повествовательная структура: конфликт — его разрешение.

По своему содержанию эта легенда, в отличие от других преданий ПВЛ, близка к этиологическому сказанию¹⁴, т.е. мифу о возникновении некоей культурной ценности: она объясняла происхождение существовавшей во времена хрониста (в конце XI – начале XII в.) государственной власти, которая, как это свойственно средневековой историософии, отождествлялась с правящей династией и тем самым отвечала на вопрос «откуда есть пошла Русская земля».

Вопрос о происхождении государства/династии стоит во главе угла любой раннесредневековой «истории народа», т.е. историографического сочинения, представляющего судьбу какого-либо народа от его «возникновения» до времени хрониста. Все они в той или иной форме содержат этиологическую династическую легенду¹⁵. Получив в наследство вместе с христианскими воззрениями всемирную (т.е. библейскую) историю, каждое приобщавшееся к европейской цивилизации общество стремилось определить свое и своего государства место в мировом пространстве и во всемирно-историческом ряду.

Первое достигалось прежде всего путем переработки библейской легенды о заселении трех частей ойкумены потомками Сима (Азия), Хама (Африка) и Иафета (Европа), которая пополнялась наименованиями «новых» народов¹⁶. ПВЛ, как и многие другие европейские историографические сочинения, открывается перечислением земель, заселенных потомками Ноя. Этногенетическую легенду содержали источники ПВЛ: греческие хронографы¹⁷ и еврейский

¹⁴ Stender-Petersen A. Die Warägersage. S. 5.

¹⁵ Таковы «История франков» Григория Турского (конец VI в.), «Церковная история англов» Беды Достопочтенного (начало VIII в.), «История бриттов» Ненния (IX в.) и Гальфрида Монмутского (1130-е гг.), «История датчан» Саксона Грамматика (начало XIII в.), «Круг земной» Снорри Стурлусона (начало XIII в.), хроники Галла Анонима, Козьмы Пражского и многие другие.

¹⁶ Simons J. The «Table of Nations» (Gen. 10): Its General Structure and Meaning // *Oud Testamentische Studien*. 1954. Bd. 10.

¹⁷ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Вып. 4.

текст второй половины X в., составленный в Италии, «Иосиппон»¹⁸. Но она была существенно расширена перечнем финно-угорских и балтских народов, живущих в «Афетовой» части, и списком северо- и западноевропейских народов, принадлежащих к «Афетову колену»; и тот, и другой отсутствовали в источниках ПВЛ и принадлежали перу летописца. И в обоих упоминалась русь: сначала среди финно-угорских, затем среди североευропейских народов¹⁹, что определяло ее место в пространстве, занимаемом христианским сообществом, и относило ее вместе с ними к потомкам Иафета.

Вторая, собственно историографическая задача решалась несравненно сложнее. Закладывая основы национальной историографической традиции, составитель ПВЛ, подобно Григорию Турскому, Беде Достопочтенному, Снорри Стурлусону, имел перед собой два принципиально различных типа источников: с одной стороны, Библию и всемирные истории, основанные на ней (Павла Орозия, например, для Запада, Григория Амартола — для Руси), с другой — местные исторические предания. Народная историческая память воплощалась в мифе и эпосе. Объединяя оба источника, русский летописец, как и западноевропейский хронист, совершал переход от фольклора к истории, или, точнее, от эпической истории (квазиистории) к историографии.

Этот переход — закономерный этап в развитии исторического сознания и самосознания народов, отразившийся в большом числе текстов, условно именуемых раннеисторическими описаниями²⁰, и составляющий суть начального русского летописания. Характерное для них космологическое (по существу, мифоэпическое) введение заменено в ПВЛ пересказом ветхозаветной этногенетической легенды, за ним следует изложение мифоэпической истории как событийного ряда, который должен дать ответ на сформулированный (как в ПВЛ, у Снорри и Гальфрида) или подразумеваемый (как у Беды, Григория Турского) вопрос о происхождении государства, т.е. правящей династии. Мифоритуальные вопросно-ответные формулы сохраняются в раннесредневековых памятниках по преимуществу как названия сочинений: «О происхождении и деяниях гетов» (Иордан), реже — в авторском тексте как постановка задачи сочинения: «Откуда есть пошла...» (ПВЛ; ср.: Гальфрид).

¹⁸ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. СПб., 1874. Ч. 9. С. 292–293. «Иосиппон» был важен для составителя не только как источник ветхозаветных апокрифических легенд, но и потому, что упоминал Русь во вводной части: первый раз в Европе, наряду с англами и саксами, второй — на какой-то реке Кира, которую А. Я. Гаркави толковал как испорченное упоминание Киева. См.: Мещерский Н. А. К вопросу об источниках «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 1957. Вып. 13. С. 57–65.

¹⁹ Uralo-Indogermanica. М., 1990. Ч. 1. С. 29–34.

²⁰ Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // ТЗС. 1971. Вып. 6. С. 106–150. Ср. характеристику Д. С. Лихачева: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 136–137 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 351–352. — Прим. ред.].

Последнее событие (или серия взаимосвязанных эпизодов) мифоэпического ряда, как правило, становится первым в ряду собственно исторических событий, а культурный или генеалогический герой создает не мифологическую или ритуальную, а историческую традицию. При этом собственно мифологические персонажи (например, бог Один у Снорри) «историзируются», превращаясь в «реальных» правителей, а исторические лица, напротив, приобретают функции культурных героев. Так, полулегендарный Рюрик (он не упоминается в ранних источниках среди предков киевских князей) становится основателем действительной династии, а «фольклорная» триада братьев садится в реально существовавших (во всяком случае для времени летописца) древнерусских городах. Включение варяжской легенды в собственно историческое время подчеркивается и тем, что она помещена в датированной части летописи (под 862 г.), в отличие от легенды о Кие, не датированной и примыкающей к космографическому введению. Таким образом, порубежным событием, соединяющим миф и историю, — в соответствии с задачами раннеисторического описания — становится происхождение действительно правившей во времена хрониста династии, а герой мифоэпической традиции предстает как ее основатель. Обстоятельства же основания династии оказываются звеном, связующим мифоэпическую и историческую традиции.

В европейских раннеисторических описаниях сюжет возникновения династии обычно отражает структуру этиологического мифа: описание ситуации, связанной с отсутствием культурной ценности; перипетии ее добывания (нахождения, завоевания, изготовления) культурным героем; обретенное в итоге благоденствие (порядок и т. п.). Сказание об обретении государственности/династии представлено в европейских памятниках двумя подчас сочетающимися в одном тексте основными вариантами, которые можно условно назвать призыванием и переселением. Второй вариант (исследованный К. Ф. Тиандером) получает яркое воплощение, например, у Снорри, подробно рассказывающего о переселении из Азии в Скандинавию асов под предводительством Одина, ставшего основателем династии шведских и норвежских конунгов, и о мифоэпических деяниях первых правителей — Инглингов. Представлен он также у Гальфрида и его предшественника Ненния, выводивших правителей кельтской Британии от потомков Брута, и в других произведениях.

Мотив призвания властителя прослеживается во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемисла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух²¹ братьев-саксов — Хенгиста и Хорсы)²². На фабульном уровне этот мотив образован следующими элементами:

²¹ Упоминание трех братьев-саксов, прибывших по приглашению Вортигерна, — ошибка. См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 298; ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 114 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 400. — Прим. ред.].

²² Англо-саксонская легенда нередко рассматривается как прямой источник варяжской легенды в ПВЛ — через ее переложение у хрониста Х в. Видукинда Корвейского (*Видукинд Корвейский*).

1. Преамбула. Обоснование необходимости приглашения чужеземцев — описание неустойчивости, неупорядоченности или просто отсутствия власти (в легенде о призвании это — эпизод II).

2. Обращение к иноплеменникам или поиски кандидата в правители представителями местной власти или «народом». И в том, и в другом случае личность будущего правителя неизвестна (эпизод III, пп. 5–8).

3. Прибытие приглашенных правителей или нахождение будущего правителя (как правило, ребенком) по знамениям или другим приметам. Первый вариант представлен в древнерусском (эпизод III, п. 9) и англо-саксонском текстах, где на приглашение откликается не один человек, а родственная группа: два или три брата, первоначально правящие вместе. Второй — в римском тексте, а также, например, у Козьмы Пращского или в «Саге о Скьёльдунгах», где основатель династии датских конунгов — Скьёльд — в период междоусобицы и раздоров ребенком приплывает в ладье к сакральному центру датчан (ср. «явление» Олегом младенца Игоря как законного правителя в Киеве).

4. Заключение местной знатью договора с приглашенными правителями, содержащего условия передачи власти (эпизод III, пп. 8, 10).

5. Реализация условий договора или события правления, своего рода *gesta* нового правителя. Эта часть сюжета наиболее подвержена видоизменениям и дополнениям. Так, в англо-саксонской традиции развернута широкая карти-

Деяния саксов. М., 1975. С. 68, 128) — на основании общего сходства мотива и совпадения формулы в речах посланцев: «Земля наша велика и обильна» — «terra lata et spatiosa». Однако мотив призвания настолько широко распространен, что никак не может служить доказательством прямого заимствования. Скептически относилась к этому предположению и Е. А. Рыдзевская (*Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия*. С. 166). А. Стендер-Петерсен считал, что легенда о призвании занесена на Русь беженцами из Англии после норманнского завоевания 1066 г. (*Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. S. 254*); в Киеве она контаминировалась с рассказом о трех братьях. Б. А. Рыбаков относит заимствование к еще более позднему времени — княжению Мстислава Владимировича (*Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. М., 1963. С. 290–291).

Ближайшая параллель варяжской легенде содержится в той же ПВЛ: это рассказ (под 898 г.) о призвании Кирилла и Мефодия. В нем действительно исторические лица получают функции культурных героев. Сказание посвящено включению «руси» в число славянских народов, обретших просвещение, то есть вошедших в христианскую семью народов. Согласно летописи, три славянских князя, Ростислав, Святополк и Коцел «послаша ко царю Михаилу, глаголюще: “Земля наша крещена, и несть у нас учитель, иже бы наказал, и поучал нас... и послете ны учителя...”». Се слыша царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им речи вся славенских князь». Те указали — избрали — Кирилла и Мефодия, которых и послали в славянскую землю (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 21–22 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 15. — *Прим. ред.*]. Ср.: Житие Константина, гл. 14 // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 86–87. Сопоставление формул см.: *Маринкович Р. Модель введения к миссии в Паннонских легендах // Исследования по древней и новой литературе*. Л., 1987. С. 131–139; *Петрухин В. Я. Начало Руси и Начальная летопись // ВЕДС: Проблемы источниковедения*. М., 1990. С. 111–112). Ставить легенду о призвании варягов в прямую зависимость от этого текста было бы столь же опрометчиво, как и возводить ее к англо-саксонскому преданию: налицо прежде всего единая формула, свойственная древнерусской (а может быть, и общеславянской) традиции.

на сражений Хенгиста и Хорсы, а Гальфрид вводит в нее авантурный любовный сюжет. Снорри изображает Одина как основателя по преимуществу ритуальной традиции. Рюрик, Синеус и Трувор «салятся» в славянских городах (эпизод III, п. 10).

6. Сосредоточение власти в руках одного из призванных правителей (в результате смерти другого или других) и установление преемственности правления, т. е. собственно основание династии (эпизод III, п. 11).

Сюжет обнаруживает — что естественно для его переходного положения в раннеисторическом описании — сочетание мифоэпических, квазиисторических и исторических элементов, соотношение которых варьирует. Вместе с тем, ни в одном случае историческая основа сюжета (т. е. сам факт призваний) не поддается верификации, хотя и сохраняет, как это характерно вообще для «эпической истории», историческое правдоподобие в целом и достоверность отдельных реалий.

Описание условий, создавших необходимость приглашения иноземцев, и в ПВЛ, и в англо-саксонской традиции в целом согласуется с данными других письменных источников и археологии. В Британии в первой половине V в. римско-кельтское население после ухода римских легионов, теснимое пиктами и скоттами, оказалось в сложном положении, усугубленном межплеменными распрями; в это же время начинается инфильтрация германцев. Так что привлечение германских дружин тем или иным кельтским правителем вполне вероятно, так же, как и оседание германцев на юго-востоке Англии, подтверждаемое археологически и эпиграфически. Вместе с тем, к бесспорно мифологическим элементам англо-саксонской легенды — наследию германского мифа о близнецах — следует отнести имена приглашенных братьев: *Хенгист* — «жеребец» и *Хорса* — «конь».

Столь же исторически правдоподобна и ситуация середины IX в., представленная в ПВЛ: межплеменные конфликты в ходе славянской колонизации заселенных финскими племенами территорий, проникновение скандинавских отрядов через Неву и Ладожское озеро на Волгу. Распространение скандинавских древностей в Новгородской округе совпадает с летописной датой «призвания» Рюрика, что провоцирует исследователей на буквальное толкование легенды и поиски прямых соответствий тексту (в духе исторической школы). Так, скандинавский могильник в урочище Плакун напротив Старой Ладogi отождествляется с захоронениями дружинников Рюрика; следы пожара в культурном слое Старой Ладogi, первоначально датированные временем около 860 г., были соотнесены с летописным известием об изгнании варягов (под 862 г.)²³; ныне датировка слоя изменилась, и, применяя иной способ летосчисления, «изгнание» отнесли к 867 г.²⁴.

²³ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. С. 23.

²⁴ Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 91.

Разумеется, при условности первых летописных дат подобные прямолинейные соотнесения летописных сообщений с археологическими материалами не могут быть надежными. Да и выбор этих «соответствий» произволен. Сторонники «историчности» Ипат. варианта легенды, согласно которому Рюрик садится сначала в Ладоге²⁵, едва ли признают, что Рюрик основал («срубил») Ладогу, как сказано в Ипат. Однако уже то обстоятельство, что исторический контекст в целом не противоречит возможности призвания скандинавских правителей, заставляет пристальнее и систематичнее изучить соотношение легенды с реальностью.

В. Т. Пашуто указывал на вероятную достоверность по крайней мере ядра повествования — самого факта призвания — и обратил внимание на то, что варяжские князья были призваны «володеть», «судить» («рядить») по праву, по «ряду»: «Я специально изучал термин “ряд”, “наряд” в наших летописях, — писал он, — и убедился, что он всегда определял условия, на которых правящая знать отдельных центров приглашала князя занять престол. Значит, варяжские князья, если вообще верить летописному преданию, были подчинены славянской знати»²⁶. Если и согласиться с Д. С. Лихачевым, который предполагает, что на оформление легенды повлияло завещание, которым «нарядил» («урядил») своих сыновей Ярослав Мудрый, раздав им города и заповедав не нарушать «предела братня»²⁷, и считать термин «ряд» принадлежащим относительно позднему княжому праву, то и тогда наличие его в тексте легенды указывает на то, что по крайней мере в восприятии летописца начала XII в. приглашение варяжских князей состоялось в соответствии с некими нормами.

Текст легенды, как кажется, содержит следующие моменты «ряда»:

1. «Ряд» заключается представителями «северной конфедерации племен» (п. 7). В. Л. Янин полагает, что призвание варяжских князей связано с вечевой новгородской традицией, восходящей к нормам родового права²⁸.

2. Другая сторона, заключающая «ряд», — предводитель (предводители) военного отряда «варягов», т.е. скандинавов (п. 6). Определение прибывших именно как военного отряда вытекает из самой ситуации: мигрировавшие

²⁵ Еще А. А. Шахматов указал на тот факт, что Лавр. текст легенды испорчен — Новгород, где сел Рюрик, не упомянут. Вероятно, первоначальным летописным вариантом легенды действительно следует считать Ипат. («Ладожский») (см.: Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды).

²⁶ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. 15. С. 53. Ср.: Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 152–153; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская правда // ИЗ. 1965. Вып. 76. С. 234.

²⁷ Lichačev D. S. The legend of the calling-in.

²⁸ Пашуто В. Т. Летописная традиция. С. 103–114; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. Подробнее анализ «ряда» и его соотношение с древнерусскими и древнескандинавскими традициями см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

в IX – X вв. группы скандинавов являлись дружинами, возглавлявшимися либо представителями местной знати, либо особенно удачливыми викингами. При этом военизированный характер отрядов отнюдь не исключал участия в походах групп родственников, а также присутствия женщин, тем более если целью похода было поселение на новом месте.

3. «Ряд» предусматривает передачу верховной власти приглашенному князю, что определяется терминами «княжить», «володеть» и «судить» (пп. 5, 8). Очевидно, что обязанности, которые вменялись приглашаемому князю, непосредственно вытекали из причин его приглашения, т.е. тех задач, которые надеялась решить с его помощью местная племенная верхушка. Норманны были реальной силой на севере Восточной Европы, а не случайными находниками, давние связи объединяли их с прибалтийско-финскими племенами. И знать славянских и финских племен, образовавших новгородскую конфедерацию, должна была регулировать отношения с этой силой и иметь защиту от внешней опасности, упорядочив отношения с варягами. Такова одна из задач «ряда»-компромисса — военная.

Другой его целью, вероятно, было установление «сильной власти для господства над народами» князя, «который бы защищал не интересы знати одной из земель, а их общие интересы»²⁹. И варяги, и местная племенная верхушка стремились к эксплуатации природных богатств и населения Новгородской земли. Сбор дани варягами-находниками ущемлял права местной власти; совместить интересы тех и других можно было только при условии перераспределения дани и ее фиксации.

Наконец, термин «судить» («рядить»), возможно, указывает и на судебные функции правителя: новгородские князья традиционно пользовались судебной властью и в позднейшее время.

4. «Владение» приглашаемого князя ограничивается в «ряде» условием «судить» («рядить») «по праву» (п. 5), т.е. исходя из существовавших правовых норм. Это ограничение ставило приглашаемых князей в зависимость от местных условий, стимулировало их быструю интеграцию в восточнославянском обществе и создавало предпосылки для смещения князей, нарушивших условия «ряда», — традиция, характерная и позднее для Новгорода.

5. Еще два положения «ряда», возможно, нашли отражение в перечнях городов, где сели приглашенные князья (п. 10) и куда посадил своих мужей Рюрик по смерти братьев (п. 12). Как принято считать, «сидение» князя или «посаждение» им своих мужей в городе непосредственно связано с институтом кормления. В. Т. Пашуто рассматривает «раздачу городов» Рюриком как раз-

²⁹ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. С. 86; Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения. С. 56.

дачу ленов, т.е. права на сбор даней («уроков»)³⁰. Можно предположить, что за краткой констатацией того, где именно «володеют» варяжские князья и их мужи, стоит статья «ряда» об условиях содержания князя, его мужей и дружины.

Перечни городов в то же время, возможно, определяют также и территорию, на которую распространяется власть приглашенного князя. По легенде, Рюрик и его братья сели в Новгороде или Ладоге (главный центр), Белоозере и Изборске.

Новгородская округа обнаруживает явные следы пребывания норманнов. Однако скандинавские находки второй половины IX – X в. концентрируются не на месте будущего города (наиболее ранние известные ныне напластования относятся к середине X в.), а на Городище, которое и в XI–XII вв. было экстерриториальной резиденцией новгородского князя.

Рассматривая вопрос об исторической основе варяжской легенды, Е. Н. Носов считает, что «территория расселения словен, кривичей и мери удивительно совпадает с районами, через которые со второй половины VIII в. проходил балтийско-волжский путь, по которому поступало восточное серебро на Русь и в страны Балтики»³¹. У словен клады сосредоточены близ Ладоги и в верховьях Волхова, на поселениях в округе Городища — Новгорода; у мери — на Сарском городище, в Угодичах и Тимереве; к кривичским землям могут относиться памятники верховьев Волги, среди них — Торопец; во всех указанных местах, помимо кладов, найдены и скандинавские вещи. Конечно, совпадение с летописью здесь неполное — к кривичским центрам в летописи относится не Торопец, а Изборск, затем — Полоцк, к мери — Ростов, а клады IX в. есть не только на перечисленных территориях, но и в землях чуди (которую Е. Н. Носов «исключает» из северной конфедерации, считая, вслед за А. А. Шахматовым, что ее упоминание — позднейшая вставка). Тем не менее исторический фон «варяжской дани» вполне ощутим.

Е. Н. Носов полагает, что «исторической сутью сказания о призвании варягов явились реальные события вдоль балтийско-волжского пути — участие словен, кривичей и мери в международной торговле, их взаимоотношения и столкновения между собой и [со] скандинавами». Здесь, как и в случае с гипотезой А. Н. Кирпичникова (отвергнутой Е. Н. Носовым), есть определенные трудности текстологического характера. Е. Н. Носов опирается на известия Начального свода, реконструированного А. А. Шахматовым на основе НПЛ, но там словене, кривичи и меря названы «людьми новгородскими». Действительно, трудно себе представить их совместную политическую деятельность на огромных пространствах от Поволжья до Поволховья без единого центра: таким

³⁰ Пащенко В. Т. Черты политического строя. С. 38 и след.

³¹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990. С. 185 и след.

центром летописец считает Новгород. Е. Н. Носов полагает, что, поскольку Новгород как Новый город с детинцем возник лишь во второй половине X в., дружина Рюрика осела в IX в. на Городище, и предполагает, что оно носило название *Словенск* позднейших книжных легенд, или *ас-Славийя* (центр одной из трех не менее легендарных групп руси IX в.).

Как бы то ни было, в X в. Городище сосуществует с Новгородом. Само оно, судя по сложному этническому характеру культуры, действительно могло быть резиденцией призванного князя с IX в., но отношения Городища со славянской округой и Новгородом нуждаются в дальнейшем исследовании. Уже высказывалось предположение (вслед за М. Н. Тихомировым и Б. А. Рыбаковым), что Городище было опорным пунктом — погостом — княжеской дружины, противостоявшим славянскому племенному центру. Но и это предположение, и то обстоятельство, что скандинавы жили в Ладоге с середины VIII в., не дает оснований искать прямые соответствия данным летописей, составленных столетиями позже. Дело в том, что в Изборске и Белоозере отсутствуют сколько-нибудь показательные материалы, свидетельствующие о пребывании там варяжских дружин в IX в. (в Белоозере слои IX в. вообще не открыты).

Вместе с тем, ныне невозможно следовать и точке зрения А. А. Шахматова, который считал Изборск и Белоозеро слишком незначительными пунктами для того, чтобы играть роль стольных городов. Он думал, что эти города попали в текст легенды лишь потому, что летописец знал местные предания о варяжских князьях и искусственно соединил их, превратив князей в братьев. При этом сам А. А. Шахматов признавал, что книжная версия местных преданий — поздняя, появившаяся в источнике XVI в.³² (но и название «Рюриково» применительно к Городищу под Новгородом появилось лишь в XIX в.). Ныне археологические исследования продемонстрировали роль Изборска и Белоозера как форпостов славянской колонизации на севере. Вероятно, эти города попали в текст легенды как центры племен, причисляемых в летописи к северной конфедерации: Изборск — кривичей, Белоозеро — веси.

Во втором перечне, перечне градов, которые Рюрик раздал своим мужам, Изборск не упомянут, зато назван Полоцк — центр кривичей, видимо, заменивший Изборск. Вообще этот перечень соответствует списку племен, «иже дань дают Руси» в космографическом введении к ПВЛ: за чудью перечислены меря, весь, мурома; в перечне городов: Ростов, Белоозеро, Муром; в Афетовой части помещены «русь, чудь и вси языци: меря, мурома, весь...». Очевидно, что в «реконструкции» летописца призванные варяги управляли («владели») территориями племен из соответствующих племенных центров.

Неясно, однако, насколько эта реконструкция соответствует реальности IX и последующих веков. Во всяком случае нет оснований, подобно И. Я. Фро-

³² Шахматов А. А. Разыскания. С. 290–292, 312–314.

янову, усматривать в летописном мотиве раздачи рюриковым мужам городов — Белоозера, Ростова и даже Полоцка — стремление новгородцев («новгородской общины») второй половины XI – XII в. шире распространить свое влияние³³. Именно Новгородская летопись донесла до нас завешание Ярослава, согласно которому Белоозеро и Ростов отходят переяславскому князю Всеволоду. Их наследует и Мономах, а его сына и наследника Мстислава, летописцу которого приписывают «ладожскую» версию легенды о призвании, едва ли можно заподозрить в следовании новгородским местническим интересам.

Так или иначе, раздача городов — прерогатива великокняжеской власти. Мотив раздачи городов Рюриком (как и мотив основания им городов, в том числе Новгорода) связан не с идеей «новгородского приоритета» над Киевом, а с идеей утверждения единой княжеской власти. Распространение ее на племенные территории севера Восточной Европы отражает не процесс формирования Новгородской земли и не претензии новгородцев, а, в соответствии с летописным рассказом, ту традицию, согласно которой на севере дань брали варяги, а на юге — хазары. А. П. Новосельцев считает даже, что как раз «угроза подчинения» северославянских и финских земель Хазарией «побуждала общины Восточной Европы пригласить на условиях договора... предводителей варяжских дружин типа Рюрика, Аскольда, Дира и др.»³⁴.

Если обратиться к лексике легенды, то обращает на себя внимание наличие в ней значительного пласта архаичной славянской правовой терминологии³⁵: «правда», «володеть и судить по праву», «наряд», «княжить и володеть». Имеются и лексические параллели с договорами руси и греков. Согласно варианту легенды, призванные князья берут с собой дружину (НПЛ), которая в ПВЛ именуется «вся русь». А. А. Шахматов считал это выражение домислом летописца, знавшего, что в современной ему Скандинавии племени русь нет, и изобразившего дело в соответствии со своей концепцией о скандинавском происхождении руси — так, будто всю русь вывел из Скандинавии Рюрик³⁶. Однако то же выражение известно по договорам с греками. Договор Олега (911 г.) заключается от имени «всех иже суть под рукою его сущих руси», договор Святослава (971 г.) — от имени «боляр и руси всей». Подобная формула сохранялась в русском летописании и позднее: в 1147 г. Изяслав созвал на вече «бояры и дружину всю и Кияне»³⁷. Но наиболее показательное использование

³³ См.: *Фроянов И. Я.* Исторические реалии. С. 7–8.

³⁴ *Новосельцев А. П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель // *ВИ.* 1991. № 2–3. С. 6–7.

³⁵ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1978. С. 230–231.

³⁶ *Шахматов А. А.* Разыскания. С. 340.

³⁷ *ПВЛ-1950.* Ч. 1. С. 26, 52 [Цит. по: *ПВЛ-1996.* С. 18, 34. — *Прим. ред.*]; *ПСРЛ.* Т. 25. М., 1949. С. 40.

этой же формулы в русских договорных текстах. Договор руси с греками 944 г. заключается «от всех людей Руския земля» (ср.: «людые вси рустии» в том же договоре), с одной стороны, «с самими цари, со всемь болярством и со всеми людьми Гречьскими» — с другой³⁸. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.) гласит: «Се язъ, князь Ярослав Володимеричъ, сгадавъ с посадникомъ... и съ всеми новгородъци, потвердихомъ мира старого... съ всеми немьцкыми сыны, и с гты, и съ всемь латиньскимъ языкомъ»³⁹. При этом формула «подтвердити мира» соответствует формуле «построити мира» в договорах с греками 911 и 944 гг.; эта формула, в свою очередь, имеет болгаро-византийское происхождение: в собственно русской традиции ей соответствует формула «положити ряд»⁴⁰.

Таким образом, употребление терминов «ряд», «наряд» в легенде неслучайно и свидетельствует о наличии в ее основе договорного текста, опирающегося на те же формулы: «русь, чюдь, словени, кривичи и вси», которые призывают для «наряда» «всю русь». Соответственно, и в преамбуле к легенде (эпизод I) формула «все кривичи» может отражать договорную лексику.

Историческая реальность, стоявшая — по крайней мере в X в. — за подобными формулами, выявляется в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». Описывая образ жизни росов, он сообщает, что ежегодно в ноябре архонты выходят «со всеми росами» из Киева для сбора полюдья со славянских народов, являющихся их пактиотами⁴¹. «Все росы» информатора Константина соответствуют «всей руси» ПВЛ и обозначают дружину киевского князя, собирающую полюдье и кормящуюся у данников-славян: ситуация, соответствующая той, которую описывает для севера Восточной Европы легенда.

Наконец, обилие в тексте легенды именно правовой лексики и договорных формул свидетельствует о том, что лежащий в ее основе «ряд» не только дошел до летописца в изложении на древнерусском языке, но и составлен был, скорее всего, на древнерусском языке в письменной (что маловероятно) или устной форме. Необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена *Синеус* и *Трувор* как осмысленные летописцем в качестве личных имен древнешведские фразы «со своим домом и верной дружиной»⁴², подразумевающие восхождение легенды к прото-

³⁸ ПРП-1. С. 31.

³⁹ ГВНП. С. 55. Ср. те же формулы в грамотах 1262–1263 гг. (Там же. С. 56) и 1316 г. (Там же. С. 23).

⁴⁰ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 124; Ларин Б. А. Лекции по истории русского языка. М., 1975. С. 43.

⁴¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–45, 329.

⁴² Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 286; Гринев Н. Н. Легенда о призвании. С. 37–38.

типу на древнешведском языке. Прямо противореча всему тому, что известно о языковых связях Древней Руси и Скандинавии, это предположение не учитывает и того, что скандинавские имена, рефлексам которых являются *Синеус* и *Трувор*, хорошо известны, в частности, по руническим надписям X–XI вв. Убедительна аргументация Г. Шрамма, что заимствования **Sizineōtr* > Синеус и **Porvarg* > Трувор должны были произойти не позднее начала X в., а скорее всего, во второй половине IX в.⁴³

Итак, анализ легенды позволяет говорить о том, что в ее основе лежит договор — «ряд» между верхушкой северной конфедерации племен и предводителем одного из скандинавских отрядов. «Ряд» предусматривал передачу этому предводителю верховной власти — на условиях соблюдения местных норм обычного права с целью защиты от внешней угрозы и обеспечения интересов местной знати. В «ряде», возможно, содержались условия кормления князя и его дружины, а также определение территории, на которую распространялась его власть. Реальным же историческим событием, породившим легенду, является установление власти в северной конфедерации по соглашению с местной знатью скандинавского по происхождению правителя.

Однако наличие «исторического ядра» отнюдь не означает, что легенда адекватно передает реальные события, является своего рода документальной записью происходившего. В дошедших до нас текстах (ПВЛ, НПЛ) летописец кратко пересказывает предание, воспроизводя структуру этиологического сказания и соблюдая сугубо эпический принцип слитности событийного и временного рядов. Неслучайно, что, хотя легенда помещена в датированной части ПВЛ (в соответствии с ее переходным от эпоса к истории характером) и, более того, летописец делает попытку точно обозначить время описываемых событий, вынося сообщение о взимании дани варягами в самостоятельную годовую запись и отделив ее от основного текста двумя «пустыми» годами, все остальные события легенды излагаются нерасчлененно, под одним годом. Сохраняется в легенде и обычная для дружинного эпоса метонимия — замещение частью целого: дружина, племенная знать отождествляются со всем племенем или народом (как «все даны», например, в «Беовульфе» относятся лишь к королевской дружине, так и выражению «вся русь» соответствует «дружина многа»).

Возможно, от эпоса унаследован и такой элемент сюжета, как быстрая смерть бездетных братьев Рюрика и установление его единовластия. В англосаксонской легенде Хорса также умирает бездетным, и основателем династии становится Хенгист. Для создания этиологической династической легенды требовалось одно лицо; концентрацию действия в образе одного героя диктовали также и законы эпического творчества.

⁴³ *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie // *JfGO.* 1980. Bd. 28. S. 321–333.

Таким образом, легенда о приглашении варягов в ПВЛ представляет собой этиологическое сказание о происхождении государства / правящей династии, включенное в раннеисторическое описание и подчиняющееся его задачам. Сочетание мифоэпического и исторического начал, свойственное раннеисторическим описаниям, свидетельствует о лежащем в основе летописного текста устном предании. О времени его возникновения (но не летописного текста) говорит сохранение в летописном тексте реалий, которые могут быть отнесены ко второй половине IX в., в том числе личных имен.

Исходной точкой, вокруг которой сложилось предание, был «ряд» — соглашение между приглашенным князем и местным нобилитетом, составляющее основную часть летописного текста. Основополагающее для предания значение «ряда», видимо, объясняется не литературными законами, а историческими обстоятельствами. Дружины первых русских князей, как и их ближайшее окружение, в значительной степени состояли из скандинавских по происхождению воинов, но включали и представителей местной знати. И та, и другая сторона были заинтересованы в максимально точном соблюдении условий «ряда», который определял их взаимные права и обязанности и регламентировал их отношения.

(Впервые опубликовано: ВИ. 1995. № 2. С. 44–57)

«Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии

Легенда о призвании варягов, содержащаяся в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) и в Новгородской первой летописи (далее — НПЛ), со времени А. А. Шахматова рассматривается в историографии как результат объединения местных (новгородских, ладожских и др.) преданий и «бродячих» сюжетов с домыслами русских летописцев. Д. С. Лихачев указывал на главное противоречие, выдающее, по его мнению, компилятивный характер текста легенды: варяги из-за моря, собиравшие дань со словен, кривичей, мери и других племен и согласно НПЛ творившие насилие, были изгнаны этими племенами, но тут же призваны ими вновь в качестве князей-правителей. Д. С. Лихачев считает мотив добровольного призвания вымыслом летописца, стремившегося доказать легитимность правящей династии¹.

В. Т. Пашуто, напротив, считал исторически достоверным по крайней мере ядро повествования и обратил внимание на то, что варяжские князья были призваны «володеть», «судить» («рядить») по праву, по «ряду», который определял условия приглашения князя занять престол². Если и согласиться с Д. С. Лихачевым, который предполагал, что на оформление легенды о призвании повлияло завещание, которым «нарядил» («урядил») своих сыновей Ярослав Мудрый, раздав им города, и считать термин «ряд» принадлежащим относительно позднему княжому праву, то и тогда введение в легенду этого термина придает летописному повествованию вполне определенный смысл: вместо находников, творивших насилие, призываются князья, рядящие по праву, — их правление представлено законным.

Термин «ряд» в тексте легенды указывает, что, по крайней мере в восприятии летописца начала XII в., призвание варяжских князей осуществлялось в соответствии с некими установленными нормами. Это дает основание рассматривать содержание легенды с точки зрения дипломатической практики участвовавших в «ряде» сторон — славянской и скандинавской, чтобы попытаться определить его содержание и выяснить, в какой степени сведения ле-

¹ *Lichačev D. S.* The legend of the calling-in of the Varangians, and political purposes in Russian chronicle-writing from the second half of the 11th to the beginning of the 12th century // *Scando-Slavica. Supplementum 1: Varangian Problems*. Copenhagen, 1970. P. 170–185; ср. точку зрения А. А. Шахматова, считавшего сведения об освобождении от варяжской дани вставкой. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 295.

² *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // *СС*. 1970. Вып. 15. С. 53.

генды согласуются (или противоречат) с традициями договорных отношений IX–X вв.

Обратимся к тексту самой легенды в ПВЛ (по Лавр. и Ипат.) и в НПЛ для уяснения содержания ряда, разделив текст, относящийся, по нашему мнению, к «ряду», на отдельные смысловые отрезки.

		Лавр.	Ипат.	НПЛ
I	1	В лето 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнхъ, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ...	В льто 6367. имаху дань Варязи. приходяще изъ заморья. на Чюди. и на Словѣнхъ. и на М(е)рахъ. и на всѣхъ Кривичахъ...	Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своимъ родомъ владаше; а Чюдь своимъ родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилѣ дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди.
		В лето 6368. В лето 6369.	В льто 6368. В льто 6369.	
II	2	В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани,	В льто 6370. И изгнаша Варягы за море. и не даша имъ дани.	И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море;
	3	и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды,	и почаша сами в собѣ володѣти. и не бѣ в нихъ правды.	и начаша владѣти сами собѣ и города ставити.
	4	и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.	и вѣста родъ на род. и быша оусобицѣ в них. и воевати сами на сѧ почаша.	И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды.
III	5	И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».	и ркоша поищемъ сами в собѣ кнѧзѧ. иже бы володѣлъ нами и рѧдилъ. по радѣ по праву.	И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рѧдилъ ны по праву».
	6	И идоша за море к варягомъ, к руси...	идоша за море к Варягом. к Руси...	Идоша за море к Варягомъ
	7	Рѣша русь, чюдь, словѣни, и кривичи и вси:	ркоша. Русь. Чюдь. Словенѣ. Кривичи. и всѧ	и ркоша:

		Лавр.	Ипат.	НПЛ
	8	«Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжити и володѣти нами».	земла наша велика. и ѡбилна. а наряда въ неи нѣтъ. да поидете княжити и володѣтъ нами.	«земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣтъ нами».
	9	И избрашася 3 брата с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша;	и избрашася. триѣ брата. с роды своими. и поѡаша по собѣ всю Русь.	Избрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду.
	10	старѣйший, Рюрикъ, [сѣде Новѣгородѣ]*, а другой, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третій Изборьстѣ, Труворѣ.	и придоша къ Словѣномѣ пѣрвѣ. и срубиша город Ладогу. и сѣде старѣйшии в Ладозѣ Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ. а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ...	И сѣде старѣйшии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другии сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ, а третей в Изборьскѣ, имя ему Труворъ ³
	11	По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ,	по двѣю же лѣту умре Синеоусъ. и братъ его Труворъ. и приѡ Рюрикъ власть всю ѡдин. и пришед къ Ильмерю. и сруби город надъ Волховом. и прозваша и Новѣгород.	
IV	12	и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозѣро.	и сѣде ту княжа. и раздаѡ мужемъ своимъ волости. и города рубити; ѡвому Полѣтескъ. ѡвому Ростовъ. другому Бѣлоѡзеро.	
	13	И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ ⁴	и по тѣмъ городомъ суть находницѣ. Варязи. пѣрвии наслѣдници в Новѣгородѣ Словенѣ. и в Полотьскѣ Кривичи. Ростовѣ Меряне. Бѣлѣозерѣ Весь. Муромѣ Муромы. и тѣми всѣми ѡбладаше Рюрикъ ⁵	

Далее начинается рассказ об Аскольде и Дире.

³ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 106–107.

⁴ ПВЛ-1950. Ч. I. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 12–13. — *Прим. ред.*].

⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 13–15.

По композиционной структуре текст легенды членится на четыре пассажа, внутреннее единство каждого из которых — в противопоставлении соседним — подчеркивается вариативностью их в разных списках. Первый (§ 1) дает описание ситуации, введение к сюжету, более краткое (Лавр., Ип.) или более развернутое (НПЛ). Второй (§ 2–4) определяет конфликт, который требует разрешения, т. е. восстановления нормы, что и предлагается в третьем пассаже (§ 5–И). Наконец, четвертый (§ 12–13) возвращает вновь к общей характеристике ситуации уже в новых условиях и создает кольцевую структуру текста. Обратим внимание, что пассажи II и III по типу изложения идентичны во всех редакциях, тогда как пассажи I и IV факультативны: в НПЛ последний отсутствует, а первый существенно пространнее.

Структура основного текста легенды (конфликт — его разрешение) традиционна для славянского, в том числе древнерусского, и для обычного права других народов, одной из особенностей которого является казуальность. Описание конфликта — первого нарушения нормы (в легенде: насилия варягов, изгнание их за море, отсутствие «правды» у изгнавших их) и последующее ее восстановление на основе права — является основным способом построения нормативных статей в обычном праве⁶. Сходную повествовательную структуру выявил Л.В. Черепнин в летописных статьях 1015–1016 гг., когда Ярослав после конфликта варягов с новгородцами дает им «Правду»⁷.

Обратимся теперь к содержанию ряда, как оно намечено в легенде.

1. Ряд заключается племенами новгородской конфедерации⁸. В.Л. Янин полагает, что призвание варяжских князей связано с древней вечевой традицией Новгорода, восходящей к нормам родового права. Согласно В.Л. Янину и М.Х. Алешковскому, Новгород был тем центром, откуда представители славянских и финских племен — видимо, неслучайно выделенных в НПЛ словен, кривичей и мери (наряду с ними упомянута чудь, а в ПВЛ и весь) — «искали» себе князя⁹.

2. Другая сторона, заключающая ряд, — предводитель (предводители) военного отряда «варягов», т. е. скандинавов. Определение прибывших как военного отряда вытекает, в частности, из весьма показательных вариантов чтения в § 9: «вся русь» (ПВЛ) — «дружина многа» (НПЛ).

⁶ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // *Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации.* М., 1978. С. 223.

⁷ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. С. 247–248.

⁸ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси: особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А.П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 85; *Он же.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // *Летописи и хроники*, 1973 г. М., 1974. С. 103–114.

⁹ *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // *ИСССР.* 1971. № 2. С. 40–53.

3. Князь приглашается «княжить»¹⁰, «володеть» (§ 8) и «судить» (§ 5). Терминами «княжить» и «володеть» определяется совокупность обязанностей и прав будущего князя новгородской конфедерации, вытекающих из тех задач, которые надеялась решить с помощью «призвания» местная племенная верхушка.

Едва ли племенным старейшиной двигало осознанное стремление к консолидации всех земель. Однако можно предполагать стремление «к сильной власти» князя, «который бы защищал не интересы знати одной из земель, а их общие интересы»¹¹. Дело, видимо, в том, что и варяги, и местная племенная верхушка стремились к эксплуатации населения Новгородской земли. Она выражалась в сборе дани варягами-находниками — «по беле и веверице от дыма», но эта дань ущемляла интересы местной власти; совместить интересы тех и других можно было только при условии перераспределения дани на местах: в славянских городах, где сели варяги, а не за морем.

Вместе с тем племена северо-запада Восточной Европы не могли не считаться и с присутствием норманнов на Балтике, и с их проникновением вглубь страны по Балтийско-Волжскому пути уже к середине IX в. История названия «русь» (< сканд. *rōþs-*) свидетельствует о длительном процессе интеграции выходцев из Северной Европы в финской, а затем и восточнославянской среде¹². Норманны были реальной силой на севере Восточной Европы, и знать славянских и финских племен, образовавших новгородскую конфедерацию, должна была регулировать отношения с ними и иметь защиту от внешней опасности.

Наконец, термин «судить» («рядить», § 5) указывает, вероятно, на судебные функции приглашаемого правителя: новгородские князья и позднее традиционно пользовались судебной властью.

4. «Владение» приглашаемого князя ограничивается в ряде условий «судить» («рядить») «по праву» (§ 5), т.е. руководствоваться существующими в Новгородской земле правовыми нормами. Это чрезвычайно важное ограничение ставило приглашаемых князей в зависимость от местных условий, стимулировало быструю интеграцию их в восточнославянском обществе.

5. Возможно, что §§ 10 и 12 отражают еще два положения ряда. Они содержат перечни городов, где сели приглашенные князья и куда посадил своих мужей Рюрик по смерти братьев. Как принято считать, «сидение» князя или «посаждение» им своих мужей непосредственно связано с инсти-

¹⁰ По мнению А.С. Львова, термин «княжить» возник не ранее второй половины XI в. и был внесен в ПВЛ лишь в XII в. См.: *Львов А. С. Лексика Повести временных лет. М., 1975. С. 201.* Отметим, однако, что термин «князь» восходит к праславянскому заимствованию из прагерманского **kuningaz*.

¹¹ *Пауцто В. Т. Черты. С. 86; Он же. Русско-скандинавские отношения. С. 55.*

¹² *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этно-культурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 9. С. 24–38.*

тутом кормления. В. Т. Пашуто рассматривает «раздачу городов» Рюриком как раздачу ленов, т. е. права на сбор даней («уроков»)¹³. Можно поэтому предположить, что за краткой констатацией того, где именно сидят варяжские князья и их мужи, стоит статья ряда об условиях содержания князя, его мужей и дружины.

6. Перечни городов в то же время, возможно, определяют и территориальные пределы распространения власти приглашенного князя. Отметим, что перечень «розданных градов» Рюриком (§ 12) отсутствует в НПЛ и, по мнению А. А. Шахматова, не содержался и в Начальном своде¹⁴. В перечне городов, где сели Рюрик и его братья, названы Новгород (как главный центр, где находится старейший из братьев, Рюрик) или Ладога (по Ипат.), Белоозеро и Изборск.

Новгородская округа обнаруживает явные следы пребывания норманнов. Однако скандинавские древности второй половины IX–X в. концентрируются не в самом городе (древнейшие слои относятся к началу X в.), а на Городище¹⁵, которое и в XI–XII вв. было экстерриториальной резиденцией новгородского князя. В археологических материалах Ладоги отчетливо засвидетельствовано пребывание скандинавов с середины VIII в.¹⁶ В Изборске и Белоозере отсутствуют сколько-нибудь показательные материалы, которые могли бы свидетельствовать о пребывании там варяжских дружин в IX в. (в Белоозере слои IX в. вообще не открыты). Вместе с тем археологические исследования продемонстрировали роль Изборска и Белоозера как форпостов славянской колонизации на севере.

Если обратиться к лексике легенды, то обращает внимание наличие в ней пласта славянской правовой терминологии, имеющей архаичные истоки (в обычном праве)¹⁷: «правда», «володеть и судить по праву», «владеть и рядить по праву», «наряд», «володеть и рядить по ряду, по праву», «княжить и володеть». Формульность языка, сохранившаяся в легенде в целом, давно продемонстрирована при помощи англо-саксонской параллели призыванию варягов («земля наша велика и обильна» — «terra lata et spatiosa»¹⁸). Последнее исследование ономастикона легенды показало, что имена призванных князей — Рюрик, Синеус и Трувор — восходят к архаичным скандинавским формам¹⁹.

Помимо правовых формул, в тексте легенды имеются и лексические параллели с договорами руси и греков. Согласно легенде, призванные князья берут

¹³ Пашуто В. Т. Черты. С. 36 и след.

¹⁴ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 42.

¹⁵ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

¹⁶ Средневековая Ладога. Л., 1985.

¹⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права. С. 230–231.

¹⁸ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. С. 68, 129.

¹⁹ Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historität von Rjurik und seinen Brüdern // JfGO. 1980. Bd. 28. S. 321–333.

с собой дружину (НПЛ), которая в ПВЛ именуется «вся русь». А. А. Шахматов считал это выражение домислом летописца, который знал, что в Скандинавии племени русь нет, и потому счел, что это племя было выведено Рюриком в Новгород²⁰. Однако это выражение известно по договорам с греками, которые заключаются от имени «всех иже суть под рукою его сущих руси» (911 г.), «боляр и руси всей» (971 г.)²¹.

Наиболее показательны договорные формулы, традиционные для русского средневековья в целом: договор руси с греками 944 г. заключается «от всех людей Руския земля» (ср. *«людьє вси русѣи»* в том же договоре), с одной стороны, «с самим царем (и) со всемъ болярством и со всеми людьми Гречьскими» — с другой²². Договорная грамота Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.) гласит: «Се язъ, князь Ярославъ Володимеричъ, сгадавъ с посадникомъ. . . и съ всеми новгородъци, потвердихомъ мира старого. . . съ всеми немъцкыми сыны, и с гты, и съ всемъ латиньскимъ языкомъ»²³. При этом формула «подтвердити мира» соответствует формуле «построити мира» в договорах с греками 911 и 944 гг., имеющей византийско-болгарское происхождение: в русской традиции используется формула «положити ряд»²⁴. В преамбуле к договору руси с греками 911 г. обе формулы помещены вместе.

Можно было бы предположить, что летописец, поместивший в ПВЛ тексты договоров, использовал их лексику при составлении варяжской легенды, однако этому противоречит другой источник середины X в. — сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей». Константин сообщает, что ежегодно в ноябре архонты выходят «со всеми росами» из Киева и отправляются в «полюдия. . . славинии вервианов, другувитов, кривитеинов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов»²⁵. «Все росы» информатора Константина соответствуют здесь «всей руси» ПВЛ и обозначают дружину киевского князя, собирающую полюдые и кормящуюся у своих данников-славян.

Таким образом, анализ содержания и лексики легенды позволяет предположить, что ее фрагменты, касающиеся ряда²⁶, относятся к времени, приближенному к событиям второй половины IX в. Ряд, заключенный верхушкой северной конфедерации с предводителем одного из отрядов норманнов, пре-

²⁰ Шахматов А. А. Разыскания. С. 340.

²¹ ПВЛ-1950. Ч. I. С. 26, 52 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 18, 34. — Прим. ред.].

²² ПРП-1. С. 31.

²³ ГВНП. С. 55, 56.

²⁴ Ларин Б. А. Лекции по истории русского языка: X – середина XVIII в. М., 1975. С. 43; ср.: Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 122–124.

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44–45.

²⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ (в печати) [Статья опубликована в: ВИ. 1995. № 2. С. 44–57. — Прим. ред.].

доставлял ему в качестве князя верховную власть с целью защиты от внешней угрозы и обеспечения интересов местной знати на условиях соблюдения местных норм обычного права. В ряде, возможно, была оговорена территория, на которую распространялась власть князя, а также центры, с которых он мог собирать дань.

Содержание ряда полностью отвечает практике урегулирования отношений с варягами на Руси. В описании Константином «образа жизни росов» термин «пактиот», которым обозначаются славянские племена, с которых росы собирают полюдье, имеет широкий спектр значений — от данника до союзника. Ему соответствует характер связей росов и славян: весной славяне поставляют и продают росам однодеревки для походов в Византию, осенью и зимой росы собирают дань и кормятся у славян. Использование слова «полюдия» свидетельствует об адаптации росами славянского термина (как и др.-исл. *póllútasvarf*): вероятно, росы включились в уже сложившуюся у восточных славян систему полюдья. При этом термин «пактиот» означал, по-видимому, не просто данников, но плативших дань по договору (пакту — ряду) с князем.

Важнейшим моментом в регулировании отношений с варяжскими дружинами был вопрос об их содержании и вознаграждении. Впервые о плате варягам сообщается в ПВЛ в связи с утверждением следующего после Рюрика скандинавского по происхождению князя, Олега, в новой столице Киеве (882 г.)²⁷. Этот текст очевидным образом связан с легендой о призвании: дань установлена тем самым племенам, которые призвали варягов в Новгород, с Новгорода и взимается плата варягам. Этот «устав» сохраняется вплоть до начала XI в., когда в 1014 г. Ярослав 1000 гривен раздавал своим гридям, а 2000 платил Киеву. По ПВЛ, варяги требовали плату не только во время походов на Византию, но и при участии во внутренних распрях (например, в 980 г.).

Краткие упоминания ПВЛ об оплате наемников-варягов существенно дополняются материалами «Саги об Эймунде», где подробно описана процедура заключения двух соглашений между Ярославом Мудрым и Эймундом²⁸. Обязанности варягов характеризуются общими формульными определениями. Права же варягов оговариваются подробно: отмечены порядок оплаты (по числу воинов), ее размер и формы (содержание дружины и ежегодное вознаграждение деньгами или мехами)²⁹.

Однако собственно скандинавская традиция не знает договоров-рядов. Сведения королевских саг и областных судебных книг о выборах шведских и нор-

²⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. — Прим. ред.].

²⁸ Eymundar saga. Hafniae, 1833. Пер. на рус. яз.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 89–104.

²⁹ Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295.

вежских конунгов на тингах при «законной» преемственности не дают оснований предполагать, что выборы носили характер соглашения. Только в тех случаях, когда претендент на трон вступал в борьбу с правящим конунгом, он заключал своего рода договор с бондами и знатью, давая определенные обещания в обмен на поддержку. Так поступают Хакон Добрый (ок. 970 г.), Олав Святой (ок. 1015 г.) и др. Важнейшее условие, которое привлекает знать на сторону этих претендентов, это — в условиях феодализации общества — обещание возратить или поддерживать старые свободы бондов. Даваемые обеими сторонами клятвы фактически не ограничивают в дальнейшем деятельность претендента после его избрания конунгом.

В 1035–1036 гг. норвежская знать «призывает» сына Олава Святого Магнуса, скрывавшегося на Руси у Ярослава. Приезд посланцев в Новгород также сопровождается обменом клятвами, главным содержанием которых является взаимная лояльность: актуальность именно этого положения связана с тем, что десятью годами ранее приехавшие выступали против отца Магнуса.

В скандинавском материале выявляется ритуализированная процедура выбора конунга, которая, наряду с другими элементами, предполагает обмен клятвами верности, но отнюдь не соглашение между сторонами.

Одновременно существует и широко используется практика заключения соглашений между предводителями отрядов викингов и местными правителями нескандинавских стран, нанимающими их на службу. В описаниях подобных договоров присутствуют те же формулы, что и в «Саге об Эймунде», а в содержании на первом плане стоит вопрос об оплате норманнов³⁰.

Однако поступление скандинавских дружин и отдельных викингов на службу в Англии и Франции, столь широко известное в описаниях событий X–XI вв., получило распространение отнюдь не в начале движения викингов. На первом его этапе (до середины IX в.) оно носило характер изолированных грабительских набегов. Лишь во второй половине IX в. в условиях постепенного оседания скандинавов на территориях, которые сначала использовались как опорные базы для дальнейших набегов, возникают более стабильные отношения с местной властью. Именно в это время осуществляются попытки урегулировать отношения с норманнами путем заключения с ними договоров. Они происходят в обстановке тяжелейшей опасности, нависшей над Англией и Францией, выход из которой правители этих стран видят в привлечении ими на свою сторону наиболее сильной и наиболее связанной с местными интересами (т. е. уже осевшей) группировкой норманнов.

Договор 878 г. в Ведморе между королем Уэссекса Альфредом Великим и предводителем датского Великого войска Гутрумом (ок. 938 г. он был подтвержден и расширен преемником Альфреда Эдуардом) — это мирное согла-

³⁰ См., например, «Сага об Эгиле Скаллаграмссоне», гл. 4, 51.

шение (*frið*), заключенное от имени «всех уитанов (старейшин. — *Aem.*) англов и от всего народа, живущего в Восточной Англии»³¹. «Мир», или «мир и дружба» (938 г.) — первая основная цель договора; вторая — определить границы расселения датчан на английской территории, чтобы помешать их дальнейшему распространению в стране, а также вынудить осевших скандинавов оборонять побережье Англии от нападений других отрядов норманнов. Наконец, условие крещения оседающих норманнов преследовало цель их быстрой интеграции в обществе. Дипломатическая деятельность Альфреда, подкреплённая военными успехами, была удачной и пресекла набеги норманнов в X в.

Договор 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт между французским королем Карлом Простоватым и вожаком отряда норманнов, осевших в долине Сены, Хрольвом (Роллоном) не сохранился в оригинале, но он пересказывается в ряде хроник и упомянут в грамоте Карла от 14 мая 918 г., где названы территории, пожалованные Роллону «за защиту государства»³². В условия договора входили также крещение Роллона и его дружинников и принесение присяги верности Карлу. Последующие (921, 924 гг.) договоры с Роллоном и его преемниками существенно расширили их владения, которые к концу X в. составили современную Нормандию, полуострова Котантен и Авранш; prerogatives и функции нормандских правителей, потомков и преемников Роллона, почти не отличаются от функций каролингских графов³³.

Таким образом, в Англии и Франции конца IX – начала X в. в чрезвычайно сходных с северо-западом Руси середины IX в. исторических условиях (основное различие заключается в развитой государственности Англии и Франции) предпринимаются более или менее успешные попытки урегулировать отношения с норманнами дипломатическим путем: установить «мир» с уже осевшими скандинавами, ограничить зону их расселения, обеспечить их помощь в охране от других отрядов викингов. В свою очередь скандинавы приобретали права на определенную территорию, на которой селились и с которой получали доходы; предводитель соответствующей группировки становился правителем области, независимым (как в Англии) или зависимым (как во Франции) от центральной власти; в области, заселенной скандинавами, на основании договора вводилось христианство и местные нормы права (которые на практике в той или иной степени модифицировались), что создавало почву для постепенной интеграции скандинавов.

Сопоставление дипломатических способов «обуздания» викингов в Западной Европе и «призвания» варяжских князей в Восточной Европе проливает свет на некоторые обстоятельства, существенные для оценки ряда в легенде.

³¹ Liebermann F. Die Gesetze der Angel-Saxen. Halle a. Saale, 1898. Bd I. S. 128–135.

³² Recueil des actes de Charles III le Simple, Roi de France / Ph. Lauer. P., 1940. T. 1. P. 211.

³³ Musset L. Naissance de la Normandie (Ve–XIe siècles) // Histoire de la Normandie. Toulouse, 1970. P. 104.

Во-первых, особенности, формы и характер соглашения с норманнами всецело обуславливались местной спецификой и подчинялись существующим в каждом из обществ традициям.

Во-вторых, все договоры преследуют задачи установления мирных отношений с скандинавами, с одной стороны, и защиты от набегов и грабежей иных групп скандинавов — с другой. Хотя вторая задача не нашла прямого отражения в ряде легенды, свидетельством ее решения, видимо, является то, что после 860-х гг. мы не имеем сведений о нападениях скандинавов на Ладогу (кроме одного в 980-х гг.) и Новгородскую землю. При этом, как показывает западноевропейский материал, подобные договоры заключались с уже закрепившейся на данной территории группой норманнов. Есть основания полагать, что и племена новгородской конфедерации заключали ряд с уже известной им «русью», осевшей на севере Восточной Европы до середины IX в.³⁴

В то же время в условиях еще нарождающейся государственности на Руси (в отличие от Англии и Франции с уже сложившимися государственными структурами) скандинавские дружины были необходимы как надплеменная нейтральная военная сила, способная оказать существенную помощь в борьбе с центробежными тенденциями.

В-третьих, территориальные условия, существенные для Англии и Франции, вероятно, не были столь актуальны для Руси. Однако не исключено, что указания легенды о городах, где «сидели» Рюрик и его братья, и городах, которые он раздал своим мужам, передают — уже в интерпретации летописца начала XII в. — условия «кормления» князя и его дружины, т.е. установление мест сбора князем даней с определенных территорий (ср. на более позднем этапе, в XIII в., подобные же ограничения в уставах Новгорода с приглашаемыми князьями).

Наконец, это сопоставление, как представляется, косвенно подтверждает историческую достоверность ряда легенды как соглашения представителей местной власти с группой скандинавов, поставленной этим соглашением в зависимость от местного общества.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229)

³⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Русь и чужд. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во 2 половине I тыс. н. э. // *Uralo-indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. I. С. 28–34.

Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции

Личность Рюрика, легендарного основателя династии русских князей и царей, вызывала и продолжает вызывать живой интерес историков, хотя сведения источников о нем настолько скудны, что позволяли сомневаться в самом его существовании. Тем менее дают они оснований для восстановления каких-либо подробностей его жизни и деятельности. Отсутствие достоверных известий породило немало историографических мифов, часть которых, возникнув более столетия назад, по-прежнему пользуется незаслуженной популярностью. Поэтому целесообразно проследить, как развивались представления о Рюрике и его братьях от эпохи к эпохе, чтобы отделить достоверно известное от предположений и домыслов, сколь бы привлекательны они ни были.

Все древнейшие сведения о Рюрике и его братьях содержатся в одном единственном контексте — в Сказании о призвании варяжских князей, вошедшем в состав Повести временных лет (далее — ПВЛ) и Новгородской первой летописи (далее — НПЛ). По мнению А. А. Шахматова, Сказание возникло на основе местных (новгородских или ладожских) преданий в 1070-е гг. и было включено в Начальный свод 1090-х гг.¹

Древнейшие списки, содержащие ПВЛ вместе со Сказанием о призвании варяжских князей, Лавр. (1377 г.) и Ипат. (XV в.), а также НПЛ (два наиболее ранних списка датируются серединой XV в.) сообщают о Рюрике крайне мало. Они знают его имя, знают о его принадлежности к «варягам», о наличии у него двух вскоре умерших братьев, о его вокняжении в Ладоге, а затем в Новгороде (по Ипат.²) или сразу же в Новгороде (по Лавр. и НПЛ) согласно «ряду» с местными правителями, об установлении им единовластия в Северной Руси и, наконец, о передаче им малолетнего сына Игоря под опеку Олега, его родича или воеводы³. Такова историографическая традиция конца XI в., получившая отражение в Начальном своде и поддержанная летописцами XII–XIV вв. Степень достоверности этих сведений, поскольку речь идет о событиях 200-летней давности, равно как и полнота передачи известной летописцу традиции требуют специального исследования, но как бы то ни было, в Сказании сохранено то, что знали или полагали, что знают, древнерусские летописцы.

¹ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904; *Он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 477.

² То же чтение имеется в Радз.: ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. Радзивилловская летопись. С. 16.

³ ПСРЛ. М., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 13–15; ПСРЛ. М., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 19–20; НПЛ. С. 106–107.

Достоверность известий о Рюрике в летописной традиции конца XI – начала XII в. оценивается в современной историографии во многом в зависимости от отношения исследователя к Сказанию о призвании варяжских князей в целом. Признание ее позднего, «книжного» происхождения влекло за собой прямо или косвенно оценку Рюрика как легендарного персонажа, возможно, героя местного, новгородского (или ладожского) предания, обретшего под пером летописца статус основателя великокняжеской династии⁴.

«Неисторичность» Рюрика, или по меньшей мере локальность преданий о нем, по мнению ряда историков, подтверждается неупотребительностью имени *Рюрикъ* в княжеском именослове XI в., а также отсутствием упоминаний о нем в сохранившихся памятниках середины – второй половины XI в.: в «Слове о законе и благодати» митрополита (1051–1054/55) Илариона и в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха (вторая половина XI в.). Оба писателя начинают род Владимира не от Рюрика, что казалось бы естественным, а от Игоря, сына Рюрика: «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей... великааго кагана нашеа земли, Володимера, вѣнѣжа старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...»⁵. Сходно пишет об этом и Иаков: «Просвети благодать Божиа сердце князю Рускому Володимеру, сыну Святославию внуку Игореву»⁶. Иларион, «называя предков Владимира, не мог не упомянуть первого из них в Русской земле, если бы знал о нем», — писал Х. Ловмянский⁷. Однако аргумент этот недостаточно убедителен уже потому, что является аргументом *ex silentio*. Более того, согласно древнерусскому литературному этикету, в характеристике прославляемого (или упоминаемого) лица, как правило, указывались его отец и дед, а не более дальние предки. Так, внуки Владимира Мономаха определены как «Володимерово племѣя»⁸; часты выражения «единого деда внуки»⁹, «внуки Ярославли», «внуки Всеславли»; в характеристике, например, рязанских князей отмечается их происхождение от Владимира Святого, но называется именно их дед как непосредственный прародитель: «Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродники Борису и Глебу, внучата великого князя Святослава Ольговича Черниговского»¹⁰. Тем самым отсутствие ссылки на Рюрика как прародителя русских великих князей у Илариона и Иакова Мниха находит как будто бы рациональное объяснение.

⁴ Шахматов А. А. Разыскания. С. 295; Он же. Сказание. С. 50–53, 65–69; Рыдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. М., 1978. С. 168–169.

⁵ Иларион. Слово о законе и благодати / А. М. Молдован. Киев, 1984. С. 91.

⁶ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. № 37. С. 67–72.

⁷ Ловмянский Х. Русь и норманны / Пер. с польск. яз. М., 1985. С. 127.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 681, 686, 688.

⁹ Там же. Стб. 689.

¹⁰ Подробнее см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1970. С. 51, 31.

Труднее объяснить, почему князя второй половины X – первой половины XI в. не использовали имя *Рюрикъ*. Ссылка на малочисленность известных княжеских имен для этого времени неоправданна, поскольку летописи называют имена всех сыновей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича, т. е. нам известны имена практически всех представителей трех поколений великокняжеской семьи, и среди них нет ни одного Рюрика¹¹. Вряд ли можно это обстоятельство приписать случайности. Представляется, что скорее оно служит важным показателем развития представлений о Рюрике в древнерусском обществе до времени письменной фиксации Сказания (к этому вопросу вернусь ниже).

Тем не менее в современной историографии более распространено мнение о том, что дошедший до нас текст Сказания является кратким пересказом пространныго предания о Рюрике и заключенном им с местными правителями ряде, историческое ядро и древнейшая форма которого восходят к IX в. Это предание существовало в устной передаче в дружинной среде вплоть до последней четверти XI в., когда оно — в существенно переработанном виде — было включено в летопись¹². При этом Рюрик рассматривается как реальное историческое лицо¹³.

Не вызывает также сомнения «варяжское», т. е. скандинавское¹⁴ происхождение Рюрика. О его этнической принадлежности прямо не говорится ни в одном из вариантов Сказания: сам он варягом нигде не называется, как не называется варягом ни один из первых русских князей (Олег, Игорь)¹⁵. Однако упоминание того, что Рюрик приходит по приглашению послов, отправившихся «за море к варягам», достаточно убедительно свидетельствует об этом. На то же указывает и этимология самого имени *Рюрикъ* (< *Hrærekr*)¹⁶. Поставить под сомнение скандинавское происхождение Рюрика возможно лишь путем определения этноса варягов как прибалтийских славян (С. А. Геденов и др.) или кельтов (А. Г. Кузьмин)¹⁷, но эти этимологии лингвистически несостоятельны и потому не нашли поддержки у серьезных исследователей.

¹¹ О скандинавском именослове древнерусских князей X–XI вв. см.: *Melnikova E. A. Scandinavian Personal Names in Ancient Rus' // Berkovsbók. Studies in Honour of V. Berkov. M., 1996. P. 211–222.*

¹² Обзор историографии, а также исследование сказания см.: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Легенда о призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.*

¹³ См. обзор: *Пчелов Е. В. Кем был Рюрик, основатель русского государства? // Россия и современный мир. М., 1995. Вып. 3. С. 250–271.*

¹⁴ *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия варяг // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.*

¹⁵ См.: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии. С. 58.*

¹⁶ *Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historität von Rjurik und seinen Brüdern // JfGO. 1980. Bd. 28. S. 321–333.*

¹⁷ *Геденов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. 1; Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55; Он же. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83.*

В то же время летописные тексты не дают никаких оснований для определения места (региона), из которого Рюрик пришел в Приильменье. Не может быть твердой уверенности даже в том, что он был выходцем непосредственно из одной из Скандинавских стран, а не потомком скандинавов, переселившихся некогда, например, в Восточную Прибалтику или Юго-Западную Финляндию. Обычная ссылка на выражение «из-за моря» как на свидетельство того, что он был шведом (или норвежцем, или датчанином), вряд ли справедлива. Выражение «варяги из-за моря» в ПВЛ встречается более десяти раз и носит устойчивый, формульный характер. Варяг, т.е. попадающий на Русь житель Скандинавских стран, приходит «из-за моря» по определению. Потому в каждом конкретном случае это словосочетание может не нести прямой смысловой нагрузки, а быть своего рода топором.

Последующие известия о Рюрике, связанные с описанием его деятельности на Руси, не поддаются верификации. Исходя только из летописных текстов, невозможно установить его первоначальное местопребывание, т.е. отдать предпочтение «ладожской» или «новгородской» версии. Лишь по историческим и археологическим соображениям — в первую очередь потому, что Новгород возникает лишь в 930-х гг., — оно чаще определяется как Ладога (предпочтение тем самым отдается чтению Ипат.). Последующее перемещение Рюрика в «Новгород» (также версия Ипат.) по тем же причинам интерпретируется как его переселение на укрепленное поселение на Городище (ныне в черте г. Новгорода), существовавшее в середине IX в. Само возникновение этого «контрольного пункта» при впадении Волхова в Ильмень исследователи склонны связывать именно с приходом сюда Рюрика¹⁸. Так же спорны, а подчас и маловероятны наименования городов, в которых сели братья Рюрика и в которые он посадил своих мужей. Некоторые из этих городов возникли лишь к концу X в., и их названия могли быть внесены в текст как пояснения самого летописца к перечню племен, пригласивших Рюрика¹⁹.

Невзирая на все эти неточности в конкретных реалиях, вполне объяснимые долгим существованием Сказания в устной передаче и его переработкой летописцем при включении в текст летописи в конце XI в., можно полагать, как это и делает большинство исследователей, что общая канва описываемых событий может считаться исторически достоверной. Рюрик, как бы то ни было, является реальным историческим лицом, скандинавом по происхождению, пришедшим к власти в Поволховье в результате соглашения с местной знатью (или силой) и установившим контроль над центрами входивших в северо-западное раннегосударственное образование земель путем размещения в них своих дружин.

¹⁸ Носов Е. Н. Происхождение легенды о призвании варягов и балтийско-волжский путь // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 100–105.

¹⁹ Подробнее см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 223–224.

Совершенно иной характер носит вопрос о братьях Рюрика, Синеусе и Труворе. Он принадлежит, видимо, к числу неразрешимых на твердой основе источников и потому всегда будет оставаться спорным. Мнения исследователей колебались от признания реальности существования Синеуса и Трувора, так же как и Рюрика, до полного ее отрицания вместе или в противоположность Рюрику. Последняя точка зрения преобладает в современной историографии: «Историки давно обратили внимание на анекдотичность „братьев“ Рюрика, который сам, впрочем, является историческим лицом»²⁰.

Действительно, мотив трех братьев является одним из наиболее распространенных в индоевропейском фольклоре. Он находит широкое отражение в сюжетах, связанных с основанием государства/династии: триада братьев-переселенцев — характерная черта переселенческого сказания; два или три брата, как правило, приходят к власти в сказаниях о приглашении правителей. Фольклорно-мифологический характер носит и мотив быстрой и бездетной смерти двух из трех братьев, типичный для этой группы сказаний²¹. Поэтому сама по себе троичность братьев заставляет сомневаться в исторической реальности по крайней мере двух из них. Не исключено, хотя и недоказуемо (впрочем, как недоказуемо и обратное), что образы братьев появились в процессе бытования сказания о Рюрике под влиянием устойчивого фольклорного мотива. Другой вопрос — на основе чего возникли эти образы.

Еще А. Куник, полагая, что имена Синеусь и Труворъ при их достаточно ясной скандинавской этимологии (< *Signjótr* и *Þórvar[ð]r*²²)²³ не встречаются в качестве личных имен в сагах и других памятниках скандинавской письменности, указал, что по своей форме они являются прилагательными, означающими «победоносный» (правильно: «победу использующий») и «верный» (правильно: «страж Тора») ²⁴. Поэтому он предположил, что в Сказании произошла субстантивизация хвалебных эпитетов Рюрика, которые были осмыслены как личные

²⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 298.

²¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

²² Имена *Þórvarðr* и *Þórvarr* имеют разные вторые основы и являются различными именами. Однако в древнерусской передаче могло произойти выпадение -ð- и стяжение двух -r. Поэтому невозможно отдать предпочтение тому или другому имени как исходному для формы *Труворъ*.

²³ Предложенная С. А. Гедеоным этимология имени *Синеусъ* < синий + ус не нашла сторонников (Гедеонов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. 1. С. 202–203) ввиду того, что два других имени невозможно вывести из древнерусского языка и оно, тем самым, выпадает из ряда. К.-О. Фальк предположил, что это имя является калькой скандинавского прозвища типа *Bláskeggr* — «чернобородый» или *Kolskeggr* — «угольнобородый», последнее из которых употреблялось и в качестве личного имени (Falk K.-O. Aruss. Sineusъ // JfGO. 1986. Bd. 34. S. 349–353).

²⁴ Kunik A. Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch den Finnen und Slawen. St.-Petersburg, 1844. С. 131–134. Его мнение разделяли Н. Т. Беляев и Г. Вернадский: Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. 1929. Т. III. Р. 244–245; Vernadski G. Ancient Russia. New Haven, 1943. Р. 257–260.

имена его братьев. По мнению Н. Т. Беляева, это превращение «могло легче всего произойти при передаче переписчиком малопонятного ему скандинавского текста»²⁵ (к вопросу о языке древнейшего Сказания я вернусь позже).

Подавляющее большинство древнегерманских двусловных личных имен действительно по своей семантике являются, а генетически и восходят к хвалебным эпитетам (*epitethon ornans*)²⁶. Таковы, например, имена *Hrærekr* (< *Hróðrekr*) — «могучий славой», *Hróð-gautr* — «гаут (синоним бога Одина, а также воина) славы», *Geir-úlfr* — «волк копья», *Ragn-valdr* — «богами властвующий» и множество других. К этому же типу личных имен относятся и двучленные славянские имена, например *Володимѣрь*, *Святославъ* и др. В морфологии и семантике этих двух имен нет ничего, принципиально отличающего их от других древнегерманских и древнескандинавских имен.

Более того, А. Куник и Н. Т. Беляев ошибались, полагая, что личные имена *Signjótr* и *Þórvar[ð]r* неизвестны древнескандинавским источникам. Напротив, оба они засвидетельствованы в шведских рунических надписях и сагах, хотя частотность их различна в источниках, происходящих из разных регионов. Имя *Signjótr* хорошо представлено в рунической письменности: известно шесть надписей, в которых упоминаются лица, носящие это имя²⁷. Все эти надписи происходят из двух смежных областей: Упланда и Сёдерманланда, образовывавших основную часть территории древних свеев (шведов) — Свеаланд. При этом пять из шести надписей происходят именно из Упланда. В то же время имя *Signjótr* не встречается в норвежско-исландской традиции²⁸. Напротив, имя *Þórvar[ð]r* малоупотребительно в шведских рунических надписях, где оно встречено только один раз в Упланде²⁹, но зато широко распространено в исландском антропонимиконе³⁰.

Таким образом, хотя имена братьев Рюрика в Сказании о призвании варяжских князей, как и все остальные древнегерманские двучленные личные имена, являются по происхождению хвалебными эпитетами и хотя переход эпитета в личное имя или его осмысление как личного имени с последующей персонификацией — явление, хорошо известное фольклористике, я не вижу оснований предполагать, что они сохранили в Сказании свою исходную функцию и должны интерпретироваться как эпитеты к имени Рюрик. Напротив, учитывая их широкое распространение в Скандинавии как личных имен, трудно предполо-

²⁵ Беляев Н. Т. Рорик Ютландский. С. 245.

²⁶ Стеблин-Каменский М. И. Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (к вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля) // Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л., 1978. С. 4–39; Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М, 1996.

²⁷ См.: Owe J. Svenskt runnamnsregister. Stockholm, 1993. S. 66.

²⁸ Оно не отмечено в каталогах западнскандинавских личных имен: Lind E. H. Norsk-islandska Döpnamn. Uppsala, 1912. Н. 7; Guðni Jónsson. Íslendinga sögur. Nafnskrá. Reykjavík, 1949.

²⁹ Owe J. Svenskt runnamnsregister. S. 83.

³⁰ Lind E. H. Norsk-isländska Döpnamn. Uppsala, 1914. Н. 8. Col. 1214–1216.

жить их параллельное употребление в качестве эпитетов. Значительно более вероятным представляется, что в Сказании они выступают именно как личные имена. И поскольку древнерусские формы *Синеусъ* и *Труворъ* обнаруживают следы их фонетической адаптации уже в конце IX – начале X в.³¹, то вполне вероятно, что они принадлежат к древнейшему варианту Сказания, т. е. в нем фигурировали персонажи с такими именами. Это могли быть имена действительных братьев Рюрика: из рунических надписей и саг мы знаем, что нередко в викингских походах участвовало несколько родичей: братьев, двоюродных братьев и т. д. Это могли быть и имена членов дружины Рюрика, которые по закону эпической концентрации персонажей и под влиянием фольклорного мотива были переосмыслены как его братья.

Историческим ядром Сказания был «ряд» — соглашение между местной знатью и пришлым предводителем викингского отряда³². Вместе с тем немногочисленные и крайне сухо пересказанные в древнейших летописных текстах обстоятельства дальнейшей деятельности Рюрика все же позволяют предполагать, что вокруг заключения «ряда» складывалась «сага о Рюрике»³³, повествование о деяниях удачливого вождя, обосновавшегося в новых землях. Однако составителя Начального свода эти деяния сами по себе интересовали, по-видимому, мало. Они касались истории исключительно северо-западного региона Руси — в центре же его внимания было Среднее Поднепровье как изначальное ядро Древнерусского государства, Киев как его столица и поляне как древнейшее население Киева³⁴ (неслучайно новгородские события, включая правление там Святослава Игоревича, не нашли отражения в летописях). Поэтому деяния Рюрика могли не иметь в глазах летописца такой ценности, как деяния Олега или Игоря, правителей Киева. Не исключено также, что «сага о Рюрике», создававшаяся, как и все Сказание в целом, в дружинной среде, по преимуществу скандинавской, была пронизана фольклорно-фантастическими мотивами и сюжетами. Именно такую форму имеют те «викингские» саги, действие которых происходит в Восточной Европе и сюжеты которых, вероятно, возникли и бытовали в среде варягов, прежде чем попасть на север (например, «Сага об Одде Стреле»). Хотя эти саги в существующем виде сложились достаточно поздно — не ранее второй половины XIII в., значительная часть наполняющих их сказочных мотивов имеет архаичное происхождение и связана с культовыми, ритуальными и магическими представ-

³¹ Schramm G. Die erste Generation. S. 330–333.

³² Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды. С. 219–229.

³³ Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934 (Acta Jutlandica. T. VI). S. 42–76.

³⁴ О «киевоцентризме» составителя ПВЛ (и вероятно, Начального свода) в изображении древнейшей истории Руси см.: Мельникова Е. А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. Сб. статей памяти В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.

лениями дохристианского времени. Анализ сказания о смерти Олега в летописных текстах и Одда Стрелы в «Саге об Одде Стреле» показывает, что именно эти сюжеты и мотивировки в первую очередь утрачивались в процессе бытования сказания на Руси и при включении его в летопись³⁵.

Сопоставление вариантов того же сказания указывает и на другой путь его модификации при включении в летопись: сокращение или введение в другой контекст деяний героя. «Сага об Одде Стреле» в полной мере развивает сюжеты, связанные с деяниями героя, придавая им — в соответствии с жанровыми особенностями данного типа саг³⁶ — авантюрный характер. В летописи деяния Олега, совершенные между предсказанием его смерти «от коня» и исполнением предсказания, не включены в само сказание, которое вводится летописцем в завершение повествования об Олеге. Предания о его походах (на Киев, на Царьград и др.) — летописец, возможно, не знает преданий, связанных с ранним, докиевским, периодом жизни Олега, — изначально, видимо, включенные в сюжет предсказания и смерти героя, хронологически упорядочиваются и приводятся летописцем ранее, вне какой-либо связи с предсказанием. Сходным образом в Сказании о призвании варяжских князей летописец отмечает лишь приход и вокняжение Рюрика, размещение его дружинников «по городам» и смерть, т. е. наиболее важные с точки зрения истории Русской земли события.

Между тем даже и в том сокращенном виде, в каком дошло до нас Сказание в древнейших летописях, некоторые сюжеты «деяний» Рюрика могут быть прослежены.

Во-первых, это сюжет прихода Рюрика в Ладогу (Новгород). Краткая фраза новгородского летописца «Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну» содержит несколько неожиданную в сухом повествовании прославляющую характеристику дружины Рюрика (в других летописях эта характеристика отсутствует: «избрашася три брата с роды своими и пояша по собе всю Русь»)³⁷. В тексте Сказания по НПЛ присутствует всего семь прилагательных, из которых два входят в устойчивые словосочетания («люди новгородские» и «белая веверица», ср. в Лавр.: «по беле и веверице»). Остальные же носят поэтико-описательный характер: «рать велика и усобица», «земля велика и обильна», «дружина многа и предивна». В других летописных текстах все эти словосочетания, кроме «земля велика и обильна», которое входит в формулу приглашения, отсутствуют. Используемые в двух других словосочетаниях прилагательные

³⁵ Melnikova E. A. The Death in the Horse's Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions // Gudar på jorden. Stockholm, 2000. S. 152–168; Она же. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // Сб. статей в честь Я. Н. Щапова (в печати). [Статья опубликована в: От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95–108. — Прим. ред.].

³⁶ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 7–22.

³⁷ НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

по своему значению близки к хвалебным поэтическим эпитетам. Показательно и то, что оба словосочетания, в которых они встречаются, образуют формульные пары: в первом случае — существительных («рать и усобица»; в других списках не только нет прилагательного, но отсутствует и слово «рать», т. е. утрачена парность существительных), во втором — прилагательных («многа и предивна»). Парные формулы и хвалебные эпитеты — характерные приметы эпического, возможно поэтического, стиля (ср. летописную характеристику Святослава, которая, по общему мнению, основанному на тех же показателях, восходит к хвалебной песни). Таким образом, стилистические особенности Сказания по НПЛ свидетельствуют о вероятности того, что за записанным в ней пересказом стоит эпический (поэтический?) текст. В составе подобного текста сбор вождя (князя, богатыря) в поход и описание дружины являются традиционным мотивом, который мы находим и в других местах ПВЛ (поход Ольги и Святослава на древлян, сбор войска для походов Олега и Игоря на Константинополь), в «Слове о полку Игореве» и в позднейших русских былинах, равно как и в древнескандинавском эпосе и сагах.

Во-вторых, в «деяния» Рюрика, очевидно, входил сюжет основания города, который нашел отражение в Ипат., причем дважды: сначала Рюрик «срубаёт» город Ладогу (в действительности существовавший ко времени его прихода не менее 100 лет), а затем Новгород (укрепления на Городище?). Этот сюжет проходит красной нитью через предания о всех первых русских правителях: города основывают Кий (Киев), Олег (под 882 г. без указания на конкретные города), Святослав (Переяславец на Дунае). Основание города, как представляется, входит в набор обязательных деяний русского правителя. Поэтому говорить об исконности сюжета, особенно учитывая его отсутствие в древнескандинавской традиции, можно лишь с большой степенью предположительности. Однако его присутствие в Сказании уже задолго до создания Начального свода вряд ли может вызывать сомнения: его включение в предания об Олеге свидетельствует о его происхождении, во всяком случае, не позднее X в.

В-третьих, особый сюжет (или сюжеты) отражен, видимо, в сообщениях летописца о расселении братьев и о размещении Рюриком своих «мужей» в подвластных ему городах. Цель летописца в этих перечнях очертить территорию владений Рюрика, достойных прародителя великокняжеской династии. О том, что эти списки существенно модифицированы летописцем, который внес в них названия городов, не существовавших во время Рюрика, говорилось неоднократно³⁸. Однако важнее сейчас другой вопрос: чем располагал летописец для составления этих списков? С одной стороны, — и на это уже обращалось внимание — он ориентировался на приводимый ранее перечень племен, плативших варягам дань, и вообще на предшествующие перечни племен. С другой стороны, таким источником могли быть предания о покорении Рюриком север-

³⁸ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды. С. 223–224.

ных племен, аналогичные преданиям о покорении среднеднепровских племен Олегом.

Возможно, отголоски других сюжетов о деяниях Рюрика сохранились в официальном Московском своде XVI в., так называемой Патриаршей, или Никоновской, летописи (вероятно, 1539–1542 гг.)³⁹. В отличие от других сводов XVI в. (в первую очередь, Воскрес.⁴⁰), ее составитель не внес в текст ничего, принципиально меняющего основное содержание Сказания. Вместе с тем в ней содержится иная, более пространная и композиционно несколько иначе организованная редакция.

Композиционные изменения касаются «разбивки» Сказания на хронологически последовательные эпизоды. Попытка разделить Сказание на временные отрезки была предпринята уже составителями ПВЛ и НПЛ: «экспозиция» о варяжской дани обособлена от основного повествования двумя «пустыми» годами. В Ник. этот принцип проведен более последовательно. Как отдельные эпизоды под разными годами представлены: изгнание варягов, распри и решение обратиться к варягам (под 6367 г.), обращение послов к варягам (под 6369 г.), приход Рюрика с братьями (под 6370 г.), смерть Синеуса и Трувора и раздача Рюриком городов своим мужам (под 6373 г.), смерть самого Рюрика (под 6387 г.). Эти части Сказания перемежаются, с одной стороны, статьями, посвященными византийской истории IX в. и заимствованными по преимуществу из «Хроники» Амартыла, с другой — сведениями по русской истории, не имеющими аналогий в более ранних сводах. Иногда разнотематические сюжеты соединяются в одной статье. Так, например, статья под 6373 г. говорит о смерти Синеуса и Трувора, о раздаче Рюриком городов, о рождении Игоря и о походе Аскольда и Дира на полочан (о нем мы не знаем по другим источникам). В одном случае «византийская информация» вводится составителем Ник. для уточнения даты события: «Въ лето 6369. При Михаиле и Василии царема и при Фотии патриарсе приидоша Словене, рекше Новгородци, и Меря, и Кривичи, Варегомъ реша: “земля наша велика и обильна; поидите владети нами”»⁴¹.

Сам текст Сказания сохраняет сухость и краткость, характерную для ПВЛ. Здесь также нет характеризующих или прославляющих эпитетов, отсутствуют формульные словосочетания. Более того, текст лишен и той «правовой» окрас-

³⁹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

⁴⁰ Составитель Воскресенской летописи переосмысливает Сказание в русле русской исторической и общественной мысли XV–XVI вв. и соединяет его с легендой о Гостомысле, первом новгородском посаднике. Я не имею возможности обратиться к анализу Сказания по Воскресенской летописи, а также легенды о Гостомысле в рамках данной статьи. О Гостомысле как легендарном персонаже см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 46–47. Подробное рассмотрение Гостомысла как исторического лица см.: Łowmiański H. Gostomysl posadnik nowgorodzki w końcu X wieku // Łowmiański H. Studia nad dziejami słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich. Poznań, 1986. S. 457–464.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 9.

ки, которая отличает ранние редакции Сказания⁴². В нем вообще не упоминается ряд Рюрика с новгородскими старейшинами, исчезают правовые формулы, зато расцвечиваются отдельные детали. Сопоставление с текстом НПЛ отчетливо проявляет эти особенности «Никоновской» редакции⁴³.

НПЛ	Ник.
И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдѣ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ по праву»...	Вѣсташа Словене, рекше Новгородци, и Меря, и Кривичи на Варяги, и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани, начаша сами себѣ владѣти и города ставити; и не бѣ въ нихъ правды, и возста родъ на родъ, и рати, и плѣненія, и кровопролитія безпрестани. И по семь събравъшеся рѣша къ себѣ: «поищемъ межъ себе, да кто бы въ насъ князь былъ и владѣлъ нами»...

Очевидно, для составителя Ник. само существование ряда, а тем более его содержание не представляют интереса и, может быть, просто остаются непонятными. Принципиально изменилась к XVI в. и правовая лексика, вышли из употребления формулы «княжить и владеть», «править и рядить», «рядить по праву, по ряду», поэтому они были заменены общей лексикой: вместо «княжить и владеть» стоит «владети», вместо «владеть и судить по праву» — «владеть», формула призвания «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет» сокращена до первой части и т. д. Наконец, пояснены, заменены современными или просто опущены неясные для летописца XVI в. этнонимы: «словене, рекше новгородци», меря из списка племен, призывающих варягов, заменена на мещеру в перечне племен, плативших варягам дань и изгнавших их; пропущено упоминание веси.

Вместе с тем Сказание в редакции Ник. содержит три сюжета, отсутствующих в древнейших летописях. Вообще в этом своде имеется множество дополнений к древнейшей части ПВЛ, источники которых не установлены. Известно, что при подготовке Ник. были использованы своды, восходящие к новгородскому летописанию. Однако значительная часть оригинальных сведений, касающихся древнейшей истории, не находит параллелей в сохранившихся летописях. Предполагается, что составитель Ник. часто стремился пояснить и прояснить дошедший до него текст, поэтому вводил мотивировки действий, дополнял действие возможными в соответствующих условиях обстоятельствами, иногда приукрашал слишком сухое сообщение. Поэтому в исторической литературе преобладает скептическое отношение к оригинальным сведениям Ник.

Тем не менее представляется все же небезынтересным обратиться к ней и рассмотреть отсутствующие в более ранних сводах сюжеты. Первый — выбор народа, от которого следует приглашать правителя. Второй — «звериный обычай

⁴² Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды. С. 224.

⁴³ НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. 9. С. 8–9.

и нрав» новгородцев. Третий — антиваряжское восстание в Новгороде, которое завершается убийством предводителя восставших Вадима Храброго и его «советников» и бегством в Киев многих новгородских мужей. Надо отметить, что ни один из этих сюжетов не связывается составителем Ник. с легендой о Гостомысле ни содержательно, ни даже композиционно, поскольку Гостомысл упоминается в Ник. лишь единожды в описании расселения славянских племен⁴⁴.

Первый сюжет — перечисление народов, к которым можно обратиться за правителем, обсуждение возможных вариантов и решение обратиться к варягам — отсутствует в НПЛ и Лавр. Поэтому он рассматривается как вымысел автора XVI в.⁴⁵ Между тем, если обратиться к тексту Ипат., которая не была известна составителю Ник.⁴⁶, то ситуация окажется принципиально иной. Приведем для сопоставления тексты Лавр., НПЛ, Ипат. и Ник.⁴⁷:

Лавр.	НПЛ	Ипат.	Ник.
... и быша в них уособиѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море к варягомъ...	И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и уособица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣл нами и радилъ ны по праву». Идоша за море к Варягомъ...	... и быша оусобицѣ в них. и воевати сами на сѧ почаша. и ркоша поищемъ сами в собѣ кнѧзѧ. иже бы володѣлъ нами и радилъ. по раду по праву. идоша за море к Варягомъ...	... и возста родъ на родъ, и рати... И по семь сѣбравъшеся рѣша къ себѣ: «поищемъ межъ себе, да кто бы въ насъ князь былъ и владѣлъ нами; поищемъ и устави́мъ тако́ваго или отъ насъ, или отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или от Варягъ». И бысть о семь молва велѧ: овѣмъ сего, овѣмъ другаго хотящемъ; таже совѣщавшася послаша въ Варяги.

В отличие от Лавр., Радз. и НПЛ, Ипат. сохранила начальную часть текста, читаемого полностью только в Ник.: «поищем сами в себе князя». Поскольку из предшествующего текста очевидно, что князя ищут не варяги, а местные племена, то обращение к варягам не мотивировано, более того, оно противоречит «заданному» действию — поискам князя «в себе», в своей среде, среди местной знати. Чтение Ник. восполняет пробел и устраняет противоречие: обсуждается не один («сами в себе»), а несколько вариантов⁴⁸, из которых выби-

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 3.

⁴⁵ Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 187. Исключение составил Б. А. Рыбаков, который вообще признает почти все дополнения Ник. достоверными (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 306–313).

⁴⁶ Б. М. Клосс не называет ее в числе источников Ник.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. 9. С. 8–9 (курсив принадлежит автору статьи).

⁴⁸ Я не имею здесь места для обсуждения аутентичности называемых далее племен: этот вопрос требует отдельного обстоятельного исследования (ср.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 306–313).

рается один — обращение к варягам. Можно, очевидно, с достаточной степенью уверенности говорить о том, что данное место является не произвольной вставкой составителя Ник., а фрагментом более древнего текста, известного и составителю Ипат.

Установление аутентичности данного текста дает основание для вывода о том, что по крайней мере один из вариантов Сказания, существовавших в XI в., содержал повествование о выборе народа, от которого должен был быть приглашен правитель.

Второй сюжет касается нежелания варягов принять приглашение новгородцев. Непосредственно после речи послов в Ник. читается следующая фраза: «Они же бояхуся звѣринаго ихъ обычаа и нрава, и едва избрашася три браты». Во всех древнейших текстах Сказания также сразу за речью послов следует: «и избрашася три брата». Дополнение Ник., таким образом, является негативной характеристикой новгородцев, жестокость которых заставляет бояться их даже варягов. Но подобного рода сообщение, оскорбительное для новгородцев, вряд ли могло сохраняться в новгородских летописных сводах, которыми по преимуществу пользовался составитель Ник. Еще менее вероятно его присутствие в исходном варианте Сказания, которое имеет, очевидно, новгородское происхождение. Оскорбительным оно должно было бы быть и для той среды, в которой формировалось Сказание: культ отваги, воинской доблести и силы был неотъемлемой составляющей этоса не только дружинников, но и вообще древнескандинавского общества, выходцами из которого была значительная часть древнерусских воинов. Даже если страх варягов должен был оттенить смелость и мужество Рюрика и его братьев, согласившихся принять столь опасное предложение, слово «едва» снимает их героический ореол. Все это вызывает большие сомнения в архаичности сюжета.

Третий сюжет развивает тему деяний Рюрика. В нем повествуется о притеснениях Рюрика, о восстании новгородцев под руководством некоего Вадима Храброго, разгроме восстания и казни Вадима и его советников, после чего часть новгородцев бежала в Киев. «Въ лето 6372... Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще: “яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его”. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съветниковъ его. [...] В лѣто 6375... Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кієвъ много Новгородцкихъ мужей»⁴⁹.

По мнению Б. А. Рыбакова, Несторова редакция ПВЛ, к которой вернулся составитель Ник., была по своей направленности антиваряжской и содержала подробный рассказ о борьбе новгородцев против Рюрика и его скандинавской дружины. Создатели второй и третьей редакций, проводившие проскандинавс-

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 9. — *Прим. ред.*

кую тенденцию по заказу Мстислава Владимировича, опустили все подробности, свидетельствующие не в пользу Рюрика. Таким образом, составитель Ник. донес до нас детали и характер исконного предания⁵⁰. Однако исконность этого сюжета не поддается верификации. Нет никаких данных, позволяющих отнести этот сюжет к числу ранних, но не включенных летописцем в свой пересказ (основанием для чего могло бы быть желание летописца представить Рюрика не только легитимным правителем и основателем династии, но и правителем, живущим в мире со своими подданными и заботящимся об их благосостоянии). Составитель Ник. мог стремиться показать исконно присущую новгородцам склонность к неповиновению власти. Более того, во втором случае этот сюжет может перекликаться с характеристикой новгородцев, «звериного обычая и нрава» которых испугались варяги.

Однако, вне зависимости от оценки аутентичности двух последних сюжетов, очевидно, что сказание о Рюрике состояло из нескольких эпизодов, повествующих о его деяниях. Можно предполагать, что это было эпическое, возможно поэтическое, произведение, которое сложилось в Ладожско-Новгородском регионе в конце IX – начале X в. и просуществовало по меньшей мере до второй половины XI в. Основной средой его бытования, как и всего Сказания о призвании варяжских князей, были княжеские дружины.

Учитывая состав дружин первых русских князей, значительную часть которых составляли скандинавы, многие историки полагают, что в основе летописного Сказания о призвании варяжских князей лежит письменный текст на древнескандинавском языке, который дошел до составителя летописи и был переведен им на древнерусский язык с ошибками в силу недостаточности знания им языка оригинала⁵¹.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 306–313. Также признают этот рассказ достоверным А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев: Славяне и скандинавы / Пер. с нем. М., 1986. С. 194.

⁵¹ Этим обстоятельством, как указывалось выше, А. Куник и Н. Т. Беляев объясняли превращение хвалебных эпитетов Рюрика в персонажи Сказания. Из этого же убеждения проистекает и другая, распространенная среди тех историков, которые не знакомы с древнескандинавскими языками, этимология имен *Синеусъ* и *Труворъ*. Б. А. Рыбаков полагает, что «в летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев» (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 298). Он приводит два возможных, по его мнению, варианта «шведского оригинала»: *sine use* или *sine hus*, означающие якобы «со своими родичами» или «свой род», для *Синеус*, и *tru war* или *thru varing* со значением «верная дружина» для *Трувор*. Не говоря уже о полном несоответствии этих «исконных» фраз элементарным нормам морфологии и синтаксиса древнескандинавских языков, а также семантике слов *hus* и *væringi*, которые никогда не имели значения «род, родичи» и «дружина», предположение исходит из того, что летописец-переписчик дважды перевел эту фразу: один раз в соответствии с ее истинным смыслом — Рюрик приходит, по НПЛ, с «роды своими... и пояша со собою дружину многу и предивну» (НПЛ. С. 106), а затем вторично — приняв ее за личные имена.

Ныне совершенно очевидно, что подобного текста существовать не могло, в первую очередь потому, что единственная известная скандинавам IX–X вв. письменность, руническое письмо, по самому своему характеру не применялась и не могла применяться для записи сколько-нибудь пространных текстов. Краткие магические заклинания, имена (владельческие надписи), наконец, формульные эпитафии на мемориальных стелах — основные виды текстов, записывавшихся руническим письмом⁵². Лишь в XI–XII вв. сфера употребления рунического письма расширяется, и оно начинает широко использоваться в быту для различных целей, в основном в переписке⁵³. Но и в это время оно не применяется для записи пространных нарративных текстов или документов. Поэтому нет никаких оснований предполагать письменную фиксацию Сказания не только в момент его формирования, но и вообще до широкого распространения письменности на Руси.

Другой вопрос — на каком языке складывалось и бытовало сказание о Рюрике и вообще Сказание о призвании варяжских князей. Действительно, нельзя исключить, что первоначально повествования о Рюрике и его деяниях передавались в дружинной среде на родном для многих дружинников древнескандинавском языке. Однако уже не позднее середины X в. в дружинной среде господствует билингвизм⁵⁴. Вместе с тем значение «ряда» — соглашения, определявшего права и обязанности первого правителя, — было чрезвычайно велико для обеих сторон, и потому Сказание должно было параллельно существовать и на древнерусском языке. Более того, текст Сказания насыщен древнерусской правовой лексикой с рядом формульных выражений («княжить и владеть», «судить по праву» и др.), и это, бесспорно, указывает на архаичность русскоязычного варианта Сказания. Наконец, в текстах Сказания по разным спискам не содержится никаких следов влияния древнескандинавских языков: в нем нет заимствованных терминов, нет слов, восходящих к северогерманским корням, кроме слова *русь* и имен братьев. Можно с достаточной уверенностью говорить поэтому о том, что летописец знал Сказание, которое уже длительное время (если не изначально) существовало на древнерусском языке.

Суммируя сказанное, следует, очевидно, поставить вопрос о развитии и трансформации Сказания на протяжении двух веков его бытования на Руси. В период его возникновения и передачи вплоть до середины XI в. это было дружинное эпическое повествование о варяжском правителе Поволховья и Приильменя. Герой этого сказания, Рюрик, выступал прежде всего военным вождем и удачливым правителем, сумевшим приобрести власть — по ряду с местной

⁵² Мельникова Е. А. СРН. С. 10–15; Düwel K. Runenkunde. Stuttgart, 1983. 2 Aufl. S. 55–87.

⁵³ Liestøl A. The Runes of Bergen: Voices from the Middle Ages // Minnesota History. 1966. Vol. 40. P. 49–58; Idem. Correspondence in Runes // Mediaeval Scandinavia. 1968. Vol. 1. P. 17–27.

⁵⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. [Комментарий] // Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 320–321.

знатью — в «великой и обильной» земле, основывавшим города и раздававшим их своим людям. Вероятно, были в этом исходном сказании и эпизоды, изображавшие Рюрика отважным воином, покорявшим соседние народы. Вместе с тем образ Рюрика здесь не содержал представлений о нем как об основателе великокняжеской династии. Именно поэтому авторы середины – второй половины XI в. не упоминают его имени в родословии Владимира, а дети князей не нарекаются его именем. В это время Рюрик остается еще героем локального дружинного сказания.

Создание первого официального летописного свода было связано с необходимостью реконструировать раннюю историю Руси. Единственным возможным для этого времени принципом был генеалогический, тем более что летописец стремился утвердить единство княжеского рода, призывая русских князей к объединению⁵⁵. Сказание о Рюрике освещало древнейшие события русской истории и согласовывалось с представлениями летописца о руси как русской военной знати скандинавского происхождения. Поэтому Рюрик должен был стать и стал под пером летописца (составителя Начального или более раннего свода?) первым легитимным (приглашенным местной знатью по ряду) правителем Руси, прародителем русской великокняжеской династии. Тенденции к этой интерпретации сказания о Рюрике, вероятно, наметились уже в середине XI в., поскольку в это время имя Рюрика впервые появляется в княжеской среде: первым известным князем, носившим это имя, был Рюрик Ростиславич перемышльский (до 1064–1092 гг.). Со времени включения сказания о Рюрике в летопись «приглашение варягов» становится официально признанным началом истории Руси, а Рюрик — основателем Древнерусского государства и династии русских правителей.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 143–159)

⁵⁵ *Lichačev D. S.* The legend of the calling-in of the Varangians, and political purposes in Russian chronicle-writing from the second half of the 11th to the beginning of the 12th century // *Scando-Slavica. Supplementum 1: Varangian Problems*. Copenhagen, 1970. P. 170–185.

Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в.*

Провозгласив одной из своих основных задач описание того, «откуда есть пошла Руская земля», составитель «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) связал происхождение Древнерусского государства с вопросом, «кто в Киеве нача первое княжити», — вторым из трех, поставленных им в заглавии своего сочинения¹. Объединение обеих проблем было естественным результатом, с одной стороны, «династического» восприятия государства, свойственного средневековому политическому сознанию, и «киевоцентризма» летописца, с другой. В его представлениях Древнерусское государство (Русь, Русская земля) возникает тогда, когда в Киеве утверждается легитимная княжеская династия.

ПВЛ и Новгородская первая летопись (далее — НПЛ) содержат несколько рассказов, в которых можно усматривать ответ на эти вопросы. Все они являются пересказами устных преданий (хотя и разного типа), сложившихся задолго до возникновения летописания, претерпевших определенные изменения в процессе устного бытования и существенно модифицированных при их включении в летопись — принципиально отличную от устной исторической традиции форму передачи исторической памяти². Это предания о Кие, о Рюрике и о вокняжении в Киеве Олега (Игоря). Первое и последнее, по мнению А. А. Шахматова, читались уже в Древнейшем своде конца 1030-х гг., пополняя

* Обсуждение предварительного текста статьи на заседании центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН существенно помогло в уточнении и развитии отдельных ее положений. Сердечно благодарю всех участников заседания. Особую признательность приношу Е. В. Пчелову, Т. В. Гимону, А. А. Гиппиусу, Г. В. Глазыриной, В. А. Кучкину, А. В. Назаренко и А. С. Щавелеву за ценные советы и замечания.

¹ О заглавии ПВЛ см.: *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // ОИ. 1995. № 5. С. 101–110; *Мельникова Е. А.* Заглавие «Повести временных лет» и этнокультурная самоидентификация древнерусского летописца // ВЕДС. X: Юбилейные чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1998. С. 68–72; *Гиппиус А. А.* «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 448–460.

² О соотношении устной и письменной исторической традиций см.: *Vansina J.* Oral Tradition as History. L., 1985; *Oral Tradition and Literacy: Changing Visions of the World / R. A. Whitaker, E. R. Sienaert.* Durban, 1986; *Caunce St.* Oral History and the Local Historian. L., 1994; *Мельникова Е. А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165; *Она же.* «Сказания о первых князьях»: принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио. Сб. ст. в честь Л. П. Репиной. М., 2007. Ч. 1. С. 118–131.

лись в последующих летописях вплоть до Начального свода начала 1090-х гг. (отразившегося в НПЛ) и были переработаны составителем ПВЛ в 1110-х гг. Сказание же о Рюрике, собранное из трех местных преданий, было впервые включено в Новгородский свод 1050 г., откуда оно попало в Начальный свод и далее в НПЛ и ПВЛ³.

В обоих древнейших сохранившихся текстах летописная реконструкция предыстории Руси прародителем княжеского рода и основателем династии русских князей изображает Рюрика. Это построение было усвоено и получило дальнейшее развитие в летописании и исторической литературе XV–XVI вв.⁴ и стало одним из краеугольных камней ранней истории Руси. Между тем, выбор именно этого предания среди прочих, как представляется, требует специального объяснения — ведь Рюрик, согласно Сказанию о призвании варягов, правит в Новгороде (Ладогe), а не Киеве (как Кий, Олег или Игорь), владеет лишь частью будущего государства (в противоположность Олегу и Игорю), не совершает деяний, «обязательных» для русского князя (ср. «биографию» Олега⁵), а сказание о нем имеет новгородское, а не киевское происхождение, в отличие от традиции об Олеге и Игоре. Что же и когда заставило летописцев увидеть основателя династии русских князей именно в Рюрике и предпочесть сказание о нем другим возможным альтернативам⁶?

Легенда о Кие отнесена составителями ПВЛ и НПЛ ко «времени начал»⁷. В ПВЛ она включена в недатированную «вводную» часть, где излагаются со-

³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях*. М.; Жуковский, 2001. С. 136–187.

⁴ См.: *Петрухин В. Я.* Легенда о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // *Норна у источника судьбы*. М., 2001. С. 297–303.

⁵ *Мельникова Е. А.* Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // ВЕДС. XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. 2002. С. 143–151; *Она же.* Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 год. М., 2003. С. 48–92.

⁶ Широкое обсуждение начал русского летописания в последние два десятилетия практически не затронуло (за исключением отдельных наблюдений) Сказания о первых русских князьях (см. последнюю из опубликованных работ с подробной библиографией: *Гунтуис А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова / А. М. Молдован*. М., 2006. С. 56–96). Тем не менее, исследования происхождения ПВЛ и НПЛ, а также лежащих в их основе сводов, Начального и Никоновского начала 1070-х годов, дают возможность обратиться к вопросу о соотносительности тех или иных вариантов сказаний с определенными этапами летописания XI – начала XII в.

⁷ *Мельникова Е. А.* Преодоление множественности времен: Темпоральный аспект передачи устной исторической традиции в «Повести временных лет» // Сб. статей памяти А. Я. Гуревича (в печати). См. о легенде подробнее: *Мельникова Е. А.* Легенда о Кие: о структуре и характере летописного текста // *А се его серебро. Збірник праць на пошану М. Ф. Котляра*. Київ, 2002. С. 9–16; *Щавелев А. С.* Предания о первых князьях и представления о власти в славянских исторических сочинениях. М., «Северный паломник», 2007. С. 105–126 (здесь же исследованы западно- и южнославянские параллели).

циогенетические легенды разного происхождения⁸, в том числе, библейского. В НПЛ она открывает раздел, озаглавленный «Начало земли Руской»⁹, в котором освещена «предыстория» Руси, завершающаяся вокняжением в Киеве Игоря¹⁰. Вместе с тем, интерпретация легенды в обоих памятниках различна. В НПЛ (и в Начальном своде) Кий называется перевозчиком («его же нарицають тако перевозника бывша»; ср. мифологический образ перевозчика из царства живых в царство мертвых) и сохраняет черты архаичного охотника (он «ловы дѣяше около города» и вместе с братьями «бяху ловища звѣрие») и первопредка-первоправителя, изначально наделенного властью над полянами: «нарѣчахся Поляне и до сего дне от них же суть кыянѣ»¹¹. Кий представлен основателем одноименного города, но ни в коей мере не князем¹². В ПВЛ Кий изображен прежде всего в качестве основателя Киева, сохраняется за ним и функция охотника («баше... боръ великъ. и баху ловаща звѣрь»). Версия же о Кие-перевозчике оспаривается летописцем¹³. Как основатель столицы Древнерусского государства и предок его жителей, Кий немыслим для составителя ПВЛ человеком низкого социального статуса, и он прилагает немало усилий, чтобы представить Кия — в противоположность устной традиции и Начальному своду — русским князем. Главным доказательством его «княжеского статуса» служит рассказ о походе в Царьград и принятии «великой чести» от византийского императора, имя которого, однако, «не свѣмы»¹⁴. Этот рассказ, отсутствовавший в Начальном своде¹⁵, очевидным образом смоделирован на основе повествований о походах Святослава¹⁶. Княжеская власть Кия под-

⁸ Мельникова Е. А. «Сказания о первых князьях». С. 118–131.

⁹ Об использовании в Начальном своде заголовков «Начало...» см.: Гиппиус А. А. Два начала. С. 79–80.

¹⁰ НПЛ. С. 104–108.

¹¹ Там же. С. 103, 104–105.

¹² Наименование Кия «великим князем» во Введении к НПЛ содержится лишь в одном списке XVIII в., имеющем позднее происхождение, и потому чтение «градъ великий Киевъ» считается первоначальным (см.: Гиппиус А. А. Два начала. С. 69. Примеч. 12).

¹³ ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 9; ПСРЛ. М., 2000. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 8.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 8.

¹⁵ О позднем, начала XII в., происхождении рассказа о походе Кия см.: Шахматов А. А. Разыскания. С. 98. Дополнительные лингвистические аргументы приведены в ст.: Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игореве...». К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. № 25. S. 147–181.

¹⁶ Аналогичны в обоих повествованиях мотивы «принятия чести», основания города на Дунае и наименования его уменьшительным именем от города на Днепре (Киев — Киевец, Переяславль — Переяславец), попытки осесть в основанном на Дунае городе, невозможности сделать это из-за недружелюбия местного населения, возвращение в Киев. Это сходство было отмечено еще А. Н. Сахаровым («Если бы мы не знали, что речь идет о Кие, то вполне могли бы представить себе, будто летописец ведет речь о Святославе Игоревиче»), который, однако, не придал ему специального значения (Сахаров А. Н. Кий: легенда и реальность // ВИ. 1975. № 10. С. 141).

черкивается и в последующем тексте, также добавленном составителем ПВЛ: «и по сих братьи держати почаша родъ ихъ *кнѧженъе в Полохъ*» (выделено мною. — *Е. М.*)¹⁷.

Однако при всем ее архаизме в легенде о Кие содержался потенциальный ответ на заданный в заглавии ПВЛ вопрос, «кто в Киеве нача первее княжити»: основатель города был естественным кандидатом на роль его первого правителя, первого киевского князя. Это и дало летописцу начала XII в. возможность представить Кия в своей реконструкции предыстории Руси не только основателем Киева и первым киевским князем, но и предком рода киевских князей («и по сих братьи держати почаша родъ ихъ кнѧженъе в Полохъ»), к которому позднейшие летописцы безосновательно причисляли Аскольда и Дира¹⁸.

Тем не менее, давая ответ на вопрос о первом киевском князе, легенда о Кие в той форме, как она сохранилась в Начальном своде, была замкнута одним сюжетом — никаких связей с последующей «историей» Руси она, вероятно, не содержала: какие-либо предания о потомках Кия — его наследниках на «княжении» в Киеве — отсутствовали в устной традиции, известной летописцам XI – начала XII в. Более того, это была легенда о «началах» — Киева и его обитателей-полян, которая не укладывалась в династическо-государственную концепцию составителя ПВЛ. Наконец, в Киеве XI в., несомненно, было известно, что князья Олег и Игорь, скандинавы по происхождению, пришли с севера, из Новгорода. Таким образом, даже придав Кию княжеский статус, летописец не мог возвести к нему род «исторических» русских князей и тем самым представить Кия основателем Древнерусского государства.

Современные историки (с определенными оговорками) считают поворотным моментом в истории восточного славянства и возникновения единого Древнерусского государства объединение северной и южной частей восточнославянского мира, о чем рассказывается в ПВЛ под 882 г. Так же рассматривают вокняжение в Киеве пришельцев из «Новгорода» (Олега и Игоря) и летописцы: именно укрепившись в городе на Днепре, «Варази и Словани и прочи прозвашасѧ Русью», а Киев был провозглашен «матерью городов русских»¹⁹.

Наиболее последовательно эта концепция происхождения древнерусских династий/государства воплощена в НПЛ (в Начальном своде). Свою задачу ее

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 10; ПСРЛ. Т. II. Стб. 8. В НПЛ отсутствует.

¹⁸ См.: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 140. В «Истории» Яна Длугоша к Кию возводятся княжившие в Киеве Аскольд и Дир, возможно, на основании каких-то не дошедших до нас древнерусских источников (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. Текст, перевод, комментарий / А. В. Назаренко. М., 2004. С. 226 и примеч. 76). См.: *Грушевский М.* Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. I. До початку XI віка. С. 279 и примеч. 4. Об искусственности этой связи см.: *Флоря Б. Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 16–28.

¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 23. ПСРЛ. Т. II. Стб. 17. В НПЛ отсутствует.

составитель определяет во Введении как чисто описательную (а не объяснительную, как автор ПВЛ): «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья»²⁰. В полном соответствии с этой заявкой, сразу же вслед за Введением следует раздел, озаглавленный «Начало земли Руской». Выделяют этот раздел в композиции летописи, наряду с заголовком, даты: 6362 (854) год, под которым стоит заголовок и следует повествование о Кие, о походе руси на Царьград, когда там были «цесарь, именемъ Михаил, и мати его Ирина»²¹, о «хазарской дани», о приходе в Киев Аскольда и Дира, о призвании Рюрика и о вокняжении в Киеве после убийства Аскольда и Дира сына Рюрика, Игоря²², и 6428 (920) год, под которым рассказывается о походе Игоря на Константинополь.

Рассказ о «начале Руси» композиционно структурирован и охватывает ряд сюжетов разного типа и происхождения: социогенетические легенды, племенные исторические предания, дружинные сказания, сведения, почерпнутые из византийских источников. Эти разновременные и разнотипные сюжеты представлены как единый нарратив, цельность которого — по крайней мере, хронологическая — подчеркивается летописцем фразами, вводящими каждый новый сюжет: «В си же времена...», «Во времена же Києва...» и др. В летописном повествовании, таким образом, выстраивается последовательная история возникновения «земли Руской»: основание ее главного города Киева — первый поход на Царьград — установление отношений с Хазарией — утверждение в Киеве Игоря, сына Рюрика, когда его войско «прозвашася Русью»²³. Все «побочные», бросающие тень на легитимность Игоря сюжеты изменены и расположены таким образом, чтобы передача власти от Рюрика Игорю была единственно возможной. Кий не выступает здесь в роли князя. Рассказ о походе руси на Царьград (основанный на тексте Продолжателя Георгия Амартола и составляющий в ПВЛ отдельную статью 866 г.) помещен вместе с сообщением о правлении императора Михаила III перед Сказанием о призвании, причем имена Аскольда и Дира в нем не упоминаются, а об их вокняжении в Киеве сообщается кратко и перед пересказом сказания о Рюрике: тем самым, Аскольд и Дир оказываются никоим образом не связанными с ним. Олег же представлен воеводой Рюрика и Игоря, не играющим самостоятельной роли до своего похода в Византию, который описан под 922 г. (после неудачного похода Игоря). Таким образом, роль первого русского князя, владеющего Киевом и всей «Русской землей», в НПЛ безусловно отводится Игорю. Эпизод вокняжения Игоря в Киеве завершает раздел о «начале земли Руской» и, соответственно, «предысторию» Древ-

²⁰ НПЛ. С. 104.

²¹ Об ошибочности даты воцарения Михаила III и его супруги см.: *Шахматов А. А.* Разыскания. С. 77. Примеч. 2.

²² НПЛ. С. 104–108.

²³ НПЛ. С. 197.

нерусского государства; дальнейшие, «исторические», события излагаются в отдельных датированных статьях.

Такая репрезентация предыстории и ранней истории Руси, по мнению А. А. Шахматова и последующих исследователей, была унаследована НПЛ от Начального свода 1090-х гг.

Очевидные расхождения в последовательности и атрибуции сюжетов (событий) в НПЛ и ПВЛ многократно отмечались, но, признавая, что НПЛ отражает, в том числе и на этом отрезке, более ранние, нежели ПВЛ, чтения Начального свода, все историки²⁴ реконструируют раннюю историю Руси в соответствии с ее репрезентацией в ПВЛ, а не в НПЛ. Именно ее восстанавливает А. А. Шахматов и для Древнейшего свода²⁵. И это естественно. Вряд ли могут быть сомнения в том, что героем повествования о захвате Киева был именно Олег, как в ПВЛ, а не Игорь (в противном случае включение Олега в сказание — пусть и на вторых ролях — не мотивировано), и что поход Олега в Византию предшествовал походу Игоря.

Возникает вопрос, почему и на основании каких источников автор ПВЛ восстановил более достоверную историческую последовательность событий, если текст ПВЛ на этом участке вторичен по отношению к Начальному своду.

Главной причиной, по которой составитель ПВЛ не мог в этой части следовать Начальному своду, считается его знакомство с русско-византийскими договорами X в. Древнейший из них был составлен от имени «великого князя» Олега (каковым в Начальном своде Олег не являлся), а договор от имени Игоря был более поздним, нежели Олегов²⁶, что легко могло быть установлено по приводимым в договорах датам. Однако согласование текста Начального свода с договорами совершенно не требовало радикальной переработки повествования о захвате Киева и вообще принципиального изменения роли Олега — до-

²⁴ Пересмотр хронологии ранней русской истории, предпринятый К. Цуккерманом, не учитывает хронологию НПЛ (*Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // Revue des etudes Byzantines. 1995. N. 53. P. 237–270* (частичный перевод на русс. яз.: Славяне и их соседи. М., 1996. С. 68–80; *Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Археологія. Київ, 2003. № 1. С. 76–99*; то же // *Славяноведение. 2001. № 4. С. 55–77*. Критику см.: *Петрухин В. Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 78–82*; *Толочко П. П. Русь изначальная // Археологія. Київ, 2003. № 1. С. 100–103*; *Калинина Т. М. Восточные источники о древнерусской государственности (К статье К. Цуккермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. 2003. № 2. С. 15–19*.

²⁵ Ср. реконструируемый текст Древнейшего свода в редакции 1073 г.: *Шахматов А. А. Разыскания. С. 387*.

²⁶ О пересмотре роли Олега в ПВЛ именно в результате знакомства составителя ПВЛ с русско-византийскими договорами писал уже А. А. Шахматов: *Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904; Он же. Разыскания. С. 228–229, 243*.

статочно было поменять местами рассказы о походе на Константинополь Игоря (в НПЛ под 920 г.) и Олега (в НПЛ под 922 г.).

Opinio communis о вторичности этого текста в ПВЛ опирается на наблюдение А. А. Шахматова об употреблении двойственного числа «придоста» в рассказе о захвате Олегом (Игорем) Киева в ПВЛ вместо единственного числа, которое должно бы было стоять здесь (как и в других случаях), если бы речь шла об одном Олеге. Форму «придоста» А. А. Шахматов объяснил как пропущенный и не исправленный составителем ПВЛ реликт Начального свода, где действуют два героя, Игорь и Олег. Однако в тексте НПЛ, отразившем Начальный свод, двойственное число чередуется с множественным (привожу глаголы в той последовательности, как они встречаются в тексте: «налезоста», «поидоша», «приидоша», «узреста», «испыташа», «потаистася», «излезоста» и т. д.), а в той фразе, в которой в ПВЛ читается «придоста» («и *придоста* къ горамъ хъ Киевьскимъ. и оувидѣ Ѡлегъ. ѡко Ѡсколдъ и Диръ княжита») ²⁷, в НПЛ стоит «приидоша» («и *приидоша* къ горамъ киевскимъ, и узрѣста городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить») ²⁸, т. е. можно предполагать, что и в Начальном своде глагол читался во множественном, а не двойственном числе. В таком случае предполагаемый источник ПВЛ не имел того единственного чтения, на котором основывается мнение о вторичности рассказа о захвате Киева в ПВЛ. Каким же образом тогда глагол «придоста» в двойственном числе мог появиться в тексте ПВЛ? Тот же глагол и также в двойственном числе (употребленном вполне уместно, поскольку относится к Аскольду и Диру) читается в ПВЛ чуть ниже: «Асколдъ же и Диръ придоста» ²⁹ (в НПЛ эта фраза отсутствует). Не мог ли составитель ПВЛ, используя источник, отличный от Начального свода, сделать ошибку, списав нужный глагол, но не в той форме, из нижележащей строки ³⁰?

Против вторичности текста ПВЛ о захвате Олегом Киева говорит и ряд других обстоятельств. Во-первых, рассказ в НПЛ подвергся сокращению: опущены фразы о посадении мужей в Смоленске (Смоленск просто упоминается) и о взятии Любеча; приглашение Аскольду и Диру, выраженное пространной прямой речью, где указывается на родство с ними приплывших («да придѣта к намъ к родомъ своимъ»), заменено краткой констатацией «и съзваста Асколда и Дира». О том, что текст НПЛ (Начального свода) подвергся сокращению, а не был, напротив, расширен автором ПВЛ, говорят образовавшиеся в резуль-

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 23; ПСРЛ. Т. II. Стб. 16.

²⁸ НПЛ. С. 107. Читается во всех списках.

²⁹ Чтения в Лавр., Ипат. (по всем спискам) и в Радз. одинаковы.

³⁰ Ср. аналогичную ошибку в Лавр. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 21), где в завершении статьи 862 г. читается «Рюрику же *княжаста* в Новѣгородѣ» (выделено мною); в Троицк., Радз. и Академ. и в списках Ипат. — «княжашю». Ошибка сделана по аналогии с предшествующей фразой, в которой речь идет о пребывании Аскольда и Дира в Киеве и где употреблено подряд три глагола в двойственном числе: «остаста», «скуписта», «начаста».

тате сокращения несогласованности. Например, грамматически однородные глаголы «испыташа» и «реша» во фразе «и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша: “два брата, Аскольдъ и Диръ”» относятся к разным действующим лицам: в первом случае это Игорь (с Олегом), во втором — киевляне, но указание на второй субъект отсутствует. Во-вторых, невразумителен в НПЛ эпизод представления героев купцами и укрытия их воинов: «Игорь же и Олегъ, творящася мимоидуша, и потаистася в лодьхъ, и с малою дружиною излѣзоста на брегъ, творящася подугорьскими гостьми»³¹. Если следовать этому тексту, то Игорь и Олег, притворившись, что они плывут мимо Киева, сами спрятались в ладьях («потаистася»), но затем вышли на берег вместе с «малою дружиною», выдавая себя за купцов. Описание же в ПВЛ представляет действия в логической последовательности: приплыв к Киевским горам и узнав о княжении Аскольда и Дири, Олег прячет в ладьях своих воинов, подплывает к Угорскому и посылает к Аскольду и Диру, приглашая их на берег. В-третьих, в этом же пассаже летописцы по-разному интерпретируют слово «угорское». Составитель ПВЛ приводит его в качестве топонима, обозначающего место, где остановился Олег, и существующего, как он поясняет ниже, и в его время («и приплу подь Оугорское. похоронивъ вои своя...», «еже са ныне зоветь Оугорское. кде ныне Ёльминъ дворъ»)³². В НПЛ слова «под Угорское» поняты как наименование купцов — «творящася подугорьскими гостьми», т.е. купцами, плывущими к венграм, или купцами-венграми. Очевидно, что упоминание здесь венгров является анахронизмом³³, более того, особые купцы-«венгры», в отличие от купцов-«гречников», не выделялись в отдельную категорию; для конца IX в. естественными были торговые плавания в Византию, что и должно было придать правдоподобие уловке Олега. Наконец, в-четвертых, в НПЛ присутствует уточняющая вставка, подчеркивающая главенствующую роль Игоря, но придающая нелогичность повествованию: «Слѣзъшима же има (Аскольдъ и Дир. — *Е. М.*), высакаша прочии воины з лодѣи, Игоревы, на брегъ»³⁴. Если точно следовать этому тексту, то на Аскольда и Дири напали воины только Игоря, тогда как воины Олега остались в укрытии (?).

Если НПЛ действительно полностью или почти полностью³⁵ воспроизводит текст Начального свода, то указанные разночтения свидетельствуют о том, что автор ПВЛ использовал в качестве своего источника не текст Начального свода. Более того, трудно предположить, что составитель ПВЛ сам, без опо-

³¹ НПЛ. С. 107.

³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 23; ПСРЛ. Т. II. Стб. 16–17.

³³ Сообщение о первом появлении венгров под Киевом помещено в ПВЛ под 934 г.

³⁴ Читается во всех списках.

³⁵ Возможно, какие-то изменения были внесены и самим новгородским летописцем: так, составитель Начального свода, написанного в Киеве, вряд ли бы перепутал урочище Угорское с угорскими купцами.

ры на письменные источники, мог бы радикально переработать повествование, восстановив место Олега в начальной истории киевских князей³⁶. Вероятнее, что речь должна идти не о первичности или вторичности текста ПВЛ по отношению к тексту Начального свода, а о том, что все эти сюжеты, равно как и представленная в ПВЛ их взаимосвязь и последовательность, восходят не к Начальному, а иному своду, в котором с Начальным сводом совпадали (частично) сюжеты, но принципиально различалась их трактовка, привязка к известным по устным преданиям лицам, хронология относительно друг друга, а также их текстовое воплощение.

Кардинальное расхождение «взглядов на мир» (*worldviews*) составителей Начального свода и ПВЛ уже отмечалось в новейших исследованиях³⁷. Оно проявляется и в идейной направленности Введения³⁸, и в интерпретации библейских сюжетов, и в отношении летописцев к знамениям, к роли ангелов в жизни людей и пр. «Идеологическая программа» Начального свода «ориентирована на модели византийской хронографии и апокалиптики и рассматривает историю Русской земли в перспективе, которую можно определить как “имперско-эсхатологическую”»³⁹. Составителя же ПВЛ интересуют прежде всего истоки Русской земли («откуда есть пошла Руская земля»), ее происхождение и начала, восходящие к распределению «уделов» между сыновьями Ноя и разделению языков после Вавилонского столпотворения. Составитель Начального свода решительно модифицировал предшествующую традицию: «с тем же радикализмом и прямолинейностью» он создал новое Введение к летописи, отказавшись от библейского зачина (разделения земли между сыновьями Ноя), разбил рассказ о полянах вставкой из хронографа о походе руси, хронологизировал повествование, разрывая цельный рассказ годовыми датами⁴⁰. К отмеченным А. Тимберлейком и А. А. Гиппиусом новациям составителя Начального свода можно добавить и реинтерпретацию взаимоотношения сюжетов об Аскольде и Дире, Олеге и Игоре. В «имперско-византийской перспективе» Игорь представляется единственным легитимным правителем Руси. Альтернативы этому варианту «начал Руси» в Начальном своде элиминированы.

³⁶ Определение Аскольда и Дира «боярами» Рюрика, присутствующее только в ПВЛ, вероятно, является дополнением составителя ПВЛ, стремившегося связать с Рюриком все события до вокняжения Олега в Киеве (*Шахматов А. А.* Сказание. С. 76–78).

³⁷ *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1 (1). С. 196–218; *Гиппиус А. А.* Два начала. С. 81.

³⁸ Дискуссию о времени составления и идейном содержании введений к ПВЛ и НПЛ см.: *Петрухин В. Я.* К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // *Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого*. М., 1998. Т. 2. С. 354–363; *Гиппиус А. А.* К соотношению начальных пассажей «Повести временных лет» и «Новгородской первой летописи» // *ВЕДС*. 2005. Ч. I. С. 57–60; *Он же*. Два начала.

³⁹ *Гиппиус А. А.* Два начала. С. 81–82.

⁴⁰ Там же. С. 83.

Таким предшествовавшим Начальному своду источником ПВЛ в случае с Введением и рядом других пассажей, по предположению А. А. Гиппиуса, был свод 1073 (по датировке А. А. Шахматова) или 1072 г. (по мнению А. А. Гиппиуса)⁴¹. В этом свode, вероятно, Сказания о первых русских князьях уже существовали в композиционно и текстуально сложившемся виде и включали легенду о Кие и о «хазарской дани», сказания о Рюрике и походе Аскольда и Дира на Константинополь (вероятно, изначально не связанные друг с другом), историю захвата Киева Олегом, последующие деяния Олега (часть которых была опущена в Начальном свode⁴²), повествования о неудачном походе Игоря и его смерти у древлян. К этому своду, радикально переработанному составителем Начального свода, автор ПВЛ вынужден был вернуться, чтобы восстановить последовательность событий, согласующуюся со сведениями оказавшихся в его распоряжении новых документов.

Однако при всем различии трактовок ранней истории Руси и свод 1072/1073 г., и Начальный свод сходились в одном — «начало Руси» связано с вокняжением в Киеве пришедшего с севера вождя (будь то Олег или Игорь). Казалось бы, от первого киевского князя, деяниями которого открывается история Древней Руси как единого целого, и могли бы вести летописцы род русских князей, которые в таком случае должны были бы стать Ольговичами или Игоревичами, но никак не Рюриковичами. Тем не менее, летописная традиция последней четверти XI в. упорно связывает киевского князя Игоря родственными узами с Рюриком, представляя последнего предком русских князей.

Сказание о Рюрике имеет, по вполне справедливому общему мнению, ладожско-новгородское происхождение⁴³ и восходит к устной традиции, возникшей еще в IX в.⁴⁴. Представленное в ПВЛ и НПЛ в качестве социогенетической

⁴¹ Там же.

⁴² В НПЛ отсутствует сказание о смерти Олега, замененное краткой фразой «и уклону змиа в ногу» (возможно потому, что в нем, в редакции ПВЛ и свода 1072/1073 г., слишком отчетливо проявлялся княжеский статус героя). Соответственно изменяется место его смерти: в Новгороде, Ладоге или «за морем» — но не в Киеве. Эти сокращения позволили устранить мотивы, указывающие на положение Олега как киевского князя.

⁴³ Убедительное обоснование дано А. А. Шахматовым: *Шахматов А. А. Сказание. С. 27; Он же. Разыскания. С. 211–215.*

⁴⁴ А. А. Шахматов предполагал, что легенда о призвании варягов явилась сознательной и тенденциозной конструкцией новгородского летописца середины XI в., в основе которой лежали местные, новгородское, изборское и белозерское, предания о правивших в них некогда варяжских князьях; киевское сообщение о выплате дани варягам словенцами и прочими северными племенами, читавшееся еще в Древнейшем свode; аналогии из политической жизни Новгорода X–XI вв. и собственное стремление летописца обосновать право Новгорода приглашать князей (*Шахматов А. А. Разыскания. С. 211–213, 224–225*). Вывод А. А. Шахматова об искусственности легенды были приняты последующими исследователями, в том числе Д. С. Лихачевым. Фольклорный характер дошедшего до нас текста (имеющего многочисленные параллели) и его определение в качестве социогенетической легенды были обоснованы в ст.: *Мельникова Е. А., Петру-*

легенды — предания о происхождении в Новгороде верховной власти в результате приглашения местных правителей и в соответствии с договором-рядом, — в первоначальном своем виде, как можно предполагать, сказание имело существенно иную форму⁴⁵.

Его состав и характер определялся прежде всего тем, что Рюрик и его «дружина» были носителями скандинавской культуры, в том числе традиционных форм словесности, поэтических (хвалебная скальдическая и героико-эпическая песни) и прозаических (повествования сагового типа)⁴⁶. И эпическая песнь, и повествование типа саги были прежде всего сказаниями о деяниях, героем которых выступал вождь, предводитель викингского войска. Наиболее близки к подобным нарративам (и вероятно, по крайней мере частично, восходят к ним) так называемые «саги о викингах» — записанные в XIII–XIV вв. рассказы о деятельности прославленных викингских вождей (например, о Рагнаре Лодбroke, завоевателе Англии, Хрольве Пешеходе, обосновавшемся во Франции, и др.). Ряд саг этого вида посвящен приключениям викингов в Восточной Европе⁴⁷. Герои этих саг, за редким исключением⁴⁸, не отождествимы с летописными князьями, что неудивительно, поскольку лишь в исключительных случаях предводители викингских отрядов обретали власть на чужбине, подавляющее же их большинство погибало или возвращалось на родину. Основное содержание «викингских саг» составляют разнообразные приключения, прежде всего военные столкновения «на востоке» (как правило, на северо-западе Восточной Европы), которые заканчиваются победой героя — обретением им власти в завоеванном «государстве» и звания конунга. По крайней мере часть «восточноевропейских» сюжетов и устойчивых мотивов формировалась в результате вполне реальных походов викингов на восток. Сказание о Рюрике, получившее впоследствии форму этиологической легенды, складывалось

хин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. С. 219–229; *Они же*. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57. Исследование же древнерусской передачи скандинавских личных имен в легенде показало ее раннее происхождение, близкое по времени к описываемым в ней событиям: *Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürsten-dynastie. Philologische Argumente für die Historität von Rjurik und Brüdern* // JbGOE. Bd. 28. S. 321–333.

⁴⁵ Попытку определить состав сказания в выделяемых древнейших летописных сводах см.: *Шахматов А. А. Сказание*. С. 65–70.

⁴⁶ Древнескандинавские прозаические произведения IX в., несомненно существовавшие в устной форме, не сохранились, но отразились в сложившейся в XII–XIII вв. форме саги.

⁴⁷ Об этом типе саг см.: *Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий*. М., 1996 (ДИ). С. 7–46; *Она же*. Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) // ДГ. 1999 год. С. 143–159.

⁴⁸ Так, прототипом Одда Стрелы, возможно, был Олег (во всяком случае, именно с именем Одда был связан сюжет смерти князя «от коня» (см.: *Melnikova E. The Death in the Horse's Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions* // *Gudar på jorden. Festschrift till Lars Lönnroth*. Stockholm, 2000. S. 152–168).

в скандинавской дружинной среде и должно было иметь форму, присущую этой культурной среде. Это, видимо, было повествование об удачливом военном вожде, ставшем конунгом в богатом «городе». Именно таким должен был видаться своим дружинникам Рюрик — предводитель одного из многих военных отрядов скандинавов, действовавших в IX в. в Поволховье и контролировавших северо-западную часть Балтийско-Волжского пути, который сумел силой, хитростью или дипломатическими талантами добиться власти. Содержание подобных повествований было стереотипно: описание воинских доблестей героя, его боевых побед и рассказ о главном достижении его жизни — обретении «конунгства», в котором он успешно правит вплоть до своей смерти. Типичность подобного рода нарративов позволила А. Стендер-Петерсену назвать сказание «сагой о Рюрике»⁴⁹.

Форма и состав сюжетов и мотивов первоначального сказания, естественно, неустановимы, однако некоторые их отголоски сохранились, как представляется, в дошедших до нас текстах, что позволяет сделать попытку хотя бы в общих чертах охарактеризовать его.

Не исключено, что сказание о Рюрике изначально имело поэтическую форму или включало поэтический текст — хвалебную песнь (драпу). На это, как кажется, указывают стилистические особенности текста НПЛ. В нем присутствуют многочисленные пары формульного типа, образованные существительными («рать велика и усобица»), глаголами («владети и рядити», «княжити и владети») и прилагательными («дружина многа и предивна», «земля велика и обилна», «муж мудр и храбор»)⁵⁰. Ни одно из этих парных выражений не является устойчивым для летописных текстов словосочетанием: определение «велика» к слову «рать» встречается неоднократно, но оно естественно для описания военных действий и не носит признаков формульности. Слова «рать» и «усобица» встречаются в сочетаниях с другими обозначениями нарушения порядка: «рать и нестроение», «крамолы и усобицы», но как окказиональные, а не формульные словосочетания⁵¹. Другие словосочетания не отмечаются вообще. Значительная часть приведенных выражений устранена как в ПВЛ и восходящих к ней летописях, так и в новгородских летописях, восходящих к Владычному своду (исключение составляют правовые формулы, число которых, напротив, увеличено: ср. в Ипат. «по раду по праву»⁵²).

⁴⁹ Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934 [Acta Jutlandica. T. VI]. S. 42–76.

⁵⁰ НПЛ. С. 106–107. Отсутствие хвалебных эпитетов при имени Рюрика, вероятно, объясняется исключением из сказания сюжетов, связанных с его деяниями (см. ниже), в которых они были бы наиболее уместны.

⁵¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 106–107, 1269.

⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 14.

Так, в НІВЛ аналогичные выражения слегка меняются, теряя формульность: «рать велия, усобица», «иже бы володил нами и рядил ны и соудил в правду», «вся земля наша добра и велика есть, изобилна всем»⁵³. Особенно показательно распределение в тексте НПЛ семи прилагательных, из которых два входят в устойчивые словосочетания («люди новгородские» и «белая веверица», ср. в Лавр.: «по беле и веверице»). Остальные носят поэтико-описательный характер: «рать велика и усобица», «земля велика и обилна», «дружина многа и предивна». В ПВЛ эти словосочетания, кроме «земля велика и обильна», которое входит в формулу призвания, отсутствуют. Используемые в двух других словосочетаниях прилагательные по своему значению близки к хвалебным поэтическим эпитетам. Существенно и то, что оба словосочетания, в которых они встречаются, образуют формульные пары: в первом случае — существительных («рать и усобица»; в других летописях нет ни только прилагательного, но отсутствует и слово «рать», т.е. утрачена парность существительных), во втором — прилагательных («многа и предивна»). Парные формулы и хвалебные эпитеты — характерные приметы эпического стиля (ср. летописную характеристику Святослава, которая, по общему мнению, основанному на тех же показателях, восходит к хвалебной песни). Таким образом, стилистические особенности Сказания в НПЛ свидетельствуют о вероятности того, что за записанным в ней пересказом стоит поэтический текст. Он мог представлять собой как цельную эпическую поэму, так и — что более вероятно, исходя из скандинавских аналогий⁵⁴, — прозаический текст с включенной в него хвалебной песнью.

К числу эпических мотивов, следы которых могут быть обнаружены в сказании⁵⁵, принадлежит, во-первых, упоминание о приходе Рюрика в Ладогу (Новгород): «Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну»⁵⁶ (ср. в Ипат.: «изъбрашася триа брата. с роды своими. и пояша по собѣ всю Русь»⁵⁷), в котором содержится хвалебная парная формула. Возможно, за этой краткой фразой стоит традиционный эпический мотив

⁵³ ПСРЛ. СПб., 1915. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. С. 11. То же читается в СЛ: ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Софийская первая летопись. С. 10–11.

⁵⁴ Ср., например, эддические «песни о героях», где прозаический текст (нарратив) перемежается с поэтическими вставками — как правило, речами персонажей, а также восходящую к сказанию о нифлунгах «Сагу о Вёльсунгах», в которой поэтические вставки существенно сокращены (по сравнению с соответствующими песнями «Старшей Эдды»), но, тем не менее, по-прежнему присутствуют (ср. также «Сагу об Инглингах», открывающую «Круг земной» Снорри Стурлусона). Сочетание прозаического и поэтического текстов характерно для поэтики и других видов саг: родовых и королевских, в которых в изобилии инкорпорированы скальдические стихи.

⁵⁵ Подробнее см.: Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 143–159.

⁵⁶ НПЛ. С. 106.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 14. В СЛ и НІВЛ слово «дружина» сохраняется.

сбора вождя (князя, богатыря) в поход, включающий характеристику дружины (войска)⁵⁸.

Во-вторых, отголоском рассказов о каких-то воинских деяниях Рюрика (о борьбе с другими отрядами викингов или местными племенами), возможно, служит читающееся в новгородских летописях упоминание о войнах, ведение которых в разных летописях приписывается то Олегу и Игорю, то Рюрику. В НПЛ оно следует за дублирующими друг друга характеристиками Игоря и Олега и предваряет рассказ об их походе на Киев: Игорь «бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, муж мудръ и храборъ. И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку...»⁵⁹. А. А. Шахматов указывал, что предложение «начаста воевати» в НПЛ не имеет связи с повествованием о Рюрике, и относил его к последующему рассказу о захвате Игорем и Олегом Киева, усматривая в нем зачин нового сюжета⁶⁰. Этой интерпретации соответствует двойственное число глагола «начаста», относимого к Игорю и Олегу. Однако, в СЛ и НВЛ эта фраза контекстуально связана с Рюриком: указав, где сели братья, летописец продолжает «и начаша воевати всюду», после чего следует «И от тех варяг...»⁶¹. Как местоположение фразы, так и употребление формы множественного числа («начаша») указывает на то, что фраза отнесена к Рюрику и его братьям: рассевшись по своим городам, они «начали воевать». Можно предполагать, что ее отнесение к Олегу и Игорю принадлежит составителю Начального свода, но автор Владычного свода предпочел иной, более ранний вариант, в котором она суммировала один или несколько эпизодов воинских деяний Рюрика.

В ПВЛ указание на войны Рюрика отсутствует, но статья 862 г. завершается (после рассказа о поселении Аскольда и Дира в Киеве) фразой: «Рюрику же княжащо в Новѣгородѣ»⁶². В последующем тексте Сказаний о первых русских князьях сообщение о княжении является своего рода связкой, соединяющий различные сюжеты в истории князя: так, захватив Киев, «сѣде Ёлегъ княжа в Киевѣ. и рече Ёлегъ се буди мати градомъ рускими», за чем следует рассказ об установлении им порядка и строительстве городов. Вслед за текстом договора 911 г. сообщается, что «живаше Ёлегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ. княжа в Киевѣ», после чего следует рассказ о его смерти. После смерти Олега «поча княжити Игорь». Вернувшись из византийского похода, Игорь «нача княжити

⁵⁸ Ср. описание сбора войска и характеристику дружины Всеволода Святославича в «Слове о полку Игореве».

⁵⁹ НПЛ. С. 107.

⁶⁰ Шахматов А. А. Разыскания. С. 229–230.

⁶¹ ПСРЛ. Т. V. С. 11; ПСРЛ. Т. IV. С. 11. То же читается в СЛ по списку Царского (ПСРЛ. М., 1994. Т. XXXIX. С. 9).

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 15. О форме «княжаща» в Лавр. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 21) см. выше примеч. 31.

въ Киевѣ» и отправился собирать древлянскую дань⁶³. Если в первом и третьем случаях можно предположить простую констатацию факта (Олег убил Аскольда и Дира и вокняжился в Киеве, Игорь унаследовал княжение после Олега), то в двух других такая констатация не нужна: и Олег, и Игорь отправляются в Византию, уже являясь киевскими князьями. Предшествуя повествованиям о смерти князя, эта фраза скорее отмечает в самом общем виде деятельность вернувшегося из похода князя: наведение порядка, суд, сбор даней и пр. — деятельность, которая летописца не интересует и о которой он рассказывать не собирается, но констатировать которую считает необходимым. Неслучайно эта констатация в обоих случаях имеет одинаковую вербальную форму: князь «нача княжити въ Киевѣ... и приспѣ ѿсень...». Именно «административная» деятельность князя перечисляется в том единственном пассаже, где за этой фразой не следует повествование о его смерти (о вокняжении Олега в Киеве). В ПВЛ сообщение о княжении Рюрика в Новгороде и его смерти отделены «пустыми» годами и статьями, заимствованными из византийских источников: о походе Аскольда и Дира на Константинополь, о воцарении императора Василия I, о крещении болгар: цельное сказание, завершавшееся смертью Рюрика, разорвано — так же, как оторвана от него и экспозиция. Возникает поэтому предположение, не может ли фраза «Рюрику же княжащо в Новѣгородѣ» «обобщать» деятельность Рюрика в период его княжения, заменять пересказ не интересовавших летописца рассказов о событиях, происходивших в это время⁶⁴.

Наконец, в сказание о Рюрике входил договор-«ряд», на условиях которого Рюрик становился правителем⁶⁵. Именно эта часть сказания, очевидно, представляла наибольшее значение как для скандинавских дружин в Новгороде, так и для самих новгородцев. Для тех и других ряд был прецедентом перво-

⁶³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 23, 38, 42, 54.

⁶⁴ Еще одной функцией фразы о княжении Рюрика может быть проводимое уже в Начальном своде противопоставление княжеского статуса Рюрика не княжескому Аскольда и Дира; ср.: Аскольд и Дир «начаства *владѣти* Польскою землею. Рюрику же *княжащо* в Новѣгородѣ» (выделено мной. — Е.М.) — ПСРЛ. Т. II. Стб. 15.

⁶⁵ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов. Ср. сохранение условий договора Ярослава Мудрого с варяжским отрядом, нанятым им на службу, в «Саге об Эймунде» (Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // ВЕДС. С. 289–295). Практика подобного рода соглашений между местной знатью и викингами была широко распространена и в Западной Европе, где местные власти стремились обуздать северных захватчиков и с их помощью обеспечить отражение набегов других отрядов: ср. договоры уэссекского короля Альфреда Великого с норманном Гутрумом в 878 г., франкского короля Карла Простоватого с Роллоном в 911 г. и др. (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов. С. 225–228; Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // Historia animata. Памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38; Она же. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // Древняя Русь. 2008. С. 12–26).

статейной важности. Для первых он определял предоставляемые им права, для вторых — служил образцом приглашения князя на их собственных условиях. Бытование сказания в устной традиции поддерживалось перманентной актуализацией ряда как способа урегулирования отношений варяжских отрядов, нанимавшихся на службу к местным властям, с одной стороны, и как формы отношений Новгорода с киевскими князьями, с другой. Продолжение традиции приглашения князя в X в., вероятно, можно усмотреть в рассказе ПВЛ и НПЛ под 970 г. о приходе к Святославу новгородцев, «просаще княза собѣ» и угрожающих, «аще не поидете к намъ то налѣземъ княза собѣ»⁶⁶. Формулировка угрозы новгородцев перекликается со Сказанием о призвании варягов, где уставшие от усобиц словене и прочие решают «поискать себе князя»⁶⁷. Заключение договора (докончания) между князем-«наемником» и новгородской знатю превращается со временем в норму, сохраняющуюся в Новгороде на протяжении всего его независимого существования⁶⁸. Память о прецеденте могли поддерживать также стабильные, хотя временами и нарушаемые, но затем восстанавливаемые даннические отношения с Киевом (еще Олег «оустави дани... Варагомъ. дань давати сът Новагорода»; в середине X в. Константин отмечает, что Новгород поставляет росам в Киев моносилы; в 1014 г. Ярослав отказывается платить Владимиру новгородскую дань, но, по замечанию составителя ПВЛ, она выплачивалась вплоть до смерти Ярослава)⁶⁹.

На протяжении X в. по мере славянизации войска и изменений в социально-политической жизни Новгорода сказание о Рюрике неизбежно должно было претерпевать изменения. И такие изменения обнаруживаются в сохранившихся текстах. К их числу относится включение мотива основания города, обязательного для «биографии» русского правителя⁷⁰, но совершенно невозможного для скандинавского конунга (поскольку в Скандинавии до XI в. города отсутствовали). В Ипат. он повторен даже дважды: сначала Рюрик «срубае» город Ладогу (в действительности существовавшую ко времени его прихода не менее 100 лет), а затем Новгород (укрепление на Городище?)⁷¹. Особый сюжет (или сюжеты) отражен, видимо, в сообщениях летописца о расселении брать-

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 69; ПСРЛ. Т. II. Стб. 57; НПЛ. С. 121.

⁶⁷ «Поищемъ собѣ княза» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 19), «поищемъ сами в собѣ княза» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 14), «князя поищемъ» (НПЛ. С. 106). На эту перекличку указал А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Разыскания*. С. 214–215).

⁶⁸ *Шахматов А. А. Разыскания*. С. 214–215; *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62–64; *Он же.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 66.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 24. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1999. С. 44–45, 329.

⁷⁰ См. примеч. 6.

⁷¹ В новейшей литературе с именем Рюрика связывается основание поселения на Городище. См.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

ев⁷² и о размещении Рюриком своих «мужей» в подвластных ему городах. Цель летописца в этих перечнях — очертить территорию владений Рюрика, достойную прародителя великокняжеской династии⁷³. О том, что эти списки существенно модифицированы летописцем, который внес в них названия городов, не существовавших во времена Рюрика, говорилось неоднократно⁷⁴. Однако важнее другой вопрос: чем располагал летописец для составления этих списков? С одной стороны, — и на это уже обращалось внимание — он ориентировался на приводимый ранее перечень племен, плативших варягам дань, и вообще на предшествующие перечни племен. С другой стороны, таким источником могли быть предания о покорении Рюриком северных племен, аналогичные предания о покорении среднеднепровских племен Олегом.

Судя по сохранившимся пересказам в летописных текстах, содержание исходного повествования постепенно концентрировалось вокруг наиболее актуального как для наемников, так и для местной элиты сюжета — «ряда». Именно его условия стоят в центре внимания дошедшего до нас рассказа, тогда как другие мотивы составляют «обрамление» ряда: причины и обстоятельства его заключения (немирье между славянскими и финскими племенами, призвание варягов, приход Рюрика) и его результаты — раздача городов «мужам» и установление единовластия Рюрика.

Также в связи со славянизацией сказания деяния Рюрика постепенно утрачивали актуальность, и отдельные сюжеты могли понемногу забываться. Не исключено также, что первоначальная «сага о Рюрике», создававшаяся в скандинавской дружинной среде, была, как и сказания об Олеге⁷⁵, пронизана скандинавскими культовыми, ритуальными и магическими представлениями дохристианского времени, которые постепенно теряли смысл, что вело к выпадению одних сюжетов и переосмыслению других. В ходе преобразования сказания о Рюрике еще в период его устной передачи могло произойти и его соединение с мотивом трех братьев — под влиянием аналогичных легенд о призвании (переселении) правителя, в которых, как правило, героями явля-

⁷² По А. А. Шахматову, рассказ о расселении братьев возник в результате соединения трех самостоятельных местных сказаний о правителях Новгорода, Изборска и Белоозера, которых новгородский летописец объединил родственными узами, сделав их братьями (см. выше примеч. 36). Это предположение маловероятно уже потому, что в IX в. ни одного из этих поселений не существовало и возникли они позже, но в разное время. Не существует и никаких следов существования таких местных преданий. См. подробнее: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов; *Они же*. Легенда о призвании варягов.

⁷³ См.: Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII вв. // ОИ. 2003. № 3. С. 71–80.

⁷⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов. С. 223–224.

⁷⁵ См.: Melnikova E. The Death in the Horse's Skull; Мельникова Е. А. Сюжет смерти «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95–108.

ются три (реже два) брата⁷⁶, а позднее — библейского сюжета о разделении земли между сыновьями Ноя⁷⁷.

Таким образом, изначальное сказание о Рюрике (его деяниях), видимо, еще в устной традиции трансформировалось в сказание о призвании — социоэтиологическую легенду о происхождении власти.

Присутствовал ли в изначальном сказании или в его ранних, X в., вариантах сюжет о сыне Рюрика? В ПВЛ упоминание Игоря включено в завершающее сказание сообщение о смерти Рюрика: «Оумершю Рюрикови предасть княжение свое Сѡлгови. ѿт рада имь суща. въдавъ ему сынъ свои на руцѣ. Игоря. бысть бо дѣтескъ вельми»⁷⁸. В НПЛ о смерти Рюрика не говорится вообще, а речь об Игоре заходит непосредственно после указания на смерть Синеуса и Трувора и начало единоличного правления Рюрика: «...и нача владѣти единъ. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастъшю же ему, Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, муж мудръ и храборъ»⁷⁹. Еще один вариант сообщения о родственной связи Рюрика и Игоря содержится в СЛ и НВЛ. Одновременно в них подчеркивается княжеский статус Олега: «Умре Рюрик, княжив лет 17 и предасть княжение свое Олгови, понеже ему от рода своего суща, и въда ему сын свои на руце, Игоря малого: бе бо детескъ велми»⁸⁰. Очевидно, что эта часть сказания — в отличие от всей остальной — не имеет устойчивой вербальной формы, равно как и постоянного места в повествовании. Такая изменчивость текста и контекста упоминания Игоря в качестве сына Рюрика свидетельствует об отсутствии его органической связи с самим повествованием.

Другим возможным свидетельством позднего и «умозрительного» происхождения связки, объединяющей Рюрика и Игоря, является место Игоря в устной традиции, легшей в основу Сказаний о первых русских князьях. Если Олег был героем обширного цикла сказаний, бытовавших как на севере (в Ладогe и Новгороде), о чем свидетельствуют варианты места его захоронения и ат-

⁷⁶ Ср., прежде всего, легенду о Кие, а также англо-саксонскую легенду о Хенгисте и Хорсе, готландскую о Тьяльви и др. Параллели см. в ст.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов. О возможных источниках имен Синеус и Трувор см.: Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор. С. 147–149.

⁷⁷ О значении этого библейского сюжета см.: Гиппиус А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тез. и мат-лы симпозиума. М., 1994. С. 136–141; Он же. Два начала. С. 70–72 и примеч. 14; Петрухин В. Я. Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы) // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. Сб. статей. М., 1998. С. 269–288; Данилевский И. Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 217–226.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 22; ПСРЛ. Т. II. Стб. 16.

⁷⁹ НПЛ. С. 107. Повтор характеристики Игоря и Олега был отмечен уже А. А. Шахматовым, который полагал, что изначальное она относилась к Олегу и была перенесена на Игоря в Начальном своде (Шахматов А. А. Разыскания. С. 230).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. V. С. 12; ПСРЛ. Т. IV. С. 12.

рибуция ему кургана около Ладоги, так и в Киеве, то летописные тексты позволяют связать с именем Игоря только два сказания: о неудачном походе на Царьград и о его смерти. В летописях рассказ о походе, помещенный под 941 г. (в ПВЛ) и 920 г. (в НПЛ), заимствован из Жития Василия Нового и хроники Продолжателя Амартола. Византийским текстом, как более авторитетным, было заменено восходящее к устной традиции повествование, в котором руководителем похода назывался Игорь и от которого сохранилось лишь описание греческого огня: «тѣмже пришедшимъ въ землю свою и повѣдаху кождо своимъ ѿ бывшемъ и ѿ ладнѣмъ ѿгни. ѿкоже молонья рече. иже на небесехъ Грьци имуть оу собе. и се пушающа же жагаху насъ. сего ради не ѿдолѣхомъ имъ»⁸¹. Этот фрагмент устных рассказов участников похода, о чем прямо говорится в тексте, видимо, не читался в Начальном своде, поскольку он не представлен и в НПЛ. Вряд ли, вместе с тем, он мог быть сочинен составителем ПВЛ или вставлен им на основе все еще передававшихся изустно сказаний о походе. Вероятнее, что в более ранних, нежели Начальный свод, летописных памятниках читался пересказ устного предания о походе Игоря, который автор Начального свода полностью заменил текстом Жития⁸². Составитель же ПВЛ совместил текст Начального свода (выдержку из Жития) с записью устного предания в более раннем (1072/1073 г.?) своде, взяв из него описание греческого огня. Вероятно, таким образом, что в сводах, предшествовавших 1090-м гг., повествование о походе Игоря имело совершенно иной вид и было изложением устного сказания, восходившего к воспоминаниям участников похода. Естественно, что оно сложилось и бытовало прежде всего в Киеве.

Также южное происхождение имеет сюжет о смерти Игоря. По предположению В. А. Пархоменко, отметившего явно выраженное в тексте негативное отношение к Игорю, он сложился в древлянской среде⁸³, но вошел в фонд сказаний о киевских князьях и отразился, по А. А. Шахматову, уже в Древнейшем своде 1039 г.⁸⁴. Никаких следов других устных сказаний, связанных с именем Игоря, не обнаруживается. Включение же его в рассказ о захвате Олегом Киева носит вторичный характер, и изначально сказания об Олеге и об Игоре не были связаны между собой, более того, «взаимные отношения Олега и Игоря

⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 45; ПСРЛ. Т. II. Стб. 34. В НПЛ отсутствует.

⁸² По мнению А. А. Шахматова, текст из Жития Василия Нового был заимствован составителем Начального свода из какого-то «краткого вида хронографа» (Шахматов А. А. Разыскания. С. 76–77; *Он же*. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. IV. С. 57–75). В. М. Истрин полагал, что эта выдержка из Жития находилась в составе Хронографа по великому изложению (Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 70), который был составлен не позднее 1090-х годов (Творогов О. В. Хронограф по великому изложению // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. СПб., 1987. С. 476–477).

⁸³ Пархоменко В. А. Древляне и поляне // ИОРЯС. 1926. Т. XXXI.

⁸⁴ Шахматов А. А. Разыскания. С. 389–390.

не были, очевидно, определены источниками» (имеется в виду, письменными), что и позволило варьировать их в Начальном своде и ПВЛ⁸⁵.

Таким образом, в устной традиции, использованной летописцами XI в. для реконструкции ранней истории Руси, существовали три независимые группы исторических преданий: новгородская, героем которой был Рюрик; новгородско-киевская, в которой большая часть сюжетов была связана с Киевом и именем Олега, и собственно киевская (южнорусская) об Игоре. Наиболее развитым и имевшим общерусское распространение был цикл сказаний об Олеге. Именно он, согласно А. А. Шахматову, был в наиболее полной (близкой по составу к ПВЛ) форме отражен еще в Древнейшем своде, составляя ядро Сказания о первых русских князьях⁸⁶. Традиция же об Игоре была представлена в нем упоминаниями о покорении им восточнославянских племен и кратким повествованием о его смерти.

Включение сказания о Рюрике в летопись — редчайший случай — имеет *terminus ante quem*: в конце 1050-х или начале 1060-х гг. именем Рюрик называется старший сын Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого, родившегося около 1040 г. (в 1038 г.?). К этому времени сказание о Рюрике должно было быть не только включено в летопись, которая отражала представления об истории восточного славянства, но и прочно закрепиться в династическом сознании древнерусского княжеского клана: свое происхождение они должны были уже прочно связывать с именем Рюрика. Сложная судьба Ростислава, не получившего удела, поскольку его отец, Владимир Ярославич, умер раньше Ярослава, заставляла его быть особенно внимательным к выбору имени для своего старшего сына: «все претензии рода Ростислава на власть были связаны с тем, что он был сыном Володимира Ярославича, но именно ранняя смерть Володимира Ярославича и мешала этим претензиям осуществиться»⁸⁷. Имя старшего сына, в еще большей степени, чем имена последующих сыновей (Володарь и Василько), должно было апеллировать к династической традиции и напомнить о принадлежности Ростислава и его потомков к единой семье древнерусских князей и, соответственно, об их праве на удел в Русском государстве. Имя «Рюрик» не могло бы выполнять подобную функцию, если бы сказание о нем уже не являлось частью «официальной», признанной в обществе истории Руси, а Рюрик не воспринимался в княжеской среде основателем их рода⁸⁸.

⁸⁵ Там же. С. 228; Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгр., 1915. С. XXXII–XXXIII.

⁸⁶ Ср. реконструкцию Древнейшего свода: Шахматов А. А. Разыскания. С. 385–389.

⁸⁷ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имен у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 59; см. также с. 15; Пчелов Е. В. Рюриковичи. История династии. М., 2002. С. 25.

⁸⁸ Впервые, насколько мне известно, он прямо называется предком русских князей в СЛ под 1471 г.: «потом же правнук его (Рюрика. — Е. М.) князь великий Владимир крестися и все земли наши крести: Русскую, и нашу Словенску, и Мерску, и Кривичску, Весь, рекше Белозерскую, и Муром, и Вятичи и проча» (ПСРЛ. Т. VII. Стб. 169).

«Официальная» история Руси творилась в Киеве. Чтобы стать и признаваться краеугольным камнем династическо-государственной истории Руси, сказание о Рюрике должно было быть хорошо известно в Киеве и присутствовать в одном из киевских сводов. Вряд ли впервые включенный в местную, новгородскую летопись только в 1050 г., как полагал А. А. Шахматов, рассказ о Рюрике (к тому же связанный уже с «историческими» киевскими князьями) мог к концу 1050-х гг. завоевать такой авторитет в Киеве, чтобы побудить Ростислава Владимировича назвать своего сына Рюриком⁸⁹. По предположению Д. С. Лихачева, источником летописного текста (добавлю — составленного в Киеве) послужила устная информация Вышаты или Яна Вышатича, включенная Никоном в свод 1072/1073 г.⁹⁰. Надо сказать, что Ян Вышатич очевидным образом не мог быть передатчиком сказания, поскольку его деятельность приходится на время, существенно более позднее, нежели рождение Рюрика Ростиславича. Слишком поздним представляется и свод Никона как первая летописная запись сказания о Рюрике. Существенная роль же Вышаты в переносе сказания из Новгорода в Киев в принципе возможна. После неудачного похода Владимира Ярославича на Константинополь 1043 г. Вышата, сын новгородского посадника Остромира, назначенный воеводой при Владимире, проводит три года в византийском плену и затем возвращается в Киев. Именно в это время он и мог распространить в Киеве повествование о первом новгородском князе Рюрике. Позднее Вышата оказывается тесно связан с Ростиславом Владимировичем: в 1064 г. он вместе с ним бежит в Тмуторокань. Воевода отца, Вышата, как следует из событий 1064 г., оставался в близких отношениях с Ростиславом, и именно по его подсказке Ростислав мог выбрать имя «Рюрик», еще только недавно приобретенное особое значение для русского княжеского рода.

Однако при всей привлекательности подобного предположения оно вызывает существенные сомнения. Во-первых, слишком невелик временной «зазор» для распространения и закрепления в сознании княжеского рода представления о Рюрике как его первопредке. Во-вторых, вряд ли один информатор, даже такой авторитетный, как воевода Вышата, мог внедрить в сознание верхушки древнерусского общества, ведшей свое происхождение от Игоря⁹¹, новое гене-

⁸⁹ Вне зависимости от того, где находился во второй половине 1050-х гг. Ростислав, в Новгороде или в Галицкой земле, апеллировать он должен был прежде всего к Ярославичам, сидевшим в Киеве, Переяславле, Чернигове, Смоленске.

⁹⁰ Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // ИЗ. 1945. № 17. С. 206. По мнению Д. С. Лихачева, легенда о призвании была включена Никоном в свод 1072/1073 г.

⁹¹ Род русских князей возводится к Игорю Иларионом в прочитанном им между 1037 и 1050 гг. «Слове о Законе и Благодати»: «Похвалим же и мы, по силе нашеи... великаго кагана нашаа земли Володимера, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...». Обращение Илариона (так же, как и позднее Иакова Мниха) к Игорю, а не Рюрику как прародителю Владимира обычно объясняется тем, что именование деда в качестве предка было распространенной на Руси традицией. Действительно, в летописных текстах предками, как правило, считаются деды.

алогическое построение. В-третьих, тесные связи киевских князей с Новгородом отнюдь не ограничивались 1040-ми гг.

Прежде чем определить возможное время переноса новгородского сказания о Рюрике в Киев и его включения в летопись, представляется важным обратиться к вопросу о том, чем могло привлечь киевского летописца сказание о Рюрике и что могло заставить его положить это сказание в основу всего здания истории восточного славянства, связав Рюрика родственными узами с Игорем. Ведь в Киеве не только известны были предания об Олеге и Игоре, первых русских князьях, но очевидна была и генеалогическая цепочка Ярослав — Владимир — Святослав — Игорь. Несомненным предком, от которого пошел род русских князей, был Игорь. Однако сказание о Рюрике содержало принципиально важный для русского общества последней четверти X — начала XI в. мотив легитимности власти. Заключение Рюриком ряда с местной знатью придавало его правлению изначальную законность. Он правил не как захватчик или узурпатор, а «по ряду по праву». Он вокняжился в период безвластия у призвавших его племен и тем спас их от «ратей великих и усобиц», разделил власть со своими братьями и затем «приял власть един» после их смерти, не нарушив принцип «не преступати в жребий братень» (как сыновья Ноя и как завещал Ярослав Мудрый своим сыновьям)⁹². Законность единоличной власти Рюрика не могла быть оспорена. Не так обстояло дело с властью Олега и Игоря. В предании о захвате Киева Олег выступает в качестве предводителя войска, хитростью и силой утвердившегося в Киеве. Его право на власть — как и любого другого викингского вождя — основывается на силе и удаче; никаких других обоснований законности его правления и не требовалось в той воинской среде, в которой формировались предания о нем. Однако именно против права силы и выступали древнерусские летописцы. Не имела, очевидно, обоснований в устной традиции — до его соединения с Рюриком — и легитимность правления Игоря (можно предполагать, что о его происхождении, так же как и о происхождении Олега устная традиция сведений не сохранила). Изображение же его сыном пусть и не киевского, но первого правителя на Руси, обретшего власть законным путем, сразу же придавало Игорю статус неоспоримого, «порфирородного», законного князя. Не случайно, составитель Начального свода вносит в текст сказания о захвате Киева обоснование легитимности вокняжения в Киеве пришельца из Новгорода ссылкой на княжеское происхождение Игоря, сына Рюрика: «вы нѣста княза. ни рода княжа. но азъ есмь роду княжа»⁹³.

Естественной казалась летописцам связь Игоря именно с Рюриком еще, видимо, и потому, что в исторической памяти, восходящей к временам, когда

⁹² О значении принципа «не преступати предела братня» см.: *Гиппиус А. А.* Два начала. С. 70–72; *Timberlake A.* «Не преступати предѣла братнѣ»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // *Вереница литер.* С. 97–112.

⁹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 23; ПСРЛ. Т. II. Стб. 16; НПЛ. С. 107.

с севера шел поток скандинавских отрядов, запечатлелось устойчивое представление о приходе киевских князей в древности с севера, «из Новгорода»: Аскольда и Дира, Олега, Игоря. Это же движение повторяли киевские князья, которые сажали своих сыновей, занимавших впоследствии киевский стол, в Новгороде: Игорь — Святослава, Святослав — Владимира, Владимир — Ярослава. Приход Игоря с севера, от Рюрика, полностью вписывался в эту модель отношений Киева и Новгорода.

Если, действительно, сказание о Рюрике, уже в форме сказания о призвании, служило целью легитимизации династии киевских князей, происходящих от Игоря, то его соединение с именем Игоря должно было произойти в такой момент русской истории, когда законность их власти могла быть поставлена под сомнение или оспорена. Таких моментов было, насколько можно судить по летописной реконструкции событий X – начала XI в., по меньшей мере, два. Первый приходится на период борьбы Ярослава Владимировича за киевский стол. Его претензии на Киев после смерти Владимира не могли считаться законными: Святополк был старшим среди братьев (если же он был сыном Ярополка, то являлся старшим в поколении Ярослава, будучи сыном старшего из Святославичей) и имел законное право занять главный стол Руси. Поэтому Ярославу требовалось обоснование своих притязаний. Находясь длительное время в Новгороде, Ярослав и его дружинники имели полную возможность познакомиться со сказанием о призвании Рюрика и использовать его, связав с историей киевских князей-Игоревичей. Право на власть Ярослава в Киеве подтверждалось легитимностью новгородских князей и традицией их перемещения из Новгорода в Киев.

Второй, еще более острый момент сложился после смерти Святослава⁹⁴. В это время в различных частях Руси еще существовали самостоятельные, не связанные родством с киевскими князьями-«Игоревичами» правители: таковым был Рогволод в Полоцке, скандинавская династия в Пскове, оставившая богатый некрополь с камерными гробницами, возможно, некий Туры в Турове (время его правления неизвестно). Летописцы упоминают о них случайно и вскользь: они создают историю рода современных им князей-Рюриковичей, единственно законных правителей Руси. Однако, чтобы стать таковыми, потомкам Игоря нужно было одержать победу в тяжелой борьбе и с главами местных племенных объединений (ср. рассказ о покорении древлян), и с укрепившимися в других центрах скандинавскими же вождями. Рассказ о захвате Владимиром Полоцка, облеченный в форму легенды о сватовстве Владимира, отражает жестокое противостояние киевских и полоцких князей, и трудно предполагать, что сопротивление в других центрах было менее ожесточенным. Разумеется,

⁹⁴ Благодарю Е. В. Пчелова, указавшего мне на особую остроту проблемы легитимности власти Игоревичей в период борьбы Владимира за киевский стол.

исход борьбы зависел от военной силы сторон, и киевские князья обладали военным преимуществом, но идеологическое обоснование их права на верховную власть на всей территории Руси также было крайне необходимо. Сидевший на протяжении примерно десяти лет в Новгороде Владимир, как и Ярослав, должен был познакомиться здесь с историей Рюрика, первого новгородского князя, и мог использовать ее против своих противников: «вы нѣста князя, ни роду княжа, нъ азъ есмь князь, и мнѣ достоить княжити»⁹⁵. Отсутствие сведений о происхождении Игоря (не имевшихся изначально или, скорее, забытых вследствие утраты актуальности), но известность того, что он пришел в Киев с севера, т. е. из Новгорода, позволяли с легкостью установить его родственную связь с Рюриком.

Таким образом, представляется, что новгородское сказание о Рюрике, возникшее в конце IX – начале X в., в период его устного бытования в Новгороде на протяжении X в. было переосмыслено в сказание о призвании, и акцент был перенесен с деяний Рюрика на заключенный им ряд, который воспринимался как прецедент в политической системе Новгорода. Как главный инструмент легитимизации ряд стал центром повествования, вокруг него концентрировались те эпизоды сказания, которые объясняли его происхождение, характеризовали его условия и демонстрировали его результаты. В конце X – начале XI в. в условиях острой политической борьбы киевских князей за верховную власть на Руси сказание о призвании было воспринято как сообщение о первом легитимном правителе на Руси, пришедшем к власти «по праву», и интерпретировано в качестве генеалогического предания, утверждающего законность власти князя Игоря и его потомков. В это время сказание превращается из местного в общегосударственное и кладется в основу построения начал Руси. Можно полагать, что в этом качестве сказание о призвании было включено уже в первое систематическое изложение ранней истории Древнерусского государства — в Древнейший летописный свод конца 1030-х гг.

(Впервые опубликовано: ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 47–75)

⁹⁵ НПЛ. С. 107.

К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей

Изображения двузубцев и трезубцев на древнерусских монетах и разнообразных предметах уже в XIX в. были определены как лично-родовые эмблемы князей Рюриковичей¹. До последнего времени считалось, что они появляются во второй половине X в., и их возникновение связывалось с именем князя Святослава Игоревича (ум. 971 или 972 г.); предполагалось, впрочем, что знаки могли появиться уже при князе Игоре (ум. 944 или 945 г.). Наиболее распространено предположение о североευропейском происхождении знака, которое обосновывается, прежде всего, скандинавскими корнями династии Рюриковичей². Однако скандинавской культуре довикингского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появляются в форме руноподобных тамг не ранее XII в.³. В ней также отсутствуют символические изображения, которые можно было бы связать с репрезентацией властных функций. Не прослеживается в скандинавской традиции и изобразительный мотив в виде двузубца или трезубца. Делались попытки сопоставить знаки Рюриковичей с изображением сокола, представленным в скандинавском декоративном искусстве (прежде всего, на металлических наконечниках ножен мечей, а также в виде отдельной накладки, экземпляр которой был найден при раскопках поселения Бирки в 1980–1985 гг.)⁴, а также с рисунком военного корабля эпохи викингов — «дракара» с равновысокими носом и кормой⁵. Однако первая интерпретация учитывает только знаки в форме трезубца, хотя древ-

¹ Подробную библиографию исследований знаков Рюриковичей см.: Молчанов А. А. Знаки Рюриковичей: история изучения (Библиографический указатель) // *Signum*. М., 1999. Вып. I. С. 13–24. Об истории их изучения см.: Молчанов А. А. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 250–269.

² Молчанов А. А. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские *jartegnir* // IX Сканд. конф. М., 1986. Ч. 1. С. 184–186.

³ *Homeyer C. G.* Die Haus- und Hofmarken. B., 1987; *Wallen F. B.* En inledning til studiet af de nordiske bomærker // Foreningen til norske Fortidsminnesmerkers Bevaring. Årsberetning, 1902; *Düwel K.* Zeichen-konzeptionen im germanischen Altertum // *Semiotik. Ein Handbuch zu den zeichen-theoretischen Grundlagen von Natur und Kultur* / R. Posner et al. B., 1997. Bd. 1. S. 803–822.

⁴ Куник А. О русско-византийских монетах Ярослава Владимировича с изображением Георгия Победоносца. СПб., 1860. С. 52–53; Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. 1988. № 3. С. 106–117; Birka Studies 5. Excavations in the Black Earth 1990–1995. Eastern Connections. Part One: The Falcon Motif / B. Ambrosiani. Stockholm, 2001. Изображение сокола в качестве прототипа знаков Рюриковичей признавалось и теми, кто придерживался взглядов на прибалтийско-славянское происхождение Рюрика и сопоставлял имя Рюрик со слав. *paroγ* «сокол»: Гедеонов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. 1. С. XXXIV; Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. 1968. № 3. С. 62–69.

⁵ Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995. С. 241–245.

нейшие известные изображения знака — двузубцы. Второе предположение, более остроумное, тем не менее не находит подтверждений в изобразительном искусстве Скандинавии эпохи викингов: одновременные рисунки кораблей встречаются среди граффити на восточных монетах⁶, на готландских «рисованных камнях» IX–X вв.⁷, на разнообразных предметах. Иконографически эти изображения сильно отличаются друг от друга, но ни одно не может быть прямо сопоставлено с древнейшими формами знаков Рюриковичей. Другое направление поисков прототипов знаков Рюриковичей связывает их с византийской христианской традицией: монограммой греческих букв α и ω , символизирующей изречение, приписываемое Иоанном Златоустом Иисусу Христу: «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (*Откр* 22:13)⁸. Однако использование христограммы в качестве княжеского знака в правление Святослава и тем более Игоря, бесспорно язычников, крайне маловероятно. Наконец, знаки Рюриковичей были сопоставлены с тамгообразными знаками на гробницах боспорских царей⁹, но чрезвычайно большой временной разрыв препятствовал их сближению.

В последние десятилетия число известных изображений знаков Рюриковичей раннего времени (до конца X в.) существенно возросло, причем все они представлены на восточных монетах, поступавших в большом количестве в IX–X вв. в Восточную и Северную Европу. Еще в 1950-е гг. на восточных монетах из собраний Швеции были обнаружены многочисленные граффити¹⁰. Позднее были выявлены рисунки, представляющие собой изображение двузубца или трезубца с треугольным завершением внизу. Уже при первой публикации они были сопоставлены с так называемыми знаками Рюриковичей, в первую очередь с наиболее ранними из известных: на печати Святослава Игоревича, на костяном кружке из Саркела и др. — и отнесены к категории амулетов-символов¹¹. Из шести монет с этим изображением, опубликованных И. В. Дубовым, И. Г. Добровольским и Ю. К. Кузьменко, три происходили из кладов Северо-Западной Руси (ДДК, №№ 73, 103) и Эстонии (ДДК, № 82, трезубец) первой половины XI в., одна из клада с младшей монетой 902/903 г., найденного у с. Погорельщина в Беларуси (ДДК, № 72), происхождение двух неизвестно (из собраний Берлинского музея: ДДК, № 433 и Эрмитажа: ДДК, № 149). Датировка двузубцев временем правления Святослава (965–972 гг.)

⁶ Дубов И. В. Средневековые корабли-граффити восточных монет // Кр. тез. докл. нумизматической конференции 25–28 февраля 1992 г. М., 1992. С. 29–31.

⁷ Nylén E. Bildstenar. Visby, 1978.

⁸ См.: Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 10–14.

⁹ Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975. С. 90–93.

¹⁰ Linder-Welin U. Graffiti on Oriental Coins in Swedish Viking Age Hoards // Kgl. Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund årsberättelse 1955–1956. Lund, 1956. B. III. P. 141–171.

¹¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 67–74 (далее — ДДК).

и трезубца временем правления Владимира Святославича основывалась на общепринятых представлениях о происхождении знаков Рюриковичей. Ныне обнаружено еще несколько изображений знаков Рюриковичей на восточных монетах¹², так что число монет с этим граффито теперь достигает шестнадцати (см. Табл. 1 и Рис. 1). Новые материалы позволяют существенно пересмотреть традиционные представления о времени происхождения и семантике знака на раннем этапе его существования.

Во всех случаях граффито занимает центральную часть поля одной из сторон монеты. Как и другие рисунки, двузубцы и трезубцы представлены двумя иконографическими типами: контурным, очерчивавшим «тело» предмета, и схематическим, линейным, дающим представление лишь о его важнейших конструктивных особенностях (ср. изображения молоточков Тора, крестов и др.). Контурный рисунок полностью сохранившихся двузубцев (№№ 3, 4, 5, 6, 9, 10, 15) отличается удлинненными и слегка отогнутыми наружу зубцами, удлиненным треугольным отростком внизу, который обрисован единой линией с основанием двузубца и не отделяется от него. Важнейшие элементы изображения: зубцы и острый треугольник под основанием — воспроизводятся и в линейном варианте изображения (№№ 1, 2, 7, 11, 12, 13). Оба типа двузубцев сосуществовали на всем протяжении их употребления, что свидетельствует о единстве и неизменности их семантики.

Наличие второго изображения на другой стороне монеты — распространенная особенность граффити этого типа, особенно двузубцев: в пяти случаях на обороте помещены рисунки стяга, лады, ножа, питьевого рога. Однако никаких иных рисунков на том же поле монеты, где изображен двузубец, не отмечено. Знак располагается в центре и занимает почти все поле монеты, что, видимо, указывает на важное значение, придававшееся этому символу. Сочетание изображений двузубцев и предметов дружинного быта — важный показатель среды, в которой функционировал знак Рюриковичей: княжеские дружины.

Уже в числе опубликованных в ДДК граффити была монета, не укладывавшаяся в традиционные хронологические рамки бытования знаков Рюриковичей: из клада Погорельщины, зарытого, очевидно, в первое десятилетие X в. (№ 3). Новые материалы дают все основания пересмотреть существующую датировку. Древнейший комплекс с монетой, имеющей граффито в виде схематического двузубца (№ 1), содержит младшую монету чеканки 880–885 гг., что указывает на зарытие клада в конце IX или на рубеже IX–X вв. Чеканка монеты в 877/878 г. определяет время нанесения знака последними десятилетиями

¹² Новые находки опубликованы: *Hammarberg I., Rispling G. Graffiter på vikingatida mynt* // *Nikuin*. 1985. В. 11. S. 63–78 (далее — HR); *Наханетян В. Е., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 139–208 (далее — НФ); *Мельникова Е. А.* Граффити на восточных монетах из собраний Украины // ДГ. 1994 год. М., 1996. С. 248–284 (далее — М).

Таблица 1. Восточные монеты со знаками Рюриковичей

	Датировка клада	Датировка монеты	Место находки	Тип граф- фити	Особенности	Место хранения, издание
1	880–885	877/878	Чиннер, Готланд	линейное		Стокгольм HR 25
2		894		линейное		Стокгольм Ката- лог ¹³
3	902/903		Погорель- щина	контурное	1/2 монеты; на обороте рисунок стяга	БГУ, Минск ДДК 72
4		913/914		контурное	на обороте рису- нок ладьи	Эрмитаж
5		919/920		контурное		Копенгаген Ката- лог
6		924/925		контурное		Берлин ДДК 433
7	до 940		Козьянки	линейное		БГУ Минск ¹⁴
8	951/952	895 или 904/905	Звеничев	контурное		Чернигов М46
9	954/955	911/912	Копиевка	контурное	на обороте рису- нок рога	Киев, ГИМ М8
10		974/975		контурное	пробито два от- верстия	Москва, ГИМ НФ 253
11		979/980		линейное		Чернигов М48
12		979/980		линейное		Чернигов М47
13		988/989		линейное		Чернигов М50
14	нач. XI в.	954–961	Васьково	контурное	1/2 монеты, на обороте неопре- делимый рисунок	Эрмитаж ДДК 73
15	1015	810/811	С в и р ь - строй	контурное	пробито два от- верстия, на обо- роте рисунка	Эрмитаж ДДК 103
16	п.п. XI в.	X в.		контурное	пробито одно от- верстие	Таллинн ДДК 82

¹³ Приношу сердечную благодарность Герту Рисплингу (Gert Rispling), сотруднику Нумизматического института Стокгольмского университета, за разрешение использовать материалы собранного им, но неопубликованного каталога граффити на восточных монетах из собраний Скандинавских стран и Англии.

¹⁴ Возможность познакомиться с монетами из кладов, найденных у дер. Козьянки и Погорельщина, была предоставлена В.Н. Рябцевичем.

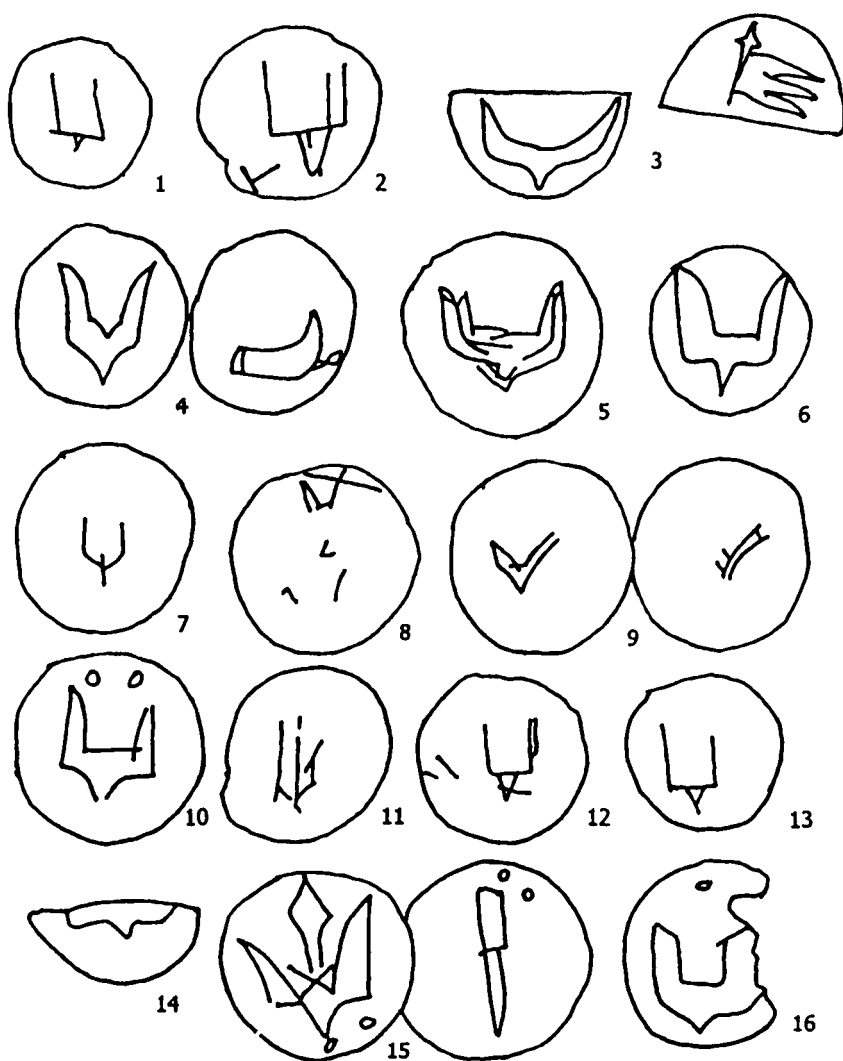

Рис. 1. Знаки Рюриковичей на восточных монетах

IX в. Эту датировку подтверждает клад из Погорельщины с младшей монетой 902/903 г.: нанесение графито на монету № 3 (дата чеканки самой монеты неопределима) должно быть отнесено к первому десятилетию X в. Временем до 940 г. датируется клад из Козьянок, где изображение двузубца представлено на монете, чеканенной в 910/911 г., т. е. было выполнено в 10–30-е гг. X в. Появление двузубца как символического знака, изображаемого на монетах вместе с предметами дружинного быта, ныне можно уверенно датировать концом IX –

рубежом X в., временем возникновения единого Древнерусского государства и правления в Киеве князя Олега.

Надо отметить при этом, что изображение трезубца — несравненно более редкое, нежели двузубца (всего один случай — № 15), — появляется относительно поздно: на монете из клада, датированного 1015 г.

Уже в первой половине X в. двузубец получает широкое распространение: он помещен на пяти монетах из различных комплексов. Общее же количество монет с двузубцами и трезубцами — шестнадцать — ставит граффито в один ряд с наиболее употребительными видами рисунков — после молоточков Тора и крестов (известно менее чем по десять изображений мечей, стягов, ладей, свастик).

Топография находок отчетливо указывает на их преимущественное распространение в древнерусском ареале: одиннадцать монет из шестнадцати происходят с территории Древней Руси. Лишь три монеты обнаружены в кладах в Скандинавии (№№ 1, 2, 5). Происхождение монеты № 6, хранящейся в Берлине, неизвестно: она могла быть привезена в Германию как из Швеции, так и из России или найдена в Прибалтике. Наконец, монета № 16 обнаружена на территории современной Эстонии. Очевидное преобладание монет с двузубцами в Восточной Европе бесспорно свидетельствует о функционировании знака именно в этом регионе.

Локализация древнерусских кладов, в которых найдены монеты с двузубцами, позволяет, как кажется, еще более сузить район их наибольшего распространения. Из девяти монет, происхождение которых известно, две — самые поздние — обнаружены в Северо-Западной Руси (№№ 14, 15), две — в Полоцкой земле (№№ 3, 7), а пять остальных — в кладах из Среднего Поднепровья (№№ 8, 9, 11, 12, 13). Преимущественная и вряд ли случайная связь со Средним Поднепровьем, очевидно, свидетельствует не просто о «дружинном» характере граффито, а о его особом значении для дружин и ближайшего окружения великих киевских князей. Видимо, семантика знака отражала понятия, имевшие ценность в первую очередь для недавно возникшей и формирующейся в это время новой правящей военной элиты, сделавшей Киев своим центром.

Вместе с тем скандинавское происхождение этой элиты не дает само по себе оснований возводить знак Рюриковичей к североевропейским реалиям. Ближайшие иконографические аналогии знаку Рюриковичей, причем именно в форме двузубца с отростком внизу, известны лишь в Причерноморском степном регионе. До последнего времени они связывались по преимуществу с «царскими знаками» Боспора¹⁵, т. е. датировались — самое позднее — первыми веками нашей эры. Ныне выявлена большая серия двузубцев и трезубцев схожего с ранними знаками Рюриковичей вида на предметах из хазарского ареала и датированных VII–X вв. (с большим количеством прототипов в сасанидском Иране и аналогий в Волжской

¹⁵ Драчук В. С. Системы знаков. С. 90–93.

Булгарии, первом Болгарском царстве, позднее в Золотой Орде)¹⁶. Некоторые из них идентичны или чрезвычайно близки схематически изображенным знакам Рюриковичей на восточных монетах, т.е. наиболее ранним их рисункам¹⁷. Двужубцы и трезубцы этого типа (равно как и их зеркально удвоенные изображения), по мнению В.Е. Флеровой, напоминают антропоморфную фигуру с воздетыми руками, т.е. центральную часть «священной триады». Они интерпретируются как символы верховной власти, отражающие представления о сакральности и божественности происхождения института верховной власти.

В 882 г., согласно условной дате «Повести временных лет», Олег утвердился в качестве верховного правителя в Киеве, где пересекались влияния двух крупнейших государств Юго-Восточной Европы, Хазарии и Византии. В договоре 911 г. Олег именуется «великим князем русским» — титулом, возможно, принадлежавшим переводчику договора на русский язык (по аналогии с современной ему титулатурой)¹⁸, но в любом случае отражавшим его представления о доминирующем положении Олега в формирующемся Древнерусском государстве. Как именно титуловался Олег, вокняжившись в Киеве и установив свою верховную власть над правителями покоряемых им восточнославянских племен, неизвестно¹⁹. Однако уже в самом конце первой трети IX в. глава русов из, видимо, Волховско-Ильменского региона, ведших торговлю по Балтийско-Волжскому пути, обозначается тюркским термином «каган»²⁰: росы, пришедшие с византийским посольством в Ингельхейм, были направлены к Теофилу своим «королем» (*rex*), «именуемым каганом» (*chacanus*)²¹. Каганом продолжа-

¹⁶ Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001. С. 53–64.

¹⁷ Там же. Рис. 11. №№ 19, 20, 21, 30 (Саркел, знаки на кирпичках), рис. 13 (Хумаринское городище).

¹⁸ Ср. употребление Константином Багрянородным термина *ἄρχων* как по отношению к киевскому князю Игорю («архонт Росии»), так и к неким «архонтам», которые «вместе со всеми росами» выходят из Киева в полюдье (*Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 44/45, 50/51).

¹⁹ Хотя термин «князь» (<гот. *kuningaz*) и был заимствован в славянские языки еще в праславянскую эпоху, предполагается, что в Древней Руси он начал активно использоваться только в конце XI в. (*Львов А.С. Лексика «Повести временных лет»*. М., 1975. С. 207; *Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси*. Л., 1986. С. 268–269). Впрочем, этой датировке противоречит легенда на печати Ярослава Мудрого, найденной в Новгороде — «о [Яросла]в[у] к.н.а. роус.с.» — «Ярослав — князь русский» (*Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1998. Т. III. № 2а. С. 113). Печать датируется в широких пределах правления Ярослава, но в любом случае бесспорно свидетельствует об употреблении термина «князь» в первой половине XI в. Вероятнее всего, что он применялся и значительно раньше — главами восточнославянских племен, но тем больше оснований было у иноэтничного правителя, стремившегося подчинить себе местные племенные образования, принять не славянский титул, а максимально авторитетный в это время — хазарский.

²⁰ Подробнее см.: *Коновалова И.Г. Древнейший титул русских князей «каган»* // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 228–239.

²¹ *Annales Bertiniani* / G. Waitz // MGH SRG. 1883. Т. 4, s. a. 839.

ли обозначать «государя норманнов» в Византии и в 870-е гг.²². Впоследствии, в XI в., так называются Владимир и Ярослав Мудрый. Видимо, в конце IX в., обосновавшись в Киеве, Олег принимает этот титул как специализированное обозначение верховного правителя, что имело не только социальное, но и символично-идеологическое, а может быть, и сакральное значение. В системе международной дипломатии использование титула «каган» должно было поставить нового русского князя в ряд крупнейших правителей раннесредневековой Юго-Восточной Европы: аналогично титуловались главы сначала аварского, а затем и — одновременно с Олегом — хазарского государств²³.

Можно предположить, что наряду с принятием хазарского титула была усвоена и хазарская символика высшей власти: предметы и/или изображения, использование которых являлось прерогативой верховного правителя. Появление знака Рюриковичей в качестве символа княжеской власти во второй половине X в. на монетах Владимира и Ярослава и на печатях, начиная со Святослава, предполагает, что и в предшествующее время он имел если не то же самое, то сходное содержание и являлся принадлежностью верховного правителя Древней Руси — великого киевского князя.

Таким образом, во второй половине IX в. правители крепнущего Древнерусского государства, вероятно, заимствуют как хазарский титул верховного главы государства, так и символ верховной власти в форме двузубца.

На протяжении первых трех четвертей X в. форма знака сохраняет устойчивость: это двузубец со слегка отогнутыми наружу или прямыми (в линейном варианте) зубцами и соединенным с основанием треугольным завершением вниз. Этот же тип двузубца представлен на печатях Святослава Игоревича и Ярополка Святославича. До начала правления Владимира знак не имеет индивидуализирующих признаков, которые появляются лишь в конце X — начале XI в. (у Владимира Святославича и Святополка Ярополчича / Владимировича).

Неизменность формы знака с момента его возникновения и до 980-х гг. позволяет заключить, что в конце IX — X в. он не являлся лично-родовым символом. Это содержание было приобретено им значительно позднее, не ранее последних десятилетий X в. На начальном же этапе он либо рассматривался как общеродовой знак Рюриковичей (что представляется менее вероятным), либо принадлежал лишь главе рода Рюриковичей — киевскому великому князю, верховному правителю Руси. Вероятно, он не являлся собственно государственной эмблемой, но служил символом персонифицированной в лице великого князя центральной власти.

(Впервые опубликовано: ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 240–249)

²² Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 290–292.

²³ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 367–379.

Ряд в Сказании о призвании варягов и его европейские и скандинавские параллели

Исследование Сказания о призвании варягов в составе «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) и Новгородской первой летописи¹ позволило не только установить, что договор местной элиты с вождем скандинавского отряда Рюриком являлся ядром, вокруг которого сложилось Сказание², но и в определенной степени реконструировать основные положения этого договора³. Он заключался в условиях конфронтации племенных — славянских и финских — объединений на фоне скандинавского присутствия в Ладожско-Ильменском регионе. Обращение к одному из сильных викингских отрядов, возможно, уже обосновавшемуся в округе⁴, было естественным средством, с одной стороны, защиты от «находников» и нейтрализации оседающих в регионе скандинавов, с другой — формирования надплеменных властных институтов⁵.

Решение первой задачи — интеграции скандинавов в местном обществе — находит аналогии в истории англо-саксонской Англии и Франции⁶. Между 878 и 890 гг. уэссекский король Альфред Великий заключил два

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 19–20; М. 1998. Т. II. Стб. 13–15; НПЛ. С 106–107.

² Восходящее к новгородским преданиям времени близкого к описываемым событиям, Сказание претерпело существенные изменения в период его устного бытования и — особенно — при его преобразовании в летописный, «исторический», текст, вероятно, в первой половине XI в. (Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в. // ДГ. 2005 год. М., 2007. С. 47–75). Наиболее существенным был перенос акцента с деяний Рюрика на «ряд», легитимизирующий его власть, в результате чего «сказание о Рюрике», повествование о героических деяниях викингского вождя трансформировалось в «сказание о призвании», центром которого был «ряд».

³ См. подробнее: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; Они же. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

⁴ Буквальное понимание летописной фразы «идоша за море к варягом» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 19; Т. II. Стб. 14; НПЛ. С. 106) не может служить безусловным доказательством прихода отряда Рюрика с берегов Балтики: этноним «варяг» в ПВЛ регулярно сопровождается определением «из-заморья».

⁵ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси: особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 86.

⁶ См. подробно: Мельникова Е. А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12–26.

договора с предводителем датского войска в Англии Гутрумом, второй из которых сохранился полностью на древнеанглийском и латинском языках⁷. В 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт Карл Простоватый пришел к соглашению с Роллоном (Хрольвом), вождем викингов, обосновавшимся в нижнем течении Сены⁸. Эти договоры содержат некоторые сходные с древнерусским «рядом» условия.

Во-первых, они легитимизируют расселение скандинавов на определенной, как правило, оговоренной в договоре территории. Первая же статья договора Альфреда с Гутрумом определяет границы расселения данов: «Первое — относительно наших границ: вверх по Темзе и затем вверх по Ли и вдоль Ли к ее истокам...»⁹. По Сен-Клерскому договору Роллон получил в лен Руан и его окрестности. В результате этих договоров возникли новые территориально-политические образования: в Англии — Область датского права (Денло)¹⁰, во Франции — герцогство Нормандия¹¹.

В Сказании летописец перечисляет города (во времена «призвания» еще не существовавшие, но маркирующие соответствующие племенные территории¹²), где Рюрик посадил своих мужей. Этот перечень — отголосок соответствующего условия — дает основания достаточно уверенно полагать, что «ряд» определял территорию, на которую распространялась власть «приглашенного» князя¹³. Он очерчивает ареал северо-западного государс-

⁷ *Libermann F.* Die Gesetze der Angel-Saxen. Haale a. Saale, 1898. Bd. I. S. 128–135; Первый договор упоминается Ассером: *Asser. Vita Ælfredi regis Angul Saxonum. Cap. 56* // *Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources* / S. Keynes, M. Lapidge. L., 1983; См. о договорах: *Kershaw P.* The Alfred-Guthrum Treaty // *Cultures in Contact. Scandinavian Settlement in England in the 9th and 10th Centuries* / L. M. Hardley & J. D. Richards. Turnout, 2000.

⁸ Договор упомянут в грамоте Карла от 14 марта 918 г., жалующей Роллону земли в долине Сены «за защиту государства» («*pro tutela regni*»). — *Recueil des actes de Charles III le Simple, Roi de France* / Ph. Lauer. P., 1940. T. I. P. 211), а также в сочинениях ряда англо-нормандских хронистов, прежде всего Дудона Сен-Кантенского (*Dudon de Saint-Quentin. Historia Normannorum* / J. Lair. Caen, 1865).

⁹ *Davis R. H. C.* Alfred and Guthrum's Frontier // *EHR.* 1982. Vol. 97. P. 803–810. No. 385.

¹⁰ *Hart C.* The Danelaw. L., 1992.

¹¹ *Musset L.* Naissance de la Normandie. Toulouse, 1970; *Bates D.* Normandy before 1066. L., 1982.

¹² *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов. Список городов анахроничен и соответствует представлениям летописцев конца XI – начала XII в. о центрах тех племен, которые участвовали в процедуре призвания. Поэтому А. А. Шахматов полагал, что перечень отсутствовал в Начальном своде и был включен только в ПВЛ (*Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 42). Однако несоответствие списка реалиям конца IX в. отнюдь не означает, что некие племенные центры не назывались в ранних (устных, а затем письменных) вариантах Сказания. Впрочем, достаточно было и наименования самих племен, чтобы летописец мог связать их с современными ему городами.

¹³ Ср.: *Кучкин В. А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII вв. // *ОИ.* 2003. № 3. С. 71–80.

твенного образования, охватывавшего территорию вдоль Балтийско-Волжского пути от Ладожско-Ильменского региона до Ярославского Поволжья с центром в Ладоге¹⁴.

Во-вторых, расселившиеся согласно договору скандинавы должны были в дальнейшем противостоять набегам новых скандинавских отрядов, что не всегда оговаривалось специально, но подразумевалось обязательно. Так, в договоре Альфреда и Гутрума это условие не внесено в письменный текст, но при позднейших нападениях викингов Альфред очевидным образом рассчитывал на помощь осевших данов (хотя и не всегда получал ее). Отсутствие в летописи сообщений о новых нападениях «находников»-варягов после прихода Рюрика к власти свидетельствует не столько об их полном прекращении¹⁵, сколько об убежденности летописца в том, что таких нападений — во всяком случае разрушительных, угрожавших «порядку» — больше не было.

В-третьих, во всех договорах проявляется стремление местной власти инкорпорировать скандинавов в свое общество. Главным условием соглашения в Ведморе, как рассказывает Ассер, было принятие Гутрумом и его приближенными христианства. По сообщению Дудона, французский договор также предусматривал крещение Роллона и его дружинников и принесение им присяги верности Карлу, т.е. включение осевших скандинавов в систему вассалитета. Ряд с Рюриком — в условиях язычества обеих сторон — оговаривал соблюдение варяжским правителем местных обычаев и норм права («судить по праву»).

Наконец, договоры регулировали отношения новопоселенцев с местным населением. В договоре Альфреда и Гутрума не только устанавливаются равные вергельды за убийство англо-сакса и дана, но и специальный раздел (ст. 5) определяет правила, которых должны придерживаться англо-саксы и даны при общении между собой.

Фактически все перечисленные условия обеспечивали интересы местных правителей и их подданных. Они были направлены на максимально возможное «обезвреживание» викингов и их аккультурацию. Проблема формирования властных структур ни в Англии, ни во Франции не стояла: государство сложилось здесь за несколько веков до викингских набегов. Условия договора Карла с Роллоном, которого Карл рассматривал как своего вассала, автоматически включали норманнов в социально-политическую структуру французского об-

¹⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32.

¹⁵ Из скандинавских источников известно, что такие походы в конце IX в. не прекратились совершенно, но большая их часть была направлена на побережья Восточной Балтики (см. подробнее: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // ДГ. 1988–1989 годы. М., 1991. С. 155–159).

щества, и на Нормандское герцогство формально распространялись (другой вопрос, как они выполнялись) все имперские порядки. Англо-датский договор, напротив, носил характер партнерского, призванного установить мир и регламентировать взаимоотношения между местным населением и завоевателями, а его результатом стало возникновение самостоятельного, независимого от Уэссекса государственного образования — Области датского права (Денло), которое просуществовало около 50 лет и было поглощено формирующимся единым английским государством¹⁶.

Договор с Рюриком по ряду позиций принадлежит к тому же типу договоров, что и западноевропейские: как и они, он легитимизировал расселение группы скандинавов на Северо-Западе Восточной Европы. Однако заключался он в принципиально иных условиях — в отсутствие не только сложившегося государства, но и сколько-нибудь сильной центральной власти, распространявшейся на обитавшие на этой территории племенные объединения, — у племен, призывавших варягов, отсутствовала «правда», что привело к «ратям великим и усобицам» между отдельными племенами.

Эта особенность договора с Рюриком и его особая роль как прецедента приглашения князя на правление многократно акцентируются летописцем. Он подчеркивает, что попытка «самим в себе володети», т.е. отсутствие единой верховной власти (князя), заканчивается усобицами, что единственный выход из раздоров был найден в поисках «собе князя, иже бы володел нами и судил по праву», что приглашенный князь должен установить (или восстановить?) «наряд», утраченный племенами. При этом деятельность князя ограничивается неким «рядом»¹⁷, т.е. условиями договора, и «правом», в котором все исследователи усматривают местные правовые нормы.

Условия передачи князю власти рассматриваются как исключительно местное явление, не имеющее прямых параллелей в Скандинавии. В свое время мы писали: «...в скандинавском материале выявляется ритуализированная процедура выбора конунга, которая наряду с другими элементами предполагает обмен клятвами верности, но отнюдь не соглашение сторон»¹⁸. Однако более детальное обращение к организации власти в Скандинавии в X — начале XI в., как она описывается в королевских сагах конца XII — XIII в., обнаруживает определенное сходство «ряда» и соглашений при избрании конунга, аналогии просматриваются и в практике реализации этих соглашений.

В рассказах о шведских и ранних норвежских конунгах-Инглингах, основанных на генеалогической поэме скальда Тьодольва из Хвинира (вторая половина IX в.) и устной традиции, Снорри Стурлусон, систематически отмечая

¹⁶ Stenton F. M. *The Danes in England*. Oxford, 1969; Richards J. D. *Viking Age England*. Cheltenham, 2000; Sawyer P. *Scandinavians and the English in the Viking Age*. Cambridge, 1995.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 14.

¹⁸ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов. С. 227.

переход власти к новому правителю¹⁹, лишь один раз упоминает о сопровождающем это событие ритуале: «В то время был обычай, что, когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто ее устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок... Затем он должен был встать, принять кубок, дать обет совершить что-то и осушить кубок. После этого его вели на престол, который раньше занимал его отец»²⁰. Этот обычай сохранялся и много позже, в Исландии, и чаще всего таким обетом была клятва отомстить за смерть отца, если она была насильственной. Но к власти новые конунги, включая Харальда Прекрасноволосого (ум. 940/945), приходят чаще всего в результате борьбы с соперниками: «Харальд конунг прошел по всему Гаутланду, разоряя страну, и дал много битв... и обычно одерживал победу... подчинил себе всю страну»²¹. Согласно Снорри, Харальд, имевший много сыновей, которые «были запальчивы и ссорились между собой», первым попытался упорядочить наследование власти: «Он дал своим сыновьям сан конунга и сделал законом, что каждый его потомок по мужской линии должен носить сан конунга... Он разделил между ними страну. Вингульмёрк, Раумарики, Вестфольд и Телемёрк он дал Олаву, Бьёрну, Сигт-рюггу, Фроди и Торгислю... В каждом из этих фюльков он дал своим сыновьям половину своих доходов, а также право сидеть на престоле на ступеньку выше, чем ярлы, но на ступеньку ниже, чем он сам»²². Своему любимому сыну Эйрику Кровавая Секира он собирался передать свою верховную власть и возвел его «на свой престол», когда почувствовал, что слабеет. Однако уже при жизни Харальда большая часть его сыновей погибла в междоусобной борьбе, а провозглашение Эйрика верховным конунгом вызвало отделение Трёндалёга, где «на престол конунга сел» Хальвдан Черный, и Вика, где «люди... сделали верховным конунгом» Олава. После смерти Харальда Эйрик расправился с братьями, обеспечив себе единоличную власть в Норвегии. Но правил он недолго, т. к. в страну вернулся сын Харальда Хакон (ок. 920–961 гг.), который воспитывался в Англии.

Приход к власти Хакона осуществляется по особой модели. В условиях необходимости обеспечить себе поддержку знати и бондов в борьбе за власть, Хакон, по рассказу Снорри, прибегает к заключению соглашения с местной элитой, недовольной Эйриком. Он прибывает в Трёндалёг, договаривается о помощи с ярлом Сигурдом и созывает тинг. Сигурд предлагает бондам провозгласить Хакона конунгом, после чего сам Хакон выступает с «программной речью»: «он просит бондов дать ему сан конунга, а также оказать ему поддерж-

¹⁹ Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 год. М., 2003. С. 48–92.

²⁰ КЗ. С. 31.

²¹ Там же. С. 51.

²² Там же. С. 61.

ку и помощь в том, чтобы удержать этот сан. В обмен он обещал вернуть им в собственность их отчины»²³, отнятые Харальдом и Эйриком. Бонды обещают Хакону свою поддержку и собирают войско. Затем Хакон проезжает по другим важнейшим областям Норвегии, собирая тинги, на которых его провозглашают конунгом на тех же условиях — и пополняют его войско, которое в результате одерживает победу над Эйриком.

Вокняжение Хакона имеет существенную особенность — он, хотя и имеет право на норвежский престол как сын Харальда Прекрасноволосого, фактически свергает легитимного правителя и узурпирует власть. Законность его власти обеспечивается избранием на тингах — в результате соглашения с бондами. Они поддерживают его в обмен на обещание возратить им наследственные земли (одали), отнятие которых Харальдом имело для бондов тяжелые юридические последствия, поскольку именно владение одалем давало статус полноправных²⁴.

Аналогичным образом в противостоянии с правящими Норвегией хладирскими ярлами на областном тинге Трёндалёга, а затем на тингах других земель провозглашается конунгом Олав Трюггвасон (995 г.), позднее ту же процедуру проходит Олав Харальдссон (1015–1016 гг.). Их притязания на власть были более обоснованными, поскольку в обоих случаях верховными правителями Норвегии являлись хладирские ярлы, они же оба были потомками Харальда Прекрасноволосого. На тингах Олав Харальдссон «просил, чтобы бонды провозгласили его конунгом всей страны и обещал им за это сохранить старые законы и защищать страну от нападений иноземных войск и правителей»²⁵. Важнейшим условием, таким образом, обеспечивающим претендентам на власть их избрание конунгами на тингах, является соблюдение «старых законов», т.е. тех порядков, норм и обычаев, которые гарантировали знати и бондам их права и статус.

Таким образом, Снорри предлагает две основные модели вокняжения норвежского правителя: завоевание власти в борьбе с соперниками (братьями) и заключение соглашения со знатью и бондами. Первую Снорри относит ко времени до правления Харальда Прекрасноволосого, т.е. до времени объединения Норвегии, вторую изображает доминирующей в период правления потомков Харальда²⁶. Строгая хронологическая дистрибуция этих моделей,

²³ Там же. С. 67.

²⁴ Гуревич А. Я. Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // СС. 1957. Вып. 2. С. 8–37.

²⁵ КЗ. С. 186.

²⁶ По договоренности с норвежской знатью в Норвегию возвращается сын Олава Харальдссона Магнус (1036 г.); договор о соправительстве заключают Магнус и Харальд Суровый Правитель (1046 г.).

возможно, является конструкцией самого Снорри, для которого — как и для предшествующей исторической традиции — Харальд является знаковой фигурой, а его эпоха — переломной²⁷.

Важно для политической концепции Снорри и следствие договорного характера власти норвежских конунгов, которое он неоднократно подчеркивает. Наиболее яркий тому пример — речь упландского лагмана Торгнюра, в которой обосновывается право знати и бондов изгнать конунга, попирающего обычаи и нормы права предков²⁸. Однако возможность изгнания конунга, нарушившего соглашение, заложена в самом договорном характере отношений между конунгом и населением страны — неисполнение обязательств одной стороной естественным образом влекло за собой отказ от своих обязательств другой стороны, и существование такой практики подтверждается рядом эпизодов в королевских сагах. Так, Олав Харальдссон, проводивший, несмотря на обещания, жесткую централизаторскую политику, введивший христианство и жестоко каравший как знатных людей, так и бондов за неповиновение, вынужден был бежать из страны из-за ополчившихся на него бондов и погиб в сражении с ними, попытавшись два года спустя вернуть себе трон. Не менее показательна история Хакона Доброго, который принял христианство в Англии. Став конунгом Норвегии, Хакон отказывался принимать участие в ритуальных пирах и совершать жертвоприношения. Некоторое время это сходило ему с рук, но вскоре терпение бондов иссякло (уклонение Хакона от исполнения жреческих обязанностей было чревато неурожаем, природными катаклизмами и т. п.), и они, угрожая силой, принудили Хакона участвовать в пире и принести жертвы²⁹.

Таким образом, в Скандинавии эпохи викингов существует практика заключения соглашений между местной знатью и бондами с претендентами на верховную власть в стране. В условиях формирования национального государства, сопровождавшегося усилением централизации, сокращением прав и свобод как знати, так и бондов, введением податей и налогов, внедрением христианства, главным условием, обеспечивавшим претенденту широкую поддержку, было возвращение к «старым» обычаям и законам или их поддержание. Соглашение такого рода предполагало паритет: как знать и бонды должны были оказать военную помощь претенденту, так и он, приняв их помощь и став конунгом, обязан был выполнять свои обещания. Нарушение принятых на себя претендентом обязательств — если оно не подкреплялось достаточной силой (впрочем, даже обладая значительным войском, Олав Харальдссон не

²⁷ Bagge S. Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heimskringla*. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991.

²⁸ КЗ. С. 219–220. По мнению большинства исследователей, эта речь — авторский текст Снорри. См.: Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 151–153.

²⁹ КЗ. С. 76–77.

смог противостоять бондам Трёндалёга) — с неизбежностью вело к убийству или изгнанию конунга.

Ряд с Рюриком, в котором одним из условий становится соблюдение «права», может быть, как представляется, сопоставлен с рассмотренными выше соглашениями. Вождь скандинавского отряда, приглашенный или претендующий на власть, мог прочно утвердиться в иноэтничной среде, только прийдя к соглашению с местной знатью. Это было тем более возможно, что их объединяли совместные интересы — максимально прибыльное и эффективное использование Балтийско-Волжского пути, по которому осуществлялась крупномасштабная дальняя торговля, и эксплуатация местного населения для участия в ней³⁰. «Княжение» предполагало в первую очередь регулирование доступа к международной торговле и перераспределение получаемых доходов, для чего требовался контроль над племенными объединениями и поддержание между ними мира, поскольку межплеменные столкновения ставили под угрозу безопасность пути и торговых операций.

Вместе с тем ограничение права/обязанности «судить и рядить» «по праву», «по ряду по праву» обеспечивало определенную лимитацию деятельности князя существующими в местном обществе правовыми нормами и положениями самого «ряда». Это чрезвычайно важное условие ставило князя в зависимость от местного общества и стимулировало быструю интеграцию скандинавов в восточнославянскую среду³¹.

(Впервые опубликовано: *Мельникова Е. А.* Ряд в «Сказании о призвании варягов» и его европейские и скандинавские параллели // *Сословия, институты и государственная власть в России: средние века и раннее новое время. Сб. ст. памяти академика Л. В. Черепнина.* М., 2010. С. 249–256)

³⁰ *Мельникова Е. А.* К типологии; Она же. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков.* Казань, 1999. С. 80–87.

³¹ Видимо, «ряд» с Рюриком заложил традиции приглашения князей и заключения с ними договоров (докончаний), что радикально отличало политическое устройство Новгородского княжества от других древнерусских княжеств: *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 61–62.

The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy

Since the 1960s it has been a *locus communis* in the writings on Old Russian and Scandinavian relations that those Vikings who settled in Eastern Europe in the second half of the eighth to the end of the tenth century underwent rapid assimilation in the Slavic milieu. The second generation of the settlers is considered to have fully adopted the local material culture, to speak Old Russian, and to practice the customs and rituals current among the Eastern Slavs¹.

This conclusion is based on archaeological materials that indeed show that Old Norse ethnically indicative elements were forced out of the material culture of the Old Russian elite already by the end of the tenth century and that they utterly disappeared in the eleventh century. The only non-archaeological argument commonly used to prove this point is the appearance of Slavic personal names in the family of Kievan princes of Scandinavian origin — *Svjatoslav*, *Predslava*, and *Volodislav*, as attested in the Russian treaty with Byzantium of 944².

The validity of both arguments is subject to doubt.

Most archaeologists maintain that the introduction of Christianity in Rus' speeded up the ethno-cultural assimilation of Scandinavians, as the unified religion and rites replaced different heathen cults and practices. It is true that Christianity exerted a deep influence on Old Russian culture as well as on the culture of other previously pagan peoples, first and foremost on their burial customs in which ethnic indicators are more obvious than in other cultural traditions. At the turn of the tenth and eleventh centuries the diversity of burial customs in town necropolis in Ancient Rus' is replaced with a unified Christian rite. Therefore the disappearance of specifically Old Norse features in Old Russian burial monuments at that time can be regarded not as an indication of the end of the process of assimilation of Scandinavians, but rather as a result of the introduction of Christianity. It is worth mentioning, that in Scandinavian countries too conversion into Christianity led to a rapid disappearance of burials typical for the tenth century and to the spread of simple graves with no objects to manifest the ethnicity of the buried in any way.

Another consideration to be taken into account is the fact that clothes, ornaments and weapons served as indicators not only of ethnicity, but of a social status

¹ Cf. *Wilson D.M.* East and West: a Comparison of Viking Settlement // *Scando-Slavica. Supplementum 1: Varangian Problems.* København, 1970. P. 107–115.

² ПБЖ-1950. Ч. 1. С. 34 [= ПБЖ-1996. С. 23].

as well, and therefore they could have been rather easily changed when a person entered a new social and political entity.

Thus, speaking in terms of archaeology, the assimilation of Varangians by the beginning of the eleventh century arouses doubts. The disappearance of ethnically indicative objects can be easily explained by the introduction of Christianity and changes in the status fashion of the Old Russian elite that included Varangians.

However, ethnic and cultural assimilation does not consist of changes in material culture only. It is a complicated and manifold process of the replacement of one set of features characteristic of an ethno-cultural community with a different one. Together with material manifestations such as house-building techniques, implements and everyday objects, costume and ornaments, these features include cultural phenomena like language and literacy, folklore and literature, religion and common beliefs. Taken together they form the means for a community to become aware of its integrity and of its opposition to other communities, that is, they provide it with self-consciousness and self-identification. The assimilation then can be considered to have taken place only if all these factors underwent certain changes.

No systematic studies exist so far, which would describe the cultural and mental aspects of assimilation of Varangians in Eastern Europe. The reasons are both the concentration on archaeological evidence and scarcity of non-material sources. In fact, there is no way to learn what language was spoken or what alphabet was used by a noble warrior buried in the Black Mound in Chernigov, which gods were worshipped by those cremated in Gnjozdovo or how Vladimir the Saint and Jaroslav the Wise, Russian princes of Scandinavian descent, regarded their identity. The concrete questions of that kind are doomed to remain unanswered. Still there are indications to provide for more general answers, even if in a preliminary and hypothetical form at the moment.

The most important indications of ethno-cultural self-identification are language and literacy. Their retention by a community living in an ethnically and culturally alien milieu is an unequivocal testimony to isolated position of this community as perceived both by its members and its neighbours. Therefore the time when Scandinavians who had settled in Rus' stopped to speak their native language and to write with runes is of crucial importance.

The study of the linguistic assimilation of Scandinavians in Rus', i. e. their transition to usage of Old Russian and oblivion of their mother tongue, can base on at least three kinds of sources. First, it is epigraphic material, represented by inscriptions in Runic or Cyrillic script. Second, it is direct or indirect information preserved in Old Russian and foreign sources on the linguistic situation in Rus' in the tenth and eleventh centuries. Third, it is the usage of Old Norse personal names, though in itself it might be viewed as a family tradition not supported by other cultural features. Still, the degree of phonetic adaptation of Old Norse names in Old Russian sources as well as the context of name-giving can throw some light on the problem.

The earliest written record in Ancient Rus' is a runic inscription on a wooden stick from Old Ladoga³. It is archaeologically dated to the first half of the ninth century. Together with three runic amulets coming from the same area and dated to the tenth century it forms a group of runic inscriptions typical for Eastern Sweden⁴. At least one of the inscriptions, on the Gorodishche amulet II, was produced on the site where it was unearthed: it is a copy of another and earlier amulet (Gorodishche I) found on the same site. Even if the stick and the two amulets belonged to occasional visitors to the Ladoga region and were brought there from Sweden, they must have been intelligible and meaningful enough for the settlers of Scandinavian origin to order a copy of one of the amulets. It means that in the tenth century the Varangians, at least in the North-Western part of Rus', were in full possession of their native language and beliefs.

In the first quarter of the tenth century first traces of the usage of Old Russian by Varangians appear. In a famous «Varangian» site of Gnjozdovo near Smolensk a burial of a warrior contained fragments of an amphora with a Cyrillic inscription⁵. The warrior must have been a Scandinavian buried with his wife or his concubine, a Scandinavian or a Slav by birth. Judging from the ritual, the burial was performed by his compatriots in a traditional Central Swedish way. The inscription on the amphora deliberately broken during the burial rite has several readings and interpretations, *gorouhsha* or *goroushcha* being the most probable. According to these readings, the inscription consisted of one word designating the contents of the amphora, either mustard, or inflammable fluid. As the earliest Cyrillic inscription, it raises many questions, its presence in the grave of a Scandinavian being one of them. Whoever made the inscription, a Slavic or a Russian, i.e. Scandinavian, merchant, it was intended to inform the community consisting mostly of Scandinavians about the contents of the amphora which presupposes their ability to comprehend the message. Thus, the Gnjozdovo inscription though not directly witnessing the usage of Old Russian by the Varangians, still suggests their getting familiar both with it and with the Cyrillic script.

The linguistic practices of *rus'* (Old Russian warrior elite of Scandinavian origin) of the mid-tenth century can be convincingly reconstructed on the basis of information preserved in the treatise «De administrando imperio» written by Byzantine emperor Constantine VII Porphyrogenitus (ca. 950). Parallel Old Norse («Russian») and Slavic names of the Dnieper rapids listed in the treatise suggest that Constantine's informant, a representative of *rus'*, was bilingual. Moreover, the Old Norse names are rendered in Greek without any significant corruption of the original words.

³ Мельникова Е. А. СРН ННИ. А–III.3.1; Høst G. To runstudier // Nordisk Tidskrift for Sprog-
vitenskap. 1960. B. 19. S. 418–554.

⁴ Мельникова Е. А. СРН ННИ. А–III.1.1–3.

⁵ Медынцева А. А. Грамотность Древней Руси по памятникам эпиграфики X – первой по-
ловины XIII века. М., 2000. С. 21–31.

On the contrary, identification of Slavic names is sometimes uncertain and the correlation of meanings of both names is obscure. All this means that the informant was in full possession of his mother tongue (most probably Old Swedish as some of the names derive from Old Swedish forms) but he was not so sure about Old Russian⁶. The bilingualism of Old Russian elite and professional warrior strata is corroborated by information of a Spanish traveler Ibrahim Ibn Jakub (960ies) and Leo the Deacon, a Byzantine historian of the late tenth century⁷.

Two graffiti on the walls of St. Sofia cathedral in Novgorod provide another chronologically precise reference point. Although inscribed by persons with Old Norse personal names, both texts are written in Old Russian in Cyrillic. The first graffiti reads «Oh, miserable feel I, Ger(e)ben the sinner»⁸. The name *Ger(e)ben* is an obvious rendering of ON *Herbeinn*, OSw. *Herben*, the name not otherwise attested in Old Russian sources. There can be no doubts that Gerben came from a Varangian (originally Swedish?) family, and his mastership of Old Russian was flawless. He makes no mistakes of any kind and he uses a formula widespread among Old Russian scribes (who entered it in marginalia in manuscripts) and laymen. The graffiti is dated to the second half of the eleventh century.

The second inscription reads: «Lord, help your slave Far'man, Gleb's retainer»⁹. It has a more precise date, most probably 1137, as the inscription mentions prince Gleb who then ruled in Novgorod. As in the first graffiti, this one also contains an Old Norse personal name, or rather a nickname, *Far'man* < *Farmaðr* in an Old Russian formulaic text. The accuracy of spelling, the usage of correct forms, and the sureness of hand show that both, Gerben and Far'man, were experienced in writing and that their mother tongue was Old Russian though they had Old Norse names — probably due to family tradition.

The same tendency is characteristic of runic literacy¹⁰. Besides amulets from the Volkhov region (Old Ladoga and Gorodichshe) the tenth century is rich in graffiti on Islamic coins coming from hoards buried in different parts of Eastern Europe, but mostly on the sites along the Dnieper, the Western Dvina, and the Upper Volga, the main river routes of that time. The majority of inscriptions, ca. 200, are made with runes and rune-like signs. There are only about 10 Arabic inscriptions, some 10 made with Turkish runes, up to 5 made with Armenian or Georgian letters, and one

⁶ *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. tr. and comm. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967. P. 38–40; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 292–293, 319–321.

⁷ Leo. Diac. VI.11.

⁸ *Медьницев А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV веков. М., 1978. С. 89. № 129.

⁹ Ibidem. P. 108.

¹⁰ *Melnikova E.A.* Runic inscriptions as sources for the relations of Northern and Eastern Europe in the late Viking Age // *Runeninschriften als Quelle interdisziplinärer Forschung* / K. Düwel. B.; N.Y., 1998. P. 656–659.

Greek graffito. Quite recently a coin carved with two Cyrillic letters was found in Gnjozdovo. The Old Norse inscriptions are very short, they consist of one word or one or several rune-like signs. The readable graffiti, not more than twenty in number, contain words **guð** and **kup**, *goð* «god», **kiltr**, *gildr* «of full weight, of good quality», or personal names like **ubi**, *Úbbi*. More numerous are pictures of warrior goods, namely weapons (swords, knives, arrows), ships, drinking horns, banners, and symbols like swastika, Thor's hammers, or the emblems of the Rurikides. The runic and rune-like inscriptions and the pictures on coins are made in the same technique and must have been executed by warriors and merchants of Scandinavian origin during their stay in or voyage through Eastern Europe¹¹.

In the eleventh century the number of runic inscriptions found in Eastern Europe decreases and their character shows traces of degradation. Except for the Berezan' stone that was erected by Scandinavians on their way to or from Byzantium there is only one inscription typical for Scandinavia, which represents a part of *futhark* carved on a bone from Novgorod¹². Identification of other inscriptions as runic is uncertain. Though the letters are similar to runes, there are misspellings, syntactical constructions unusual for Old Norse, etc. These features can be probably regarded as a result of gradual loss of writing-in-runes habits of the descendants of the Varangians as well as their loss of native language.

As scanty as the sources for the ninth to the eleventh century are, they seem to reflect different stages in the linguistic assimilation of Scandinavians in Rus'. By the mid-tenth century the Varangians became bilingual; by the end of the eleventh century they used Old Russian as their mother tongue.

The developments in the interval between the mid-tenth and late eleventh centuries are partially attested by personal names current in the family of Kievan grand princes and among the warrior elite. The Old Russian annalist of the beginning of the twelfth century, the author of the earliest extant Russian chronicle (though preserved in manuscripts of the fourteenth century and later) was sure that Russian princes descended from Rurik (< *Hrærekr*), a leader of a Norse people *rus'*, who had been invited by the Novgorodians in 862 to be their ruler¹³. His commander-in-chief Oleg together with Rurik's son Igor' moved to Kiev and founded the dynasty of Russian rulers. Though the traditions about Rurik, Oleg and Igor' were most probably put together in a genealogical sequence by a late eleventh-century annalist and before that existed as separate tales or cycles of tales¹⁴, there can be little doubt that the tales were based on historical memories and preserved some real details, names of the heroes among them.

¹¹ Melnikova E.A. The Eastern World of the Vikings. Eight Essays about Scandinavia and Eastern Europe in the Early Middle Ages // Gothenburg Old Norse Studies, 1. Göteborg, 1996. P. 73–89; Мельникова Е. А. СРН ННН. А–II.

¹² Мельникова Е. А. СРН ННН. А–III.7.3.

¹³ Melnikova E. A. The Eastern World of the Vikings. P. 113–125.

¹⁴ Ibid. P. 104–112.

Up to the middle of the tenth century all the names mentioned by the annalist are of Old Norse origin. These are the names of successive Kievan rulers *Olg* or *Oleg* (< *Helgi*) and *Igor'* (< *Ingvarr*), of the latter's commander-in-chief *Svenel'd* (< *Sveinaldr*), and of a group of Oleg's emissaries who concluded a peace treaty with Byzantine emperor in 911 (or in 907 and 911) after a successful attack on Constantinople in 907. Among fifteen representatives of prince Oleg only two have probably Finnish names, while others bear purely Scandinavian names *Karly* (< *Karli*), *Inegeld* (< *Ingjaldr*), *Farlof* (< *Farláfr*), *Veremud* (< *Vermundr*), *Rulaf* (< *Hróðláfr*), *Gudy* (< *Góði*), *Ruald* (< *Hróðláfr*), *Karn* (< *Karn*), *Frelav* (< *Friðláfr*), *Ruar* (< *Hróarr*), *Truan* (< *Þrándr*), *Fost* (< *Fastr*), and *Stemid* (< *Steinviðr*)¹⁵. The set of names in the 911 treaty is homogeneous and testifies that among the upper layer of Oleg's retinue there are neither Slavs, no Scandinavians using Slavic personal names.

The situation changes in the mid-tenth century. The treaty of 944 includes 76 names: of representatives of the princely family (12), their emissaries (11), other agents and their masters (27), and merchants (26). It is in this list where Slavic names appear for the first time. Most of them belong to members of the princely family: *Svjatoslav*, the son of grand prince Igor', *Volodislav*, and *Predslava*, whose relations to Igor' are not stated. Other princes and princesses, including Igor's two nephews, have Old Norse names: *Ol'ga* (< *Helga*), Igor's wife, *Akun* (< *Hákon*), Igor's nephew, *Sfanda* (< *Svanhildr*), *Uleb* (< *Óleifr*), *Turd* (< *Pórðr*), *Arfast* (< *Arnfastr*), *Sfir'ka* (< *Sverkir*). Princes' emissaries bear Old Norse names too, but for three persons whose names are Finnish. There is no correspondence between princes and their emissaries in regard to the origin of their names. Ol'ga is represented by an agent with a Finnish name *Iskusevi* while Volodislav has an agent named *Uleb* (< *Óleifr*). The list of other agents includes a number of Finnish and no Slavic names while the list of merchants contains three Finnish and two Slavic names¹⁶.

The predominance of Old Norse names is obvious though Slavic ones start to appear. The usage of the latter is restricted to two groups, namely the princely family and merchants. The penetration of Slavic names into princely anthroponymicon indicates the beginnings of assimilation processes. Princes of Scandinavian origin started to feel a necessity and found it possible to borrow local names for at least some of their scions thus breaking off with the ancestral tradition of naming. As to the warrior stratum, the treaties reveal no tendency for them to make use of Slavic names as yet. The «Primary chronicle», however, names a man with a Slavic name *Pretich* among the highest officials some twenty years after the treaty of 944¹⁷. Two other commanders-in-chief of Igor' and Svjatoslav mentioned in the chronicle are *Svenel'd* and *Asmud*. The difference in the usage of Slavic names by the Rurikides and by warriors can be explained by the second group's greater mobility. The major-

¹⁵ ПБЛ-1950. Ч. 1. С. 25 [= ПБЛ-1996. С. 18].

¹⁶ ПБЛ-1950. Ч. 1. С. 34–35 [= ПБЛ-1996. С. 23].

¹⁷ ПБЛ-1950. Ч. 1. С. 47–48 [= ПБЛ-1996. С. 32].

ity of warriors came to Rus' and went home, and only a part of them stayed forever. At the same time they must have suffered less pressure to accommodate themselves to the local population than the princes who needed support on the part of local nobility. The adherence of warrior elite to traditional names is attested by the name of Svenel'd's son *Ljut* (< *Ljótr*)¹⁸.

The practice of name-giving in the princely family can be further traced since the 980ies, in the generation of Svjatoslav's grandchildren. The «Primary chronicle» supplies information about twelve sons and a daughter of Vladimir the Saint¹⁹. Only one of Vladimir's sons has an Old Norse name — *Gleb* (< *Guðleifr*). All the rest have Slavic names, mostly compounds with *-slav* (< *slava*, «fame») as a second stem.

Since then the number of Scandinavian personal names among the Rurikides' gets restricted to four masculine names and one feminine name. The most popular among them were *Oleg*, *Igor'*, and *Gleb* (due to canonization of prince Gleb who was murdered in 1015). *Rurik* is met for the first time in the mid-eleventh century and it was used later from time to time but did not enjoy wide spread. The only feminine name that remained in Old Russian anthroponymicon was *Ol'ga*. Three other Old Norse names known from the treaties, namely *Hákon*, *Óleifr* and *Ivarr*, continued to be used, now not by the Rurikides, but by Russian nobles. Drastic decrease in number of Scandinavian personal names at the end of the tenth century can indicate that assimilation processes had intensified.

There is a great difference in the forms of names in the treaties, between those that do not occur later and those current among the Rurikides. In the treaties all the names except for *Oleg*, *Ol'ga* and *Igor'* are rendered in a form as close to the original as the Old Russian phonetic system allowed. At the same time there exist certain fluctuations in rendering vowels /ó / > o and u (*Óleifr* > *Oleb* / *Uleb*) and /ál/, /al / > a and o (*Hákon* > *Akun*, *Jakun*, *Arnfastr* > *Arfast* and *Fastr* > *Fost*, the latter two occur both in the treaty of 944). The interdental /ð/ and /þ/ that lack in Russian are systematically reflected as /d/ (very seldom /z/) and /t/ respectively (*Þórðr* > *Turd*, *Guðleifr* > *Vuzlev*). The initial *Fr-* uncommon in Old Russian is usually substituted by *Pr-* (*Freysteinn* > *Prasten*, but sometimes also *Frasten*). It seems that there was no stable tradition of spelling Old Norse names and the scribe was free in choosing this or that variant²⁰.

On the contrary, the princes and princesses' names that came into permanent usage in the eleventh century have stable forms common for the whole text of the chronicle. These forms reflect changes that originated in the course of adaptation of the names in Old Russian. Thus, the initial *H-* in *Ol(e)g* and *Ol(')ga* is omitted in all cases and the combination of consonants *-lg-* started to be occasionally divided by

¹⁸ ПБЛ-1950. Ч. 1. С. 53 [= ПБЛ-1996. С. 35].

¹⁹ ПБЛ-1950. Ч. 1. С. 83 [= ПБЛ-1996. С. 54].

²⁰ Cf. *Thörnqvist C.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala, 1948.

a reduced vowel. *Igor'* (< *Ingvarr*) has a denasalized group *Ig-* and a compressed second stem while in *Gleb* (< *Guðleifr*) it is the first stem that turned to be compressed.

Though phonetically altered forms of these three names are used in the treaties of the first half of the tenth century, they could hardly appear then or even by the end of the tenth century. Foreign sources of the time of the treaties and of the late tenth century render these names in forms closer to their Old Norse variants than to those found in the Old Russian chronicle. Thus, Byzantine authors of the middle and the second half of the tenth century preserve nasalization in *Yngvarr* — Ὑγγωρ²¹, or Ὑγγωρ²² and *Inger*²³. In the so-called Cambridge document written in Hebrew and telling about an attack of the Rus-people on SMKRY (Tmutarakan'?) the name of the leader of the assailants is rendered as HLGW, i.e. *Helgi* with the initial *H*.²⁴ The fact that the adaptation of the name *Guðleifr* was not complete even in the middle of the eleventh century is attested by a manuscript of 1073 made for prince Svjatoslav where the name *Gleb* is spelled with a reduced vowel between *G* and *l*, the remains of the stem *Guð*.²⁵

As these sources reflect authentic pronunciation of the names, it is more probable that the process of adaptation of Old Norse personal names used by Russian princes came to its end not in the mid-tenth century, but only in the second half of the eleventh century. The annalist who wrote at the beginning of the twelfth century knew the already adapted forms and used them throughout his text. He must have had no knowledge of the earlier pronunciation of the names, as he was unable to identify the contemporaneous form *Gleb* and the mid-tenth century form *Vuzlev* (< *Guðleifr*) that he left unchanged.

Were Old Norse names perceived at the turn of the eleventh and twelfth centuries as alien to Eastern Slavic tradition? Two cases seem to suggest an answer to this question. First, it is the case of the name *Vuzlev* in the text of the treaty of 944. The Old Norse form was unfamiliar to the annalist and he did not correlate it with the Old Russian *Gleb*. One can suppose that *Gleb* sounded for the annalist as an original Old Russian name, contrary to *Vuzlev* and dozens of Old Norse and Finnish names in the preamble.

Even more demonstrative is the second case. Wide spread of the name *Igor'* in the princely family did not prevent the borrowing of its original (*Ingvarr*) for the second time in the twelfth century in an unaltered form *Ingvar'*. This form is attested in the Hypatian

²¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–45, 312.

²² Leo. Diac. 106.5, 144.6.

²³ Liud. V.15.

²⁴ Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; L., 1982.

²⁵ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Passim; Соколовский А. И. Два личных имени: 1. Глеб. 2. Olsten // Русский филологический вестник. 1910. Т. 64. С. 178.

chronicle as the name of a son of great prince Jaroslav Izjaslavich. Ingvar' Jaroslavich must have been born in the mid-twelfth century and died in 1212²⁶. At the beginning of the thirteenth century two princes of Rjazan' had the same name. The second of them mentioned in 1207–1219 was a son of prince Igor' and the annalist called him *Ingvar'* with the patronymic *Igorevich*²⁷. The etymological relationship of the two names was not apparent and they were regarded as different ones.

Thus, cardinal changes in the cultural traditions of former Varangians seem to have been completed in the second half of the eleventh century. By the end of this century both runic script and the Varangians' mother tongue fell into disuse and most probably became forgotten. They were replaced by Cyrillic alphabet and Old Russian language. Personal names of Old Norse origin changed phonetically and stopped being identified with their prototypes. They were no longer viewed as foreign but probably were equaled to Old Russian pagan names.

It should be noted that this conclusion bases on materials coming from larger sites or towns, Gnjozdovo, Kiev, Novgorod. The evidence concerns the princely family, the warrior elite and the descendants of the Varangians of high status. There is no doubt that the social elite and town citizens adopted cultural innovations much easier and quicker than the peasantry. Therefore the processes of assimilation could develop faster in towns than in smaller, especially rural communities.

There are not so many traces of Scandinavian rural colonization in Ancient Rus', especially in its Southern part. Therefore it is all the more surprising to find vestiges of Scandinavian cultural traditions in rural areas as late as the fourteenth and early fifteenth century. The evidence is again supplied by runic or rune-like inscriptions and by personal names.

The anthroponymicon of ca. 1000 birch-bark letters found by now in Novgorod numbers several hundred personal names. Most of them are Slavic or Christian, but seven birch-bark letters contain Old Norse names²⁸.

The oldest among these birch-bark letters is dated to the second half of the eleventh century (stratigraphic date is 1080ies) and mentions *Asgut* who lived in a village near lake Seliger and owed a Novgorodian moneylender or tax collector several grivnas²⁹. The context of the letter suggests that *Asgut* was a resident of the village. There is no way of finding out what brought *Asgut* (or his ancestors) to this village, but it is significant that the settlement was located on the Seliger route from Novgorod to the central part of Rus'.

Other birch-bark letters with Old Norse names were written in the second half of the fourteenth century and came to Novgorod from different parts of the

²⁶ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Passim.

²⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Ч. 1. Passim.

²⁸ Мельникова Е. А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 1–15.

²⁹ НГБ. VII. С. 124–127, № 526.

Novgorod land. They name *Vigar'* (< *Végeirr* or *Vigeirr*)³⁰, a «man of Mikula» *Sten'* (< *Steinn*)³¹, *Jakun* (< *Hákon*)³² and a widow of another, *Jakun*³³. The most interesting is the birch-bark letter No. 2³⁴ that mentions a place-name *Gugmor-navolok* deriving from ON *Guðmarr*, and two persons living nearby named *Vozemut* (< *Guðmundr*) and *Vel'jut* (< *Véljótr*). The combination of these names suggests that a certain *Guðmarr* once settled on the site near a portage (*navolok*) on the way to the lands north of lake Onega and that the tradition of using Old Norse names was preserved in the family (or in the community ?) into the fourteenth century. It is highly improbable that *Guðmarr* was a newcomer, as there are no traces of fourteenth-century immigration in this area, as well as of earlier Scandinavian antiquities in the vicinity. It seems that the descendants of *Gupmarr* adopted the material culture of Slavic and Finnic neighbours, but retained their own name-giving traditions.

The content of all birch-bark letters but No. 249 (*Sten'*, the «man of Mikula», could be either a resident or a migrant from Sweden or Swedish Finland) points to the fact that the bearers of Old Norse names were residents fully incorporated in the local social and economic life. They are mentioned among persons with Slavic names, they pay taxes in firs, become debtors of Novgorodians, receive money, they deliver homemade products together with the Slavs and the Finns. According to the topography of later birch-bark letters, persons with Old Norse names lived in villages dispersed in the northeastern periphery of the Novgorod land. In the eleventh century the area was occasionally visited by Novgorod tribute collectors, but in the twelfth and thirteenth centuries it became the territory of Novgorod colonization. As the Varangians constituted a large part of the administrative machinery in early Rus', they could easily penetrate into this region and sometimes settle there. The usage of specific family names still in the fourteenth century attests to the conservation of some cultural traditions among the distant descendants of those Varangians.

The birch-bark letters provide the latest date of Old Norse cultural relics. Nothing more than personal names survived up till that time. The latest remains of the runic script belong to the twelfth century. But for the birch-bark letter from Smolensk written by a Scandinavian, there are no objects with runic inscriptions from that time found in Old Russian towns. In the remote areas of Rus' the runic script seems not to be utterly forgotten however and two finds prove it.

The first find was made in Zvenigorod in the southwestern part of Rus'. It was a slate spindle-whorl with an inscription **sigriþ** on its flattened top, and two crosses and two runes **f** on its side³⁵. The layer in which the spindle-whorl was found is dated

³⁰ НГБ. III. С. 66–67, № 130, stratigraphic date 1396–1409.

³¹ НГБ. IV. С. 73–76, № 249, stratigraphic date 1396–1422.

³² НГБ. IV. С. 83–84, № 257, stratigraphic date 1382–1396.

³³ НГБ. IV. С. 90–91, № 263, stratigraphic date 1369–1382.

³⁴ НГБ. I; НГБ. IX. С. 221–222, stratigraphic date 1409–1422.

³⁵ *Melnikova E.A.* Runic inscriptions. P. 658; *Мельникова Е. А.* СРН ННИ. А–III.5.1.

to 1115–1130, the time when the settlement started to grow into a town. No other objects of Scandinavian origin were excavated there except for two other spindle-whorls with rune-like inscriptions dating approximately to the same time. One more spindle-whorl with a rune-like inscription was found on an Old Russian fortified site Plesnesk several kilometers from Zvenigorod³⁶. It was a strategically important point on the borders of the Old Russian state and it is in Plesnesk where several warrior burials of the late tenth century were unearthed. These burials are believed to belong to warriors of a rather high standing of a Kievan grand prince and some of them could be Scandinavians by origin.

It is tempting to suppose, that the spindle-whorls were inscribed by the descendants of the Varangians who had settled in the region in the late tenth century to defend western borders of the Russian state. The archaic features of the **sigrip** inscription with rune **g** of the older futhark could be the result of copying the inscription for several generations. In this case the name *Sigriðr* must be a constantly occurring name in one of the families. The combination of crosses and **f**-runes seems however to speak against this surmise. It could not be meaningless for the carver as well as for the owner of the spindle-whorl. Both the cross and **f**-rune had rather similar symbolic values, although in different religious systems. It was possible to combine both only for a Christian convert who had earlier been an adherent of Old Norse paganism. One also needed an understanding of symbols' significance, which presupposes survival of old cultural traditions. It is feasible that this group of the descendants of the late tenth-century Varangians living in a remote area of Ancient Rus' and having no contacts with their homeland managed to preserve family names, remembrances of the runic script in an archaic form, ancestor's beliefs, and probably a little of their mother tongue as the usage of runes suggests.

Another complex of rune-like inscriptions comes from a fortified site Maskovich on the Western Dvina route. This fort on the border with Latvian lands was located several kilometers from the mainstream but was still able to control it. The fort functioned in the twelfth and thirteenth centuries and later became a petty castle³⁷. About 110 fragments of bones with graffiti found on the site include pictures of warriors and weapons, and inscriptions. All letter-like graffiti are short and do not form any readable text of several words. These are rather groups of three to six letters, some of which can be interpreted as a word. About 30 inscriptions are obviously Cyrillic while 48 are supposed to be made with runes³⁸. Among rune-like graffiti there are several unreadable inscriptions made with 'mirror' runes (amulets?), several inscriptions that can be interpreted as personal names, isolated words, and separate letters. Though the reading and the interpretation of the Maskovich inscrip-

³⁶ Мельникова Е. А. СРН ННИ. А–III.5.2–4.

³⁷ Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // ДГ. 1980 год. М., 1981. С. 185–216.

³⁸ Мельникова Е. А. СРН ННИ. А–III.6.1–48.

tions are uncertain, there can be little doubt that they were made by persons who had some knowledge or remembrances of the runic script.

Thus in the remote areas of the Old Russian state the descendants of the Varangians who had settled there in the late tenth and eleventh centuries preserved some of their cultural traditions for several centuries while being included in the local political and economic life. The assimilation processes in rural communities seem to have developed much slower than in towns.

(Впервые опубликовано: *Runica — Germanica — Mediaevalia* / W. Heizmann und A. van Nahl (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde / H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer. Bd. 37.). B.; N.Y., 2003. P. 454–465)

Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности

В современной, как и в более ранней историографической традиции за немногими исключениями¹, деятельность скандинавов в Восточной Европе IX – начала XI в. представляется обычно единообразной и неизменной: и в IX, и в X, и в первой половине XI в. они вели торговлю, служили наемниками в дружинах русских (в IX – начале X в. — скандинавских по происхождению) князей, выступали в роли их помощников и советников, ходили походами на Византию. Отмечают источники и грабительские набеги в Прибалтику и на Русь (например, на Ладогу) в VII–X вв.² Столь же единообразными представляются занятия скандинавов на севере и юге Восточной Европы — в Новгородской земле и в Среднем Поднепровье, причем их пребывание в Южной Руси нередко рассматривается как непосредственное продолжение их торговой и военно-политической деятельности на Севере. Перемещение варяжских (скандинавских) правителей из Новгорода в Киев в конце IX в., казалось бы, подтверждает отсутствие принципиальных различий между формами участия варягов в жизни Северной и Южной Руси хотя бы с этого времени. О том же, на первый взгляд, говорят и данные письменных и археологических источников, интерпретируемые в основном в контексте образования Древнерусского государства с единой «дружинной» культурой, в которой этнические и региональные отличия успешно преодолевались, поскольку она отмечала социальный статус ее носителя, а не его этническую принадлежность.

Между тем изменения характера, форм и интенсивности деятельности скандинавов во времени достаточно очевидны и отмечены даже летописцем XII в., который различал и противопоставлял «русь» и «варягов» как разновременные волны скандинавских мигрантов, занявших различное положение в древнерус-

¹ См.: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 249–265; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья // ИСССР. 1984. № 3. С. 50–65.

² См.: *Джаскон Т. Н.* Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 27–42. О нападении ярла Эйрика на Ладогу см.: *Джаскон Т. Н.* ИКС-1993. С. 152–153. Ср. также сообщение ПВЛ о взимаемой варягами дани и об отказе местных племен выплачивать дань, что интерпретируется иногда как свидетельство викингских набегов на северо-запад Восточной Европы (ПВЛ-1996. С. 13). На основании археологических материалов А. Стальсберг полагает, однако, что отношения скандинавов с местным населением были по преимуществу мирными: *Stalsberg A.* Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // JBS. 1982. Vol. XIII. No. 3. P. 267–295.

ском обществе и государстве³. Менее очевидны и потому практически не обращали на себя внимания региональные отличия в деятельности скандинавов в Южной и Северной Руси и их роль в общественной жизни этих территорий⁴. Поэтому представляется целесообразным хотя бы в общих чертах проследить эти отличия по данным как письменных, так и археологических источников.

Древнейший этап связей Северной и Восточной Европы приходится на время до 860-х гг., условного времени вокняжения Рюрика в одном из главных центров Северной Руси, в Ладоге или на Новгородском городище, и похода росов на Константинополь, очевидно из Киева, под главенством захвативших в нем власть незадолго перед тем скандинавов Аскольда и Дира (или одного Аскольда), если следовать общепринятой интерпретации этих событий. Именно в этот период происходит постепенное проникновение скандинавов вглубь Восточной Европы и освоение ими сначала Волжского (VIII–IX вв.), а затем Днепровского пути вплоть до Константинополя. Эти события отмечают две принципиально различных стадии русско-скандинавских связей. Первая — вокняжение Рюрика — знаменует завершение процессов освоения Балтийско-Волжского пути и становления связанных с ним политических структур, вторая — закрепление Аскольда и Дира в Киеве — отмечает возникновение потребности в контроле над Днепровским путем.

Самые ранние продвижения скандинавов на северо-западе в район Приладожья, очевидно, могут датироваться VI–VII в. (к VI в. относится погребение женщины-скандинавки в Риеккала в северной части Ладожского озера⁵, VII в. датируется равноплечая фибула типа Вальста, найденная на дне р. Волхов⁶). К середине VIII в. уже существует поселение в Ладоге (ныне Старая Ладога) с постоянным скандинавским населением, а в середине IX в. скандинавы обосновываются на Новгородском (Рюриковом) городище и на Сарском городище под Ростовом. Скандинавские древности концентрируются в названных и нескольких других пунктах, но отдельные находки встречаются и во многих других местах вдоль речных магистралей, выводящих на Волгу. Об освоении скандинавами к началу IX в. северной части Волжского пути⁷ говорит также концентрация

³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

⁴ Впрочем, уже в 1990 г. А. П. Моця кратко отметил существование различий в характере присутствия скандинавов на Севере и Юге Руси (Моця О. П. Поховання скандинавів на Півдні Київської Русі // Археологія. 1990. № 4. С. 96).

⁵ Кочуркина С. И. Археологические памятники Корелы. М., 1981. С. 19–20.

⁶ Амброзиани Б., Гайдюков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И. Первая находка скандинавской равноплечей фибулы типа Вальста на Руси // Археологические вести. Л., 1994. Вып. 3.

⁷ Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. См. также статьи И. Л. Измайлова, А. Н. Кирпичникова, Е. А. Мельниковой, Е. Н. Носова, А. Стальсберг, И. Янссона и др. в сб. ст.: Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999; Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000; Великий Волжский путь. Казань, 2001; Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань, 2002.

кладов арабских монет конца VIII – начала IX в. в Поволхове⁸. Наконец, сколь ни туманны и трудно датируемы сообщения саг и других письменных источников, они отражают историческую память о ранних походах викингов, в первую очередь свеев, в Восточную Прибалтику и на Северо-Запад будущей Руси⁹.

Деятельность скандинавов здесь протекает в малоблагоприятных для производящего хозяйства климатических условиях, что обуславливало низкую плотность финского населения и отсутствие развитой системы протогородских поселений. Одновременно со скандинавской происходит славянская земледельческая колонизация, в результате которой славяне заселяют плодородные участки вдоль рек и озер¹⁰.

Находки скандинавских древностей на северо-западе Восточной Европы с VII по середину IX в., как кажется, не подтверждают скандинавскую земледельческую колонизацию¹¹, однако они свидетельствуют, что скандинавы самым активным образом участвовали в освоении Балтийско-Волжского пути: именно находки скандинавских предметов очерчивают его зону. Скандинавы основывают в его стратегически ключевых пунктах поселения или обосновываются на уже существующих, откуда осуществляют контроль за функционированием пути и где занимаются торговой и ремесленной деятельностью, вовлекая в нее местное население. Образование трансконтинентального торгового пути объективно послужило одним из важных факторов (если не решающей предпосылкой) зарождения государственности на севере Восточной Европы¹². Естественным завершением этих процессов оказывается возникновение ранне-

⁸ *Nosov E. N. International Trade Routes and Early Urban Centers in the North of Ancient Russia // Fenno-Ugri et Slavi, 1978. Helsinki, 1980. P. 49–62.*

⁹ См.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1993.

¹⁰ *Концевий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 3–19; *Кириянов А. В.* История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 306–362; *Жекулин В. С.* Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. ВГО. 1972. № 1. С. 21–29.

¹¹ В последнее время ее предполагает И. Янссон (*Jansson I. Warfare, Trade or Colonisation? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro, 1997. P. 9–64*). Думается, что даже присутствие скандинавских имен в берестяных грамотах, присланных в Новгород из сельской местности в XI–XIV вв. (*Мельникова Е. А.* Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // *Славяноведение*. 1999. № 2. С. 10–15), свидетельствует лишь о том, что в соответствующих деревнях — располагавшихся по преимуществу на водных путях — размещались новгородские сборщики даней или воины, контролировавшие пути, а не колонисты-земледельцы. Именно поэтому скандинавские имена в берестяных грамотах единичны и, как правило, вкраплены в списки славянских имен (единственное исключение составляет грамота № 2, где присутствует несколько скандинавских личных имен, одно из которых входит в состав топонима).

¹² *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32.

государственного образования, во главе которого в 860-е гг. становится — по соглашению с местной знатью — скандинавский военный вождь.

Практически полное отсутствие скандинавских древностей к югу от водораздела Западной Двины — Днепра — Верхней Волги до рубежа IX–X вв.¹³ могло бы рассматриваться как доказательство незнакомства скандинавов с Днепровским путем и Южной Русью в IX в., если бы не сообщения «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира и завоевании Киева Олегом. Вряд ли могут быть сомнения в том, что эти походы были отнюдь не первыми «прорывами» скандинавов на юг по неразведанным пространствам Восточной Европы. Им должны были предшествовать десятилетия плаваний по рекам Восточноевропейской равнины¹⁴, открытие речных путей и волоковых переправ, связывавших бассейны Балтийского и Черного морей, обнаружение богатых городов (вплоть до Константинополя), привлекательных для скандинавских отрядов. И действительно, византийские и западноевропейские источники указывают на появление скандинавов в Черном море по крайней мере с начала IX в.

Именно к этому времени относятся первые упоминания в византийских источниках о нападениях отрядов народа рос на города, расположенные в западной части Черного моря, в первую очередь, в Житии Георгия Амастридского (ныне аутентичность этого сообщения не вызывает сомнений)¹⁵. Уже в первой половине IX в. в византийском антропонимиконе появляются скандинавские имена: так, ок. 825 г. некий Ингер (Ἰγγερ < *Ingvarr*) становится митрополитом Nikei, а жену византийского императора Василия I Евдокию (род. ок. 837 г.) называют по имени отца Ингериной, т. е. ее отца звали Ἰγγερ или Ἰγγορ < др.-исл. *Ingvarr* (ср. *Игорь*)¹⁶. Возникшее тогда же наименование Ῥῶς, первоначально обозначавшее скандинавов, является, вероятно, рефлексом самоназвания этих отрядов — *rōps(menn)*¹⁷, которое отразилось в финских языках как *ruotsi* и дало в древнерусском языке слово *русь*. Изначально оно имело этносоциальное, «профессиональное» значение («воины и гребцы из Скандинавии, отряд скандинавов на гребных судах») и уже на восточнославянской почве развилось в политоним (*Русь*, *Русская земля*) и этноним (*русский*)¹⁸.

¹³ Археологические исследования последних двух десятилетий показали, что скандинавские древности появляются в Подесенье уже в конце IX в. (Андрощук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ, 1999).

¹⁴ Ср. около 100 лет, прошедших от первых следов проникновения скандинавов в Поволжье до возникновения Ладоги.

¹⁵ Васильевский В. Г. Труды. Пгр., 1915. Т. 3.

¹⁶ Бибилов М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. 1986. Вып. XXX. С. 97–105.

¹⁷ Бибилов М. В., Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59. С. 35–39.

¹⁸ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Эволюция названия «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

К комплексу наиболее ранних источников, упоминающих народ рос, принадлежит сообщение Бертинских анналов (839 г.) о появлении в Ингельгейме у Людовика Благочестивого послов от некоего «кагана» к византийскому императору Феофилу, которые назвались росами, а на деле оказались свеонами (шведами)¹⁹. Наконец, о том же времени как начале более или менее регулярных контактов европейского севера и Византии говорят и археологические источники: появление византийских импортов в Скандинавии (впрочем, в IX в. малочисленных), включение византийских милиарисиев в состав кладов арабских монет²⁰, а также греческое граффито *Zaxarias* на арабской монете из Петергофского клада, зарытого в самом начале IX в. и содержащего монеты со скандинавскими руническими, арабскими и, возможно, хазарскими руническими надписями²¹.

Однако ни один из упомянутых зарубежных источников не содержит прямых свидетельств использования росами Днепровского пути в начале IX в. Напротив, некоторые из них скорее указывают на то, что скандинавы достигали Черного моря по Волге (с волоком Волга–Дон?). О том же говорят и маршруты поступления арабского серебра на север Европы: преимущественно по Дону²². Упоминание «кагана» в Бертинских анналах, которое породило историографический штамп о существовании в 830-е гг. в Среднем Поднепровье восточно-славянского государства, чей правитель носил титул каган, наиболее естественно соотнести с главой хазарского государства, а росов-свеонов рассматривать как членов хазарского посольства в Византию²³ (именно в 830-е гг. между Византией и Хазарией происходит интенсивный дипломатический обмен, завершившийся тем, что император Феофил направил инженера Петрону Каматира

¹⁹ MGH SS. 1885. T. 1. P. 434.

²⁰ *Duczko W.* Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and Their Interpretation // *Rom and Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts.* Stuttgart, 1997. S. 291–311.

²¹ Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 115–119.

²² Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

²³ Это предположение, кажется впервые, было сформулировано в кн.: *Laehr G.* Die Anfänge des Russischen Reiches. B., 1930. S. 16, 122. См. также: *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 63. Одновременно высказывалось мнение, что каганом прибывших в Ингельгейм росов был глава (пред)государственного образования в Поволжье, получившего в литературе наименование «каганат русов», или «Русский каганат». В последнее десятилетие вопрос о «каганате русов» вновь широко дискутируется. См.: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // *Славяноведение.* 2001. № 4 (впервые опубли. в кн.: *Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman.* P., 2000. P. 95–120) и отклики: Петрухин В. Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // *Славяноведение.* 2001. № 4. С. 78–82; Калинин Т. М. Восточные источники в статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства» // *Славяноведение.* 2003. № 2. С. 15–19.

для строительства крепости Саркел на Дону). Вероятно, магистралью, ведущей в Византию, мог на раннем этапе служить не только Днепровский, но и Волжский путь. Однако как в Поднепровье, так и на Дону и в Среднем и Нижнем Поволжье скандинавских древностей IX в. практически не обнаруживается, нет здесь и поселений, основание которых можно было бы связать с пребыванием скандинавов²⁴.

Очевидно, это говорит об отличном от Северо-Запада характере первоначального проникновения скандинавов на юг Восточной Европы и их деятельности на этой территории. Обусловлены же эти отличия могли быть как особенностями местных условий, с которыми столкнулись скандинавы в Среднем Поднепровье, так и целями их продвижения на юг. В IX в. Среднее Поднепровье было регионом с развитым производящим хозяйством, высокой плотностью земледельческого населения и густой сетью поселений, которые образовывали своего рода гнезда вокруг укрепленных городищ, где процветала ремесленная деятельность²⁵. Эти условия сами по себе требовали от скандинавов иной, нежели на Северо-Западе, тактики. Но иными были и стимулы, влекущие скандинавов на юг.

До середины – второй половины IX в. Среднее Поднепровье представляется транзитной зоной, через которую проходили редкие отряды наиболее предприимчивых и удачливых «морских конунгов», наслышанных о богатствах Востока и Византии. На протяжении первой половины IX в., а вероятно, и с более раннего времени, они разведывают и осваивают речные пути, ведущие через Волгу и Днепр в Черное море и далее в Византию. Судя по имеющимся сведениям, они стремятся к быстрому обогащению с помощью грабежа, а не установлению регулярной торговли, т. е. их цели в данном регионе принципиально не отличаются от целей викингских отрядов в других областях Европы. Они нападают на города Западного Причерноморья (Амастриду) и Константинополь, но не задерживаются на своем пути и соответственно почти не оставляют отчетливых следов в материальной культуре. Лишь временами они вступают в контакты с местными правителями, подчас оказываются у них на службе, но не оседают у них надолго.

Только в середине IX в., видимо, Среднее Поднепровье как таковое оказывается в сфере интересов скандинавских отрядов. По мере накопления сведений о топографии и этно-политической обстановке юга Восточной Европы скандинавы начинают активнее использовать Днепровский путь, в особенности из-за того, что Хазарский каганат все сильнее препятствует проникновению

²⁴ Измайлов И. Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи. С. 94–100.

²⁵ Смиленко А. Т., Юренко С. П., Сухобоков О. В., Пархоменко О. В. Культуры восточных славян и их соседей в предгосударственный период // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 106–140.

отрядов викингов на свою территорию, и им редко удается спускаться ниже Булгара²⁶. Именно тогда и возникает потребность в установлении контрольных пунктов на Днепре для обеспечения нормального функционирования магистральной и установления торговых отношений с местным населением. Этот этап, вероятно, и отразился в рассказе о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира²⁷. Единственное событие в их деятельности, о котором говорит составитель ПВЛ (кроме их вокняжения в Киеве), — это поход на Царьград²⁸. Дополнение Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) о том, что они воевали с древлянами и уличами²⁹, является единственным в этой летописи сообщением об их деятельности³⁰, и, вероятно, отражает не столько воспоминания о действительных событиях, сколько представления новгородского летописца, в отличие от составителя ПВЛ считавшего Аскольда и Дира князьями, — об обязательных деяниях князя³¹. Тем самым, на основании этого повествования более или менее уверенно можно говорить лишь об установлении скандинавами в середине IX в. контроля над Киевом и использовании его в качестве базы для осуществления похода на Константинополь.

Утверждение скандинавских правителей в Киеве — бесспорное свидетельство возросшей роли Днепровского пути. Но рассказ показывает и то, что кон-

²⁶ Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 111–120.

²⁷ ПВЛ-1996. С. 13; НПЛ. С. 106. Вопрос о достоверности сообщения об их совместном правлении в данном случае несущественен. См. обсуждение этого вопроса: Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 51–54.

²⁸ ПВЛ-1996. С. 13. Ник. дополняет сообщение о походе упоминанием об их крещении после нападения на Константинополь (под 6384/876 г.) (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. Патриаршая или Никоновская летопись. С. 13). Оно перекликается со сведениями в византийских источниках о крещении росов после их неудачного похода на Константинополь 860 г. (см.: Кузенков П. В. Известия о первом походе руси на Константинополь в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 год. М., 2002. С. 3–172).

²⁹ «И беша ратнии с Древляны и с Уличи» (НПЛ. С. 106). Ник. говорит также об их войне с полочанами и печенегами, но не упоминает древлян и уличей (ПСРЛ. Т. IX. С. 9).

³⁰ В рассказе НПЛ о походе на Константинополь их имена не названы, а сам рассказ помещен непосредственно после повествования о Кие и его братьях и перед сказанием о призвании варягов (НПЛ. С. 105). Речь же об Аскольде и Дире — их вокняжении в Киеве и походах на другие племена — идет совершенно независимо, после сказания о призвании (НПЛ. С. 106).

³¹ Составитель ПВЛ дважды отмечает некаяжское происхождение Аскольда и Дира (при их первом упоминании: «И бяста у него [Рюрика] 2 мужа, не племени его, но боярина» и при описании взятия Киева Олегом: «Вы нестя князя, ни рода княжа»). — ПВЛ-1996. С. 14) и потому не приписывает им положенных для князя деяний (Мельникова Е. А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // ВЕДС. XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. 2002. С. 143–151). Напротив, составитель НПЛ подчеркивает их княжеский статус, рассказывая об их вокняжении в Киеве: «...приидоста два варяга и нарекося князема... и беша князаша в Киеве» (НПЛ. С. 106), хотя и повторяет в рассказе о захвате Киева, правда, вкладывая в уста Игоря, фразу о том, что Аскольд и Дир «нестя князя, ни роду княжа» (НПЛ. С. 107).

тингент оседающих на юге скандинавов еще крайне малочислен — речь идет не об основании нового поселения (такovým станет Гнѣздово полувеком позже), а об установлении контроля над уже существующим центром³². Наконец, как явствует из летописи, — конечной целью предводителей викингов был не Киев, а Константинополь, суливший огромные богатства в случае удачного похода. Киев, видимо, играл в данном случае роль опорного пункта, базы для дальнейших набегов (ср. аналогичные «базы» викингов IX в. в Западной Европе: на островах в устьях Темзы, Рейна, Сены и др.).

В отличие от Северо-Запада, скандинавские отряды на юге еще и в середине IX в. не включаются непосредственно в социально-экономические процессы в восточнославянском обществе, хотя угроза грабежа со стороны скандинавов и возможность принять участие в перераспределении награбленных ими на черноморских берегах богатств могли в какой-то степени способствовать консолидации местного общества, но это было косвенное влияние, а отнюдь не прямое участие.

Вокняжение Олега в Киеве положило начало новому этапу деятельности скандинавов в Южной Руси. Во-первых, вместе с Олегом в Киеве, вероятно, впервые появился постоянный и значительный контингент скандинавов. Во-вторых, скандинавские по происхождению правители и их окружение заняли в Киеве господствующее положение, сосредоточив в своих руках военную, административную и фискальную верховную власть. Однако они — по крайней мере в значительной своей части — оказались интегрированными в славянскую среду. И хотя процесс ассимиляции скандинавов в конце IX в. только начинается, степень «включенности» дружин Олега и Игоря в восточнославянское общество была неизмеримо выше, нежели их предшественников. И сообщения ПВЛ о деятельности Олега полностью подтверждают это.

Поход Олега на Константинополь, казалось бы, сходный с нападениями росов первой половины – середины IX в., имеет и принципиальное отличие: он завершается заключением договора, который обеспечивает не личные интересы правителя, как, например, договоры предводителей викингов с правителями Англии и Франции³³, а государственные нужды Руси, точнее, ее правящего слоя, военной элиты, регулирует ее торговые и политические связи с Византи-

³² См., впрочем, последние археологические исследования Киева: *Комар А.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах Киева // *Ruthenica*. Киев, 2005. Т. IV. С. 115–137; *Sagaidak M.* Medieval Kiev from the Perspective of the Archaeological Study of the Podol District // Там же. С. 138–160; *Сагайдак М.* Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей присвячений пам'яті В. В. Седова. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16. С. 94–104.

³³ *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; *Мельникова Е. А.* Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12–26.

ей, обеспечивая их устойчивость³⁴. Известия о походах Олега на древлян, северян, радимичей, очевидно, отражают сложный и отнюдь не завершившийся при нем процесс «собираения» земель, консолидации племенных территорий в единое государство. Упоминания об установлении «даней» свидетельствуют об упорядочении обложения включаемых в состав Русского государства племен. Таким образом, деятельность Олега (и его скандинавских дружин), как и позднее Игоря, объективно коренным образом отличается от походов викингов: это более или менее последовательная (хотя, вероятно, далеко не всегда осознанная) внутренняя и внешняя политика, преследующая цели консолидации и укрепления восточнославянского государства.

Скандинавские древности в Южной Руси становятся все более многочисленными и отчетливыми в середине – второй половине Х в., что обнаруживает прямую связь оседающих здесь скандинавов с великокняжеской властью. Скандинавские комплексы концентрируются в местах стоянок великокняжеских дружин, куда, очевидно, свозилась дань и откуда осуществлялся контроль над торговыми путями и племенными территориями. Наблюдается тяготение этих стоянок к двум крупнейшим центрам Среднего Поднепровья: самому Киеву (Киев, Вышгород, Китаев)³⁵ и Чернигову (Шестовица, Седнев, Табаевка)³⁶, но аналогичные памятники, также отражающие пребывание дружин великого киевского князя, имеются и в Гнёздове под Смоленском, в Тимереве под Ярославлем и др., т. е. на дальних рубежах формирующегося Древнерусского государства. Показательно, что в Южной Руси (вне зоны Днепровского пути) очень мало рассеянных, единичных находок скандинавских предметов или комплексов. Отсутствует и собственная скандинавская топонимия для населенных пунктов: все известные скандинавским источникам южнорусские топонимы — передача местных наименований: Киев > *Kænugarðr*³⁷, Витичев > *Vitahólmr*³⁸, тогда как на севере большинство топонимов имеют скандинавское происхождение (*Hólmgarðr*) или образованы с помощью скандинавских терминов (*Aldeigjuborg*)³⁹.

³⁴ Предположения о заключении договора в результате похода 860 г. гипотетичны, поскольку он не оставил документальных следов (см.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 47–82). Представляется, что обстоятельства окончания похода — гибель флота росов из-за бури — вряд ли могли побудить византийские власти к заключению договора с варварами.

³⁵ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958–1961. Т. 1–2; Моця О. П. Поховання скандинавів.

³⁶ Бліфельд В. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; Андрощук Ф. О. Нормани і слов'яни.

³⁷ Древнерусские города в древнескандинавской письменности / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 32–34; Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. 1990. Вып. XXI. С. 226–238.

³⁸ Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 282–283.

³⁹ Мельникова Е. А. Древнескандинавские топонимы с корнем *garð-* // СС. 1977. Вып. XXII. С. 199–210; Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода; Джак-

Таким образом, оседание скандинавов в Южной Руси с самого начала было связано с укреплением центральной власти в Киеве и подчинено задачам становления и консолидации Древнерусского государства.

Завершение процессов образования Древнерусского государства в последней четверти X в. ставит приходящих на Русь скандинавов в новые отношения с центральной властью. Дружинники Олега и Игоря, осевшие на Руси, и их потомки уже вряд ли могут рассматриваться иначе, нежели как представители древнерусской военной знати: показательно, что и летописец конца XI – начала XII в. никогда не применяет к ним этническое определение «варяг», т.е. скандинав. Они — русы. Варягами же называются скандинавы, оказывающиеся на Руси в качестве воинов-наемников и торговцев, как правило, на короткое время⁴⁰. Лишь незначительная часть их остается здесь навсегда⁴¹, поскольку необходимость в использовании новых выходцев из Скандинавии в аппарате государственного управления уже отпала: существует достаточно широкий слой местной знати. Основной формой деятельности новоприбывающих скандинавов, собственно «варягов», становится военная служба: их отряды нанимаются на более или менее длительный срок за определенную плату, после чего распускаются или отправляются домой на север или далее на юг — в Византию. Они находятся под строгим контролем центральной власти и в конфликтных ситуациях древнерусские князья защищают интересы местного населения, а не пришлых наемников⁴². На протяжении первой половины XI в. роль варягов продолжает уменьшаться, становясь чисто вспомогательной, и постепенно сходит на нет.

(Впервые опубликовано: Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 340–347)

сон Т.Н. Древняя Русь глазами средневековых исландцев. N.Y., Queenston, Lampeter, 2000. С. 107–124.

⁴⁰ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии.

⁴¹ См., например, историю варяга Шимона, упомянутого в Киево-Печерском патерике, и его потомков: Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI–XIV вв.) // ВЕДС. [III]: Проблемы источниковедения. 1990. С. 79–83.

⁴² Это ярко проявилось в отправке Владимиром отряда варягов в Византию после взятия Киева в 980 г., в конфликте варяжской дружины Ярослава с новгородцами, описанном под 1016 г., и др.

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина

Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы)*

На протяжении двух столетий обсуждения «норманнского вопроса» русско-скандинавские отношения раннего средневековья рассматриваются исключительно как однонаправленный процесс воздействия скандинавов на социально-политическое и культурное развитие народов Восточной Европы. Дискуссия между норманистами и антинорманистами полностью сосредоточилась на оценке характера и степени этого влияния¹. Изучение лишь этого направления связей было определено традициями старой норманистской школы, для которой культуртрегерская роль норманнов в Восточной Европе была исходной аксиомой и, наряду с априорным представлением о более слабом, по сравнению со Скандинавией, экономическом и социальном развитии славянского мира, исключала саму постановку вопроса о возможных обоюдных воздействиях.

Новые перспективы открылись в результате широкой разработки в отечественной исторической науке теоретических проблем генезиса государственности у восточных славян² как самостоятельного, вытекающего из внутренних закономерностей в развитии общества перехода от племенного строя через союзы племен к раннефеодальным структурам IX–X вв. Сравнительно-типологическое сопоставление процессов образования государств в Восточной и Северной Европе позволило аргументированно отвергнуть одно из основных положений норманистской школы, утверждавшей социальное и экономическое превосходство скандинавов³. Сопоставление деятельности викингов в Западной (прежде всего в Англии) и Восточной (прежде всего на Руси) Европе (хотя и проведенное с норманистских позиций) выявило отличия в характере и целях походов на Запад и Восток, но обнаружило сходство в способности скандинавов быстро усваивать черты местной культуры, растворяясь в среде численно превосходящего местного населения⁴. В результате этих исследований совер-

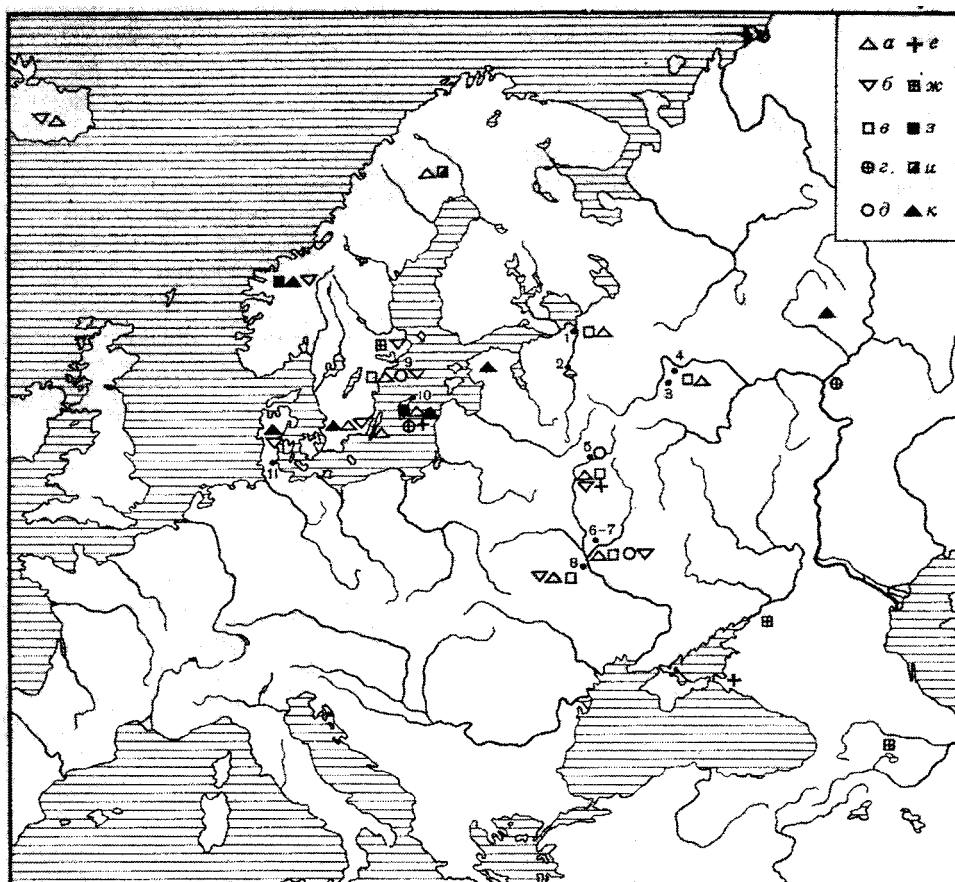
* Авторы приносят благодарность Д. А. Авдусину, В. В. Кропоткину, А. В. Назаренко, В. Т. Пашуто, И. С. Чичурову, Я. Н. Шапову, В. Л. Янину, принявшим участие в обсуждении статьи на заседании сектора истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР, и А. А. Сванидзе и В. В. Седову, высказавшим полезные замечания на IX Всесоюзной конференции скандинавистов.

¹ Показательны в этом отношении материалы симпозиума по «норманнскому вопросу» 1968 г.: Scando-Slavica. Supplementum 1: Varangian Problems. Copenhagen, 1970.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

³ Lowmianński H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957.

⁴ Wilson D. M. East and West: a Comparison of Viking Settlement // Scando-Slavica. Supplementum 1. P. 107–115.

Археологические памятники, отражающие древнерусское влияние на скандинавскую культуру

Условные обозначения: а — поясные наборы, бляшки; б — стеклянные игральные шашки; в — погребения в камерах; г — шелк (плиссе); д — сосуды бронзовые восточные; е — сосуды поливные восточные и византийские; ж — сосуды стеклянные восточные; з — монеты «Ярославо серебро»; и — подражания монетам; к — клады с «пермскими гривнами».

Раннесредневековые центры: 1 — Старая Ладога; 2 — Новгород; 3 — Сарское городище; 4 — Тимерево; 5 — Гнёздово; 6 — Чернигов; 7 — Шестовица; 8 — Киев; 9 — Бирка; 10 — о. Готланд; 11 — Хедебю.

шенно иной предстала роль скандинавов в Восточной Европе. Было показано, что они включались в протекающие здесь социально-экономические процессы и, в конечном счете, подчинялись им⁵.

Вместе с тем уже в 1920–1930 гг. было обращено внимание на широкий культурный взаимообмен между южно-, восточно- и североевропейскими реги-

⁵ Пащенко В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. XV. С. 51–62.

онами. А. Стендер-Петерсен отметил проникновение византийских литературных и фольклорных мотивов в древнескандинавскую словесность⁶. Археологи не раз указывали на присутствие в скандинавских древностях следов восточного влияния, что проявлялось как в импорте определенных видов изделий (арабские монеты, ткани, ряд предметов вооружения), так и в наличии некоторых орнаментальных мотивов в декоративном искусстве⁷. Наконец, в последнее десятилетие на культурные связи трех регионов указала Х. Эллис-Дэвидсон⁸, а отдельные аспекты скандинаво-византийских контактов (особенно в области искусства) обсуждались на симпозиуме в Упсале⁹. В результате интенсивных археологических работ в Скандинавии и на европейской территории СССР значительно расширилась источниковая база для исследования культурного взаимодействия обоих регионов. Принципиально новые материалы дали раскопки поселений IX–XI вв., что привело к возникновению и разработке вопроса о т. н. «славянских импортах». Я. Жак выявил большой комплекс западнославянских древностей в Южной Швеции¹⁰; В. В. Седов охарактеризовал славянские находки в Скандинавии, отметив большую распространенность вещей славянского происхождения в Фенно-Скандинавии, чем это представлялось ранее¹¹. Анализируя некоторые типы оружия, встречающегося как в Древней Руси, так и в Скандинавии, А. Н. Кирпичников пришел к заключению, что норманны на Руси «испытывали могущественное влияние местных условий»¹².

Однако в перечисленных работах рассматриваются лишь некоторые категории вещей: керамика, отдельные виды украшений и предметов вооружения. В целом же систематизация славянских древностей на территории Скандина-

⁶ *Stender-Petersen A.* The Byzantine Prototype to the Varangian Story of the Hero's Death by His Horse // *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953. P. 181–188; *Idem.* Varägersage als Quelle der Altrussischen Chronik. Aarhus, 1934. (Acta Jutlandica. VI).

⁷ *Arne T.* La Suède et l'Orient // *Archives d'études orientales.* Uppsala, 1914. No. 8:1; *Anderson W.* Nordische Bildkunst des ersten Jahrtausends // *Seminarium Kondakovianum.* Praha, 1937. T. IX. S. 23–38; *Paulsen P.* Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956. S. 38–49; *Idem.* Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953. S. 141.

⁸ *Ellis-Davidson H.* The Viking Road to Byzantium. L., 1976.

⁹ Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Actes du colloque d'Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981.

¹⁰ *Žak J.* Kontakte zwischen Skandinavien und Westslawen des 9.–11. Jahrhunderts n. Chr. im Lichte der archäologischen Quellen // *Offa.* 1975. Bd. 32. S. 48–53. О западнославянско-скандинавских связях см. также: *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955; *Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen // *Acta archaeologica lundensia.* Ser. in 8°. Lund, 1976; *Duczek W.* Vikingatida silversmycken i Mora-skatten. Den icke-monetära delen av en nyupptäckt silverskatt från Dalarna // *Tor.* 1980. B. XVIII (1978–1979). S. 311–350.

¹¹ *Седов В. В.* Славянские находки в Фенно-Скандинавии // VIII Сканд. конф. Петрозаводск, 1979. Ч. 1. С. 166–167.

¹² *Кирпичников А. Н.* Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // *СС.* 1977. Вып. XXII. С. 173.

вии не проводилась. Поэтому при обращении к археологическому материалу приходится опираться на разрозненные упоминания восточноевропейских импортов в Скандинавии в работах, посвященных характеристике либо памятников в целом (Бирки, Хедебю и др.), либо конкретных категорий предметов (бус, тканей, украшений и пр.).

Тесные взаимосвязи Скандинавии и Древней Руси и проникновение норманнов через Русь на Юг и Юго-Восток и обратно на Север вели к установлению языковых контактов, причем активная роль в их осуществлении принадлежала скандинавам как пришлому и незначительному по численности этническому элементу. Возвращаясь в Скандинавию, они несли определенные знания русского языка, в первую очередь, лексический запас для обозначения специфически древнерусских предметов, явлений, географических объектов. Поэтому древнерусские заимствования в скандинавских языках — важный, хотя ранее и не привлекавшийся источник по этой проблеме¹³.

Далеко не исчерпаны возможности и письменных источников — древнерусских и особенно скандинавских (саги, рунические надписи), в которых имеются свидетельства как о самих фактах усвоения скандинавами элементов древнерусской культуры, так и о путях проникновения этих элементов на Север, формах и характере их проявления.

Таким образом, данные различных категорий источников позволяют поставить вопрос *о двустороннем взаимодействии Скандинавии и Древней Руси в IX–XI вв.* и наметить основные направления его исследования. Притом необходимо назвать несколько моментов, существенных для характеристики «обратного», т. е. древнерусского влияния на культуру Скандинавии.

Во-первых, именно в этот период Древнерусское государство, консолидируя восточнославянские, балтские, финно-угорские и другие этнические группы, синтезировало элементы их материальной и духовной культуры. На смену племенной, замкнутой пришла надэтническая, но социально окрашенная раннефеодальная культура, открытая для различных влияний. Поэтому культурные импульсы, идущие из Древней Руси в Скандинавию в раннее средневековье, хотя и имели генетически различные истоки (в кочевом мире, в Венгрии, в среде финнов и т. д.), но усваивались на Севере Европы не как этноопределяющие, а как социально значимые элементы раннефеодальной культуры.

Во-вторых, формы и интенсивность воздействия Древней Руси на Скандинавию не были неизменными на протяжении IX–XI вв. Они в значительной степени зависели как от внутренней эволюции древнескандинавского общества, так и от характера деятельности скандинавов на Руси, определяющим фактором которой была феодализация общества и становление Древнерусского государства. Поэ-

¹³ Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 год. М. 1984. С. 62–75.

тому в предлагаемой ниже периодизации русско-скандинавских отношений середины VIII – середины XI в.¹⁴ мы опираемся на разработанную в отечественной историографии схему развития восточнославянского общества от образования племенных союзов до становления Древнерусского государства¹⁵.

Сходные исторические процессы практически синхронно протекают в Скандинавии: эпоха викингов (конец VIII – XI в.) явилась временем интенсивных преобразований социально-политической структуры общества от «племенных княжений» (*фюльк* в Норвегии, *ланд* в Швеции) до раннефеодальных государств¹⁶. Типологическая и хронологическая близость этих процессов на Руси и в Скандинавии в значительной степени облегчила взаимопроникновение социально значимых элементов культуры, в первую очередь, среди феодализирующейся знати обоих регионов.

* * *

Сопоставляя основные этапы становления древнерусского и скандинавских государств и соответствующие им особенности материальной культуры, можно выделить четыре периода русско-скандинавских связей, каждый из которых характеризовался как различными формами деятельности скандинавов на Руси, так и изменениями в интенсивности и специфике древнерусского влияния на Скандинавию.

Первый этап взаимодействия скандинавского и восточнославянского миров (до середины IX в.) проходил в обстановке формирования классового общества, государственности и раннесредневековых народностей в обоих регионах. Это было время образования племенных конфедераций уже не просто как этнических, а территориальных и политических структур — «племенных княжений».

¹⁴ Необходимость периодизации русско-скандинавских отношений назрела давно, так как обычная в литературе суммарная (от IX до XI в.) характеристика их неизбежно ведет к схематизации. Критерии выделения основных этапов этих связей основывались или на самом их характере (*Стендер-Петерсен А. Четыре этапа русско-варяжских отношений // Stender-Petersen A. Varangica. P. 241–262*), или на следах материальной культуры, оставленных норманнами на территории Восточной Европы (*Лебедев Г. С., Назаренко В. А. The Connections between Russians and Scandinavians in the 9th–10th Centuries // NAR. 1973. Vol. 6. No. 1. P. 5–9*). Последняя по времени периодизация русско-скандинавских отношений, предложенная Г. С. Лебедевым, основывается на хронологии Бирки по нумизматическим данным и сообщениях о походах викингов на Восток в летописях, арабских источниках и сагах (при этом она не учитывает теснейшую взаимосвязь поступления арабского серебра в Восточную и Северную Европу с динамикой чекана в халифате, что было показано В. Л. Яниным и А. В. Фоминым. См.: *Лебедев Г. С. Монеты Бирки как исторический источник // СС. 1982. Вып. XXVII. С. 149–163*).

¹⁵ *Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 25, 44; Пауцто В. Т. Истоки Древнерусского государства // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 83–88.*

¹⁶ История Норвегии. М., 1980. С. 97–151; История Швеции. М., 1974. С. 62–82.

Внешним проявлением этих процессов, приведшим к непосредственным контактам обеих этнических общностей, был рост военной, торговой, миграционной активности значительных групп населения. Однако формы ее проявления в Северной и Восточной Европе были различны: в Скандинавии, где отсутствовали возможности для внутренней колонизации, основной формой стала внешняя экспансия (заморские походы викингов); на территории, занятой восточными славянами, она интенсифицировала миграционные процессы, т.е. освоение ими балтских и финских областей к северу и северо-востоку от Среднего Поднепровья в VIII–XI вв.¹⁷ Поэтому естественно, что материальных следов пребывания скандинавов (норманнских древностей) на Руси больше, чем восточнославянских в Скандинавии. А появление восточноевропейских древностей на севере, равно как и лексических заимствований из древнерусского языка в древнескандинавские, в большей мере связано со скандинавами, побывавшими на Руси, чем с самими выходцами из нее.

Древнейшие контакты скандинавов и восточных славян происходят в процессе этих передвижений прежде всего на землях финских племен¹⁸. Однако славяне интенсивно осваивали земли на севере и северо-западе. Скандинавы же попадали сюда, по-видимому, небольшими группами, судя по следам пребывания норманнов в Ладоге (уже с середины VIII – первой половины IX в.)¹⁹, на Сарском городище под Ростовом (IX в.)²⁰.

Эпизодичность и нерегулярность появления варяжских «находников» в этот период отразили древнеисландские саги (в первую очередь, «Круг земной» Снорри Стурлусона), которые упоминают до X в. лишь походы в Прибалтику²¹. Восточная экспансия норманнов по преимуществу распространялась на Прибалтийские земли, и только немногие дружины проникали дальше по речным системам, привлекаемые возможностью грабежа местного населения и взимания дани (судя по сведениям саг, первое было более распространено). Однако сбор дани был эпизодическим уже в силу нерегулярности походов скандинавов и напоминал скорее разовый побор — откуп

¹⁷ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

¹⁸ Проблемы связей балтского и финского регионов со Скандинавией, а также балто-славянского и финско-славянского этнокультурного синтеза, несмотря на их важность для более широкой характеристики восточноевропейско-скандинавских отношений, не могут быть рассмотрены здесь из-за ограниченности объема статьи.

¹⁹ Давидан О. И. К вопросу о контактах древнейшей Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // СС. 1971. Вып. XVI. С. 142–144; Она же. Скандинавское влияние на развитие ремесла в Ладоге // IX Сканд. конф. Таллинн, 1982. Ч. 1. С. 176–178; Рябинин Е. А. Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладоги // СС. 1980. Вып. XXV. С. 135–148.

²⁰ Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // СС. 1981. Вып. XXVI. С. 141–149.

²¹ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 27–42.

от грабежа²², нежели зачаточную форму налогообложения. Еще одним источником доходов для скандинавов была торговля как с финским, так и со славянским населением.

В этих условиях для самой Скандинавии основным результатом связей с финским и восточнославянским миром стал импорт арабского серебра, который, по данным нумизматики, начинается в конце VIII в.²³ Видимо, неслучайно первый период поступления восточного серебра, определяемый Р. Р. Фасмером и В. Л. Яниным временем до 833 г.²⁴, примерно соотносится с древнейшим этапом восточноевропейско-скандинавских контактов. Нерегулярность связей и очевидный приоритет Восточной Европы находят отражение в незначительном количестве кладов этого периода на о. Готланд: на восточнославянской и финской территориях известно 37 кладов, в Западной Европе — 17, тогда как на о. Готланд — всего 4²⁵.

При этом, как показал Е. Н. Носов, «основной поток восточного серебра в северной части Балтийско-Волжского пути проходил в IX–X вв. через территорию Приильменья, ильменского Поозерья и Поволховья — районы, которые как раз в то время являлись центром расселения новгородских словен»²⁶ и были зоной ранних славяно-скандинавских контактов. Оседание арабских монет именно в районах славянской колонизации заставляет предположить активную роль славян в распространении восточного серебра, в котором участвовали и скандинавы. На протяжении IX в. усиливается ориентация скандинавов на основные пути, по которым серебро проникало на север Восточной Европы: ареалы скандинавских находок IX в. совпадают с местами наибольшей концентрации кладов по Волхову, на Сарском городище и в Верхнем Поволжье. Приток арабского серебра на Север способствовал интенсификации процессов имущественного и социального расслоения, развитию внутренней и внешней торговли Скандинавских стран, укреплению их восточных связей.

Второй этап — вторая половина IX – первая половина X в. — ознаменован формированием раннефеодальных государств в обоих регионах. В Скандинавии продолжают активные миграции населения: на Западе — это заселение Исландии, колонизация Британских островов, Нормандии и т. д. На Востоке

²² Ср. выкупы, платившиеся викингам в Англии в IX–X вв.

²³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 82.

²⁴ Там же. С. 85.

²⁵ Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970. С. 66–67; Кротошкин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 113–116; Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 15–21.

²⁶ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII – X в. // ВИД. Л., 1976. Вып. VIII. С. 106.

происходит вовлечение норманнов в социально-экономические процессы образования Древнерусского государства.

Присутствие скандинавов в крупнейших городах Руси — Ладоге, Новгороде, на торгово-ремесленных поселениях типа Городища под Новгородом, Сарского и Тимерева в IX в. — засвидетельствовано письменными и археологическими источниками. Но именно эти города, в которых сели, согласно разным версиям легенды о призвании, варяги, — Ладога, Новгород, Белоозеро, Изборск — были форпостами славянской колонизации на восточноевропейском Севере. Именно здесь, в сфере городской полиэтнической культуры, протекает, вероятно, первая фаза «славяно-скандинавского синтеза»²⁷.

Однако скандинавы не могли находиться здесь без урегулирования отношений с местным финским и недавно осевшим славянским населением. Собственно, в легенде о призвании варягов и отражено предание о регламентации прав и обязанностей варяжских князей по отношению к местной знати. В. Т. Пашуто подчеркнул важность того обстоятельства, что варяжский князь был приглашен для «наряда»²⁸: этот термин определял условия, на которых князь подряжался правящей знатью отдельных русских городов и областей.

Легендарное призвание варяжских князей представителями знати северной (новгородской) конфедерации племен²⁹, с одной стороны, усилило приток скандинавских дружин на Русь³⁰, с другой — определило их положение, подчиненное интересам формирующегося правящего класса Древней Руси, прежде всего великокняжеской власти.

В условиях интенсивной консолидации племенных союзов и их перерастания в государственное образование наиболее существенной была борьба с племенным сепаратизмом, и именно здесь норманны представляли удобную нейтральную и организованную силу, которую великие князья могли использовать

²⁷ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения. С. 55.

²⁸ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство. С. 34–51; Он же. Русско-скандинавские отношения. С. 53.

²⁹ Сам по себе факт, широко распространенный и на Руси, и в других европейских странах. Достаточно указать на «призвание» бриттскими вождями англо-саксских правителей Хенгиста и Хорса, положившее начало заселению Англии германскими племенами; аналогичные сказания известны и у западных славян.

³⁰ В варианте легенды о призвании братья-варяги берут «со собою дружину многу» (НПЛ. С. 106); Аскольд и Дир, отправляясь на юг, «многи варяги съвоюкуписта» (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 19 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. — Прим. ред.]). «Множество варяг», а также представителей финских и славянских племен взял Олег в поход на Византию 907 г. [ПВЛ-1996. С. 16. — Прим. ред.]; Игорь послал «по варяги многи» в 941 г. [ПВЛ-1996. С. 23. — Прим. ред.]. Однако численность варяжских контингентов этого времени на Руси может быть определена сугубо предположительно. Более реальными для подсчетов кажутся позднейшие данные о приглашении варягов Ярославом Мудрым для похода на Киев (1015 г.), которых насчитывалась тысяча (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 96 [= ПВЛ-1996. С. 62. — Прим. ред.]).

против родо-племенной знати для объединения разноэтничных территорий под своей властью. Необходимость борьбы с сепаратизмом понимала и племенная верхушка, особенно тех регионов, где сталкивались интересы разноэтничных группировок: по предположению В. Т. Пашуто, верхушка конфедерации финских и славянских племен обратилась к князьям из «чужой» земли, чтобы те могли судить «по праву», соблюдая общие интересы³¹. Великокняжеская власть, особенно на ранних этапах своего существования (вторая половина IX – начало X в.), использовала скандинавов и в аппарате государственного управления, в первую очередь в системе взимания податей³².

Такова, видимо, была основа, на которой проходила интеграция скандинавов в восточнославянское общество во второй половине IX – первой половине X в.

Включение скандинавов в социально-экономические процессы на Руси привело к усилению обратного, древнерусского воздействия на Скандинавию. Во-первых, значительно возрастает количество восточного серебра, поступающего в Скандинавию. С утверждением в Новгороде династии Рюриковичей В. М. Потин связывает усиление притока серебра в Скандинавию именно в 60–70-х гг. IX в.³³. На время до 900 г. приходится уже 10 кладов арабских монет на территории Скандинавии. Однако сохраняется тот же, что и в первый период, приоритет в формировании кладов: 45 кладов того же времени найдено на Руси, 12 — в Западной Европе³⁴.

Во-вторых, расширяется сфера древнерусского влияния на культуру Скандинавии. В кладах, помимо монет, встречаются серебряные гривны «пермского

³¹ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения. С. 55.

³² Об участии скандинавов в полюдые — наиболее ранней системе взимания податей — сообщает, в частности, Константин Багрянородный (*Constantinus Porphyrogenetos. De administrando imperio* / Gy. Moravcsik. Dumbarton Oaks, 1967. P. 1. P. 57). См. также: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 316–342. Деятельность воеводы Свенельда, скандинава по происхождению, собиравшего дань с древлян, отмечена ПВЛ (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 39 [= ПВЛ-1996. С. 26–28. — Прим. ред.]). О скандинавах, участвовавших в сборе дани с подвластных Руси народов для великого князя, сообщают и исландские саги (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 30 и др.).

³³ Потин В. М. Русско-скандинавские связи. С. 68–69. Очевидно, что приток серебра зависел и от интенсивности чекана в халифате (см.: Фомин А. В. К вопросу о характере распространения куфических монет в IX в. // Вестник МГУ. История. 1982. № 1. С. 81–85).

³⁴ Активная роль скандинавов в распределении восточного серебра подтверждается значительным количеством рунических граффити на арабских монетах, находимых как в Скандинавии (*Linder Welin U. S. Graffiti on Oriental Coins in Swedish Viking Age Hoards // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum. Lund, 1956. S. 149–171*), так и на территории Руси в кладах IX в. (Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические граффити на восточных монетах // Мельникова Е. А. СРН. С. 142–152; Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 26–41). Большинство кладов, содержащих рунические граффити, связано с Балтийско-Волжским путем.

типа»: с середины IX в. — на Готланде³⁵, в X в. — в Южной Швеции и Дании³⁶. Тогда же распространяются витые серебряные гривны, послужившие, согласно М. Стенбергеру, образцом для сходных украшений скандинавского местного производства³⁷. Таким образом, происходит не только проникновение некоторых предметов из драгоценных металлов, рассматривавшихся как одна из форм имущественных ценностей, но и усваиваются ремесленные традиции, что указывает на большую глубину и интенсивность связей, чем в предыдущий период.

Третий этап русско-скандинавских связей — середина – вторая половина X в. — проходит в обстановке консолидации и укрепления Древнерусского государства и дальнейшего развития государственности в Скандинавских странах, завершающегося формированием к концу X в. раннефеодальных политических структур в Дании и Норвегии. В обоих регионах выделяется феодализирующаяся знать, которая по своим устремлениям и функциям в социально-политической системе государства, прежде всего в составе великокняжеских дружин, противостоит племенной аристократии. Совпадение интересов складывающейся феодальной знати обоих регионов делало закономерным взаимный обмен именно в дружинной среде социально значимыми элементами их культур.

Древнерусская дружинная знать формируется на полиэтнической основе, включая, наряду с основным — славянским — тюркские и финские элементы. В эту среду проникают и скандинавы. В составе великокняжеских дружин они оседают на погостах³⁸, о чем свидетельствуют как находки на поселениях, так и материалы некрополей³⁹. Но варяги, селившиеся на древнерусских погостах в Киеве, Чернигове и других городах, уже никак не сопоставимы с «находниками» времен Олега, почти не оставившими следов в материальной культуре Руси и принесящими обратно в Скандинавию вместе с восточным серебром лишь незначительное количество восточноевропейских украшений. Теперь это — русские дружинники скандинавского происхождения, их быт и обрядность претерпели существенные изменения под влиянием древнерусской культуры⁴⁰. Процессу ассимиляции скандинавов способствовало то, что они,

³⁵ *Munksgaard E.* Justerede ringe af ædelmetal fra germansk jernalder og vikingetid // Aarbøger. 1978. København, 1980. S. 152.

³⁶ *Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde. S. 91.

³⁷ *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1957. Bd. 1. S. 126.

³⁸ Оседание древнерусской дружины на погостах отражало новый этап в процессе феодализации. См.: *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 107–108.

³⁹ Этим временем датируется большая часть норманнских древностей на Руси. См.: *Авдусин Д. А.* Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. 1975. Вып. XX. С. 147–157.

⁴⁰ *Петрухин В. Я.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений (IX–XI вв.) // ДГ. 1981 год. М., 1983. С. 174–181.

по-видимому, не представляли сколько-нибудь самостоятельных групп, фактически вращаясь в феодальную знать Древнерусского государства.

На территории Древней Руси, преимущественно в Среднем Поднепровье, складывается «дружинная культура», впитывающая и сплавливающая в единое целое элементы разноэтничного происхождения. Распространяется под влиянием местных традиций (срубные конструкции некоторых камер в Киеве)⁴¹ новый тип погребального обряда — погребения в камерах. Этот обряд характеризует дружину великого князя как в собственно киевском некрополе, так и на подвластной Киеву Черниговщине (Шестовица); отдельные камеры обнаружены также на кладбищах других важнейших погостов: в Гнездове, Тимереве и, кроме того, в Пскове. Типологически, а скорее всего и генетически, близки большие скандинавские курганы Гнездова и знаменитые памятники Чернигова — Черная Могила и Гульбище⁴². Последние наиболее показательны для культуры дружинных верхов: они содержат остатки тризны с «варяжским» котлом, франкские мечи со скандинавскими рукоятями, восточноевропейский доспех, славянскую керамику, византийские монеты, бляшки кочевнических поясных наборов, застёжки венгерского (?) кафтана, наконец, знаменитые питьевые рога с венгерским орнаментом и тератологическим сюжетом, который Д. Ласло считает выполненным венгерскими мастерами⁴³. Аналогичное смешение этнических признаков обнаруживает богатое парное погребение в камере (Шестовица, № 42) с седлом с восточными накладками, орнаментированными в стиле Маммен⁴⁴.

Сходство социально-политических процессов в Скандинавии и на Руси и значительная мобильность скандинавов, многие из которых возвращались на родину, обусловили резкое усиление древнерусского влияния на культуру Скандинавских стран. В первую очередь оно охватывает сферу «дружинной культуры». В Средней Швеции появляются погребения в камерных гробницах. Они рассматриваются как новый обряд, созданный дружинной знатью, чтобы таким путем противопоставить себя старой «вендельской» аристократии⁴⁵, и так же, как в Древней Руси, обнаруживают синкретизм разноэтничных традиций. Таково, например, погребение середины X в. в Рёста (Емтланд, Швеция), где дружинника сопровождали типичный для скандинавских камер инвентарь,

⁴¹ Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // Scando-Slavica. Copenhagen, 1978. Т. 24. Р. 69.

⁴² Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестник МГУ. История. 1975. № 2. С. 85–92.

⁴³ László G. Steppenvölker und Germanen. Kunst der Völkerwanderungszeit. B., 1971. S. 107.

⁴⁴ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 138–141; Кирпичников А. Н. Снаряжение верхового всадника и коня на Руси IX–XIII вв. М., 1973. С. 36–37.

⁴⁵ Лебедев Г. С. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // СС. 1977. Вып. XXII. С. 147–151.

сумка-ташка и захоронение коня, причем расположение и выбор частей туши характерны для венгерских памятников⁴⁶.

Наряду с погребальным обрядом в Скандинавию проникает восточноевропейская «дружинная мода»: элементы сбруи и вооружения, поясные наборы, происходящие из южнорусских степей, венгерские сумки-ташки, формы костюма и его детали, ткани, украшения.

Вооружение, как показали исследования А. Н. Кирпичникова, свидетельствует о наиболее интенсивном синтезе различных традиций: норманны принесли в Восточную Европу франкские мечи (часто со скандинавскими рукоятями), боевые ножи — скрамасаксы, ланцетовидные копья и стрелы, некоторые формы топоров, щит с металлической бляхой — умбоном; сами же восприняли многие особенности восточнославянской и кочевнической техники боя: «усвоили саблю, стали более широко употреблять кольчугу, получили конический шлем, кочевническую пику, восточный чекан, русские боевые топоры, возможно, сложный лук, округлые стремяна и другие принадлежности упряжи»⁴⁷. Между 950 и 1050 гг. в Польшу и Швецию проникают стремяна (тип I, по А. Н. Кирпичникову), которые считаются восточным или русским импортом⁴⁸.

Древнерусское влияние в сфере военного искусства нашло отражение и в заимствованиях названий ряда предметов, связанных с вооружением и доспехом (др.-швед. *sarful*, др.-исл. *sǫðull* из др.-рус. *съдьло*; др.-швед. *loka* «хомут» — с трансформацией значения из др.-рус. *лука* «изгиб, лука седла»).

С кочевническим миром Восточной и (в меньшей мере) Центральной Европы связано происхождение упоминавшихся наборных поясов, имевших длительную (X–XI вв.) собственную историю на Руси и в Скандинавии. Большая часть таких поясов встречена именно в дружинных погребениях, в том числе в камерных, X в.⁴⁹: по преимуществу в Швеции, вплоть до Крайнего

⁴⁶ Gräslund A.-S. Vikingatidensväskan från Rösta i Ås // Jamten. 1975/76. B. 69. S. 110–121. Связи венгров, прошедших в IX–X вв. через Восточную Европу, с европейским средневековым миром исследованы мало. Среди находок X–XI вв., обнаруженных в Венгрии, есть ряд мечей и наконечников ножен несомненно скандинавского происхождения (*Bakay K. Archäologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgründung // Acta archaeologica Hungarica. Budapest, 1967. T. XIX. S. 105–179*). Венгерская упряжь и некоторые виды вооружений распространились в это время по всей Европе вплоть до Скандинавии (*Almgren B. Vikingatågens höjdpunkt och slut. Skepp, hästar och befästningar // Tor. 1963. B. IX. S. 236–242*), причем регионом непосредственного контакта венгров и норманнов было, скорее всего, Среднее Поднепровье (*Fodor J. Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland (Archäologische Beiträge). Szeged, 1977. S. 87–95*). О находках венгерских вещей в Среднем и Верхнем Поднепровье см.: *Ширинський С. С. Угорські речі в курганах Русі X ст. // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 118–124*.

⁴⁷ Кирпичников А. Н. Вооружение воинов. С. 173.

⁴⁸ Он же. Снаряжение верхового всадника. С. 47.

⁴⁹ Впрочем, наиболее ранние (IX в.) находки — поясные бляшки, используемые в Бирке в качестве привесок к женским ожерельям; эту функцию они иногда сохраняли и в X в.

Севера⁵⁰, и в Финляндии (как целые наборные пояса, так и отдельные бляшки). Единичные находки известны в Норвегии и даже в Исландии⁵¹. Распространение поясных наборов в дружинной среде Древней Руси и Скандинавии происходило одновременно, при этом первая несравненно богаче находками. Показательно, что на Руси наборные пояса были адаптированы настолько, что стали производиться в древнерусских городах, судя по находкам формочек для поясных бляшек в Киеве⁵² и самих бляшек в Новгороде⁵³; Б. А. Рыбаков установил, что бляшки пояса из Владимирского кургана и из кургана Юго-Восточного Приладожья отлиты в одной форме⁵⁴. Сердцевидные бляшки найдены и в культурном слое начала XI в. поселения Борге на о. Готланд⁵⁵. Вероятно, под влиянием «дружинной моды» появляются и собственно скандинавские наборные пояса. Х. Арбман видит признаки «гибридности»: сочетание венгерских, восточных и скандинавских мотивов на бляшках из клада середины X в. в Ворбю (Сёдерманланд, Швеция)⁵⁶.

С поясными наборами часто связаны венгерские по происхождению сумки-ташки с бронзовыми бляшками и застежкой. Максимальная концентрация этих находок в Средней Швеции позволяет предположить, что в другие районы они попали уже путем внутренней торговли⁵⁷.

Данные археологии и изобразительного искусства эпохи викингов дают основания предположить в некоторых случаях заимствование не только частей костюма, но и самого костюма в целом на Востоке. На одном из готландских камней (*Smiss i När*) изображены воины в одежде с длинными рукавами и в коротких шароварах (подобные шаровары восточные авторы упоминают у русов)⁵⁸, тогда как традиционными для Скандинавии были узкие штаны. Те же черты восточного костюма угадываются в изображениях на бляшках из Бирки

⁵⁰ *Hvarfner H.* A Viking Settlement in the Forest Area // *Ancient Hunters and Settlements in the Mountains of Sweden*. Stockholm, 1966. S. 46.

⁵¹ *Arne T.* La Suède et l'Orient. P. 117 ff.; *Jansson I.* Ett rembeslag av orientalisk typ funnet på Island. Vikingatidens orientaliska bälten och deras europiska sammanhang // *Tor*. 1978. B. XVII (1975–1977). S. 383–420. Авторы пользуются случаем выразить благодарность д-ру И. Янссону за ценные консультации.

⁵² *Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.* Дослідження київського подолу (1974–1975 рр.) // *Археологія Києва*. Київ, 1979. С. 47–50. Судя по арабской надписи на формочке, ремесленник был тюркского (торкского) происхождения.

⁵³ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С. 144–152.

⁵⁴ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 453.

⁵⁵ *Thunmark L.* Burget på Burge — en storgård på gränsen mellan heden och kristen tid // *Arkeologi på Gotland*. Visby, 1979. S. 152, bild. 3; cp.: *Hvarfner H.* A Viking Settlement. P. 49.

⁵⁶ *Arbman H.* Sverige och Östern under Vikingatiden // *Proxima Thule. Sverige och Europa under forntid och medeltid*. Stockholm, 1962. S. 162–163.

⁵⁷ Cp.: *Biörnstad M.* Handel på nordliga vägar under järnåldern // *Proxima Thule*. S. 133.

⁵⁸ *Ellis Davidson H. R.* The Viking Road to Byzantium. P. 110–111; *Nylén E.* Bildstenar. Visby, 1978. S. 57 (камень условно датируется 700–800 гг.).

(погребения 552, 711) и с о. Эланд⁵⁹. Судя по остаткам тканей в погребениях, в IX в. в Бирке появляется верхняя запашная одежда типа кафтана, обшитая по краю тесьмой: такой покрой был известен в Византии и Иране. Подобная же приталенная мужская одежда в это время распространилась и в Юго-Восточной Прибалтике⁶⁰. Х. Арбман считал, что кафтан этого покроя видел Ибн Фадлан на похоронах руса; бронзовые пуговицы (обычная находка в русских курганах и погребениях Бирки), по Х. Арбману, принадлежали восточному кафтану⁶¹. Наконец, многократно упоминаются в сагах «русские шапки», которые носят как те, кто вернулся из Древней Руси, так и богатые исландские бонды и представители знати Норвегии.

В одежде богатых житейниц Бирки в IX в. появляется, а в X в. распространяется плиссированная льняная (в некоторых случаях, шелковая) рубашка. Технология изготовления этих тканей и покрой рубашек аналогичен известному у южных славян⁶². Находки фрагментов плиссированного шелка в Безымянном кургане Чернигова, в одном из погребений Шестовицы и на Центральном городище в Гнездове⁶³ указывают на возможность проникновения этого типа костюма из Юго-Восточной Европы в Скандинавию через Древнюю Русь (по днепровскому пути). Это согласуется с вероятным прямым (а не через латинский > древневерхненемецкий) заимствованием др.-швед. *silki* из др.-рус. *шелкъ*⁶⁴. К числу импортных тканей, обнаруженных в Бирке, помимо шелка, относят льняные (которые иногда считаются ввезенными из Восточной Европы) и шерстяные, экспортером которых могли быть Сирия и Египет.

На связи Скандинавии с Ближним Востоком через Древнюю Русь указывают, помимо арабского серебра, многочисленные находки сердоликовых и хрустальных ближневосточных бус, ареал которых и здесь, и в Северной Европе

⁵⁹ Корзухина Г. Ф. Об Одине и креслах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 160. Исследовательница отмечает и восточную позу изображенных, сидящих на поджатых ногах. Ср.: уникальное свидетельство раннего восточного импорта в Скандинавию — статуэтку сидящего Будды из Хельгё (VI–VII вв.).

⁶⁰ Zariņa A. Seno latgaļu apģērbs 7.–13. gs. Rīga, 1970. Lpp. 151–162; Ģinters V. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. Eine vergleichende Studie (Antikvariskt arkiv. № 70). Stockholm, 1981. S. 9–21.

⁶¹ Arbman H. Sverige och Östern. S. 161.

⁶² Hägg I. Kvinnodräkten i Birka. Uppsala, 1974. См. также о находках шелковых тканей в Лёддчеппинге и др.: Cinthio H. The Löddköppinge Investigation III // Meddelanden från Lunds universitets historiska museum. 1979–1980. Lund, 1980. P. 118.

⁶³ Определение тканей сделано М. В. Фехнер, которой авторы приносят искреннюю благодарность.

⁶⁴ Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования. С. 74; de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden. 1957–1961. S. 475; Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М., 1953. С. 276. Примеч. 1.

совпадает с ареалом дирхемов⁶⁵. Каменные бусы, в том числе и из более редких минералов (аметист, агат), поступали в основные торговые центры Скандинавии (Экеторп, Хельгё, Бирка, Хедебю) с VI в.; Б. Аррениус сравнивает технику их обработки с распространенной на юге Восточной Европы в позднеримское время⁶⁶. Из мастерских Ближнего Востока поступали на Русь и в Скандинавию также некоторые типы стеклянных бус, в том числе золотостеклянные. Максимальное количество бус из мастерских Средней Азии, Сирии, Ирака, обнаруженное в Скандинавии, приходится на вторую половину IX – начало X в.⁶⁷.

Не столь многочисленными, как стеклянные изделия, но характерными для быта знати эпохи викингов привозными вещами были стеклянные игральные фишки византийского (по Х. Арбману) производства, ближневосточные бронзовые и стеклянные сосуды и др.⁶⁸.

Особую проблему представляют взаимосвязи Северной Европы и Руси в области ремесленной технологии и приемов орнаментации. В частности, М. Стенбергер считает заимствованной с Востока технику изготовления браслетов и гривен из серебряной проволоки⁶⁹; вероятно проникновение в скандинавское искусство некоторых орнаментальных восточных мотивов: «пчелы» и др.⁷⁰.

Во второй половине X в. приток арабского серебра достигает максимума. Одновременно изменяется и топография путей поступления его в Скандинавию. Заметно сокращается число монетных кладов на Волжско-Невском пути, в то время как Днепровский и Донской пути отмечены многочисленными находками.

Таким образом, третий этап русско-скандинавских связей наиболее интенсивен по древнерусскому влиянию на культуру Скандинавских стран. При этом социально-экономические и культурные импульсы в середине — второй половине X в. исходят не с севера Руси, как было в IX в., судя по притоку монетного серебра по Волжскому (?) пути, а с Юга, из Среднего Поднепровья (Киев, Черниговщина) и Смоленщины (Гнездово), т. е. по пути «из варяг в греки».

На протяжении *четвертого этапа* связей — конец X – первая половина XI в. — укрепляются Древняя Русь как сильная раннефеодальная монархия и раннефеодальные политические структуры в Дании и Норвегии. Таким об-

⁶⁵ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. 1959. Вып. 33. С. 154; Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Malmö, 1977. P. 102.

⁶⁶ Arrhenius B. Ein Ametystanhänger aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster, 1978. Bd. 12. Das archäologische Fundmaterial III der Ausgrabung Haithabu. S. 12–17.

⁶⁷ Callmer J. Trade Beads. Tab. X.

⁶⁸ Arbman H. Sverige och Östern. S. 161–162; Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. B., 1977. S. 439–440, 468.

⁶⁹ Stenberger M. Die Schatzfunde. Bd. 1. S. 140, 270 ff.

⁷⁰ Arrhenius B. Ein Ametystanhänger. S. 19–20.

разом, установление отношений между Русью и Скандинавией перестало быть исключительным результатом деятельности отдельных лиц и отрядов, но стало приобретать характер межгосударственных контактов.

Консолидировавшийся правящий класс Древнерусского государства стал меньше нуждаться в постоянных подсобных силах и погостах⁷¹. Событие, отмечающее новое отношение к варягам, описано в летописи под 980 г.: Владимир Святославич, утвердившись в Киеве при помощи варягов, не дает им дани, часть их сажает по русским городам, часть отпускает в Константинополь, причем в послании к императору рекомендует поступить с ними так же, как он сделал на Руси — рассредоточить, а не держать в столице. Переход от преимущественной направленности на внешнюю экспансию к задачам внутренней консолидации происходил в тот же период в Скандинавских странах: с этим процессом связан и упадок викингских — прибрежных торгово-ремесленных центров, в том числе Бирки, Хедебю в конце X в.

Это, естественно, приводит к значительному сужению функций, выполняемых скандинавами в системе государственного управления и к сокращению числа норманнов в Древней Руси⁷². В XI в. почти полностью прекращается приток новых выходцев из Скандинавии в аппарат управления, который обеспечивается местной феодализованной знатью. В связи с этим меняется и роль норманнов, попадавших на Русь.

Наиболее распространено в этот период обращение древнерусских князей к военной помощи скандинавских отрядов. И Владимир, и Ярослав неоднократно «посылали за море», чтобы пригласить варяжских воинов для усиления собственной дружины в моменты острой внутривосточной борьбы. И русская летопись, и особенно скандинавские саги дают яркое свидетельство того, что эти отряды выступали в качестве наемной силы, деятельность и формы оплаты которой определялись статьями заключаемого между великим князем и предводителем отряда договора⁷³.

⁷¹ Как было верно отмечено (см.: *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов // *ВИ.* 1980. № 12. С. 40), погосты и собственно древнерусские города (Киев, Чернигов, Новгород, Псков) имели общие черты в материальной культуре; различна была их социально-экономическая роль, в частности, преимущественно служебные функции погостов в противоположность городам как главным консолидирующим центрам округи и государства (ср.: *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города).

⁷² Начало такой «антиваряжской» тенденции намечается едва ли не сразу после того, как укрепляется на Руси династия Рюриковичей: уже Олег строит в Ладоге каменную крепость, охраняющую северо-западные рубежи Древнерусского государства (*Киричников А. Н. и др.* Русско-скандинавские связи. С. 70).

⁷³ Ср.: сообщение ПВЛ об оплате Владимиром варягов, участвовавших во взятии Киева, а также тексты договора Ярослава с предводителем такого отряда Эймундом. См.: *Мельникова Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // *Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295; Свердлов М. Б.* Скандинавы на Руси в XI в. // *СС.* 1974. Вып. XIX. С. 55–68.

Великокняжескую династию связывают со шведским и норвежским королевскими домами матримониальные отношения⁷⁴. Наиболее известны по сагам и русской летописи браки Ярослава Мудрого и Ингигерды, дочери шведского конунга Олава Шётконунга, и дочери Ярослава Мудрого Елизаветы с будущим норвежским конунгом Харальдом Суровым Правителем. Наряду с этим королевские саги отмечают еще три брака представителей древнерусской и скандинавской знати⁷⁵. Есть сведения и о других браках: так, в «Саге об Ингваре Путешественнике» упоминается о женитьбе «областного конунга» (*fylkiskongr*) «с востока из Гардарики» на дочери шведского короля Эйрика Победоносного⁷⁶.

Очевидно, упрочением династических связей можно объяснить неоднократное обращение скандинавских конунгов к русским князьям за политической и военной помощью при осложнении обстановки в государстве. Оказавшийся на Руси норвежский конунг Олав Трюгвасон с помощью Владимира набирает здесь дружину и при ее поддержке возвращает на родине трон. Спасаясь после поражения в междоусобной борьбе, в Новгород приезжает другой норвежский конунг, Олав Харальдссон, и, пополнив свою дружину, возвращается в Норвегию, чтобы продолжить борьбу. При этом он оставляет на попечение Ярослава своего сына Магнуса, который отбывает назад лишь несколько лет спустя.

Развитие межгосударственных отношений между Русью и Скандинавией отражается и в лексических заимствованиях из древнерусского языка в древнешведский. Вероятно, к этому времени можно отнести пополнение древнешведской лексики словами: *græns* < др.-рус. *граница*, *tolk* < др.-рус. *тѣлкѣ*. Может быть, несколько более ранним является заимствование др.-швед. *torg* < др.-рус. *тѣргѣ*.

Изменившийся характер русско-скандинавских отношений в XI в. находит выражение, с одной стороны, в постепенном сокращении норманнских древностей в материальной культуре Древней Руси. Среди немногочисленных находок скандинавских предметов XI в. на территории Древней Руси наиболее показательны вещи, обнаруженные в Суздале на усадьбе, вероятно, принадлежавшей представителю дружинной знати скандинавского происхождения. Наряду с привозными стеклянными изделиями и предметами вооружения византийского и ближневосточного производства на ней найдены скандинавские украшения, бытовые предметы⁷⁷, литейная формочка для отливки подвесок

⁷⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1969. С. 35.

⁷⁵ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // СС. 1983. Вып. XXVII. С. 107–114.

⁷⁶ *Yngvars saga víðförla* / E. Olsen. København, 1912. S. 1.

⁷⁷ Авторы приносят благодарность М. В. Седовой за разрешение привлечь данный материал.

со скандинавской рунической надписью⁷⁸. Отзвуком скандинавского элемента в древнерусской культуре является известный древнерусский подписной меч из Фоцеватой, орнамента рукояти которого чрезвычайно близка орнаментике готландских рунических камней, а на клинке — имя древнерусского мастера — *Людота*⁷⁹.

С другой стороны, в Скандинавии на смену экзотическим вещам восточноевропейского и ближневосточного происхождения приходят изделия древнерусского ремесла, например, пряслица из овручского розового шифера, киевские глиняные писанки и др.⁸⁰. Особое значение имеют нумизматические данные: монеты Ярослава Мудрого и подражания им обнаружены на Готланде и в материковой Скандинавии. По мнению В.М. Потина, появление «малого серебра Ярослава» на севере Европы связано с выплатой денег скандинавским наемникам⁸¹. Серебряные древнерусские монеты вызвали появление подражаний, сосредоточенных главным образом среди материалов лапландских жертвенников XI–XII вв., что отражает связи этих территорий с Новгородскими землями⁸².

Важным источником по истории русско-скандинавских отношений этого времени являются рунические надписи на мемориальных стелах, наибольшее количество которых происходит из Средней Швеции (где сам обычай установления памятных камней получил особое распространение)⁸³. 120 рунических памятников сообщают о скандинавах, погибших при поездках «на восток»: в Прибалтику, на Русь, в Византию. Тексты много раз отмечают военную и торговую деятельность павших на «востоке», особенно подчеркивая прибыльность этих походов. Как и саги, они говорят о богатствах, привезенных из Руси: ценных товарах, золоте и серебре, дорогих одеждах и пр.

Скандинавские рунические надписи свидетельствуют и о формировании древнерусской географической номенклатуры в Скандинавских странах. Знакомство скандинавов с местными (славянскими, финскими) географическими названиями началось уже в период древнейших контактов, однако лишь в надписях конца X – начала XI в. мы обнаруживаем сложившуюся систему наименований для различных географических объектов Древней Руси: государства (собственное скандинавское наименование, не опирающееся на местную тра-

⁷⁸ Мельникова Е. А., Седова М. В. Новые находки рунических надписей на территории СССР. 1. Суздаль, литейная форма // ДГ. 1981 год. М., 1982. С. 182–186.

⁷⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М., 1963. Вып. 1. С. 37, 41.

⁸⁰ Mårtensson A. W. Uppgrävt förflutet för PK-banken i Lund. En investering i arkeologi // Archaeologica Lundensia. Malmö, 1976. T. VII. Taf. VII; Wahlöö C. Keramik 1000–6000 i svenska fynd // Archaeologica Lundensia. Lund, 1976. T. VI. Fig. 558, 559; Седов В. В. Славянские находки в Фенно-Скандинавии.

⁸¹ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII в. Л., 1968. С. 141–150.

⁸² Serning I. Övre Norrlands järnålder. Umeå, 1960.

⁸³ Мельникова Е. А. СРН.

дицию), рек (транскрипция местных наименований) и городов (где различаются два типа названий: транскрипция местных, что, вероятно, было более поздним явлением, и создание собственных наименований для городов, лежавших на пути «из варяг в греки»; эти наименования оформлены по единой модели с корнем *garð* в качестве топографического термина)⁸⁴.

Иной характер в условиях сложения государств приобретают торговые связи. Торговля скандинавов в Восточной Европе (как и в Западной) в IX–X вв. не была специализированным занятием определенной категории населения. Применительно к обстоятельствам викинги выступали то в качестве грабителей и пиратов, то воинов-наемников, то торговцев.

В XI в. как в Древнерусском государстве, так и в Скандинавских странах происходит упорядочение торговли, связанное с расширением международной торговли, с одной стороны, и становлением государственного аппарата, постепенно подчиняющего себе различные сферы общественной жизни, — с другой.

Существование на Руси XI в. каких-либо первичных форм торговых объединений прослеживается значительно хуже, чем в Скандинавии. Косвенным свидетельством более или менее упорядоченных торговых отношений, предполагающих не только регулярность, но и некоторую их организованность, является создание торговых дворов, которые служили местом пребывания купцов и хранения товаров, а также основание церквей при них⁸⁵. Представляется взаимосвязанным основание скандинавского торгового двора в Новгороде с церковью св. Олава⁸⁶ во второй половине XI в. и русской церкви в Сигтуне⁸⁷. Позднее скандинавские дворы возникают в Смоленске и, может быть, в Киеве, а русский — в Висбю (Готланд)⁸⁸. Очевидно, что одновременность появления торговых дворов вызвана если не прямыми соглашениями между сторонами⁸⁹,

⁸⁴ Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // ДГ. 1976. М., 1976. С. 141–156; Она же. Восточноевропейские топонимы с корнем *garð*- в древнескандинавской письменности // СС. 1977. Вып. XXII. С. 199–210.

⁸⁵ Johansen P. Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet // Vorträge und Forschungen. 1958. Bd. IV. S. 499–525.

⁸⁶ Svannström G. Gutagård och Petershof. Två handelsgårdar i det medeltida Novgorod // Gotländskt arkiv. Visby, 1960. S. 35–50; Мельникова Е. А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях // ИСССР. 1974. № 6. С. 170–178. О раскопках на Готском дворе в Новгороде см.: Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 197–226.

⁸⁷ Friesen O. V. Ur Sigtunas äldsta historia // Upplands fornminnesforeningens tidskrift. 1908. H. 26.

⁸⁸ Упоминается в договоре Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами (ГВНП. 1949. С. 57).

⁸⁹ Первый дошедший до нас договор о торговых связях Руси, Скандинавских стран и немецких городов 1189–1199 гг. опирается на длительную дипломатическую традицию и «отражает интенсивное развитие на Руси норм так называемого посольского права». См.: ПРП-2. С. 124.

то, во всяком случае, сходным развитием торговли в обоих регионах и, возможно, изменением торговой конъюнктуры в результате сокращения контактов с Востоком, появлением постоянного контингента купцов, для которых и были необходимы дворы.

* * *

Таким образом, на протяжении всего древнейшего периода русско-скандинавских связей (с середины VIII по XI в.) прослеживается обратное, древнерусское влияние в культуре Скандинавии. В зависимости от деятельности скандинавов на Руси, которая в значительной степени определялась внутренними процессами образования классов и государств в среде восточного славянства, изменяются характер и интенсивность влияния славянского мира на скандинавский, которое достигает пика на третьем этапе русско-скандинавских отношений, т. е. в середине – второй половине X в.

Процессы консолидации Древнерусского государства и формирования феодальной знати с полиэтнической, социально окрашенной и противопоставленной племенной «дружинной культурой» создали условия для этнокультурного синтеза и быстрой ассимиляции норманнов в славянской среде. В этот период отмечается наиболее сильное и разнообразное воздействие древнерусской культуры на скандинавскую; прослеживаются взаимосвязи в развитии социальных верхов, в судьбе торгово-ремесленных центров, в таких социально значимых элементах культуры, как погребальный обряд, вооружение, одежда и пр.

Исследование древнерусских влияний в Скандинавии представляется необходимым как для объективной оценки русско-скандинавских отношений раннего средневековья, так и для понимания внутренних закономерностей процессов складывания государств и раннесредневековых народностей у скандинавов и славян и — шире — для выяснения типологии этих процессов в средневековой Европе.

(Впервые опубликовано: ИСССР. 1984. № 3. С. 50–65)

Часть III

**ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
И СКАНДИНАВЫ**

Балтийская политика Ярослава Мудрого

Эпоха великого князя Ярослава Мудрого (1016–1018, 1019–1054) изображается и в древнерусских, и в древнескандинавских источниках как время расцвета деятельности скандинавских наемников в Восточной Европе. Современные историки разделяют мнение средневековых историографов: «Ярослав, без сомнений, — человек Севера, который имел со Скандинавией наиболее тесные и постоянные связи... Ярослав был последним великим покровителем варягов на Руси»¹.

Это мнение подтверждается наиболее массовым, хотя и довольно широко датированным источником — скандинавскими руническими надписями². Подавляющая масса памятников, установленных в честь людей, погибших или побывавших «в Гардах» или «на востоке» (41 + 24 в память об участниках похода Ингвара), относится к XI в. Из них первой половиной — серединой XI в. датируется 21 руническая стела (+ 24 Ингваровых камня) и 9 — IX–XI вв. в целом. К середине — второй половине XI в. относится всего 11 стел. Хронологическое распределение памятников отчетливо свидетельствует о более массовом характере поездок жителей Свеаланда (большинство камней происходят из Упланда и Сёдерманланда) именно в эпоху Ярослава Мудрого. К этому же времени принадлежат и камни, установленные в память о «вождях войска», павших на Руси³, упоминаются сражения «конунгов» на востоке⁴. Подавляющее большинство тех, в память о ком установлены камни, «умерли», «были убиты» или «пали» во время поездок на восток — что говорит о бурной военной деятельности скандинавов на Руси в первой половине XI в.

Из всех русских князей X–XI вв. исландские королевские и родовые саги знают по преимуществу Ярослава, с именем которого связано значительное количество сюжетов⁵. В них сформировался более или менее разработанный

¹ Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750–1200. L.; N.-Y., 1996. P. 201.

² Мельникова Е. А. СРН ННИ.

³ Это богато орнаментированные стелы из Тюринге (Там же. Б–III.5.23) и Хагстюган (Там же. Б–III.5.26), которые были установлены дружинниками, и в надписях, на которых скальдическими стихами прославляются вожди, павшие в «битве на востоке в Гардах» (Тюринге) или просто «в Гардах» (Хагстюган).

⁴ Стелы из Орхуса, Дания (Там же. Б–I.2: «Умер... на востоке, когда сражались конунги») и Фагерлёта, Сёдерманланд (Там же. Б–III.5.25: умерший «участвовал в битве на восточном пути, прежде чем должен был пасть вождь»).

⁵ С именем князя Владимира Святославича устойчиво связан лишь один основной сюжет — пребывание на Руси Олава Трюгтвасона; другие же князья упоминаются однократно в каком-либо определенном сюжете (например, Святополк под именем Бурислава называется в «Пряди об Эймунде» как главный противник Ярослава и т. п.).

в деталях и устойчивый образ могущественного правителя страны, которая постоянно привлекала скандинавских воинов и купцов своими богатствами, давала прибежище норвежской знати, происходившей от Харальда Прекрасноволосого, и контролировала путь в еще более богатые Византию и на восток⁶. Брак Ярослава и дочери шведского конунга Олава Шётконунга Ингигерд, к которой ранее сватался норвежский конунг Олав Харальдссон, породил многократно перерабатывавшиеся сюжеты о сватовстве Ярослава и его семейной жизни с Ингигерд⁷. Ряд сюжетов повествует о пребывании при его дворе норвежских конунгов⁸. По меньшей мере две саги полностью посвящены деятельности скандинавских викингов на Руси во времена Ярослава. «Прядь об Эймунде», сохранившаяся в «Книге с Плоского острова» (1387–1394 гг.) в составе «Саги об Олаве Святом», рассказывает о деяниях норвежского викинга и предводителя отряда Эймунда Хрингссона на службе Ярослава в период его борьбы со Святополком за киевский стол в 1015–1019 гг.⁹ Повествование пронизано фольклорными и литературными мотивами¹⁰, но сохраняет историческую основу — воспоминания о давно прошедших событиях. «Сага об Ингваре Путешественнике»¹¹ в еще более беллетризированной форме представляет приключения на Руси и Востоке шведского знатного воина, вероятно главы ледунга, посланного шведским конунгом Энундом-Якобом на помощь Ярославу¹².

В древнерусских источниках, «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) и Новгородской первой летописи (далее — НПЛ), эпоха Ярослава предстает как своего рода всплеск деятельности варягов — в качестве наемников — на Руси. В эпоху Владимира варяги действуют последний раз в рассказе о взятии Владимиром Киева, датированном в ПВЛ 980 г. (в действительности в 978 г.). Больше упоминаний о варягах — на протяжении примерно 35 лет — нет. Исчезают варяги со страниц ПВЛ и после правления Ярослава. Сам же Ярослав, по сообщениям летописей, приглашал отряды варягов из-за моря между 1015

⁶ *Birnbaum H.* Yaroslav's Varangian Connection // *Scando-Slavica*. 1978. Т. 24. Р. 5–25.

⁷ *Edberg R.* Ingigerd Olof Skötkonungs dotter. Ett kvinnoöde från vikinga-tiden. Stockholm, 1997 (*Sigtuna museers skriftserie* 6); *Джаксон Т. Н.* Ингигерд, жена русского князя Ярослава Мудрого // *De mulieribus illustribus: Судьбы и образы женщин средневековья*. СПб., 2001. С. 5–16.

⁸ *Джаксон Т. Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.

⁹ *Eymundar þáttur Hringssonar* // *Flateyjarbók / Sigurður Nordal*. Akranes, 1945. В. II. Bls. 199–218. Перевод на русск. яз.: *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 89–104; *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 87–119.

¹⁰ *Cook R.* Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in Eymundar þáttur Hringssonar // *Viator*. 1986. Vol. 17. Р. 65–89; *Мельникова Е. А.* Был ли Ярослав убийцей своего брата? // *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 1999. С. 515–523.

¹¹ *Yngvars saga víðförla / E. Olsen*. København, 1912. Перевод на русск. яз.: *Глазырина Г. В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002.

¹² *Larsson M. G.* Ett ödesdigert vikingatåg. Ingvar den vittfarnes resa 1036–1041. Södra Sandby, 1990; *Мельникова Е. А.* Поход Ингвара в шведских рунических надписях // *Глазырина Г. В.* Сага об Ингваре Путешественнике. С. 168–190.

и 1043 гг. по меньшей мере 6 раз¹³ и широко использовал скандинавских наемников как во внутривосточной борьбе, так и при походах на соседние земли и страны.

Одна из причин частоты упоминаний варягов в летописях именно в эпоху Ярослава может корениться в условиях возникновения русского летописания. Реконструируемый А. А. Шахматовым Древнейший летописный свод датируется им 1030-ми гг.¹⁴, т. е. как раз временем Ярослава. Именно поэтому, возможно, события его правления, в том числе и приглашение им скандинавских наемников, и в древнейшем, и в последующих сводах, Начальном (1090-е гг.) и ПВЛ (второе десятилетие XII в.), отражены несравненно более подробно, нежели предшествующие десятилетия. Впрочем, это не объясняет почти полного молчания о 35 годах между 980 и 1015 гг., достаточно близких ко времени возникновения Древнейшего свода, равно как и отсутствие информации о варягах после смерти Ярослава. Предполагалось, что ПВЛ отразила реальное резкое сокращение, если не прекращение притока скандинавов на Русь, однако как древнерусские, так и древнескандинавские эпиграфические данные свидетельствуют, что приток скандинавов на Русь, и через нее в Византию, во второй половине XI в., хотя и стал меньше, но не прекратился полностью¹⁵. Таким образом, убедительного объяснения того, почему именно в сообщениях о времени Ярослава Мудрого концентрируются упоминания о варягах, нет.

Остается открытым также вопрос, почему именно Ярослав Мудрый, единственный из древнерусских правителей, оказался излюбленным скандинавской литературной традицией русским князем. Сохранившиеся саги были созданы не ранее конца XII – начала XIII в., и временная дистанция между эпохами, скажем, Владимира и Ярослава в этой перспективе была настолько невелика, что не могла иметь принципиального значения. Много ближе к моменту записи королевских саг были правления таких выдающихся древнерусских князей, как Владимир Всеволодович Мономах и его сын Мстислав Владимирович, имевших тесные родственные связи со Скандинавскими странами, причем Мстислав — под именем «Харальд» — был известен древнескандинавским источникам¹⁶. Однако ни Владимир, ни Мстислав не стали ведущими фигурами повествований о русско-скандинавских отношениях в древнескандинавской литературе. Устная традиция о связях с Русью формировалась не в XII, а в X–XI вв. и развивалась на протяжении примерно двух столетий до ее использования в сагах. Она восходила к реальным событиям (в том числе, к пребыванию

¹³ ПВЛ-1996. С. 57, 63, 65, 66; СЛ. С. 128.

¹⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

¹⁵ Melnikova E. A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // *Runica — Germanica — Mediaevalia*. B.; N.-Y., 2003. P. 454–465; Мельникова Е. А. СРН НИИ.

¹⁶ Джаксон Т. Н. ИКС-2000.

Олава Трюггвасона при дворе Владимира, браку Ярослава и Ингигерд, бегству Олава Харальдссона на Русь, пребыванию Харальда Сурового Правителя на Руси и в Византии и др.), но обростала множеством дополнительных мотивов и отливалась в не слишком многочисленных, но устойчивых сюжетах с ограниченным количеством персонажей и событий. Центральное положение Ярослава в этой традиции, бесспорно, отражает большую информированность о нем, нежели о других русских князьях, в Скандинавских странах, но далеко не только это. Очевидно, что в скандинавской литературной традиции, а следовательно, и в сознании средневековых скандинавов Ярославу придавалось особое значение, он являлся знаковой фигурой, как бы персонифицировавшей связи с Восточной Европой.

Естественен поэтому вопрос: что могло послужить причиной выделения эпохи Ярослава как особого периода в русско-скандинавских отношениях, как на Руси, так и на Севере.

* * *

До XI в. военные, торговые и культурные связи Руси и Скандинавских стран при всей их интенсивности были спонтанными и не систематическими. Изолированные и подчас конфликтующие группы викингов прибывали в Восточную Европу с единственной целью обогащения путем грабежа, торговли или наемничества. Наиболее удачливые из предводителей этих отрядов закреплялись в уже существующих центрах славянских племен или основывали новые поселения, захватывали власть и становились правителями областей или же предгосударственных образований. Таковы были судьбы Аскольда (< *Höskuldr*) и Дира (< *Dýr* или *Dýri*), которые (последовательно ?) осели в Киеве в середине IX в.; Рюрика (< *Hrörekr*), который пришел к власти в Поволховье в третьей четверти IX в.; Олега (< *Helgi*), который, по преданию, захватил Киев, убив Аскольда и Дира в 882 г., согласно хронологическим выкладкам летописца; некоего Туры (< *Þórir*), который, как полагал летописец, основал город Туров в X в.; Рогволода (< *Rögnvaldr*), который правил в Полоцке и в 978 г. был убит Владимиром Святославичем. На протяжении X в. деятельность восточных викингов все более ограничивалась и подчинялась процессам государствообразования, протекавшим в среде восточных славян. Оседавшие на Руси варяги интегрировались в местные социальные и политические структуры, и их пребывание в Восточной Европе было, тем самым, в значительной степени фактом внутренней жизни восточнославянского общества.

Личностный характер связей между славянской, а затем скандинавской знатью и вновь приходящими норманнами находит яркое выражение в формах регулирования их контактов. Сказание о приглашении Рюрика придает особое значение «ряду» между старейшинами нескольких восточноевропейских племен и Рюриком. Условия ряда не поименованы в тексте, но само повествование

позволяет с большой долей вероятности восстановить их. Договор устанавливал права и обязанности приглашенного военного вождя (Рюрика), который должен был служить нейтральным правителем конфликтующих племен, но при этом соблюдать местные традиции и правовые нормы. Он также должен был защищать местное население от нападений других отрядов викингов. В то же время он получал право размещать своих «мужей» в нескольких племенных центрах и собирать дани для их кормления¹⁷. Таким образом, «ряд» с Рюриком отражал попытку местных правителей использовать в своих целях один из отрядов скандинавских викингов и носил частный, межличностный характер. Рюрик же выступает в Сказании как наемник — предводитель военного отряда.

К середине X в. русские (киевские) князья приняли на себя обязанность нести персональную ответственность за прибывающих в Византию через Русь скандинавов. Договор с греками устанавливал, что «великий князь русский и бояре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ установлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ послы и гостье, да приносять грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль селико, и от тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего»¹⁸. Поскольку византийские власти не имели контактов со Скандинавскими странами и их правителями, они пытались возложить ответственность за действия всех прибывающих скандинавов на киевского князя и тем самым обеспечить собственную безопасность от набегов викингов. Судя по тому, что подобное условие было включено в текст договора, киевские князья брали на себя эту обязанность и тем самым в значительной степени связывали себя с отрядами викингов, не только приходившими непосредственно на Русь, но и находившимися здесь временно, на пути в Византию. Практическое исполнение требования Византии удостоверить «благонадежность» прибывающих из Руси скандинавских отрядов, очевидно, можно усмотреть в известном рассказе о варягах, участвовавших в захвате Киева Владимиром в 978 г. Недовольный слишком большими претензиями варягов, а возможно, и опасавшийся их, Владимир оставляет у себя «добрых, смысленых и храбрых мужей»,

¹⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229. Договор с Рюриком имеет много общего с договорами Альфреда Великого с Гутрумом (Ведмор, 878 г.) и Карла Простоватого с Роллоном (Сент-Клэр-сюр-Эпт, 911 г.). См. подробнее: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 54–64.

¹⁸ ПВЛ-1996. С. 24.

а остальных отправляет в Византию, предварив их прибытие письмом к императору: «Се идуъ к тебѣ варязи, не мози их держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разнo, а сѣмо не пушай не единого»¹⁹.

В начале XI в. Ярослав, находившийся в Новгороде, хотя и претендовавший на киевский стол, т. е. бывший еще местным, а не великим князем, нанимает для борьбы со Святополком отряд викингов во главе с опальным норвежцем Эймундом Хрингссоном. Он заключает с Эймундом личный договор, который, видимо, в довольно точном виде сохранился в устной традиции и был включен в исландскую «Прядь об Эймунде»²⁰. Договор определял, с одной стороны, размеры и формы оплаты наемников (эти условия были сохранены в традиции, поскольку способствовали героизации образа Эймунда), с другой — их обязанности: «защита государства», т. е. участие в военных действиях, предпринимаемых Ярославом, и «советы» Ярославу в управлении государством и ведении военных действий (что, вероятно, является, по меньшей мере, преувеличением опять же с целью героизации образа Эймунда)²¹.

В обоих случаях взаимоотношения с наемниками регулируются на частноправовой и договорной основе между местными правителями (разного уровня) и предводителем отряда викингов. Договоры обязательны только для лиц, участвующих в их заключении, и не распространяются на страну в целом.

Другим проявлением личностного характера русско-скандинавских контактов этого времени было именование скандинавских народов в древнерусском летописании. Составитель ПВЛ, работавший в начале XII в., прекрасно знает отдельные скандинавские народы. В «этногеографическом введении» к ПВЛ при описании Восточной и Северной Европы он дополняет собственными сведениями восходящий к хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы перечень народов, происходящих от трех сыновей Ноя. Среди «новых» народов он перечисляет и те, которые принадлежат к «варяжскому» роду. Это «свеи» (шведы), «урмане» (норвежцы), «готе» (готландцы)²². Тем самым, во введении названы скандинавские народы, создавшие к тому времени государственные образования: Норвегию и Швецию, а также Готланд, игравший самостоятельную и важную роль в балтийско-новгородской торговле. Другие племена, вошедшие в состав скандинавских государств в результате централизаторской деятельности правителей «титulyного» племени, например, трёнды в Норвегии, ёты в Швеции и др., летописцу неизвестны. Приоритетным для него оказывается государственная принадлежность народа (ср. традиционные

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // ВЕДС. 1978. С. 289–295.

²¹ Мельникова Е. А. Был ли Ярослав убийцей своего брата?

²² ПВЛ-1996. С. 8.

для Древней Руси обозначения государств с помощью этнонима, причем также «титulyного» народа: «греки», «ляхи» и др.).

Однако на протяжении всего текста ПВЛ, охватывающего события до 1037 г.²³, летописец ни разу не приводит этих этнонимов²⁴ и не прибегает к отэтнонимическим политонимам (ср.: «ляхи» и «Лядская земля», «греки» и «Греческая земля»), а пользуется только термином «варяги» — возникшим, вероятно, в конце IX — начале X в.²⁵ собирательным обозначением всех северо-германских народов, т. е. описывает их, во-первых, как этническую, а не политическую общность, во-вторых, как некое нерасчленимое единство²⁶. Впрочем, в семантике термина «варяг», видимо, присутствовал не только этнический (доминирующий), но и профессиональный компонент. Так, в упоминаниях о приглашении варягов для конкретного похода речь идет, разумеется, не о скандинавах как таковых, а о скандинавских воинах, нанимаемых на службу²⁷.

Этнонимы и отэтнонимические политонимы для обозначения отдельных скандинавских народов и стран начинают появляться только в НПЛ в рассказах о событиях XII в.: в 1130 г. новгородцы потерпели кораблекрушение во время торговой поездки «в донь» (Данию), в 1134 г. русские купцы были «порублены» «в дони» (в Дании)²⁸.

Немаловажен для понимания характера контактов между двумя регионами и способ образования древнерусских обозначений северогерманских народов. Этнонимы «гъте», «свеи», «урмане», «донь» передают собственные наименования скандинавских племен. Однако, как указывалось выше, это наименования только тех племен, вокруг которых в конце X — XI в. сформировались государства, названия которых были образованы от этнонима «титulyного» племени (например, *svíar* — *Svíþjóð*). Использование этих этнонимов позволяло летописцу произвести актуальное (этно)политическое районирование Северного региона. Слово «варяг», напротив, не только не являлось эндоэтнонимом, но до XI в. его древнескандинавский аналог — *væring* — вообще не употреблялся

²³ В статье 1036 г. в рассказе об отражении нападения печенегов на Киев термин «варяг» встречается в ПВЛ последний раз.

²⁴ Пояснение, что пришедшие с Рюриком варяги назывались Русью, «ако се друзии зовутся Свее. друзии же Оурмани...» (ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 14), не может рассматриваться как самостоятельное упоминание этнонимов, поскольку является вставкой составителя ПВЛ, основанной на «этногеографическом введении».

²⁵ Schramm G. Die Waräger: Osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slawen. 1983. Bd. 28. S. 38–67.

²⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия варяг // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

²⁷ Ср.: под 941 г. «Игорь... посла по варяги многи за море, вабя е на греки, паки хотя поити на ня» (ПВЛ-1996. С. 23); под 980 г. «приде Володимиръ съ варяги Ноугороду» (ПВЛ-1996. С. 36); под 1015 г. «Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего» (ПВЛ-1996. С. 58); и др.

²⁸ НПЛ. С. 207, 208.

в скандинавских языках²⁹. Оно возникло в скандинавской по происхождению дружинной среде в Восточной Европе как самоназвание скандинавов различной племенной принадлежности и изначально отражало специфику их профессиональной деятельности (от др.-исл. *várar* «обет, клятва»). Распространение термина на всех северных германцев означало взгляд из Руси на Север как на единый, нечленимый регион.

Исключительное употребление собирательного обозначения скандинавов в рассказах о событиях до 1037 г. свидетельствует, в первую очередь, о том, что исторические предания, возникшие в IX–X вв. и дошедшие до составителей древнейших летописных сводов, не сохранили информации о племенной принадлежности тех или иных героев (например, Рюрика или Олега). Такая информация, если она и присутствовала в изначальных повествованиях, была неактуальна в среде постепенно славянизировавшихся княжеских дружин и потому утрачивалась в процессе устного бытования сказания. Не имела она ценности и в силу личностных отношений местных правителей и прибывающих на Русь скандинавских отрядов, тем более что в одном отряде могли присутствовать представители разных скандинавских народов. Определение членов конкретной группы скандинавов по их этнической или политической принадлежности было несущественным в контексте личностных связей, значение имела лишь общая привязка пришельцев к определенному региону.

* * *

Характер контактов между Русью и Скандинавскими странами начинает меняться, насколько можно судить по сохранившимся письменным источникам, только в 10-х гг. XI в. После периода междоусобной борьбы, последовавшей за смертью Владимира Святого в 1015 г., победы над Святополком и заключением договора с Мстиславом, Ярослав стал великим князем киевским, а Русь превратилась в единое сильное государство. Тогда же возникают и консолидируются государства в Скандинавии: Дания при Свейне Вилобородом и Кнute Великом, Швеция при Олаве Шётконунге и Энунде-Якобе, Норвегия при Олаве Харальдссоне.

Ранние признаки наступающих перемен можно усмотреть в описаниях двух случаев сватовства русских правителей в «Круге земном» Снорри Стурлусона. Первое имело место, судя по внутренней хронологии «Саги об Олаве Трюгвасоне», в 994 или 995 г. Некий Виссивальд, «малый» конунг из Гардарики, приезжает в Свеаланд, чтобы посвататься к вдове конунга Свеаланда Эйрика Победоносного (умер предположительно в 994 г.). Его предложение не только не было принято, но во время пира у Сигрид он вместе с другими претендентами на ее руку был сожжен в пиршественной палате, за что Сигрид получила

²⁹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии. С. 63–65.

прозвище *Stórráða* «Гордая»³⁰. Фольклорный характер сюжета (ср. сожжение «в истобке» древлянских послов княгиней Ольгой), однако, не исключает возможности отражения в нем реальных матримониальных связей русских князей и конунгов Упсалы, принадлежащих к роду Инглингов. Для нас, однако, важна не степень исторической достоверности данного сообщения³¹, а то, каким образом Снорри представляет себе процедуру заключения этого брачного союза. Согласно его повествованию (основанному на устной традиции), Виссивальд явился с предложением брака сам, в качестве, скорее, частного лица, нежели главы княжества или представителя княжеской династии Рюриковичей.

Каких-то 20 лет спустя Ярослав собирается жениться на Ингигерд, дочери конунга Свеаланда Олава Шётконунга. Надо отметить, что в момент сватовства (1018 г., брак заключен в 1019 г.) Ярослав не является великим князем, а сидит в Новгороде (т.е. его статус формально не отличается от статуса Виссивальда, хотя, конечно, как новгородский князь Ярослав имел существенные преимущества перед другими, кроме киевских, князьями), и положение его было еще не слишком устойчиво. Тем не менее, по рассказу Снорри, к Олаву прибывают с интервалом в год два посольства. Первое из них выясняет принципиальное отношение Олава к перспективам брака. Поскольку «Олав конунг хорошо принял их сватовство», следующей весной прибывает второе посольство «узнать, собирается ли Олав конунг сдержать обещание, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга». Ингигерд, не слишком расположенная выходить замуж за Ярослава, но не осмеливающаяся перечить отцу, ставит условием брака получение в качестве вена Ладоги и прилегающей области, а также пребывание на Руси в ее свите ярла Рёгнвальда и скандинавской дружины. Послы согласовывают условия матримониального союза, после чего Ингигерд в сопровождении Рёгнвальда отплывает на Русь к Ярославу³². Совершенно очевиден «официальный» характер сватовства: с отправлением посольств, переговорами об условиях брака, заключением брачного договора. Оформление матримониального союза оказывается сложной процедурой, занимающей больше года.

Обмен посольствами становится с этого времени обычной формой межгосударственных отношений Руси и Скандинавских стран. Так, например, возвращению в Норвегию сына Олава Святого Магнуса, оставленного отцом

³⁰ *Snorri Sturluson*. *Heimskringla 1* / Bjarni Aðalbjarnarson // ÍF. 1941. В. XXVI. Bls. 287–289; КЗ. С. 126. Этот фрагмент, а также параллельные тексты в других редакциях «Саги об Олаве Трюггвасоне» см.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1993. С. 131–132, 157, 234–235, 239 (тексты), 141, 162, 234–235, 239 (переводы), а также 210–211. См. подробнее о Сигриде: *Успенский Ф. Б.* Скандинавы — Варяги — Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 26 и примеч. 5 и 6.

³¹ Попытки идентифицировать Виссивальда успехом не увенчались. См. подробнее: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1993. С. 210–211.

³² *Snorri Sturluson*. *Heimskringla 2* // ÍF. 1945. В. XXVII. Bls. 144–145; КЗ. С. 233–235. Этот фрагмент, а также параллельные тексты в других редакциях «Саги об Олаве Святом» см.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 62 (текст), 73–74 (перевод), 156–161.

у Ярослава, предшествует посольство (или несколько посольств) норвежских лендрманнов, с которыми обговариваются условия приезда Магнуса в Норвегию, в первую очередь, гарантии его личной безопасности³³.

Изменение характера русско-скандинавских отношений делается все более и более очевидным на протяжении первой половины XI в. Невзирая на скудость источников, все же возможно — при сопоставлении сообщений древнерусских летописей, исландских саг, немецких хроник и пр. — проследить хотя бы общие очертания постепенно выстраивающейся системы взаимоотношений Руси со Скандинавскими странами — дифференцированно с каждой из них, а не совокупно со всем скандинавским Севером. При этом есть все основания говорить о чрезвычайной заинтересованности Ярослава в отношениях со Скандинавскими странами, которые, видимо, были для него приоритетными. Достаточно вспомнить династические связи Ярослава: его собственный брак с дочерью шведского конунга и браки его детей, двое из которых породнились с датским (Илья) и норвежским (Елизавета) правящими домами. Две другие его дочери были выданы замуж за французского (Анна) и венгерского (Анастасия?) королей, а сын Изяслав женился на дочери польского короля Гертруде³⁴. Обращает на себя внимание — при чрезвычайной широте брачных международных связей Ярослава и его детей — отсутствие браков с представителями византийской императорской семьи и южнославянских династий вплоть до 1046 г., когда Всеволод Ярославич — во исчерпание русско-византийского конфликта 1043 г. — женился на дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Между тем, именно эти браки во второй половине X в. были не просто частыми в среде киевских великих князей (жен-«болгарынь» имели, по меньшей мере, Ярополк и Владимир), но знаковыми, как брак Владимира с Анной, дочерью византийского императора Романа II. Поскольку династические браки непосредственно отражали внешнеполитические интересы государства, матримониальная политика Ярослава, очевидно, указывает на снижение значения Византии в политической жизни Древней Руси.

О некотором ослаблении русско-византийских связей в эпоху Ярослава говорит и полное отсутствие упоминаний о них в ПВЛ за все время его правления. Единственное же исключение — сообщение о предпринятом Ярославом в 1043 г. военном походе на Византию под командованием Владимира Ярославича — отмечает пик напряженности отношений между обеими странами, вылившейся в военный конфликт³⁵. Вместе с тем, многочисленные военные

³³ КЗ. С. 377–378. Ср.: Fagrskinna. Kap. 44 (Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 77–79).

³⁴ Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 334–358.

³⁵ Литаврин Г. Г. Песел о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 71–86; Он же. Еще раз о походе русских на Византию в 1043 г. // ВВ. 1969. Т. XXIX. С. 105–107; Он же. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 173–222.

предприятия Ярослава после окончания русско-польского конфликта в 1019 г. по-прежнему направлены на запад, против Польши (к Берестью в 1022 г., на Белз в 1030 г. и Червенские грады в 1031 г., в «Лядскую землю» в 1031 г. и Мазовию в 1041, 1047 гг.), и в Прибалтику (походы на чудь в 1030 г., на ятвягов в 1038 г., литву в 1040 г. и в Финляндию на емь в 1042 г.). Земли к юго-западу и югу не привлекают внимания Ярослава.

В контексте русско-византийских противоречий в церковной сфере обычно рассматривается в историографии и поставление киевским митрополитом «русина» Илариона³⁶.

Таким образом, можно, вероятно, говорить о переориентации по сравнению с предшествующим временем международных приоритетов Ярослава — перенесении центра тяжести во внешней политике Древней Руси с Византии на другие государства Европы, среди которых особое место занимают страны Балтийского региона. Формирование внешнеполитических связей здесь начинается сразу же после смерти Владимира, в 1015 г., в ходе борьбы Владимировичей за киевский стол.

Связи со Скандинавскими странами, разумеется, были традиционными и складывавшимися длительное время. Вряд ли вызывает сомнения несравненно большая близость Руси в X в. со Средней Швецией (Свеаландом) и Готландом, нежели с другими регионами Скандинавии — это общепринятое положение зиждется, прежде всего, на обильном археологическом и нумизматическом материале. Контакты же с Данией и Норвегией прослеживаются для X в. крайне слабо³⁷. Поэтому несколько неожиданными представляются размах и дифференцированность отношений Ярослава с отдельными Скандинавскими странами начиная уже в 1015 г. и до 1036 г. Учитывая изменения в политической ситуации как в Скандинавских странах, так и на Руси, я условно выделяю несколько периодов в истории этих отношений.

Расклад политических сил в 1015–1020/1021 гг. в Скандинавии определялся тремя основными факторами: формированием датско-английской державы Кнута Великого, установлением в Норвегии власти Олава Харальдссона и шведско-норвежским конфликтом из-за пограничных территорий³⁸. После смерти датского короля Свейна Вилобородого в Англии 3 февраля 1014 г., неудачной попытки Этельреда Нерешительного вернуть свой трон и смерти его сына Эдмунда Железнобокого 30 ноября 1016 г., королем Англии становится

³⁶ Понпэ А. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // ИСССР. № 3. 1970. С. 108–124.

³⁷ См.: Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. / Е. Н. Носов, И. П. Шаскольский. Л., 1970.

³⁸ *Moberg O. Olav Haraldsson, Knut den Store och Sverige: studier i Olav den heliges förhållande till de nordiska grannländerna.* Lund, 1941.

ся второй сын Свейна Кнут³⁹. Датское же государство наследует старший сын Свейна Харальд, умерший, однако, в 1018 или 1019 г. С этого момента Кнут Великий оказывается во главе «империи», включающей Англию, где власть Кнута к началу 1020-х гг. укрепились, и Данию, где он сажает своего наместника, но куда неоднократно приезжает и сам.

Датско-норвежское противостояние началось еще в конце X в., когда потомок Харальда Прекрасноволосого Олав Трюггвасон, поддержанный норвежскими бондами, стал конунгом Норвегии (ок. 995 г.), лишив Данию власти над страной (приобретенной ею, видимо, в правление Харальда Синезубого). Этапным событием стала гибель Олава в морском сражении у о. Свёльд⁴⁰ в 1000 г. Противниками Олава были датский конунг Свейн Вилобородый, на стороне которого сражались ярл Хладира⁴¹ Эйрик Хаконарсон (женатый на дочери Свейна и выполнявший функции наместника Свейна в Норвегии), и конунг Свеаланда⁴² Олав Шётконунг. Начиная новый этап военных действий в Англии летом 1015 г., Кнут забрал с собой ярла Эйрика, в Норвегии же остались брат последнего Свейн и юный еще сын Хакон⁴³.

Осенью, по всей видимости, 1015 г.⁴⁴ после шести лет, проведенных в Анг-

³⁹ О деятельности Кнута см.: *Lawson M.K. Cnut: The Danes in England in the Early Eleventh Century. L., 1993; The Reign of Cnut, King of England, Denmark and Norway / A.R. Rumble. L., 1994.*

⁴⁰ Местонахождение неизвестно, вероятно, в проливе Эресунн (другая локализация — у южно-балтийского побережья, населенного вендами).

⁴¹ Родовой центр ярлов (правителей) Трёндалёга (в северо-западной Норвегии), соперничавших за единоличную власть в Норвегии с конунгами Вика и Вестфолла (Южной Норвегии), потомками Харальда Прекрасноволосого.

⁴² Неясно, в какой степени Гаутланд был инкорпорирован в это время в состав шведского государства, формировавшегося вокруг Центральной Швеции (Свеаланда). См.: *Мельникова Е.А. Формирование древнешведского государства в региональной перспективе (в печати)* [Опубликовано в: Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 13–20. — *Прим. ред.*].

⁴³ *Johnson A.O. Håkon jarl Eiriksson (998–1030): nytt kildemateriale og nye synpunkter // ADNVAO. 1981. B. 17.*

⁴⁴ Датировка высадки Олава в Норвегии и, соответственно, событий последующих двух-трех лет основывается, как правило, на упоминаниях количества лет правления Олава до его смерти или канонизации в «Саге об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона (между ними существуют расхождения, позволяющие датировать высадку 1013, 1014 и 1015 гг.) и сведениях исландских анналов, которые помещают сообщение под 1014, 1015 и 1016 гг. (см.: *Джаксон Т.Н. ИКС-1994. С. 14–23*). Однако описанная в саге последовательность событий, которая подтверждается независимыми источниками (Англо-Саксонской хроникой и др.), заставляет предпочесть 1015 г.: рассказ о возвращении Олава в Норвегию помещен Снорри *после* сообщения об отплытии в Англию ярла Эйрика с войском Кнута, который, как известно по многочисленным английским и французским источникам, высадился в Сэндвиче в сентябре 1015 г. Такой ход событий представляется наиболее вероятным и естественным: трудно предположить, что Олав рискнул бы вернуться в Норвегию в 1014 г., когда там находился ярл Эйрик. Дата 1015 г. представляется предпочтительной и большинству современных исследователей (*Astås R. Óláfr, St. // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ph. Pulsiano et al. N.Y.; L., 1993. P. 445*).

лии и Нормандии⁴⁵, в Норвегии высадился родич Олава Трюггвасона и потомок Харальда Прекрасноволосого Олав Харальдссон по прозвищу Толстый (впоследствии — Святой) и заявил свои претензии на верховную власть в стране. После захвата в плен Хакона сына Эйрика, поклявшегося уехать в Англию и не воевать против Олава, и битвы при Несъяре (весной — на Вербное воскресенье 1016 г.), после которой ярл Свейн вынужден был бежать сначала в Швецию, а затем «в Аустрвег», на обратном пути откуда он умер, Олав стал единоличным правителем Норвегии, изгнав датских представителей и захватив Ранрике и Западный Гаутланд, которые отошли Олаву Шётконунгу после битвы при Свёлде⁴⁶. Таким образом, с самого начала своего правления Олав, как считается, ущемил интересы как Кнута, так и Олава Шётконунга.

Однако, если вражда двух Олавов, шведского и норвежского конунгов, подтверждается источниками⁴⁷ и не вызывает сомнений, то отношения Олава и Кнута в начальный период правления Олава далеко не столь ясны, как полагают исследователи. Противоречивы и сведения источников.

Адам Бременский пишет, что «между Кнутом и Олафом, королем норманнов, постоянно была война; она не прекращалась во все дни жизни их»⁴⁸. Несколько раньше он сообщает о союзе Кнута с Олавом Шётконунгом и походе против Олава Харальдссона, после чего тот вынужден был бежать из Норвегии: «Норманны избрали государем Олафа (Харальдссона. — *Е. М.*), [который] отложился от королевства данов. Тогда Кнут, обеспокоенный двойной опасностью, заключил договор с братом Олафом, сыном Эрика, который правил в Сведии. Он решил, заручившись его помощью, подчинить сначала Данию, [а]

⁴⁵ Еще в двенадцатилетнем возрасте Олав (род. ок. 995 г.) стал участником викингских походов в Швецию и Восточную Прибалтику, а с 1009 г. принимал участие в английских походах датского викинга Торкеля Длинного (в частности, в битве при Рингмере, 1010 г.), перешедшего в 1012 г. на сторону англо-саксонского короля Этельреда, находившегося в изгнании в Нормандии. Вместе с Торкелем Олав оказался во Франции, где ок. 1013 г. был крещен в Руане, а затем находился в войске Этельреда, высадившегося в Англии после смерти Свейна. Однако быстрый разгром войска Этельреда и покорение Кнутом Англии вынудили Торкеля (в войске которого, как предполагается, оставался Олав) примириться с Кнутом. См.: *Johnsen O. A. Olav Haraldssons ungdom indtil slaget ved Nesjar 25 mars 1016. En kritisk undersøkelse // Skrifter utgit av Videnskaps-selskapet i Kristiania. II. Hist.-Filos. Klasse. 1916. N 2. Kristiania, 1917. S. 1–39.*

⁴⁶ Область Ранрике потомки Харальда Прекрасноволосого считали своей отчиной, равно как и западный Гаутланд. Этот конфликт не удалось разрешить при встрече двух Олавов на о. Хисинг в устье р. Гёта-Эльв, и он не утих после женитьбы Олава Харальдссона на дочери Олава Шётконунга Эстрид в 1019 г. Возможно, враждебность шведского конунга к Олаву Харальдссону усугублялась викингскими набегами на побережья Швеции, которыми Олав начал свою бурную деятельность.

⁴⁷ Она многократно отмечается Снорри Стурлусоном, Адамом Бременским и другими авторами.

⁴⁸ *Adam. Lib. II. Cap. LVII (55).* Перевод В. В. Рыбакова, которому я приношу благодарность за разрешение использовать еще не опубликованный перевод сочинения Адама на русский язык.

затем Норвегию»⁴⁹. Сведения Адама очевидным образом неточны: поход Кнута против Олава состоялся не сразу после избрания последнего норвежским конунгом, а 13 лет спустя — в 1028 г. Неясно из этого сообщения, и к какому времени относится союз сводных братьев Кнута и Олава Шётконунга, — вряд ли к 1015–1017 гг., когда Кнут был целиком поглощен укреплением своей власти в Англии. Изображение «изначальности» и «перманентности» противостояния Кнута и Олава Харальдссона, отразившееся в «сжатии» событий во времени, возможно, не столько отражает реальную ситуацию, сколько вытекает из отношения Адама к обоим персонажам: сочувственного — к Олаву и порицающего — к Кнуту⁵⁰.

Опираясь на более ранние скандинавские источники⁵¹, крайне мало осведомленные о деятельности Олава до его приезда в Норвегию, Снорри Стурлусон изображает Олава главой вполне самостоятельного отряда и не упоминает Торкеля Длинного, равно как и возможные контакты Олава и Кнута в Англии⁵². Вместе с тем он отмечает, что до определенного, и достаточно позднего, времени Кнут не имел претензий к Олаву: Кнут «подолгу бывал в Англии, а в Дании он оставлял править наместников, и в то время (т. е. в первое десятилетие правления Олава. — *Е. М.*) не притязал на Норвегию»⁵³.

В интерпретации событий большинством исследователей возобладала точка зрения Адама: Олав воспользовался отсутствием ярла Эйрика и фактически захватил власть, навлекши на себя гнев не только Эйрика, но и Кнута⁵⁴. Однако отношение Кнута к подчинению Олавом Норвегии выглядит не столь прямолинейным. И говорит об этом, в первую очередь, сам ход событий, насколько он нам известен. С одной стороны, после установления в Норвегии власти Олава и вплоть до весны 1025 г. не отмечается никаких враждебных действий Кнута, хотя за это десятилетие Кнут неоднократно бывал в Дании, где решал вопросы управления страной и ходил походами на поморских славян. Не последовало противодействия закреплению Олава в Норвегии и со стороны ярла Эйрика (несмотря на то, что Олав изгнал из страны его сына и брата). С другой

⁴⁹ Ibid. Lib. II. Cap. LII (50).

⁵⁰ Ср. характеристику Олава Харальдссона: «Даны сражались за власть, а норманны воевали за свободу. В этой тяжбе, [как] мне кажется, справедливость была скорее на стороне Олафа, для которого война была более вынужденной, чем желанной. Если же когда-либо выдавалось время, свободное от военных действий, этот Олаф творил правду и суд в королевстве... Он также держал при себе много епископов и пресвитеров из Англии, увещеваниями и поучениями которых он располагал свое сердце к [принятию] Господа и [которым] он доверил наставлять подчиненный [ему] народ» [Adam. Lib. II. Cap. LVII (55)].

⁵¹ Об источниках «Саги об Олаве Святом» Снорри см.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 9–14.

⁵² КЗ. С. 177–179. См.: *Moberg O. Snorre Slurlason, Knut den Store och Olav den helige // Saga och sed.* 1987. S. 53–80.

⁵³ КЗ. С. 241.

⁵⁴ См., например: *Jones G. A History of the Vikings.* 2nd ed. L., 1984. P. 375.

стороны, ярл Эйрик занял в Англии чрезвычайно высокое положение, а после административного раздела Англии Кнутом в 1017 г. получил в управление Нортумбрию. Все это дало основание У. Мубергу предположить, что возвращение Олава в Норвегию было инициировано Кнутом или, по меньшей мере, согласовано с ним, и Олав должен был действовать в качестве нового представителя Кнута; ярл же Эйрик получил Нортумбрию в качестве компенсации, т.е., по сути, вместо одного лена (правда, изначально бывшего его отчиной) был наделен другим леном⁵⁵. Действительно, такая индифферентность как Кнута, так и Эйрика труднообъяснима, даже если учесть сложности, с которыми Кнут столкнулся в Англии, тем более, что уже в 1017–1019 гг. они были, в основном, преодолены, и Кнут мог бы заняться урегулированием «норвежского вопроса». Более того, Олав — в глазах Кнута — мог иметь определенные преимущества перед ярлом Эйриком в качестве правителя Норвегии. Популярность ярла Эйрика в Южной Норвегии, отчине потомков Харальда Прекрасноволосого, была весьма низка, тогда как Олав, принадлежа к роду Инглингов, мог рассчитывать — и этот расчет полностью оправдался — на поддержку областных конунгов юга. Немаловажным обстоятельством для Кнута могла быть принадлежность Олава христианской вере⁵⁶ и его стремление распространить христианство в Норвегии. Неслучайно Олав приезжает в Норвегию из Англии вместе с английским епископом Сигфридом (или Сигурдом)⁵⁷.

Таким образом, ситуация на Балтике в 1015–1020/1021 гг. выглядит следующим образом: Кнут по преимуществу находится в Англии, где укрепляет свое положение, в то время как Дания с 1018 или 1019 г. управляется его наместниками и находится в нейтральных отношениях с Норвегией и дружественных (союзных, по мнению Адама) со Швецией. Швеция, находящаяся под властью Олава Шётконунга, резко враждебна Норвегии, но не ведет активных военных действий против нее и временами даже пытается урегулировать спорные вопросы путем переговоров и династического брака.

Какие же внешнеполитические действия предпринимает Ярослав в 1015–1020/1021 гг. в условиях острой борьбы за киевский стол, которая началась немедленно после смерти Владимира и в которой уже летом 1015 г. погибли младшие Владимировичи, Борис и Глеб, а также Святослав, убитые их сводным (или двоюродным) братом Святополком? Главный противник Ярослава на

⁵⁵ *Moberg O. Olav Haraldsson. S. 66–87. См. также: Langslet L.R. Olav den Hellige. Oslo, 1995. S. 31.*

⁵⁶ Источники ничего не сообщают о том, был ярл Эйрик язычником или христианином. Однако традиционно хладирские ярлы были оплотом язычества в стране, и именно в Трёндалёге, где находилось главное святилище в Мере, христианизаторской деятельности Олава было оказано наиболее упорное сопротивление. В то же время трудно себе представить, что Эйрик, одна из ключевых фигур в Англии, мог оставаться язычником, особенно учитывая поддержку церкви со стороны Кнута.

⁵⁷ *Adam. Lib. II. Cap. LVII (55).*

этом этапе борьбы, Святополк, был женат на польской принцессе, чей отец, Болеслав Храбрый, активно поддержал претензии Святополка на киевский стол и дважды вторгнулся на Русь, захватив Киев в 1018 г. Вплоть до смерти Святополка в 1019 г. Ярослав и Болеслав находились в состоянии войны, ведшейся с переменным успехом. В это время вырисовываются два основных направления международной активности Ярослава, целью которых были, во-первых, рекрутирование необходимых ему воинских контингентов, во-вторых, — нейтрализация Болеслава.

Пути обеспечения русских князей военной силой сложились издавна: главным источником профессиональных (и лучших в Европе) воинов была Скандинавия, прежде всего, ближайшая к Новгороду Швеция, хотя, конечно, в шведских воинских отрядах могли участвовать и норвежцы, и датчане; могли приходить на Русь и дружины норвежских или датских викингов. Ярослав и до смерти Владимира имел какие-то контакты с Севером, не отразившиеся в источниках: не случайно, отказавшись в 1014 г. платить дань Киеву, а потом, испугавшись планируемого Владимиром похода на Новгород, он «пославъ за море, приведе варягы»⁵⁸. Видимо, именно эти варяги, пришедшие в конце весны или начале лета 1015 г. в Новгород, и были частично «избиты» на «Поромоне дворе» новгородцами, а затем участвовали в битве у Любеча. «Приводит» Ярослав варягов и в последующие годы. Главным источником военной силы для Ярослава, естественно, была Средняя Швеция, и укрепление отношений с правителем Свеаланда стало насущной задачей. С одной стороны, с начала XI в. число «вольных» викингов начинает постепенно сокращаться — большинство профессиональных воинов предпочитает участвовать в походах Свейна и Кнута, служить в дружинах конунгов, т. е. военная деятельность викингов начинает приобретать более упорядоченные формы. С другой стороны, крепнет власть конунгов Свеаланда, а вместе с ней усиливается регламентация жизни как дружин, так и ледунга. Тем самым наем воинских отрядов на «личной» основе, видимо, осложняется, и перед Ярославом встает задача обеспечить прочные и регулярные отношения с конунгами Свеаланда.

Эта задача решается им традиционным для средневековья путем — браком с дочерью Олава Шётконунга. Судя по внутренней хронологии «Саги об Олаве Святом»⁵⁹, «послы конунга Ярицлейва с востока из Хольмгарда» приезжают «просить руки Ингигерд, дочери Олава, конунга свеев, для Ярицлейва» осенью 1018 г.⁶⁰. Эта датировка поддерживается независимыми источниками. С одной стороны, посольство могло быть отправлено только после смерти первой жены Ярослава (Анны?), которая была взята в плен Болеславом, захватившим Киев 14 августа 1018 г. (по сообщению Титмара Мерзебургского), и, как предполо-

⁵⁸ ПВЛ-1996. С. 58.

⁵⁹ Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 19–20, 154–161.

⁶⁰ Там же. С. 62, 73.

жил А. В. Назаренко, умерла в плену⁶¹. Более того, из сообщения ПВЛ под тем же 1018 г. о том, что в этот критический момент борьбы со Святополком — после тяжелого поражения на Буге и бегства в Новгород, откуда Ярослав «хотяше бежати за море», — новгородцы собрали деньги для найма варягов, которые и были «приведены»⁶², явствует, что некое посольство действительно было отправлено на север. Поскольку взятие Болеславом Киева последовало сразу после битвы на Буге, вряд ли Ярослав мог оказаться в Новгороде раньше конца августа — первой половины сентября.

Очевидно, что Снорри и ПВЛ говорят об одном и том же посольстве, но определяют его цели по-разному — в соответствии с доминирующими интересами автора текста. В действительности, задача посольства, очевидно, была двоякой: привести в Новгород значительный воинский контингент для продолжения борьбы со Святополком и выяснить возможность брака Ярослава с Ингигерд. Переговоры увенчались полным успехом: воинский контингент, согласно ПВЛ, был немедленно отправлен на Русь; брачный проект, согласно Снорри, одобрен Олавом Шётконунгом⁶³.

Важным новым моментом в этом случае рекрутирования наемников является обращение уже не непосредственно к вождям викингских отрядов, а к конунгу Свеаланда.

Сам брак состоялся на следующий год. Весной 1019 г., по Снорри, к Олаву Шётконунгу прибыло второе посольство Ярослава, вместе с которым Ингигерд летом отправилась на Русь. Приезд невесты происходит в напряженной обстановке: вытесненный Ярославом из Киева с помощью набранного предыдущим летом войска, Святополк бежит к печенегам. Ярослав (вероятно, в Киеве) ожидает нового витка борьбы. Действительно, Святополк собирает «силу тяжьку» и возвращается на Русь. Летом 1019 г. на Альте происходит заключительная битва Ярослава и Святополка, приведшего печенегов, после которой Святополк бежал и умер «между Ляхы и Чехы». Лишь после этого положение Ярослава стабилизируется, и он, по словам летописца, обосновывается в Киеве (до 1023 г.), хотя и навещается в Новгород.

В подробном рассказе Снорри о заключении брака Ярослава и Ингигерд особый интерес, а соответственно, и внимание исследователей, вызывали условия, выдвинутые Ингигерд и принятые послами Ярослава. Главными среди них было создание «Ладожского ярлства» в качестве свадебного дара Ингигерд и передача его в управление гаутландскому ярлу Рёгнвальду, союзнику Олава

⁶¹ См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях М., 2001. С. 494.

⁶² ПВЛ-1996. С. 63.

⁶³ Мотивы, заставившие Олава согласиться на брак Ингигерд с Ярославом, нарушив данное ранее под давлением свейской знати обещание выдать ее замуж за Олава Харальдссона, не указаны Снорри. Однако они должны были быть весьма существенны и убедительны для окружения Олава Шётконунга, поскольку немедленных возражений против этого брака не последовало.

Харальдссона и «самому большому недругу» Олава Шётконунга⁶⁴. Сомнения в достоверности этого сообщения Снорри⁶⁵ во многом объясняются исторической нелогичностью согласия Ярослава на эти условия: Ладога и ее округа являлись главными северо-западными воротами Руси, отдавать которые в чужие руки было бы нецелесообразно, а возможно, и просто опасно. Тем не менее, в условиях острейшего конфликта со Святополком и в ожидании его нового нападения Ярославу жизненно необходима была помощь Олава Шётконунга, и он не мог рисковать разрывом договоренности о браке с его дочерью. Кроме того, приход ярла Рёгнвальда, несомненно, с большой дружиной, и его размещение в Ладоге обеспечивали дополнительный военный потенциал, который можно было быстро использовать в случае острой необходимости. Такова была политическая ситуация весной 1019 г. в момент отправления второго посольства. Однако она радикально изменилась к концу лета этого года. Источники не дают возможности установить, что произошло раньше: битва на Альте или приезд Ингигерд. Но даже если Ингигерд и прибыла в Новгород раньше, очевидно, что до битвы на Альте Ярослав находился на юге, был занят подготовкой к отражению наступления Святополка и, в силу неясности исхода очередного тура борьбы, вряд ли мог хотеть приезда Ингигерд в Киев (особенно учитывая судьбу его первой жены). Поэтому можно с достаточной уверенностью полагать, что брак Ярослава и Ингигерд состоялся после битвы на Альте — в конце лета или в начале осени 1019 г., когда борьба за киевский стол закончилась победой Ярослава. Несмотря на изменившуюся обстановку, Ярослав, видимо, сдержал обещание, и Ладога была отдана Рёгнвальду, хотя, как можно полагать, и не надолго⁶⁶.

Таким образом, первая цель политики Ярослава в 1015–1019 гг. — обеспечение борьбы за киевский стол военной силой — была разрешена установлением дружественных (может быть, союзных) отношений со Швецией, подкрепленных браком с Ингигерд.

Другим естественным союзником Ярослава в противостоянии Польше могла быть Германия, что заставило Ярослава начать переговоры с германским императором Генрихом II. Предполагается, что между ними в 1017 г. был даже заключен союз, хотя и весьма кратковременный⁶⁷. Поддержка Генриха обеспе-

⁶⁴ О дискуссии по поводу «Ладожского ярлства» см.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 158–160.

⁶⁵ *Глазырина Г. В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (К вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьуборга / Старой Ладоги скандинавам) // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 240–244.

⁶⁶ См.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 104, 119. Уже в начале 1030-х гг., как явствует из рассказа о поездке норвежских купцов на Русь (см. ниже), единственным верховным правителем является Ярослав, к которому (а не к его наместнику в Ладоге) обращаются купцы.

⁶⁷ Уже 30 января 1018 г. Генрих II заключил мир с Болеславом. См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 455–462.

чивала Ярославу давление на Болеслава с запада, связывая действия Болеслава на востоке.

Третьим возможным союзником, хотя и более отдаленным, была Дания. Именно в этот период, по сообщению Адама Бременского, сестра Кнута Эстрид была выдана им замуж за «сына короля Руси»⁶⁸. Генеалогические выкладки и хронологические подсчеты делают наиболее вероятным супругом Эстрид сына Ярослава Мудрого Илью, который умер вскоре после женитьбы в конце 1019 или начале 1020 г.⁶⁹. Усиление связей с Данией отмечается появлением на Руси во второй половине 1010-х гг. английских пенни, чеканенных при Этельреде и Кнута⁷⁰. Как и союз с Генрихом, дружеские отношения с Кнутом открывали дополнительные возможности давления на Болеслава. Не случайно, именно к этому времени относятся походы Кнута против поморских (?) славян (1019 г.) и в Витланд — в устье Вислы (1022 г.)⁷¹. Время военных действий Кнута против славянских соседей удивительным образом совпадает с походами Ярослава на Киев (1019 г.) и Берестье (1022 г.). Но даже если выступления Кнута и Ярослава не были согласованы и случайно совпали во времени, трудно усомниться в том, что, как и переговоры с Конрадом, брачный союз Ильи с сестрой Кнута знаменует небезуспешные попытки Ярослава создать русско-датскую антипольскую коалицию.

Заключая браки с представителями датского и шведского правящих домов, Ярослав тем самым подтверждает если и не союз с Данией и Швецией, то, по меньшей мере, дружеские отношения с этими странами; и демонстрирует враждебность Олаву Харальдссону. И действительно, поскольку политика централизации Норвегии, жестко проводимая Олавом Харальдссоном, вызвала недовольство норвежской родовой знати, часть ее эмигрировала, в первую очередь, в Англию к Кнуту Великому, но также и на Русь к Ярославу. Именно о таком вынужденном бегстве из Норвегии знатного викинга Эймунда Хрингссона рассказывается в «Пряди об Эймунде». Не исключено, что норвежцем был и упомянутый в ПВЛ Якун, предводитель отряда варягов в Лиственской битве (1024 г.)⁷², имя которого *Hákon* было значительно более широко распространено в Норвегии, нежели в Швеции, и являлось родовым именем хладирских ярлов.

Вступив в датско-шведскую коалицию, Ярослав получил, с одной стороны, помощь Кнута против Польши, с другой стороны, воинские подкрепления из Швеции, что способствовало его победе в борьбе за киевский стол.

⁶⁸ Adam. Lib. II. Cap. LVI (54). Schol. 39.

⁶⁹ Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 476–492.

⁷⁰ Потин В. Н. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. С. 64–80; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X – первой половины XI в. // ДГ. 1994 год. М., 1996. С. 151–170.

⁷¹ Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 496–498.

⁷² ПВЛ-1996. С. 64.

1019–1026 гг. стали переломными как во взаимоотношениях между Скандинавскими странами, так и в положении Ярослава на Руси. В результате этих перемен внешнеполитическая ориентация Ярослава в Балтийском регионе резко изменилась.

Наиболее существенным событием для судеб Скандинавских стран стала смена правителей Свеаланда: осенью 1019 г. Олав Шётконунг утратил власть и вынужден был бежать в Гаутланд, где умер в 1020 или 1021 г. Преемником Олава стал его сын (ум. в 1050 г.) Энунд-Якоб, отношение которого к Олаву Харальдссону, равно как и к Кнуту, оказалось совершенно иным, нежели у его отца. Между ним и Олавом Харальдссоном устанавливаются нейтральные, если не доброжелательные отношения. Около 1023 г. в Англии умирает ярл Эйрик, а его сын Хакон остается на службе у Кнута. Также нейтральны (во всяком случае, неоткрыто враждебны) и отношения Энунда-Якоба с Кнутом: они просто не упоминаются Снорри. Вплоть до 1025 г. источники не отмечают никаких враждебных действий между тремя правителями. Однако жесткая христианизаторская деятельность Олава Харальдссона в Норвегии и его усилия по централизации власти вызывают все большее недовольство среди норвежских бондов.

В 1019 г. наступает затишье и на Руси: после смерти Святополка Ярослав утверждает в Киеве, и его власти, казалось бы, ничто не угрожает. О связях Руси этого времени ни с одной из Скандинавских стран известий в источниках нет. Можно лишь предполагать, что Ярослав сохраняет дружеские контакты с отцом, а затем братом своей жены Ингигерд. Отношения с Кнутом, видимо, ослабевают после смерти Ильи и возвращения Эстрид в Данию, однако в 1022 г., как уже упоминалось, Ярослав совершает поход к Берестью, а приехавший в Данию Кнут — в устье Вислы: нападение на Польшу, где продолжает править Болеслав, с востока и северо-запада, возможно, было согласованным⁷³.

Политическая ситуация снова меняется как на Руси, так и в Скандинавии в середине 1020-х гг. В 1023 г. против Ярослава выступает его брат Мстислав, который в 1024 г., когда Ярослав находился в Новгороде, заявляет претензии на Киев, но, не принятый киевлянами, обосновывается в Чернигове. Снова предстоит борьба за Киев, и Ярослав снова посылает за варягами. В Лиственской битве (1024 г.) Мстислав одерживает победу, но предлагает Ярославу мир на условиях «раздела сфер влияния» по Днепру. В 1025 г. умирает Болеслав, а в 1026 г. братья заключают соглашение, и мир сохраняется вплоть до смерти Мстислава в 1036 г., когда Ярослав остается единственным правителем Руси. Таким образом, положение Ярослава внутри страны к 1026 г. стабилизируется.

В Скандинавии же 1025 г. становится годом начала острого противостояния Кнута, Энунда-Якоба и Олава Харальдссона. Как рассказывает Снорри,

⁷³ Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 496–498.

весной этого года Кнут, находящийся в Англии, посылает «своих людей... на восток в Норвегию» к Олаву Харальдссону с заявлением, что «вся Норвегия по праву принадлежит ему и что до него этой страной владели его предки... Если Олав сын Харальда хочет остаться конунгом Норвегии, он должен отправиться к Кнуту конунгу и получить эту страну от него в лен, стать его человеком и платить ему подати, как раньше платили ярлы»⁷⁴. В противном случае Кнут угрожал Олаву войной. Отправив послов назад с оскорбительным ответом, Олав срочно набирает войско, остается в Вике, чтобы следить за возможным появлением флота Кнута, и осенью отправляет послов к Энунду-Якобу с предложением объединить усилия в борьбе с Кнутом, который, завладев Норвегией, не замедлит начать покорение Швеции.

Той же осенью Кнут приезжает в Данию из-за провозглашения королем Дании его сына Хардакнута и направляет посольство к Энунду-Якобу с предложением дружбы, но послы не получают ответа, что расценивается Кнутом как свидетельство шведско-норвежского союза, после чего он возвращается обратно в Англию.

Весной следующего года конунги Норвегии и Швеции встречаются в Конунгахелле⁷⁵ и заключают договор о мире и совместных действиях против Кнута. Условившись объединить свои флотилии, Олав и Энунд-Якоб собирают корабли, и по пути к условленному месту Олав грабит побережье о. Зеландия, Энунд-Якоб — побережье Сконе. Получив известия о нападении, Кнут отплывает из Англии с большим флотом, сначала наносит значительный ущерб кораблям Энунда-Якоба, а затем через Лимфьорд выходит в Сунд и отсекает путь Олаву, который вынужден плыть на восток, чтобы соединиться с Энундом-Якобом. Союзникам приходится отступить и принять морской бой в устье реки Святой (совр. *Helgeå*)⁷⁶. Снорри пишет, что, несмотря на то, что шведско-норвежский флот был чуть ли не в два раза меньше датского, союзники одержали победу, хотя и не смогли добиться полного разгрома Кнута⁷⁷. Однако последствия битвы на реке Хельге свидетельствуют об обратном.

⁷⁴ КЗ. С. 280–281.

⁷⁵ На территории современного Гётеборга.

⁷⁶ Датировка битвы на реке Хельге разнится в различных источниках. Англо-Саксонская Хроника (E, F) помещает сообщение о ней под 1025 г., но это не согласуется с хронологией деятельности Олава по «Кругу земному» Снорри Стурлусона, в соответствии с которой битва должна была произойти в 1027 г.; тем же годом битва помечена и в исландских анналах, записи которых, впрочем, основываются на хронологии саг (эту дату защищает С. Кейнс: *Encomium Emmae Reginae* / Ed. and trans. by A. Campbell; intr. by S. Keynes. Cambridge, 1998. P. 82–84). Однако, поскольку поездка Кнута в Рим, бесспорно, состоялась в 1027 г. — он присутствовал на коронации императора Конрада II в конце марта, то наиболее вероятно, что битва произошла в 1026 г. См. подробнее: *Moberg O. Slaget vid Helgeå och dess följder* // *Scandia*. 1987. В. 53. S. 175–185; *Idem. The Battle of Helgeå* // *SJH*. 1989. Vol. 14. № 1. P. 1–20.

⁷⁷ КЗ. С. 312–313.

Олав, опасаясь столкновений с враждебными ему бондами, сушей через территорию Швеции проехал в Вик, а Энунд-Якоб вернулся в Свеаланд. В Норвегии Олав столкнулся с крепнущей оппозицией⁷⁸, что в итоге и привело его к бегству из страны в 1028 г. О положении дел в Швеции после битвы на реке Хельге Снорри не рассказывает, но существуют свидетельства того, что Кнут воспользовался ее результатами и, по меньшей мере, заявил о своих притязаниях на верховную власть⁷⁹. В письме «английскому народу», отправленном в 1027 г. из Рима, Кнут именуется «*Rex totius Angliae et Denemarchiae et Norregiae et parties Suavorum*»⁸⁰ («Король всей Англии и Дании и Норвегии и части свеев»)⁸¹. Часть титулатуры очевидным образом отражает не реальное положение дел, а политические амбиции Кнута: в 1027 г. он еще не являлся «королем Норвегии», но активно готовил свержение Олава, которое состоялось только через год. Менее ясно, что стоит за обозначением «король... части свеев», которое перекликается с легендой «*CNUT REX SV[EBORUM]*» («Кнут король свеев») на монетах, чеканенных монетарием Энунда-Якоба Тормодом из Сигтуны (*THORMOD ON SIHT*)⁸². Трудно предполагать, чтобы монетарий шведского конунга чеканил в его главной резиденции (Сигтуне) монеты, легенды на которых ущемляли бы его суверенные права. Видимо, эта легенда должна была хотя бы в какой-то степени соответствовать действительности и указывать на некие властные права Кнута, которые признавались Энундом-Якобом, по крайней мере, в части Свеаланда в конце 1020-х гг.⁸³. На то же указывает

⁷⁸ По рассказам Снорри, Кнут берет к себе на службу или подкупает многих знатных и влиятельных норвежцев (Харека с Тьотты, Эрлинга Скъяльгссона, Эйнара Брюхотряса и др.).

⁷⁹ По мнению Б. Грэслунда, верховную власть над Свеаландом Кнут получил после битвы на реке Хельге. См.: *Gräslund B. Knut den store och Sveariket. Slaget vid Helgeå i ny belysning // Scandia. 1986. B. 52. S. 211–238.*

⁸⁰ Эмendaция *slavorum*, т. е. «славян», вместо *suavorum* не кажется мне удачной, поскольку чтение *suavorum* поддерживается легендой на монетах, чеканенных Кнутом в Сигтуне.

⁸¹ *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Bd. 1. S. 276.*

⁸² *Lagerqvist L. O. The Coinage at Sigtuna in the Names of Anund Jacob, Cnut the Great, and Harthacnut // Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Stockholm, 1968. T. II. P. 383–416* (Л. Лагерквист насчитывает 23 монеты Кнута, чеканенные в Сигтуне); *Malmer B. A Note on the Coinage of Sigtuna at the Time of Anund Jacob // Numismatiska meddelanden utgivna av Svenska numismatiska föreningen. Stockholm, 1989. S. 259–262.* В Сигтуне чеканились монеты и с другими титулами Кнута: *CNUT REX ANGL[ORUM]*, *CNUT REX NO[RWAGENORUM]*. См.: *Malmer B. King Canute's Coinage in the Northern Countries. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies 1972. L., 1974.* Время начала чеканки монет Кнута в Сигтуне определяется обычно 1029 или 1030 г. (*Sawyer P. Knut, Sweden, and Sigtuna // Avstamp — för en ny Sigtunaforskning / S. Tesch. Sigtuna, 1989. P. 88–89*), хотя Л. Лагерквист в цитированной работе высказывал предположение, что они относятся к 1028 г.

⁸³ Более правдоподобно выглядело бы распространение власти Кнута в Западном Гутланде, который изначально тяготел к Дании (см.: *Sawyer P. När Sverige blev Sverige. Alingsås, 1991*) и граничил со Сконе — территорией, входившей в состав Датского государства (правда, тогда в титулатуре скорее бы значилось *rex Gothorum*), но не в Свеаланде, расположенном далеко на

и бегство зимой 1028 г. Олава Харальдссона на Русь: по словам Снорри, он опасался и сам остаться в Швеции, и оставить там сына: поскольку Энунд-Якоб был его союзником, страх мог быть вызван только возможным вмешательством Кнута (или его представителей). В то же время можно с достаточной уверенностью говорить о том, что власть Кнута в Швеции, если и существовала, то была скорее номинальной или выражалась в каких-то выплатах.

Таким образом, в результате событий 1024–1026 гг. в Балтийском регионе происходит резкое изменение политической обстановки. Значительно усиливается Дания, и Кнут заявляет о своих претензиях на Норвегию и, возможно, Швецию, которые вынуждены объединить свои усилия для защиты от датской гегемонии. Одновременно Кнут устанавливает тесные отношения с Генрихом Немецким, который в 1027 г. становится германским императором, и обеспечивает себе поддержку Империи, заключившей мир с Польшей, королем которой после смерти в 1025 г. Болеслава I, главного противника Ярослава, становится Мешко II.

В этих условиях, а также в связи с урегулированием ситуации на Руси приоритеты в политике Ярослава Мудрого на Балтике радикально меняются. С одной стороны, Ярослав, очевидно, утрачивает интерес к Дании: она более не нужна ему в качестве союзника против Польши. Напротив, в Швеции (Свеаланде) правит его шурин Энунд-Якоб, а в Норвегии — муж сводной сестры Ингигерд Олав Харальдссон, с которым Энунд-Якоб в 1026 г. заключил союз. И родственные связи, и, возможно, беспокойство из-за распространения влияния Дании на восток неизбежно толкали Ярослава к присоединению к шведско-норвежскому союзу.

Наиболее ярко новая политическая ориентация балтийской политики Ярослава — пронорвежская и прошведская — проявилась в 1028 г., когда на Русь вместе с сыном бежал Олав Харальдссон после поражения, которое ему нанес Кнут вместе с бондами из Трёндалёга, недовольными Олавом. Кнут провозглашает королем Норвегии Хардакнута и сажает в Хладире ярла Хакона, сына Эйрика, в качестве своего наместника. Следующим летом Хакон погибает у берегов Шотландии, и наместником Кнута в Норвегии становится сын Кнута от наложницы Альвивы Свейн, который, однако, не спешит из Англии в Норвегию. Узнав от норвежцев, прибывших на Русь к йюлю (Рождеству) 1029 г.⁸⁴, что ярл Хакон уто-

север от датских территорий. Это заставило Б. Грэслунда предположить, что Снорри ошибочно пишет о том, что битва состоялась на реке Хельге, находящейся в Сконе (эта локализация принята подавляющим большинством исследователей). На самом деле, сражение произошло на одноименной речушке в юго-восточном Упланде, протекающей в 20 км от Сигтуны и 40 км от Упсалы (*Gräslund B. Knut den store*). П. Сойер полагает, что под «частью свеев» подразумеваются те шведы, которые служили в английском войске Кнута (см.: *Sawyer P. Knut, Sweden, and Sigtuna*. P. 90–91).

⁸⁴ Эта информация содержится в «Легендарной саге об Олаве Святом» (текст, перевод и комментарий см.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 183).

нул, а Свейн находится в Англии, колебавшийся ранее Олав, по рассказу Снорри, решает немедленно вступить в борьбу за Норвегию. Он получает от Ярослава помощь (вьючных животных и необходимое снаряжение)⁸⁵, оставляет на его попечение Магнуса и после йоля отправляется в обратный путь, дойдя по зимнику «до самого моря»⁸⁶. Весной 1030 г., когда сошел снег, Олав снаряжает корабли и отплывает в Швецию. Здесь Олав встречается с Эстрид, Энунд-Якоб дает ему 480 человек и разрешает набрать в войско столько воинов, сколько согласятся служить Олаву. В Даларна Олав соединяется с отрядом Харальда Сигурдарсона, своего сводного брата и будущего правителя Норвегии, переходит через Кьёл в Трёндалёг (практически одновременно Свейн сын Альвивы высаживается в Вике, на юге страны) и 29 июля погибает в сражении с войском местных бондов при Стикластадире. Через год придворный епископ Олава Гримкель в присутствии Свейна и Альвивы и с их согласия переносит нетленные останки Олава из Стикластадира в Нидарос (Тронхейм) и объявляет Олава Харальдссона святым. Культ первого норвежского (и скандинавского) святого быстро распространяется в Скандинавских странах и Англии⁸⁷ и почти сразу же достигает Руси⁸⁸. Шесть лет спустя, в 1035 г., к Ярославу приходят представители норвежской знати, недовольные теперь засильем датчан, и просят Ярослава о возвращении Магнуса в Норвегию, что Магнус и делает в 1036 г.

Таким образом, невзирая на отсутствие (за исключением известия ПВЛ о найме Ярославом варягов в 1025 г.) и в древнерусских, и в древнескандинавских источниках прямых сообщений об отношениях Руси и Скандинавских стран в 1020–1027 гг., очевидно, что именно в эти годы, вероятнее всего, вскоре после 1025 г., когда образуется шведско-норвежский союз против Кнута, происходит радикальная переориентация балтийской политики Ярослава. На смену включению Руси в датско-шведский альянс приходит коалиция со Швецией и Норвегией, в которой Ярослав, в первую очередь, насколько можно судить по скудным сведениям письменных источников, ищет и находит военную поддержку своим внутривосточным акциям.

* * *

Смерть Олава не положила конца дружеским отношениям Ярослава с его потомками и преемниками: под опекой Ярослава остался малолетний сын Ола-

⁸⁵ КЗ. С. 343.

⁸⁶ Вероятно, под «морем» здесь понимается Ладожское озеро, которое вместе с Невой долгое время рассматривалось как продолжение Финского залива. Именно здесь, у выхода в Ладожское озеро, в Ладого, где издавна морские корабли менялись на речные, производился ремонт и оснастка кораблей, Олав мог дожидаться весны и снарядить корабли. Сделать это на побережье Финского залива или Балтики было бы весьма затруднительно, если не невозможно.

⁸⁷ См.: St. Olav, seine Zeit und sein Kult / G. Svahnström (Acta Visbyensia. VI). Visby, 1981.

⁸⁸ См.: Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 92–106.

ва Магнус; на Русь, излечившись от ран, полученных в битве при Стикластадире, бежал сводный брат Олава Харальд Сигурдарсон. Сначала первый, а затем второй — оба не без помощи Ярослава — становятся правителями Норвегии и сохраняют власть еще долго после смерти Ярослава — вплоть до 1066 г. Устойчивыми остаются и связи со Швецией, где до 1050 г. продолжает править сводный брат Ингигерд Энунд-Якоб. Как ни мало известно нам об этом периоде балтийской политики Ярослава, по имеющимся обрывкам информации можно предполагать, однако, что интересы Ярослава и формы его внешнеполитической деятельности меняются. Если ранее его главной целью являлось рекрутирование военной силы, то в этот период, как кажется, его политика становится более активной и направленной на поддержание сложившегося баланса сил в Балтийском регионе: впервые в это время мы узнаём о прямом вмешательстве Ярослава в борьбу за власть в Скандинавских странах, прежде всего, в Норвегии.

Королевские саги с разной степенью подробности освещают возвращение Магнуса в Норвегию в 1036 г., но все они — хотя и по-разному — отмечают участие Ярослава Мудрого. Наиболее подробно деятельность Ярослава представлена в самом раннем из сводов королевских саг — «Гнилой коже»⁸⁹. Как рассказывается в выделяемой исследователями, но не обозначенной в самой рукописи «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе»⁹⁰, возвращению Магнуса предшествовала длительная подготовка, которая началась поручением, данным Ярославом двум норвежским купцам, братьям Карлу и Бьёрну, приехавшим на Русь с торговыми целями⁹¹, — привлечь на сторону Магнуса норвежскую знать⁹². Ярослав прибегает к методам тайной дипломатии, включающей шпионаж и подкуп наиболее влиятельных в Норвегии лиц: он снабжает

⁸⁹ Составление свода датируется 1190-ми гг., его дошедшая до нас редакция — 1220-ми гг., рукопись — ок. 1275 г. Издание: Morkinskinna / Finnur Jónsson. København, 1932 (далее — Msk.).

⁹⁰ Аналогичная редакция саги содержится также в «Книге с Плоского острова» (1387–1394 гг.; сага написана на дополнительных листах, датируемых второй половиной XV в.: Flateyjarbók / Sigurður Nordal et al. Akranes, 1944–1945. В. I–IV; далее — Flat.), а также в компиляции «Хульда» (середина XIV в.: Hulda // Fornmanna sögur. Kaupmannahöfn, 1831–1832. В. VI–VII). В других сводах королевских саг правлению Магнуса Доброго и приключениям и правлению Харальда Сурового посвящены отдельные саги.

⁹¹ К повествованию о пребывании Карла и Бьёрна на Руси я вернусь еще раз ниже.

⁹² Рассказ о деятельности Карла и Бьёрна выделяется Г. Индрёб и Й. Луис-Йенсен как отдельная «Прядь о Карле Несчастном» (название дано исследователями), не входившая в исходную редакцию свода по причине его стилового несоответствия остальному тексту. Против этого — из-за отсутствия формальных признаков пряди — возражал Т. Андерссон (библиографию см. в кн.: Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 70). Соглашаясь с Т. Андерссоном, хочу добавить, что включение этого рассказа именно в «Сагу о Магнусе» абсолютно органично с точки зрения содержания (вне зависимости от того, существовал ли он в устной традиции отдельно или в составе сюжетов о возвращении Магнуса, что более вероятно), поскольку именно с него начинается история о Магнусе как конунге Норвегии.

братьев деньгами, чтобы они «раздали эти деньги лендрманнам в Нореге и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнуса, сына Олава»⁹³. Деньгами и уговорами братья склоняют на сторону Магнуса норвежских нобилей, в первую очередь, выступавших в 1028–1030 гг. против Олава Эйнара Брюхотряса, дядю ярла Хакона по матери, и Кальва, сына лендрманна Арни, — наиболее влиятельных людей в стране. Сначала Бьёрн, а затем Карл совершают поездки к Ярославу, чтобы отчитаться о достигнутом, причем Карл подвергается преследованиям со стороны Свейна Альвивусона. После предварительного согласования позиций сторон, Эйнар и Кальв вместе с группой знатных норвежцев приезжают в 1035 г. к Ярославу, который, все же сомневаясь в их лояльности Магнусу, требует клятвы верности, которую приносят 12 членов посольства. На следующий год Магнус прибывает в Норвегию и провозглашается конунгом. Далее следует история его правления.

Как видим, составитель «Гнилой кожи» воспринимал инициативу Ярослава и «агитационную» деятельность Карла и Бьёрна как ключевой — исходный — момент, с которого начинается восхождение Магнуса на престол. Именно поэтому эти события изложены им максимально подробно.

В отличие от «Гнилой кожи» другие обзоры и своды королевских саг, и более ранний «Обзор саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.)⁹⁴, и более поздние, использовавшие «Гнилую кожу» как один из источников, — «Красивая кожа» (ок. 1220 г.)⁹⁵ и «Круг земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), — излагают обстоятельства возвращения Магнуса с того момента, как в действие вступают Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон (т. е. отсутствует повествование о Карле и Бьёрне); хотя во всех них подчеркнута принципиальная роль Ярослава Мудрого. В «Обзоре» (не разделенном на отдельные саги) история возвращения Магнуса излагается в двух-трех предложениях, где отмечается раскаяние норвежцев за причиненное Олаву зло, прибытие посольства во главе с Эйнаром и Кальвом к Ярославу, клятва верности Магнусу. Важным отличием является введение в действие Ингигерд — именно по ее требованию, а не Ярослава, приносится клятва Магнусу⁹⁶.

В «Красивой коже» возвращение Магнуса описывается в «Саге о Магнусе Добром» (по членению текста исследователями), где отмечается недовольство

⁹³ См.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-2000. С. 50–56 (текст), 58–64 (перевод).

⁹⁴ *Ágrip af Nóregskonunga sǫgum* / Bjarni Einarsson // ÍF. 1984. В. XXIX. Bls. 32. Перевод на русск. язык: *Джаксон Т. Н.* ИКС-2000. С. 43 (текст), 44 (перевод).

⁹⁵ *Fagrskinna. Nóregs konunga tal* / Bjarni Einarsson // ÍF. 1984. В. XXIX. Bls. 202–203. Перевод на русск. язык: *Джаксон Т. Н.* ИКС-2000. С. 77–78 (текст), 78–79 (перевод).

⁹⁶ Перенос действий Ярослава на Ингигерд — характерная черта саговой традиции, в которой образ Ингигерд героизируется за счет снижения роли Ярослава. См.: *Мельникова Е. А.* Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Сканд. конф. Петрозаводск, 1997. С. 151–153; *Джаксон Т. Н.* Ингигерд, жена русского князя Ярослава Мудрого.

прежних сторонников Кнута датским правлением, посольство Эйнара и Кальва на Русь, опасения Ярослава, что Магнус будет предан так же, как его отец, клятва 12 членов посольства и отбытие Магнуса в Норвегию. Повествование сопровождается висой Бьярни Скальда Золотых Ресниц, обращенной к Кальву: «Ты указал, Кальв... Магнусу путь из Гардов... ты содействовал... ты помог...»⁹⁷. Как и в «Гнилой коже», здесь отсутствует Ингигерд, но более подробно освещается пребывание послов на Руси, а также обратный путь Магнуса в Норвегию.

Снорри сообщает о приезде Эйнара и Кальва на Русь, дополняя повествование «Красивой кожи» указанием на созыв Ярославом совета, в котором участвуют «княгиня и другие его хёвдинги» и на котором норвежцам дается разрешение приехать к Ярославу, причем особо выделяется роль Кальва, который — по условиям соглашения — должен был стать приемным отцом Магнуса⁹⁸. Снорри помещает рассказ о возвращении Магнуса в конец «Саги об Олаве Святом», видимо, рассматривая его не столько эпизодом правления Магнуса, сколько завершением противостояния норвежской знати и Олава: главные противники святого короля осознают свою ошибку и искупают ее, возводя на трон его сына Магнуса. На протяжении всей саги Снорри выделяет Эйнара Брюхотряса и Кальва, сына Арни, как главных, наиболее влиятельных представителей норвежской знати. Их отношение к Олаву: от нейтралитета при прибытии Олава в Норвегию (Эйнара) и даже готовности служить ему (Кальв) — к открытой вражде, вплоть до участия в битве при Стикластадире, и, наконец, к раскаянию (после провозглашения Олава святым и их ссоры с Кнутом) и желанию видеть на троне сына Олава Магнуса — воплощает отношение к Олаву всей норвежской знати. Неслучайно перипетии противостояния Олава и Эйнара Брюхотряса и Кальва, сына Арни, составляют основную фабулу второй половины «Саги об Олаве Святом». При таком видении ситуации инициатива приглашения Магнуса должна была принадлежать не каким-то купцам-солеварам, а тем самым норвежским нобилям, которые ранее сражались с Олавом и чьими руками он был убит. Именно поэтому, думается, Снорри не включил в свое повествование рассказ о деятельности Карла и Бьёрна, а отнюдь не из-за того, что счел эпизод «Гнилой кожи» недостоверным⁹⁹. Более того, ведущая роль Кальва в возвращении Магнуса отмечалась в висе Бьярни Скальда Золотых Ресниц, что — учитывая отношение Снорри к скальдической поэзии — могло также сыграть роль в исключении интересующего нас эпизода. Наконец, Снорри, как и «Красивая кожа», вводит в действие Ингигерд (хотя и очень неопределенно) как дань отчетливо обнаруживаемой в труде Снорри

⁹⁷ Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 77–78 (текст), 79 (перевод).

⁹⁸ Там же. С. 81–82 (текст), 82 (перевод). О Кальве как приемном отце Магнуса другие источники не упоминают.

⁹⁹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 227. Примеч. 237.

(и далеко не только у него) тенденции гиперболизировать влияние Ингигерд на Ярослава и управление Русским государством. Итак, наиболее существенное различие между рассказами о возвращении Магнуса в «Гнилой коже», с одной стороны, и в «Красивой коже» и «Круге земном» — с другой, лежит не только в отсутствии эпизода поездки Карла и Бьярни во втором случае, но, прежде всего, в общей тенденции повествования и в степени использования авторами сводов сюжетных и образных стереотипов, характерных для саговых повествований о пребывании скандинавов на Руси.

Таким образом, хотя информация об активной (более того, иницирующей) роли Ярослава в возведении Магнуса на норвежский престол нашла отражение только в «Гнилой коже», специальных оснований для ее отклонения как недостоверной нет. Практика подкупа широко использовалась во все времена, в том числе Кнудом Великим, точно так же подкупавшим норвежскую знать и посылавшим соглядатаев для выяснения замыслов Олава Харальдссона несколькими годами раньше. Вместе с тем, цели, которые преследовал Кнут, достаточно очевидны. Причины же столь активной поддержки Магнуса Ярославом неясны¹⁰⁰, тем более что в 1035 г. Кнут умирает, и его империя быстро распадается¹⁰¹. Отсутствие информации не позволяет установить, какие практические выгоды получил Ярослав после восшествия Магнуса на престол, но очевидно, что своих целей Ярослав достиг, ибо и в последующие годы Русь и Норвегию связывают тесные отношения. Зимой 1043/1044 г. Ярослав выдает замуж свою дочь Елизавету за Харальда¹⁰², проводшего около 10 лет на Руси, а затем в Византии, и после возвращения ставшего соправителем Магнуса Доброго, а после его смерти в 1047 г. — королем Норвегии.

Не менее дружественные отношения, видимо, продолжали связывать Ярослава и со Швецией, где до 1050 г. продолжал править сводный брат Ингигерд Энунд-Якоб, также сохранявший добрые связи с Норвегией: он оказал поддержку Магнусу при его возвращении, и саги не отмечают каких-либо конфликтов между этими двумя странами.

В этих условиях относительного мира Ярослав продолжает пользоваться помощью своих скандинавских родственников. В очередной раз дополнительная военная сила потребовалась ему в 1043 г., когда, согласно ПВЛ, состоялся последний из известных нам походов на Византию, которым командовали сын

¹⁰⁰ Впрочем, объяснением может служить сама ситуация: в древнескандинавской культуре связь ребенка и его воспитателя рассматривалась как максимально приближенная к отношениям отца и сына, и Ярослав мог чувствовать себя обязанным обеспечить Магнусу то положение, на которое тот имел право.

¹⁰¹ Дания под властью Хардакнута, сына Кнута Великого, приходит в упадок, так что в 1037 г. Магнус Добрый заключает с Хардакнудом мир, по которому в случае смерти датского короля, не имевшего наследников, Дания переходит под власть Магнуса Доброго, что и произошло в 1042 г.

¹⁰² Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 146–151.

Ярослава Мудрого Владимир и воевода Вышата¹⁰³. ПВЛ не упоминает состава русского войска, однако в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 1430-х гг. (в СЛ и др.), содержатся дополнения к статье, представляющие, по мнению А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева, фрагмент Начального свода¹⁰⁴. Во-первых, в числе «воев многих» называются варяги. Тем самым поход 1043 г. оказывается последним (из известных нам¹⁰⁵) военным предприятием Руси, в котором участвуют скандинавы. Во-вторых, согласно СЛ, конфликт между «варягами» и «русью» и последующее бегство «варягов» с поля боя становятся причинами сокрушительного поражения русского войска¹⁰⁶.

Это событие может быть предположительно сопоставлено с трагически закончившимся походом на восток шведского хёвдинга Ингвара, известным по упоминаниям на 24 рунических камнях из Средней Швеции и «Саги об Ингваре Путешественнике»¹⁰⁷. В саге рассказ о походе, длительное время существовавший в устной передаче, был радикально переосмыслен и интерпретирован как своего рода крестовый поход с миссионерскими целями — приведением языческих народов на Востоке к христианской вере¹⁰⁸. В действительности поход под предводительством Ингвара носил совсем иной характер, о чем, прежде всего, говорят рунические памятники.

Стелы свидетельствуют о весьма специфическом характере похода: в составе войска было много богатых и, соответственно, достаточно знатных людей (количество установленных памятников в честь участников похода уникально), причем весьма значительное по численности войско¹⁰⁹ было собрано на ограниченной территории (в областях, примыкающих к озеру Меларен). Памятники более или менее равномерно располагались по сотням (военно-территориаль-

¹⁰³ ПВЛ-1996. С. 67.

¹⁰⁴ Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. Кучково поле, 2001. С. 165–167; Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ-1996. С. 483–484.

¹⁰⁵ Впрочем, см. в начале статьи о сведениях рунических надписей.

¹⁰⁶ Дойдя до Дуная, «русь» предлагает князю: «“Станем зде на поле”, а Варяги ркоша: “Пойдем на город”» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 128). Владимир согласился с варягами, но у Константинополя русские корабли были потоплены начавшимся штормом, варяги бежали, а спасшиеся на берегу воины с разбитых кораблей были захвачены в плен вместе с Вышатой, и Владимир лишь с несколькими кораблями вернулся на Русь.

¹⁰⁷ Первоначальная редакция саги была составлена на латинском языке, возможно исландским монахом Оддом Сноррасоном в конце XII в., а затем в XIII в. переведена (изложена?) на древнеисландском языке. См. подробнее: Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002. С. 39–49, 145–151.

¹⁰⁸ Там же. С. 97–145, 194–198.

¹⁰⁹ В надписях называются «кормчие» четырех кораблей. По подсчетам М. Ларссона, в походе могло участвовать от 500 до 1000 человек (из расчета по 20–40 воинов примерно на 25 кораблях): Larsson M. G. Ingvarstågets arkeologiska bakgrund // Fornvännen. 1986. Årg. 81. S. 105–107), что намного превышает обычный викингский поход, в котором редко участвовало более 100 человек, или дружину конунга или хёвдинга, насчитывавшую 40–50 воинов.

ным округам) Свеаланда¹¹⁰, что указывает не на спонтанный (как представлено в саге), а на организованный характер похода. Подобные флотилии формировались в IX–XI вв., например, при завоеваниях Англии, но это были предприятия общегосударственного масштаба, хорошо подготовленные центральной властью и возглавляемые либо правителями государства, либо назначенными ими военачальниками. Такое войско представляло собой не дружину случайно собранных людей, а ледунг — организованное по территориальному принципу, общегосударственное войско, собираемое по специальному распоряжению конунга. Направление похода — на восток — указывает, что местом назначения ледунга, возглавленного Ингваром (возможно, родичем Энунда-Якоба и, соответственно, Ингигерд), была Русь, а его наиболее вероятной целью — оказание помощи Ярославу Мудрому (возможно, обратившемуся за помощью к Энунду-Якобу, как он обращался к Олаву Шётконунгу в 1018 г.).

Приведенная в саге (а также в исландских анналах, основывавшихся на саге) дата смерти Ингвара — 1041 г. — близка к дате похода Владимира Ярославича, но не совпадает с ней. Однако сага содержит многочисленные хронологические неточности и противоречия¹¹¹, а в исландских анналах все датировки за годы, ближайшие к 1041 г., смещены на два-три года¹¹². Поэтому указанная в саге дата не вызывает доверия. В то же время в саге сохранились некоторые детали, которые, как представляется, отражают именно обстоятельства похода на Византию 1043 г. Во-первых, в войске Ингвара оказывается некий Вальдимар (Владимир)¹¹³, который возглавляет часть войска после смерти Ингвара. Во-вторых, отряд Владимира, отделившись от скандинавов, решивших вернуться на родину во главе с Кетилем, который и принес домой известие о гибели отряда, направляется в Константинополь.

Все это, как кажется, дает основания полагать, что шведское войско-ледунг под командованием хёвдинга Ингвара было направлено Энундом-Якобом Ярославу для участия в походе на Византию. Возможно, как рассказывается в саге, в скандинавской части войска действительно началась эпидемия и оставшиеся в живых, не участвуя в сражении у Константинополя, вернулись домой. Возможно, как полагал составитель Начального свода, варяги бежали

¹¹⁰ Larsson M. G. Runstenar och utlandsfärder. Aspekter på det senvikingatida samhället med utgångspunkt i de fasta fömlämningarna. Lund, 1990. S. 107–109.

¹¹¹ Так, уже в расчете даты смерти Ингвара в конце раздела, посвященного его походу, содержится ошибка: согласно саге, Ингвар умер, когда ему было 25 лет, в 1041 г. Р. X. и через 9 лет после смерти Олава Святого. Но Олав умер в 1030 г., т.е. до 1041 г. прошло 11, а не 9 лет. Далее, Энунд-Якоб и Ингвар отправляются за данью в Земгалию по поручению Олава Шётконунга, однако Олав Шётконунг умер около 1020 г. (бежав за год до этого в Гаутланд), когда Ингвару — по предыдущему расчету — было не более 5 лет.

¹¹² Мельникова Е. А. Экспедиция Ингвара Путешественника на Восток и поход русских на Византию 1043 г. // СС. 1976. Вып. XXI. С. 74–87.

¹¹³ За двумя другими исключениями, воины в отряде Ингвара имен не имеют.

с поля битвы — но, естественно, это событие не могло быть темой рассказов вернувшихся назад.

Таким образом, вплоть до конца своей жизни Ярослав активно поддерживал политические связи с Норвегией и Швецией, временами прибегая к военной помощи дружественных Скандинавских государств.

* * *

Однако военно-политическими аспектами не исчерпывались связи Руси со Скандинавскими странами после 1030 г. На первый план в балтийской политике Ярослава этого периода выходит, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным, упорядочение и регулирование торговых отношений.

Правовое оформление торговых отношений между Древней Русью и Скандинавскими странами, по общему мнению, возникает в XII в., к концу которого — 1191–1192 гг. — относится первый сохранившийся договор между Новгородом и Готским берегом¹¹⁴. В тексте договора, однако, упоминается «старый мир» и выделяется более ранний пласт, который датировался Э. Боннелом временем не позднее 1160 г., В. Ренкампом — 1160–1180-ми гг., Е. А. Рыбиной — первой половиной XII в.¹¹⁵. По мнению А. Л. Хорошкевич, в договоре сохранилось несколько разновременных пластов, древнейший из которых восходит к первой четверти XI в. и связан с составлением Русской правды Ярослава¹¹⁶. Не разделяя последнего предположения А. Л. Хорошкевич, отмечу, что существование этого гипотетического договора, не оставив следов в древнерусских письменных источниках, находит, как мне представляется, подтверждение в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в своде королевских саг «Гнилая кожа»¹¹⁷. Указания на существование во времена Олава Харальдссона торгового мира с Русью содержатся в рассказе о торговой поездке на Русь Карла и Бьёрна, с которого начинается повествование о возвращении Магнуса, сына Олава Харальдссона, в Норвегию.

Этот эпизод занимает в «Саге о Магнусе Добром» самостоятельную главу, условно названную издателями «О немирье между конунгами Свейном и Ярицлейвом»¹¹⁸. Описанию поездки Карла и Бьёрна предшествует — что весьма не-

¹¹⁴ ГВНП. С. 55–56. О датировке договора 1191/1192 г. см.: Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3(13). С. 43–50.

¹¹⁵ Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах (здесь же см. библиографию).

¹¹⁶ Choroškevič A. L. Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländische Vertrag 1191/1192 // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse / S. Jenks, M. North. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 1–12.

¹¹⁷ См. примеч. 89–90.

¹¹⁸ Msk. S. 3–5, лакуна восполняется по Flat. III. Bls. 253–256; см. также: Hulda. S. 7–10. Перевод на русск. язык: Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 50–51 (текст), 58–60 (перевод).

обычно для саг¹¹⁹ — общая характеристика политической ситуации, в которой происходят изображаемые события: отсутствие мира между Свейном, сыном Альвивы, и Ярославом.

Нет теперь мира (*Nv er vfríðr*) между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв считал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира (*cavpfriðr*)¹²⁰.

В редакции «Книги с Плоского острова» характеристика состояния *úfriðr* между двумя странами еще больше конкретизируется:

После гибели конунга Олава Святого случилось большое немирье (*úfriðr*) между конунгом Ярицлейвом и Свейном Альвивусоном, который был тогда конунгом над Норегом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к конунгу Олаву; не было тогда торгового мира (*kaupfriðr*) между ними, поэтому каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе¹²¹.

Рассказ о самой поездке Карла и Бьёрна является своего рода иллюстрацией того, что означает для купца отсутствие торгового мира. Считая поездку на Русь небезопасной (*eigi varlǫt*) из-за размолвки (*vmmela*) и немирья (*vfríðr*) между Свейном и Ярицлейвом, Карл и Бьёрн, тем не менее, решаются отправиться туда и, приплыв «в большой торговый город» (*eitt mikitt cavptvǫnn*), сталкиваются с враждебностью местных жителей: узнав в торговцах норвежцев, они собираются напасть на них и отобрать товары. Карл отправляется к Ярославу. Вначале Ярослав приказывает заковать норвежцев в цепи, но по просьбе Магнуса освобождает их, оставляет у себя на зиму и весной дает им разрешение на беспрепятственный проезд (*gríð*) и поручает, вернувшись в Норвегию, начать переговоры с местными нобилями о возведении Магнуса на трон.

Изображение поездки Эйнара и Кальва у Снорри содержит ряд переключек с описанием поездки Карла и Бьёрна в «Гнилой коже»:

Ранней весной начинают они свою поездку, Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон, и... пришли осенью в Альдейгьюборг. Отправили они тогда послов вглубь страны в Хольмгард к конунгу Ярицлейву с сообщением, что они предлагают взять с собой Магнуса, сына конунга Олава Святого, и сопровождать его в Норег, и оказать ему помощь в том, чтобы он добился своих родовых земель, и поддержат его в том, чтобы он стал конунгом над стра-

¹¹⁹ Единственная известная мне параллель, также связанная с описанием русской политической жизни, содержится в «Пряди об Эймунде».

¹²⁰ Msk. S. 5.

¹²¹ Flat. III. S. 253. Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 58.

ной. И когда это сообщение достигло конунга Ярицлейва, тогда держал он совет с княгиней и другими своими хёвдингами. Все они согласились, что норвежцам следует послать слово и тем самым вызвать их к конунгу Ярицлейву и Магнусу. Был им дан мир (*gríð*) для их поездки...¹²².

Во-первых, как Карл и Бьёрн, так и Эйнар и Кальв останавливаются «на границе» владений Ярослава: в «большом торговом городе» — по «Гнилой коже», в Ладоге — по Снорри¹²³. Во-вторых, оттуда они посылают послов к самому Ярославу, чтобы получить разрешение на проезд вглубь страны. Наместник Ярослава в Ладоге (или ладожский ярл, если таковой еще существовал в это время) дать такое разрешение не может. В-третьих, разрешение выражается в праве «мира для поездки» («*Váru þeim gríð seld til þeirar ferðar*»). Таким образом, повествование Снорри, хотя и не включает эпизода поездки Карла и Бьёрна (по причинам, отмеченным выше), подтверждает описанную в «Гнилой коже» картину русско-норвежских отношений после гибели Олава Харальдссона: отсутствие «мира» для норвежцев на Руси, которые вынуждены останавливаться в Ладоге и получать специальное разрешение Ярослава для безопасного передвижения внутри страны.

Использованный в саге термин *kaupfríðr* «торговый мир» хорошо известен. Торговый мир устанавливался конунгом или местным правителем на определенный срок, он мог распространяться на всех купцов или лишь на некоторых из них и давал право торговать в установленных местах или на установленной территории. В условиях торгового мира конунг гарантировал личную безопасность купцов и их товаров¹²⁴. Таким образом, *kaupfríðr* в большинстве случаев являлся государственной акцией.

Наряду с *kaupfríðr* и в «Гнилой коже», и в «Круге земном» для обозначения «мира», который Ярослав дает в первом случае Карлу, во втором — Эйнару, разрешая им проезд из Ладоги вглубь страны (в Хольмгард) и обратно, использован иной термин. Употребленное в этом контексте слово *gríð* означает «перемирие, приостановку враждебных действий; мир; помилование»¹²⁵. Таким образом, составитель «Гнилой кожи» проводит четкое различие между комплексным «торговым миром» (*kaupfríðr*) и окказиональным «миром-милостью» (*gríð*) для конкретного человека или конкретной группы людей. По его мнению,

¹²² Snorri Sturluson. Heimskringla 2. Bls. 414–415. Перевод на русский язык: Джаксон Т.Н. ИКС-2000. С. 81–82 (текст), 82 (перевод).

¹²³ О роли Ладоги в осуществлении русско-скандинавских связей см. подробнее: Джаксон Т.Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 20–25.

¹²⁴ Ср.: «Сага о Кнютлингах», гл. 70, «Сага об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона, гл. 133, 137; «Сага о Хаконе Добром», гл. 12 и мн. др.

¹²⁵ Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 215.

вражда Ярослава к норвежцам имела результатом отсутствие общего для всех них «торгового мира»; напротив, «мир-милостыня» мог быть получен у верховного правителя в индивидуальном порядке.

В приведенном зачине-характеристике ситуации подразумевается ее противопоставление предшествующему времени: «Теперь нет мира...» («Nú er vífirg...»). Поэтому можно с достаточной уверенностью предполагать, что указание на отсутствие торгового мира при Свейне говорит о существовании такового в предшествующее время, т.е. в период правления Олава Харальдссона. Более того, это едва ли не единственный случай, когда торговые отношения предстают не как индивидуальное предприятие того или иного скандинава (таково обычно изображение торговых поездок на Русь в сагах), а как государственное дело: оппонентами выступают все жители Норвегии и каждый из них как подданные Свейна, и Ярослав как глава страны.

Возможное время заключения такого договора с Норвегией прямо вытекает из охарактеризованной выше общеполитической ситуации на Балтике и присоединения Ярослава к шведско-норвежскому альянсу, т.е. между 1025 и 1028 гг., когда Олав бежал на Русь.

Сближение с Русью и установление регулярных связей было крайне важно для Олава Харальдссона: традиционные торговые связи Норвегии с Англией были прерваны Кнутом. Единственным открытым для норвежских купцов был путь на восток в Балтийское море, и Новгород, крупнейший центр балтийской торговли, не мог не рассматриваться как наиболее выгодный торговый партнер. Видимо, неслучайно именно «Сага об Олаве Святом» содержит наибольшее количество упоминаний о торговых поездках норвежцев на Русь¹²⁶, в части из которых Олав сам принимает участие в качестве компаньона (*félagi*)¹²⁷.

Правовое урегулирование торговых отношений (возможно, не только с Норвегией, но и Швецией и Данией) создавало предпосылки для более интенсивных и регулярных поездок скандинавских купцов в Новгород¹²⁸. Об этом говорит появление в эпоху Ярослава «варяжского» подворья, где позднее была построена церковь, освященная в честь св. Олава, а уже к концу XI в. сложилась территория Готского торгового двора.

¹²⁶ Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // СС. 1988. Вып. XXXII. С. 117–128.

¹²⁷ Практика заключения торговых договоров была не чужда Олаву в принципе: таким же образом он урегулировал торговые отношения Норвегии с Исландией, определив права, в том числе и имущественные, исландцев в Норвегии, порядок выплаты и размер пошлин и т. д. Текст этого договора сохранился в двух рукописях (ок. 1250 г. и XV в.) исландского судебного «Grágás» (См.: Norske middelalder dokumenter / S. Bagge, S. Holstad Smedsdal, K. Helle. Bergen; Oslo; Tromsø, 1973. S. 12–15).

¹²⁸ К XI в. военные и торговые функции предпринимавшихся походов в целом разделились, хотя, несомненно, купцам приходилось по-прежнему владеть оружием, чтобы защищать свое имущество.

Первое упоминание некоего подворья, где размещались скандинавские наемники Ярослава, содержится в ПВЛ под 1015 г. и в НПЛ под 1016 г. (в действительности, дело происходило вскоре после смерти Владимира и убийства Бориса и Глеба, т. е. в конце лета 1015 г.): возмущенные «насилом» варягов, находившихся на службе Ярослава, новгородцы «избиша» их «во дворе Поромони»¹²⁹. Этот единственный раз упомянутый микропоним наиболее вероятно этимологизируется из др.-исл. *farmannagarðr* «купеческий двор» от *farmaðr* «путешественник; купец, ведущий дальнюю торговлю»¹³⁰. Видимо, для своих наемников, которые появились в Новгороде самое позднее в начале 1015 г. (см. выше), Ярослав отвел отдельный участок — усадьбу или группу дворов.

Следующее сообщение мы находим в «Пряди об Эймунде», одно из условий договора с которым состояло в сооружении специальных «палат» для дружины Эймунда: «Эймунд отвечает: “Прежде всего, ты должен дать нам дом (*þú skalt fá oss eina höll*) и всей нашей дружине”... Ярицлейв конунг велел выстроить им каменный дом (*steinhöll*) и хорошо убрать драгоценной тканью»¹³¹.

Приезд Эймунда на Русь обычно определяется 1019 г. — временем после заключения брака Ярослава и Ингигерд, поскольку в «Пряди» их брак упоминается в связи с приездом Эймунда, а Ингигерд является одним из действующих лиц¹³². Однако, если бы Эймунд действительно оказался на Руси после заключения брака Ярослава и Ингигерд, то он никак не мог бы участвовать в борьбе между Святополком и Ярославом, поскольку к моменту приезда Ингигерд (или несколькими месяцами раньше) Святополк потерпел поражение и бежал. Отношения же Ярослава с Мстиславом совершенно не совпадают с ситуацией, описанной в «Пряди». Для того, чтобы участвовать в первом этапе борьбы за киевский стол, Эймунд должен был оказаться на Руси по меньшей мере за два, а то и три года до ее окончания (если доверять, как это делает большинство исследователей, сообщением первой части саги о том, что Эймунд провел на Руси несколько лет), т. е. в 1016 или 1017 г. Более того, упоминание брака Ярослава и присутствие Ингигерд в числе персонажей пряди, как представляется, вообще не может быть датирующим показателем. «Прядь об Эймунде»¹³³ дошла до нас в составе поздней, XIV века, компиляции «Книга с Плоского острова», и за период ее длительного устного бытования (время ее первоначальной записи, если таковая существовала до XIV в., неустановимо) претерпела существенные

¹²⁹ ПВЛ-1996. С. 62; НПЛ. С. 174.

¹³⁰ Историографию см.: Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 165.

¹³¹ Там же. С. 94 (текст), 107–108 (перевод). См. о договоре: Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295.

¹³² Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 161–162.

¹³³ Возможно, имеет шведское происхождение: Глазырина Г. В. О шведской версии «Пряди об Эймунде» // Норна у источника судьбы. Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 61–69.

изменения — в первую очередь, рассказ о пребывании Эймунда Хрингссона на Руси и службе Ярославу (в основе которого, вероятно, лежит историческое событие) был насыщен повествовательными мотивами, прежде всего, мотивами «военных хитростей»¹³⁴, расцвечивающими деяния Эймунда и подчас замещающими древнерусские реалии, непонятные и неинтересные скандинавскому слушателю¹³⁵. Однако с именем Ярослава неразрывно связанными в сознании скандинавов были рассказы о его браке с Ингигерд, и не удивительно, что в «Пряди» мы находим практически весь комплекс мотивов, встречаемых в этих рассказах: энергичность и находчивость Ингигерд (в противоположность тугодумию Ярослава), щедрость княгини-шведки (в противоположность скупости русского князя), намек на любовную связь Ингигерд и Олава Святого и др.¹³⁶. Появление Ингигерд в качестве активно действующего лица лишь в конце «Пряди», наиболее «беллетризованном» и, скорее всего, не отражающем историческую реальность (рассказ о ссоре Эймунда с Ярославом и последующем примирении с помощью Ингигерд, в результате чего Полоцк отдается в удел Эймунду и его потомкам), представляется весьма показательным. В части «Пряди», восходящей к рассказам о деяниях Эймунда на Руси, Ингигерд присутствует лишь номинально: возможно, ее имя не упоминалось в исходных повествованиях, а острой необходимости в ее введении в нарратив не имелось: антагонистом Эймунда, оттеняющим «героичность» викинга, является Ярослав. Во второй же части Эймунд и Ярослав становятся противоборствующими персонажами, и место мудрого советника Ярослава занимает, следуя традиции, Ингигерд. Поэтому ее появление в «Пряди об Эймунде» следует считать, как мне представляется, данью устной повествовательной традиции Скандинавии, а не отражением реального факта, тем более датирующего время появления Эймунда на Руси¹³⁷. Думается, что единственными отправными датами (и то условно) здесь могут служить лишь смерть Владимира Святославича летом и, может быть, возвращение Олава Харальдссона в Норвегию осенью 1015 г.

Впрочем, когда бы Эймунд ни оказался на Руси, в 1015–1020 гг. в Новгороде обособляется участок, на котором возводятся постройки для проживания варяжских наемников Ярослава. Вероятность того, что скандинавы жили

¹³⁴ Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy. P. 65–89; Мельникова Е. А. Был ли Ярослав убийцей своего брата?

¹³⁵ Так, например, почти не известные в Скандинавии печенегки заменяются в одном из эпизодов борьбы Ярицлейва и Бурицлава хорошо знакомыми, но включенными в устную традицию в легендарно-мифологическое поле бьярмами.

¹³⁶ См. выше примеч. 96.

¹³⁷ Крайне любопытна фраза, приписываемая автором «Пряди» Эймунду перед введением Ингигерд в действие: Эймунд советует Вартилаву Полоцкому не спешить, поскольку «отсрочка — лучше всего, когда дело плохо, и еще нет Ингигерд княгини, которая решает за них всех, хотя конунг — вождь этой рати» (Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 117). Из текста «Пряди» остается неясным, что имеется в виду под отсутствием Ингигерд.

в Новгороде не рассредоточено, но компактно размещались на ограниченной территории, подтверждается крайней — я бы сказала, парадоксальной — многочисленностью скандинавских древностей на территории города.

Хотя расположение «двора Поромоня» неизвестно, можно предположить, что оно определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, он должен был находиться неподалеку от Дворища, где — в отличие от предшествующих и последующих князей, которые жили на Городище, — находилась резиденция Ярослава Мудрого. Во-вторых, скандинавы, как наемники, так и купцы, приходили в Новгород на кораблях по Волхову и вряд ли жили на большом расстоянии от своих кораблей, которые требовалось разгружать, ремонтировать и, прежде всего, охранять от далеко не всегда доброжелательно настроенных новгородцев. Поэтому их подворье должно было располагаться, с одной стороны, неподалеку от Ярославова дворища, с другой — как можно ближе к Волхову.

Именно этим условиям отвечает местоположение Готского двора, существование которого археологически прослеживается с рубежа XI–XII вв.: он располагался на Торговой стороне немного южнее Ярославова дворища, невдалеке от берега Волхова¹³⁸. На самом берегу Волхова против Готского двора, по описанию «Устава о мостех» (1265–1267 гг.)¹³⁹, находился «Гаралдов вымол», т.е. пристань, причал Харальда, за сохранность которого отвечали «гте» — «готландцы», т.е. власти Готского двора. Представляется в высшей степени вероятным предположение А. Л. Хорошкевич, что это название причал получил еще в 1030–1040-е гг. по имени Харальда Сигурдарсона, проведенного более 10 лет на службе у Ярослава и в Византии и женатого на Елизавете Ярославне¹⁴⁰. О древности микротопонима говорит тот факт, что к середине XIII в. личное имя в его составе утратило исторические коннотации и подверглось деформации: в других списках «Устава» имеются варианты, очевидным образом искажающие и русифицирующие имя *Харальд*: Вералдов, Гелардов, Алфердов, Афедоров¹⁴¹.

С деятельностью Харальда Сигурдарсона может быть связано и основание церкви св. Олава, которая, вероятнее всего, была построена на территории скандинавского подворья или поблизости от него, а впоследствии, в середине XIII в., числится принадлежащей Готскому двору¹⁴².

¹³⁸ Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 197–226.

¹³⁹ ПРП-1. С. 206–210 (распределение вымолв — с. 207). О датировке памятника см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 116.

¹⁴⁰ Хорошкевич А. Л. «Гаралда вымол» // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. М., 1991. С. 250–251.

¹⁴¹ ПРП-1. С. 220; Хорошкевич А. Л. «Гаралда вымол».

¹⁴² В латиноязычном проекте договора Новгорода с Любеком и Висбю, предложенном немецкой стороной предположительно в 1268 г. (его сильно отредактированный окончательный вариант на нижненемецком языке был ратифицирован не позднее 1 апреля 1270 г.), определяются владения

Впервые церковь св. Олава в Новгороде упоминается в рунической надписи на камне из Шюсты (Упланд, Швеция), высеченной мастером Эпиром, который работал в последние десятилетия XI в. или самом начале XII в.¹⁴³. Стела установлена в память о некоем Спяльбуди, который «умер в Хольмгарде (Новгороде. — Е. М.) в церкви Олава». В XII в. «варяжская» церковь (без указания патрона) называется в НПЛ в числе церквей, сгоревших во время пожаров 1152 и 1181 гг.¹⁴⁴, и наличие в Новгороде скандинавских священнослужителей отмечается в «Вопрошании Кирика» (XII в.), где поднят вопрос о наказании для тех, кто носил «к варяжскому попу дети на молитву»¹⁴⁵. Последнее косвенно указывает на популярность церкви св. Олава среди местных жителей — ибо именно на них, а не на находившихся в Новгороде проездом скандинавов, должно распространяться наказание. Наконец, в проекте договора Новгорода с немецкими городами (вторая половина XIII в.) указана принадлежность церкви св. Олава Готскому двору¹⁴⁶. Таким образом, существование церкви св. Олава в Новгороде с конца XI — начала XII в. надежно засвидетельствовано письменными источниками¹⁴⁷.

Время же ее основания неизвестно, но, как представляется, может быть предположительно установлено по сообщениям древнескандинавских текстов, посвященных чудесам св. Олава.

Почти сразу после смерти Олава Харальдссона распространяются рассказы о чудесах, происходящих на месте его погребения, и летом 1031 г. «дружинный» епископ Олава Гримкель с согласия и в присутствии Свейна Альвивусона обнаруживает нетленные останки конунга, переносит их в Нидарос (совр. Тронхейм), где погребает в основанной Олавом церкви св. Климента, и объявляет Олава святым¹⁴⁸.

Древнейшие рассказы о чудесах первого скандинавского святого¹⁴⁹ нашли отражение в двух скальдических поэмах, сочиненных в течение деся-

Готского двора, среди которых называется церковь св. Олава (Андреевский И. П. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855. С. 30. Примеч. 93).

¹⁴³ Мельникова Е. А. СРН ННИ. № Б—III.7.29. С. 338—339.

¹⁴⁴ НПЛ. С. 29 и 215, 37 и 226 и др.

¹⁴⁵ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 60.

¹⁴⁶ Андреевский И. П. О договоре Новгорода. С. 30. Примеч. 93.

¹⁴⁷ Аналогичной датировки — но основания Готского двора — по археологическим данным придерживается Е. А. Рыбина (Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 19). Попытки исключить надпись из Шюсты из числа ранних источников, упоминающих церковь св. Олава, основаны на устаревшем и давно уже не признаваемом никем из рунологов чтении надписи О. фон Фрисеном (см.: Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 338—339).

¹⁴⁸ КЗ. С. 372. Официальная канонизация Олава папской курией состоялась только в XII в. См.: Metzler J. Olav Haraldsson // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1936. Sp. 695 ff.

¹⁴⁹ Общий обзор чудес св. Олава см.: Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Norsk litteraturvitenenskap i det 20. århundre. Festschrift til Fr. Bull. Oslo, 1938. S. 121—133; Whaley D. The Miracles of S. Olaf in Snorri Sturluson's *Heimskringla* // Proceedings of the Tenth Viking Congress / J. Knirk. Oslo, 1987. P. 325—342.

тителетия, последовавшего за смертью Олава: «Песни о тиши на море» («Glælongskviða») Торарина Славослова (1030–1036 гг.)¹⁵⁰, скальда Кнута Великого, и в «Поминальной драпе» («Erfidgrá») Сигвата Тордарсона (ок. 1040 г.)¹⁵¹, дружинного скальда Олава, а также в последующих сагах об Олаве Святом и посвященных ему агиографических произведениях. Они включали два основных комплекса чудес: знамения и исцеления.

Повествования о чудесах-исцелениях возникли непосредственно вслед за переносом мощей Олава в Нидарос, и описываются уже в поэмах Торарина и Сигвата, причем в поэме последнего, написанной примерно через десять лет после канонизации Олава, впервые приводится чудо-исцеление, место действия которого — Русь: «...еще сохраняются те волосы, которые выросли на его (Олава. — *Е. М.*) светлой голове и которые вернули зрение Вальдемару в Гардах (на Руси. — *Е. М.*); он освободился от своего порока»¹⁵².

Другой сюжет чуда-исцеления, произошедшего на Руси, представлен в «Легендарной саге об Олаве Святом» (начало XIII в.). Речь в нем идет об исцелении мальчика от нарыва в горле: местная женщина по совету жены Ярослава Мудрого, шведской принцессы Ингигерд, привела больного к Олаву, находившемуся в то время на Руси¹⁵³. Автор саги специально подчеркивает, что о чудотворных способностях Олава знает лишь Ингигерд — они еще не открылись всему миру. Этот сюжет не имеет параллелей среди других чудес св. Олава, более того, он едва ли не единственный, посвященный прижизненному чуду Олава.

Особенностью этих двух чудес с местом действия на Руси, как и чудес-знамений и значительного числа других чудес-исцелений, которые по преимуществу происходят в Норвегии, является их «бытовой» характер. Повествования о них просты в композиционном отношении, насыщены бытовыми подробностями, исцеленными оказываются люди низкого или неопределенного социального статуса. Святой максимально приближен к своим почитателям: он сам (лично или через посредство мощей) исцеляет их. Эти рассказы образуют своего рода «народный» пласт преданий о св. Олаве, формировавшийся в значительной степени спонтанно.

Чрезвычайный интерес представляет то, что в Норвегии уже в первое десятилетие после смерти Олава становятся известны рассказы об исцелениях, состоявшихся на Руси. Вряд ли они могли возникнуть в иной среде, нежели скандинавские поселенцы и путешественники на Руси, которые должны были

¹⁵⁰ *Pórarinn loftunga. Glælognskviða // Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. B: Rettet text. København, 1973. Bd. I: 800–1200. S. 300–301.*

¹⁵¹ *Sighvatr Þórðarson. Erfidrápa Óláfs helga // Ibid. S. 244–245.*

¹⁵² *Ibid. S. 244. Перевод на русск язык: Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 69 (текст), 83 (перевод), 188–189 (комментарий).*

¹⁵³ Там же. С. 41 (текст), 44 (перевод), 181–182 (комментарий).

поддерживать тесные связи с Норвегией: за неполные десять лет известие об установлении почитания Олава дошло до них, распространилось настолько, что породило местные повествования о совершенных Олавом чудесах, и одно из таких повествований вернулось на родину к 1040 г., когда была сложена «Поминальная драпа»¹⁵⁴.

Агиографические произведения, включающие чудеса св. Олава, появились также вскоре после его местной канонизации: епископ Гримкель составил «отчет» о знамениях святости Олава и переносе его останков в Нидарос (недошедшее «*Translatio Sancti Olavi*»). Древнейший из сохранившихся памятников этого круга — «Страсти и чудеса блаженного Олава» — был написан около 1170 г. нидаросским епископом Эйстейном, видимо, в связи с предстоящей официальной канонизацией¹⁵⁵. Вскоре после 1170 г. «Страсти» были переработаны под названием «Деяния святого Олава, короля и мученика»¹⁵⁶. В них происходит «канонизация» состава чудес: Эйстейн отбирает 20 сюжетов, которые образуют своего рода «канонический» свод чудес св. Олава. На рубеже XII–XIII вв. он переводится на норвежский язык в составе так называемой «Норвежской книги проповедей» и оттуда попадает в многочисленные легендарии и книги проповедей.

Среди включенных Эйстейном в «свод» 20 новелл представлены только четыре, действие которых локализовано за пределами Скандинавии¹⁵⁷: два чуда — в Новгороде и два — в Константинополе. Первое из «русских» чудес — исцеление немом юноши¹⁵⁸, второе — спасение Новгорода от пожара¹⁵⁹. Принципиальное отличие обеих этих новелл от ранних «русских» чудес состоит в том, что в центре событий оказывается церковь св. Олава в Новгороде. Помощь страждущим св. Олав оказывает не прямо, а через ее посредство. В первом случае немой юноша едет в Новгород, чтобы в церкви св. Олава получить помощь святого. Во втором — новгородцы обращаются к священнику церкви св. Олава по имени Стефан с просьбой спасти их от пожара, Стефан выносит «образ» Олава, который останавливает распространение огня. Таким образом,

¹⁵⁴ Почитание св. Олава продолжалось в Новгороде достаточно длительное время: имя Олава, наряду с именами других скандинавских и английских святых (король Дании Кнут, убит в 1086 г., канонизирован в 1101 г.; его брат Бенедикт, убитый и канонизированный одновременно с ним; Албан, англо-саксонский святой, мощи которого были перевезены в Данию Кнутом; оркнейский ярл Магнус, убит в 1115 г., канонизирован в 1135 г.) было включено в литанию «Молитвы св. Троице», составленной в середине XII в. (*Линд Дж.* Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII в. // ИСССР. 1991. № 6. С. 188–198).

¹⁵⁵ *Passio et miracula beati Olavi* / F. Metcalfe. Oxford, 1881.

¹⁵⁶ *Acta sancti Olavi regis et martyris* // MHN. S. 125–144.

¹⁵⁷ Среди чудес, упоминаемых в сагах и других произведениях, представлено некоторое число чудес, действие которых локализуется в Дании, Англии, Вендланде.

¹⁵⁸ *Passio*. P. 93–94; *Acta*. No. XIX. S. 143–144; *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 128–129, 191–192.

¹⁵⁹ *Passio*. P. 89; *Acta*. No. XIV. S. 142; *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 128–129, 189–190.

эти чудеса не только демонстрируют чудотворную силу святого, но они помещают в эпицентр сюжета церковь и ее священнослужителей как посредников между святым и его почитателями.

Чудес, связанных с основанием или функционированием церквей св. Олава, известно очень немного (помимо «русских», к ним принадлежат оба византийских¹⁶⁰, и чудесное возникновение на месте первоначального захоронения Олава в Стикластадире целебного источника, над которым была возведена церковь¹⁶¹). Целью этих новелл было прославление не только святого, но и самой церкви, пользующейся его специальным покровительством. Выдвижение церкви как обязательного посредника между страждущими и Олавом указывает на «храмовый» характер новелл и позволяет предположить, что повествования об исцелении немого юноши и спасении от пожара возникли в Новгороде не просто в скандинавской («варяжской») среде, как ранние чудеса об исцелении, а в кругу клира и прихожан церкви св. Олава. Именно эта особенность новелл, видимо, и побудила епископа Эйстейна выбрать их из числа многих других и включить в составляемый им «канонический» свод. Тем самым Эйстейн подчеркивал и распространенность почитания святого — вплоть до далеких Новгорода и Константинополя, и существование там церквей в честь святого, и его особое благоволение к этим церквям и их служителям.

Как указывалось выше, почитание св. Олава в Новгороде возникает в 1030-е гг., когда появились первые местные (новгородские) рассказы о чудесах святого. В это же время в Скандинавских странах широко распространяется культ св. Олава как покровителя купцов и воинов¹⁶². После прихода к власти его сына Магнуса в 1036 г. Олав становится святым патроном Норвегии и покровителем норвежской королевской династии. Но уже и в 1030-х гг. сводный брат Олава Харальд Сигурдарсон, находясь в Византии, подчеркивает свою близость к брату и апеллирует к его покровительству как святого, о чем говорят единственное в византийской литературе упоминание Олава как брата Харальда¹⁶³ и рассказы о явлениях и чудесной помощи ему Олава, в частности, рассказ об освобождении Харальда из тюрьмы в Константинополе¹⁶⁴.

Пропагандируя и насаждая почитание своего сводного брата среди вэрингов в Византии, Харальд — его искренний последователь — вряд ли мог не делать того же во время своего — достаточно длительного (саги говорят

¹⁶⁰ См. подробнее: Мельникова Е. А. Культ святого Олава в Новгороде и в Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 98–106.

¹⁶¹ ÓSH. Kap. 245 (КЗ. С. 373).

¹⁶² Friedland K. Sankt Olav als Schutzpatron nordeuropäischer Kaufleute // St. Olav, seine Zeit und sein Kult. 17–26.

¹⁶³ Византийский писатель называет Харальда «братом Юлафа, который после смерти своего отца и занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в царстве» (Кекавмен. Советы и рассказы / Г. Г. Литаврин. М., 1972. С. 282).

¹⁶⁴ Haralds saga Hárfraða. Kap. 14 (КЗ. С. 409).

о нескольких годах)¹⁶⁵ — пребывания на Руси, тем более что в Новгороде аудитория была несравненно более благодатной. Во-первых, она была значительно большей, нежели в Константинополе. Во-вторых, как приезжие скандинавы (купцы и воины), так и местные жители (среди которых были потомки осевших ранее варягов) не могли не помнить о приезде Олава, особенно потому, что его сын Магнус все еще находился на воспитании у Ярослава. Маловероятно, чтобы симпатии новгородских скандинавов, в противоположность отношению Ярослава Мудрого, были на стороне противников Олава. Более того, прекращение торговых отношений с Норвегией и гонения на норвежцев после прихода к власти в Норвегии Свейна Альвивусона также должны были активизировать воспоминания об Олаве. Поэтому в 1030-х гг. как сама обстановка в Новгороде, так и приезд Харальда способствовали возникновению и распространению почитания Олава.

Весьма подходящим было это время и для основания посвященной Олаву церкви. Пребывание Харальда, ярого почитателя своего брата, с группой воинов, служивших ранее святому конунгу, увеличило в Новгороде скандинавский контингент, причем весьма активный. Покровительство Ярослава и Ингигерд также открывало благоприятные возможности для строительства церкви. Столь удачное стечение обстоятельств уже никогда больше не повторится. Поэтому, несмотря на отсутствие прямых свидетельств, можно предполагать, что «варяжская» церковь, посвященная св. Олаву, была основана в Новгороде именно в период пребывания на Руси Харальда Сурового Правителя¹⁶⁶.

Основание церкви для скандинавов, приезжавших или постоянно проживавших в Новгороде, имело важное значение не только в конфессиональном и культурном аспектах, но и для упорядочения торговых связей Новгорода со Скандинавскими странами: церкви, учреждаемые иноземцами в городах Балтийского региона, служили далеко не только местом отправления культа. Наряду со своей основной, богослужебной, функцией они предоставляли купцам место для хранения товаров; пристройки к церкви могли использоваться для временного проживания купцов и их слуг, клир церкви оказывал

¹⁶⁵ Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 89.

¹⁶⁶ П. Йохансен полагал, что церковь св. Олава была основана еще немного раньше — во время пребывания самого Олава в Новгороде в 1029–1030 гг. (*Johansen P. Novgorod und Hanse // Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Lübeck, 1953. S. 235*), что представляется маловероятным. С одной стороны, Олав пробыл на Руси весьма короткое время, причем неизвестно, находился ли он по большей части в Новгороде или в Киеве (сведения о местопребывании Ярослава в 1029 г. отсутствуют, в 1030 г. в ПВЛ сначала отмечается взятие им Белзы на юго-западе Руси, а затем поход на чудь и основание Юрьева — последняя акция действительно могла осуществляться из Новгорода). С другой стороны, если даже Олав и основал в Новгороде церковь для скандинавов, свое посвящение она никак не могла получить ранее второй половины 1031 г., когда Олав был объявлен святым.

разнообразную помощь купцам в новой для них обстановке¹⁶⁷. Итак, церковь иноземных купцов — при отсутствии торгового двора — являлась до определенной степени его заменой. Поэтому трудно переоценить значение основания церкви св. Олава в Новгороде для организации торговли скандинавских купцов.

Таким образом, источники разного времени, пусть и с большими перерывами и лакунами недвусмысленно указывают на то, что еще в правление Ярослава Мудрого в Новгороде был выделен участок (подворье) для размещения скандинавских наемников, который обстраивался на протяжении первой половины XI в., став также местом пребывания скандинавских купцов, а позднее получив статус торгового (Готского) двора.

* * *

Отрывочность и разрозненность сообщений о русско-скандинавских связях XI в. не позволяет воссоздать их картину в полном объеме. Тем не менее, даже те сведения, которыми мы располагаем, говорят о ряде кардинальных перемен, произошедших или завершившихся в эпоху Ярослава Мудрого.

Первой и важнейшей из них был переход от личностных, спонтанных к межгосударственным и системным отношениям. На смену неуправляемому и неконтролируемому притоку отдельных викингских отрядов из разных Скандинавских стран приходят обусловленные внутривнутриполитическими интересами Ярослава и Руси в целом контакты с каждым из Скандинавских государств в отдельности. Ныне регулируемое и вызываемое конкретной ситуацией рекрутирование военных сил производится путем не прямого договора с предводителем отряда, а путем обращения к верховному правителю соответствующего Скандинавского государства, который уже сам формирует войско, направляемое на помощь Ярославу.

Вторым важным новшеством был перенос доминирующего направления внешней политики с Византии на Запад и Север, что диктовалось внутривнутриполитической обстановкой начального периода правления Ярослава: необходимостью противостоять Святополку и поддерживающей его Польше. В этой борьбе получить помощь было возможно не из Византии, но только на Западе и, особенно, на Севере в силу издавна сложившихся традиций русско-скандинавских отношений. Балтийский регион занимает во внешней политике Руси эпохи Ярослава едва ли не центральное место. Прекрасная осведомленность о происходящих в этом регионе событиях и активное использование Ярославом меняющихся отношений между самими Скандинавскими странами свидетельствуют о формировании системной внешней политики Ярослава на Балтике.

¹⁶⁷ Johansen P. Kaufmanns Kirche im Ostseegebiet // Konstanzer Arbeitskreis für Geschichte. Vorträge und Forschungen. Lindau; Konstanz, 1958. Bd. 4. S. 499–525.

Существенно расширяются и становятся разнообразнее формы межгосударственных отношений, военно-политических, торговых, культурных и конфессиональных. Военно-политические и торговые контакты со Скандинавскими странами начинают предполагать обмен посольствами, впервые подвергаются дипломатической регламентации и становятся предметом заключаемого «мира» — договора. Как и в предшествующее время — но теперь на государственном уровне — заключаются династические браки, скрепляющие установление дружественных или союзнических отношений Руси со странами Балтийского региона. Наконец, осуществляется прямое вмешательство в дела Скандинавских стран методами «тайной дипломатии», обеспечивающими желаемый для Ярослава результат.

При всех противоречиях между Восточной и Западной церквями (а также отдельными диоцезами Западной церкви между собой) до конца жизни Ярослава христианская церковь оставалась единой, что способствовало как проникновению отдельных культов (в частности, культа св. Олава) и элементов западного христианства на Русь, так и восточнохристианским влияниям на Скандинавские страны¹⁶⁸. Интенсивный культурный взаимообмен отмечается в декоративном и изобразительном искусстве¹⁶⁹.

Таким образом, переход от личностных отношений к межгосударственным, который произошел в эпоху Ярослава Мудрого, существенно обогатил и расширил взаимодействие древнерусского и древнескандинавского миров.

(Впервые опубликовано: Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 78–133)

¹⁶⁸ См. статьи в сб.: *Östliga kyrkoinflutande i Norden* / Н. Janson. Gothenburg, 2005.

¹⁶⁹ См.: *Васильева С. Я.* Традиции византийского искусства в художественной культуре XII в. о. Готланд // СВ. 2008. Вып. 71 (в печати) [Опубликовано в: СВ. 2007. Вып. 68. С. 177–196. — *Прим. ред.*].

Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе

В обширной литературе, посвященной торговле скандинавских стран в IX–XIV вв., неоднократно отмечается существование торговых объединений, которые обозначались словом *félag*¹. Однако сущность этого института, его социально-экономические основы и юридический статус, а также возможности его типологического сопоставления с аналогичными торговыми организациями Западной Европы того же времени еще не получили достаточного освещения. Более того, сам термин *félag*² далеко не однозначен, и его содержание, особенно в ранний период, отраженный в рунических надписях, продолжает оставаться дискуссионным³. Поэтому прежде чем обратиться к характеристике института *félag*, представляется существенным выяснить значения этого слова более подробно.

Слово *félag*⁴ (*félagskap*, и его производное *félagi*) широко распространено в различных письменных памятниках Скандинавских стран: рунических надписях (около 20 случаев), сагах и областных судебныхниках. Могут быть выделены четыре основных значения слова.

1. В ряде саг оно встречается в широком значении «дружба», а *félagi* — «друг, товарищ, приятель»⁵, что подчеркивается альтернативным употреблением слова *vin* («друг»)⁶.

¹ См. новейшие работы: Foote P., Wilson V. The Viking Achievement. L., 1970. P. 97–100; Ebel E. Kaufmann und Handel auf Island zur Sagazeit // Hansische Geschichtsblätter. Köln, 1977. Jg. 95. S. 16–21.

² Характеристика слова *félag* как термина условна, т. к. степень его терминологизации в рунических надписях и сагах неясна.

³ *Félag* рассматривается как «компания для создания капитала для торговых поездок» М. М. Ларуссоном (*Lárusson M. M. Félag* // KLNМ. 1959. В. IV. Sp. 212–213) и др. См. также: Ruprecht A. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958. S. 69–72; Johnsen O. A. Norges handel og skibfart i middelalderen // Nordisk kultur. Stockholm, 1933. В. XVI A. S. 134. В противоположность этому, Л. Якобсен считает *félag* рунических надписей исключительно обозначением дружины, военного отряда (DR. В. 1. Sp. 649).

⁴ Гудбранд Вигфуссон и Р. Клизби рассматривают его как производное от *leggja fé* — «складывать, объединять имущество», т. е. «компания, товарищество»; соответственно *félagi* — «партнеры, компаньоны» (*Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 150*). Я. де Фрис указывает, что оно происходит от слов *fé* и *lag*, т. е. «уложение, закон об имуществе» (*de Vries J. Altisländische etymologische Wörterbuch. Leiden, 1957–1961. S. 116*).

⁵ «Тогда Хальфред сказал: «Хорошо бы, друг (*félagi*), чтобы тебе повезло больше, чем мне при встрече с Хравном» (*Gunnlaugs saga* / H. Reuschel. Halle, 1957. S. 59; см. также: Hænsa-Þóris saga / W. Baetke. Halle, 1953. S. 40). Гудбранд Вигфуссон и Р. Клизби не отмечают этого значения слова.

⁶ «Годи, друг (*félagi*, во втором списке — *vin*) Видги» (*Þíðreks saga af Bern* / H. Bertelsen. Kjöbenhavn, 1908. В. I. S. 173).

2. Им обозначается объединение имущества несколькими людьми на время викингского похода⁷ и вытекающие из этого объединения отношения между людьми — участниками «товарищества». «Побратимами и сотоварищами» (*fóstbræðr ok félag*) названы Эймунд и Олав Харальдссон, участвовавшие в военном набеге⁸. Бесспорно о воинах-сотоварищах идет речь в двух рунических текстах из Гордстонга⁹ и Хедебю¹⁰. Показательно, что во всех случаях «сотоварищами» являются два-три человека, которые одновременно входят в более широкую организацию — дружину, войско (ср. в надписи из Хедебю: Торольв — «сотоварищ Эйрика» и «дружинник Свейна»). На вероятный нетерминологический характер этого значения слова *félag* указывает его использование — правда, в редких случаях, — как синонима к терминам, обозначающим дружину (*grið*) и вообще военный отряд (*lið*)¹¹.

3. В судебниках более позднего времени и в первую очередь в «Законах Гулатинга» (древнейшая запись середины XIII в.) содержатся указания на *félagskap* как специфическую форму объединения имущества супругов, при котором муж, приобретая право распоряжения имуществом жены, не становится его владельцем¹². В сагах это значение не отмечается. Можно предполагать, что это терминологическое значение развилось в связи с эволюцией семейного права позднее, чем первое, второе и четвертое.

4. И, наконец, слово *félag*, засвидетельствованное всеми источниками в самом распространенном — по сравнению с тремя предшествующими — значении, встречается в связи с упоминаниями походов, предпринимавшихся с торговыми целями¹³.

Подробнее всего такие торговые поездки изображены в сагах, где рассказывается об обстоятельствах, сопутствующих организации «товарищества». Наиболее существенными представляются следующие моменты: предварительная договоренность между «партнерами» о совместном приобретении корабля

⁷ «Ульвом звали одного человека. Когда он был молодым, то ходил в викингские походы. С ним в товариществе (*i félagskap*) был человек, которого звали Кари из Бердлы... У них с Ульвом был общий кошелек» (*Egils saga Skallagrímssonar*. Кар. I).

⁸ *Eymundar saga. Hafniae*, 1833. S. 8.

⁹ «...и Гуннар установили камень по своему сотоварищу (*filaka sin*). Они, воины, были ... в викингском походе» (*DR. B. 1. Sp. 375–376; DR 330*).

¹⁰ «Торольв, дружинник Свейна, установил этот камень по Эйрику, своему сотоварищу (*filaga sin*). Он погиб, когда воины осадили Хедебю» (*DR. B. 1. Sp. 5–9; DR 1*).

¹¹ *Þiðreks saga af Bern*. S. 173, 144, 149, 152, 153.

¹² На это значение слова автору любезно указал В. А. Закс. См.: *Gulaping lov. § 53 // NGL. 1846. B. I. S. 28–29. Ср.: Söderwall K. F. Ordbok öfver svenska medeltidsspråket. Lund, 1884–1918. B. I. S. 368; Maurer K. Über altnordische Kirchenverfassung und Eherecht. Leipzig, 1908. S. 645–647. В «Законах Фростатинга» это положение отсутствует.*

¹³ Частичный перечень саг, где присутствует слово *félag* в этом значении, см.: *Lárusson M. M. Félag*.

и товаров и о порядке распределения прибыли¹⁴. В «товариществе» участвуют два-три человека, как правило, не связанные родственными узами¹⁵, более того, это могут быть жители разных скандинавских стран¹⁶. В качестве одного из партнеров может выступать любой свободный вне зависимости от его социального положения, включая конунга¹⁷. Не всегда все партнеры участвуют в походе: один из них может лишь субсидировать поездку, не принимая в ней личного участия¹⁸.

Таким образом, единственным обязательным условием участия в «товариществе» является вложение капитала в торговое предприятие: приобретение части корабля и (или) части товаров¹⁹ или вложение денег для приобретения товаров в том месте, куда направляются купцы²⁰.

«Товарищества» образуются для ведения международной торговли (во всех случаях партнеры едут за пределы собственной страны), но на короткий срок — одну поездку. В сагах нет ни одного указания на продление срока «товарищества» для дальнейшего совместного ведения торговых дел. После возвращения из поездки один из «партнеров» может не участвовать далее в торговле вообще или договаривается с другими лицами.

Более подробно имущественный и правовой статус «товарищества» определяется в древнейших судебныхниках «Серый гусь» (Исландия) и «Законы Гулатинга» (Норвегия). Записанный в конце XII в. первый из них, по мнению большинства исследователей, отражает правовую практику первой половины XII в.²¹. В древнейшей части — в разделе о наследстве (*arfabáttir*) ряд статей посвящен имущественным отношениям, возникающим после смерти одного из «партнеров» между другими и родичами погибшего. «Если люди создали ком-

¹⁴ «После этого Кьяртан купил половину корабля у Кальва, и они договорились делить все добро пополам» (*Laxdæla saga*. Кар. 40; ср. *Eyrbyggja saga*. Кар. 20; *Grettis saga*. Кар. 13).

¹⁵ Во всех перечисленных выше случаях «сотоварищи» не являются родственниками.

¹⁶ Чаше в «товарищество» вступают жители Исландии с норвежскими купцами, приплывшими летом в Исландию (*Grettis saga*. Кар. 13). Этот случай специально оговорен в судебнике «Серый гусь» (см. ниже, примеч. 23).

¹⁷ «Предполагалось, что Карли будет в товариществе (*hafa félag*) с конунгом [Олавом Харальдссоном. — *Е. М.*], и каждый из них будет владеть половиной имущества» (*Saga Olafs Konungs ens Helga* / P. A. Munch, C. R. Unger. Christiania, 1853. S. 133).

¹⁸ В приведенном в примеч. 17 эпизоде Олав Харальдссон остается в Норвегии, а Карли отправляется в Бьярмаланд. Находится в Бергене один из компаньонов, написавший письмо своему «партнеру» «на север»: «Хавгриму, своему компаньону, посылает Торир Красивый добрые пожелания божи и свои, вместе с товариществом (*félagskap*) и дружбой. Сильно не хватает мне компаньона (*félagi*). Нет ни эля, ни рыбы. Я хочу, чтобы ты знал и не требовал. Попроси того бонда приехать к нам на юг и посмотреть, как мы живем...» (*Liestøl A. Runer frå Bryggen // Viking*. 1964. В. 27. S. 14).

¹⁹ «Тости (?) и Хови и Фребьёрн установили этот камень по Ассуру Саксу, своему сотоварищу (*filaka sin*) ... Он владел кораблем вместе с Арном» (DR. В. 1. Sp. 104–105).

²⁰ *Saga Olafs Konungs ens Helga*. Кар. 122.

²¹ *Lárusson O. Grágás // KLMN*. 1960. В. V. Sp. 410–412.

панию (*félag*) здесь в стране (Исландии. — *Е. М.*) и уехали, и один из них умер, то пусть он (оставшийся в живых. — *Е. М.*) не делит компанию (или: совместное имущество (*félagit*). — *Е. М.*) до встречи с наследниками. Пусть он использует все имущество, как было договорено... Если они становятся компаньонами за пределами страны, то пусть он (оставшийся в живых. — *Е. М.*), если хочет, не оставляет дела неразделенным, но оценит имущество, как будто он родич умершего»²².

Положения судебногоника не только подтверждают описательные данные саг, но и вносят ряд новых уточнений. Во-первых, смерть одного из компаньонов не кладет конец деятельности второго, который до завершения поездки (до встречи с наследниками погибшего) имеет право использовать совместное имущество по своему усмотрению. Во-вторых, компаньоны в глазах закона являются доверенными лицами друг друга, отчитывающимися перед наследниками. При отсутствии кровных родственников компаньоны становятся наследниками друг друга, приобретая право на все совместное имущество, как внесенное при образовании «товарищества», так и на полученную в результате его использования прибыль²³.

Наряду с тесной экономической связью компаньонов, следует отметить и возникновение между ними — в глазах общества — более тесной этической связи, нежели можно было бы предполагать для торговых (т.е. чисто экономических) отношений. Об этом свидетельствует, в первую очередь, то, что единственную значительную категорию заказчиков рунических памятников, не являющихся родственниками погибшего, составляют «сотоварищи»²⁴. Исследование родственных отношений между заказчиками рунических камней и погибшими показало, что обязанность установления памятников принадлежала ближайшим кровным родственникам: отцам, братьям, сыновьям, реже племянникам и дядьям²⁵. Круг родственников-заказчиков крайне узок, и включение в число возможных заказчиков «сотоварищей-компаньонов» является важным показателем характера взаимоотношений между ними. В то же время отсутствие в сагах указаний на существование каких-либо ритуалов, сопровождавших заключение «товарищества», может говорить именно о временности, непродолжительности этих связей.

²² Grágás. Hafniae, 1867. S. 211–212.

²³ Аналогичная статья имеется в «Законах Гулатинга»: «Наследством компаньона (*felaga erfð*) называется, когда люди имеют общий кошель (*eigu báðer einn sið saman*), и, [если] один умирает, то другой должен держать и владеть [имуществом, или наследством. — *Е. М.*], пока он жив, если оно не больше трех марок. А если больше, то он имеет половину, а половину — конунг, если наследники не объявятся в течение трех лет» (NGL. B. I. S. 50). О порядке наследования родственников см.: Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971. С. 103–167.

²⁴ Второй категорией заказчиков-неродственников являются дружинники, которые, однако, обычно объединяются с родственниками погибшего (Мельникова Е. А. СРН. С. 185–186).

²⁵ Ruprecht A. Die ausgehende Wikingerzeit. S. 40–50.

О близости компаньонов свидетельствует и квалификация убийства «сотоварища» как *níðingsverk*²⁶, т. е. наиболее тяжелого вида преступления, к которому относятся убийство родича, предательское убийство, убийство без объявления о нем (т. е. тайное убийство). Повинный в таком преступлении обычно приговаривался к изгнанию или объявлялся вне закона.

Таким образом, наиболее распространенным и четко выраженным значением *félag* в рунических надписях, сагах и ранних записях права является обозначение краткосрочного объединения экономического характера двух (реже трех-четырех) человек для участия в военном или торговом походе (четкая дифференциация между ними отсутствует, видимо, из-за смешанного характера самих походов и сходства их целей) на определенных условиях, касающихся как финансирования предприятия, так и распределения прибыли. *Félagi* рассматривается как участник такого объединения.

* * *

Для того же времени засвидетельствовано существование и более высоко организованных торговых объединений — торговых гильдий²⁷, древнейшее упоминание о которых в Скандинавии, возможно, относится к началу XI в. и запечатлено в руническом тексте из Бьелбу: «Воины²⁸ установили этот камень по Грейбу, своему [собрату по] гильдии»²⁹. К первой половине XI в. относится надпись из церкви в Тёрневалла, высеченная в память «Дренга, сына Эйгера (?), [собрата по] гильдии»³⁰. Однако безоговорочная интерпретация этих двух текстов как свидетельств существования в первой половине XI в. торговых

²⁶ «... установили [этот камень] по Хельги, своему брату. А Ассур убил его и совершил злодеяние (*níþiks uerk*), погубил своего сотоварища (*felaka sin*)» (SR. 1953. В. IX. Н. 1. S. 73–76; Söderby, Up 954).

²⁷ Происхождение гильдий у германских народов — вопрос дискуссионный. Наиболее распространен взгляд на их спонтанное развитие из языческих культовых сообществ в раннее средневековье (*Wilda W. E.* Das Gildewesen im Mittelalter. B., 1831; *Pappenheim M.* Die altdänischen Schutzgilden. Leipzig, 1885; *Hegel K.* Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter. Leipzig, 1891. Bd. 1–2.; *Foote P., Wilson D. M.* The Viking Achievement. P. 98–99; *Thrupp S. L.* The Guilds // The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1953. Vol. III. P. 230–280). Согласно другой точке зрения, гильдии возникли в каком-то одном месте германского мира (Англии или Фризии) и затем распространились в другие страны (*Bugge A.* The Earliest Guilds of Northmen in England, Norway and Denmark // *Sprogliche og historiske afhandlinger viede Sophus Bugges minde.* Kristiania, 1908. S. 197–209).

²⁸ Перевод слова *triki* как «воины» в значительной степени гипотетичен. Основные значения древнеисландского *drengr*: 1) молодой, неженатый человек; 2) воин. Какое из значений превалирует здесь — неясно. Подробнее о термине *drengr* и связанной с его интерпретацией дискуссией см.: *Мельникова Е. А.* СРН. С. 187–188.

²⁹ SR. 1911. В. II. Н. 1; Bjälbo, Ög 64.

³⁰ *Jansson S. B. F.* A Newly Discovered Rune Stone in Törnevalla Church, Östergötland // Early English and Norse Studies Presented to Hugh Smith. L., 1963. P. 110–119.

гильдий в Бьельбу и Тёрневалла³¹ вызывает определенные сомнения. В первую очередь, это связано с отсутствием контекста, который мог бы прояснить значение слова *gildi*³². Во-вторых, других свидетельств о существовании торговых гильдий в этих двух центрах нет и для более позднего времени. В-третьих, Нидаросская гильдия, по свидетельствам саг, первая в Норвегии, была создана во второй половине XI в. на основе объединения для организации коллективных пиршеств (*hvirfingsdrykkja*)³³. Не исключено, что в данных текстах *gildi* синонимично *hvirfingsdrykkja* и отнюдь не означает торговую корпорацию. Во всяком случае, положительных аргументов в пользу предположения С. Янссона пока представлено не было.

Более определенные сведения о гильдиях в Швеции сообщаются двумя руническими надписями из Сигтуны, относящимися к середине XI в.³⁴. Однако речь в них идет не о сугубо местной, скандинавской, а о «фризской гильдии»: обе надписи начинаются словами *frisa kiltar* — «члены фризской гильдии». Из-за отсутствия подробных данных трудно сказать, что именно представляла собой «фризская гильдия»: было ли это объединение фризских купцов, приезжавших в Сигтуну и ведших регулярную торговлю со Швецией и другими скандинавскими странами³⁵, или организация, охватывавшая фризское население Сигтуны³⁶, или объединение шведских купцов, торговавших с Фризией³⁷. Очевидно лишь, что в середине XI в. национальный состав гильдии был смешанным, и в нее входили и фризы, и шведы, т. к. имена, упомянутые в текстах, как шведского (*Slóði, Þórkell*), так и фризского (*Alboð*) происхождения³⁸.

Существование торговых гильдий в крупнейших фризских городах (Дорестад и др.) известно по западноевропейским латиноязычным источникам

³¹ Ibid.; Wessén E. in: SR. 1945. B. VII. H. 2. S. 140; Foote P., Wilson D. M. The Viking Achievement. P. 98.

³² Первоначальное значение слова *gildi* в скандинавских языках: «пир, празднество, совместное участие в пиршестве» (*Cleasby R., Gundbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. S. 199*), а также «пища», которое встречается в скальдических висах скальда Кормака (*Gauta gildi* — «напиток Одина») и в «Перечне размеров» в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона (*búa úlfum gildi* — «давать пищу волкам»). В этом же значении *gildi* неоднократно встречается и в сагах (например, Egils saga Skallagrímssonar. Kap. 7).

³³ Bugge A. The Earliest Guilds of Northmen. S. 205–208.

³⁴ «[Члены] фризской гильдии велели установить этот камень по Торкелю, своему [собрату по] гильдии (*kilta sin*)» (SR. 1945. B. VII. H. 2. S. 138–149; Up 379); «[Члены] фризской гильдии... эти [руны] по Альбоду, сотоварищу (*felaha*) Слоди...» (Ibid. S. 161–165; Up 391).

³⁵ Wessén E. in: SR. 1945. B. VII. H. 2. S. 147.

³⁶ Schuck H. Birka. Stockholm, 1910. S. 19; Tunberg S. Studier rörande Skandinaviens äldsta politiska indelning. Stockholm, 1911. S. 200.

³⁷ von Friesen O. Ur Sigtunas äldsta historia // Upplands Fornminnesföreningens Tidskrift. 1908. H. 26, 13. Его мнение разделяет А. Бюрге (Bugge A. Altschwedische Gilden // Vierteljahrbuch für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1913. Bd. XI. S. 129–156).

³⁸ О личных именах подробнее см.: SR. 1945. B. VII. H. 2. S. 146.

и в более раннее время³⁹. Есть указания на постоянное пребывание фризских купцов в Бирке (X в.). Сигтуна же в XI в. была крупнейшим восточнобалтийским торговым центром, где велась торговля как с Западной, так и с Восточной Европой. Основание шведско-фризской гильдии в Сигтуне отвечало задачам ведшейся в ней широкой международной торговли, требовавшей более устойчивых форм.

Таким образом, к середине XI в. в Швеции существовали две формы объединений людей, занимающихся международной торговлей: *félag* — «товарищество» и *gildi* — «гильдия». Различие между ними, как можно полагать, было достаточно очевидно самим членам этих организаций, поскольку в надписи Ур 391 употреблены оба термина одновременно, в сходной же надписи Ур 379 — лишь один в двух случаях. Оба текста заказаны членами фризской гильдии. Однако, если стела Ур 379 воздвигнута в память об их сочлене, то Ур 391 установлена в честь человека, очевидно, не являвшегося членом гильдии, иначе не требовалось бы его определение через третье лицо⁴⁰. Связь между погибшим, Альбодом, и «членами фризской гильдии», таким образом, считается ими самими не прямой, а опосредованной через его отношения со Слоди, который, как можно предполагать, — член фризской гильдии.

При сопоставлении обеих сигтунских надписей отчетливо вырисовывается одно из существенных различий между этими двумя институтами⁴¹: коллективный характер связей в одном (*gildi*) и более узкая, частная основа взаимоотношений в другом (*félag*). Для первого нормальным является соотнесение одного лица со всем коллективом («члены гильдии — своему сочлену»). Индивид связан не с другим индивидом непосредственно, а с организацией в целом и лишь через нее — со своими сочленами. В «товариществе» взаимоотношения между индивидами строятся исключительно на основе личной связи, личной договоренности, поэтому естественно соотнесение имени погибшего с другим лицом, а не с коллективом («члены гильдии — сотоварищу Слоди»).

Хотя оба института сосуществуют в Швеции XI в. и продолжают сосуществовать длительное время, очевидно, что они типологически неодновременны. Представляется, что «товарищество» является стадияльно более ранним образованием: в нем синкретически совмещаются различные виды деятельности; оно опирается на личные связи между отдельными индивидами и носит эпизодический характер. Напротив, гильдия даже в своих ранних формах пред-

³⁹ Wadstein E. Frieserna och forntida handels vägar i Norden. Göteborg, 1920; Rohwer B. Der friesische Handel des frühen Mittelalters. Kiel, 1937; Jellema D. Frisian Trade in the Dark Ages // Speculum. 1955. Vol. XXX. N I. P. 15–36.

⁴⁰ На это указал А. Бюге (Bugge A. Altschwedische Gilden. S. 150).

⁴¹ А. Бюге считает, что при участии в *félag* более двух-трех человек объединение принципиально не отличалось от гильдии (Ibid. S. 151). Думается, что различие между гильдией и товариществом не количественного, а качественного характера.

ставляет организацию более высокого уровня, входящую в систему государственных связей и вступающую в определенные отношения, регулируемые как законами данной страны, так и привилегиями, получаемыми от государства.

Сказанное отнюдь не предполагает, однако, непосредственного перерастания *félag* в гильдию, или определения *félag* как «протогильдии». Это качественно различные явления. Однако широкое развитие института «товарищества» в скандинавских странах подготовило почву для формирования купеческих гильдий.

* * *

Выявление экономического и юридического статуса института «товарищества» позволяет хотя бы в общих чертах поставить вопрос о типологически сходных явлениях в Западной Европе того же и более раннего времени. Хорошо изучены три основных типа торговых объединений, существовавших с начала эпохи средневековья в Средиземноморских странах⁴², в странах Центральной и Западной Европы, включая Англию⁴³. В то же время отмечается, что северная торговля «имеет мало общего с континентальной»⁴⁴. Однако представляется, что, несмотря на отличия в системе хозяйства и развитии экономики Северной Европы, достаточно очевидны и сходные тенденции развития, в частности, в формах организации международной торговли. По своим целям и задачам институт «товарищества» не отличается принципиально от «классических» типов компаний Западной Европы: как и они, он создавался для финансирования торговли, а также для упорядочения и облегчения ведения торговых дел.

Наиболее близкой к *félag* формой организации дела является тип «реального», или «полного» партнерства, по определению М. Поста, или «компания» (*campagnia*) итальянских источников, при котором партнеры вкладывают в дело как капитал, так и собственный труд⁴⁵, т. е. не только совместно приобретают товары, снаряжают транспорт, но и совместно участвуют в доставке его на место сбыта и реализации. Как особую, широко распространенную разновидность этого типа торговых объединений М. Поста отмечает «временное, или нерегулярное» партнерство⁴⁶, представляющее близкую аналогию «товариществу» скандинавских стран. В качестве основной отличительной особенности этой разновидности компании указывается непродолжительность срока его действия, фактически сводимого к одной поездке: до места сбыта или до

⁴² de Roover R. The Organization of Trade // Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1963. Vol. III. P. 42–118.

⁴³ Postan M. M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973. P. 65–91.

⁴⁴ Ibid. P. 92.

⁴⁵ Ibid. P. 66.

⁴⁶ «Occasional partnership» (Ibid. P. 83).

места сбыта и обратно⁴⁷. Действие соглашения об образовании такой компании начиналось с приобретения определенных товаров и завершалось их совместной продажей и разделом прибыли. Каждый раз, когда требовалось совместное ведение дела, компания образовывалась заново, даже если участники и условия ее оставались прежними. Начиная с X в., этот вид совместного ведения торговли в широком масштабе применялся также и в Англии, где различалось «партнерство с объединенным товаром» («partnership of joint merchandise») и «партнерство с объединенным имуществом» («partnership of joint stock»), второе из которых представляло собой постоянную организацию, первое же, как и *compagnia* и *félag*, было краткосрочным⁴⁸.

В то же время, судя по скандинавским нарративным источникам, «товарищество» имело одну крайне существенную особенность, отличавшую его от западноевропейских компаний: отсутствие коллективных обязательств в выплате долга при неудачном исходе торговой поездки. Неоднократно указывалось, что такие обязательства компаньонов были одной из серьезных трудностей, часто приводившей компании к краху, а партнеров к разорению⁴⁹. Риск выплаты долгов всей компании одним из ее участников был настолько велик, что тормозил развитие торговых объединений. Что же касается скандинавских «товариществ», то саги не отмечают случаев взаимной выплаты долга компаньонами при гибели товаров или корабля, не оговорены такие случаи и в древнейших судебниках скандинавских стран. Думается, что отсутствие подобных правовых установлений не случайно, но связано с особенностями «товарищества» как торгового объединения. В подавляющем большинстве случаев *félag* является «реальным партнерством», предполагающим личное участие компаньонов в торговле. Лишь крайне редко — по материалам XI–XIII вв. — происходило субсидирование торговой поездки без личного участия в ней вкладчика. Использование лишь личных средств партнеров без привлечения капитала со стороны практически исключало возникновение долговых обязательств партнеров и тем более коллективную ответственность при неудачном исходе предприятия.

Таким образом, институт *félag* в скандинавских странах не является изолированным или нетипичным явлением в средневековой торговле. Он имеет близкие аналогии и в других европейских странах, и его возникновение в Скандинавии свидетельствует о возрастании уровня организации международной торговли в этой части Европы.

(Впервые опубликовано: СС. 1982. Вып. XXVII. С. 19–29)

⁴⁷ См. также: *Lopez R. S. The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1305. Cambridge, 1976. P. 74–76.*

⁴⁸ *Postan M. M. Medieval Trade. P. 85–86.*

⁴⁹ *Ibid. P. 89.*

«Торговый мир» Руси и Норвегии 1024–1028 гг.

Правовое оформление торговых отношений между Древней Русью и Скандинавскими странами, по общему мнению, возникает в XII в., к концу которого (1191–1192 гг.) относится первый сохранившийся договор между Новгородом и Готским берегом¹. В нем, однако, упоминается более ранний («старый») мир. В тексте договора 1191–1192 гг. был выделен более ранний пласт, который датировался Э. Боннелом временем не позднее 1160 г., В. Реннкампом 1160–1180-ми гг., Е. А. Рыбиной — первой половиной XII в. По мнению А. Л. Хорошкевич, договор сохранил несколько разновременных пластов, древнейший из которых восходит к первой четверти XI в. — времени составления Ярославом «Русской правды»².

Этот гипотетический договор (или договоры) не оставил следов в древнерусских письменных источниках. Однако в одной из исландских саг содержится, как мне кажется, указание на существование во времена Олава Харальдссона торгового мира с Русью, которые вплетены в рассказ о торговой поездке на Русь неких братьев Бьёрна и Карла. Поездка братьев состоялась во время пребывания у Ярослава Мудрого в 1030–1036 гг. Магнуса сына Олава, и рассказ о ней составляет один из эпизодов повествования о жизни Магнуса на Руси и о его возвращении в Норвегию.

Пребывание Магнуса на Руси описано в ряде королевских саг, но с разной степенью подробности. Сокращенный вариант повествования, в котором отсутствует рассказ о поездке Бьёрна и Карла, представлен в «Саге об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона³, поскольку в «Саге о Магнусе Добром» действие начинается с возвращения Магнуса в Норвегию. Пространная версия, описывающая в том числе и поездку братьев, отражена в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе», включенной в такие своды саг, как «Гнилая кожа» (рукопись ок. 1275 г.; свод составлен в начале XIII в. и отредактирован в 1220–1230 гг.)⁴ и «Книга с Плоского острова» (1387–1394 гг.; интересующая нас сага написана на дополнительных листах второй половины XV в.)⁵, а также в отдельной «Саге о Магнусе Добром» в компиля-

¹ ГВНП. С. 55–56

² Choroškevič A. L. Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländische Vertrag 1191/1192 // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse / S. Jenks, M. North. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 1–12.

³ Snorri Sturluson. Heimskringla 1–3 / Bjarni Aðalbjarnarson // ÍF. 1941–1951. B. XXVI–XXVIII.

⁴ Morkinskinna / C. R. Unger. Christiania, 1867.

⁵ Flateyjarbók / Sigurður Nordal et al. Akranes, 1944–1945. B. 1–4.

ции «Хульда» (середина XIV в.)⁶. Текст «Гнилой кожи», наиболее ранний, был использован в той или иной степени практически всеми последующими компиляторами, и рассказ о пребывании Магнуса на Руси в «Книге с Плоского острова» и в «Хульде» почти не отличается от текста «Гнилой кожи».

Этот рассказ состоит из четырех эпизодов. Первый объясняет причину приезда Магнуса на Русь в качестве воспитанника Ярослава: построенный Ярославом дворец был сопоставлен Ингигерд с дворцом Олава Харальдссона не в пользу первого, что вызвало ссору между супругами, и Ярослав был вынужден согласиться на поставленное Ингигерд условие, компенсирующее нанесенную ей обиду, — пригласить сына Олава на воспитание. Этот эпизод отражает древнескандинавскую литературную романтическую традицию о браке Ярослава и Ингигерд и их супружеской жизни, которая осложнена любовью Ингигерд к Олаву Харальдссону, сватавшемуся к ней до Ярослава.

Второй эпизод рассказывает о пребывании малолетнего Магнуса на Руси (согласно висе скальда Арнора Скальда Ярлов, Магнус вернулся в Норвегию в возрасте 11 лет) и состоит из ряда традиционных «героических» мотивов: успехов Магнуса в спорте и военных играх, убийства им на пиру обидчика и т. д.

Третий эпизод содержит интересующий нас рассказ о поездке на Русь братьев Бьёрна и Карла⁷. Четвертый — освещает события, непосредственно предшествующие и обусловившие возвращение Магнуса в Норвегию: приезд знатных норвежцев Эйнара Брюхотряса и Кальва, сына Арни, к Ярославу с приглашением Магнуса на трон и их отплытие в Норвегию. Собственно, поездка Бьёрна и Карла рассматривается составителем «Гнилой кожи» как исходный момент подготовки возвращения Магнуса: именно они становятся главными сторонниками юного претендента на трон и, возвратясь в Норвегию, начинают агитацию в его пользу — по поручению Ярослава — и в первую очередь заручаются поддержкой Эйнара и Кальва, иницируя их поездку к Магнусу. Таким образом, третий и четвертый эпизоды тесно связаны по содержанию. Отличает их от предшествующих эпизодов и отсутствие стереотипов, сюжетных мотивов и образов, традиционных как для саг вообще, так и для саговых повествований о пребывании скандинавов на Руси. Только из этих эпизодов, видимо, сохранившихся, по его мнению, достоверную информацию, отобрал материал для своего повествования Снорри Стурлусон, использовавший при составлении «Круга земного» «Гнилую кожу»: он включил (в сильно сокращенном виде) рассказ о поездке Эйнара и Кальва, обиженных Кнутом, на Русь, чтобы пригласить Магнуса в Норвегию.

Третий эпизод, повествующий о поездке Бьёрна и Карла, занимает в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» особую главу. Ее название,

⁶ Hulda // Fornmanna sögur. Kaupmannahöfn, 1830. B. VI.

⁷ Msk. Bls. 3–5; лакуна восполняется по Flat. III. Bls. 253–256; см. также: Hulda. B. VI. Bls. 7–10.

«О немирье между конунгами Свейном и Ярицлейвом» («*Vm vfríþ milli Sveins oc Jarízleifs konungs*»), описывает, однако, не непосредственные события, изображаемые в главе, как это обычно для саг, а ту политическую ситуацию, в которой происходят изображаемые события. Действительно, вражда Ярослава к Свейну, сыну Кнута Великого, назначенному правителем Норвегии после смерти Олава Харальдссона, упоминается неоднократно и является своеобразным лейтмотивом главы.

Глава открывается характеристикой ситуации: «Вот нет мира между Свейном сыном Альвивы и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв думает, что норвежцы предали святого конунга Олава, и в течение некоторого времени между ними не было торгового мира (*cavpfriþr*)». Далее рассказывается, что невзирая на то, что «ныне эта поездка не может быть названа безопасной, потому что между конунгом Свейном и конунгом Ярицлейвом несогласие и нет мира между ними», братья Бьёрн и Карл собираются в торговую поездку по Восточному пути (*i Austrveg cavpferþ*) на Русь. Прибыв в «большой город» (*eitt mikít cavptn*), они оказываются под угрозой нападения местных жителей, опознавших в них норвежцев, и вынуждены отправиться к Ярославу, который сначала намеревается казнить их, как ранее других норвежцев, но затем освобождает их по просьбе Магнуса, оставляет у себя на зиму и весной предлагает им поехать в Норвегию и вести агитацию в пользу Магнуса. Так определенная в начале главы ситуация «отсутствия мира» вообще и «отсутствия торгового мира» в частности детализируется в конкретном развитии сюжета.

Согласно тексту саги, отсутствие торгового мира обусловлено враждой Ярослава и Свейна, в условиях которой Ярослав, очевидно, запретил торговлю с норвежцами. Местные жители нападают на купцов, лишь узнав, что купцы прибыли из Норвегии. Как следует из рассказа об их пребывании в «большом городе» (Ладоге?), купцы не имеют гарантий личной безопасности и могут подвергнуться безнаказанному нападению местных жителей, быть ранены или даже убиты ими (*meiða*), а товары — разграблены (*rena*). Получить гарантию личной безопасности, равно как и разрешение на свободную торговлю Бьёрн и Карл могут лишь у Ярослава, верховного правителя Руси. Возможность подобной ситуации в отсутствие торгового мира подтверждается содержанием понятия *kaupfriðr*.

Термин *kaupfriðr* «торговый мир» встречается в нескольких сагах. Из контекста следует, что торговый мир устанавливается конунгом или местным правителем. Мир дается на определенный срок и может распространяться как на всех купцов, так и лишь на некоторых лиц. Давая торговый мир, конунг гарантирует безопасность купцов и их товаров. Действие торгового мира распространяется, видимо, либо на определенную область, либо на торговый город⁸.

⁸ «Легендарная сага об Олаве Святом», гл. 53; «Сага о Хаконе Добром», гл. 12; «Сага об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона, гл. 133, 137; «Сага о Кнютлингах», гл. 70.

Таким образом, *kaupfríðr* устанавливается правителем государства или области, т.е. в большинстве случаев является государственной акцией. Он распространяется на всю или часть территории, подвластной данному правителю. *Kaupfríðr* действует некоторое оговоренное правителем время. В условиях *kaupfríðr* правитель гарантирует личную безопасность купцов и сохранность их товаров, а также право торговать (в установленных местах ?) на обусловленной территории.

Упоминание в саге резко враждебного отношения Ярослава к Свейну, наместнику в Норвегии главного врага Олава Харальдссона Кнута Великого, а также ко всем норвежцам из-за их «предательства» Олава, предполагает, что ранее, во время правления Олава, между Русью и Норвегией существовали дружественные отношения. Это подтверждается и тем, что Олав, спасаясь от Кнута, избрал местом убежища Русь Ярослава. Указание на отсутствие торгового мира при Свейне — единственный случай упоминания в сагах разрыва торговых отношений с Русью, хотя подобное, очевидно, случалось не раз (так в 1188 г. новгородские власти запретили новгородским купцам ехать на Готланд, а скандинавские купцы были отпущены из Новгорода «без мира» и без сопровождения, что ставило под угрозу их безопасность), — как кажется, говорит о существовании такового в предшествующее время, т.е. во времена Олава (правил с 1015 по 1028 г.). Более того, это один из немногих случаев, когда торговые отношения предстают не как индивидуальное предприятие того или иного скандинава (так обычно изображаются торговые поездки на Русь в сагах), а как государственная акция.

Таким образом, представляется правомерным предположить, что во время правления Олава Харальдссона был заключен торговый мир с Русью, обеспечивавший свободную торговлю и безопасность норвежских купцов на Руси. Однако, до 1022 г. Ярослав находился в дружественных отношениях с англо-датским правителем Кнутом Великим, главным противником Олава на Балтике, и шведским конунгом Олавом Шётконунгом, отцом Ингигерд, который также находился с Олавом во вражде. Вероятно, недружественны были отношения Олава Харальдссона и с Ярославом, поскольку в это время на Русь приходят норвежцы — противники Олава (в частности, Эймунд Хрингссон). Политическая ситуация резко меняется после смерти Олава Шётконунга и прихода к власти в Швеции Анунда-Якоба, который вступает в союз с Олавом Харальдссоном против Кнута. Лишь после этого времени Ярослав, постоянно находившийся в дружественных отношениях со Швецией, мог сменить свои политические ориентации и установить связи с Норвегией. Особенно важна была для Ярослава поддержка северных соседей в период обострения борьбы за киевский стол с Мстиславом в 1023–1024 гг.: не случайно, в битве при Ливене на его стороне участвует отряд варягов, возглавляемый неким Якуном (Законом), которого некоторые исследователи отождествляют с норвежским ярлом Хако-

ном из Хладира. Не было ли сближение Руси с Норвегией обусловлено именно потребностью Ярослава в военной поддержке, которую в этот момент Анунд-Якоб оказать ему не мог из-за внутривосточных проблем в самой Швеции?

Открывавшаяся возможность сближения с Русью была крайне важна и для Олава Харальдссона: традиционные торговые связи Норвегии с Англией были прерваны Кнудом, королем одновременно и Дании, и Англии. Единственным открытым для норвежских купцов путем был путь на восток в Балтийское море, и Новгород, крупнейший центр балтийской торговли, не мог не рассматриваться как наиболее выгодный торговый партнер: не случайно «Сага об Олаве Святом» содержит целый ряд упоминаний о торговых поездках норвежцев на Русь, в части из которых Олав принимает участие деньгами (в качестве компаньона — *félagi*).

Необходимо упомянуть, что Олав Харальдссон также урегулировал договором (его текст сохранился в двух рукописях ок. 1250 г. и XV в. исландского судебного кодекса «Grágás»)⁹ торговые отношения Норвегии и с Исландией, определив права (в том числе имущественные) исландцев в Норвегии, порядок выплаты и размер пошлин и т. п.

Можно предположить, учитывая все вышесказанное, что «Сага о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» донесла до нас информацию о неизвестном по другим источникам торговом договоре, заключенном между 1024 и 1028 гг. Ярославом Мудрым и Олавом Харальдссоном.

(Впервые опубликовано: ВЕДС. IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997. С. 35–41)

⁹ Grágás: Norske middelalder dokumenter / S. Bagge, S. Holstad Smedsdal, K. Helle. Bergen; Oslo; Tromsø, 1973. S. 12–15.

Elena A. Melnikova

Par var eigi kaupfriðr í milli Sveins ok Jarizleifs:
A Russian-Norwegian Trade Treaty
Concluded in 1024–1028?

The legal regulation of trade connections between Ancient Russia and Scandinavian countries is usually supposed to start in the late twelfth century¹ as the earliest extant trade treaty is dated to 1191–1192². The treaty was concluded by Novgorod authorities with Gotland (OR *Gotskij bereg*, the Gothic coast) and German towns. It provided for freedom of trade and safety of merchants, defined trade procedures, duties, etc., and promoted diplomatic relations.

In the preamble to the treaty, however, an earlier agreement is mentioned. Novgorod prince «Jaroslav Volodimerich having consulted *posadnik* Miroshka and *tyjskij* Jakov confirms the old treaty [OR *mir*, peace, peace treaty]...»³. This phrase gave rise to a supposition that the treaty of 1191–1192 was not the first one and that it was preceded by at least one, or more treaties. E. Bonnell suggested that the «old treaty» was concluded not later than in 1160⁴. W. Rennkamp dated it to 1160–1180⁵ assuming that it appeared as a result of the activities of Heinrich the Lion of Bavaria and Saxony who, according to Helmold's «Chronica», sent two ambassadors to Denmark, Sweden, Norway, and Russia⁶. W. Rennkamp regarded it to be a bilateral treaty which regulated trade connections between Russia and Germany. A different dating and interpretation of the «old treaty» was suggested by E. A. Rybina. She thought that it appeared during the domination of Gotland on the Baltic Sea, i. e. in the first half or at the beginning of the twelfth century, and that it regulated the trade between Visby and Novgorod⁷.

In her recent study A. L. Choroškevič accepted W. Rennkamp's dating of the agreement mentioned in the text of the 1191–1192 treaty, but she thought that there could have been two or even more earlier agreements of Novgorod with different partners. She isolated three chronological strata corresponding to earlier treaties in

¹ Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 16.

² Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 27–31.

³ ГВНП. С. 55.

⁴ Bonnell E. Russisch-livländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. S. 48.

⁵ Rennkamp W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nowgorod und Dünagebiet. Bochum, 1977. S. 64–65.

⁶ Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica slavorum / B. Schmeidler // MGH SRG. 1937. XXXII. S. 169.

⁷ Рыбина Е. А. Иноземные дворы. С. 30.

the 1191–1192 text, the oldest one dating to the early eleventh century, the «old treaty» concluded in the 1160s, and the extant text compiled in 1191–1192. The oldest part of the treaty, according to A.L. Choroškevič, comprised clauses concerning payments for different offences of free men, their wives, and daughters as well as the procedure of extracting debts on merchants. These regulations resemble, in A.L. Choroškevič's opinion, those codified in the short version of the «Russian Law» compiled in 1015–1016 by Jaroslav the Wise to improve the relations between his Varangians and the Novgorodians⁸.

This hypothetical early eleventh-century treaty of Novgorod left no traces in Old Russian written sources. However, there seems to exist an allusion to a possible trade agreement of Ancient Rus' and Norway in the times of Olaf Haraldsson in one of the Old Norse-Icelandic kings' sagas. This allusion is incorporated in a story about the voyage of two Norwegians, Björn and Karl, to Rus'. The story forms a part of a narration about the stay of Magnus the Good, the son of Olaf Haraldsson, in Rus before his return to Norway.

Magnus's stay in Rus' is described at length only in «Magnúss saga góða ok Haralds harðráða» which is included in «Morkinskinna» and «Flateyrbók» and its first part as a separate «Saga Magnúsar konungs ens góða» exists in «Hulda». The compilation found in «Morkinskinna», GkS 1009 fol. (ca. 1275), is thought to be originally produced at the beginning of the thirteenth century and revised in 1220–1230. The compiler used «Ágrip af noregs konunga sögum» (ca. 1190) and skaldic verses, but his sources for the major part of the text, including «Magnúss saga góða ok Haralds harðráða» are obscure⁹. According to Finnur Jónsson, the compiler of «Morkinskinna» based on separate sagas about Magnus, Harald and other kings which were composed between 1150 (or 1160) and 1180¹⁰. At the moment, the existence of only one separate early saga, that of Harald the Hard-Ruler, seems probable. G. Inderbø found no proofs for the existence of early separate sagas about Norwegian kings after Olaf Haraldsson. He supposed that «Morkinskinna» was an original composition and it was the first attempt to present the history of Norwegian kings after Olaf

⁸ This interpretation of the origins of the «Russian Law» has been abandoned long ago by the majority of Russian historians as the rules specified by the code have almost nothing to do with Scandinavians. The Varangians are mentioned in only three clauses, and the term *varjag* most probably stands for a collective designation of foreign merchants in Novgorod. Cf. *Horoszkiewicz A.L. Zagadkowe okoliczności powstania kopii najdawniejszych umów Nowogrodu z Gotlandą i Niemcami z końca XII i z połowy XIII wieku // Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki, kultury XII–XVII wieku. Toruń, 1992. S. 105–111; Choroškevič A.L. Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländische Vertrag 1191/1192 // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Köln; Weimar; Wien, 1993.*

⁹ *Andersson Th. M. Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide / C.J. Clover and J. Lindow. Ithaca; L., 1985. P. 217–218.*

¹⁰ *Finnur Jónsson. Introduction // Morkinskinna / Finnur Jónsson (SUGNL. 53). Copenhagen, 1928–1932. S. x–xxxviii.*

the Saint¹¹. Though with some reservations, Th.M. Andersson shared this opinion and included «Morkinskinna» into a group of original kings' sagas created between 1190 and 1220 and defined it as «a firsthand narrative drawn directly from skaldic and oral prose tradition»¹².

The same narration about Magnus's stay in Rus' is also present in «Flateyjarbók», GkS 1005 fol. (1387–1394), in «Magnúss saga góða ok Haralds harðráða» written on additional leaves of the second half of the fifteenth century and in «Saga Magnúsar konungs ens góða» in «Hulda», AM 66 fol., compiled in the mid-fourteenth century on the basis of «Morkinskinna» and «Heimskringla».

Another and a much shorter version of Magnus's stay in Rus' is found in Snorri's «Heimskringla». It is included in «Óláfs saga helga» as «Magnúss saga góða» starts with Magnus's return to Norway. Snorri's main sources for this part were «Morkinskinna», «Óláfs saga helga» (Styrmir's variant and «the Oldest saga») and especially «Bergsöglisvísur» of Sigvat Thordarson.

Thus there exist two versions of the narration about Magnus's stay in Rus, an extended one in «Morkinskinna» repeated in «Flateyjarbók» and «Hulda» and an abridged one in Snorri's «Heimskringla». The extended narration consists of four major episodes. The first one tells how Magnus found himself at the court of Jaroslav the Wise, the great Russian prince. The second describes Magnus's stay with Jaroslav. The third deals with the voyage of Björn and Karl and their later activities to prepare the return of Magnus to Norway. The fourth relates about a Norwegian embassy under Kalf Arnason and Einar Thambarskelfir to Rus' to bring Magnus back to Norway. In his version Snorri made use of only two subjects. He mentioned in passing that on his escape to Rus', Olaf took Magnus with him (ch. CLXXXI) and told about the embassy of Kalf Arnason and Einar Thambarskelfir (ch. CCLI). Neither Magnus's deeds at Jaroslav's court nor the voyage of Björn and Karl are mentioned by Snorri.

Before analyzing the retelling about this voyage, it seems important to say a few words about the nature of the preceding episodes. «Magnúss saga góða ok Haralds harðráða» begins with the first episode telling about the events that caused Magnus's arrival to Rus'. According to the saga, Jaroslav built a magnificent hall which Ingigerd, his wife, a Swedish princess, thought quite remarkable, but still inferior to the hall of Olaf Haraldsson. The king got angry and slapped Ingigerd in the face. As a compensation for the insult, Ingigerd demanded to invite Magnus, the son of Olaf Haraldsson, as a *fóstri*. Jaroslav forwarded an embassy to Olaf who accepted the invitation and sent Magnus to Rus'.

The episode seems to derive from the Old Norse tradition about the marriage of Ingigerd and Jaroslav¹³. Ingigerd, the daughter of the Swedish king Olaf Skötkonung,

¹¹ *Inderbø G.* Nokre merknader til den norrøne kongesaga // ANF. 1938–1939. B. 54. S. 58–79.

¹² *Andersson Th. M.* Kings' Sagas. P. 219.

¹³ Cf. *Джасксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 153–161.

was promised as a wife to Olaf Haraldsson, but the marriage was broken and she became the wife of Jaroslav the Wise. Later Olaf married her sister Astrid. The saga tradition about Ingigerd is dominated by two conceptions, her lasting love to Olaf Haraldsson and her mental superiority over Jaroslav. Sagas stress Ingigerd's attachment to Olaf on many occasions and motivate many of her actions by «their secret love» («því at hvárt þeirra unni öðru með leyndri ást»)¹⁴. Most common is Ingigerd's comparison of Jaroslav and Olaf in favour of the latter. In the discussed episode Ingigerd's estimation of his hall is explained by Jaroslav in full agreement with this conception: «oc synir þv enn ast þina við Olaf konvng» («and show you again your love for king Olaf»)¹⁵.

Another feature determining Ingigerd's image in sagas, is her domineering personality. Ingigerd is described as a resolute, brave and wise woman, whereas the stereotype image of Jaroslav presents him as a weak and indecisive ruler, stingy and vindictive, always ready to employ Scandinavians and to shift off the burden of responsibility to his Scandinavian counselors or commanders-in-chief. The saga image of Jaroslav, profoundly different from that in Old Russian sources, is subordinated to the tendency to glorify a Scandinavian *konung* in Rus'¹⁶. His relations with Ingigerd are depicted in sagas as dominated by her. In the narration under discussion, Ingigerd suggests to invite Olaf's son not only to compensate the insult but to humiliate Jaroslav too. She stresses the fact that the one who upbrings a child is of lower status than the child's father.

The whole episode thus fits the Old Norse tradition. It is in full agreement with the saga stereotype images of Ingigerd and Jaroslav and might well derive from the tradition dealing with the marriage and the married life of Ingigerd. The reliance on stereotypes makes the historical authenticity of this narration questionable. It looks more like a variation of a traditional theme than an account of real events.

The «Morkinskinna» romantic version of Magnus's coming to Rus' differs cardinaly from the «Heimskringla» version. On leaving Norway (in 1028), Olaf was followed by a number of retainers, his wife Astrid and his son Magnus. He left Astrid with her relatives in Sweden and went to the east taking Magnus with him. While returning to Norway he preferred his son to stay with Jaroslav. The situation, as presented in «Heimskringla», lacks the romantic flavour and is devoid of stereotype motifs. It is the version accepted in modern historiography.

The second episode of «Magnúss saga góða ok Haralds hardráða», the stay of Magnus in Rus', is also constructed as a combination of several traditional motifs. He is said to occupy a honorary position at Jaroslav's court, to succeed in sports and war games, and to kill his offender after a quarrel at a banquet. These characteristics

¹⁴ Eymundar þátrr // Ibid. P. 104.

¹⁵ Cf. Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 48.

¹⁶ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // ДГ. 1988–1989 гг. М., 1991. С. 70–79.

belong to the stereotype description of a *konung* in Rus and can hardly be applied to Magnus who, according to Arhor Jarlaskald returned to Norway at the age of eleven. A similar story about the murder of an offender is also told about Olaf Tryggvason who spent his young years in Rus¹⁷.

The third episode, containing the information about a possible trade treaty, and the fourth episode, differ from the preceding two in their lack of situational stereotypes. They are devoted to the events directly connected with the return of Magnus to Norway. According to «Magnúss saga góða ok Haralds hardráða» as well as other sagas including «Heimskringla» Magnus's enthronization in 1036 was prepared by a common resentment of Danish rule in Norway. Snorri elaborated the theme of Danish suppression in Norway and provided a long list of laws introduced by Svein which aroused special anger of the Norwegians. He also stressed personal dissatisfaction of Einar Thambarskelfir and Kalf Arnason who were later deceived by Knut.

«Morkinskinna» premises the retelling about the embassy of Kalf and Einar with a narration about a voyage of two brothers Karl and Björn. In spite of the absence of peace (*úfriðr*) between Svein and Jaroslav, they went to trade to Rus', came across the hostility of the local population and were compelled to meet Jaroslav who, on Magnus's insistence, invited them to stay at his court for a winter. In spring, Jaroslav suggested their return to Norway to persuade prominent Norwegians to support Magnus in his claim for the throne. Jaroslav is also said to have supplied money to suborn those hesitating. The brothers came back to Norway and met Einar Thambarskelfir who promised to go to the east. In this way the compiler of «Morkinskinna» connected both missions and made Karl and Björn the initiators of Einar's embassy. Then the brothers went to Nidaros where Karl was captured by Svein's men. Björn escaped and made a second voyage to Rus' to report their progress to Jaroslav and Magnus.

The narration about Jaroslav's participation in the restoration of Norwegian supremacy attracted attention of specialists in Old Russian history who viewed it as a testimony of Jaroslav's active policy in the Baltic (Grekov et al.). However, E. A. Rydzevskaja, a prominent Russian specialist in Old Norse sources for Russian history, severely rejected the very possibility of using this episode in historical studies. She wrote, «... saga researchers have established long ago that the interference of Jaroslav was an invention of the compiler of "Morkinskinna" The fact that this role is attributed to a Russian prince, is certainly not devoid of interest and importance, but all the same, it is not a historical fact»¹⁸. Her verdict put an end to using this episode for historical purposes. Nevertheless, Rydzevskaja's estimation of this episode was not based on a special study, neither was it discussed against a background of politics in the Baltic Sea area and the activities of Jaroslav at that time.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978. С. 227, примеч. 237.

To get accepted or rejected as a historical source, the episode needs a special and thorough investigation which is far beyond the scope of this article. Still, it is worth noting that even the episodes which can be believed the compiler's own compositions on even more serious grounds, like that retelling about the quarrel of Ingigerd and Jaroslav, turn out to derive from a current tradition. Recent studies of Jaroslav's policy in the Baltic in the 1010s and 1020s showed his acute interest in the situation there and his efforts to secure the interests of Rus'. Suffice it to mention a few facts. In 1018 or 1019 Jaroslav married his son Ilia to Estrid, the sister of Knut the Great, and in 1019 he himself married Ingigerd, the daughter of the Swedish *konung* Olaf. The matrimonial connections fastened political and military alliance between Rus', Denmark and Sweden directed against Poland¹⁹. In the early 1020s the situation in Scandinavia changed, and a new Swedish *konung* Anund-Jacob (since 1022) united with Olaf Haraldsson which led to military confrontation between Denmark and a Swedish-Norwegian coalition. In this new political context Rus' supported the latter as in 1028 Olaf Haraldsson, defeated by Knut, could find refuge in Rus'. The death of Olaf in 1030 did not seem to change the relations between Rus' and Scandinavian countries. Magnus's stay with Jaroslav until 1035 and the mentions of hostility between Jaroslav and Svein Alfifason in many sagas speak for the pro-Norwegian orientation of Jaroslav. The banishment of Svein and the restoration of Olaf's son agree well with the policy of Jaroslav. If this is the case, the narration about Jaroslav sending men to campaign for Magnus might have been derived from a genuine tradition. Like the previous episodes, this one might also be not an exact account of real events but rather an elaboration of the tradition which grew on the basis of and reflected a real situation. Consequently the narration, probably invented, presented if not the truth of facts, then the truth of the situation.

However, be the trustworthiness of the retelling about Jaroslav's participation in Magnus's return to Norway as it may, the narration about the brothers' voyage to Rus' constitutes a special story in itself. A trade voyage to Rus' was a topic widely spread in kings' and family sagas as trade connections of Scandinavian countries and Rus', first and foremost Novgorod, were regular and numerous. Descriptions of these voyages are usually stereotyped. They stress the richness of the Novgorodian market, the profitability of the trade for Scandinavians, and name the most desirable merchandise, Russian furs, Byzantine cloths, Arabic precious utensils. The narration about the voyage of Karl and Björn lacks all these stereotypes and provides a picture quite different from the usual one.

Nv er vfriþr milli Sveins Alfifosonar oc Jarizleifs konvngs. þvi at Jarizleifr konvngr virði sem var at Noregsmenn hof þo nizc a enom helga Olafi konvngi. oc var þar noccora stvnd eigi cavpfriþr i milli. Maðr er nefndr Karl en annarr

¹⁹ Назаренко А. В. О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 189.

Biorn. þeir voro bröðr .ii. litils hattar at bvrþom oc þo framqvemþarmenn. verit saltmenn enn fyrra lvt efi sinnar oc aflat sva peninga. en nv var sva orþit at þeir vorv rikir kavpmenn. ... þa tok Karl til orða oc melti við haseta sina... ec etla at fara i Austrveg cavpferþ. en nv firir sakir vmmela Sveins konvngs oc Jarizleifs konvngs oc þess vfriþar er i milli þeira er. þa ma þat kalla eigi varlict...

Oc þetta taca þeir raþs. fara nv með honom vnz þeir koma i Austrriki oc leggja þar at við eitt mikit cavptvn, oc vildo þeir kavpa ser navðsynia lvti. En þegar er landzmenn visso at þeir voro Norðmenn, þa fengo þeir þeim at sír cavp at þegar helt við bardaga oc vildo lanzmenn veita ioeim atgongo. Oc er Karl sa at i oeni for þa melti hann til lanzmanna. Pat mon metit til hvatvisi oc noccot sva diorfvngar at taca slict fyrir hendr konvngi yðrom at meipa vtlenda menn eþa rena. þott her comi með cavpeyri sinn oc gere yþr engan ofriþ. oc vitit aldri hvart konvngr geri yþr þocc fyrri eþa eigi. nv er yðr vitrligra at biþa konvngs at-qveþa vm slict. Viþ þetta sefaz lanzmenn oc verþr eigi at þeim gengit með ollo. þo ser Karl at þat endiz eigi sva bvit. hann gerir þa ferþ sina a konvngs fvnd.

Er eigi getit vm ferþ hans fyrr en hann cømr fyrir Jarizleif konvng oc qvaddi hann. Konvngr spyrr hverr hann er. Ec em norrønn maþr einn segir hann litils verðr oc kominn hingat með goþom peningom oc felagar minir [með góðum friði. — *Hulda*]. Konvngr melti. Hví vart þv sva diarfr at sökja hingat. hyggr þv noccot þina gefo meiri enn annarra manna. oc hyggr þv at þv munir her draga fram cavpeyri þinn en aðrir fa eigi haldit lifinu. oc hafa þeir Noregsmenn aldri sva illt af mer at eigi se þeir verra verþir. [Karl melti. Eigi mono allir iafnir i því. ec em saltkarl einn litils verþr. þo at nv hafa ec peninga. hefi ec avalt verit til noccors hentogleika en aldri var ec i moti Olafi konungi i huga minom. þat mon ec etla segir konvngr. at þv monir reynaz sem allir aþrir Noregsmenn. Konvngr bað taca hann ok setia þegar i fiotra. oc sva var gert. Oc síþan segir konvngr Magnvsi fostra sinom oc spyrr hann raðs vm hversu scipa skal við Norðmennina. Magnvs svarar. Litt hafi þer fostri minn haft mic við raþin her til. en seint ventir mik at raþiz at minn verþi Noregr ef sva skal at fara at drepa þa alla er þaðan ero ettaþir. en vel mvndot þer vilia fostri minn. því at þeir mego at retto allir callaz minir þegnar. — *Hulda*]. Oc oþrovis get ec venna mvno at at orca en hataz við alla þa menn er þaðan ero. Konvngrenn let þetta vel melt. oc qvað hans raþom scyldo fram fara. Konvngr callaþi Carll til sin vm morgoninn. oc síþan melti konvngr til hans. Sva litz mer a þic at þv ser giptvvenligr maðr. oc þat vill Magnvs konvngs son at þu hafir griþ. oc ero þer nv .ii. costir gervir af minni hendi. annarr at þv farir til scips y þars. oc fø ec yþr oc vist. farit með cavpeyri yðarnn sem yþr syniz. ella far þv til min oc ver með mer i vetr²⁰.

²⁰ Morkinskinna. Pergamentsbog fra første halvdel af det trettende aarhundrede / C. R. Unger. Christiania, 1867. Bls. 3–4.

(Now there is no peace between Svein Alfifason and *konung* Jarizleif because *konung* Jarizleif thinks that Norwegians have betrayed saint *konung* Olaf, and for some time there was no trade peace between them. A man is called Karl and another man is called Björn. They were two brothers, of humble birth but men of prowess. They were salt-makers earlier in their lives and they thus acquired money, and now it happened so that they became rich merchants...

Then Karl spoke and said to his mates, «... I am going to make a trade voyage to the Eastern Route but nowadays this trip cannot be called safe because there is a disagreement between *konung* Svein and *konung* Jarizleif and there is no peace between them...».

And they take their decision and go now with him until they come to the Eastern Country [i. e. Rus'] and stopped at a large trade town and want to buy some necessities for themselves. But as soon as the men of the land learned that they were Norwegians, they not only refused to sell anything to them but it came close to a battle, and the men of the land wanted to attack them. And when Karl saw that it was getting dangerous he said to the men of the land, «It can be regarded as reckless and bold [to take a decision] instead of your *konung* to maim or rob foreigners while they came here with their wares and make you no hostilities. And one can never know if the *konung* would approve of you or not. Now it is wiser of you to wait for *konung*'s decision on this matter». The men of the land got soothed with this and restrained from attacking them. Nevertheless, Karl sees that it will not end like that, and he starts his trip to the *konung*

Nothing is said about his trip until he came to Jarizleif *konung* and greeted him. The *konung* asked him who he was. «I am a Norwegian, he says, of humble birth and I came here with good money and my companions with peace». The *konung* said, «How is it that you got so bold to come here? Do you think that your luck is larger than that of other men or do you think that you can profit from your wares while others could not preserve their lives? And those Norwegians never get as much evil from me, as they are worth». Karl said, «Not all men are equal in this. I am a salt-maker of humble birth, though now I have money, and I have always been ready for any opportunity and I have never been against Olaf *konung* in my thoughts». «I suppose, the *konung* says, that you'll turn out to be like all other Norwegians». The *konung* ordered to take him and put him into irons, and it was done. And later the *konung* speaks to Magnus, his foster-son, and asks for his advice on what is to be done with those Norwegians. Magnus answers, «Until now you have asked little for my advice, my foster-father, but it seems to me that Norway won't become mine soon if it comes to killing all those who originate from there. But you will be well-disposed, my foster-father, because they all have right to be called my thegns. And I think that it is better for me to behave differently than to share hatred with all those who are from there». The *konung* thought it well spoken and said that it would be done according to

his advice. The *konung* called for Karl in the morning and then said to him, «It seems to me that you are a man promising good luck, and Magnus, the *konung's* son, wants that you should be given peace. And there are two possibilities that I can grant you. The first of them is that you go to your ship and I shall give you wine and food and you will go with your merchandise as you wish. Or you go to me and stay a winter with me...»).

The narration contains numerous indications to the political relations of Rus' and Norway and to the trade connections of the two countries in the form of both author's statements and depiction of events caused by the state of affairs. The author's summary of the political situation, i.e. his declaration about the absence of peace between Jaroslav and Svein, stands apart from the enormous bulk of the «Russian evidences» of the sagas. The characteristic of political situation in Rus' was irrelevant for the saga authors as travels to Rus' and Eastern Baltic were always presented as private enterprises organized and carried out on the personal basis with no interference of the authorities. The only other survey of the political situation in Rus' can be found in «Eymundar þátttr». Eymund's decision to go to Rus' and to serve with Jaroslav's army is motivated by a feud between the sons of great prince Vladimir, and the description of the causes of the feud and the aims of each of Vladimir's sons provides the outline of the political turbulence in Rus' after the death of Vladimir the Saint²¹. This summary, correct in its essence but wrong in many details, was highly appropriate in a saga telling about a viking who participated in all these events profiting by opposing interests of the Russian rulers. However, even this survey has nothing to do with the international relations of Rus'. Eymund's voyage was his personal adventure and of no concern of Norwegian authorities.

On the contrary, the survey in «Magnúss saga góða ok Haralds hardráða» is a characteristic of political relations between Rus' and Norway. It is a brief declaration of the absence of peace (*úfriðr*) between Jaroslav and Svein after the death of Olaf Haraldsson. The state of *úfriðr* meant a war or hostility between the partners and it seems, in spite of the lack of corroborating evidence in Old Russian and Old Norse sources, that the enmity did exist at that time. Rus' became an asylum for Svein's enemies who had earlier supported Olaf Haraldsson. Jaroslav was bringing up Olaf's underage son Magnus who later expelled Svein and became the king of Norway. Another prominent relative of Olaf, Harald the Hard-Ruler, who participated in the battle at Stiklastadir found refuge in Rus' and later married Jaroslav's daughter. In this context, the characteristic of the relations between Jaroslav and Svein in the saga does not seem wrong. The hostility to Danish Norway in the early 1030s was a continuation of Jaroslav's policy in the Baltic in the second half of the 1020s.

The idea of the state of *úfriðr* is further elaborated in the saga by literary means. Jaroslav's negative attitude to Norwegians is expressed in a number of speeches of

²¹ Eymundar þátttr // Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 92.

Jaroslav and Magnus and in the retelling about Jaroslav's treatment of Björn and Karl on their arrival to his court. According to the saga, Jaroslav's hostility to the Danish ruler of Norway was accompanied by his hatred to all Norwegians. He is said to accuse them of betraying their lord, Olaf Haraldsson, to regard them worth the most cruel punishment, and to execute all the Norwegians coming to Rus'. Though the speeches, as well as probably the episode of the arrest of Karl and Björn are nothing more than illustrations and literary embodiment of *úfriðr* their introduction is significant as an indication of the author's position.

Another manifestation of the *úfriðr* was the break of trade. The saga author makes a special note of the absence of trade peace (*kaupfriðr*) for some time (*noc-cora stvnd*). This is the only occasion to my knowledge that a rupture in trade between Rus' and a Scandinavian country is mentioned in a saga. Trade voyages like all other voyages to Rus' were represented as private enterprises even if a *konung* participated in the partnership (*félag*) with his money. The success or the failure of a merchant therefore was depicted as depending utterly on his own abilities. In «Magnúss saga góða ok Haralds hardráða» on the contrary, the official status of the break in trade is stressed. It is *kaupfriðr* between Jaroslav and Svein, the rulers of the states, i.e. between the two states, that is suspended. Like the *úfriðr*, the absence of *kaupfriðr* is regarded as a governmental action. Thus, both the situation itself and its presentation in the saga is quite different from the traditional stereotypes. In the context of the actual deterioration of political relations between Rus' and Norway, the prohibition of trade activities could have really taken place.

Temporal suspension of trade with a specific partner by Novgorod authorities seems rather a common practice. The First Novgorod chronicle tells *s. a.* 1188 about a conflict between Novgorodian and German merchants on Gotland²² which resulted in the break of trade peace. Russian merchants were not allowed to go overseas while Scandinavian merchants left Novgorod «without peace» and with no officials to accompany them, i.e. with no one to secure their safety en route²³.

The mention of the absence of *kaupfriðr* on a state level for a period of time presupposes its existence earlier. It might mean that some time before the 1030s a trade treaty had been concluded by Russian and Norwegian rulers which established official *kaupfriðr* between the two countries.

There are no grounds to suppose that this treaty appeared before Jaroslav's times. It could have been rather a result of Jaroslav's active policy in the Baltic, and the possible span of time for its conclusion is rather short. A treaty with Olaf

²² The interpretation of this passage has recently become a subject of discussions. Cf. Рыбина Е. А. Иноземные дворы. С. 27–29; Lind J. Varæger, nemtser og novgoroder ar 1188. Hvor var Choruzek og Novotorzek? // (F)HT. 1981. S. 145–177; Линд Дж. Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. 1994. Т. 4. С. 191–206.

²³ Die erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016–1333/1352 / J. Dietze. Leipzig, 1981. S. 169.

Haraldsson's Norway was impossible while Jaroslav maintained close and friendly relations with Knut. It was the time when Olaf's enemies were well received in Rus', like Eymund Hringsson employed by Jaroslav in 1018 (1019). Only after Jaroslav joined the Swedish and Norwegian alliance against Denmark which emerged after Anund-Jacob's enthronization in 1022, the treaty could have been concluded. The defeat of Olaf Haraldsson in 1028 and his escape to Sweden and Rus' is the upper limit for the conclusion of the treaty.

The exact time Jaroslav joined the alliance is unknown but its most probable date can be suggested. The middle of the 1020s was crucial for Jaroslav's position in Rus. In 1023 Jaroslav's brother Mstislav, the prince of Tmutarakan, took the opportunity of Jaroslav being in Novgorod and attacked Kiev in an attempt to become Great prince. Though Mstislav failed, Jaroslav collected an army in Novgorod and in 1024 met Mstislav at Listven not far from Chernigov. Jaroslav got defeated and had to escape back to Novgorod. For two years Jaroslav resided in Novgorod before he came to an agreement with Mstislav in 1026 and returned to Kiev. It seems reasonable to suppose that the most suitable time for Jaroslav to conclude a trade treaty with Norway was the period between 1024 and 1026 when he permanently stayed in Novgorod. It was the time when Jaroslav consolidated his political and economic position, and the revision of his international relations was appropriate. For Norway with its traditional contacts with England violated by the rivalry of Knut and Olaf, Novgorod, one of the richest centers of the Baltic trade and tightly connected with Scandinavian countries from of old, was a desirable partner. So, the most probable time for the conclusion of a trade treaty by Jaroslav and Olaf Haraldsson was 1024–1026.

The saga can also provide some indications as to the content of the treaty. The term *kaupfriðr* corresponding exactly to the Old Russian *torgovj mir*, «trade peace», and «a trade treaty», implied first and foremost the freedom of trade for foreign merchants and some warrants for their personal safety. The experience Karl and Björn encountered in a Russian town illustrate what the absence of *kaupfriðr* meant for a merchant.

Having arrived in Rus', Karl and Björn found themselves in trouble only after the citizens came to know that the newcomers were Norwegians. The prohibition of trade thus concerned only Norway whereas the trade with other countries seems not to be affected. The rupture of the trade with Gotlanders in 1188 is presented in the same way in the First Novgorod chronicle, as an action directed only against the offender party.

The local citizens are told to have refused to sell anything to the brothers and to have prepared to attack them. The interdict of trade with Norwegians seems to have caused two main problems. On the one hand, it excluded any business with Norwegians, not only large-scale operations, but even minor purchases, like those the brothers wanted to make («some necessities for themselves»). On the other hand,

it provoked the citizens to attack the Norwegians who «made them no hostilities». The aim of the attack, as summed up by Karl, was to «maim or rob» the merchants. It seems that in the absence of *kaupfriðr* the citizens regarded the merchants to be an easy booty. The lack of responsibility for the merchants' safety could result from the fact that neither their lives, nor their wares were secured according to a valid agreement. However, the mention of a possible displeasure of Jaroslav stopped the assaulters.

The interdict of trade was not restricted to any specific place. The town Karl and Björn stopped in is said to have been a large trade center (*eitt mikitt kaupstætt*), the first one on the way from the Baltic to Rus'. It is most probably Old Ladoga, *Aldeigjuborg* of the sagas, the gates to Novgorod and the second largest town in Northern Rus'. The travellers from the Baltic to Novgorod had to stop in Old Ladoga to change ships or to take pilots to pass the rapids on the Volkhov²⁴. Trade was one of the main occupations of the citizens of Old Ladoga. Being subordinated to Novgorod, Old Ladoga authorities had to obey the orders of Novgorod princes. The prohibition of trading with Norwegians could also find better understanding in Ladoga than in any other place as its citizens were well acquainted with visitors from Scandinavian countries²⁵. The interdict thus spread at least over all Northern Rus', and it was most probably issued by Jaroslav (together with Novgorod authorities like the treaty of 1191?) as Karl had to apply to the Great prince to get a permission to trade.

Taken together, these observations seem to allow some suggestions as to the character and the content of the treaty. It must have been concluded by the heads of the states, Jaroslav and Olaf Haraldsson, between 1024 and 1026 (1028). It was valid at least in the Novgorod land. The most important clauses of the treaty must have provided freedom of trade, and safety of Norwegian merchants and safety of their wares in Rus'.

(Впервые опубликовано: Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner / R. Bohn, H. Rebas, T. Siltberg. Kiel, 1997. S. 15–24)

²⁴ The most detailed description of the passage from Ladoga to Novgorod is given in the treaty of Novgorod with German towns of 1269 (ГВНП. С. 58–61).

²⁵ It is worth noting that only the First Novgorod chronicle (but for the geographical introduction to the Primary chronicle) makes use of specific Scandinavian ethnic names, *Донь*, the Danes, and *Г(о)ме*, the Gotlanders. Southern- and Eastern-Russian Chronicles use exclusively the term *Варяги*, a cumulative designation of Scandinavians.

К предыстории Готского двора в Новгороде

История иноземных дворов в Новгороде в последние десятилетия стала предметом серьезного исследования, в первую очередь археологов¹, однако судьба Готского торгового двора по-прежнему остается менее изученной, нежели Немецкого. Обусловлено это прежде всего состоянием источников: двор св. Петра играл значительную роль в ганзейской торговле и оставил большое количество документов, в том числе внутренний устав двора (скра), который сохранился в нескольких редакциях². Готский же двор в XIV–XV вв. — после разгрома Висбю Вальдемаром Аттердагом в 1361 г. готландская торговля оказалась полностью в руках ганзейцев³ — утратил свое былое значение, а сведения о нем для более раннего времени немногочисленны и рассеяны по источникам различного происхождения и жанров⁴.

В результате топографических и археологических исследований установлено местонахождение Готского двора, который занимал довольно обширную площадь (исследована только ее небольшая часть из-за современной застройки) на берегу Волхова на Торговой стороне немного к югу от Ярославова Дворища⁵. Были выявлены некоторые из находившихся на его территории построек: срубы складских помещений, остатки каменного строения (башни?)⁶. Функционирование Готского двора археологически прослеживается с XII в. и вплоть до XV в. Не вызывает сомнения и принадлежность Готскому двору церкви св. Олава, называемой в Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) Варяжской божницей и впервые упоминаемой в летописи под 1152 г.⁷. Ее существование

¹ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986; *Она же*. Торговля средневекового Новгорода. Новгород Великий, 2001.

² Текст с переводом на русский язык И. Э. Клейненберга см. в кн.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде. С. 141–170.

³ См.: Friedland K. Die Hanse. Stuttgart, 1991.

⁴ Общий обзор истории Готского двора см.: Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; Svanström G. Gutagård och Peterhof. Två handelsgårdar i det medeltida Novgorod // Gotlandskt arkiv. 1960. S. 35–50.

⁵ Расположение церкви было таково, что позволило новгородскому летописцу один раз даже связать ее непосредственно с Дворищем: «...зажжена бысть церкви от грома Варяжская на Торговищи»: НПЛ. С. 226 (под 1181 г.).

⁶ Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М., 1978. С. 197–226; *Она же*. Раскопки Готского двора в Новгороде // СА. 1979. Т. 3. С. 100–108.

⁷ НПЛ. С. 215 (под 1152 г.), 226 (под 1181 г.), 258 (под 1217 г.), 334 (под 1311 г.). Все упоминания связаны с пожарами.

в конце XI в. засвидетельствовано среднешведской рунической надписью⁸. По наблюдению Е. А. Рыбиной, церковь долгое время была деревянной и только после пожара 1181 г. была перестроена в камне. Ее основание, как и возникновение Готского двора, исследовательница относит также к началу XII в.⁹

В НПЛ Готский двор упоминается дважды: под 6911 (1403) г. в связи с пожаром, в котором Готский двор уцелел, и под 6914 (1406) г. также в связи с пожаром на Торговой стороне, распространившимся до Готского двора¹⁰. Более ранними источниками, называющими Готский двор, являются проекты договоров Новгорода с ганзейскими городами: на латинском языке, представленный немецкой стороной, вероятно, в 1268 г., и его исправленный, с учетом поправок новгородских властей, вариант на нижненемецком языке, заверченный до 1 апреля 1269 г., а также договор, заключенный ранее 22 августа 1371 г.¹¹. Они свидетельствуют, что наименование скандинавского двора Готским к середине XIII в. было устоявшимся.

Несмотря на этот ряд установленных обстоятельств, время возникновения двора остается неясным. Представляется, что существуют некоторые еще не использованные возможности хотя бы отчасти пролить свет на этот вопрос.

Постоянное пребывание скандинавов в Новгороде во второй половине X – первой половине XI в. в качестве наемных воинов и купцов¹² многократно отмечается скандинавскими источниками. Более того, в скандинавской картине Восточной Европы Новгород предстает как столица Руси¹³. Поэтому парадок-

⁸ «Руна велела сделать [этот] памятник по Спяльбуду и по Свейну, и по Андветту, и по Рагнару, сыновьям своим и Хельги; и Сигрид по Спяльбуду, своему супругу. Он умер в Хольмгарде в церкви [святого] Олава. Эпир вырезал руны». — Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 338–339 (№ Б–III.7.29).

⁹ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 196. До обстоятельного археологического изучения Готского двора предлагались различные датировки его возникновения. Так, С. А. Покровский полагал, что он был основан еще в X в. (Покровский С. А. Внешняя торговля. С. 30); 1080-ми гг. (временем создания рунического памятника из Шюсты) датировал существование двора П. Йохансен (*Johansen P. Novgorod und die Hanse // Städtewesen und Bürgertum als geistliche Kräfte. Festschrift für F. Rösig. Lübeck, 1953. S. 135*); к «значительно более раннему», нежели начало XII в., времени относил его возникновение Г. Сванстрём (*Svanström G. Gutagård och Peterhof. S. 40*).

¹⁰ НПЛ. С. 398, 399.

¹¹ Памятники истории Великого Новгорода / С. В. Бахрушин. М., 1909. С. 64–68; ГВНП. С. 60 (№ 31), 76 (№ 42).

¹² С середины IX в. и до возникновения Новгорода военный гарнизон, состоявший по преимуществу из скандинавов, располагался на Городище, которое оставалось резиденцией князя (а соответственно, и его дружины) и в последующее время. См.: Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья. СПб., 2005. С. 30–32.

¹³ См.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / Сост. Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. М., 1987; Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С. 127–133; Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // СС. 1989. Вып. XXXIII. С. 117–128.

сальна крайняя немногочисленность скандинавских древностей на территории города (в отличие от Городища)¹⁴, что заставляет предполагать, что скандинавы жили здесь не рассредоточенно, в различных частях города, но компактно размещались на одном или нескольких ограниченных участках.

Об одном таком месте скопления скандинавов — наемников Ярослава Мудрого — летописи упоминают. Это «Поромонь двор», на котором летом 1015 г.¹⁵ новгородцы перебили варягов Ярослава. Этимологически название *Поромонь дворъ*, вероятнее всего, восходит к др.-исл. *farmannagardr* «купецский двор» (от др.-исл. *farmaðr*, др.-швед. *farman* «путешественник, мореплаватель; купец, ведущий заморскую торговлю»¹⁶ и *gardr* «хутор, усадьба, двор»)¹⁷. Его местоположение неизвестно, но можно предположить, что оно определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, поскольку здесь располагались дружинники Ярослава, он должен был находиться неподалеку от резиденции князя на Дворище¹⁸. Во-вторых, скандинавы, как наемники, так и купцы, приходили в Новгород на кораблях по Волхову и вряд ли жили на большом расстоянии от своих кораблей, которые требовалось разгружать, ре-

¹⁴ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 95–97; Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 18–38.

¹⁵ ПВЛ-1996. С. 62. В НПЛ аналогичный рассказ ошибочно помещен под 1016 г. (НПЛ. С. 174).

¹⁶ Ср. граффито из Софии Новгородской: «Господи, помози рабу своему Фарьману Глебову отроку» (Медьницев А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1977. № 167. С. 108), начерченное дружинником князя Глеба (неясно, Глеба Святославича, княжившего в Новгороде в 1069–1070 гг., или Глеба Ольговича, 1137 г.), носившим, очевидно, прозвище *farmaðr*. Прозвище (имя?) *Farmaðr* встречается также в Англии и Нормандии (Insley J. Scandinavian Personal Names in Norfolk. A Survey Based on Medieval Records and Place-Names. Uppsala, 1994. P. 118–119).

¹⁷ Эта принятая ныне многими исследователями этимология была предложена еще в 1907 г.: Mikkola J. J. Fornry. *Poromonĭ dvorŭ*, fisl. *farmardr* // ANF. 1907. В. 23, Н. 3. С. 281 (см.: Валеев Г. К. О «дворе Поромони» в Новгороде и «дворе Вакъевѣ» во Владимире Волынском // Валеев Г. К. Антропонимия Повести временных лет. Канд. дисс. М., 1982. С. 196–198). Был предложен и ряд альтернативных этимологий: как транслитерация греч. *Παραμόνος* «приближенная охрана, телохранитель» (Thörnqvist C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala; Stockholm, 1948. S. 242–243; Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. P. 117–118); от греческого личного имени *Παραμόνος* (Ekblom R. Livvaktensgård i Jaroslav den Vises Novgorod // Kgl. Humanistiska Vetenskaps-Samfundets i Uppsala Årsbok. 1952. S. 21); по аналогии с псковским микротопонимом *поромьянь* (в Псковской III летописи, ср. также: Паромо-Успенская церковь) от *паромъ* (возводимого к др.-швед. *pram*) как «паромный двор», «двор, где пристает паром» (Клейбер Б. *Поромьянь* в Пскове и *Поромони двор* в Новгороде // Славянское языкознание. М., 1959. С. 120–124). А. Поппэ, воздержавшись от этимологизации названия, отмечал, что его значение, вероятно, было непонятно уже древнерусским летописцам (Poppe A. *Poromonĭ dwór* // Słownik Starożytności Słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. Т. IV. 1. С. 232).

¹⁸ В НПЛ под 6914 (1406) г. сообщается о пожаре, уничтожившем «князь двор на Торговой стороне от Гоцкого двора до Плесковского» (НПЛ. С. 399).

монтировать и прежде всего охранять от далеко не всегда доброжелательно настроенных новгородцев. Поэтому их подворье должно было располагаться, с одной стороны, неподалеку от Ярославова Дворища, с другой — как можно ближе к Волхову. Именно этим условиям отвечает местоположение Готского двора в XII в. На самом берегу Волхова против Готского двора, по описанию «Устава о мостех» (1265–1267 гг.)¹⁹, находился «Гаралдов вымол», т. е. «пристань (причал) Харальда», за сохранность которого отвечали *гъте* («готландцы») — власти Готского двора. Тем самым «Гаралдов вымол» должен был находиться на берегу Волхова у Готского двора. Представляется в высшей степени вероятным предположение А. Л. Хорошкевич, что это название причал получил еще в 1030–1040-е гг. по имени Харальда Сигурдарсона, проведшего более десяти лет на службе у Ярослава и в Византии и женатого на Елизавете Ярославне²⁰. О древности микротопонима говорит тот факт, что к середине XIII в. личное имя в его составе утратило исторические коннотации и подверглось деформации: в списках Устава имеются варианты, очевидным образом искажающие и русифицирующие имя Харальд: Вералдов, Гелардов, Алфердов, Афедоров²¹.

Строительство Ярославом Мудрым «палат» для наемного варяжского отряда под водительством Эймунда, прибывшего на Русь, вероятно, в 1015 или 1016 г.²², отмечается и в исландской «Пряди об Эймунде Хрингссоне». Однако, поскольку в запечатлевшейся в скандинавской традиции истории Ярослава мотив строительства палат фигурирует неоднократно²³, весьма возможно, что в «Пряди об Эймунде» возведение Ярославом каменных палат по требованию Эймунда является интерпретацией этого мотива, в основе которой лежат воспоминания о том, что в Новгороде существовала усадьба скандинавских наемников, на которой стояли одна или несколько жилых построек.

Таким образом, представляется весьма вероятным, что уже в 1015 г. на месте будущего Готского двора находилось подворье, где располагалась варяжская дружина Ярослава Мудрого и могли останавливаться купцы из скандинавских стран.

¹⁹ ПРП-1. С. 206–210 (распределение вымолов — с. 207). О датировке памятника см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 116.

²⁰ Хорошкевич А. Л. «Гаралда вымол» // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. А. Станиславского. М., 1991. С. 250–251.

²¹ ПРП-1. С. 220; Хорошкевич А. Л. «Гаралда вымол».

²² См. подробнее: Мельникова Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2007.

²³ Ср. открывающий «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в сборнике королевских саг «Гнилая кожа» (составлен в 1190-е гг. и дошел до нас в редакции ок. 1220 г.) эпизод ссоры Ярослава и Ингигерд после строительства новых палат (Morkinskinna / Finnur Jónsson. København, 1932. С. 1–3; Джаксон Т. Н. ИКС-2000. С. 48 — текст, 56 — перевод).

К концу 1020-х гг. торговые отношения со скандинавскими странами становятся более упорядоченными: между 1024 и 1028 гг. заключается первый поддающийся реконструкции торговый договор с Норвегией²⁴. На интенсификацию торговых связей указывают археологические находки в Висбю, Лунде и особенно Сигтуне²⁵. Продолжается и приток новых скандинавских военных отрядов, особенно после 1028 г., когда Олав Харальдсон был вынужден бежать на Русь к Ярославу Мудрому, и в еще большем числе после 1030 г., когда Олав пал в борьбе за норвежский трон, а его соратники покинули Норвегию.

Наиболее известным среди них был сводный брат Олава Харальд Сигурдарсон, впоследствии конунг Норвегии, получивший прозвище Суровый Правитель. С его именем связывается, как говорилось выше, название пристани около Готского двора, и именно временем его пребывания в Новгороде (с весны 1031 г. – ок. 1034 г., зима 1043/1044 гг.), как представляется, можно датировать возведение посвященной Олаву церкви²⁶. Основанием для этого предположения служат повествования о чудесах св. Олава.

Рассказы о творимых св. Олавом чудесах появились практически сразу после его смерти: собственно, само его провозглашение святым в 1031 г. — спустя год после битвы при Стикластадире, в которой он погиб, — было вызвано распространившимися слухами о чудесах, совершающихся у места его захоронения. Обнаруженные нетленные останки Олава подтвердили его святость. Древнейшее произведение, рассказывающее о чудесах св. Олава, включая знамения его святости, — «Поминальная драпа» об Олаве Святом, созданная скальдом Олава Сигватом Тордарсоном ок. 1040 г.²⁷. Уже в ней содержится упоминание о чуде, которое Олав совершил «в Гардах» (при жизни, т. е. во время своего пребывания в Новгороде?²⁸), вернув зрение некоему Вальдемару²⁹. Сюжет исцеления слепых — один из наиболее древних и распространенных среди чудес св. Олава: он представлен около 10 раз в памят-

²⁴ Мельникова Е. А. «Торговый мир» Руси и Норвегии 1024–1028 гг. // ВЕДС. М., 1997. С. 35–41; Melnikova E. A. *Par var eigi kaupfriðr í milli Sveins ok Jarizleifs*: A Russian-Norwegian Trade Treaty Concluded in 1024–1028? // Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner. Kiel, 1997. S. 15–24.

²⁵ Duczko W. Slaviskt och gotländskt smide i älda metaller // Guter och vikingar. Stockholm, 1983; Mårtensson A. W. Uppgrävt förflutet för PK-banken i Lund. En investering i arkeologi // Archaeologia Lundensia. Malmö, 1976. Т. VII; Ros J. Sigtuna. Staden, kyrkorna och den kyrkliga organisationen. Uppsala, 2001. S. 170–176.

²⁶ См. подробнее: Мельникова Е. А. Культ святого Олава в Новгороде и в Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 98–106.

²⁷ Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. København, 1920. В. 1. S. 244.

²⁸ Ср. «прижизненное» чудо св. Олава, сотворенное в Новгороде: рассказ в «Легендарной саге об Олаве Святом» об исцелении Олавом мальчика от нарыва в горле путем наложения рук. См.: Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 41 (текст), 44 (перевод), 180–181 (комментарий).

²⁹ Там же. С. 69 (текст), 83 (перевод), 188–189 (комментарий).

никах различного времени³⁰. Для нас же наиболее важно, что в Норвегии уже в первое десятилетие после смерти Олава становится известен рассказ, действие которого происходит на Руси. Вряд ли такой рассказ мог возникнуть в иной среде, нежели скандинавские поселенцы и путешественники на Руси, которые должны были поддерживать очень тесные связи с Норвегией: за неполные десять лет известие об установлении почитания Олава дошло до них, распространилось настолько, что породило новые, местные повествования о совершенных Олавом чудесах, и одно из таких повествований вернулось на родину к 1040 г., когда была сложена «Поминальная драпа».

Главной особенностью этого рода чудес является прямое взаимодействие святого и исцеляемого без каких-либо посредников.

Иной тип «русских» чудес представлен в «официальном», каноническом собрании *miracula*, составленном архиепископом Нидароса Эйстейном в 1170 г. («Страсти и чудеса блаженного Олава»), и его переработке — «Деяниях святого Олава, короля и мученика», которые были затем переведены на норвежский язык и включены в «Норвежскую книгу проповедей» (рубеж XII–XIII вв.)³¹. Среди отобранных Эйстейном 20 новелл о чудесах св. Олава действие двух происходит в Новгороде, что само по себе требует объяснения, поскольку все остальные приурочены к самой Норвегии, за исключением двух, случившихся в Византии. Одно из этих чудес — исцеление, второе — спасение от пожара (тип чуда, не характерный для Олава, который обычно предстает как исцелитель или спаситель от плена, заключения и т. п., реже он дарует победу в бою). Главной их особенностью является то, что в фабуле обеих новелл центральное место занимает церковь св. Олава в Новгороде: в первом случае немой юноша должен заночевать в церкви, где ему является Олав, во втором — пожар охватывает образ св. Олава, вынесенный из его церкви священником. Церковь св. Олава играет большую роль и в «византийских» чудесах: одно из них прямо посвящено возведению церкви в Константинополе неким варангом по обету. Создание этих новелл о чудесах св. Олава было связано, очевидно, с основанием храма, патроном которого он являлся. Обе они — в отличие от других многочисленных рассказов о его чудесах — служат прославлению не только самого святого, но, в первую очередь, посвященной ему церкви, которая служит посредником между святым и молящим о чуде.

³⁰ Общий обзор чудес св. Олава см.: *Holtmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Norsk litteraturovitenskap i det 20. århundre. Festskrift til Fr. Bull. Oslo, 1938. S. 121–133; Whaley D. The Miracles of S. Olaf in Snorri Sturluson's Heimskringla // Proceedings of the Tenth Viking Congress. Larkollen, Norway, 1985 / J. Knirk. Oslo, 1987. P. 325–342.*

³¹ *Passio et miracula beati Olavi / F. Metcalfe. Oxford, 1881; Acta sancti Olavi regis et martyris // MHN. S. 125–144; Gammel Norsk Homilieboek // University of Illinois Studies in Language and Literature. Urbana, 1929. Vol. XIV. N 4. P. 159–176; Джаксон Т. Н. ИКС-1994. С. 127–128, 131–132 (тексты), 129, 132–133 (перевод), 189–190 (комментарий).*

Распространение в Новгороде культа св. Олава происходит в первое же десятилетие после его смерти, т.е. в период пребывания там Харальда Сигурдарсона, ярого почитателя Олава³². Никогда более на протяжении второй половины XI в. и позднее в Новгороде не было таких благоприятных условий для основания церкви св. Олава: наличие большого контингента скандинавов — соратников и почитателей Олава, в том числе его брата, благосклонность к будущему норвежскому конунгу Ярослава Мудрого, выдавшего позднее за него одну из своих дочерей, отсутствие еще сколько-нибудь оформленного противостояния западного и восточного христианства, по крайней мере, на бытовом уровне³³. Поэтому можно предполагать, что церковь св. Олава была возведена в 1030-х — начале 1040-х гг. Поскольку она была предназначена для скандинавов, находившихся в Новгороде, а впоследствии принадлежала Готскому двору, естественно полагать, что она изначально была построена на уже существовавшем «варяжском подворье» или рядом с ним — в любом случае на территории будущего Готского двора.

Итак, возникновению Готского торгового двора, как представляется, предшествовало длительное, на протяжении нескольких десятилетий, существование варяжского (скандинавского) подворья, которое появилось в период наиболее активного привлечения скандинавских наемников Ярославом Мудрым. Первоначально на нем были расквартированы находившиеся в Новгороде наемные военные отряды скандинавов. Позднее, вероятно в 1030-е — начале 1040-х гг., на территории подворья или рядом с ним была построена церковь во имя св. Олава для нужд находившихся в Новгороде скандинавов. Когда же «варяжское подворье» превратилось в полноценный торговый двор и почему он получил название Готского?

*

Насколько можно судить по письменным источникам, почти исключительно западноскандинавского происхождения, на службу русским князьям в X — первой половине XI в. поступали по преимуществу шведы и норвежцы³⁴. Однако и готландцы нередко плавали на восток: с рубежа VIII–IX вв. на остров

³² Показательно, что в рассказе о деятельности Харальда в Византии Кекавмен отмечает, что «у него был брат Юлаф, который после смерти своего отца и занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в царстве», а в конце повествования указывает, что Харальд по возвращении в Норвегию занял трон Юлафа (*Кекавмен. Советы и рассказы* / Г.Г. Литаврин. М., 1972. С. 282). Сведения об Олаве, не бывавшем в Византии, могли поступить только от самого Харальда.

³³ В XII в. уже появляются запреты новгородцам посещать «варяжскую церковь» (см. «Вопрошание Кирика» // РИБ. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 60).

³⁴ Отсутствие восточноскандинавских, в том числе готландских, письменных памятников XI–XII вв., кроме рунических надписей, естественно, заставляет говорить об этом с большой осторожностью.

Готланд через Восточную Европу начинают поступать во все большем количестве восточные серебряные монеты³⁵. Количество найденных дирхемов (более 40 000)³⁶, равно как и число кладов (более 700)³⁷ свидетельствуют о чрезвычайной активности готландцев в восточной торговле IX–X вв. Особенно показательна связь кладов с богатыми усадьбами, принадлежавшими «заморским купцам» (*farmenn*): подавляющее большинство кладов серебряных монет, слитков и предметов обнаружено в пределах усадеб, нередко под полами домов или рядом с жилым домом³⁸.

Следов восточноевропейских связей Готланда XI в. по археологическим и нумизматическим данным значительно меньше. Арабское серебро доминирует в кладах до 970-х гг., после чего постепенно растет количество немецких денариев и английских пенни, однако дирхемы продолжают присутствовать в кладах даже первой половины XII в.³⁹, но в несравненно меньшем количестве, и в подавляющем большинстве это монеты чеканки X в. и более раннего времени, т. е. старые запасы, а не новые поступления. Крайне мало найдено на Готланде и восточноевропейских древностей XI в., равно как и готландских в Новгороде⁴⁰.

Тем не менее поездки готландцев на Русь и в Новгород продолжают, о чем свидетельствуют готландские рунические памятники. Из восьми известных готландских надписей, упоминающих Восточную Европу, шесть датируются XI в.⁴¹. Четыре из них говорят о людях, побывавших или погибших в Восточной Европе, причем один из них, в чью честь установлена мемориальная стела, «умер в Хольмгарде» — Новгороде⁴².

Таким образом, свидетельства о готландско-новгородских связях XI в. скудны как по причине недостатка письменных источников, так и, видимо

³⁵ *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947–1958. B. I–II; *Corpus nummorum Saeculorum IX–XI*. Stockholm, 1977. Bd. 1. Gotland. Del. 1–2; *Callmer J.* Numismatics and Archaeology: Some Problems of the Viking Age Period // *Fornvännen*. 1980. Årg. 75. S. 203–212.

³⁶ *Noonan Th. S.* Dirham Exports to the Baltic in the Viking Age: Some Preliminary Observations // *Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage* / K. Jonsson, B. Malmer. L., 1990. P. 251–258 (*Commentationes de nummis saeculorum IX–XI*.6).

³⁷ *Burenbult G.* Arkeologi i Sverige. 2 uppl. Höganäs, 1991. B. 3. Samhällsbyggare och handelsmän. S. 163. В большинстве кладов IX – первой половины XII в. присутствуют дирхемы.

³⁸ *Östergren M.* Silverskatternas fyndplatser — farmannens gårdar // *Gutar och vikingar*. Stockholm, 1983. S. 34–48; *Idem.* Mellan stengrund och stenhus: Gotlands vikingatida silverskatter som boplatssindikation. Stockholm, 1989.

³⁹ Так, например, в типичном по составу кладе из Оксарве конца 1220-х гг. среди более 600 монет, из которых около половины английские, присутствует 78 восточных монет, большинство из которых чеканены в 893–939 гг. (*Jansson I.* Gotland och omvärlden under vikingatiden — en översikt // *Gutar och vikingar*. S. 226–227).

⁴⁰ *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. С. 97–98.

⁴¹ *Мельникова Е. А.* СРН ННИ. С. 294–300.

⁴² Там же. С. 300. № Б–III.4.8 (Hallfrede).

в первую очередь, по причине не слишком высокой интенсивности этих связей. Готландцы бывали в Новгороде, но не они составляли основной контингент «варяжского подворья», особенно в первой половине XI в. Поэтому оснований называть это подворье торговым двором, тем более готландских купцов, в то время не было.

Радикальные перемены в новгородско-готландских отношениях, насколько можно судить по совокупности разнохарактерных источников, происходят в самом конце XI – начале XII вв.

Во-первых, со второй половины XI в. существенно изменяется характер торговой деятельности готландских купцов. Количество денежно-вещевых кладов на Готланде сокращается, но их размер существенно увеличивается⁴³. Именно к этому времени относятся такие огромные сокровищницы, как денежно-вещевой клад из Бюрге (приход Люммелунда), содержащий свыше 10 кг серебряных монет, рубленого серебра и украшений (1140-е гг.). Это указывает на концентрацию торговли в руках немногочисленных, но крупных купцов, для которых торговля являлась профессиональным, а не окказиональным занятием. О том же говорит и смещение к побережью с конца XI в. усадеб «заморских купцов», ранее располагавшихся более или менее равномерно по всему острову⁴⁴.

Во-вторых, в это же время в готландской торговле, а также в культуре начинают отчетливо проявляться связи с Новгородом. В монетной части уже упоминавшегося клада из Бюрге наряду с арабскими дирхемами, немецкими денариями и рубленным серебром присутствуют 34 древнерусские серебряные гривны с кириллическими граффити (именами *Селята*, *Тихота*, *Бынята* и др.) и так называемые лепешки камского серебра. Исследование монетных гривен — все они принадлежат к одному типу, ранее определяемому по находкам на Руси как черниговские, — позволило установить, что они производились в Северной Руси⁴⁵.

В первой половине XII в. на Готланде возникает традиция росписи деревянных панелей — внутренней обшивки церквей. Сохранившиеся фрагменты панелей из двух церквей (в приходах Эке и Дальхем), согласно новейшим исследованиям, не являются работой русских или греческих мастеров, как предполагалось ранее. Они, видимо, созданы местными мастерами, но хорошо знакомыми с византийско-русской традицией⁴⁶, ближайшим очагом которой был

⁴³ *Burenhult G.* Arkeologi i Sverige. S. 163.

⁴⁴ См. карты дистрибуции кладов на о. Готланд в ст.: *Noonan Th. S.* Dirham Exports to the Baltic in the Viking Age. S. 147.

⁴⁵ *Котляр Н. Ф.* Северорусские («черниговские») монетные гривны // ДГ. 1994 год. М., 1996. С. 80–142.

⁴⁶ *Васильева С. В.* Традиции византийского искусства в художественной культуре XII в. острова Готланд // СВ. 2007. Вып. 68. С. 177–196.

Новгород. В середине XII в. на Готланде начинается строительство каменных церквей, и две из древнейших — в приходах Гарда и Челлунге — оказываются расписаны фресками, ближайшие аналогии которым имеются в Новгороде и Пскове. Более того, их стилистика указывает на то, что они выполнялись непосредственными носителями византийско-русской культуры. Разновременность фресок: росписи церкви в Гарде можно датировать 1150–1160-ми гг., росписи Челлунге — концом XII в., — свидетельствует не только о существовании длительных, на протяжении почти всего XII в., связей церковного искусства Готланда с искусством Руси и Византии, но и о формировании на Готланде в это время своеобразной культуры, в которой большую роль играли русско-византийские традиции⁴⁷.

Русско-византийские влияния на церковную живопись Готланда на протяжении почти всего XII в. свидетельствуют о крайне тесных связях готландского купечества с Русью. Богатые купцы, бывавшие в Новгороде и других городах северо-запада, должны были не только познакомиться с росписью русских храмов, но она должна была приобрести статус высокопрестижной. Богатство и авторитет купцов, торговавших с Новгородом, находили выражение и подтверждение в особом, отличном от общескандинавского, ориентированного скорее на Германию, искусстве. Только в этом случае они стали бы привозить с собой или приглашать русских мастеров для росписи основываемых ими церквей — а большинство из множества приходских церквей Готланда, построенных в XII–XIII вв., создавалось именно на средства крупных купцов. И только высокой престижностью русско-византийской живописи уже в начале XII в., если не ранее, можно объяснить использование ее традиций местными, готландскими, мастерами.

В-третьих, к началу – первой трети XII в. относятся древнейшие упоминания собственно готландцев в русских источниках. Готландцы (*gъте, gоте*) называются в перечне скандинавских народов в этногеографическом вступлении к «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), написанном в 1110-х гг.⁴⁸, а в 1130 г. в НПЛ впервые отмечается поездка русских купцов в Данию (Донь) и в «заморье» (на Готланд?): «Того же лѣта, идущи изъ заморья гость, потопе лодѣи 7, и сами истопоша и товаръ, а друзии вылъзоша, нъ нази; а из Дони приидоша здрави»⁴⁹. Это сообщение при всей его краткости имеет принципиально важное значение. Как явствует из текста, в этом году состоялось, по крайней мере, два торговых путешествия новгородцев за море, причем о гибели части купцов и судов с товарами, возвращавшихся в Новгород «из заморья», как

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ПВЛ-1996. С. 8. Показательно, что среди «варягов» составитель ПВЛ называет лишь те скандинавские народы, которые явились «титულным» народом при образовании скандинавских государств. См. подробнее: Мельникова Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого.

⁴⁹ НПЛ. С. 206–207.

и о благополучном возвращении купцов из Дании, говорится как об обыденном, не содержащем ничего исключительного событии. Очевидно, что поездки новгородских купцов в скандинавские страны были к этому времени более или менее регулярны, хотя они и нечасто упоминаются в летописи, где отмечаются лишь особые, как правило конфликтные, ситуации.

Наконец, к началу – первой половине XII в. относится заключение «старого мира», упомянутого в первом дошедшем до нас договоре Новгорода с Готландом и немецкими городами 1191–1192 гг.⁵⁰. В статьях, предположительно восходящих к тексту «старого мира», имеются аналогии как в «Русской Правде», так и в городском праве Висбю, составленном в начале XII в.⁵¹. Сохранение правовых норм эпохи составления Правды Ярослава указывает на древность «старого мира», а обращение к городскому праву Висбю свидетельствует, по меньшей мере, о доминировании Готланда в торговле с Новгородом, если не о его единоличном, еще без немецких городов, участии в составлении документа.

Действительно, есть основания предполагать, что «старый мир» был двусторонним, а не трехсторонним, и регламентировал он отношения между готландскими и новгородскими купцами. Проникновение немецких купцов на Готланд отмечается письменными источниками лишь с середины XII в. — после того, как Любек в 1158 г. перешел под власть Генриха Льва, который в 1161 г. издал Артленбургскую привилегию, дающую готландским купцам право беспошлинной торговли в Любеке⁵². На протяжении второй половины XII в. приток немецких купцов в Висбю резко возрастает, и к концу XII в. в Висбю институализируется колония немецких купцов (*gilda communis*), которые строят в 1190 г. купеческую церковь Девы Марии. Этим же временем (1192 г.) датируется и основание Немецкого двора в Новгороде⁵³. Участие немецких городов, тесно связанных с немецкой гильдией в Висбю, в заключении договора 1191–1192 гг., а не только готландцев, поэтому естественно. Иное дело — начало XII в., когда немецкие города еще не начали играть сколько-нибудь значительную роль в восточно-балтийской торговле, немецкие купцы еще не установили прочных связей с Висбю, а Немецкий орден еще не начал своей деятельности в Восточной Прибалтике.

⁵⁰ ГВНП. № 28. С. 55–56. В преамбуле договора отмечается использование в нем положение предшествующего договора: «...потвердихом мира старого». О датировке см.: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 105, 110–113.

⁵¹ Wisby stadslag och sjörrätt // Samling af Sweriges gamla lagar / C. J. Schylder. Lund, 1853. В. 8; Hasselberg G. Studier rörande Visby stadslag och dess källor. Diss. Uppsala, 1953. О сходстве некоторых положений договора с городским правом Висбю см.: Покровский В. С. Договор Новгорода Великого с Готландом и немецкими городами 1189–1195 гг. как памятник международного права // Изв. высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1959. С. 99–100.

⁵² Yrwing H. Visby — Hansestad på Gotland. Södertälje, 1986. S. 36–37.

⁵³ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 106.

Думается, что именно на рубеже XI–XII вв. или в самом начале XII в., возможно в связи с заключением «старого мира», «варяжское подворье» в Новгороде приобретает официальный статус торгового двора и начинает именоваться «Готским», т. е. «готландским». Не исключено, что при этом расширилась территория подворья: к нему был присоединен участок, примыкающий с востока — дальше от берега Волхова и ближе к Дворищу. Это объяснило бы, почему при раскопках Готского двора были обнаружены материалы только XII в. и последующих, но не более раннего времени, и не были найдены следы церкви св. Олава: постройки «варяжского подворья», видимо, остались недоступными для исследования под фундаментами современных построек на берегу Волхова.

Договор 1191–1192 гг., как, вероятно, и «старый мир» (равно и последующие договоры Новгорода), устанавливает паритетные отношения сторон: права готландских и немецких купцов в Новгороде соответствуют аналогичные права новгородских купцов в «заморье». Таковы права свободного проезда новгородцев «в Немечьску землю и на Гьцкъ берегъ» и немцев и готландцев в Новгород; виры за убийство немецкого посла или купца (понятие «немецкий» включает как собственно немцев, так и готландцев) в Новгороде и новгородского посла или купца «за морем» и др.

Договор предполагает не только пребывание готландских и немецких купцов в Новгороде, но и плавания новгородских купцов на Готланд («на Гьцкъ берегъ») и в немецкие города («в Немечьску землю»): названные выше статьи договора, собственно, и гарантируют безопасность пребывания новгородцев в «заморье». Однако регулярные плавания новгородцев, прежде всего на «Готский берег», т. е. в Висбю, требовали создания условий для их проживания в городе в период проведения ими торговых операций, которые могли занимать значительное время, а относительная кратковременность безопасных плаваний по Балтийскому морю нередко вынуждала купцов и зимовать за границей. Если Готский двор в Новгороде был учрежден на рубеже XI–XII или в начале XII в., то поддержание паритета в торговых отношениях требовало одновременно основания двора новгородских купцов в Висбю. О существовании такого «новгородского двора» («становища») известно из текста договора 1259 или 1260 г.⁵⁴ Однако столь позднее его упоминание несколько не снижает вероятности его учреждения полутора столетиями раньше — ведь и о Готском дворе впервые говорится в латиноязычном проекте договора Новгорода с немецкими городами и Готским берегом 1268 г.⁵⁵, т. е. тоже примерно через полтора столетия после его основания.

Косвенным образом существование новгородского «становища» на Готланде в конце XII в. подтверждает текст договора 1191–1192 гг. В конце дого-

⁵⁴ ГВНП. № 29. С. 56–57.

⁵⁵ Памятники истории Великого Новгорода. С. 68.

вора предусматривается вира за убийство священнослужителя: «Оже убьютъ таль или поп новгородское или немецкѣе Новегороде, то 20 гривен серебра за голову»⁵⁶. Хотя здесь и не отмечено специально место убийства новгородского священника, во всех аналогичных статьях речь идет о преступлениях против новгородцев на Готланде или в немецких городах и против немцев или готландцев в Новгороде. Вряд ли данная статья была исключением, и речь в ней, надо полагать, идет о русском священнослужителе, находящемся в «заморье». Трудно предположить, что при крайне ограниченной грузоподъемности судов новгородские купцы возили с собой священников для отправления служб. Значительно вероятнее, что русские священники более или менее постоянно находились в Висбю (и в Любеке, и в других немецких городах?), и, значит, там имелись православные церкви. Аналогичным образом «варяжские попы» упоминаются в «Вопрошаниях» Кирика⁵⁷, а в одном из «русских» канонических чудес св. Олава действующим лицом является священнослужитель церкви св. Олава в Новгороде Стефан⁵⁸. Основание купеческой церкви не обязательно свидетельствует о наличии торгового двора: в раннее время церковь подчас заменяла торговый двор, выполняя ряд его функций⁵⁹, а в Новгороде середины — второй половины XI в. церковь принадлежала «варяжскому подворью». Однако совокупность приведенных материалов заставляет предполагать, что и в Висбю на рубеже XI–XII вв. или в начале XII в. был основан новгородский торговый двор, на котором к 90-м гг. XII в. была построена русская церковь.

Если сведения о новгородском дворе в Висбю крайне малочисленны (они содержатся исключительно в договорах Новгорода с немецкими городами и Готским берегом) и он не упоминается в готландских письменных текстах, а также не обнаружен археологически, то существование «русской церкви» отмечается многими источниками XV–XVII вв. начиная с 1461 г.⁶⁰. В постскрипте к датированному этим годом письму ливонских городов Любеку отмечается существование двух новгородских церквей на Готланде⁶¹. Руины одной из них, находящиеся в центре Висбю (в квартале Мункен), поблизости от кафедрального собора, неоднократно упоминаются в позднейших документах и описаниях Висбю начиная с XVI в.⁶². Эта церковь (*Ryska kyrka*) ныне идентифицируется с фундаментами храма, обнаруженного в квартале Мункен около

⁵⁶ ГВНП. С. 56.

⁵⁷ РИБ. Стб. 60.

⁵⁸ *Acta sancti Olavi regis et martyris*. S. 142.

⁵⁹ См.: *Johansen P.* Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet // *Vorträge und Forschungen*. 1958. Bd. IV. S. 499–525.

⁶⁰ Подробный обзор источников, содержащих упоминания «русской церкви», см.: *Yrwing H.* *Visby*. S. 44–53.

⁶¹ *Ibid.* S. 44–45.

⁶² *Ibid.* S. 46–53.

Торговой (центральной) площади Висбю при раскопках В. Фалька в 1971 г.⁶³. Остатки церкви находятся под постройками конца XVII в., и потому их удалось исследовать лишь частично: открыты южная стена на протяжении 8,5 м, небольшой участок северной стены и апсида. Расстояние между северной и южной стенами — 9,6 м. Это была одноапсидная церковь с двумя квадратными в плане столбами в центре. У южной стены церкви были найдены надмогильные плиты и грунтовые погребения без домовин.

Идентификация второй «русской церкви» вряд ли пока возможна. Ее пытались отождествить с руинами церкви св. Климента⁶⁴, во дворе которой был найден нателный крестик из серого сланца с надписью мастера, изготовившего крестик: **тжна къваль грѣшное** «Туна ковал грешный»⁶⁵. Однако этой одной находки вряд ли достаточно для сколько-нибудь убедительной идентификации.

Если хотя бы одна «русская церковь» появилась в начале XII в. и была, как и новгородские храмы, расписана фресками, то работавшие в ней мастера (скорее всего, привезенные новгородскими купцами из Новгорода) могли стать теми самыми проводниками русско-византийской традиции в церковной живописи, которая проявилась на Готланде уже в первой половине XII в. — в росписях деревянных панелей из церквей прихода Дальхем и Эке.

Таким образом, совокупность письменных, археологических и нумизматических источников позволяет более или менее уверенно реконструировать основные этапы предыстории Готского двора в Новгороде: выделение подворья варяжским дружинникам Ярослава в 1015 г., строительство церкви св. Олава, вероятно, в 1030-е – начале 1040-х гг., преобразование подворья в торговый Готский двор на рубеже XI–XII вв. или в начале XII в. Представляется, что одновременно в Висбю был открыт и торговый двор новгородских купцов, на котором была построена православная церковь.

(Впервые опубликовано: История: Дар и долг. Юбилейный сб. в честь А. В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 184–198)

⁶³ *Falck W.* Ryska kyrkan i kv. Munken // *Gotländskt arkiv*. 1971. В. 43. С. 55–93. Поскольку фундамент церкви находится под современными постройками, исследовать удалось лишь его часть в подвале одного из домов. Невозможность сколько-нибудь масштабных раскопок в квартале Мункен, в самом центре Висбю с очень плотной застройкой, не позволяет установить, находился ли новгородский торговый двор там же, где и церковь.

⁶⁴ *Eckhoff E.* S:t Clemens kyrka i Visby. Stockholm, 1912.

⁶⁵ *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в. М., 2000. С. 182–185.

О юридическом статусе Готского двора в Новгороде в середине XIII в.

В ходе переговоров между новгородскими властями и представителями Любека и Висбю, закончившихся до 21 апреля 1270 г.¹ и призванных урегулировать осложнения в торговле, вызванные вмешательством Ливонского ордена², были составлены два проекта торгового договора. Первый, на латинском языке, был подготовлен немцами и готландцами и содержал их предложения о регулировании торговли и о статусе торговых дворов³. Он был представлен новгородцам во второй половине 1268 или в начале 1269 г.⁴, но не принят ими, и в новом, на этот раз новгородском, проекте были опущены или изменены многие положения, хотя в преамбуле к нему и указано, что князь Ярослав Ярославич «написал нашу правду согласно вашим грамотам»⁵. Новгородский проект был передан немецкой стороне и утвержден (?) не позднее 21 апреля 1270 г.⁶. Его текст сохранился только на нижненемецком языке⁷. Именно в этих двух документах впервые упоминаются Немецкий и Готский торговые дворы («*curie Theutonicorum et Gotensium*») в Новгороде и определяются их имущество и юридический статус.

¹ В письме от 21 апреля 1270 г. вице-магистр Ливонского ордена Андреас фон Вестфален сообщил в Любек о нормализации отношений с Новгородом: HUB. 1876. Bd. I. S. 240. № 678; LUB. 1853. Bd. I: 1093–1300. Col. 530–531. № 418.

² См. подробнее: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Новгород Великий, 2001. С. 114–115.

³ Текст этого проекта был впервые опубликован И. Дрейером (*Dreyer Jo. C. H. Specimen juris publici Lubecensis. Buezov et Wismar, 1762. S. 177–182*) и неоднократно переиздавался в XIX – начале XX в.: *Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse / J. M. Lappen-berg. Hamburg, 1830. Th. 2. S. 29–12. № XI; LUB. Col. 517/518–527/528. № 413* (издан параллельно с текстом договора 1269 г. См. примеч. 7); *Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855. С. 19–35 (в примеч.); HUB. S. 229–233. № 663; Памятники истории Великого Новгорода / С. В. Бахрушин. СПб., 1909. С. 64–68. См. о нем: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991 (№ 4); Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986; Она же. Торговля средневекового Новгорода. С. 114–119. Ниже договор цитируется по изданию С. В. Бахрушина.*

⁴ В июне 1268 г. великий магистр Ливонского ордена Отто фон Люттерберг просил Любек направить послов для заключения мирного договора с Новгородом (LUB. Col. 514–515. № 410; HUB. S. 225–226. № 656. См. также № 657), а в письме в Любек от 1 апреля 1269 г. он же писал о передаче проекта договора новгородским властям: LUB. Col. 527–528. № 415; HUB. S. 235. № 667.

⁵ ГВНП. С. 58. Обращает на себя внимание множественное число «вашим грамотам» («*juwe breve*»), которое как будто предполагает, что сохранившийся латиноязычный текст 1268 г. был не единственным документом, представленным немецкой стороной.

⁶ См. примеч. 1. Очевидно, что к 21 апреля 1270 г. соглашение вступило в силу.

⁷ ГВНП. С. 58–61. № 31; LUB. Bd. I. № 414.

В обоих текстах, как и в двух предшествующих (точнее — сохранившихся до нашего времени) договорах Новгорода с Готландом и немецкими городами — 1191–1192 гг.⁸ и 1259–1260 гг. (по Е. А. Рыбиной, или 1262–1263 гг. — по С. Н. Валку; ратифицирован не ранее 1265 г.)⁹, — присутствуют многочисленные ссылки на «старый мир», «на старину», на «прежние» нормы, которые, по распространенному мнению, восходят к несохранившемуся договору, заключенному в начале — первой половине XII в.¹⁰ Впрочем, возникновение договорной практики регулирования торговли Новгорода со Скандинавскими странами, видимо, можно отнести еще ко второй половине 1020-х гг., когда был заключен «торговый мир» (*kaupfriðr*) между Ярославом Мудрым и Олавом Харальдссоном Норвежским¹¹. Однако существование торгового двора — причем новгородского «становища» на Готланде — отмечается впервые только в договоре 1259–1260 гг., а Готский и Немецкий дворы в Новгороде — лишь в документах 1268–1269 гг. Впрочем, косвенное указание на существование новгородского купеческого подворья в Висбю, видимо, содержит уже договор 1191–1192 гг.: в нем предусматривается вира за убийство заложника и священнослужителя: «Оже убьють таль или попъ новгороцкое или немецкъе Новегороде, то 20 гривнь серебра за голову»¹². Хотя здесь и не отмечено специально место убийства новгородских заложника и священника, можно достаточно уверенно предполагать, что речь идет о преступлении, совершенном на Готланде или в немецких городах. Во-первых, убийство русского заложника возможно только за рубежом, а убийство священника в Новгороде не может быть предметом международного договора — оно, как и любое «местное» преступление, подсудно только новгородским властям. Во-вторых, аналогичные статьи договора содержат нормы, основанные на полной взаимности: предусмотрены равные наказания за однотипные преступления против новгородцев на Готланде или в немецких городах и против немцев или готландцев в Новгороде. Вряд ли данная статья является исключением. Трудно также предположить, что новгородские купцы возили с собой священников для отправления служб. Значительно вероятнее, что русские священники более или менее постоянно находились в Висбю и Любеке (и других немецких городах?)

⁸ ГВНП. С. 55–56. № 28. В преамбуле договора отмечается использование в нем положений предшествующего договора: «...потвердихомъ мира старого». О датировке этого договора и «старого мира» см.: Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43–50; Она же. Торговля средневекового Новгорода. С. 103–105.

⁹ ГВНП. С. 56–57. № 29. О датировке см.: Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода; Она же. Торговля средневекового Новгорода. С. 110–114.

¹⁰ Рыбина Е. Л. Торговля средневекового Новгорода. С. 105.

¹¹ Мельникова Е. А. Русско-норвежский торговый мир второй половины 1020-х гг. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1988. С. 75–78; Melnikova E. Þar var eigi kaupfriðr í milli Sveins ok Jarisleifs: A Russian-Norwegian trade treaty concluded in 1024–1028? // Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner. Kiel, 1997. S. 15–24.

¹² ГВНП. С. 56.

и отправляли службу в церквах при новгородских торговых дворах¹³. Аналогичным образом «варяжские попы» упоминаются в «Вопрошаниях» Кирика¹⁴, а в одном из «русских» канонических чудес св. Олава действующим лицом является Стефан, священнослужитель церкви св. Олава в Новгороде¹⁵.

Таким образом, можно с определенной уверенностью полагать, что новгородский двор в Висбю уже существовал ко времени заключения договора 1191–1192 гг. Функционировал в это время и Готский двор в Новгороде, о чем свидетельствуют не только археологические материалы, но и принцип взаимности правовых норм в договорах, прямо оговоренный в заключительной статье немецко-готландского проекта 1268 г.: «Записанные выше права и свободы, которые определили [для себя] иностранные купцы во владениях короля и новгородцев, те же свободы и права благожелательно и добровольно исполняются во всем [относительно] самих новгородцев, когда [они] приезжают на Готланд» («Iura et libertates praescriptas, quas hospites mercatores in dominio Regis et Nogardensium sibi fieri postulant, headem libertates et iura ipsis Nogardensibus, cum in Gotlandiam venerint, in omnibus impendentur favorabiliter et benigne»)¹⁶. Соответственно, основание новгородского торгового двора в Висбю должно было сопровождаться основанием готландского торгового двора в Новгороде.

Существование Готского двора в Новгороде археологически прослеживается с начала XII в.¹⁷, хотя размещение по крайней мере на части занимаемой им территории усадьбы скандинавских наемников и купцов (летописный *Поромонь дворъ* < др.-исл. *farmannagardr* «купеческий двор»¹⁸), вероятно, восходит

¹³ Если сведения о новгородском дворе в Висбю крайне малочисленны и он не упоминается в готландских источниках, а также не обнаружен археологически, то существование «русской церкви» («Ryska kyrkan») документально подтверждается начиная с 1461 г. и вплоть до XVII в. (подробный обзор источников см.: *Yrwing H. Visby — Hansestad på Gotland. Södertälje*, 1986. S. 44–53). По наиболее вероятному предположению, она идентифицируется с фундаментом трехапсидного храма в квартале «Мункен» около Торговой площади (центральной площади Висбю) (см.: *Yrwing H. Visby*, S. 44–53; *Falck W. Ryska kyrkan i kv. Munken // Gotländskt arkiv*. 1971. B. 43. S. 55–93).

¹⁴ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 60.

¹⁵ *Acta sancti Olavi regis et martyris // MHN*. S. 142; *Джаксон Т. Н.* ИКС-1994. С. 127/129, 189–190. Древнейшее упоминание о церкви св. Олава в Новгороде относится к концу XI в., но основана она была, вероятно, значительно раньше — в 1030-е – начале 1040-х гг. См.: *Мельникова Е. А.* Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе // *ВВ*. 1996. Т. 56. С. 92–106.

¹⁶ Памятники истории Великого Новгорода. С. 68.

¹⁷ *Рыбина Е. А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М., 1978. С. 197–226; *Она же.* Раскопки Готского двора в Новгороде // *СА*. 1979. № 3. С. 100–108.

¹⁸ *Mikkola J. Forngr. Poromononī dvorū, fisl. farmardr // ANF*. 1907. B. 23. H. 3. S. 281; *Рожественская Т. В.* Еще раз о топониме «ПОРОМОНЬ ДВОР» в летописном известии (1015) 1016 г. // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб., 1994. С. 205–209; *Мельникова Е. А.* К предыстории Готского двора в Новгороде // Сб. статей к 60-летию А. В. Назаренко (в печати) [Опубликовано в: История: Дар и долг. Юбилейный сб. в честь А. В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 184–198. — *Прим. ред.*].

к середине 1010-х гг.¹⁹. Представляется, что преобразование «варяжского подвоя» в Новгороде в торговый двор происходит именно на рубеже XI–XII вв. или в самом начале XII в., возможно, в связи с заключением «старого мира». Тогда же возникает и новгородское «становище» в Висбю. Приобретение «варяжским подводем» официального статуса торгового двора, вероятно, сопровождалось и его именованнем «Готским», т.е. «готландским»; существование такого обозначения в XI в. весьма сомнительно: среди воинов-наемников Ярослава Мудрого преобладали шведы и, возможно, норвежцы. Поэтому находившихся в Новгороде готландцев было неизмеримо меньше, нежели шведов или норвежцев, особенно во второй – третьей четвертях XI в., и оснований для обозначения «варяжского подвоя» как готландского тогда еще не было.

Между тем в «старых» договорах XII в., равно как и в договоре 1259–1260 гг., речь о юридическом статусе Готского двора не идет²⁰: в них обуславливаются гарантии безопасности купцов и их товаров (как и в договоре второй половины 1020-х гг.), оговариваются права и обязанности купцов, новгородских и зарубежных. Субъектом права до конца 1260-х гг. являлся не двор как торговая организация, а конкретные индивиды, которые и несли ответственность перед новгородскими или готландскими властями.

Тем не менее некие договоренности, вероятно устные, относительно имущественных и территориальных прав Готского двора имелись и ранее — неслучайно в немецко-готландском проекте 1268 г. в соответствующих статьях содержатся отсылки к «старине». Так, «согласно древнему праву», Готский двор владеет церковью, кладбищем и лугами; «как установили в старину», Готский двор (равно как и Немецкий) должен был быть огорожен, и, «согласно древнему праву», территория вокруг него на восемь шагов не могла застраиваться. Однако все эти положения не нашли отражения в предшествующих (сохранившихся) документах, где «старый мир» упоминается или в самой общей форме («потвердихомъ мира старого»: в договоре 1191–1192 гг.), или в связи лишь с безопасностью проезда и пребывания купцов за рубежом (в договоре 1259–1260 гг.). Таким образом, на протяжении около 150 лет (с начала XII в. до конца 1260-х гг.) функционирование торговых дворов в Новгороде и на Готланде определялось не нормами писаного права (договорами), а некими устными договоренностями, традицией, которая в самой общей форме была сформулирована в договоре 1259–1260 гг.: «А новгородцьмъ въ становищи на Гоцкомъ березе бес пакости, въ старый миръ». Из текста следует, что уже

¹⁹ Мельникова Е. А. К предыстории Готского двора в Новгороде.

²⁰ Некоторые правила регулирования деятельности Немецкого (но не Готского) двора были определены в первом сохранившемся его уставе — скре, написанной во второй четверти XIII в. (см.: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 108–110). Однако эти правила касались внутреннего устройства и распорядка двора и в силу самого характера документа не затрагивали его положения в Новгороде.

в предшествующее время (к 1191 г.? в начале XII в. при основании торговых дворов в Новгороде и Висбю?) существовали некие правила, защищавшие двор и его обитателей от «пакостей». Несомненно, возможные «пакости» (вторжение на территорию двора, грабеж, поломка ограды и ворот и т. п.) были известны составителям договора и оговорены (устно?), однако их состав в письменном тексте не раскрывается. Узнаем мы о положении Готского двора только из документов 1268–1269 гг.

Договор 1269 г. был этапным событием в иноземной торговле Новгорода и сохранял свое основополагающее значение вплоть до XV в.: он регламентировал практически все стороны деятельности купцов — от обеспечения безопасности их проезда по русской территории до соблюдения правильности мер и весов. Оговаривался в нем — впервые — и статус Готского двора в Новгороде и новгородского «становища» в Висбю.

Предложенный немецкой стороной проект уделял этому вопросу чрезвычайное внимание, поскольку с его помощью иноземные купцы стремились обеспечить максимальную свободу дворов. Причем традиционно существовавшие привилегии («по старине») были существенно пополнены новыми. Подавляющее большинство этих условий не было принято новгородцами, и даже те, с которыми новгородские власти согласились, изложены в окончательном тексте договора в сокращенном и обобщенном виде.

Раздел о статусе дворов в проекте договора 1268 г. — 14 пунктов, определявших различные стороны жизни и деятельности Готского и Немецкого дворов в их отношениях с новгородскими властями, — занимает около трети текста и помещен после преамбулы и статей, определяющих предоставление иноземным купцам «мира»²¹, т. е. гарантий личной безопасности и безопасности товаров, условия плавания по Волхову до Новгорода (оплата услуг по прохождению порогов, перегрузке товаров и т. п.), условия переноса товаров с кораблей в торговые дворы. Тематическое единство раздела нарушают две статьи, касающиеся иных вопросов, нежели «права и свободы» дворов, — порядка рассмотрения жалоб новгородцев на иноземных гостей и заморских купцов на новгородцев и права иностранных купцов посылать детей на обучение в любые «земли», — а также раздел, посвященный мерам и весам. Завершается договор, как уже упоминалось, статьей о равенстве «прав и свобод» иноземных купцов в Новгороде и новгородцев на Готланде.

Последняя, весьма существенная для новгородцев статья, очевидно, является нововведением, так как не содержит указаний «на старину». Однако этот пункт — закрепление паритета как правового принципа, — видимо, являлся новшеством только для писаного договора, но был нормой для «обычая»: вза-

²¹ Джаксон Т. Н. Из Ладоги в Новгород: исландские саги о «мире» для проезда // Ладога и эпоха викингов. IV Чтения памяти А. Мачинской. Материалы к Чтениям. СПб., 1998. С. 38–40.

имное равенство конкретных норм в полной мере представлено и в договоре 1191–1192 гг. Одновременно обращает на себя внимание отсутствие в статье упоминания о немецких городах — равенство «прав и свобод» новгородцев предусмотрено только для Готланда, тогда как противоположная сторона обозначена весьма широко — «иностранные купцы» («*hospites mercatores*»), что включает в определение и купцов немецких. Возможно, что отсутствие упоминания немецких городов было преднамеренным: немецкие купцы не хотели предоставлять новгородцам широких привилегий в своих центрах. Не исключено, однако, и то, что упоминание в статье только Готланда отражает обычай значительно более древний, нежели время составления проекта — время двусторонних отношений Новгорода и Висбю, существовавших, как представляется, вплоть до середины XII в.²²

Из обоих документов следует, что ко времени их составления (а вероятно, и значительно раньше, с момента его основания?) Готский двор имел сложившуюся структуру с самоуправлением, во главе его стоял ольдерман (упоминается в ст. X проекта договора 1268 г., где предусматривается право двора самостоятельно рассматривать жалобы готландских купцов на новгородцев, и, вероятно, подразумевается в ст. IX, в которой оговаривается право двора давать или не давать согласие на арест скрывшегося во дворе преступника). Известно и о постоянном пребывании на дворе священника церкви св. Олава. Однако об организации деятельности Готского двора сведений нет, в отличие от Немецкого двора, устав которого сохранился в нескольких редакциях, и древнейшая из этих редакций датируется второй четвертью XIII в. — временем, на

²² Проникновение немецких купцов на Готланд отмечается письменными источниками лишь с середины XII в. — после того, как Любек в 1158 г. перешел под власть Генриха Льва, который в 1161 г. издал Артленбургскую привилегию, дающую готландским купцам право беспошлинной торговли в Любеке (*Yrwing H. Visby*. S. 36–37). Видимо, те же привилегии получили и немецкие купцы на Готланде, потому что именно с этого момента и на протяжении второй половины XII в. резко возрастает приток немецких купцов в Висбю, и к концу XII в. в Висбю формируется колония немецких купцов («*gilda communis*»), которые начали в 1190-е гг. строительство купеческой церкви Девы Марии (освящена в 1225 г.). Этим же временем (1192 г.) датируется и основание Немецкого двора в Новгороде (*Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода*. С. 106). Представляется, что включение немецких городов, тесно связанных с немецкой гильдией в Висбю, в торговлю с Новгородом начинается лишь в середине XII в., тогда как в более раннее время она была сосредоточена в руках готландских купцов. Отмеченное В. С. Покровским использование в договоре 1191–1192 гг. некоторых норм городского права Висбю (*Wisby stadslag och sjö rätt // Säm ling af Sweriges gamla lagar / C. J. Schy lter*. Lund, 1853. В. 8; *Hasselberg G. Studier rörande Visby stadslag och dess källor*: Diss. Uppsala, 1953. — См.: *Покровский В. С. Договор Новгорода Великого с Готландом и немецкими городами 1189–1195 гг. как памятник международного права // Изв. высших учебных заведений. Правоведение*. Л., 1959. С. 99–100), как кажется, свидетельствует, по меньшей мере, о доминировании Готланда в торговле с Новгородом в начале XII в., а скорее, — о его единоличном, еще без немецких городов, участии в составлении документа.

несколько десятилетий предшествующим заключению договора 1269 г.²³. Можно лишь предполагать, что и Готский двор также имел свой устав, определявший его структуру и функционирование.

Статьи, посвященные статусу и имуществу Немецкого и Готского дворов и их отношениям с новгородскими властями, в проекте договора 1268 г. охватывают широкий круг вопросов.

		Немецкий проект договора, 1268 г. ²⁴	Договор 1269 г. ²⁵
IX ²⁶	1	Немецкий и Готский дворы должны пользоваться полной свободой, а новгородские власти не могут налагать ограничения в торговле и товарах.	
	2	Скрывшегося во дворе преступника (пояснено — как «в церкви») новгородские власти не могут арестовать без согласия «двора» ²⁷ .	
X	3	Новгородские чиновники («schelke») не имеют права входить в Немецкий и Готский дворы. Это право имеет только княжеский посланник («nuncius ducis»). [Следует статья о порядке рассмотрения жалоб новгородцев на приезжих купцов и гостей на новгородцев. В последнем случае право суда предоставляется «старосте» («oldermannus hospitum») соответствующего двора].	
XI	4	Согласно древнему праву («cum non sit de antiquo jure»), стражник, который называется «бирич» («custos, qui dicitur biriz»), не может ни зайти во двор, ни находиться около него.	
	5	По старине («ab antiquis») между немецкими дворами на улице не должны происходить драки или игрища с дубинками («velen»), дабы русские и гости не имели повода к ссорам.	

²³ Подробнее см.: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 108–110.

²⁴ Содержание статей дается в кратком пересказе на основании публикации в кн.: Памятники истории Великого Новгорода. С. 66–68. Жирным шрифтом выделены ссылки на древность тех или иных норм.

²⁵ Текст приводится по кн.: ГВНП. С. 60–61.

²⁶ Указана разбивка на статьи и их нумерация по публикации С. В. Бахрушина.

²⁷ Ниже, в статье 4, упоминается «староста» (*olderman*) двора. Видимо, именно он и выступает представителем двора, который решает вопрос о выдаче преступника новгородским властям.

		Немецкий проект договора, 1268 г. ²⁴	Договор 1269 г. ²⁵
XII	6	Проникший силой в торговый двор и причинивший урон, не получает компенсации, если при этом пострадает. Если этот человек скрылся, но был опознан и уличен, то иск двора рассматривают новгородские власти. Если же он не в состоянии возместить ущерб, то это делают новгородские власти.	А придет кто-нибудь с острым оружием в Немецкий двор или в Готский двор и там ранит кого-нибудь или возьмет товар, а поймает его, то вести его на суд и судить по преступлению.
XIII	7	За поломку ворот или забора двора, за выстрел из лука или бросание камней выплачивается вира в 10 марок серебра.	А порубят ворота или тын, то судить по преступлению; и где был издавна тын вокруг двора, там, если старый тын вырвут, поставить новый и не захватывать больше.
	8	Предусматривается свобода торговли как на территории дворов, так и вне их. [Следует статья о праве купцов посылать детей на обучение «в землю, которую захотят»]	
	9	Запрещается застраивать территорию от церкви св. Николая (Дворищенского) до двора (Готского?).	
	10	Как установлено в старину («sicut antiquo consuetum est»), кладбище св. Петра и Немецкий и Готский дворы должны быть огорожены.	
XIV	11	Согласно древнему праву («secundum jura antiqua»), церкви св. Петра и св. Николая в Ладоге владеют своими лугами. [Далее следует раздел о порядке разрешения конфликтов, о мерах и весах и др.]	«Где есть луга у немцев или у готов, ими владеть им там, где они объявят» ²⁸ .
XXIV	12	Согласно древнему праву («secundum justitiam habitam ab antiquis»), Готский двор с церковью, с кладбищем св. Олава и окрестными лугами должны быть свободны от всего.	
	13	По праву, данному князем Константином ²⁹ («quam rex edidit Constantinus»), дорога от Готского двора мимо княжеского двора до торговой площади должна оставаться незастроенной.	
XXV	14	Согласно древнему праву («secundum justitiam antique»), территория вокруг Готского двора на 8 шагов не должна застраиваться.	

²⁸ «Объявление» своего права на владение земельным участком, вероятно, являлось сложной процедурой с участием свидетелей и совершением ряда традиционных обрядов.

²⁹ См.: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 108.

В приведенных статьях затрагивается несколько комплексов проблем. Первая и важнейшая из них — «свободы» (*libertatis*) дворов от всяческого вмешательства новгородских властей. Именно с нее начинается раздел о статусе Готского и Немецкого дворов (п. 1), и в ней оговаривается неправомочность новгородских властей накладывать какие-либо ограничения на формы торговли и на ассортимент товаров. В п. 8 дополнительно подчеркивается право иноземных купцов вести торговлю как на территории двора, так и вне него. Эти предложения, очевидно, являлись новациями, отражавшими стремление готландских и, вероятно, прежде всего немецких купцов выйти из-под контроля Новгорода и получить права, аналогичные тем, которые они имели в ганзейских городах. Однако независимость иноземных торговых дворов не устраивала новгородскую сторону и ни одна из этих статей не вошла в заключительный вариант договора. Иноземные дворы, как и торговая деятельность иноземных купцов, остались под контролем и в юрисдикции новгородских властей.

К вопросу о «свободе» дворов и торговли тесно примыкает попытка ганзейских купцов добиться экстерриториальности дворов, куда должен был быть разрешен беспрепятственный доступ только «княжескому посланнику» («*puncios ducis*»), и права на убежище (п. 2–4). И эти привилегии торговые дворы не получили по окончательному тексту договора. Очевидно, они также были новациями, поскольку в соответствующих статьях нет ссылок «на старину». Оба предложения ущемляли интересы новгородских властей и потому были отклонены.

Третья группа положений обеспечивала безопасность дворов и находящихся в них людей и товаров (п. 5–7, 10). Особо оговаривалась неприкосновенность ограды двора и его ворот (п. 7), причем обнесение двора забором — в соответствии с «древним правом» — вменялось в обязанность хозяевам двора (п. 10). Обращает на себя внимание отсутствие ссылок «на старину» в статьях о нанесении урона дворам или их оградкам. Тем не менее, поскольку и в предыдущих по времени договорах гарантии безопасности купцов (на пути в Новгород и в самом Новгороде), сформулированные, однако, в обобщенной форме³⁰, были важнейшей частью соглашения³¹, можно полагать, что конкретизация гарантий, в том числе безопасности торговых дворов, происходила

³⁰ Ср.: «Первое. Ходити новгородцю послу и всякому новгородцю в миръ в Немечьску землю и на Гыцькъ берегъ; такоже ходити немьчъмь и гтьяномъ в Новьгородъ безъ пакости, не обидимъ никымже» (договор 1191/1192 гг.: ГВНП. С. 55); «Новгородъмь гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а немцьъмь и гтьъмь гостити в Новьгородъ бес пакости и всему латиньскому языку, на старыи миръ» (договор 1259/1260 гг.: ГВНП. С. 57).

³¹ Так, в договоре второй половины 1020-х гг. восстанавливаются именно и только статьи о безопасности проезда норвежских купцов и провоза их товаров через Ладогу в Новгород и о разрешении осуществлять торговые операции в Ладоге. См.: *Melnikova E.* Par var eigi kaupfridr í milli Sveins ok Jarizleifs.

в устной форме или подразумевалась. Новацией в этом случае было не содержание статей, а само их включение в письменный договор и, возможно, предложенная немецко-готландской стороной подробная тарификация штрафов за ущерб различного рода (п. 6, 7). Если общие положения о гарантиях безопасности дворов были приняты новгородцами, то определение размеров штрафов не вошло в окончательный текст — видимо, предполагалось использование существовавших в Новгороде норм. В договоре 1269 г. отсутствует и запрещение драк и «игр» с дрекольем на прилегающих к дворам улицах, которые создавали угрозу иностранным купцам.

Проект договора впервые детально определял права дворов на недвижимое имущество, причем все эти права восходили к «старине» (п. 11–12): как новгородские, так и ладожский иноземные дворы владели огороженными лугами и кладбищами, а также церквами (св. Петра — немецкий, св. Олава — Готский, св. Николая — ладожский). Попытка обеспечить Готскому двору, кладбищу и церкви св. Олава и принадлежащим им лугам «свободу во всем» (*«in omnibus libere»*), окончилась неудачей. В заключительном тексте договора предусмотрено лишь право дворов на владение лугами.

Наконец, проект договора предусматривал обеспечение свободного проезда к дворам (п. 9, 13–14). Согласно ему, запрещалось застраивать подъездные дороги к дворам («по праву, данному князем Константином» Всеволодовичем, который княжил в Новгороде в 1205–1207 гг.), в том числе подъезд к Готскому двору от церкви св. Николая (Дворищенского); готландцам, как и прежде, должна была принадлежать земля на восемь шагов вокруг Готского двора, и без их разрешения здесь не допускалось строительство (п. 14). Несмотря на традиционность этих положений, которая отмечается во всех случаях (но не отражена в предшествующих договорах и, возможно, восходит к устно оговаривавшемуся «обычаю»³²), они были также изъяты из договора 1269 г.

Таким образом, сопоставление предложений немецко-готландской стороны о статусе их дворов в Новгороде в проекте 1268 г., отражающих их претензии на независимость дворов, с заключительными положениями договора 1269 г. очерчивает в целом юридический статус Готского и Немецкого дворов в середине XIII в. Прежде всего, новгородская сторона фактически уклонилась от предоставления привилегий иноземным дворам и их письменного закрепления в договоре. Оставшиеся в тексте 1269 г. статьи не определяют юридический статус дворов, но фиксируют лишь гарантии безопасности дворов и их обитателей (причем в самой общей форме) и право дворов на владение недвижимостью, прежде всего лугами, которые, вероятно, могли стать или становились предметом споров, в отличие от кладбища, принадлежность которого вряд ли

³² Впрочем, ссылка на право, данное князем Константином, возможно, указывает и на какой-то письменный документ («устав»).

могла быть оспорена³³. Стремление немцев и готландцев получить «свободу» для дворов, право их экстерриториальности и свободной торговли как на территории дворов, так и вне их, свидетельствует о том, что такими привилегиями иноземные купцы в Новгороде в третьей четверти XIII в. не обладали.

(Впервые опубликовано: Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 95–103)

³³ Не исключено, что фраза об «объявлении» владений лугами (см. выше, примеч. 27) указывает на то, что этим пунктом договора новгородские власти обязывали готландский и немецкий дворы пройти процедуру подтверждения их прав на владение соответствующими угодьями.

Varangians and the Advance of Christianity to Rus' in the Ninth and Tenth Centuries

One of the main purposes of the earliest Russian annalists, monks of the Kievan Cave monastery who wrote at the end of the eleventh and at the beginning of the twelfth centuries, was to depict the advance of Christianity in Eastern Slavic world¹. The depiction of how East Slavic people joined the family of Christian nations allowed them to incorporate the history of their own people into the history of the world («*historia mundi*») and the Christian church («*historia ecclesiastica*»)². They had, however, rather little to tell about. Before the official adoption of the new faith in 988 (or 989) the chronicle preserved only a few mentions scattered here and there and providing information about events pertinent to the advent of Christianity.

Two of these entries were of crucial importance for the annalists' conception of Slavic early history. The first one is devoted to the voyage of Apostle Andrew up the Dnieper, the second one concerns the earliest teachers of Slavic nations, St. Cyril and St. Methodius. The tale about St. Andrew was an elaboration of a popular in the Middle Ages apocryphic story about his voyage to the lands on the northern shore of the Black Sea³. The Byzantine version of the apocryph became known in Rus' by the end of the eleventh century and was used to proclaim the original holiness of the Russian land predicted by St. Andrew. Having reached the Kievan hills, St. Andrew is said to announce: «So shall the favor of God shine upon them that on this spot a great city shall arise, and God shall erect many churches therein»⁴. The story provided the «apostolic» background for Christianity in Rus' and thus allowed the annalist to present Eastern Slavs as a chosen nation, even when pagans.

The second entry dealt with the introduction of Christianity among the Slavs by St. Cyril and St. Methodius⁵. The information about their mission and activities

¹ According to D.S. Likhachev, a narration about the Christianization of Rus' constituted the initial core of the earliest chronicle compilation. Cf. *Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947. С. 20–25.

² Cf. *Weber G. W. Intellegere historiam. Typological Perspectives of Nordic Prehistory* (in Snorri, Saxo, Widukind and Others) // *Tradition og historieskrivning. Kilderne til Nordens ældste historie* / K. Hastrup, P. Meulengracht Sørensen. Aarhus, 1987. P. 100–102.

³ Cf. *von Rauch G. Frühe christliche Spuren in Rußland* // *Saeculum*. 1956. Bd. 7. P. 40–67; *Dvornik F. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew*. Cambridge (Mass.), 1958. (*Dumbarton Oaks Studies* 4). P. 41–45 and n. 10, 13; *Müller L. Die Taufe Russlands. Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988*. München, 1987. S. 9–16.

⁴ *The Russian Primary Chronicle. Laurentian text / Transl. and edited by S.H. Cross and O.P. Sherbowitz-Wetzor*. Cambridge (Mass.), 1953. P. 54.

⁵ Cf. *Cyrillo-Methodiana: zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863–1963* / M. Hellmann. Köln, 1964; *Tachiaos A.-E. N. Cyril and Methodius of Thessalonika: the Acculturation*

in Moravia came to Rus' from Bulgaria. Though the saints preached Christianity in Moravia, far from Eastern Europe, their reputation as the apostles of the Slavs as well as their introduction of Slavic script made the annalists represent them as successors of St. Andronicus, «one of the Seventy, a disciple of the holy Apostle Paul» and teachers of all Slavic peoples including those who habitated in Eastern Europe:

Since Paul is the teacher of the Slavic race, from which we Russians too are sprung, even so the Apostle Paul is the teacher of us Russians... But the Slavs and the Russes are one people⁶.

Both legends based on literary, Byzantine or South-Slavic sources, were crucial for the annalists' concept of *historia ecclesiastica* of Rus'. They introduced Eastern Slavs into the Christian world even before the Slavs became Christians and emphasized the original belonging of the then pagan peoples to the true faith. In this perspective the Christianization at the times of Vladimir turned to be not an occasional act but the realization of inherent aspirations of the Eastern Slavs.

Contrary to the presentation of these paradigmatic concepts, the annalists' depiction of events immediately connected with the penetration of Christian ideas into Eastern Slavic world could not have rested on written sources. Byzantine writers and church hierarchs paid little attention to confessional developments among «Northern barbarians». The annalists had to rely only on historical memory current among their contemporaries. These recollections, however, were few and vague. Oral tradition about the events of the ninth and tenth centuries consisted mostly of heroic legends about the deeds of the Russian princes and their champions. That was an «epic history» that emerged and took shape among the new warrior elite of the Old Russian state which consisted first utterly and later mostly of Scandinavians⁷.

Encounters with Christianity were not the theme of prime interest for the creators and transmitters of «heroic» historical tradition, so the recollections of Christian influences incorporated in the oral history that existed for about two centuries before it was put into writing were exceptionally scarce. In fact, the Russian annalists seem to know nothing about the spread of Christianity in Eastern Europe before the mid-tenth century when Kievan princess Ol'ga (< *Helga*) is told to have been baptized in Constantinople. This period of what one may call latent Christianity in Rus' and the role the Varangians played in it is the subject of this article⁸.

of the Slavs. Thessaloniki, 1994; *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.

⁶ The Russian Primary Chronicle. P. 63.

⁷ *Melnikova E. A.* The Eastern World of the Vikings. Göteborg, 1996. P. 93–128. (Gothenburg Old Norse Studies 1).

⁸ The first to stress the distinction between the period of the official Christianization of Rus' after 988 (989) and the period of the spread of Christian beliefs and practices among Eastern Slavs was N. K. Nikolskij (*Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л.,

I

The earliest information about the events connected with the penetration of Christianity in Eastern Europe in the ninth century is preserved in Byzantine and Arabic sources contemporary or a little later than the events they tell about. According to them, one of the first grave and consequential encounters of Kievan princes and their retinues with Christianity took place already in the mid-ninth century. In 860⁹ the *Rhos* people¹⁰ attempted the first attack on Constantinople and besieged the city benefiting from the absence of the emperor with the army¹¹. As Patriarch Photius wrote in his two homilies «On the attack of the *Rhos*» — one was pronounced during the siege (No. III) and another immediately after the event (No. IV), it was the miracle of Virgin Mary that saved the city from a disaster¹². When her sacred vestment was carried round the walls and dipped in the waters of the Golden Horn, a storm began, the ships of the attackers were destroyed, and «the barbarians gave up the siege and broke camp». The siege of Constantinople by the «barbarians from the North» shocked the Christian world and caused many responses in literature and documents up to the twelfth century.

A description of presumably the same attack is preserved also in the «Primary Chronicle» s. a. 866¹³. The narration, however, was not based on any local tradition,

1930. Sections 1–9). Since then there appeared a number of works on Christian influences in Rus' before 988 most of which present general surveys of the extant information. Among more important contributions I would like to name here the book by L. Müller (*Müller L. Die Taufe Russlands*) and the introductory chapter to Vladimir Vodoff (*Vodoff V. Naissance de la Chrétienté russe. La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe – XIII siècles)*. P., 1988), as well as the article of Henrik Birnbaum (*Birnbaum H. Christianity before Christianization. Christians and Christian Activity in pre-988 Rus' // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / B. Gasparov, O. Raevsky-Hughes. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 42–62*).

⁹ The so-called Bruxelles Chronicon provides an exact date of the attack — June 18, 860. Cf. Кузенков П. В. Византийские источники о первом крещении Руси. Тексты, перевод, комментарий // ДГ. 2000 год. М., 2003. С. 155–157.

¹⁰ Here and further I use the designation of the Rus' people found in the source under discussion (*Rhos* in Byzantine sources, *ar-Rus* in Arabic sources and *Rus'* in Old Russian chronicles) to avoid explanations of what could be the ethnicity of Rus' in each case. It is a common opinion that Byzantine and Arabic authors of the ninth and tenth centuries viewed both *Rhos* and *ar-Rus* people as Norsemen. At the same time the Eastern Slavic and Fennic ethnic components cannot be excluded altogether even at the early stages although they did not play an active role. As to Old Russian term *Rus'*, its content underwent a complicated transformation during the ninth and tenth centuries — from the designation of the new Old Russian warrior elite of Scandinavian origin to the definition of ethnically different people and territories under the rule of *Rus'* princes. Cf. Melnikova E. A., Petrukhin V. Ja. The Origin and Evolution of the Name *rus'*. The Scandinavians in Eastern-European Ethno-Political Processes before the 11th Century // Tor. 1991. Vol. 23. P. 203–234.

¹¹ Vasiliev A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946.

¹² Photii Homilii / B. Laourdas. Thessaloniki, 1959. P. 29–52; English transl.: The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople / C. Mango. Cambridge (Mass.), 1958. P. 82–95 (No. III), 95–110 (No. IV).

¹³ On the difference of dates see: Кузенков П. В. Византийские источники. С. 162–164, примеч. 1, 2, 41.

oral or written, but it was borrowed from the Byzantine Continuation of the Chronicle of Georgius the Monk.

Askold and Dir attacked the Greeks during the fourteenth year of the reign of the Emperor Michael¹⁴. When the Emperor had set forth against the infidels and had arrived at the Black river, the eparch sent him word that the Russes were approaching *Tsar'grad* (Constantinople), and the Emperor turned back. Upon arriving inside the strait, the Russes made a great massacre of the Christians, and attacked *Tsar'grad* in two hundred boats. The Emperor succeeded with difficulty in entering the city. He straightway hastened with the Patriarch Photius at the Church of the Holy Virgin in Blachernae where they prayed all night. They also sang hymns and carried the sacred vestment of the Virgin to dip it in the sea. The weather was still, and the sea was calm, but a storm of wind came up, and when great waves straightway rose, confusing the boats of the godless Russes, it threw them upon the shore and broke them up, so that few escaped such destruction and returned to their native land¹⁵.

The only addition of the annalist to Gregorius's text concerns the names of the leaders of the *Rus'*, Askold/Oskold (< *Höskuldr*) and Dir (< *Dýr* or *Dýri*). These names belonged to an oral tradition of two Varangian chiefs who seized Kiev, became its rulers and made a raid on Constantinople¹⁶. Whether right or not, the compiler identified the events depicted in the Byzantine chronicle with those related in a traditional tale. He did not know, however, other Byzantine writings describing the consequences of the attack.

At the end of 866 or in the first half of 867 Patriarch Photius wrote an encyclical letter inviting Eastern bishops to participate in the council that was to be held in Constantinople in 867. He mentioned the attack of the *Rhos* and consequent developments so important for the Eastern Church that Photius felt necessary to inform the bishops about them. In the first part of his letter he described the conversion of the Bolgars and the renovation of the Armenian Church. At the end of the letter he returns to the missionary activity of Constantinople and adds that not only the Bolgars changed their former impiousness for the faith in Christ but even the nation that had become the subject of multiple talks and left behind all others in their cruelty and blood-thirstiness, the so-called people of *Rhos*¹⁷ who besieged Constantinople several years earlier, became converted. They had also abandoned pagan beliefs and turned to the pure and unforged religion of the Christians. They had accepted a bishop and a preacher and they started to ardently practice Christian rituals¹⁸.

¹⁴ In fact the attack took place in the nineteenth year of the whole and in the fifth year of sole rule of Emperor Michael.

¹⁵ The Russian Primary Chronicle. P. 60.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ In his homilies Photius never mentioned the name of the attackers calling them «northern barbarians».

¹⁸ Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. Leipzig, 1983. Vol. I: Epistularum pars prima / B. Laourdas et L. G. Westerink. P. 39–53 (ep. 2).

This passage of Photius is of cardinal importance. Not only the information it supplies but also the implications it suggests are of primary significance. First of all it states clearly that the *Rhos* people turned to Christianity and it was the same group of *Rhos* that launched the assault on Constantinople in 860 that became converted. If the identification of this group and the army of Askold and Dir is correct, it was the band of Vikings that made Kiev their stronghold and thus it was the first occasion when Christianity penetrated into the Middle Dnieper region¹⁹.

Secondly, Photius mentioned a bishop and a preacher who came to Rus' and were hospitably accepted there. Photius was, however, not the only one to tell about the Byzantine mission to the Northern barbarians. In the mid-tenth century Byzantine Emperor and writer Constantine VII Porphyrogenitos compiled a biography of Emperor Basileos I Macedonian (867–881) that is preserved as Book V of the so-called Theophanes Continuator²⁰. Among pious deeds of his grandfather Constantine mentions the Christianization of the *Rhos* people attributing the initiative of sending the mission to the *Rhos* to the Emperor and Patriarch Ignatius who replaced Photius²¹. Constantine tells that the Emperor induced the people of *Rhos* to make an agreement with the help of ample gifts in gold, silver and silk vestments. He concluded a peace treaty with them and made them agree to be baptized by an archbishop consecrated by Patriarch Ignatius²². The mission was received benevolently by the *Rhos*. When

¹⁹ Several attempts have been made to suggest an earlier Christianization of the Rus'. The most ambitious and at the same time the least convincing hypothesis was put forward by K. Ericsson who supposed that the first Russian convert was Kyj, the legendary ruler of Kiev, and that the conversion took place in about 834 (*Ericsson K. The Earliest Conversion of the Rus' to Christianity // The Slavonic and East European Review. 1966. Vol. 44. P. 99–121*). His final conclusion is based on his reliance on late Russian sources and highly improbable historical constructions concerning the struggle between iconodules and iconoclasts and its reflection in the «Primary Chronicle» (severe criticism of his hypothesis see in: *Birnbaum H. Christianity before Christianization. P. 44–45*). A. Avenarius thought — and probably not without right — that a bishopric could not have been established in Rus' in 867, immediately after or in connection with the initial stage of Christianization. A foundation of a bishopric under such circumstances was contrary to the usual practice of Byzantine patriarchate. Earlier attempts to convert the *Rhos* people, therefore, must have taken place (*Авенариус А. Христианство на Руси в IX в. // Beiträge zur byzantinische Geschichte im 9. — 10. Jahrhunderts / V. Vavřinek. Praha, 1978. P. 308–310*). There is, however, no information to support this assumption.

²⁰ Life of Basileos I // *Patrologiae cursus completus. Series Graeca / J. Migne. P., 1863. T. 109. Col. 359–362; Кузенков П. В. Византийские источники. С. 125–129.*

²¹ The discrepancy in attributing the initiative of sending a mission to *Rhos* between Photius (he himself and Emperor Michael III) and Constantine (Patriarch Ignatius and Emperor Basileos) aroused a discussion of how many missions were sent to *Rhos*, one or two. It is usually explained by Constantine's tendency to distort information about the reign of Michael III in favour of his murderer and successor Basileos I. Cf. *Grégoire H. Études sur le neuvième siècle // Byzantion. 1933. T. VIII. P. 531; Авенариус А. Христианство на Руси. С. 311–312.*

²² About the relations between Photius and Ignatius and the attribution of the mission to Ignatius in Theophanes Continuator cf. *Кузенков П. В. Византийские источники. С. 127, примеч. 3.*

the prince²³, however, discussed the advantages of the new faith with his elders they asked the archbishop to tell them more about his religion. The latter showed the Gospel and told about some of the miracles from New and Old Testament. The *Rhos* got very interested in the miracles and demanded that the archbishop should work a miracle himself. They insisted that if they did not see something like the story about the three young men in the stove, they would not believe him, say nothing about the baptism. With a pray the archbishop threw the Book into the fire set by his listeners. After some time the fire stopped burning and the Book appeared unspoiled and untouched by fire. The barbarians were fascinated by the magnitude of the miracle and became baptized without further hesitations.

The story about the inflammable Gospel book belongs to the *topoi* of hagiographic literature²⁴. The short mentions about the peace treaty²⁵ and the mission, on the contrary, reflected the realities of the situation.

The information of Photius supported by Constantine and other Byzantine sources²⁶ throws important light on the penetration of Christianity among the Rus'. Photius's phraseology in the homilies and his direct designation of the attackers as *Rhos* in the encyclic letter leaves no doubt that the fleet at the walls of Constantinople was a Viking band. Its starting point could have been in most probability Kiev ruled at that time, according to the «Primary Chronicle», by Scandinavian konungs, presumably Askold and Dir. Photius does not state that the bishop was sent at the request of the *Rhos* leaders²⁷ but he emphasizes their wish to get baptized and their willingness to accept a bishop. Constantine on the contrary stresses the difficulties the Emperor had to make the *Rhos* Christians. He writes that the Emperor «convinced them to join in the saving baptism and talked them into the acception of an archbishop who had been consecrated by Patriarch Ignatius».

²³ Constantine uses the term *archont* to designate the leader of the *Rhos* in the same way as he does it in the 9th capter of «De administrando imperio» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967. Vol. 1).

²⁴ Ševčenko I. Religious Missions Seen from Byzantium // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12–13. P. 23–24. This tale was included later in the sixteenth century Nikon Chronicle *s. a.* 876 (The Nikonian Chronicle: From the Beginning to the Year 1132 / S.A. Zenkovsky. Princeton, 1984. Vol. 1. P. XXXVI).

²⁵ The conclusion of a treaty is considered doubtless by some Russian historians on the ground of the well attested tenth century practice to make an agreement after a Russian attack on Constantinople (in 907, 944, 971). Cf. Сахаров А. Н. Дипломатическое признание Древней Руси // ВИ. 1976. № 6. С. 33–64; Idem. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X века. М., 1980. С. 78–81. It seems, however, that Constantine's remark about a treaty could have been based not on real information but introduced because of his own experience of concluding a treaty with prince Igor' in 944 after Igor's raid on Constantinople.

²⁶ Кузенков П. В. Византийские источники.

²⁷ As it is maintained by some historians who believe that a special embassy was sent from Kiev to ask for a Christian mission. Cf. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 78–80.

The discrepancies in presenting the circumstances of the Christianization of the *Rhos* promoted a hypothesis that there might have been two missions to the *Rhos* sent at the interval of about two years²⁸, which is hardly probable. It is much more plausible that the two records present the situation from different viewpoints and stress or exaggerate its various aspects. Photius was inspired by the success of his mission and the most important thing for him was the transformation — almost miraculous — of cruel barbarians into obedient Christians. In his turn Constantine was anxious to underline the achievements of his grandfather and his personal contribution into the matter of Christianization of barbarians. The more efforts needed the task, the more glorious was the result. In spite of possible exaggerations in both cases, however, there can be no doubt that the Rus' or at least their rulers not only had nothing against but were ready, if not willing, to adopt Christianity soon after the raid of 860.

The attitude of the Rus' to the possible change of religion could not have taken place if the new faith was utterly unknown to them. It presupposes their knowledge, however little, of Christianity²⁹. Kievan Vikings had ample opportunities of getting acquainted with Christianity before 860, also by other ways than Byzantine missions. The raids of the *Rhos* on Byzantine provinces on the shores of the Black Sea started not later than in the beginning of the ninth century. The first expedition attested in Byzantine sources took place between 807 and 820. It was a sudden attack of «the barbarians of the *Rhos*, a people which is, as everyone knows, utterly wild and rough, devoid of any traces of humaneness» on the town of Amastris³⁰. The plunder was stopped by a miracle at the grave of the late bishop of Amastris, St. George. The robbers were paralyzed and could move only after their leader promised not to disturb Christians any more³¹.

In the first half of the ninth century there appear Scandinavian names in the topography of the Byzantine nobility: Inger (< *Ingvarr*, Old Russian *Igor'*), the patriarch of Nicea c. 825, and Inger, father of the mistress of Emperor Michael III and the wife of Emperor Basilios I who was called Eudocia Ingerina (ca. 841 – ca. 882)³². In

²⁸ Cf. *Dvornik F.* Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. P., 1926. P. 146.

²⁹ A. Avenarius supposed that there must have been earlier missions to Eastern Europe as the establishment of a bishopric was usually practised by Byzantine authorities only after the conclusion of the first stage of the Christianization in the country (*Авенариус А.* Христианство на Руси. С. 308–309). No traces, however, of such missions can be found in either written or archaeological materials.

³⁰ The translation is cited after *Pritsak O.* At the Dawn of Christianity in Rus'. East Meets West // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12–13. P. 94.

³¹ The episode is included in the «Life of St. George of Amastris» written ca. 820 by Ignatius, later an archbishop of Nicaea. The text and Russian translation cf. *Васильевский В. Г.* Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. 1–71. On the date of the compilation of the «Life» cf. *Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm: Papers given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1975. P. 127.

³² *Mango C.* Eudocia Ingerina, the Normans and the Macedonian Dynasty // Zbornik radova bizantoloshkog instituta. Beograd, 1973. Vol. XIV/XV. P. 18–19.

839 (or 838) a group of *Rhos* people who turned to be Swedes stayed in Constantinople being sent by their *chakanus* whoever it might be to Emperor Theophil³³. Approximately at the same time three new military provinces, the Themes of Klimata in the Crimea and Paphlagonia and the Ducate of Chaldia in Anatolia, were created by the Byzantine government. They all located on the coasts of the Black Sea. According to W. Treadgold, their separation from larger themes was caused by the increasing attacks of the *Rhos* on coastal towns³⁴. These are only a few cases that happened to be recorded, but rare as they are, they outline a broad spectrum of activities of Scandinavians in Byzantium already in the first half of the ninth century not limited only to warfare. Peaceful visits and life in Constantinople provided for the Norsemen better opportunities to become acquainted with Christian faith and rituals than occasional raids and robberies. Even the latter, however, resulted in capturing Christians and thus also contributed to the spread of Christianity among the Rus'.

The progress of the new faith among Scandinavians in Eastern Europe in the first half of the ninth century seems to be rather successful as an Arabic author writing in 840ies, an official of high standing and thus possessing vast information, Ibn Khordadbeh, wrote that the merchants of *ar-Rus* who traveled as far as Baghdad claimed to be Christians³⁵. The Rus' merchants are usually suspected to only pretend to be Christians to avoid paying larger taxes, the main argument being that it was too early for Rus', be them Slavs or Scandinavians, to adopt Christianity. The genuine faith of the Rus' merchants in Baghdad can never be established with certainty, but it is quite enough that at that time, even if pagans, they already knew sufficiently much about Christianity to use its rituals and traditions for their own benefit. The Western Vikings did the same, though several decades later³⁶.

Thus in the first half of the ninth century Christianity was successfully penetrating into Viking bands who made Kiev their main base. Some of the Vikings could have got baptized during their stay in Constantinople and several years after the 860 attack on Constantinople the *Rhos* leaders (the prince or princes of Kiev) got converted together with (some of ?) their warriors.

³³ Annales de Saint-Bertin / F. Graf et al. P., 1964. P. 30–31. An important indication of strengthening connection between Byzantium and the North in the times of Theophil is the appearance of Byzantine coins in Eastern Scandinavia. Cf. Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. Byzantine Coins Found in Sweden. Stockholm, 1989. P. 14 ff. (Commentationes de Nummis Saeculorum IX–XI in Suecia repertis. N.S. 2).

³⁴ Treadgold W. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // Christianity and the Eastern Slavs. 1993. Vol. 1. P. 132–144.

³⁵ Bibliotheca geographorum arabicorum / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. T. VI: Liber viarum et regnorum auctore ... Ibn Khordâdbeh. P. 154.

³⁶ Cf. the tales about Western Viking stratagems based on Christian beliefs or rituals such as Hastings's siege of Luna.

II

The memories of the events connected with the Christianization of the Rus' in 860ies must have been, however, swept away by a new wave of the Vikings who seized Kiev at the last quarter of the ninth century³⁷. The «Primary Chronicle» tells (*s. a.* 882) about a «prince» Oleg (< *Helgi*) who moved from «Novgorod» (i. e. Ladoga-Ilmen region) to Kiev, deceived Askold and Dir pretending to be a merchant, killed them and assumed power in Kiev. The annalist stresses that it was Oleg and his retinue who got the name of the *Rus'*³⁸.

The new warrior elite of Kiev was obviously pagan. During the whole reign of Oleg (d. in 911³⁹) and up to the mid-tenth century there exists no information about Christianity among the Rus' either in Old Russian or foreign sources. On the contrary, the annalists do not miss a chance to stress that Oleg and his retinue were pagans devoted to heathen rituals and knowing no God. It is worth noting that Askold and Dir are never accused of being pagans.

Annalist's invectives against Oleg's heathenism are supported by the earliest extant Old Russian document, the treaty concluded by Oleg with Byzantium in 911 after his successful attack on Constantinople in 907. The treaty was included in the «Primary Chronicle» and it is supposed to be translated from Greek at the end of the eleventh century⁴⁰. One of the paragraphs stipulates that an oath should be sworn to confirm the treaty. The text of the oath leaves no doubt that the Rus' of that time were pagan. Christian Greeks were to swear «in the name of the Holy Cross and the Holy and Indivisible Trinity of your one true God», whereas «we (i. e. the Rus'. — *E. M.*) have sworn to your Emperor... according to our own faith and the custom of our nation»⁴¹. This custom was described earlier, in the preamble to the treaty of 907:

³⁷ The silence of the annalists about the Christianization of Askold and Dir is sometimes explained by their wish «to suppress or expunge from the text» pertinent information «in order not to detract from Vladimir's 988 achievement» (*Birnbaum H.* Christianity before Christianization. P. 48. Cf. *Ericsson K.* The Earliest Conversion of the Rus'. P. 98). This assumption would be interesting if it were possible to prove that the annalists possessed information about the Christian mission at the times of Askold and Dir. Their knowledge of this period, however, was very poor and vague. It is even a matter of controversy if Askold and Dir both existed and ruled together or the annalists combined the two (cf. *Birnbaum H.* Christianity before Christianization. P. 45–46). It seems to be due to the character and content of the oral tradition that survived by the time of the chronicle-writing.

³⁸ The Russian Primary Chronicle. P. 61. The compiler of the «Primary Chronicle» never states that Askold and Dir belonged to the Rus'. They are specified as Varangians (*s. a.* 862), i. e. Scandinavians.

³⁹ According to the First Novgorod Chronicle, he died in 922 or 923, but the date of the «Primary Chronicle» is considered to be even if not correct, still closer to reality.

⁴⁰ *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts aus diplomatischer Sicht. Varnas, 1994; *Капитанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

⁴¹ The Russian Primary Chronicle. P. 68.

According to the religion of the Russes, the latter swore by their weapons and by their god Perun, as well as by Volos, the god of cattle⁴².

Even if the Christian community that could have appeared in Kiev in the third quarter of the ninth century still existed, as Dmitrij Obolensky maintains⁴³, it had no influence on the new aristocracy and the number of Christians in Oleg's retinue, if any, was so small that no special provisions for them were necessary.

Still even during Oleg's reign the acquaintance of his warriors with Christianity started. The compiler of the «Primary Chronicle» adds after the text of Oleg's treaty:

The Emperor Leo honored the Russian envoys with gifts... and placed his vassals at their disposition to show them the beauties of the churches, the golden palace, and the riches contained therein. They thus showed the Russes much gold and many palls and jewels, together with the relics of our Lord's Passion: the crown, the nails, and the purple robe, as well as the bones of the Saints. They also instructed the Russes in their faith, and expounded to them the true belief⁴⁴.

If the entry is not modeled after the account of Vladimir's mission to Constantinople before adopting Christianity in 988, as Dmitrij Likhachev suspected⁴⁵, it can be viewed as an important evidence of the proselytizing efforts of the Byzantine church. It seems not necessary that among those "Russes" who benefited from the excursion and the instructions, should be Christians, as Henrik Birnbaum would like to think⁴⁶. But it can point to the fact that the Patriarchate never stopped attempts and used any chance of pressing Christian ideas on the Rus' heathens.

III

It is only in the middle of the tenth century that a new rise of Christian activities begins to be attested in the sources. The next treaty with Byzantium concluded

⁴² Ibid. P. 65. The names of Slavic gods Perun and Volos whose cults were still alive in the twelfth century, might have been introduced by the translator of the treaty who could hardly know about Old Norse gods. His choice of these two gods was natural enough for the late eleventh century, Perun being the supreme god of thunder (cf. *Gimbutas M.* Perkunas/Perun — the Thunder God of the Balts and the Slavs // *Journal of Indo-European Studies*. 1973. Vol. 1/4) and Volos being the most popular pagan god among the peasants. It was supposed that the original mention of Thor in the oath was substituted by the name of Perun (*Иванов В. В., Топоров В. Н.* Перкунас // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2. С. 303–304).

⁴³ The «bridgehead which Byzantine Christianity had secured on the middle Dnieper was probably never wholly destroyed... a Christian community survived and even increased, at least in Kiev» (*Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1500. L., 1971. P. 184).

⁴⁴ The Russian Primary Chronicle. P. 69.

⁴⁵ *Лихачев Д. С.* Комментарии // ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 280.

⁴⁶ *Birnbaum H.* Christianity before Christianization. P. 49.

by Kievan prince Igor' (< *Yngvarr*) in 944 witnesses that there appeared Christians among the Rus' warriors and their number grew so large that two forms of oaths became required. «Those of us (i. e. the Rus'. — *E. M.*) who are baptized have sworn in the Cathedral, by the church of St. Elias, upon the Holy Cross set before us...». The rest of the Rus' took oaths upon «their shields, their naked swords, their armlets, and their other weapons...»⁴⁷.

The Rus' that participated in the conclusion of the treaty belonged to the elite of the Old Russian state. It was a new warrior elite that emerged less than a century earlier after Oleg's seizure of Kiev. By the 940ies the Rus' comprised both Norsemen and Slavs — according to the names of the members of the princely family, emissaries and witnesses mentioned in the treaty — though the proportion of non-Scandinavians was still very small⁴⁸. The spread of Christianity among the warrior elite seems very rapid and so substantial that the Christians had to be taken special account of.

A rather wide spread of Christianity in the 940ies is further substantiated by other clauses of the treaty that make provisions for both Christians and heathens among the Rus':

If any inhabitant of the land of Rus' thinks to violate this amity, may such of these transgressors as have adopted the Christian faith incur condign punishment from Almighty God in the shape of damnation and destruction forevermore;

May whosoever of our compatriots, Prince or common, baptized or unbaptized, who does so violate them (the oaths. — *E. M.*), have no succor from God, but may he be slave in this life and in the life to come, and may he perish by his own arms...;

If any of the princes or any Russian subject, whether Christian or non-Christian, violates the terms of this instrument, he shall merit death by his own weapons, and be accursed of God and of Perun because he violated his oath...⁴⁹.

The compilers of the treaty took pains to assure accurate maintenance of the terms by both pagans and Christians. They formulated oaths and specified punishments for breaking the oaths in details. The provisions for Christians and non-Christians are well balanced with probably a somewhat slight stress on the Christian beliefs, which can be due to the Christianity of the compilers of the treaty.

The treaty also mentions the church dedicated to St. Elias where the Christian Rus' was to take the oath. That is the earliest evidence of churches in Rus'. The church is usually supposed to have been located in Kiev in the trade and artisan

⁴⁷ The Russian Primary Chronicle. P. 77.

⁴⁸ *Melnikova E. A.* The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // SAS. 2004. Årg. 22.

⁴⁹ The Russian Primary Chronicle. P. 74, 77.

quarters outside the fortified part on the Kievan hills⁵⁰. In Old Russian the church is defined by the term *sobornaja* that much later, with the establishment of the church organization, would designate a cathedral. The English translation «the Cathedral» bases on this meaning of the word. It seems, however, highly problematic if there could have been a cathedral *proprio nomine* in Kiev at that time which presupposes the existence of other (parish) churches subordinated to the cathedral. It is much more probable that it was the only church existing in Kiev at that moment and it was perceived as the main church, i. e. the Cathedral from the point of view of the translator of the treaties in the late eleventh century⁵¹. If this was the case, its location in the commercial quarters of the city was only natural. On the one hand, merchants were most liable to accept new cultural impulses, and the first appearance of a church in a heathen country is often connected with trade centers⁵². On the other hand, merchants played an important role in the conclusion of the treaty of 944 — twenty six of them are named in the preamble to the treaty as probable witnesses and some of them must have been Christians.

Igor's reign (ca. 912–945) was notable for various and regular connections with Byzantium. Though attacks on Byzantine territories continued (the «Primary Chronicle» tells about two raids launched by Igor' in 941 and 944), trade seems to become the main form of Rus' and Byzantine relations. Its maintenance was regulated by Oleg's treaty and new rules were introduced in the treaty concluded by Igor'. Constantine VII Porphyrogenitus provides a vivid picture of the «manner of life» of the Kievan warrior elite whom he calls *Rhos* in the ninth chapter of his treatise «De administrando imperio». He depicts them collecting tributes on Slavic tribes in autumn and then selling collected goods, including slaves, at the markets of Constantinople in the summer time⁵³. According to Constantine, it was a stable system accounting for the enrichment of the Kievan elite and the growth of the Old Russian state. At the same time it promoted the absorption of new cultural ideas, including Christianity by those participating in the trade with Byzantium. Thus, in the interval between Oleg's seizure of Kiev in 882 and Igor's treaty of 944 the new warrior elite of the

⁵⁰ For its location see *Tolochko P.P.* Drevnij Kiev. Kiev, 1983. P. 58. It was suggested that St. Elias church might have been situated in Constantinople. The main argument in favour of this surmise is that the treaty was to be signed and ratified in Byzantium (*Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge. P. 46). Neither Oleg nor Igor', however, is supposed to travel to Byzantium to sign the treaties. Therefore the procedure of taking oaths guaranteeing the maintenance of the treaties and most probably following the ratifying of the treaties could rather take place in Kiev where not only his emissaries but the great prince personally could perform the ceremony as was the case with Igor'.

⁵¹ I cannot agree with H. Birnbaum that it might have been a parish church (*Birnbaum H.* Christianity before Christianization. P. 50–51) as there obviously could not exist parish organization at that time.

⁵² The penetration of Christianity into Scandinavian countries also started from larger trade centres like Hedeby, Ribe, and Birka.

⁵³ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Vol. 1. P. 62–63.

early Russian state turned to Christianity. It still consisted mostly of Scandinavians as the names of the Rus' participants of the conclusion of the treaty show. Among 25 principles on whose behalf the treaty was contracted 18 have Old Norse personal names. The same number of persons with Norse names belonged to the group of the representatives (envoys) who totally amounted to 26. The percentage of merchants with Scandinavian names was even higher — 21 out of 26. Other names include Slavic (Svjatoslav, Predslava, and Volodislav among the principals; Sinko and Borich among the merchants) and Finnish ones (Pubskar, Kanitsar, etc.) and probably ethnic names used as by-names (envoys Libi and Jatvjag). Thus, though the ethnic content of the upper stratum of the society started to change and the Rus' princes began to give Slavic names to their children, the nobility of the mid-tenth century still consisted mostly of Norsemen. And it was they who turned to Christianity first and foremost.

The highest nobility of the Rus' was, however, still pagan. Neither Igor' nor his wife Ol'ga (< *Helga*) was Christian at the time of the conclusion of the treaty. According to the *Primary Chronicle*, Igor' ratified the treaty in Kiev in the presence of Byzantine envoys and the procedure was performed in accordance with pagan rites:

In the morning, Igor' summoned the envoys, and went to a hill on which there was a statue of Perun. The Russes laid down their weapons, their shields, and their gold ornaments, and Igor' and his people took oath (at least, such as were pagans), while the Christian Russes took oath in the Church of St Elias⁵⁴.

Igor' remained a heathen until his death that is reported to have taken place a year after the ratification of the treaty. When Igor' was killed by the Drevljane (in the autumn of 945 according to the «Primary Chronicle» or more probably in 946) Ol'ga avenged her husband and performed pagan burial rituals⁵⁵:

She bade her followers pile up a great mound and when they piled it up, she also gave command that a funeral feast should be held⁵⁶.

When the representatives of the Drevljane became drunk she ordered to massacre them. The annalist interpreted the event as the third stage of Ol'ga's revenge on Drevljane. The action, however, makes one think of funeral sacrifices still practiced by Scandinavians in the tenth century⁵⁷. Whatever the interpretation of the massacre of the Drevljane may be, there can be no doubt that at that moment Ol'ga adhered to pagan beliefs and practiced pagan rituals.

⁵⁴ The Russian Primary Chronicle. P. 77.

⁵⁵ The tale of Ol'ga's revenge on Drevljane is permeated with pagan motifs some of which are connected with Old Norse beliefs and practices.

⁵⁶ The Russian Primary Chronicle. P. 80.

⁵⁷ Cf. the report of Ibn Fadhlan of the burial of a Rus' merchant in Bulgar in 922: Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit / C. M. Frähn. St-Petersburg, 1823.

Thus, in the mid-tenth century the conversion to Christianity was not at all universal even among the Kievan elite. Especially important was that the princely family still abstained from the new faith thus making the conversion a personal act neither promoted nor supported by the state. The mid-tenth century looks like the time of a new advance of the Christian faith but its first steps were slow.

IV

It is only some time after Igor's death that his widow Ol'ga showed interest in the new faith. Under the year 6463 from the Creation which corresponds to 954/5 AD the «Primary Chronicle» tells that she undertook a voyage to Constantinople where she is said to be baptized by Emperor Constantine VII who became her godfather⁵⁸. She received a Christian name of Helena «after the ancient Empress, mother of Constantine the Great» and, probably, after the Empress Helena Lakapina.

The narration about Ol'ga's baptism is greatly influenced by the annalist's unreserved admiration of her deed. He stresses that she was the first Russian ruler to adopt the true faith and thus anticipated the Christianization of the whole country by her grandson Vladimir. The annalist puts a laudation of Ol'ga into the mouth of the Patriarch:

Blessed art thou among the women of Rus'. For thou hast loved the light, and quit the darkness. The sons of Rus' shall bless thee to the last generation of thy descendents.

The same motifs permeate the eulogy of Ol'ga following the report of her death under the year of 969. In the annalist's representation of early Russian history Ol'ga appears a crucial, probably symbolic figure, the harbinger of the fates of the Old Russian state.

According to his conception, the annalist interpreted Ol'ga's visit to Constantinople as a voyage in order to join to Christianity. The same interpretation is maintained by most of modern scholars who argue that the main goal of Ol'ga's travel was a religious one.

⁵⁸ The Russian Primary Chronicle. P. 82. The date of Ol'ga's visit to Constantinople is debatable. The date of the «Primary Chronicle» does not correspond to the possible dates of the visit suggested by Constantine VII. He states in his treatise «De cerimoniis» that the two receptions of Ol'ga at the court took place on Wednesday, 9 September, and Sunday, 18 October, which makes 946 and 957 the only possible years. The latter date, however, corresponds to the year 6466 which is the year of Ol'ga's voyage in the Novgorod Karamzin Chronicle that is considered to base on early non-extant sources. For arguments in favour of this date as well as for the literature see Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 219–263. See also: Müller L. Die Taufe Russlands. S. 72–86; Featherstone J. Ol'ga's visit to Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. No. 3/4. P. 293–312; Fennel J. L. When was Olga Canonized? // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1. 1993. P. 77–82; Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999. A critical survey of historiography see: Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 219–311.

Several minor discrepancies were, however, pointed out and raised discussions. One of them is the silence of Constantine VII about the baptism of Ol'ga during her stay in Constantinople though he described two receptions given to her at the Byzantine court in many details in his treatise «De cerimoniis»⁵⁹. Constantine depicts several magnificent ceremonies that were aimed at both to honor Ol'ga as a ruler of a neighbouring state important for Byzantine foreign policy and to impress the barbarian princess with the luxury and splendour of the Byzantine court. Constantine also enumerates the gifts granted to Ol'ga and her suite. In this context the absence of mentions about an event of paramount importance for Byzantium — religious incorporation of a dangerous neighbour into the Byzantine commonwealth with possible political consequences — as well as a great success of Byzantine diplomacy seems strange and unexplainable⁶⁰.

Among other members of Ol'ga's suite who were bestowed with gifts Constantine names a priest, Gregorius by name. The presence of a priest in Ol'ga's nearest surroundings who must have come to Constantinople together with her from Kiev made specialists wonder if Ol'ga could have become a Christian earlier in Kiev⁶¹. There is no doubt that baptism was accessible in Kiev where there were many Christians in the princely retinue and the church of St. Elias had been functioning since 945. It seems probable that Ol'ga was converted and became a Christian some time before her visit to Constantinople. Her conversion then must have been inspired by Christians among the Kievan elite that still consisted mostly of Varangians.

The assumption that Ol'ga was baptized in Kiev is further corroborated by the narration about the events after Ol'ga's return from Constantinople:

The Greek Emperor sent a message to her saying, «inasmuch as I bestowed many gifts upon you, you promised me that on your return to Rus' you would send me many presents of slaves, wax, and furs, and dispatch soldiery to aid me». Ol'ga made answer to the envoys that if the Emperor would spend as long

⁵⁹ *Konstantin Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae* // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn, 1829. T. V, 1. 594.15–598.12. English transl.: *Featherstone J.* Ol'ga's visit to Constantinople. P. 292–312.

⁶⁰ Ol'ga's baptism in Constantinople is mentioned, however, in the Continuation of the Chronicle of Regino of Prüm for the years 907–967 that is believed to be written by Adalbert after his return from Rus' (*Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi* / F. Kurze. // *MGH SRG*. 1890. B. 50. S. 170–172) and by Ioann Scylitza, a Byzantine author of the second half of the eleventh century (*Iohannis Scylitzae Synopsis historiarum* / I. Thurn. B.; N.Y., 1973. P. 240.77–81). Cf. *Назаренко А. В. Древняя Русь*. С. 263ff., 266ff.

⁶¹ This hypothesis was first suggested by A. A. Shakhmatov (*Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908 (repr. М., 2001). С. 117). It was also supposed that Ol'ga could be baptized after her return from Constantinople (*Arrignon J.-P. Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1044* // *Revue des études slaves*. 1983. T. 55. P. 129–137). A critical survey of literature on the place of Ol'ga's baptism cf.: *Назаренко А. В. Древняя Русь*. С. 270–271.

a time with her in the Pochayna [river] as she had remained on the Bosphorus, she would grant his request. With these words she dismissed the envoys⁶².

The passage points to at least two things that contradict the annalist's presentation of the aims of Ol'ga's voyage and most probably reflect relations other than stated in the chronicle. The first point is the demand of the Byzantine Emperor to send warriors to him according to their agreement in Constantinople. The exchange of gifts and especially the rendering of military aid⁶³ must have been the results of political negotiations.

The second point is Ol'ga's negative attitude to her reception at the court of Constantine VII. According to the narrative of Ol'ga's stay in Constantinople, she was received with great honours and the Emperor was so amazed by «her intellect» that he proposed her to become his wife. There is nothing to suspect lack of respect towards Ol'ga. Moreover if her main aim was to be baptized, the princess had no reasons to feel unsatisfied as her goal was brilliantly fulfilled; she had not only been baptized but the Emperor became her godfather.

The narration, however, presents Ol'ga unsatisfied and even irritated by her stay. She indignantly remarks that she had to wait too long a time on the Bosphorus to be received by the Emperor which she took as an offence. The two parts of the story contradict each other and they seem to reflect principally different narrative strategies. The first part of the narration, though permeated with folklore motifs, is shaped in accordance with the annalist's tendency to glorify Ol'ga as the first Christian ruler in Rus'. The second part seems to reflect a non-Christian tradition depicting Ol'ga's voyage as a political undertaking, not necessarily very successive (from the Russian point of view) and having left unpleasant memories. It seems that the chronicle tale about Ol'ga's visit to Constantinople developed out of a folklore motif of heroic matchmaking and included few, if any, Christian connotations. Suffice it to point out here that the exposition to the chronicle narrative presents Ol'ga very little interested in being baptized:

Ol'ga went to Greece, and arrived at Tsar'grad. The reigning Emperor was named Constantine, son of Leo. Ol'ga came before him, and when he saw that she was very fair of countenance and wise as well, the Emperor wondered of her intellect. He conversed with her and remarked that she was worthy to reign with him in his city. When Ol'ga heard his words she replied that she was still a pagan, and that if he desired to baptize her, he should perform this function himself; otherwise, she was unwilling to accept baptism. The Emperor, with the assistance of the Patriarch, accordingly baptized her⁶⁴.

⁶² The Russian Primary Chronicle. P. 83.

⁶³ That is the first occasion when dispatching of military help to Byzantine Emperors is mentioned in either Old Russian or Byzantine sources.

⁶⁴ The Russian Primary Chronicle. P. 82.

Ol'ga puts forward conditions on which she would agree to get baptized so that it is the Emperor who appears to be the initiator of her baptism and not she herself. The first «conversation» as well as the next one in the course of which the Emperor proposes her to become his wife remind of heroic competitions of the bride with the claimants with the final victory of the bride:

After her baptism, the Emperor summoned Ol'ga and made known to her that he wished her to become his wife. But she replied, «How can you marry me, after yourself baptizing me and calling me your daughter? For among Christians that is unlawful, as you yourself must know». Then the Emperor said, «Ol'ga, you have outwitted me». He gave her many gifts of gold, silver, silks, and various vases, and dismissed her, still calling her his daughter⁶⁵.

The final remark “You have outwitted me” looks like a vestige of the verbal competition won by Ol'ga in the original tale. But no matter how this tale was complicated with folklore motifs it belonged to the historical tradition and had a relation about Ol'ga's real visit to Constantinople as its subject. The political goals of her visit must have been reflected, even if in an obscure way, in this tale, and that determined the last part of the chronicle narration. But for the annalist who knew that Ol'ga was a Christian and that Christianity came to Rus' from Byzantium it was only natural to reinterpret the voyage of Ol'ga to Constantinople as a quest of the true faith. Thus, Ol'ga's dissatisfaction with her visit could belong to the historical core of the tale and point to the fact that her visit was not entirely successful.

The failure to achieve her aims or their only partial fulfilment might very well explain the events that followed Ol'ga's visit to Constantinople if the date 957 for her voyage is accepted.

In 959 Ol'ga sent an embassy to Otto I of Germany asking for a bishop and priests, probably to introduce Christianity on a wider level. The mission of Adalbert spent about a year in Rus' and returned to Magdeburg in 962 without success. Though the extant sources provide no information about the reasons of Ol'ga's appeal to the German emperor, her embassy is viewed in the context of contradictions between Byzantium and Germany and is interpreted as an attempt of a Russian ruler to play on these contradictions and to gain by exploiting them⁶⁶. At the same time Ol'ga's appeal to German (i. e. Roman) church could reflect rather vague, unofficial religious connections of Rus' with Byzantium which could hardly be the case if Ol'ga were baptized in Constantinople.

Thus, Ol'ga's baptism seems to reflect a new step in the process of penetration of Christianity into Rus': the growth of authority of the new faith among the Russian elite and the appearance of people baptized in Kiev and not only in Byzantium.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 311–338.

Christianization of Ol'ga did not mean, however, a wide spread of the new faith. Nothing is known about Christians outside Kiev, the seat of the «Russian» princes. Ol'ga's baptism looks more like a private act, and her son, a warrior prince Svjatoslav, the first prince with a Slavic name, felt no inclination to Christianity. The annalist stresses Ol'ga's attempts to persuade him into Christianity and formulates Svjatoslav's refusal with the words probably borrowed from oral tradition: «How shall I alone accept another faith? My followers will laugh at that»⁶⁷. In fact, far from all his followers and relatives would laugh at Svjatoslav. Even twenty years earlier, as we have seen, the number of Christians among Igor's *hird* was large enough to make special provisions for their oath. But Christianity was and remained until 988 the faith not of princes but of their followers. Even if the eldest son and successor of Svjatoslav Jaropolk was baptized⁶⁸, the spread of Christianity before 988 was far from wide. Two other Svjatoslav's sons were heathens and after his accession to Kievan throne Vladimir renovated pagan cult by introducing a pantheon of several gods chosen from various tribal traditions with a supreme god Perun whose cult was supposed to become an official one⁶⁹.

For several decades before the official Christianization in 988 there seems to be a co-existence of Christians and pagans both among the ruling clan of the Rurikides⁷⁰ and among the Russian elite. This co-existence, however, was not as peaceful as one would gather from the sources discussed earlier.

V

Five years before the official Christianization of Rus' in 988 the «Primary Chronicle» records a splash of confrontation between Christians and pagans in Kiev.

⁶⁷ The Russian Primary Chronicle. P. 170.

⁶⁸ A. Nazarenko argued that Jaropolk was the «rex rugorum» mentioned in «Genealogia Welforum» who married one of the daughters of count Kuno of Eningen and a granddaughter of emperor Otto I. A. Nazarenko connected this remark with the information in Annals of Lampert of Hersfeld about a Russian embassy that came to Quedlinburg on the Easter of 973 (*Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 339–390; cf. Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 153–154*) and suggested that Jaropolk being a Christian or willing to baptize sent an embassy to emperor Otto II asking for a new mission.

A short reign of Jaropolk who was murdered by the order of his younger brother Vladimir in 978 was practically unknown to the late eleventh-century annalists but for the tale about Vladimir's advance to Kiev, the treason of Jaropolk's commander-in-chief Blud (< *Blóði* ?) who lured Jaropolk into a trap and the murder of Jaropolk by two Varangians. It must have been, however, a part of a tradition about Vladimir who appears to be the hero of the tale and not Jaropolk. In this context the information about Jaropolk being a Christian had very few chances to survive and to reach the annalists.

⁶⁹ *Васильев М. А. Язычество восточных славян. М., 1999; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь, Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 257–261.*

⁷⁰ The fall of Jaropolk in 978 is sometimes explained by a pagan reaction to his attempt to introduce Christianity and his treacherous commander-in-chief is viewed as the head (or representative) of the heathen party. In this case Vladimir came to power on the wave of the pagan uprising (*Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 361*).

On his return from a successful raid Vladimir and his elders decided to make a sacrifice to pagan gods⁷¹. They cast lots and the lot fell — «through the devil's hatred» as the annalist put it — upon a young Varangian who together with his father returned from Byzantium. Both Varangians «adhered to the Christian faith». The messengers of the prince came to the house and demanded that the youth should be given to them. The father refused to do this and pronounced an invective exposing the false gods of pagans and proclaiming the mightiness of the true God. The citizens took up arms, attacked the Varangians and killed them.

In the year of 6491 (983). Vladimir marched on the Jatvjagians⁷², conquered them, and seized their territory. He returned to Kiev, and together with his people made sacrifice to the idols. The elders and the boyars then proposed that they should cast lots for a youth and a maiden, and sacrifice to the gods whomsoever the lot should fall upon.

Now there was a certain Varangian whose house was situated at the spot where now stands the Church of the Holy Virgin, which Vladimir built. This Varangian had come from Greece. He adhered to the Christian faith⁷³, and he had a son, fair in face and in heart, on whom, through the devil's hatred, the lot fell. For the devil, though he had dominion over all the rest, could not suffer this youth. He was like a thorn in the devil's heart, and the accursed one was eager to destroy him, and even aroused the people thereto. Messengers thus came and said to the father, «Since the lot has fallen upon your son, the gods have claimed him as their own. Let us therefore make sacrifice to the gods». But the Varangian replied, «These are not gods, but only idols of wood. Today it is, and tomorrow it will rot away. These gods do not eat, or drink, or speak; they are fashioned by hand out of wood. But the God whom the Greeks serve and worship is one; it is he who has made heaven and earth, the stars, the moon, the sun, and mankind, and has granted him life upon earth. But what have these gods created? They are themselves made. I will not give up my son to devils».

So the messengers went back and reported to the people. The latter took up arms, attacked the Varangian and his son, and on braking down the stockade about his house, found him standing upon the porch. They then called upon him to surrender his son that they might offer him to the gods. But he replied, «If they be gods, they will send one of their number to take my son. What need have you of him?» They straightway raised a shout, and broke up the

⁷¹ On human sacrifices in the East-Slavic world see *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 1997. P. 142–145 and references.

⁷² A Baltic tribe.

⁷³ In two early versions of the «Primary Chronicle», the «Hypatian Chronicle» and the «First Novgorod Chronicle» there is an important addition: «He *secretly* adhered to the Christian faith» (my italics. — *E. M.*).

structure under them. Thus the people killed them, and no one knows where they are buried.

For at that time the Russes were ignorant pagans. The devil rejoiced thereat, for he did not know that his ruin was approaching...⁷⁴.

After Christianization of Rus' the two Varangians became the first Russian martyrs and their *vita* was composed not later than 1113 when its shortened version was included in the «Primary Chronicle»⁷⁵. It has many common features with the narration about the Christianization of Rus' by St. Vladimir in the «Primary Chronicle» and it is believed to belong to the same author⁷⁶. The chronicle narration preserves some clearly hagiographic features and is considered to render the original *vita*.

An expanded text about the martyrdom of the two Varangians reads also in the «Synaxaire» (Old Russian Prolog, beginning of the thirteenth century), a collection of short lives of saints arranged in calendar order, for 12 July⁷⁷. The «Prolog» text provides several important additions to the chronicle. First, it indicates the day of their commemoration that must be the exact date of their martyrdom — July, 12. Second, it gives the Christian name of the son — Ioann⁷⁸ that remained unknown to the compiler of the «Primary Chronicle». These minor but important addenda suggest that the author of the «Prolog» text used not only the narration of the «Primary chronicle», probably an earlier version preceding the «Chronicle», but he also had another source — a short note about the martyrdom of the Varangians that included the date and the name of the originally supposed victim⁷⁹.

An abridged version of the *vita* of the two Varangians was also incorporated into several redactions of «The Prolog Life» of St. Vladimir (for 15 July, not later than the first half of the thirteenth century). It is supposed that the legend about the

⁷⁴ The Russian Primary Chronicle. P. 95–96. Cf. Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне // Русская речь. 1981. № 5. С. 101–107; Poutsko V. Les Martyrs varègues de Kiev (983) // Analecta Bollandiana. 1983. T. 101. P. 363–385.

⁷⁵ It is common opinion that a legend about the two Varangian martyrs, if not their *vita*, was composed much earlier than the compilation of the «Primary Chronicle», probably several years after the Christianization of Rus'.

⁷⁶ D. S. Likhachev called this narration «The saga of the initial spread of Christianity» (Лухачев Д. С. Комментарии. С. 326).

⁷⁷ Павлова Р. Жития русских святых в южнославянских рукописях // Slavjanska filologija. Sofia, 1993. T. 21. P. 103–104; Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик? // Известия Императорской Академии Наук. 1907. Сер. 6. Май. С. 262. The resume of Shakhmatov's article was published by F. Marchant: Marchant F. P. The First Christian Martyr in Russia // Saga-Book of the Viking Society. 1908–1909. Vol. VI. P. 28–30.

⁷⁸ This name is repeated in several chronicles of the fifteenth and sixteenth centuries (Sofijskaja I, Novgorodskaja IV, Voskresenskaja, Nikonovskaja, etc.). The Christian name of the father — Feodor — was attested for the first time much later, not earlier than in the seventeenth century and can't be considered authentic.

⁷⁹ Карнов А. Ю. Владимир Святой. С. 146.

Varangian martyrs was an integral part of the earliest life of St. Vladimir and served to contrast his pre-Christian godlessness, ferocity, polygamy to his saintly life after baptism⁸⁰. Basing on his study of the «Life» where the place of the baptism of Kievan citizens «at the place where nowadays there is the church of saint martyrs⁸¹ of Tur» was defined, A. Shakhmatov suggested that the secular name of the father was *Pórr* or *Pórir*⁸². The church of Tur or Tury («Turova bozhnitsa») in Kiev is also mentioned in other sources without any connection with the Christianization⁸³. This identification of the name is, however, open to doubts. First, the name of Tur in the possessive form *Turova* occurs only in latest manuscripts of the «Life». In earlier copies it reads either *Petr's (Petrova)* or *of Boris and Gleb*⁸⁴. Second, the location of this church does not coincide with the location of the *Desjatinnaja* church that was built, according to the «Primary Chronicle», on the site of the house of the Varangians⁸⁵. According to all available sources the citizens of Kiev were baptized in the Pochaina river, a tribute to the Dnieper. The Pochaina was used as a harbour and its shores beneath the Kievan hills were occupied by the *Podol*, a trade and artisan quarter of the city. The *Desjatinnaja* church was located on the hills within the fortified «princely» quarters. Thus, even if there was a church near the site where the Kievan inhabitants were baptized and it was called after a Tur or Tury (the name most probably of Old Norse derivation), it is impossible to identify this person with the Varangian martyr⁸⁶.

The incorporation of the legend about the martyrdom of the two Varangians into several works of different character, both secular (chronicle) and clerical («Life of St. Vladimir», «Prolog») is an unusual phenomenon for Ancient Rus'. The event must have shocked the Christian community of Kiev and stories about the death for faith of the two Varangians spread rapidly and widely so that the narration of their exploit soon took shape and was used by different Christian authors writing for various purposes. A wide circulation of the legend must have been promoted also by the fact that the house of the Varangians stood at the place where Vladimir built the first church after the Christianization — the church was dedicated to Holy Virgin, it was

⁸⁰ Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 448.

⁸¹ The words «saint martyrs» are in dual number.

⁸² Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик? С. 261–264.

⁸³ Cf. Ипатьевская летопись. М., 1998 (ПСРЛ. Т. 2). С. 322 (s. a. 1146).

⁸⁴ This attribution must be a later interpolation as the cult of Boris and Gleb murdered in 1015 was established only by the end of the eleventh century. At the time of the Christianization of Rus' neither of them were born.

⁸⁵ During archaeological excavations of 1908 remains of a wooden building 5.5×5.5 meters were unearthed near the southern apse of the church. These remains are identified with the house of the Varangian martyrs (Толочко П. П. Древний Киев. С. 38–39). It is also believed that one of the burials found beneath the foundations of the church belong to one of the Varangians (Карзер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 174–176).

⁸⁶ Cf. Карпов А. Ю. Владимир Святой. С. 385–386, примеч. 8.

the earliest one to be bestowed with the tithe which gave rise to its name «the Tithe church» (*Desjatinnaja tserkov'*) and it enjoyed extraordinary popularity in Kiev. It is in the *Desjatinnaja* church that the first annals started to be written down and it is with this church that the origin of a short note on the martyrdom of the Varangians is connected. The clerics of the church were well aware and could not forget that their church rested on the remains of the martyrs or at least on the site they were martyred.

The martyrdom of the two Varangians produced an indelible impression on the inhabitants of Kiev. It became a symbolic event for the Christian community that must have existed in Kiev before the official Christianization and a milestone for the Christians after 988. In the eleventh century their cult seems to start developing⁸⁷. They are mentioned as the example of devoted service to God and as the first Christians to suffer for the sake of their belief. Already in the mid-eleventh century the metropolitan Hilarion referred to the martyrs: "And now we do not build heathen temples but construct Christ's churches; and now we do not immolate each other to devils but Christ is sacrificed for our sake and < sacrificed> and fragmented as a sacrifice to God and Father. And now we do not perish by partaking of sacrificial blood but we are saved by receiving the Lord's sacred blood"⁸⁸. In the first half of the thirteenth century bishop Simeon, one of the authors of the «Patericon» of the Kiev Cave monastery, called them the first «citizens of the Russian world crowned by Christ»⁸⁹.

The narration of the martyr Varangians in the «Primary Chronicle» stresses not only the main road the Christianity advanced to Rus', i. e. from Byzantium, but it also suggests the existence of a Christian commune in Kiev before the official Christianization in which Varangians played an important role.

Conclusions

The scarcity of information in Old Russian literature about the advance of Christianity to Rus' seems to be mainly due to the sources the annalists had at their disposal. These were first and foremost heroic tales orally transmitted from the times of the historical event till the late eleventh century. Being pagans and interested in the heroic appeal of what they related, the storytellers paid no attention to matters of faith and the missionary activities could hardly supply themes for their stories.

Still the comparison of the scattered mentions in sources of different origin and from different regions of medieval world maintaining relations with Ancient Rus' allows some conclusions.

⁸⁷ Poutsko V. Les Martyrs varègues. P. 374–377.

⁸⁸ Иларион. Слово о законе и благодати / А. М. Молдован // БЛДР. 1997. Т. 1. С. 38. German transl.: Müller L. Des Metropolitan Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962.

⁸⁹ Киево-Печерский Патерик / Д. Абрамович. Киев, 1931. С. 102.

First, the sources make it obvious that the main centre from which Christianity spread in Eastern Europe was Byzantium.

Second, Scandinavians, trading, serving to Russian princes, and settling in Rus', were most active in transferring Christian ideas from Byzantium to Rus'. Their activities in Eastern Europe defined the main phases of the penetration of Christianity. The first wave of Vikings that reached Byzantium by the beginning of the ninth century became ready for adopting Christian faith by the 860ies when a Christian mission was sent to Rus' from Constantinople.

The subsequent new wave of Norsemen that reached Kiev in 882 put an end to the initial process of Christianization. It is only some sixty years later that the next rise of Christian commune starts to be reflected in the Old Russian sources. It is worth noting that the earliest record of this process was preserved in a document and not in the narrative part of the «Primary Chronicle».

For the next forty years before the official Christianization took place, Christianity made a slow progress among the warrior elite of the state still consisting mainly of Scandinavians. There can be no doubt, however, that by that time a large proportion of warriors were Slavs who shared the fates of their Northern comrades-in-arms. Nevertheless the rulers of the state but for princess Ol'ga and probably Jaropolk refrained from adopting the new faith. More than that, under the first years of the reign of Vladimir a revival of paganism took place. The annalist relates about new sanctuaries to Perun constructed in Kiev and Novgorod and human sacrifices to Perun. One of the victims of this practice were two Varangians in 983 who became the first Russian martyrs. It was the baptism of prince Vladimir that opened a wide way to Christianity for Slavic population.

(Впервые опубликовано: Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / H. Janson. Malmö, 2005. P. 97–138)

Часть IV

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПУТЯХ**

Е. А. Мельникова

Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э.

Западная Балтика — Ютландский полуостров и Датские острова — играла структурообразующую роль в экономической и политической жизни Скандинавских стран и всего балтийского региона второй половины первого тысячелетия до н. э. — первого тысячелетия н. э. Поэтому в ментальной картине мира древних скандинавов обнаруживается отчетливый «даноцентризм», восходящий, возможно, к значительно более раннему времени.

Древнескандинавская пространственная организация ойкумены, отраженная в письменных памятниках XI–XIII вв. (рунических надписях, скальдических стихах, сагах), основывалась на системе ориентации с четырехчастным членением пространства по странам света: восток, север, запад, юг¹, и в этом отношении не отличалась от ориентационной системы других народов Евразии². Что делало ее самобытной и в корне отличной от картины мира европейских народов, восходящей к античности, — это границы и расположение частей света, отнесение к той или иной из них конкретных территорий и «путевой» принцип наполнения каждой из частей. В том виде, в котором эта система дошла до нас, ее органическая целостность языческого времени была уже несколько нарушена христианством: восточная четверть превратилась в половину ойкумены, что было характерно для средневековой географии в целом. Оставшаяся половина ойкумены делилась на северную, западную и южную трети, отнюдь не равные по размерам и соответствовавшие европейской (север и запад) и африканской (юг) третям христианской ойкумены³. Можно полагать, что этому «контаминированному» членению, отразившемуся в исландской «ученой» литературе и в примыкающих к ней произведениях, предшествовало менее сложное и более последовательное деление ойкумены на четыре четверти в соответствии со странами света, которое отразилось в памятниках, не связанных с «ученой» литературой (в рунических надписях, скальдических стихах, сагах).

Как показала Т. Н. Джаксон, в понятие восточной части включались все земли, лежащие к востоку от Норвегии и Дании (Швеция, Финляндия, Восточная При-

¹ Джаксон Т. Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // *Одиссей. Человек в истории*. 1994 г. М., 1994. С. 54–66.

² Подосинов А. В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М., 1999.

³ Мельникова Е. А. *Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века*. М., 1998. С. 100–101; *Она же*. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 130–139.

балтика, земли по южному берегу Балтийского моря), но также и вся Восточная Европа и та часть Южной Европы, которая достигалась через Восточную (Византия)⁴. В северную часть входила Норвегия, к южной относились Дания, Германия и земли далее на юг (Италия). Западная часть охватывала побережье Северного моря, Англию, Францию, Испанию и даже Северную Африку⁵. Подобного деления европейская средневековая география не знала. Набор стран и их отнесение к определенной части отражали круг знаний скандинавов, приобретенных в VI–X вв. в результате их плаваний на запад и восток Европы вплоть до Средиземного моря, и сложившуюся на этой основе пространственную модель ойкумены.

Принципиально важное значение в формировании знаний, полученных именно в ходе путешествий, отражается, с одной стороны, в продлении каждой из частей до самой дальней точки, достигаемой при путешествии, начатом в этом направлении, — вне зависимости от реального местоположения территории. Так, Византия, а затем Святая Земля оказывается крайней «восточной» страной, несмотря на ее расположение на юге Европы и к югу от Скандинавии. По тому же принципу Испания отнесена к «западной», а не «южной» части. С другой стороны, каждая из частей рассматривается не просто как некая территория с расположенными на ней странами, но как путь в соответствующем направлении. Поэтому обобщающие наименования земель, лежащих в каждой из частей, образовывались названиями соответствующих сторон света и словом «путь» (*vegr*): *austrvegr* («восточный путь»), *nordrvegr* («северный путь»), *vestrvegr* («западный путь») и *sudrvegr* («южный путь»)⁶. Лишь обозначения конкретных земель или государств включали термин *land* «земля» или *ríki* «государство» (очень редко эти термины могли сочетаться с наименованиями сторон света: *Austrlönd*, *Austrríki*).

Таким образом, древнескандинавская ойкумена моделировалась как расходящиеся в четыре стороны света пути: два меридиональных — северный и южный и два широтных — западный и восточный. Вдоль этих путей — за пределами Скандинавии — располагались страны, населенные известными скандинавам народами.

Распределение же самих Скандинавских стран по частям мира заслуживает отдельного внимания. Норвегия входила, скорее даже образовывала «северную» часть, что отразилось в ее наименовании *Nóregr* < *Nordr-vegr*. Сюда же, видимо, относилась и Исландия. Швеция обычно определялась по отношению к Норвегии, как лежащая «на востоке», но когда изображалась цельная картина мира — как, например, в исландских описаниях Земли, граница восточного региона проходила по Балтийскому морю: к нему относились Финляндия, Русь,

⁴ Джаксон Т. Н. *Austr í Gördum*. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 15–22, 39–48.

⁵ Джаксон Т. Н. Ориентационные принципы организации пространства.

⁶ См.: Джаксон Т. Н. «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов (Путь как способ освоения пространства) // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 300–317.

Восточная Прибалтика. Швеция описывалась вместе с другими Скандинавскими странами под общей рубрикой «Европа»⁷. «Юг», судя по материалам саг, приводимым Т.Н. Джаксон⁸, начинался на Ютландском полуострове, «восток» — на славянском Поморье, «север» — в Норвегии, «запад» — в Фризии и Англии. Очевидно, Западно-Балтийский регион являлся своего рода ориентационным центром, из которого исходили пути.

Столь важное значение Западно-Балтийского региона для древнескандинавской ментальной картины мира было обусловлено, в первую очередь, его географическим положением: Ютландия и Датские острова являлись главным связующим звеном между континентальной Европой и Скандинавским полуостровом. Еще в послеледниковый период через них шли последовательные волны миграции человеческих коллективов, заселявших Скандинавию.

Не менее важным было его расположение и для экономики Скандинавских стран, начиная с неолита. Через Ютландский полуостров и Датские острова в Скандинавию приходили новые экономические и технологические импульсы из Центральной и Южной Европы: новые способы обработки камня, земледелие, производство бронзы и др. Тем же путем в эпоху бронзы в Скандинавию ввозилось сырье (бронзовые изделия и, возможно, слитки)⁹. С этого времени устанавливается регулярное поступление на север через Ютландию и Датские острова предметов роскоши из Средиземноморья, а в римское время (уже в железном веке) меридиональный торговый путь обеспечивает интенсивное взаимодействие Западной Балтики со средиземноморской цивилизацией¹⁰. Тем самым Западно-Балтийский регион уже в эпоху бронзы становится коммуникационным узлом, куда поступают, где концентрируются и откуда перераспределяются получаемые с юга ценности¹¹.

Обмен с Центральной и Южной Европой длительное время носил престижный характер: поставляя янтарь, местная знать получала предметы роскоши — изделия из бронзы и реже золота, стекла и т.п. и сырье для их производства (бронза, золото). Престижный обмен являлся мощным стимулом экономического и социального развития Западно-Балтийского региона¹². Уже в эпо-

⁷ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 203.

⁸ Джаксон Т. Н. «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов.

⁹ Jensen J. The Prehistory of Denmark. L., 1982. P. 163–167.

¹⁰ Hedeager L. A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the Limes (0–400 A.D.) and the Question of Roman-Germanic Exchange // *Studies in Scandinavian Prehistory and Early History*. Aarhus, 1978. Vol. 1. P. 191–216; Lund Hansen U. Römischer Import im Norden. København, 1987.

¹¹ Hachmann R. Die frühe Bronzezeit im östlichen Ostseegebiet und ihre mittel- und südosteuropäischen Beziehungen // 6. Beiheft zum Atlas der Urgeschichte. Hamburg, 1957.

¹² Renfrew C. Trade and Culture Process in European Prehistory // *Current Anthropology*. 1969. B. X. P. 151–169; Randsborg K. Wealth and Social Structure as Reflected in Bronze Age Burials: a Quantitative Approach // *The Explanation of Culture Change* / C. Renfrew. L., 1973.

ху бронзы на Ютландском полуострове и Датских островах (Фюн, Зеландия, Фальстер) выделяются области, где среди гнезд аграрных поселений возникают центры неаграрного типа (со следами специализированного ремесленного производства и торговой деятельности) с относящимися к ним богатыми могильниками¹³. Важной особенностью этих центров является то, что первоначально возникает не изолированное от окружи поселения с особыми функциями (торговой, ремесленной), выступающее резиденцией знати, а обособляется небольшая область, в которой характер занятий населения отличен от окружающих территорий. Здесь отмечается скопление знати (археологически выражающееся в появлении элитных некрополей, кладов и т. п.) и вырастает ряд взаимосвязанных поселений — одно из них впоследствии занимает в области ведущее место, но со временем может уступить его другому поселению, — но в пределах той же области¹⁴. Находки в этих областях свидетельствуют о том, что в них сосредоточивается балтийская и североморская торговля с Центральной и Западной Европой¹⁵. Они являются конечными пунктами и важнейшими местами перераспределения ценностей крупных торговых путей. К таким «торговым» областям в бронзовом веке относятся Вольдтофт на о. Фюн с курганом Лусехей (*Lusehøj*)¹⁶, Стевнс¹⁷ на о. Зеландия с культовым центром Бослунде (*Boeslunde*)¹⁸ и Трюггвелде (*Tryggvælde*)¹⁹, Тю (северо-восточная Ютландия) с Люнгбю (*Lungby*)²⁰ и ряд других. Здесь над погребениями знати возводились огромные курганы, а в захоронениях представлены бронзовые, золотые и серебряные изделия, привезенные из Средиземноморья, кельтской Западной Европы, Подунавья²¹. Находки свидетельствуют о непосредственной связи этих центров с системой центральноевропейского обмена.

¹³ Hedeager L. Iron-age Societies: From Tribe to State in Northern Europe, 500 B.C. to AD 700. Oxford, 1992; Fra stamme til stat — samfundsorganisation og forandring i Danmarks jernalder. København, 1988; Gudmeproblemer / H. Thrane. Odense, 1987.

¹⁴ Wells P. S. Farms, Villages and Cities — Commerce and Urban Origins in Late Prehistoric Europe. L., 1984; Jensen J. The Prehistory of Denmark. P. 166–167.

¹⁵ Thrane H. Europæske forbindelser: bidrag til studiet af fremmede forbindelser i Danmarks yngre bronzealder. København, 1975.

¹⁶ Thrane H. Lusehøj ved Voldtofte: en sydvestfynsk storhøj fra yngre bronzealder. Odense, 1984.

¹⁷ Nielsen H., Hansen V. Oldtidens veje og vadesteder, belyst ved nye undersøgelser ved Stevns // Aarbøger. 1977. S. 72–117.

¹⁸ Ранее считался центральным поселением окружи. См.: Kjær H. Boeslunde et oldtidens heligsted? // Årbog for Historisk samfund Sorø. 1928.

¹⁹ Kristensen Kr. Besiedlung, Wirtschaftsstrategie und Bodennutzung in der Bronzezeit Dänemarks // Praehistorische Zeitschrift. 1980. Bd. 55. H. 1. S. 1–37; Jensen J. Et rigdomscenter fra yngre bronzealder på Sjælland // Aarbøger. 1981. S. 48–96.

²⁰ Jensen S. Byhøjene i Thy og aspekter af samfundsudviklingen i ældre jernalder // Museer i Viborg Amt. 1976. B. VI. S. 64 ff.

²¹ Jensen J. The Prehistory of Denmark. P. 163–167.

Вместе с тем они не обнаруживают следов дальнейшего, внутрибалтийского, перераспределения ценностей (хотя некоторые контакты между различными областями Скандинавии, очевидно, осуществлялись). Эти центры, видимо, являлись северными конечными пунктами европейской системы коммуникаций, и поступающие в них ценности по преимуществу оседали на месте, способствуя возвышению и обособлению знати, контролировавшей эти территории.

Наступление эпохи производства железа (с середины I тысячелетия до н. э.), сырьем для которого были богаты и Ютландский полуостров, и Средняя Швеция, привело к радикальному изменению характера торговли и реорганизации торговых путей. Тем не менее роль Западно-Балтийского региона как коммуникационного центра не уменьшилась, хотя на протяжении римского железного века (0–500 гг. н. э.) произошло расширение и перераспределение его функций²².

Важнейшим фактором изменения ситуации на Балтике было то, что впервые в это время предметом торговли, как международной, так и внутрибалтийской, становится продукт местного производства — железо. Большие запасы и высокое качество руды делали главным его поставщиком север Упланда (северная область Средней Швеции, Свеаланда). «Железный путь» связывал его с оз. Меларен, откуда открывался выход в Балтийское море, и служил основой для формирования внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу²³. Отсюда железо начинает доставляться в другие регионы Скандинавии и в Центральную Европу²⁴.

Благодаря этому, в дальнюю крупномасштабную торговлю, во-первых, были вовлечены новые области Северной Европы, которые, с одной стороны, поставляли в торговую сеть свои товары, а с другой, становились потребителями уже традиционных или новых товаров, привозимых на Балтику центрально-европейским путем. Таким новым регионом стал в первую очередь Свеаланд. В балтийскую систему обмена включилась также южнонорвежская область Вик, откуда вывозились высоко ценившиеся, по крайней мере в Балтийских странах, изделия из мыльного камня (жировика).

Во-вторых, эти области объединялись с центральноевропейской торговой системой с помощью новых путей, пролагавшихся по преимуществу вдоль побережий. Эти новые маршруты являлись пролонгацией ранее заканчивавшейся в Западной Балтике системы коммуникаций. При этом, как и в предшествующую эпоху, формирование торговых путей создавало условия для возникновения центров, где проходили торжища (подчас сезонные), накапливались предметы торговли, находились ремесленные мастерские. Однако торговые центры

²² Hedeager L. Danernes land: fra ca. år 200 f. Kr. — ca. 700 e. Kr. København, 1988.

²³ Iron and Man in Prehistoric Sweden / H. Clarke. Stockholm, 1979.

²⁴ Voss O. Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit. Stockholm, 1971.

этого времени (часто называемые виками, поскольку они располагались в удобных гаванях), как правило, не связаны с округой или связь эта весьма ограничена.

В IV–VI вв. формируются торговые пути на восток вглубь Балтики, в первую очередь, вдоль юго-восточного побережья Скандинавского полуострова. От Южной Ютландии и Зеландии путь ведет к о. Борнхольм²⁵, к о. Эланд, на южной оконечности которого возникает торгово-ремесленное поселение Экеторп (*Eketorp*)²⁶, а на восточном побережье — Исманторп (*Ismantorp*). Отсюда путь разветвлялся на северо-восточный маршрут — к о. Готланд и северный — в Среднюю Швецию, где на о. Экерё в оз. Меларен вырастает поселение Хельгё (*Helgö*)²⁷. Наконец, в V в. устанавливаются связи и с восточным побережьем Балтики²⁸. В каменном могильнике Прооза (ныне в черте г. Таллинна) найдены — наряду с другими предметами скандинавского происхождения — бронзовые пуговицы-аграфы, отлитые в формочке, найденной в Хельгё²⁹, что указывает на прямые связи населения Прооза с Хельгё. Для поселений этого периода характерны западноевропейские импорты, в том числе монеты и предметы роскоши, а также специализированная ремесленная деятельность: производство ювелирных украшений, костяных и керамических изделий.

В-третьих, в Западно-Балтийском регионе реорганизуется система торговых, а теперь и ремесленных центров, часть которых располагается непосредственно на торговых путях (как Экеторп, Хельгё и др.), а часть возникает в местах добычи и переработки железа. Ко второму типу относится поселение в Данкирке (*Dankirke*), зародившееся на юго-западном побережье Ютландии еще в I в. до н. э. как центр производства железа в широких (для того времени) масштабах, но достигшее расцвета в VI–VII вв. уже в качестве ремесленного и торгового поселения³⁰. Здесь сосредоточивалось производство костяных, стеклянных, керамических изделий, ювелирное дело; обнаружены многочисленные римские, меровингские, позднее фризские (включая монеты) импорты. Другим крупнейшим торговым центром Западной Балтики, но к востоку от

²⁵ Klindt-Jensen O. Bornholm i Folkvandringstiden // Nationalmuseets skrifter. Større beretninger II. København, 1957; Larsen K. A. Bornholm i ældre jernalder // Aarbøger. 1949. S. 1–214; Becker C. J. Hovedlinier i Bornholms oldtidshistorie // Bornholmske samlinger. 1975. S. 1–41.

²⁶ Hagberg U. E. Eketorp. Fortification and Settlement on Öland (Sweden). Stockholm, 1979.

²⁷ Excavations at Helgö. Stockholm, 1961–1986. B. 1–10; Thirteen Studies on Helgö. Stockholm, 1988.

²⁸ Отдельные, нерегулярные контакты с Восточно-прибалтийскими землями существовали и значительно раньше, но лишь с этого времени они приобретают устойчивый характер.

²⁹ Дезмант К. Предметы скандинавского происхождения среди вещевого материала каменного могильника Прооза среднего железного века (V–VI вв.) // IX Сканд. конф. Тарту, 1982. Ч. I. С. 178–179.

³⁰ Hansen H. J. Dankirke. Jernalderboplads og rigdomscenter // Kuml. 1989. B. 1987–1988. S. 201–240.

Ютландии, т. е. собственно внутри Балтийского региона, в IV–V вв. становится поселение Луннеборг (*Lundeborg*) на о. Фюн (округ Гудме)³¹, в котором было налажено производство костяных, стеклянных, керамических изделий и где найдено большое количество римских импортов.

Таким образом, этот этап — IV–VI вв. — характеризуется пролонгацией системы коммуникаций по северному побережью Балтийского моря вплоть до устья Финского залива, образованием новых «узловых» областей в сети дальней торговли, главной среди которых становится Свеаланд, изменением функций Западной Балтики, которая превращается теперь лишь в одно из звеньев трансевропейского пути, откуда поступающие по нему ценности перераспределяются в пределах всего Балтийского региона и куда доставляются продукты местного производства для их дальнейшего участия в торговле.

В VII–VIII вв. балтийская система коммуникаций приобретает новое содержание: из региональной она преобразуется в общеевропейскую и затем — в трансконтинентальную. Резкий рост значения Балтики был обусловлен радикальными переменами, происходившими в Средиземноморье, где арабские завоевания перекрыли традиционные пути, связывавшие его с Востоком, откуда поступали предметы роскоши, ткани (прежде всего шелк), пряности, специи³². Центр тяжести в поисках новых путей на Восток был перенесен с юга Европы на север. Рейн, важная европейская магистраль еще с римских времен, становится одной из основных, по которым товары из Центральной и Южной Европы поступают на побережье Северного моря и оттуда в Англию и в Балтийский регион. Это вызывает чрезвычайное усиление Фризии, расположенной к востоку от Шельды, и рост фризской торговли³³. На побережье Северного моря возникает ряд новых эмпориев: Гамбург в устье Эльбы, Дорестад в устье Рейна и др., восстанавливается роль старых римских портов, таких как Квентовик в устье Канша. Объединение североморской и балтийской систем коммуникаций не заставляет себя долго ждать, и уже с начала VIII в. налаживается более или менее регулярное сообщение между Северным и Балтийским морями.

Западная Балтика оказывается теперь на скрещении не только меридиональных, но и широтных торговых путей — между Северным и Балтийским морями. Они соединялись двумя способами: через юг Ютландского полуострова,

³¹ Nielsen P. O., Randsborg K., Thrane H. *Archaeology of Gudme and Lundeborg*. Copenhagen, 1994.

³² Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // SEHR. 1952. Vol. 1; Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe. *Archaeology and the Pirenne Thesis*. Oxford, 1983.

³³ Ellmers D. Die Bedeutung der Friesen für die Handelsverbindungen des Ostseeraumes bis zur Wikingerzeit // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age*. Visby, 1985. S. 7–54 (*Acta Visbyensia*, VII).

где узкий перешеек пересекают, почти смыкаясь, реки Айдер и Трене с запада и залив Шлее (Шлой) с востока, и на севере через Лимфьорд. И тот, и другой пути маркируются новыми крупными торгово-ремесленными центрами: Хедебу (*Hedeby*) на берегу Шлее³⁴ и Линдхольм Хёйе (*Lindholm Høje*) на берегу Лимфьорда³⁵. Плавание вдоль западного побережья Ютландии к Лимфьорду вызвали к жизни появление нового центра неподалеку от Данкирке — Риббе (Старый Риббе)³⁶. Все эти поселения отличаются интенсивными связями с Североморским регионом (многочисленны находки фризских скеаттов, керамических и стеклянных фризских и рейнских изделий, английских импортов и др.), с одной стороны, и очевидными следами экспорта продуктов местного производства (железа, жировика, скота, кож) — с другой.

Таким образом, к началу эпохи викингов Ютландский полуостров и Датские острова по-прежнему остаются крупнейшим узловым центром Европы, где пересекались меридиональный и широтный пути дальней торговли³⁷, центром обширной коммуникационной системы, объединявшей Североморский и Балтийский регионы.

Одновременно с интенсификацией торговли и нарастанием в ней удельного веса местного производства шло расширение и продление путей в самом Балтийском регионе. В VII–VIII вв. активно осваиваются пути вдоль южного и юго-восточного побережья Балтики. Именно этот маршрут получает название «Восточного пути» (*Austrvegr*) в скандинавских источниках³⁸. На землях поморских славян, балтов и прибалтийско-финских племен возникают такие центры как Рерик (у дер. *Groß Strömkendorf* на восточном берегу Висмарского залива)³⁹, Ральсвик на о. Рюген, Менцлин на нижнем Пене, Волин в устье Одера⁴⁰, Тусо в устье Вислы, ряд поселений в землях пруссов, Кауп на их границе с территорией обитания куршей⁴¹, Апуоле в области расселения кур-

³⁴ Jankuhn H. Haithabu: Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1956, 1963; Müller-Wille M. Hedeby und sein Umland // Trade and Exchange in Prehistory. Lund, 1988. S. 271–278.

³⁵ Marsen O. Lindholm Høje // Kuml. 1959. S. 53–68; Ramskou T. Lindholm Høje, Gravpladsen. København, 1976.

³⁶ Bencard M. Ribe Excavations 1970–1976. Esbjerg, 1981–1984. B. 1–2; Bencard M., Tonsgaard S. Ribe i tusend år. Bygd, 1978; Frandsen L. B., Madsen P. Kr., Mikkelsen H. Ausgrabungen in Ribe in der Jahren 1983–1989 // Offa. 1990. B. 47. S. 177–208.

³⁷ Ср. выше о пространственной организации мира как пересечении меридиональных (север–юг) и широтных (запад–восток) путей.

³⁸ См.: Джаксон Т. Н. «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов.

³⁹ Локализация Рерика долго оставалась спорной. После археологических раскопок 1990-х гг. его местонахождение считается установленным. См.: Happ J. Reric, der verlorene Handelsplatz der Wikinger am südwestlichen Zipfel der Ostsee. 2. Aufl. Mensing, 2004.

⁴⁰ Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 338–359; Filipowiak W. Die Bedeutung Wolins im Ostseehandel // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. S. 121–138.

⁴¹ Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990. С. 9.

шей⁴², Гробиня — ливов⁴³ и др. К концу IX в. южное и восточное побережье Балтики усеяно крупными и мелкими поселениями, обслуживающими торговый путь и принимающими участие в торговле. Рассказ англо-сакса Вульфстана, включенный в «Орозий» уэссекского короля Альфреда (конец IX в.)⁴⁴, о его поездке вдоль южного берега Балтийского моря свидетельствует о налаженности, освоенности этого маршрута. Путь от Хедебю до Трусо занял у него 7 дней и пролегал по хорошо знакомым морякам землям: Вульфстан, очевидно со слов моряков, с которыми он плыл, подробно перечисляет земли, которые они миновали как по левому (Сконе, острова Борнхольм, Эланд и Готланд), так и по правому борту (Витланд, Веонодланд и др.). Более того, Вульфстан получил обильную информацию об обычаях народов, населявших эти земли, часть которой вошла в текст короля Альфреда: Вульфстан упоминает о существовании на о. Борнхольм нескольких «королей», подробно описывает видимо поразивший его обряд погребения у эстов и т. д.

Разрастается и разветвляется коммуникационная система и в северо-восточной части Балтийского моря. Новые торгово-ремесленные поселения основываются на о. Готланд: Вестергарн (*Västergarn*), затем Павикен (*Paviken*)⁴⁵ и, наконец, Висбю⁴⁶ на западном побережье острова и Эстергарн (*Östergarn*)⁴⁷ — на восточном. Интенсифицируется движение вдоль северного и западного побережья Балтики: здесь возникают новые центры — иногда вместо старых (так, Бирка со временем вытесняет Хельгё), иногда — в дополнение к ним (например, Лёддечёпинг в Сконе)⁴⁸. Но главным явлением этого времени, оказавшим наибольшее влияние на экономику балтийских стран эпохи викингов, равно как и на социально-политическое развитие народов Восточной Европы, был следующий этап пролонгации балтийской коммуникационной системы на восток сначала по Балтийско-Волжскому пути вплоть до Волжской Булгарии, Хазарии и стран Халифата, затем по Днепровскому пути вплоть до Византии.

Время формирования Балтийско-Волжского пути обычно определяется древнейшими комплексами, выявленными в Старой Ладогe, которые датиру-

⁴² Седов В. В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 408–409.

⁴³ Nerman B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958.

⁴⁴ Мамузова В. И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 25–27.

⁴⁵ Lundström P. Paviken bei Västergarn // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. S. 265–269.

⁴⁶ Westlund G. Visby — Bönders hamn och handelsplats. Visbysamhällets uppkomst och utbredning under förhistorisk tid och äldre medeltid. Visby, 1989.

⁴⁷ Lundström P. Gotlandshamnar // Gutar och vikingar. Visby, 1980. S. 99–116.

⁴⁸ Hagberg U. E. Ports and Trading Places on Öland and in the Kalmarsund Area // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. P. 139–148.

ются 750-ми гг.⁴⁹. Предполагается, что возникновение поселения на высоком мысу над р. Ладожкой маркирует начало функционирования этого пути. Однако кажется значительно более вероятным, что появление крупного торгово-ремесленного центра на торговом пути знаменует не начало его освоения, а переход к его интенсивному функционированию. Подобного рода поселения, где движущиеся этим путем купцы могли останавливаться на отдых, чинить или менять средства передвижения, продавать свои товары и приобретать продукты местного производства и где это производство оказалось налаженным (так, жилой и производственный комплекс в Ладоге, считающийся древнейшим, принадлежал ремесленнику-ювелиру⁵⁰), вряд ли могли возникнуть, если движение по пути было слабым и нерегулярным. Требовалась постоянная, хотя бы и сезонная (вначале), потребность купцов в подобной стоянке, с одной стороны, и заинтересованность местного населения в сбыте своей продукции и уверенность в ее реализации — с другой. Разумеется, уловить действительно начальные этапы использования того или иного пути крайне сложно: в силу редкости плаваний и немногочисленности путешественников они почти не оставляют археологически определимых следов. Можно ли, например, отнести к подобным следам единичные и крайне редкие находки скандинавских древностей VII в. в Поволхье?

Ситуации, в которых есть какие-то временные ориентиры, подсказывают, что между началом освоения торгового пути и возникновением на нем крупных торгово-ремесленных центров проходит весьма длительное время — в рассматриваемый период около 100 лет. Так, Ладога существует уже в 50-е гг. VIII в., а восточное серебро начинает интенсивно поступать на Балтику на рубеже VIII и IX вв., т.е. по крайней мере, в середине VIII в. Балтийский путь активно используется. Однако следующие поселения на Балтийско-Волжском пути возникают только в середине IX в., идет ли речь о «контрольном» пункте (впрочем, с ярко выраженным ремесленным производством — «Рюриково» городище)⁵¹ или о сугубо торгово-ремесленных центрах (Сарское городище под Ростовом)⁵². Еще позже появляются поселения в Ярославском Поволжье, время расцвета которых приходится на X в.

⁴⁹ Кирпичников А. Н. Средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3–26; Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 50 и далее.

⁵⁰ Рябинин Е. А. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // СС. 1980. Вып. XXV. С. 161–177.

⁵¹ Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (новые материалы и исследования). СПб., 2005.

⁵² Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1975; Он же. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996. (Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4).

Примерно такую же хронологию обнаруживает развитие и Днепровского пути. Первые известия о проникновении скандинавов в Византию относятся к началу IX в.⁵³; серединой – концом IX в. (условно под 860 и 882 гг.) «Повесть временных лет» датирует поход на Константинополь варягов Аскольда и Дира, незадолго до того обосновавшихся в Киеве, и перемещение в Киев будущего киевского великого князя Олега с войском, значительную часть которого составляли варяги. Эти события знаменуют возросший интерес скандинавов к византийским рынкам. Однако на протяжении всего IX в. в Среднем Поднепровье почти не обнаруживается скандинавских древностей и не найдены следы поселений, ориентированных на обслуживание Днепровского пути. Лишь на рубеже IX и X вв., т. е. примерно через 100 лет после начала плаваний по нему, возникает крупный торгово-ремесленный центр под Смоленском — Гнёздово⁵⁴. При всей специфике Северной и Южной Руси сходство ситуаций представляется достаточно красноречивым. Поэтому и в случае с Балтийско-Волжским путем — и особенно с его начальным отрезком, Волховским, — представляется более чем вероятным длительное, в 100 лет или более, постепенное и поэтапное его освоение: первые проникновения по нему; попытки, удачные и неудачные, найти дальнейшие пути вглубь страны; знакомство с местными условиями и местным населением; обнаружение скандинавскими торговцами в регионе ценнейшего товара — пушнины; знакомство, с другой стороны, местного населения с изредка появляющимися торговцами и воинами; установление контактов и обмена между теми и другими; постепенная концентрация местной знати, а вслед за ней ремесленников в местах сначала временных, а затем и стационарных стоянок. С учетом сезонности плаваний все эти этапы должны были занять достаточно большой отрезок времени. Поэтому, думается, ближайший к Балтике Волховский отрезок пути, маркированный в первую очередь Ладожским поселением и, наряду с ним, целой цепочкой поселений, образовавшихся в IX–X вв. вдоль Волхова (Холопий городок, Гостинополье и др.⁵⁵), начал использоваться уже в VII в., и в первой половине VIII в. движение по нему стало настолько интенсивным и регулярным, что потребовало хорошо оборудованной и постоянной гавани.

Освоение даже одного начального отрезка Балтийско-Волжского пути имело колоссальное значение для экономики Балтийского региона и всей сло-

⁵³ Бибииков М. В., Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59. С. 35–39.

⁵⁴ Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Труды ГИМ. Вып. 124).

⁵⁵ См.: Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38; *Он же*. Городские центры Поволжья и проблемы урбанизации Северной и Восточной Европы в эпоху раннего средневековья // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб., 1997. С. 49–52; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. СПб., 1977. С. 155–164; Носов Е. Н., Горюнов В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом.

жившейся торговой системы. Север Восточной Европы, богатый пушниной, превратился в главного поставщика ценных мехов для всей Северной и Западной Европы. Продолжение же пути дальше на восток вплоть до Волжской Булгарии дало балтийской торговле еще один ценнейший предмет импорта — восточное монетное серебро, а также восточную поливную керамику, бусы из полудрагоценных камней (сердолика, халцедона) и другие предметы роскоши. Первые случайные находки восточных предметов — например, статуэтка Будды, изготовленная в северной Индии в VI–VII вв., фрагменты металлической посуды — происходят уже из Хельгё; более широко представлены восточные изделия в Бирке. Но особенно обильно поступали они — в первую очередь монетное серебро — на о. Готланд. Здесь, а также в Средней Швеции найдено более 100 000 восточных монет. При этом приток арабского серебра значительно ослабевал при продвижении на запад: на Борнхольме найдено только 3000 монет, в Сконе, Халланде и Блекинге — немногим более 1000, и менее 1000 — на Датских островах и в Ютландии⁵⁶. То же распределение характерно и для других восточных, а в эпоху викингов — и византийских — импортов: они доминируют на востоке Балтийского региона и представлены в ограниченном количестве на западе. Обратная картина наблюдается с «западными» импортами: фризские и англо-саксонские монеты и вещи оседают в Западной Балтике и лишь немногие из них достигают в эпоху викингов Восточной Европы. Так, крайне редки находки здесь англо-саксонских монет и монет собственно скандинавской чеканки (например, известны лишь несколько полубрактеатов Хедебю в кладе, найденном у дер. Кислая⁵⁷).

Монетные, а также вещевые находки свидетельствуют, что после начала функционирования Балтийско-Волжского пути балтийская система коммуникаций, сохраняя общность и проницаемость, тем не менее, разделяется на две достаточно четко выраженные области: Восточная Балтика, включая о. Готланд, которая тяготеет к востоку и становится новым узловым регионом, ориентированным на транзит между странами Восточной Европы, Арабского халифата, Кавказа и Западной Европой; и Западная Балтика, которая сохраняет сложившиеся к середине первого тысячелетия направления торговли — североморское и центральноевропейское.

(Впервые опубликовано: ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 43–57)

⁵⁶ *Malmer B.* Nordiska mynt före år 1000. Lund, 1966.

⁵⁷ *Потин В. Н.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. статей. Л., 1970. С. 64–80.

Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках

В отечественной и зарубежной историографии давно признана важная роль, которую играл Волжский путь в истории Европы после того, как арабские завоевания прервали существовавшие еще с античности маршруты из Средиземного моря на Восток. Особенно велико его значение было, как считается, в экономическом развитии Древней Руси и скандинавских стран, поскольку с Востока сюда поступало в больших количествах арабское серебро, широко использовавшееся и в зарождавшемся денежном обращении, и в ювелирном производстве. Эти, по преимуществу экономические, аспекты функционирования Балтийско-Волжского пути обстоятельно исследованы¹. Однако, как представляется, есть и другие, не менее значительные результаты его существования, в первую очередь, в социально-политическом развитии Восточной Европы, которые еще не получили достаточного освещения.

Балтийско-Волжский путь возник не как самостоятельная магистраль, но как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморской и балтийский регионы. Пути из Центральной Европы и с побережья Северного моря сходились в Южной Ютландии и на датских островах, откуда начинался балтийский участок пути, достигший к IV–V вв. юго-восточного побережья Эталанда (Экеторп на о. Эланд), а к VI–VII вв. — Свеаланда (Хельгё на оз. Меларен). Он проходил вдоль земель, населенных скандинавскими народами, племенная знать которых контролировала торговлю. Купцы, они же воины, осуществлявшие торговые поездки, были также в подавляющем большинстве скандинавами, хотя в торговую деятельность могли вовлекаться и вовлекались представители иных этнических групп, обитавших на южном и восточном берегах Балтийского моря.

Естественную почву для пролонгации этого пути в восточном направлении создавали эпизодические контакты между Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья, зародившиеся еще в эпоху бронзы. Регулярные связи с Восточной Балтикой, особенно с эстами, по крайней мере с V в. подготовили почву для постепенного проникновения скандинавов вглубь Восточной Европы. Древнейшие единичные находки скандинавских предметов в Западном и Южном Приладожье датируются VII в., но они еще не свидетельствуют о сколько-нибудь постоянном присутствии здесь норманнов. Тем не ме-

¹ См. историографию: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.

нее даже редкие поездки способствовали знакомству скандинавов с регионом. Движимые естественным стремлением к привлечению новых ресурсов (пушнины) и к достижению новых рынков сбыта для своих товаров скандинавы стали первооткрывателями пути на восток.

Возникновение к середине VIII в. Ладоги справедливо связывается с ростом балтийской торговли; и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные контакты с Южной Ютландией, а через нее и с Фризией². Однако длительное (около столетия) изолированное существование Ладоги — единственного предгородского центра на северо-западе Восточной Европы вплоть до середины IX в. — говорит о том, что на протяжении всего этого времени Ладога была конечным пунктом этой крупнейшей торговой магистрали, использование которой далее на восток еще не стало регулярным.

Лишь к середине IX в. выход из Приладожья и Поволховья на Волгу, равно как и движение по Волге, были прочно освоены. Об этом свидетельствует появление вдоль пути торгово-ремесленных поселений и военных стоянок, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент. Практически все известные ныне поселения IX в. на севере Восточной Европы располагаются на реках и озерах, образующих магистраль или ее ответвления. Таковы Ладога, Городище под Новгородом, Крутик у Белоозера, Сарское городище под Ростовом, позднее — древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское и Тимерево на Верхней Волге — самый восточный из известных ныне центров северо-восточноевропейского отрезка Балтийско-Волжского пути. Следующим крупнейшим пунктом был Булгар — столица Волжской Булгарии, непосредственно связанная уже с арабским миром. Здесь в X в. завершался путь большинства скандинавских купцов, ездивших на восток, хотя некоторые из них достигали Каспийского моря и даже Багдада. Так, во второй половине VIII–IX в. крупнейший международный торговый путь связывал Западную Европу и Скандинавию со странами Арабского халифата.

Однако значение протяженных торговых путей далеко выходило за область собственно торговли и не ограничивалось экономической сферой. Сложившаяся крупная магистраль, как установлено современными исследователями³, являла собой отнюдь не просто дорогу (сухопутную или водную), по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников: пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т. п. Путь обрастал сложной инфраструктурой: системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило

² Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

³ Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies / G. Dalton. Boston, 1969.

и расширение территории, в той или иной степени взаимодействующей с торговым путем, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекая округу в сферу своего функционирования, т.е. играл консолидирующую роль. Путь дальней торговли, таким образом, представлял собой более или менее широкую зону.

В этой зоне протекание большинства экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более возможность установить контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой — вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах торговых путей создавались благодаря этому предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связи с торговой магистралью.

Чрезвычайно разветвленная речная сеть севера Восточной Европы, допускавшая множество маршрутов на отдельных участках пути, способствовала формированию вокруг него широкой зоны, захватывавшей земли вдоль Мсты и Ловати, Свири и Паши, Мологи и Сухоны с выходами непосредственно на Верхнюю Волгу или на Белое озеро. Так же разнообразны были и пути к западу от Ильменя и Поволховья по Шелони, Великой, Чудскому озеру и др. Именно на этой территории повсеместно, хотя и в разной концентрации, представлены скандинавские древности.

Важной особенностью Балтийско-Волжского пути было и то, что его зона включала территории ряда племен различной этнической принадлежности: финских (чуди, мери, веси) и славянских (кривичей, словен). Древнейшие торгово-ремесленные поселения вдоль этого пути располагались по одному на земле каждого из племен: Старая Ладога — в земле чуди, Псков — кривичей, Городище — словен, Крутик — веси, Сарское городище — мери. Они несут неоспоримые следы присутствия местного, финского или славянского, а также скандинавского населения. Отмечая соотнесенность поселений с племенными территориями, исследователи в то же время не склонны считать их племенными центрами: на них отсутствуют признаки, характерные для последних (в частности, культовые комплексы, связанные с сакральными функциями племенных центров). Очевидно, не случайна приуроченность каждого из ранних торгово-ремесленных центров Балтийско-Волжского пути к одной из племенных территорий. Они возникают как стоянки для купцов и как места торговли

и обмена, но начинают вскоре притягивать к себе местную знать, потому что именно здесь для нее открывались широкие возможности обогащения. Особенно благоприятным фактором для включения местной знати в систему международного пути были природные условия региона — наличие пушного зверя и ценных продуктов лесных промыслов, меда и воска, которые предоставляли местному нобилитету реальную возможность участвовать в торговле.

Даже достаточно скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти⁴.

Ведущая роль торговли для зоны Балтийско-Волжского пути прослеживается в археологических материалах и отмечается в единственных близких по времени письменных источниках — сочинениях арабских писателей⁵. Ибн Русте (писал в первой половине X в., используя источники IX в.) сообщал о верхушке общества: «И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям». Предметы торговли, равно как и продукты для собственного потребления добывались поборами с местного населения во время набегов или объездов подвластных территорий: «Они нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают».

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути, открытие и функционирование которого являлось результатом деятельности скандинавских купцов и воинов. В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации в среде местных разноэтнических племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные структуры. Наконец, благодаря этому консолидируется обширная территория, на которой в середине IX в. возникает первое раннегосударственное образование.

Сказание о призвании варяжских князей в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) передает сложившуюся во второй половине IX в. устную традицию об одном из эпизодов политического становления этого образования, который

⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32.

⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и русах // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, М., 1965. С. 355–419.

был интерпретирован летописцем конца XI – начала XII в. как начало Древнерусского государства⁶. Условия «ряда», легшего в основу Сказания⁷, равно как и пересказ летописцем предания (невзирая на ряд внесенных им изменений), проливают свет и на политическую структуру, и на территорию раннего государства.

«Вокняжение» Рюрика — видимо, предводителя одного из отрядов викингов — вряд ли являло нечто принципиально новое для поселений на Балтийско-Волжском пути. Можно с уверенностью предполагать, что до определенного времени скандинавы осуществляли контроль над большинством (если не над всеми) узловых пунктов пути, что отразилось в Сказании как сообщение о взимании дани варягами-находниками, а в арабских источниках (восходящих к сообщениям IX в.) — как противопоставление народа *ар-рус* (правителей, воинов, знати) народу *ас-сакалиба* (земледельцев), с которого русы собирают дань.

Принципиально новым было положение местной племенной знати. Ко времени, отраженному в Сказании, ее позиция в регионе коренным образом изменилась: местный нобилитет укрепился, очевидно, настолько, что смог диктовать свою волю пришельцам. Судя по Сказанию, которое в этом вопросе не противоречит сообщениям арабских авторов, к середине IX в. знать нескольких разнородных групп, обитавших на различных участках Балтийско-Волжского пути, установила достаточно прочные связи, которые позволили ей выступать совместно в борьбе против скандинавов за контроль над торговым путем, и установить его, подчинив себе центральную власть в регионе. «Призвание» Рюрика и одновременное ограничение его власти «рядом, правом» знаменовало победу местной знати, а также победу тенденций к консолидации племенных территорий в единое раннегосударственное образование. Скандинавы — лучшие воины Европы того времени — были реальной силой в регионе, и привлечение одной из их групп для защиты от других было естественным (именно так поступали и английские, и французские короли в IX–X вв.). Более того, не связанные с каким-то одним племенем, они представляли нейтральную надплеменную силу, способную обеспечить и стабильное функционирование пути, и регулярный сбор дани с местного населения, и подавление межплеменных конфликтов.

Территория древнейшего раннегосударственного образования на Северо-Западе Восточной Европы определена в Сказании перечнем племен, участвовавших в изгнании «находников», а затем призвавших Рюрика. Это — чудь, кривичи, словене, меря и, возможно, весь, т.е. финские и славянские племена,

⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

занимавшие земли от Финского залива до Белого озера и Ярославского Поволжья. На землях каждого из именно этих племен (как указывалось выше) располагались вдоль Балтийско-Волжского пути крупные торгово-ремесленные центры, возникшие по преимуществу в IX в. Называя далее города, в которых сели Рюрик и его братья и в которые позднее Рюрик посадил своих мужей, летописец допускает ряд анахронизмов, включая в этот ряд наименования нескольких городов, еще не существовавших в IX в., но игравших значительную роль в его время: Новгород, Ростов, а центр кривичей переносит из Изборска (Пскова) в Полоцк. Однако именно эти города связывались во времена составления ПВЛ с племенными землями словен, кривичей, мери, что отразилось и в других частях ПВЛ, и их присутствие в Сказании не бросает тени недоверия на перечень племен, но лишь еще ярче подчеркивает, какой представлялась летописцу территория этого раннего государства.

Важным свидетельством территориального распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образовавших Балтийско-Волжский путь на участке от Ярославля до Финского залива, т.е. от земли мери до земли чуди, а также в важнейших центрах пути (в Ладоге, Тимереве) или поблизости от них⁸. Тем самым они обрисовывают тот же самый регион, что и письменные источники.

Ниже Ярославля по Волге клады отсутствуют полностью⁹, и их цепочка на юг по Волго-Окскому междуречью, а также их концентрация в Верхнем Подонье отмечают основное направление движения восточного серебра — по Дону, а не по Волге¹⁰. Единственное исключение составляет клад из 150 дирхемов, найденный у с. Элмед близ Билярска (Татарстан), в котором присутствуют две монеты с граффити (одно из них идентично скандинавской руне s).

Вместе с тем, в топографии кладов IX в. выделяется еще одно, значительно меньшее по числу, но тем не менее достаточно представительное скопление к востоку от Ярославского Поволжья. Оно состоит из 4 кладов, из которых три найдены на территории Вятской губернии (один, состоящий из 6 монет, — в самой Вятке) и один — в Удмуртии на границе с Кировской областью. По младшей монете все клады датируются первой половиной — серединой IX в.: известная монета из клада в Лелеки чеканена в 802/03 г., младшая монета Вятского клада датируется 835 г., младшая монета из клада из Ягошур, содержавшего 1500 дир-

⁸ Noonan Th. S. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: a Preliminary Analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / M. A. S. Blackburn, D. M. Metcalf. Oxford, 1981. Part I. P. 47–117.

⁹ Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.

¹⁰ Фомин А. В. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в. // ВЕДС. 1988. С. 109–113.

хемов, — 842/43 г. и младшая монета из Лесогуртского клада (Удмуртия) — 841/42 г. Эта цепочка кладов пересекает течение Вятки и достигает верховьев Вятки и Камы. Вряд ли их скопление, компактное по хронологии кладов, можно считать случайным. Очевидно, близко расположенные верховья Вятки и Камы представляли особый регион, который, хотя и находился в стороне от основных магистралей, но чем-то специально привлекал торговцев (в IX в. преимущественно скандинавов), действовавших на Балтийско-Волжском пути.

Возможно, что этот регион завершался на востоке поблизости от современной Перми, где в мужском захоронении второй половины X – начала XI в. была найдена подвеска с изображением знака Рюриковичей (трезубца) на одной стороне и молоточка Тора, конец рукояти которого оформлен в виде рукояти меча, — на другой¹¹. Подвеска, как можно предполагать с большой долей уверенности, принадлежала княжескому дружиннику скандинавского происхождения. Его пребывание в этом регионе в то время, когда колонизация северо-востока еще не началась, вряд ли объяснимо без учета более ранних связей с верховьями Вятки и Камы.

Вопрос о причинах формирования и о характере этого региона требует специального исследования с использованием археологических материалов. Пока же можно лишь отметить его возникновение в первой половине IX в., которое, однако, не нашло отражения в одновременных письменных источниках. Лишь в начале XII в. при составлении ПВЛ летописец включил племена, размещавшиеся в этом регионе — черемись и пермь, — в списки народов, обитающих в «Афетовой части» этногеографического введения¹², и народов, платящих дань Руси. Эти списки отражают, в первую очередь, сведения, полученные в XI в. в процессе колонизации северо-востока. В обоих случаях перечислены финские народы, обитавшие вдоль Балтийско-Волжского пути (от чуди до мери и мордвы; последняя упомянута и в Сказании о призвании в числе земель, которыми «обладаша Рюрик»), а также на северо-восток от него: заволочская чюдь (в списке данников Руси заменена на черемись), пермь, печера, югра. Очевидно, что на протяжении XI в. происходит окончательное освоение этого региона и его включение в территориально-административную структуру Древнерусского государства.

Активная деятельность скандинавов на севере Восточной Европы в VIII–X вв., таким образом, имела результатом возникновение трансевропейского торгового пути, связавшего Западную и Северную Европу со странами Арабского халифата. В зоне этого пути местные племена подвергались мощному воздействию торговой экономики, которая стимулировала ускоренное соци-

¹¹ Крыласова Н. Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2. С. 192–197.

¹² Мельникова Е. А. «Этногеографическое введение» Повести временных лет: пространственная ориентация и принципы землеописания // Живая старина. 1995. № 4. С. 45–48.

ально-политическое развитие местных обществ. По мере укрепления местной знати скандинавы, первоначально контролировавшие узловые пункты пути, вытеснялись, а после объединения ряда племен вдоль наиболее оживленной части пути в раннегосударственное образование были поставлены на службу интересам местного нобилитета.

(Впервые опубликовано: Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 132–139)

Е. А. Мельникова

Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути

В отечественной и зарубежной историографии давно признана важная роль, которую играл Балтийско-Волжский путь в истории Европы после того, как арабские завоевания прервали существовавшие еще с античности маршруты из Средиземного моря на Восток. Особенно велико его значение было в экономическом и в социально-политическом развитии Древней Руси и Скандинавских стран, поскольку с Востока по нему поступало в больших количествах арабское серебро, широко использовавшееся и в ювелирном производстве, и в накоплении богатств, и в зарождающемся денежном обращении¹. Балтийско-Волжский путь возник не как самостоятельная магистраль, но как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы торговых коммуникаций, которая связывала центрально-европейский, североморский и балтийский регионы.

Уже с середины I тысячелетия до н. э. Ютландия и датские острова вовлекаются в постепенно нарастающий по объему обмен с Центральной Европой, который длительное время носит престижный характер: в обмен на янтарь местная знать получает предметы роскоши — изделия из бронзы и золота, стекло и т. п. Усиление обмена и сложение более или менее устойчивых путей, по которым он осуществлялся, вели к концентрации знати в узловых пунктах важнейших линий коммуникаций: в областях Гудме на о. Фюн, Стевнс на о. Зеландия, на юго-западном побережье Ютландии, и к образованию в них уже в IV–VI вв. н. э. торгово-ремесленных поселений: Луннеборг в Гудме, Данкирке в Юго-Западной Ютландии².

Во всех случаях первоначально возникало не изолированное, не связанное с округой поселение с особыми функциями (торговой, ремесленной), служившее резиденцией знати, а небольшая область, в которой характер деятельности населения отличается от окружающих территорий, отмечается скопление знати (археологически выражающееся в наличии здесь элитных некрополей, кладов и т. п.) и в которой вырастает ряд взаимосвязанных поселений — одно из них впоследствии занимает в области ведущее место и становится протого-родом (иногда ведущее положение переходит от одного поселения к другому). Находки в этих областях свидетельствуют, что в конце первой половины – середине I тысячелетия н. э. здесь сосредоточивалась балтийская и северомор-

¹ Подробную историографию см. в кн.: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.

² *Hedeager L.* Fra stamme til stat — samfundsorganisation og förändring i Danmarks jernalder. København, 1988; *Gudmeproblemer* / Н. Thrane. Odense, 1987.

ская торговля с Центральной и Западной Европой. Они являются конечными пунктами крупных торговых путей и важнейшими местами перераспределения ценностей.

Именно с исключительно интенсивной торговой деятельностью исследователи ныне связывают быстрое становление древнедатского государства: уже к середине I тысячелетия н. э. на территории будущей Дании возникает ряд мелких предгосударственных объединений³.

В VI веке на восточном побережье Швеции образуется второй центр балтийской торговли, являвшийся новым завершением центрально- и западноевропейских магистралей, ранее оканчивавшихся на датских островах. Сложение этого отрезка пути знаменуется появлением поселений на о. Эланд в V–VII вв. (Экеторп, Исманторп, Гроборг), затем становлением и расцветом торгово-ремесленных центров на оз. Меларен, Хельгё и позднее Бирки⁴. Одновременно здесь начинаются и более активные процессы социально-политического развития.

Уже в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.) в Свеаланде отмечается глубокая стратификация общества: выделение не только наследственного нобилитета, но и военного («дружинного») слоя, а также формирование территориально-политических образований⁵. Узловой регион в сети дальней торговли, Свеаланд, где практически отсутствуют следы средиземноморских влияний⁶, переживает резкое ускорение в своем социально-политическом развитии, приводящее к возникновению предгосударственных образований⁷.

Важно отметить при этом, что возможности производящего хозяйства в Свеаланде более высокие, нежели в других областях Швеции (Сконе в это время входит в сферу датского влияния), были, тем не менее, недостаточно велики, чтобы обеспечить интенсивное развитие региона⁸.

Сельскохозяйственное производство предоставляло средства лишь для поддержания жизни местного населения. Однако природные ресурсы — большие запасы и высокое качество железной руды на севере Упланда, добываемой открытым способом, давали Свеаланду возможность участвовать в международной торговле, позволили местной знати включиться в систему балтийского и европейского обмена и торговли и, более того, притянуть к региону сеть коммуникаций. «Железный путь» Свеаланда, ставшего основным поставщиком

³ Fra stamme til stat. Høvdingesamfund og kongemagt. Højbjerg, 1991. B. 2; *Jensen J.* The Prehistory of Denmark. L., 1982; *Hedeager L.* Danernes Land: fra ca. år 200 f. Kr. — ca. 700 e. Kr. København, 1988.

⁴ Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985 (Acta Visbyensia. VII).

⁵ *Lindkvist Th.* Plundring, skatter och den feudala statens framväxt. Uppsala, 1988.

⁶ *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. København, 1987.

⁷ *Arwidsson G.* Viking Society in Central Sweden. Traditions, Organization and Economy // The Vikings. Proceedings of the Symposium. Uppsala, 1978. P. 25–34.

⁸ Ibid.

этого важнейшего сырья для балтийского региона, связывал север Свеаланда с оз. Меларен и служил основой для внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу⁹.

Не теряет при этом своего значения и Западно-Балтийский регион. В VII–VIII вв. благодаря усилению Фризии и росту фризской торговли¹⁰ (на побережье Северного моря возникает ряд эмпориев: Гамбург в устье Эльбы, Дорестада в устье Рейна, Квентовик в устье Соммы и др.) Западная Балтика оказалась на скрещении не только меридиональных, но и широтных торговых путей — между Северным и Балтийским морями. Они соединялись двумя путями: на юге Ютландского полуострова, где узкий перешеек пересекают, почти смыкаясь, реки Айдер и Трене с запада и залив Шлее (Шлой) с востока, и на севере через Лимфьорд. И тот, и другой пути маркируются новыми крупными торгово-ремесленными центрами: Хедебю — на берегу Шлее¹¹ и Линдхольм Хёйе — на берегу Лимфьорда¹². Плаванья вдоль западного побережья Ютландии к Лимфьорду вызвали к жизни появление нового центра неподалеку от Данкирке — Риббе¹³. Все эти поселения отличаются интенсивными связями с Североморским регионом (многочисленны находки фризских скеаттов, керамических и стеклянных фризских и рейнских изделий, английских импортов и др.), с одной стороны, и очевидными следами экспорта продуктов местного производства (железа, жиролика, скота, кож), с другой.

Одновременно с интенсификацией торговли и нарастанием в ней удельного веса местного производства шло расширение и продление путей на востоке региона. В VII–VIII вв. активно осваиваются пути вдоль южного и юго-восточного побережья Балтики. Именно этот маршрут получает название «Восточного пути» (*Austrvegr*) в скандинавских источниках¹⁴. На землях поморских славян, балтов и прибалтийско-финских племен в VIII–IX вв. возникают такие центры, как Ральсвик на о. Рюген, Менцлин на нижнем Пене, Волин в устье Одера, Трусо в устье Вислы¹⁵, ряд поселений в землях пруссов (Кауп на грани-

⁹ Iron and Man in Prehistoric Sweden / H. Clarke. Stockholm, 1979.

¹⁰ Ellmers D. Die Bedeutung der Friesen für die Handelsverbindungen des Ostseeraumes bis zur Wikingerzeit // Society and Trade in the Baltic. S. 7–54.

¹¹ Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1956, 1963; Müller-Wille M. Hedeby und sein Umland // Trade and Exchange in Prehistory. Lund, 1988. S. 271–278.

¹² Marseen O. Lindholm Høje // Kuml. 1959. S. 53–68; Ramskou T. Lindholm Høje. Gravpladsen. København, 1976.

¹³ Bencard M. Ribe Excavations 1970–1976. Esbjerg, 1981–1984. B. 1–2; Frandsen L. B., Madsen P. Hr., Mikkelsen H. Ausgrabungen in Ribe in der Jahren 1983–1989 // Offa. 1990. B. 47. S. 177–208.

¹⁴ Джаксон Т. Н. «Восточный путь» исландских королевских саг // ИСССР. 1976. № 5. С. 164–170.

¹⁵ Херрман И. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 338–359; Filipowiak W. Die Bedeutung Wolins im Ostseehandel // Society and Trade in the Baltic. S. 121–138.

це с территорией обитания куршей)¹⁶, куршей (Апуоле)¹⁷, ливов (Гробиня)¹⁸, латгалов (Даугмале в низовьях Западной Двины)¹⁹, эстов. К концу X в. южное и восточное побережье Балтики усеяно крупными и мелкими поселениями, обслуживающими торговый путь и принимающими участие в торговле.

Разрастается и разветвляется коммуникационная система и в северо-восточной части Балтийского моря. Новые торгово-ремесленные поселения основываются на о. Готланд: Вестергарн (*Västergarn*), затем Павикен (*Paviken*)²⁰ и, наконец, Висбю²¹ на западном побережье острова и Эстергарн (*Östergarn*)²² — на восточном. Интенсифицируется движение вдоль северного и западного побережья Балтики: здесь возникают новые центры — иногда вместо старых (так, Бирка со временем вытесняет Хельгё), иногда — в дополнение к ним (например, Лёддечёпинг в Сконе)²³.

Но главным явлением этого времени был следующий этап пролонгации балтийской коммуникационной системы на восток: сначала в Поволховье, далее по Волжскому пути вплоть до Булгарии, Хазарии и стран Халифата, а затем по Днепровскому пути вплоть до Византии. Северо-Запад Восточной Европы, примыкавший к Восточной Балтике, стал третьим регионом, вовлеченным в систему балтийских торговых коммуникаций. Естественную почву для пролонгации Балтийского пути в восточном направлении создавали эпизодические контакты между Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья, зародившиеся еще в эпоху бронзы. Регулярные связи с Восточной Балтикой, особенно с эстами, по крайней мере с V в., подготовили почву для проникновения скандинавов вглубь Восточной Европы. Древнейшие единичные находки скандинавских предметов в Западном и Южном Приладожье датируются VII в., но еще не свидетельствуют о сколько-нибудь постоянном присутствии здесь норманнов. Тем не менее, даже редкие поездки способствовали знакомству скандинавов с регионом. Движимые естественным стремлением к привлечению новых ресурсов (пушнины) и к достижению новых рынков сбыта для своих товаров скандинавы стали первооткрывателями пути на восток.

Время формирования Волховского участка пути обычно определяется древнейшими комплексами, выявленными в Старой Ладогe, которые до последнего

¹⁶ Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990. С. 9.

¹⁷ Седов В. В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 408–409.

¹⁸ Nerman B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958.

¹⁹ Radins A., Zemitis G. Die Verbindungen zwischen Daugmale und Skandinavien // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Stockholm, 1992. S. 135–142.

²⁰ Lundström P. Paviken bei Västergarn // Society and Trade in the Baltic. S. 265–269.

²¹ Westlund G. Visby — bönders hamn och handelsplats. Visbysamhällets uppkomst och utbredning under förhistorisk tid och äldre medeltid. Visby, 1989.

²² Lundström P. Gotlandshamn // Gutar och vikingar. Visby, 1980. S. 99–116.

²³ Hagberg U.-E. Ports and Trading Places on Öland and in the Kalmarsund Area // Society and Trade in the Baltic. P. 139–148.

времени датировались 760-ми²⁴, а ныне — 730-ми гг. (эта датировка предложена А. Н. Кирпичниковым в докладе на конференции «Балтийско-Волжский путь», 2002 г.). Предполагается, что возникновение поселения на высоком мысу над р. Ладожкой маркирует начало движения по этому пути. Однако кажется значительно более вероятным, что появление торгово-ремесленного центра на торговом пути знаменует начало не его освоения, а интенсивного функционирования. Требовалась постоянная, хотя бы и сезонная (вначале), потребность купцов в подобной стоянке, с одной стороны, и заинтересованность местного населения в сбыте своей продукции и уверенность в ее реализации, с другой стороны. Разумеется, уловить действительно начальные этапы использования того или иного пути крайне сложно: в силу редкости плавания и немногочисленности путешественников они почти не оставляют археологически определенных следов. Можно ли, например, отнести к подобным следам единичные и крайне редкие находки скандинавских древностей VII в. в Поволховье?

Сходные ситуации показывают, что между началом освоения торгового пути и возникновением на нем крупных торгово-ремесленных центров проходит весьма длительное время. Так, по крайней мере, к концу VIII в., судя по потоку арабского серебра, Балтийский путь активно используется. Однако поселения, маркирующие освоение следующих участков Балтийско-Волжского пути, возникают только в середине IX в. («Рюриково» и Сарское городища). Еще позже появляются поселения в Ярославском Поволжье, время расцвета которых приходится на X в.

Примерно так же развивается и Днепровский путь. Первые известия о проникновении скандинавов в Византию относятся к самому началу IX в.²⁵; серединой – концом IX в. (860 и 882 гг.) «Повесть временных лет» датирует поход на Константинополь варягов Аскольда и Дира, незадолго до того обосновавшихся в Киеве, и перемещение в Киев будущего киевского великого князя Олега. Однако на протяжении всего IX в. в Среднем Поднепровье не обнаруживается скандинавских древностей и не найдены следы поселений, ориентированных на обслуживание Днепровского пути. Лишь на рубеже IX и X вв., т. е. примерно через 100 лет после начала плаваний по нему, возникает крупный торгово-ремесленный центр под Смоленском — Гнёздово. При всей специфике Северной и Южной Руси сходство ситуаций выглядит достаточно красноречивым. Поэтому и в случае с Балтийско-Волжским путем — и особенно с его начальным отрезком, Волховским, — представляется более чем вероятным длительное, в 100 лет или более, постепенное и поэтапное его освоение: первые проникновения по нему, попытки, удачные и неудачные, найти дальнейшие пути вглубь

²⁴ Кирпичников А. Н. Средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3–26.

²⁵ Бибииков М. В., Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59. С. 35–39.

страны; знакомство с местными условиями и местным населением; обнаружение в регионе ценнейшего товара — пушнины — со стороны скандинавских торговцев; знакомство, с другой стороны, местного населения с изредка появляющимися торговцами и воинами; установление контактов и обмена между теми и другими; постепенная концентрации местной знати, а вслед за ней ремесленников в местах сначала временных, а затем и стационарных стоянок. С учетом сезонности плаваний все эти этапы должны были занять достаточно большой отрезок времени. Поэтому, думается, ближайший к Балтике Волховский отрезок пути, маркированный в первую очередь Ладожским и, наряду с ним, цепочкой других поселений, образовавшихся в IX–X вв. вдоль Волхова (Холопий городок, Гостинополье и др.²⁶), начал использоваться уже в VII в., но лишь в первой трети VIII в. движение по нему стало настолько интенсивным и регулярным, что потребовало хорошо оборудованной и постоянной гавани.

Возникновение Ладоги в первой половине VIII в. справедливо связывается с ростом балтийской торговли, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные контакты с Южной Ютландией, а через нее и с Фризией²⁷. Однако длительное, около полустолетия, изолированное существование Ладоги — единственного протогородского центра на северо-востоке Восточной Европы вплоть до середины IX в., а также образование «куста» поселений по Волхову — говорит о том, что на протяжении всего этого времени Ладожский регион был конечным пунктом этой крупнейшей торговой магистрали, а использование Ладоги как центра, открывавшего путь далее на восток, еще не стало регулярным.

Лишь к середине IX в. выходы из Приладожья и Поволховья на Волгу, равно как и движение по Волге, были прочно освоены. Об этом свидетельствует появление вдоль пути торгово-ремесленных поселений, военных стоянок и контрольных пунктов, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент. Практически все известные ныне поселения IX в. на севере Восточной Европы располагаются на реках и озерах, образовавших магистраль или ее ответвления. Таковы сама Ладога и поселения вдоль Волхова, Городище под Новгородом, Крутик у Белоозера, Сарское городище под Ростовом, позднее — древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское и Тимерево на Верхней Волге — самый восточный из известных ныне центров северо-восточноевропейского

²⁶ Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38; *Он же*. Городские центры Поволховья и проблемы урбанизации Северной и Восточной Европы в эпоху раннего средневековья // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб., 1997. С. 49–52; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. СПб., 1977. С. 155–164.

²⁷ Кирпичников А. Н. Средневековая Ладога.

отрезка Балтийско-Волжского пути. Следующим крупнейшим центром был Булгар, столица Волжской Булгарии, непосредственно связанная с арабским миром. Именно здесь в X в. завершался путь большинства скандинавских купцов, ездивших на восток, хотя некоторые из них и достигали Каспийского моря и даже Багдада. Так, во второй половине VIII в. торговый путь связал Западную Европу и Скандинавию со странами Арабского халифата.

Между тем, важнейшие признаки функционирования торгового пути: в первую очередь, торговые поселения, а также клады восточного серебра, столь обильно представленные с конца VIII и в IX в. в Поволжье²⁸, практически исчезают ниже Ярославля по Волге, равно как единичными находками представлены здесь и скандинавские древности. Одним из немногих исключений является Альметьевский клад из 150 дирхемов, найденный у села Альметьево (Элмед) близ Билярска, в котором присутствуют две монеты с граффити, одна из которых идентична скандинавской руне s²⁹.

Вместе с тем, в топографии кладов IX в. выделяется не слишком крупное по числу, но, тем не менее, достаточно представительное скопление к востоку от Ярославского Поволжья. Оно состоит из четырех кладов, три из которых найдены на территории Вятской губернии (один, из 6 монет, — в самой Вятке) и один — в Удмуртии на границе с Кировской областью. По младшей монете все клады датируются первой половиной — серединой IX в.: известная монета из клада в Лелеки чеканена в 802/803 г., младшая монета Вятского клада датируется 835 г., клада из Ягошур, содержащего 1500 дирхемов, — 842/843 г., а Лесогуртского клада (Удмуртия) — 841/842 г.³⁰. Эта цепочка кладов пересекает течение Вятки и достигает верховьев Вятки и Камы. Вряд ли их скопление, компактное по хронологии кладов, можно считать случайным. Видимо, близко расположенные верховья Вятки и Камы представляли особый регион, который, хотя и находился в стороне от основных магистралей, но чем-то специально привлекал торговцев в первой половине — середине IX в.

Возможно, что этот регион завершался на востоке поблизости от современной Перми, где в мужском захоронении второй половины X — начала XI в. была найдена подвеска с изображением знака Рюриковичей (трезубца) на одной стороне и молоточка Тора, конец рукояти которого оформлен в виде рукояти меча, — на другой³¹. Подвеска, как можно предполагать с большой долей

²⁸ *Nosov E. N. International Trade Routes and Early Urban Centres in the North of Russia // Fenno-Ugri et Slavi, 1978. Helsinki, 1980. P. 49–62.*

²⁹ *Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 121. № А-II.5.*

³⁰ *Noonan Th. S. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: a Preliminary Analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / M. A. S. Blackburn, D. M. Metcalf. Oxford, 1981. Part I. P. 47–117.*

³¹ *Крыласова Н. Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2. С. 192–197.*

уверенности, принадлежала княжескому дружиннику скандинавского происхождения. Его пребывание в этом регионе еще до начала древнерусской колонизации северо-востока вряд ли объяснимо, если не учесть более ранние связи с Вятско-Камским регионом.

Таким образом, на протяжении V–IX вв. происходит постепенное освоение последовательных отрезков Балтийско-Волжского пути от Финского залива до Булгара с ответвлением вплоть до верховьев Вятки и Камы. Ключевую роль в его формировании и функционировании играло Поволховье с Ладогой, которое на начальном этапе стало узлом, завершавшим систему балтийских коммуникаций, а позднее превратилось в центр, из которого расходились крупнейшие водные магистрали Восточной Европы.

(Впервые опубликовано: Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 157–165)

Научные труды Е. А. Мельниковой¹

1965

Еремеева (Мельникова) Е. А. Скандинавский героический эпос (мотивы и образы волшебной сказки) // II Сканд. конф. М., 1965. С. 161–164.

1966

Еремеева (Мельникова) Е. А. Художественные функции исторических отступлений в «Беовульфе» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1966. № 1. С. 168–176.

1968

Еремеева-Мельникова Е. А. О скандинавских мотивах в «Беовульфе» // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1968. № 5. С. 47–58.

1969

Некоторые проблемы скандинавского средневекового эпоса // СС. 1969. Вып. XIV. С. 354–366.

1970

Некоторые проблемы англо-саксонской героической эпопеи «Беовульф». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1970.

1973

«Беовульф», перевод фрагментов // *Корсунский А. Р.* Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. М., 1973.

Скандинавские рунические надписи как источник по истории народов Восточной Европы // VI Сканд. конф. Таллинн, 1973. С. 60–61.

1974

Древняя Русь на страницах ежегодника «Скандо-Славика» // ИСССР. 1974. № 3. С. 206–212.

Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях // ИСССР. 1974. № 6. С. 170–178.

¹ В список не вошли рефераты, опубликованные в РЖ ИНИОН АН СССР, и написанные единолично либо в соавторстве с А. В. Юрасовским или Г. В. Глазыриной Хроники работы Сектора истории древнейших государств на территории СССР за 1969–1985 гг. (ДГ. 1979–1985 гг. М., 1979–1986).

1975

Свидетельства скандинавских рунических надписей XI–XII вв. о народах Восточной Европы // СС. 1975. Вып. XX. С. 158–166.

1976

Географические представления древних скандинавов (постановка проблемы) // VII Сканд. конф. М.; Л., 1976. Ч. 1. С. 86–88.

Древняя Русь в исландских географических сочинениях // ДГ. 1975 год. М., 1976. С. 141–156.

История Древней Руси на страницах норвежских периодических изданий (60-е – 70-е годы) // ИСССР. 1976. № 5. С. 213–218.

Экспедиция Ингвара Путешественника на Восток и поход русских на Византию 1043 г. // СС. 1976. Вып. XXI. С. 74–87.

1977

Восточноевропейские топонимы с корнем *garð-* в древнескандинавской письменности // СС. 1977. Вып. XXII. С. 199–210.

Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977 (Свод «Древнейшие источники по истории народов СССР»).

1978

Географические представления древних скандинавов. К истории географической мысли в средневековой Европе // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 111–127.

«Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289–295.

Рец.: Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978 // Новый мир. 1978. № 12. С. 279–280.

1979

Надписи на костях, найденных в Витебской области // VIII Сканд. конф. Петрозаводск, 1979. Ч. 1. С. 187–189 (совм. с Л. В. Дучиц).

Ранние формы торговых объединений в Северной Европе // Там же. С. 153–156.

Скандинавия и Византия. Международный симпозиум. Уппсала, 1979 г. // ВИ. 1979. № 9. С. 152–153.

Primitive Communal systems: From the history of the USSR // Moscow news. 1979. 35 (2867). P. 2/11.

1981

Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // ДГ. 1980 год. М., 1981. С. 185–216 (совм. с Л. В. Дучиц).

Scandinavian Runic Inscriptions as a Source for the History of Eastern Europe // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981. P. 169–174.

Рец.: Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландская литература. М., 1979 // Филологические науки. М., 1981. № 1. С. 86–87.

1982

Культурно-исторические взаимосвязи Восточной Европы и Скандинавии в раннее средневековье (к постановке проблемы) // IX Сканд. конф. Тарту, 1982. Ч. I. С. 148–150 (совм. с В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной).

Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе // СС. 1982. Вып. XXVII. С. 19–29.

Эпир высек руны // Знание-сила. 1982. № 5. С. 41–44.

Этнонимика севера европейской части СССР по древнескандинавской письменности и Повести временных лет // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124–127.

Пер. со шведск.: Портан Х. Г. Основные черты русской истории // Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в.: Х. Г. Портан. Основные черты русской истории. М., 1982. С. 20–91.

Примечания: Там же. С. 92–106 (совм. с Г. А. Некрасовым).

1983

Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР // ДГ. 1981 год. М., 1983. С. 182–188 (совм. с М. В. Седовой и Г. В. Штыховым).

1984

Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 26–47 (совм. с А. Б. Никитиным и А. В. Фоминым).

Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // ИСССР. 1984. № 3. С. 50–65 (совм. с В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной).

Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 62–75.

Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // ИСССР. 1984. № 4. С. 201–209.

Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Материалы научной конференции. Новгород древний — Новгород современный. Л., 1984. С. 127–133.

Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто // ВИ. 1984. № 10. С. 121–123 (совм. с А. П. Новосельцевым).

River Routes in Economic Development of Ancient Russia (12th–13th centuries) // *Le acque interne. Secc. XII–XVIII. Atti della XV Settimana di Studi.* 15–20 Aprile 1983. Prato, 1984.

Рец.: Дундулис Б. Норманны и балтийские земли в IX–XI веках // *ВИ.* 1984. № 9. С. 130–132 (совм. с И. П. Старостиной).

1985

Владимир Терентьевич Пашуто (1918–1983) // *АЕ* за 1983 год. М., 1985. С. 343–345 (совм. с А. П. Новосельцевым и А. Л. Хорошкевич).

Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // *ВИ.* 1985. № 10. С. 36–53 (совм. с Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон).

Послесловие // *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 230–245 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Система жанров англо-саксонского эпоса // *Западноевропейская средневековая словесность.* М., 1985. С. 53–54.

Скандинавские рунические надписи на территории СССР. Новые находки // *Тезисы докладов советской делегации на V МУСА.* Киев; М., 1985. С. 135–136.

Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–1968 гг.) // *ДГ.* 1984 год. М., 1985. С. 199–211 (совм. с Д. А. Авдусиным).

Ziele, Aufgaben und erste Ergebnisse der Corpus der ältesten Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas.* 1985. Bd. 29. S. 217–232 (совм. с В. Т. Пашуто).

Рец.: Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. // *Byzantino-Slavica.* 1985. No. 2. T. XLVI. P. 199–203.

Отв. ред.: Ловмянский Х. Русь и норманны / Пер. с польск. М. Е. Бычков. М., 1985 (совм. с В. Т. Пашуто и В. Л. Яниным).

1986

Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986 (Свод «Древнейшие источники по истории народов СССР»).

Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // *ДГ.* 1985 год. М., 1986. С. 99–108 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Под полосатым парусом // *Книга для чтения по истории средних веков.* М., 1986. С. 54–61.

Славяно-фенно-скандинавские этноязыковые контакты в раннее средневековье // *X Сканд. конф.* М., 1986. Ч. 1. С. 128–130 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Тема пира и дихотомия героического мира англо-саксонского эпоса // *Литература в контексте культуры.* М., 1986. С. 16–29.

Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // ИСССР. 1986. № 5. С. 64–78 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Общ. ред.: Славяне и скандинавы / Пер. с нем. Г. С. Лебедева. М., 1986.

1987

Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

Новые находки скандинавских рунических надписей в СССР // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 16. М., 1987. С. 19–25.

Христианизация Древней Руси и Скандинавии: типологические параллели и взаимосвязи // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Тезисы докладов. М., 1987. С. 21–23.

Legendovy zemepis zapadovropskeho stredoveku // Historicka geografie. Praha, 1987. Т. 26. Р. 57–78.

Scandinavian Runic Inscriptions in the USSR. New Finds // Runor och runinskrifter. Stockholm, 1987. S. 163–173.

1988

Амулеты с рунической надписью с городища под Новгородом // ДГ. 1986 год. М., 1988. С. 210–222 (совм. с Е. Н. Носовым).

О роли межэтнических взаимовлияний раннефеодальной культуры: (Русь и Скандинавия) // Славяне и их соседи: Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Тезисы докладов. М., 1988. С. 45–47. (совм. с В. Я. Петрухиным).

Памяти Кнуда Рабека Шмидта // СС. 1988. Вып. XXXI. С. 221–224 (совм. с А. Н. Кирпичниковым).

Русско-норвежский торговый мир второй половины 1020-х гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. С. 75–78.

Скандинавия во внешней политике Древней Руси (до середины XI в.) // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. М., 1988. С. 45–49.

Христианизация Руси в контексте русско-скандинавских связей: зарубежная историография 1970–1980-х гг. (Обзор) // Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.). Зарубежная историография. Реферативный сборник. М., 1988. Ч. 2. С. 115–126.

Ред. пер.: Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988.

Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // СВ. 1989. Т. 52. С. 146–156.

Комментарий к гл. IX // *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989. С. 291–332 (совм. с В. Я. Петрухиным).

«Легенда о призвании варягов» в сравнительно-историческом аспекте // XI Сканд. конф. М., 1989. Ч. 1. С. 108–110 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Название *русь* в ранней этнокультурной истории Древнерусского государства // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции. М., 1989. Ч. 2. С. 42–55 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Название *русь* в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Памяти К. Расмуссена // СС. 1989. Т. XXXII. С. 245–247 (совм. с Ю. В. Кудриной).

Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX–XIII вв.) // ДГ. 1987 год. М., 1989. С. 260–268.

«Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. Тезисы докладов. М., 1989. С. 9–11 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Рец.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978; *Он же.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии (конец XIII – начало XIV в.). Петрозаводск, 1987; *Он же.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987 // ИСССР. 1989. № 1. С. 202–205.

Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII–XIV вв. (к истории топонима *Reidgotaland*) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. М., 1990. Вып. 2. С. 264–277.

К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // ВЕДС. III: Проблемы источниковедения. 1990. С. 75–79.

Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 54–64 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Представления о Земле в общественной мысли Западной и Восточной Европы в средние века. V–XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1990.

Скандинавы в Южной Руси в IX – первой половине XI вв. // VIII Подільська історико-краєзнавча конференція. Секц. археол. Тези доповідей. Кам'янець, 1990. С. 50–51.

Формирование и эволюция географических представлений в средневековой Западной Европе // СВ. 1990. Т. 53. С. 52–74.

Чудь и русь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. // *Uraloindogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей*. М., 1990. Ч. 1. С. 28–34 (совм. с В. Я. Петрухиным).

1991

Второй симпозиум советских и датских историков // СВ. 1991. Т. 54. С. 275–276.

Комментарий к гл. IX // *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. 2-е изд. М., 1991. С. 291–332 (совм. с В. Я. Петрухиным).

«Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Юбилейные чтения памяти В. Т. Пашуто // ДГ. 1988–1989 гг. М., 1991. С. 345–350 (совм. с Г. В. Глазыриной).

Local Lore and Latin Science in Old Norse Geography // *The Eighth International Saga Conference «The Audience of the Sagas»*. Preprints. Vol. I. Gothenburg, 1991. Part II. P. 90–99.

Rothr–Rhos–Русь: ранние этапы скандинаво-русско-византийских отношений // XVIII международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 758–759 (совм. с В. Я. Петрухиным и М. В. Бибиковым).

The Origin and Evolution of the Name *rus'*. The Scandinavians in Eastern-European Ethno-Political Processes before the 11th Century // *Tor*. 1991. Vol. 23. P. 203–234 (with V. Ja. Petrukhin).

1992

К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // ВЕДС. IV: Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. 1992. С. 38–41.

Русская историография зарубежья в научном наследии В. Т. Пашуто // В. Т. Пашуто. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 3–8.

Struktur und Chronologie des osteuropäischen Toponyme in altnordischen geographischen Werken // *Sowjetische Skandinavistik. Eine Anthologie*. Fr. a. M., 1992. S. 267–278.

Редактор-составитель: Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

1993

Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // ВЕДС. V: Спорные проблемы истории. 1993. С. 53–55.

Рунические амулеты из Северной Руси // Там же. С. 109–115.

Скандинавские паломничества в Святую землю и Рим до XIV в. // Славяне и их соседи: Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Сборник тезисов. М., 1993. С. 61–63.

Скандинавские рунические надписи в Восточной Европе. Некоторые итоги // Чтения памяти Д. Я. Самоквасова. Чернигов, 1993. С. 82–83.

Скандинавы в Южной Руси // 2 Международный конгресс украинистов. Львов, 1993. С. 4–9.

Скандинавы и процессы образования государства на северо-западе Восточной Европы // XII Сканд. конф. М., 1993. Ч. I. С. 73–74.

Редактор-консультант: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

1994

Варяги // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. I. С. 341–342.

«Знак Рюриковичей» и становление центральной власти на Руси // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Тез. допов. Київ, 1994. С. 18–20.

Скандинавские амулеты с руническими надписями из Старой Ладogi и Городища // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 231–239.

Скандинавские антропонимы Древней Руси // ВЕДС. VI: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. 1994. С. 23–24.

Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: К истории названия *варяг* // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68 (совм. с В. Я. Петрухиным).

L'eredita dei varjagi nella Rus' e la sua valutazione piu recente // Letterature di Frontiera. Anno IV (1994). No 2. P. 45–57.

Редактор-консультант: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.

1995

Владимир Терентьевич Пашуто // Историки России XVIII–XX вв. Вып. 2. Приложение к журналу «Исторический архив». Архивно-информационный бюллетень № 10. М., 1995. С. 166–170.

Граффити на восточных монетах из собрания Черниговского исторического музея им. В. Тарановского // Слов'яно-руські старожитності північного ліво-бережжя. Чернігів, 1995. С. 15–17 (совм. с А. В. Арендарь и В. П. Коваленко).

К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.

Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтнической знати // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 39–44.

«Этногеографическое введение» Повести временных лет: пространственная ориентация и принципы землеописания // Живая старина. 1995. № 4 (8). С. 45–48.

Rus' and Scandinavians in their relations to Byzantium // Byzantinska sällskapet. Bulletin. 1995. B. 13. S. 5–11.

1996

Граффити на восточных монетах из собраний Украины // ДГ. 1994 год. М., 1996. С. 248–284.

«Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // ВЕДС. VIII: Политическая структура Древнерусского государства. 1996. С. 45–51.

Каменный век. Бронзовый век. Железный век. Эпоха викингов. Культура дохристианского времени // История Дании. М., 1996. С. 5–70.

Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 92–106.

Эпиграфика древнерусских платежных слитков (в связи с надписями на гривнах клада из Бюрге, Готланд) // ДГ. 1994 год. М., 1996. С. 143–150.

The Eastern World of the Vikings. Eight Essays about Scandinavia and Eastern Europe in the Middle Ages. Göteborg, 1996.

Scandinavian personal names in Ancient Rus' // Berkovsbók: Studies in honour of V. Berkov. Moscow, 1996. P. 211–222.

Отв. ред.: ВЕДС. VIII: Политическая структура Древнерусского государства. 1996.

1997

Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Сканд. конф. М.; Петрозаводск, 1997. С. 151–153.

Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М., 1997. С. 82–92.

Образ Византии в древнескандинавской письменности // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества. Тезисы докладов. М., 1997. С. 30–31.

Пространственная ориентация и принципы землеописания древнерусского летописца // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1997. С. 90–91.

Русь и чужд. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и балтийского региона в первом тысячелетии н. э. // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 40–49 (совм. с В. Я. Петрухиным).

Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 132–139.

Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17–20.

«Торговый мир» Руси и Норвегии 1024–1028 гг. // ВЕДС. IX: Международная договорная практика Древней Руси. 1997. С. 35–41.

Runer i Russland // Skrift i middelalderens Russland og Trondheim. Trondheim, 1997. S. 31–33.

The Cult of St. Olaf in Novgorod // 10th International Saga Conference. «Sagas and the Norwegian Experience». Preprints. Trondheim, 1997. P. 453–460.

Par var eigi kaupfriðr í milli Svens ok Jarizleifs: A Russian-Norwegian Trade Treaty Concluded in 1024–1028? // Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner. Kiel, 1997. S. 15–24.

Отв. ред.: ВЕДС. IX: Международная договорная практика Древней Руси. 1997.

Отв. ред.: ДГ. 1995 год. М., 1997.

1998

Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // ВВ. 1998. Т. 55 (80). Ч. 2. С. 159–164.

Заглавие Повести временных лет и этнокультурная самоидентификация древнерусского летописца // ВЕДС. X Чтения к 80-летию В.Т. Пашуто. 1998. С. 68–71.

«Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Історія Русі – України (історико-археологічний збірник). Київ, 1998. С. 172–181.

Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство восточных славян. С. 135–143.

Надпись на амфоре (Белгород, вторая половина X в.) // Сборник в честь Б. А. Рыбакова. М., 1998. С. 194–195.

Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998.

Runic inscriptions as sources for the relations of Northern and Eastern Europe in the late Viking Age // Runeninschriften als Quelle interdisziplinärer Forschung / K. Düwel. B.; N. Y., 1998. P. 647–659.

Отв. ред.: ВЕДС. X Чтения к 80-летию В. Т. Пашуто. 1998.

1999

Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 80–87.

Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999. С. 3–20.

К типологии контактных зон и зон контактов: скандинавы в Западной и Восточной Европе // ВЕДС. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. 1999. С. 19–27.

Предисловие // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 9–12.

Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное пособие для студентов вузов (совм. с Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон). М., 1999. С. 408–563.

Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15.

Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.

Формирование территории Древнерусского государства в конце IX – начале X в. // Четвертий міжнародний конгрес україністів. Одеса, Київ, Львів. 1999. Ч. I: Історія. С. 13–20.

Отв. ред.: ВЕДС. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. 1999.

Отв. ред.: Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999 (совм. с Т. Н. Джаксон).

Отв. ред.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999.

Отв. ред. серии: ДГ. 1996–1997 гг. М., 1999.

Редактор-консультант: Чекин Л. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.

2000

Анатолий Петрович Новосельцев // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 5–16 (совм. с Т. М. Калининой и И. И. Поповым).

Владимир Терентьевич Пашуто // Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000. С. 177–184.

Историческая память в устной традиции // ВЕДС. XII: Историческая память и формы ее воплощения. 2000. С. 3–10.

Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 35–39 (совм. с М. В. Бибиковым и В. Я. Петрухиным).

Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 143–159.

Феодалный ресурс: «либерализм как метод управления исторической наукой» // НГ-Наука. 2000. № 11(36). 20 декабря. С. 2 (совм. с С. М. Каштановым).

Христианизация Швеции в свете рунических памятников // Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка. М., 2000. С. 79–85.

Чтения памяти В. Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье» 1999 и 2000 гг. (Москва, 14–16 апреля 1999 г. и 18–20 апреля 2000 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2000. № 4. С. 238–247 (совм. с Т. М. Калининой).

The death in the horse's skull: The interaction of Old Russian and Old Norse literary traditions // Gudar på jorden: Festschrift till Lars Lönnroth / S. Hansson, M. Malm. Stockholm, 2000. S. 152–168.

The Reminiscences of Old Norse Myths, Cults and Rituals in Old Russian Literature // Old Norse Myths, Literature and Society. 11th International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 334.

Отв. ред.: ВЕДС. XII: Историческая память и формы ее воплощения. 2000.

Отв. ред. серии: ДГ. 1998 год. М., 2000.

2001

Древнескандинавские итинерарии // ДГ. 1999 год. М., 2001. С. 363–436.

Карл Великий в древнескандинавской литературе // Карл Великий. Реалии и мифы / А. А. Сванидзе М., 2001. С. 157–169.

От редколлегии // ДГ. 1999 год. М., 2001. С. 3–8.

Предания о чудесах св. Олава Норвежского и его почитание в Новгороде // Материалы международной конференции «Христианство на пороге нового тысячелетия». М.; Воронеж, 2001. С. 94–100.

Реминисценции скандинавского язычества в преданиях Повести временных лет // XIV Сканд. конф. М.; Архангельск, 2001. С. 99–102.

Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.

The Beginnings of Diplomatic Relations between Russia and Norway // Норвегия и Россия 2004/2005. Norge-Russland 2004/2005. Oslo, 2001. S. 49–61.

Отв. ред.: ВЕДС. XIII: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001.

Отв. ред. серии: ДГ. 1999 год. М., 2001.

2002

Варяжская доля. Скандинавы в Восточной Европе: хронологические и региональные особенности // Родина. 2002. № 11–12. С. 30–33.

Легенда о Кие: о структуре и характере летописного текста // А се его сребро. Збірник праць на пошану М.Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 9–16.

Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // ВЕДС. XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. 2002. С. 143–151.

Поход Ингвара в шведских рунических надписях; Приложение: Шведские рунические памятники в честь участников похода Ингвара // Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 169–190, 382–421.

Отв. ред.: ВЕДС. XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. 2002.

2003

Варяги // Енциклопедія історії України. Київ. 2003. Т. 1. С. 440; <http://www.histans.com/?termin=Variahy>.

Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 год. М., 2003. С. 48–92.

Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 157–165.

Нестор и Снорри Стурлусон: устная историческая традиция в раннем историописании // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщ. XV научн. конф. М., 2003. С. 213–215.

Олег Вещий: к проблеме адаптации скандинавских культурных традиций в Древней Руси // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 354–362.

Предания о первых русских князьях: скандинавские культурные традиции в восточнославянской среде // Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 19–21.

Предисловие // ДГ. 2001 год. М., 2003. С. 3–8.

Предисловие // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. 2-е изд. М.: Логос, 2003. С. 3–20.

Свеаланд и Гаутланд в процессе образования Шведского государства // Славяне и их соседи. XXI конференция памяти В.Д. Королюка. Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2003. С. 53–61.

Сказание о призвании варяжских князей // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 55–59.

Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. 2-е изд. М.: Логос, 2003. С. 169–258 (совм. с Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон).

Скандинавские паломники в Константинополе // Историческая роль Константинополя. Тез. конф. М., 2003. С. 75–79.

Устная историческая традиция в повествовании о ранней истории Руси в «Повести временных лет» и в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона // ВЕДС. XV: Автор и его текст. 2003. С. 156–162.

XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в античности и средневековье» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 358–364 (совм. с Т.М. Калининой).

The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // *Runica — Germanica — Medievalia*. B.; N.Y., 2003. P. 454–465.

Reminiscences of Old Norse Myths, Cults and Rituals in Old Russian Culture and Literature // *Old Norse Myths, Literature and Society* / M. Clunies Ross. Viborg, 2003. P. 66–86.

The Incorporation of Oral Historical Tradition in the Early History Writing: Snorri's *Ynglingasaga* and Nestor's *Primary Chronicle* // *Sagas and Societies*. Tübingen, 2003: <http://w210.ub.uni-tuebingen.de/portal/sagas/>

Отв. ред.: ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003.

Отв. ред. сериш: ДГ. 2000 год. М., 2003.

Отв. ред.: ДГ. 2001 год. М., 2003.

Варяги // *Енциклопедія історії України*. Київ. 2003. Т. 1. С. 440. <http://www.histans.com/?termin=Variahy>

2004

Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata*. Памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

Западная Балтика в формировании системы коммуникаций Балтийского региона к эпохе викингов // Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург – Стокгольм – Санкт-Петербург. 5–14 августа 2002 г. Часть II. Казань, 2004. С. 18–29.

Предисловие // ДГ. 2002 год. М., 2004. С. 3–5.

Свеаланд и Гаутланд в процессе образования единого Шведского государства // XV Сканд. конф. М., 2004. Ч. 1. С. 174–176.

The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica Scandinavica. Tidskrift för nordisk personnamnsforskning*. Uppsala, 2004. В. 22. Р. 5–27.

Отв. ред.: ВЕДС. XVI: Время источника и время в источнике. М., 2004.

Отв. ред. серии: ДГ. 2002 год. М., 2004.

2005

Византия в скандинавских рунических надписях // ВВ. 2005. Т. 64. С. 160–180.

К истории формирования летописной статьи 6463 г. // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия). Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Москва, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. Тез. докл. и сообщений. Препринт. М., 2005. С. 119–121.

«Мнимые реальности» средневековой географии // ДГ. 2003 год. М., 2005. С. 151–164.

Мотив военного похода в сказаниях о первых русских князьях в Повести временных лет // ВЕДС. XVII Чтения памяти В. Т. Пашуто, IV Чтения памяти А. А. Зимина. Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 1. С. 112–115.

Олгъ / Ольгъ / Олег < Helgi > Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя // *Ad fontem. У источника*. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 138–146.

Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95–108.

Varangians and the Advance of Christianity to Rus' in the Ninth and Tenth Centuries // *Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / Н. Janson. Malmö, 2005. Р. 97–138.

Отв. ред.: ВЕДС. XVII: Проблемы источниковедения: XVII чтения памяти чл.-корр. РАН В. Т. Пашуто; IV чтения памяти д.и.н. А. А. Зимина. М., 2005. (совм. с М. Ф. Румянцевой)

Отв. ред. серии: ДГ. 2003 год. М., 2005.

2006

Варяги // Большая Российская энциклопедия. В 30 т. М., 2006. Т. 4.: Большой Кавказ — Великий канал. С. 621–622.

Время в «устных преданиях» Повести временных лет // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца. Материалы научной конференции. Москва, 11–12 декабря 2006 г. М., 2006. С. 126–128.

Пространственная ориентация в Повести временных лет // ВЕДС. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. 2006. С. 123–130.

Историческая память в германской устной традиции // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Л.П. Репина. М., 2006. С. 180–222.

Культура и искусство средневековой Швеции. Программа курса // Швеция. Программы курсов. М., РГГУ, 2005. С. 105–111.

Репрезентация устной дружинной традиции в летописных текстах // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 293–295.

Рунические мемориальные стелы: на перекрестье язычества и христианства // Шведская мозаика / Т.А. Салычева. М., 2006. С. 49–61.

Формирование древнешведского государства в региональной перспективе // Сущность и метаморфозы шведской идентичности. Тез. докл. М., 2006. С. 7–9.

Trade routes and runic literacy in Eastern Europe // Furs and Runes. Umeå, 2006.

Отв. ред.: ВЕДС. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006.

Отв. ред.: ДГ. 2004 год. М., 2006 (совм. с Т.В. Гимоном).

2007

Верхнее Поднепровье в представлениях составителя «Повести временных лет», Гнёздово и Смоленск // Роль Смоленска в становлении Российского государства. Смоленск, 2007.

Несколько замечаний к «Истории татар с древнейших времен»: Об авторском праве, научной этике и о том, как на ссылку времени не хватило // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 421–432 (совм. с Л.В. Столяровой).

Похороны князя-язычника в «Повести временных лет» // ВЕДС. XIX: Политические институты и верховная власть. 2007. С. 151–157.

Пути и народы: К характеристике ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Чернигів в середньвіччій і ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернигів, 2007. С. 68–77.

Святыни Константинополя в древнескандинавском трактате // Родное и вселенское. Сб. статей к 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2007. С. 217–237.

«Сказания о первых князьях»: Принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио: Сб. ст. в честь Л.П. Репиной. М., 2007. Т. 1. С. 118–131.

The Baltic Policy of Jaroslav the Wise // Cultural Interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe / U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk. Stockholm, 2007. P. 73–77.

Отв. ред.: ВЕДС. XIX: Политические институты и верховная власть. М., 2007.

Отв. ред. серии: Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006 («Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).

Отв. ред.: Щавелёв А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

2008

Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 78–133.

Волжский путь в ментальной карте составителя «Повести временных лет» // Труды по русской истории, археологии и филологии. Сб. науч. ст. в память о 60-летию И. В. Дубова. СПб., 2008. С. 128–136.

Время устных преданий в составе «Повести временных лет» и время летописца // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 3. С. 76–78.

«Из варяг в греки» // Большая Российская энциклопедия. В 30 т. М., 2008. Т. 10: Железное дерево — Излучение. С. 733–734.

«Исторический источник неисчерпаем»: К 40-летию школы В. Т. Пашуто // СВ. 2008. Вып. 69 (3). С. 9–45.

К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 240–249.

Легенда об азиатской прародине в средневековой Скандинавии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век: Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 359–361.

О юридическом статусе Готского двора в XIII в. // XVI Сканд. конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 161–164.

От редактора // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 6–7. (совм. с И. Н. Данилевским).

Отголоски скандинавского язычества в древнерусской воинской культуре // История общественного сознания: становление и эволюция: Сб. памяти А. О. Амелькина. Воронеж, 2008. С. 39–44.

Отражение дружинной исторической традиции в Повести временных лет и в Новгородской первой летописи // Дньеслово: Збірка праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка с нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 27–33.

Путь как структурная основа ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ВЕДС. XX: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. 2008. С. 150–156.

Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 47–75.

Рюрики и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII вв. // <<http://byzantinorossica.org.ru/byzrusvar.html>>.

Темпоральность исторической памяти: «Героические эпохи» германских народов // Время в координатах истории. Тез. междунар. науч. конф. / М. С. Бобкова. М., 2008. С. 39–42.

Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2008. № 2 (32). С. 12–26.

Формирование древнешведского государства в региональной перспективе // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 13–20.

Эймунд Хрингссон, Ингигерд и Ярослав Мудрый: источниковедческие наблюдения // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008. С. 144–160.

sakum-формула в надписи на камне из Рёка // Германистика, скандинавистика, историческая поэтика. К дню рождения О. А. Смирницкой. М., 2008. С. 158–170.

Отв. ред.: ВЕДС. XX: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2008.

Отв. ред. серии: ДГ. 2005 год. М., 2008.

Отв. ред.: Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008.

2009

Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни... Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 340–347.

Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. (Эрмитажный сборник). С. 89–100.

Географические сочинения // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2009. Т. V: Древнескандинавские источники. С. 311–329.

О юридическом статусе Готского двора в Новгороде в середине XIII в. // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию В. Л. Янина. М., 2009. С. 95–103.

«Орозий» короля Альфреда // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2009. Т. V: Древнескандинавские источники. С. 11–20.

Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. 2009. № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57.

Ренессанс середньовіччя? Роздуми про міфотворчість у сучасній історичній науці // Український історичний журнал. 2009. № 4. С. 17–27.

Россия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: Восприятие, отношение, интерпретация. 2009. С. 201–209.

Рунические надписи // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2009. Т. V: Древнескандинавские источники. С. 21–52.

The Acculturation of Scandinavians in Ancient Rus according to Language and Literature. Аккультурация скандинавов в Древней Руси по данным языка и письменности // На Запад и на Восток. Межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура, память, идентичность. Великий Новгород, 2009. С. 46–48.

Eymundar saga Hringssonar: literary representation of oral tradition // á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference. Uppsala 9th – 15th August 2009 / A. Nay et. al. Gävle, 2009. Vol. 2. P. 692–693.

Gutagård i Novgorod: dess förhistoria // Spaden och pennan. Visby, 2009. S. 483–498.

Отв. ред.: ВЕДС. XXI: Автор и его источник. Восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009.

Отв. ред. серии: ДГ. 2007 год: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009.

2010

Актуализация устной традиции: германский героический эпос в средневековой Скандинавии // ВЕДС. XXII: Устная традиция в письменном тексте. 2010. С. 193–198.

Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 43–57.

К предыстории Готского двора в Новгороде // История: Дар и долг: Юбилейный сб. в честь А. В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 184–198.

«Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 142–147.

Название Днепра в актуальной и эпической географической номенклатуре Древней Скандинавии // *Gaudeamus igitur*: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 260–267.

«По обычаю и закану»: об одном из источников сведений Константина Багрянородного о Восточной Европе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. СПб., 2010. Т. I. С. 507–513.

Пространственная ориентация в «Повести временных лет» // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 73–94.

Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 318–344.

Ряд «Сказания о призвании варягов» и его европейские и скандинавские параллели // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 249–256.

Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 217–241.

Современные исследования по источниковедению и истории древней и средневековой Восточной Европы // История. Электронный журнал. 2010. № 1 < http://www.mes.igh.ru/magazine/announce/sovremennye_issledovaniya_po_istochnikovedeniyu_i_istorii_Vostochnoy_Evropi.html>.

Скандинавы в Англии и Восточной Европе: формы интеграции // Россия и Британия на путях к взаимопониманию: Сб. докладов англо-российского симпозиума. М., 2010. С. 403–416.

Translating the Bible into heroic epics: Anglo-Saxon religious poems // IASS 2010. XXVIII Study Conference 3–7 August. Translation — Adaptation, Interpretation, Transformation. Abstracts. Lund, 2010. P. 155.

Sakum-formula of the Rök inscription in the context of oral tradition // Run-symposium. Oslo, 2010 < <http://www.khm.uio.no/forskning/publikasjoner/runenews/7th-symp/template.html>>.

Отв. ред.: ВЕДС. XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010.

Отв. ред. серии: ДГ. 2006 год. М., 2010.

Отв. ред. серии: ДГ. 2009 год. М., 2010.

2011

Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 255–268.

Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 188–197.

Русь и Норвегия в североευропейском контексте // Долгое средневековье. Сборник в честь профессора Аделаиды Анатольевны Сванидзе / А. К. Гладков, П. Ю. Уваров. М., 2011. С. 149–154.

911: retour sur les traités // Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIIIe–XVe s.) [Catalogue de l'exposition], Caen, Musée de Normandie, 24 juin – 31 octobre 2011 / S. Berthelot, A. Musin. P., 2011. P. 19–25 (avec P. Bauduin).

L'acculturation des Scandinaves en Europe orientale: quelques jalons pour une comparaison // Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIIIe–XVe s.) [Catalogue de l'exposition], Caen, Musée de Normandie, 24 juin – 31 octobre 2011 / S. Berthelot, A. Musin. P., 2011. P. 27–29 (avec P. Bauduin).

Отв. ред.: ВЕДС. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011.

Отв. ред.: Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011 (совм. с Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосиновым).

Список сокращений

- Академ. — Академическая летопись
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. — СПб.
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко. СПб.
ВВ — Византийский временник. М.
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Тезисы докладов (Материалы конференции). М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л. — СПб.
Воскрес. — Воскресенская летопись
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (с 1975 по 1993 г.); Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования (с 1994 г.). М.
Джаксон Т. Н. ИКС-1993 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993
Джаксон Т. Н. ИКС-1994 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994
Джаксон Т. Н. ИКС-2000 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 2000
ДИ — Древнейшие источники по истории Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие источники по истории народов СССР). М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.
Ипат. — Ипатьевская летопись
ИСССР — История СССР. М.

- КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
- Лавр. — Лаврентьевская летопись
- Мельникова Е. А. СРН — Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977
- Мельникова Е. А. СРН ННИ — Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- НГБ. I — *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1951 г. М., 1953
- НГБ. III — *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958
- НГБ. IV — *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955–1961 гг. М., 1963
- НГБ. VII — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978
- НГБ. VIII — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 гг. М., 1986
- НГБ. IX — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993
- Ник. — Никоновская летопись
- НИС — Новгородский исторический сборник. Л. — СПб.
- НПЛ — а) Новгородская первая летопись;
б) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; 2-е репр. изд. ПСРЛ. М., 2000. Т. III
- НIVЛ — Новгородская четвертая летопись
- о. — остров
- оз. — озеро
- ОИ — Отечественная история. М.
- ПВЛ — «Повесть временных лет»
- ПВЛ-1950 — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950
- ПВЛ-1996 — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 1996
- ПРП-1 — Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин

ПРП-2 — Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1953. Вып. 2:
 Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост.
 А. А. Зимин
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 р. — река
 РА — Российская археология. М.
 Радз. — Радзивилловская летопись
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
 СА — Советская археология. М.
 СВ — Средние века. М.
 Син. тип. — Синодальная типография (РГАДА. Ф. 381)
 Сканд. конф. — Конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов
 СС — Скандинавский сборник. Таллинн
 СЭ — Советская этнография. М.
 СИЛ — Софийская первая летопись
 ТЗС — Труды по знаковым системам (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).
 Тарту
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л. – СПб.
 Троицк. — Троицкая летопись
 Aarbøger — Aarbøger for nordisk oldkyndighet og historie / Kong. Nordiske Oldskriftselskab. København, 1866. B. I. ff.
 Adam — Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler // MGH SRG. Hannover; Leipzig, 1917
 ADNVAO — Avhandlingar utgitt av Det norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II: Hist.-filos. klasse
 ANF — Arkiv för nordisk filologi. Kristiania, 1883–1889; Lund, 1889 ff.
 BAR — British Archaeological Reports. Oxford
 BGA VI, VII — Bibliotheca geographorum arabicorum / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889 (T. VI), 1892 (T. VII)
 DR — Danmarks runeindskrifter / L. Jacobsen, E. Moltke. København, 1941–1942. B. 1–2
 EHR — English Historical Review. London
 EMS — Early Medieval Studies. Stockholm
 (F)HT — Historisk Tidskrift för Finland. Helsingfors, 1916 ff.
 FzOG — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin
 HUB — Hansisches Urkundenbuch / K. Höhlbaum. Halle, 1876. Bd. I.
 ÍF — Íslensk fornrit. Reykjavík
 JBS — Journal of Baltic Studies. Glasgo
 JEH — The Journal of Economic History. Cambridge

JfGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart – München — Regensburg
 JRNS — Journal of the Russian Numismatic Society. Santa Rosa
 KLNK — Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København, 1956–1978. B. I–XXII
 KVHAAH — Kgl. Vitterhets historie och antikvitets akademien handlingar. Stockholm
 Leo. Diac. — Leonis Diacom Caloensis Historiae libri X / Rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828
 Liud. — Liudprandi Antapodosis // Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia / Rec. I. Bekker. Hannoverae & Lipsiae, 1915
 LUB — Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Fr. G. von Bunge. Reval, 1853. Bd. 1: 1093–1300
 MGH SRG — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum
 MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover
 MHN — Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880
 MS — Mediaeval Scandinavia. Odense
 NAR — Norwegian Archaeological Review. Oslo
 ON — Old Norse
 OR — Old Russian
 OSw — Old Swedish
 ÓSH — Óláfs saga helga
 PVL — Povest' vremennykh let
 RS — Rocznik sławistyczny. Wrocław
 SAS — Studia anthroponymica Scandinavica. Tidskrift för personnamnforskning. Uppsala
 SEHR — Scandinavian Economic History Review. Copenhagen
 (S)HT — Historisk tidskrift. Utgiven av Svenska Historiska Föreningen. Stockholm, 1881 ff.
 SJH — Scandinavian Journal of History. Stockholm
 SR — Sveriges runinskrifter. Stockholm
 SUGNL — [Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København
 Up — Upplands runinskrifter. Uppsala
 UUÅ — Uppsala Universitets årsskrift. Uppsala, 1861 ff.
 Ög — Östergötlands runinskrifter. Stockholm

Содержание

От редакторов	7
<i>В. Я. Петрухин. Древняя Русь и Скандинавия в трудах Е. А. Мельниковой</i> ...	8

Часть I

Образование государства

<i>Е. А. Мельникова. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)</i>	15
<i>Е. А. Мельникова. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект)</i>	35
<i>Е. А. Мельникова. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства</i>	49
<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии)</i>	73
<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)</i>	82
<i>Е. А. Мельникова. Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен»</i>	101
<i>Е. А. Мельникова. Формирование территории Древнерусского государства в конце IX – начале X в.</i>	103
<i>Е. А. Мельникова. Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати</i>	109
<i>Е. А. Мельникова. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси</i> ...	114
<i>Е. А. Мельникова. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы</i>	123

Часть II

Скандинавы в истории Восточной Европы

<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.)</i>	133
<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг»</i>	153
<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии</i>	172
<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии</i>	190

<i>Е. А. Мельникова.</i> Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции	201
<i>Е. А. Мельникова.</i> Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в.	217
<i>Е. А. Мельникова.</i> К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей	241
<i>Е. А. Мельникова.</i> Ряд в Сказании о призвании варягов и его европейские и скандинавские параллели	249
<i>Elena A. Melnikova.</i> The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy	257
<i>Е. А. Мельникова.</i> Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности	269
<i>Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина.</i> Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы)	279

Часть III

Древнерусское государство и скандинавы

<i>Е. А. Мельникова.</i> Балтийская политика Ярослава Мудрого	301
<i>Е. А. Мельникова.</i> Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе	345
<i>Е. А. Мельникова.</i> «Торговый мир» Руси и Норвегии 1024–1028 гг.	354
<i>Elena A. Melnikova.</i> Þar var eigi kaupfriðr í milli Sveins ok Jarizleifs: A Russian-Norwegian Trade Treaty Concluded in 1024–1028?	359
<i>Е. А. Мельникова.</i> К предыстории Готского двора в Новгороде	371
<i>Е. А. Мельникова.</i> О юридическом статусе Готского двора в Новгороде в середине XIII в.	385
<i>Elena Melnikova.</i> Varangians and the Advance of Christianity to Rus' in the Ninth and Tenth Centuries	396

Часть IV

Древняя Русь на международных путях

<i>Е. А. Мельникова.</i> Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э.	421
<i>Е. А. Мельникова.</i> Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках	433
<i>Е. А. Мельникова.</i> Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути	441
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Е. А. МЕЛЬНИКОВОЙ	449
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	470

Научное издание

**Е. А. Мельникова
Древняя Русь и Скандинавия
Избранные труды**

Под редакцией Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон

Компьютерная верстка: Е.Г. Иванов
Дизайн обложки: Е.А. Горева

Подписано в печать 28.10.11. Бумага офсетная.
Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 31,0. Тираж 1500 экз. Заказ № ????

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6